

Мария СЕМЁНОВА | Maria SEMENOVA

ВОЛКОДАВ
Знамение пути
Самоцветные горы

Мария СЕМЁНОВА | Maria SEMENOVA

Мария СЕМЁНОВА | Maria SEMENOVA

ВОЛКОДАВ
Знамение пути
Самоцветные горы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Азбука-классика
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)-44
С30

Компьютерный дизайн: Ю.А. Хаджи

Подписано в печать 10.11.06 г. Формат 84×108 1/12.
Усл. печ. л. 36,98. Доп. тираж 7000 экз. Заказ № 2787.

ВойдавTM

— зарегистрированная торговая марка

ISBN 5-17-023904-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-352-00814-2 («Азбука-классика»)

© М. Семёнова, 1996

© «Азбука-классика», 2004

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2004

ЗНАМЕНИЕ ПУТИ

Автор сердечно благодарит

Владимира Тагировича Тагирова,
Павла Вячеславовича Молитвина,
Ирину Сергеевну Костину,
Александра Сергеевича Расовского,
Адель Левтовну Геворкян,
Наталью Васильевну Герасименко,
Игоря Александровича Сухачёва,
Александра Григорьевича Таненя,
Наталью Александровну Ожигову,
Сергея Александровича Романюгу,
Рамиля Равильевича Бикинеева,
Олега Николаевича Мелентьева,
Леона Леоновича Абрамова —
за ценнейшую информацию и советы,

Хокана Норелиуса (Швеция) и
Дмитрия Олеговича Фурманского —
за компьютерную поддержку,

а также

Издательство «Азбука» —
за понимание и терпение в сложной
жизненной ситуации.

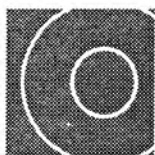
*В низкое небо смотрят глазницы
Улиц пустых и гулких дворов.
Медленный вихрь листаёт страницы
Воспоминаний, мыслей и слов.*

*Не передвинешь — названы сроки,
И не возьмёшь с собой за порог
Писем забытых жёлтые строки
В траурных лентах старых дорог.*

*Холодно что-то стало на свете...
Всё обретает истинный вид:
Милой улыбки нет на портрете —
Злая усмешка губы кривит.*

*А ведь когда-то — дальше от края —
Думал, что вечно будешь любим...
Саваном пыли след замечает
Времени ветер — неумолим.*

1. Ожидание

тгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Неживой блеск ночного светила превратил тёплую медь сосен в травленный булат старинных клинков. Было тихо, только чуть слышно лепетал вдалеке речной перекат. Это Звор, младший сын великой Светыни, спешил к матери и точил на своём пути землю, обнажая древние валуны.

Крылатая тень пронеслась между землёй и луной. Беззвучный силуэт скользнул по ветвям, по нежной лесной траве... по спине большого серого зверя, бежавшего через лес. Зверь был похож на волка и состоял с ним в тесном родстве, что, впрочем, не мешало двум родственникам люто ненавидеть друг друга. Через лес бежал матёрый кобель знаменитой веннской породы. Молчаливый, широкогрудый, поджарый — и сушая погибель, когда доходило до когтей и клыков.

Сосновые леса раскинулись по холмам, и из распадка в распадок тянулась натопанная тропа, по которой жители ближнего селения ходили в гости к соседям. Она вилась всё больше низинами. Кто полезет на крутой каменистый холм, если можно его обойти?

Пёс бежал когда по тропинке, когда напрямик, через черничник и вереск. Это не были его родные места, но он бежал очень уверенно, потому что знал, куда лежал его путь. Сереб-

ристый мех блестел и искрился в свете луны. А на шее у пса приминал пышную гриву широкий ошейник. Знак, которым люди издавна метят своих зверей, отделяя их от дикого мира. Ничего особенного этот ошейник собою не представлял. Не был он свит из золочёных шнуров, не был украшен резными серебряными пластинками. Простая потрёпанная кожа в два слоя, соединённая дратвой. В разное время прошлись по ней чьи-то когти и зубы, виднелся даже глубокий след от ножа...

Только поигрывала в прозрачном луче большая хрустальная бусина, намертво вделанная в тяжёлый ремень.

На макушке одного холма пёс остановился. Потом сел.

Южный склон этого холма когда-то давно, много людских поколений назад, размок от непрестанных дождей и сполз вниз весь целиком, обнажив каменную скалу. Подобных скал по окрестным местам известно было немало, но этот каменный лик превосходил все прочие. Он нависал с севера над небольшой долиной между холмами, прикрывая её от колючих ветров. Внизу, у гранитного подножия, протекал Белый ручей — сын могучего Звора, шустрый внучек Светыни. В какой-нибудь другой стране, менее взысканной* от Богов реками и озёрами, Белый сошёл бы за средних размеров речушку. Здесь, однако, изобильный и глубокий поток десяти шагов в ширину считался ручьём.

Весной на холмах таяли снежные сугробы высотой взрослому мужчине по шею. Талая вода текла вниз, и ручей разливался. Поднимался он достаточно высоко — избы стояли на почтительном удалении от бережка, там, где присутствие печного огня уже не могло оскорбить живущего в ручье Водяного. Возле самой воды стояла одна только кузница, да и то — на пригорке, над особо устроенной запрудой. Всем известно, что у кузнеца с Водяным свой завет.

Другой, и не менее чтимый, завет требует устраивать кузницу опричь людского жилья. Это оттого, что кузнец творит

* *Взысканной, взыскивать* — здесь: оказывать высшую степень милости и расположения (либо гнева).

Тайну и беседует с Небом, а всякое дело, требующее высокого сосредоточения духа, лучше совершается в уединении. Что ж, в деревне, где жили венны из рода Пятнистых Оленей, кузница была поставлена честно. Человек злоязычный сказал бы, пожалуй, — могли выстроить и подальше. Этак у болота за лесом. Человек доброжелательный указал бы злоречивому на ручей: кузня всё-таки стояла на другой стороне. То есть, как от прадедов повелось, — почти в другом мире, ведь все знают, что реками изначально отделены друг от друга миры.

А человек приметливый тотчас рассудил бы, что и постройка, и запруда при ней выглядели совсем новенькими, свежими. Стояли они на своём месте всего, может быть, год. Весну, лето, осень, многоснежную зиму — и ещё половину весны.

И тот, кто строил, а теперь работал внутри, очень хотел понравиться Пятнистым Оленям. Как это и следует жениху, явившемуся по веннскому обычаю просить бус у невесты.

Несмотря на позднее время, над крышей кузницы вился дымок. Изнутри раздавался стук молотка, и тонкий нюх пса улавливал запахи огня и железа.

Ночью купец не смеет ни продавать, ни покупать, ночью не выносит приговоров судья. Их дела обязаны совершаться лишь днём, под присмотром справедливого Ока Богов. Кузнец выше купца и выше судьи. Когда бы он ни трудился у наковальни — всё благо...

Пёс неподвижно сидел на краю каменного откоса и смотрел на деревню. Из лесу чёрной бесформенной молнией выпорхнула большая летучая мышь. Такие, с голубя, водились много южнее, а в здешних лесах — нет. Тутюшние сородичи были слабее и мельче, драться и играть с ними оказалось неинтересно. Ночной летун коснулся крылом пёсхих ушей, молча облетел сидевшего зверя и устроился на ветке сосны у него над головой. Ярко светила луна, и было видно, что чёрная шерсть на грудке и загривке Мыша не просто отливала вороним метал-

лическим блеском, а ещё и серебрилась — красиво и густо. Пещерные мыши из Самоцветных гор живут долго. Уж во всяком случае куда дольше каторжников, которые работают там в рудниках. Крылатому охотнику ещё далеко было до дряхлости. Его клыки даже не начали стачиваться, как бывает у стариков. Новое украшение лишь означало мужественную зрелость.

Пёс не двигался и смотрел на деревню.

Крыши в домах были низко нахлобученные, земляные, заросшие травой и цветами. Только возле охлупней рдели, светились отверстия дымогонов.

В одной избе отворилась дверь. Пёс вздрогнул, подался вперёд, пушистый хвост в траве неуверенно дёрнулся... В светлом прямоугольнике входа возник девичий силуэт. Девушка шагнула наружу, и дверь за спиной бухнула. Тихий ночной воздух легко разносил звуки. Девушка, нынче встречавшая свою семнадцатую весну, прошла у стены долгого общинного дома и отправилась по тропинке к ручью. В руке она держала корзинку, накрытую полотенцем. Она несла ужин кузнецу, припозднившемуся с работой.

Пёс на краю обрыва лёг и опустил голову на передние лапы. Вдохнул...

Почти одновременно с девушкой из леса по ту сторону ручья вышли олени. Рогатый вожак с подругами и потомством. Здешние олени испокон веку жили с людьми в доверии и любви. Точно так же веннам из рода Синицы желтогрудые птахи садились безбоязненно на ладонь, а детей рода Гадюки никогда не кусали ядовитые змеи — даже когда ребятишки по недомыслию хватали их за хвосты.

Девушка перешла ручей по камням, заботливо уложенным в русло, — большим, плоским, шершавым: чтобы не сорвалась с мокрого, не соскользнула нога. Олени, конечно, давно заметили и узнали её. Они знали всех живших в деревне. Жившие в деревне были друзья. И даже более, чем друзья. Кровные родственники. Насчёт кровного родства зверя не обманешь, он за

версту чувствует, где оно настоящее, а где нет. Много лет и зим, много поколений назад, будущая Праматерь людского племени спасалась от небывалого наводнения, затопившего лес. И плохо бы ей пришлось, ибо она поранила ногу и не могла быстро бежать, — но отколь ни возмись налетел красавец Олень, принял женщину на свою могучую спину, в полную скачь унёс от беды. А когда всё миновало — как водится, ударился оземь и обернулся молодым статным мужчиной... С того пошёл род. Люди помнили об этом. И олени помнили.

Пёс видел, как две юные важенки отделились от стада и первыми побежали навстречу — радостно, без робости, без боязни. Они встретили свою человеческую сестрёнку возле переправы. Девушка в длинной веннской рубаше и красно-синей с белой ниткой понёве соступила с последнего камня на берег. Слуха пса достиг её смех. Оленухи щекотали носами её руки, гладившие любопытные мордочки. Поздоровавшись, лесные девчонки потянулись к корзине. Старые, величавые самки и важный вожак немедленно заметили это и, позабыв гордиться, дружно прибавили шаг.

Родне в пятнистых меховых шубках досталось по доброму ломтю подсолённого хлеба. Пёс смотрел с холма на лакомящихся оленей и знал, что хлеб, оставленный в корзине для ужина, был вынут совсем из другой печи. Не из той, что пекла хлеб для оленей и их родичей-веннов. Это потому, что молодой кузнец, звонко бывший молотом по наковальне, был не родственником, а гостем. Да таким, что угощать его за своим столом, принимая в родню, было никак невозможно.

Венны чтит старинный закон: тех не берут в мужья, с кем вместе едят. А коли уж парень из рода Щегла пришёл сюда, вознамерившись стать женихом... Женихом славницы-Оленюшки...

Пёс смотрел с обрыва на кузницу, изредка моргая.

Его насторожённых ушей достигали далёкие отзвуки двух человеческих голосов. Слов разобрать он не мог, но в этом не было необходимости. Парень с девушкой дружески болтали, смеялись чему-то...

Мышь слетел с ветки и сел на камень рядом с головой пса. Тот покосился на него и вновь стал смотреть.

Ему не требовалось бежать вниз и слушать возле двери. Он и так знал, что происходило в кузнице. Своими глазами много раз видел... в другом месте, в другом времени... в другой жизни.

Там, внутри, на опрятно обмахнутом верстаке разложено браное полотенце, а на нём стоит глиняная миса с чисто облизанной ложкой. Пришедшего в женихи — да притом ещё кузнеца — кормят на славу, так, что он капельки недоеденной не оставит, уберёт в рот даже сверх съта. И хлеба на полотенце не покинет ни крошки. Грех это, хлеб крошить и крошки бросать. Не можно такого содеять юному жениху. Выгонят. И от срама до старости не отмоешься.*

А парень с девкой сидят на лавке возле стены, и горит перед ними светец, и шипят угольки, падая в корытце с водой. Светец, может, тот самый, что парнёк сегодня докончил. Со славно оттянутым, заострённым нижним концом и расцепами, куда вставляют лучину. Люди, слепые на красоту, для этого просто надрубают металл: держит щепку — и ладно! Но молодой кузнец, конечно, постарался на совесть. Лучина у него покоится между живыми цветочными лепестками, в загнутых лапках тычинок. И цветок не абы какой, а в точности тот, что возле кузницы, перед порогом расцвёл. Расцвёл и Оленюшке понравился. То-то каждый листочек подпилком тщательно выведен. И, чего доброго, ещё бабочка сверху присела, сладкий сок пробует...

Был такой светец в иной жизни, в ином месте и времени. Далеко отсюда, давно...

Девушка любит славным светцом, а парень любит с девушкой. И беда ли ему, что будущую невесту не назовёшь стройной на диво, и губы у неё не вишнёвые, а самые обыкновенные, и коса не такая роскошная, как у иных. Гнал бы за великой кра-

* Браное — вытканное по старинному способу, с рельефными узорами, образованными переплетением нитей.

сой — стояла бы его кузница ныне где-нибудь в другом месте. В другом роду. Ан ведь нет. Здесь выстроена.

Вежливый парень не ловит мозолистыми пятернями девичьих рук, не пытается припасть устами к устам. Может, сердце ретивое в нём так и пылает, так и зовёт — ну да что с того? Он сидит чинно, мечтая про себя, чтобы вдруг рухнула в кузне крепкая крыша, рассыпались ладные стены... дали случай подхватить Оленюшку, прижать к широкой груди, на руках спасти от беды! Но не рушится кров, не падают стены. И, собравшись с духом, кузнец показывает девушке красный ожог на запястье. Оленюшка тоже не вчера родилась, видывала виды похуже. Что такое ожог с ноготь величиной? На запястье, которое шире её обеих, сложенных вместе?.. Но отчего-то девушка ахает, берёт-таки его руку, склоняется посмотреть. Заботливо спрашивает, кропил ли он больное место простоквашей. Кропил, отвечает парень. Только не простоквашей. И оба хохочут.

Потом дверь кузни снова открылась, и они появились наружу. Пёс видел: вот подошли к переправе и парень взял девушку за руку. Это правильно. Мало ли что она снуёт туда и сюда по сто раз на дню и не оскальзывается! Без него — пусть. С ним — только так, так надёжней.

Молодой кузнец проводил Оленюшку до крыльца матушкиной избы. Сам пошёл к общинному дому, где всегда селят гостей. Девушка стояла на крыльце, смутно белея в лунной тени. Когда парень исчез в доме, она не сразу ушла. Ещё постояла, глядя за ручей, на пасущихся оленей... Пёс на холме шевельнулся и встал. Скроется Оленюшка — уходить и ему.

Она вправду вроде протянула руку к двери... И вдруг обернулась. И посмотрела прямо на холм, на обрывистый каменный лик, на его срезанную вершину.

И хрустальная бусина, вшитая в пёсий ошейник, нечаянно бросила ей в зрачки лунный луч, отражённый чистыми гранями. Длилось это мгновение.

Водные потоки действительно разделяют миры. Не всегда, конечно. За ручьём — курице перелететь — совсем не обязательно начинается иной мир. Но любой замечал, что на ТОЙ стороне и деревья лесные кажутся чуть-чуть не такими, чем ЗДЕСЬ. И птицы, и звери. Не говоря уж о людях, которые там живут. Не обязательно другой мир. Просто — чуть-чуть, а ДРУГОЕ...

Пёс долго бежал вдоль ручья, ища нужное место. И примерно через версту достиг падуна: вода слитной толщей лилась через каменный край и падала с высоты в три человеческих роста, дробясь о камни внизу. Оттуда, снизу, слышался спокойный глухой гул и всплывали клочья тумана. Сюда люди из рода Пятнистых Оленей ходили ловить таймень с чешуйчатыми боками, сияющими радужой водопадов. Здесь пёс повернулся к ручью и с разбегу махнул через бегущий поток. Прямо сквозь туман, клубившийся над водой. Мыш догнал его и на лету вцепился в густую шерсть на загривке.

Если бы кто нашёл следы пса у деревни и надумал скуки ради их попытать, он добрался бы только до этого места. След вёл вначале отсюда на тот обрывистый холм и после обратно, замыкаясь в кольцо. И всё. Больше нигде никаких метин. В том числе и на другом берегу.

Далеко-далеко, по ту сторону широкого моря, в это время шёл дождь. Солнце, закатившееся над страной веннов, там только начало клониться на запад. Время было ещё дневное, но Око Богов отграничивали от земли такие тяжёлые и плотные тучи, что казалось — уже наступил вечер, вот-вот сомкнёт покров темноты.

Вместо холмов и лесного ручья здесь были каменистые горы, начинавшиеся прямо из волн. Они поднимались над поверхностью сперва малыми островками. Голыми скальными костями, обглоданными ветром и морем. Волны закипали у их подножий и легко перекачивались через макушки. Ближе к матёрому бе-

регу островки делались выше и одевались в свежую зелень. Потом выходили на сушу и становились отрогами горного хребта. В мокром сумраке не разглядеть было вершин. Тучи просто упирались в горные кручи и висели на месте, изливаясь дождём. На высоких перевалах царил холод, там вместо дождя сыпался густой снег. Прояснится небо — и горы снова предстанут в белых плащах. Такая уж здесь бывает весна.

Берег восставал из моря десятисаженным обрывом. Ветра особого не было, но у подножия скал тяжело и грозно ревел накат. Где-то далеко бушевал шторм, раскинувший косматые крылья от Тар-Айвана до Аланиола. Отголоски, докатывавшиеся до западных берегов океана, вселяли трепет. Чёрные громады одна за другой надвигались на берег и с громом и грохотом превращались в облака брызг. Брызги плотной стеной взвивались над утёсистой кручей, и ветер уносил их в глубь страны, перемешивая с дождём...

За грядой островов матёрый берег отступал, выгибаясь исполинской подковой. Там рвались на ветру огни четырёх маяков, питаемые земляным маслом и не боящиеся дождя. Маяки указывали кораблям путь в гавань. Летящая мгла почти не давала разглядеть город, только сторожевые башни угадывались вдалеке. Город носил звучное и красивое имя: Тин-Вилена. Младшая Сестра, как ещё называли.

На окончных скалах мыса было безлюдно. Сюда и при ярком-то солнце мало кто забредал, тем более ныне — кто в своём уме будет зря терпеть холодную сырость, легко проникающую сквозь кожаный плащ, сквозь стёганую телогрейку?.. Оттого некому было заметить, как в некоторый миг через кромку утёса взвились особенно плотные клочья пены и брызг... Когда же ветер утащил их прочь и развеял — стало видно, что прочь от моря бежал большой серый пёс. И у него на загривке, зябко и недовольно нахохлившись, сидела летучая мышь.

А глаза у пса были такие, каких у собак не бывает. Серозелёные. Человеческие.

Когда этот человек приходил в Тин-Вилену и появлялся в «Белом Коне», вышибала при входе кланялся ему в пояс, а корчмарь Айр-Донн каждый раз пытался отказываться от денег за еду и питьё:

— У меня и так весь твой заработок лежит, Волкодав. Я его в оборот пускаю и богатею с того. И ещё ты мне за что-то будешь платить?

Человек по имени Волкодав только усмехался. Молча оставлял деньги и уходил. Айр-Донн возмущался, воздевал руки и сквернословил, поминая божественные копыта Трёхрогого. Он был из восточных вельхов и на заморской чужбине хранил обычаи родины со всем упорством и рвением, которыми славится его племя. Одна беда — нашла коса на камень. Волкодав тоже родился за морем. И добро бы в каком праведном месте, населённом покладистым и тихим народом, а то — в диких веннских лесах. Сиречь упрямец уже вовсе непроходимый. Хуже всякого вельха.

В этот дождливый, бессолнечный день корчма Айр-Донна наполнилась раньше обычного. Скверная погода поневоле загоняет под крышу, и в особенности — к тёплому очагу, к доброй выпивке и еде. Тем и другим «Белый Конь» был в городе славен. Сюда охотно шли горожане, сюда шумно вваливались мореходы, отвыкшие в долгом переходе от свежих человеческих лиц. Особенно — женских.

— Пива, красавица! И не этой аррантской бурды, которую зачем только из-за моря везут! Местного подавай!..

— И курочек пару! Да побольше соуса, соуса!..

— А сама к нам, красавица, не присядешь? Некогда тебе? Ну, беги...

Служаночки в самом деле бегали, как настёганные. Складывали в поясные кармашки позвякивающие монетки. Стряпухи на кухне угорело метались от жаровни и сковородок к земляной печи и от неё к пузатой копильне.

Все мы, братишка, кто поздно, кто рано,
Сгинем в холодных волнах океана.
В кои-то веки добравшись на сушу,
Как тут в трактире не выплеснуть душу?
Ну-ка, подруга, пивка на полушку,
Да пощедрее наполни нам кружку!
Пусть оно в глотки потоком прольётся —
Выпьем за тех, кто уже не вернётся.
Выпьем за пахарей сумрачной пашни,
Кто разворачивал парус бесстрашно,
Кто навсегда у подводного Бога
Загостевал в Его мокрых чертогах.
Поздно ли, рано ли — все под волнами
В круг соберёмся за теми столами...

Волкодав появлялся всегда поздно. Но, как бы ни была на-
бита корчма, у Айр-Донна для него непременно находилось
местечко. И мисочка свежей сметаны. Тот её очень любил, а
вельх чуть не единственный в Тин-Вилене умел готовить это
чужеземное лакомство.

Сегодня венна почему-то всё не было видно, и корчмарь
косился на дверь. Он знал: служба у Волкодава была такая,
что не позавидуешь. Жрецы Богов-Близнецов шуток не шу-
тят.

Вышибалой у Айр-Донна стоял крепкий темноволосый нар-
лак. В кожаных штанах и, как полагалось молодому мужчине
его племени, при кожаной безрукавке. Несмотря на промозг-
лый вечер — на голое тело, чтобы всякий мог оценить и презре-
ние к холоду, и красивые точёные мышцы. Страна нарлаков
тоже лежала очень далеко. Но такова была Тин-Вилена: насе-
ляли её почти сплошь выходцы из-за моря. И недавно приехав-
шие, и родившиеся уже здесь.

И песня, которую они пели, тоже приплыла сюда по солё-
ным волнам, на корабле отчаянного купца. Завезли её, кажет-
ся, из сольвеннских земель, из стольного Галирада, где слагал
знаменитые стихи одноглазый поэт Декша Белоголовый.
Впрочем, Айр-Донн не стал бы ручаться, поскольку точно не
знал.

Другой край шторма висел над морем много севернее и восточнее Тин-Вилены, там, где на несколько дней пути вокруг не было населённой земли. Тучи здесь медленно закручивались рваными тяжёлыми полосами, а между ними сияла неистовая холодная голубизна и щедро лилось бледное золото солнца. В южной стороне горизонта тучи смыкались, и небо обнимала непогожая тьма. Оттуда шли высокие волны. Попадая на солнце, они искрились глыбами зоркого* зеленоватого хрусталя. Хмурый небоскат дарил им сумрачные свинцовые блики и сообщал пенным шапкам особую нестерпимую белизну. Ближе к границе моря и неба, куда не достигал солнечный свет, валы становились вереницами серых привидений, шествовавших из ниоткуда в никуда.

Ни морщинки, ни складки не было на ярком бело-синем клетчатом парусе, растянутом вдоль корабля, — тот шёл в-третье-ветра, направляемый опытной и отважной рукой. Очередная волна ударила «косатке» в ясеневую скулу, и корабль встрепенулся до кончика мачты — упруго и весело, точно бодрый конь, в охотку преодолевающий подъём. Нос, увенчанный резной головой чудища, высоко вырвался из воды, потом рухнул обратно, и над бортом взвилась прозрачная стена. Ещё миг — и, дробясь на лету, вода хлестнула по палубе. Семьдесят молодых мужских глоток отозвались смехом и руганью, кто-то на всякий случай прижал сапогом край кожаного полога, прятавшего трюмный лаз.

Там, в трюме, горел маленький очажок, устроенный особым образом, так, чтобы и штормовых волн не бояться, и не вызвать пожара на корабле. Людям, проводящим вдали от берега много дней подряд, нужно тепло, нужна горячая пища. Островные сегваны, поколениями ходившие в море, на корабле себя чувствовали едва ли не уверенней, чем на твёрдой земле. Впереди грозил шторм, под килем корабля до дна морского простирались,

* *Зоркого, зоркий* — ясный, прозрачный.

может быть, вёрсты, — а у них булькал себе над огнём закопчённый котёл и, как ни качайся корабль, — не плеснёт, не перевернётся.

Возле котла хлопотал немолодой воин с кудрявыми сидящими волосами, по обычаю Островов связанными в длинный хвост на затылке. Котёл булькал, распространяя густой запах мёда и пряностей. Пожилой сегван мешал варево длинной деревянной ложкой, держа её в левой руке. Правая у него отсутствовала по локоть и годилась только на то, чтобы прижимать к боку большую оплетённую бутыль, пока левая вытаскивает из неё пробку.

Едва калека извлёк эту бутыль из усталенной соломой корзины, как под полог всунулись сразу три головы:

— Давай мы раскупорим, Аптахар. Тебе же с одной рукой, поди, неудобно...

— Я вас!.. — рявкнул названный Аптахаром и замахнулся на лукавцев ложкой, отчего те с хохотом убрались. — Лакомки... — проворчал он, справляясь с туго заколоченной пробкой. К запахам из котла тотчас добавилось крепкое хмельное благоухание. Понятно, доверять молодцам открывание столь драгоценной бутылки было никак невозможно. Вернули бы, Хёгг их проглотит, одни слёзы на донышке.

Спиной ощущая жадные взгляды, Аптахар отмерил жидкость из бутылки пузатой кожаной кружкой. Вылил в котёл, размешал, дал слегка покипеть. Зачерпнул, поднёс ко рту...

Сзади тоскливо и протяжно вздохнули.

Аптахар свирепо покосился через плечо, вновь наполнил кружку до половины и опорожнил в котёл. Ещё раз попробовал... На сей раз вкус удовлетворил его. Он заткнул и спрятал бутылку, черпнул из котла — и, бережно держа кружку перед собой, выбрался на палубу из трюма. Прикрыл полой плаща и отправился на корму. Брызги из-за борта летели, как стрелы.

Человек сухопутный уж точно не донёс бы в целости кружку, полную почти до краёв, а скорее всего — и вовсе не устоял на ногах. Разве что схватился бы за снасти, за скамьи, за плечи

сидевших... Однорукому Аптахару подмоги не требовалось. Шёл, как другие люди по земляному полу хором. Да он, правду молвить, в тех хоромах скорей споткнулся бы.

— Давай сюда кружку, мы уж передадим!.. — подначивали его.

— Я вам, бесстыжим, дерьма мешок нести не доверю! — отвечал старый воин.

Человек, что сидел на высоком кормовом сиденье, держа в руках правило, с дружеской усмешкой следил за приближавшимся Аптахаром. У него самого волосы горели на солнце тем светлым золотом, каким справедливые Боги очень редко одабривают даже сегванов, перебравшихся с Островов на Берег, — не говоря уже об иных племенах, обитающих в глубине суши. То есть рыжие и белобрысые, конечно, всюду встречаются, но таких, словно зимний утренний луч на чистом снегу, — замучаешься искать. Добравшись, Аптахар протянул вождю свой напсток:

— Отведай, кунс.

Кунс отведал. Всего один глоток. Согласно кивнул — и вернул кружку. Глаза у него тоже были, какие встречаются только у тех, кто поколениями живёт среди морской синевы. Цвета океана, нежащегося под солнцем, но способного всколыхнуться грозовой непогодой. Рука в плотной кожаной рукавице спокойно и чутко держала правило бегущего корабля. Ни лишнего напряжения, ни суеты. Аптахар вернулся к котлу и, нагнувшись, подтащил поближе большой кожаный короб. Стал одну за другой вынимать из него чашки и наполненными передавать в протянутые сверху руки. Сперва — для тех, кто сидел на носу корабля и принимал всего более оплеух и мокрых затрещин от налетающих волн. Потом — для тех, кто помещался посередине и на корме. Чашки, которые старый воин ловко извлекал из короба, были сами по себе замечательные. Не кожаные, не глиняные, не медные, даже не деревянные. Добрый мастер сработал их из льдисто-прозрачного, чуть тронутого зеленью стекла. Они чудесно сохраняли тепло и (многажды проверено!) не раз-

бивались, падая на твёрдую палубу и даже на камень. Но самой удивительной выдумкой стеклоvara было то, что чашки туго вкладывались одна в другую, занимая таким образом очень мало места, которого вечно не хватает на корабле. Кунс Винитар щедро заплатил за них в Галираде. Долго будут помнить вождя, который так заботится о своих людях! Подобной диковины, притом очень полезной, до сих пор не видали ни на одном корабле. Аптахар же про себя весьма гордился тем, что именно он привёл кунса во двор к стеклоvarу Остею...

...Раздав горячий напиток, старый сегван наконец-то налил себе и мужественно переборол искушение плеснуть в чашку лишнего из заветной бутылки. Пристрастие к хмельному люди стали за ним замечать примерно тогда же, когда он потерял руку: почти семь лет назад. Глупцы!.. Они видели только внешнее и полагали, будто он принялся топиться в вине из-за увечья. Истинная причина была гораздо глубже и горше, но о том ведал только кунс Винитар. Да ещё сын, молодой Авдика, дослужившийся до десятника в галирадской городской страже. Другим людям Аптахар ничего не рассказывал. И сам почти каждый день напивался, чтобы не вспоминать. В конце концов кунс неожиданно объявился в Галираде и сразу позвал старого товарища с собой в море. «Зачем я тебе, Винитар? — спросил однорукий калека. — Обуза лишняя...» — «У меня на «косатке» лишних не бывает», — сурово ответил вождь. И... приставил трясущегося с похмелья пьянчужку к корабельному очагу и котлу. К съестному. К тем самым бутылкам в просторной, мягко выстланной корзине. И сказал только: «Присмотри, чтобы каждому отогреться хватило...» Каково грести или менять парус, когда ветер срывает макушки волн и превращает их в рои ледяных копий, Аптахар очень хорошо знал. Он даже обиделся на вождя, хотя, конечно, виду не подал. И с тех пор был безгрешен.

Хотя злобный Хёгг, враг Богов и людей, каждый день терзал его искушением...

Аптахар смаковал последние капли напитка и как раз пришёл к выводу, что ныне медовуха удалась ему замечательная, —

когда сверху послышался голос парня, прозванного Рысью за остроту его глаз. Рысь был ещё и невысок ростом, и его, лёгкого, без труда подняли на верёвке на мачту: пусть-ка оглядится вокруг. Посулили чашку добавки, если высмотрит что занятное. Последний берег скрылся три дня назад, мореходы скучали. Рысь повертел головой в тёплой шапке... и почти сразу торжественно заорал:

— Парус! Парус справа в-пол-четверти!..

Его крик был полон того яростного ликования, которое наполняет душу воителя, чающего впереди битву. С кем, за что — велика ли важность! Главное — испытать доблесть свою и врага, радуя Отца Богов, взирающего с небес. Длиннобородый Храмм от века ссорит вождей, забирая достойнейших в Своё воинство. Он принимает тех, кто верно следовал за боевым кунсом, ища ему и себе славы, и наконец сложил голову, снискав восхищение друзей и врагов.

Когда дед Аптахара был молодым воином, он встречал много таких храбрецов. А кого не встречал сам, о тех был наслышан. Он без устали рассказывал об их подвигах сперва сыновьям, потом внукам. И всё ворчал, сетуя, до какой степени оскудел нынешний мир. Люди, носившие мечи во дни дедовой молодости, помышляли больше о чести, а теперь стремились только к добыче... Внуку не годится оспаривать мнение деда, но Аптахар всё косился на вождя, привставшего на корме, и в который раз решал про себя: если старик сейчас смотрит из небесных чертогов — то-то небось гладит сивую бороду от радости за него, Аптахара. Ибо на «косатке» у Винитара то ли воскресли, то ли просто не кончались времена, которые принято называть легендарными. Молодой кунс ни дать ни взять ощутил Аптахаровы мысли. Он поднялся на ноги и сказал так, чтобы слышали все, и ветер, гудевший в снастях, не смог заглушить его голоса.

— Мы сойдёмся с этим кораблём и узнаем, кто они и откуда. Если друзья, мы с ними обменяемся пивом. Если купцы, мы проводим их и проследим, чтобы никто не обидел...

«И они серебром оплатят нашу защиту, — подумал Аптахар с предвкушением. — Или товарами, которые везут продавать...»

— ...а если враги, — довершил кунс, — мы снимем с борта щиты и узнаем, чей меч лучше наточен.

Айр-Донн начал уже тревожиться, успев решить, что Волкодав нынче вечером к нему не зайдёт. Но вот один из посетителей, расплатившись, открыл было наружную дверь... и невольно шархнул назад, прижав рукой шапку, а завсегдатаи «Белого Коня» дружно засмеялись. Потому что снаружи, из мокрых сумерек, едва не чиркнув выходявшего по голове, стремительно и нетерпеливо влетел крылатый зверёк. Он очень не любил сырости — и, если уж не удавалось совсем её избежать, стремился как можно скорее вернуться в тепло. Летучая мышь пронеслась под потолком, роняя с чёрных крыльев капельки влаги, и уверенно опустилась на стойку. Маленький охотник знал, что здесь его ждёт угощение. За последние три года он ни разу не обманулся в своих ожиданиях. Вот и теперь Айр-Донн, улыбаясь, налил в особое, нарочно отведённое блюдечко немного молока и начал крошить хлеб. Мышь жадно шевелил носом, следя, как готовилось его любимое лакомство.

— Не сердись на него, почтенный, — сказал человеку в шапке мужчина, вошедший с улицы следом за зверьком.

Айр-Доннов посетитель отмахнулся:

— Да ладно тебе.

И вышел за дверь, а хозяин зверька отряхнул кожаный плащ и направился к стойке. В отличие от своего крылатого спутника, ничего особенного он собою не представлял. Особенно здесь, в Тин-Вилене, где можно было встретить сыновей и дочерей всех народов земли. Ну и что, что сломанный нос и шрам во всю левую щёку? Не красавец, конечно, и притом сразу видно, что нрава не особенно мирного, — но в корчме у Айр-Донна иной раз веселились молодцы, разрисованные ещё и похлеще. Мужчина был рослый, костлявый, широкоплечий, с длинными, гус-

то побитыми сединой волосами, потемневшими от дождя. Волосы были заплетены в две косы, перевязанные ремешками. На том, что справа, висела одинокая хрустальная бусина, закреплённая узелком.

— Здравствуй, Волкодав, — сказал ему Айр-Донн.

Тот отозвался:

— И тебе поздорову.

Корчмарь пододвинул ему большую дымящуюся чашку и спросил:

— Как уноты?*

Вот уже три с лишним года человек по имени Волкодав обучал жрецов Богов-Близнецов и их наёмников замечательному воинскому искусству, именуемому кан-киро. Всё это время Айр-Донн сочувственно выслушивал жалобы учеников. Их Наставник был самодуром и живодёром, и оставалось только гадать, за какие прегрешения судьба послала его парням в наказание вместо прежней Наставницы, всеми любимой Матери Кендарат... «Белый Конь» пользовался заслуженной славой, а сам вельх, как и всякий успешный содержатель корчмы, умел очень хорошо слушать. Жёны жаловались ему на мужей и мужья — на жён, и находили в том облегчение. Да к тому же все знали, что Айр-Донн не станет наушничать. Ему никогда не плакался на суровость Наставника только один парень. Да он, правду молвить, и в «Белом Коне» почти не показывался.

— Ученики, — проговорил Волкодав. — Один вот на днях уезжает.

— Да? — удивился хозяин. — Это кто же?

— Шо-ситайнец... Винойр.

Айр-Донн сразу припомнил улыбчивого меднокожего парня. Светлые волосы, чуть раскосые голубые глаза... лёгкое цепкое тело прирождённого всадника. Если бы у почтенного вельха была ещё одна дочь, он не раздумывая выдал бы её за Винойра. Вслух он сказал совершенно иное:

* Уноты, унот — юноша, ученик.

— Ты не называл его самым способным учеником.

И выставил мисочку заботливо приготовленной сметаны. Венн благодарно кивнул:

— Он уезжает не потому, что стало нечему учиться.

— Я слышал, — заметил Айр-Донн, — Хономер так и не уговорил парня встать на путь Блинецов. Не в этом ли причина?

Хономером звался молодой жрец, достигший, несмотря на свой возраст, очень высокого сана. Всё и вся подчинялось ему в храмовой крепости, стоявшей на холме близ Тин-Вилены. И даже недоброжелатели были уверены, что когда-нибудь на священном острове Толми будет новый властелин. По имени Хономер.

— Он не очень и старался, — сказал Волкодав. И замолчал. Годы дружбы с Айр-Донном не прибавили ему разговорчивости.

— Вот как? — удивился корчмарь.

Венн усмехнулся:

— Из Винойра жрец-воин, как из меня танцовщица.

— Это верно, — согласился Айр-Донн.

На Островах испокон веку было принято шить паруса из кож или тканей, окрашенных яркими красками, не облезаящими от морской сырости и яркого солнца. Причин тому имелось самое меньшее две. Лето с его буйством цветов в стране морских сегванов всегда было коротким, а после нашествия Ледяных Великанов стало уже совсем мимолётным. Большую часть года человеческий глаз видел только белое с серым да ещё чёрное. Оттого мастерицы, украшая одежды, не жалели ниток для яркого цветного узора; оттого обитателя Островов за версту нельзя было спутать с собратом по крови и языку — жителем Берега. Как уж тут не раскрасить обширное полотнище, которому судьба судила реять под серым небом, над серыми волнами! Пусть скорее заметят родичи и друзья, ждущие на берегу. Пусть обретёт надежду терпящий бедствие: помощь близко, держись! Пусть и враги увидят этот парус, раздуваемый ветром,

точно яркий боевой флаг. Пусть они знают: здесь их никто не боится...

Вот это и есть вторая причина. У каждого кунса свои цвета и узоры, двух одинаковых не найдёшь. Все вожди с кем-то в союзе или во вражде, и длится это столетиями. Перемены происходят нечасто. С кем дружил или воевал дед, с тем братается или режется внук. И как по одежде всегда можно определить, какого роду-племени человек, а значит, и выяснить, чего примерно следует от него ждать, — так по парусу нетрудно тотчас догадаться, кому принадлежит корабль. А стало быть, друг там или враг.

Кунс Винитар с острова Закатных Вершин происходил из очень древнего Старшего Рода. И потому рисунок на его парусе отличался благородной простотой: синяя да белая клетка. Злые языки говорят, будто во времена, когда началось исчисление этого Рода, других красок-то делать особенно не умели. Ветрило встречного корабля явно выдавало принадлежность его владельца к одному из Младших Родов. Поднятое над такой же, как у Винитара, боевой «косаткой», оно несло удивительные загогулины красного, жёлтого и зелёного цвета.

— Сам Забан?.. Вряд ли, — сказал Винитар. Дело всё отчётливее пахло стычкой, и он стоял на носу, передав рулевое весло одному из опытных воинов. — У Забана мачта повыше. Да и флюгер в золоте, как положено кунсу.

— И парус пошире, поскольку мореход он искусный, — рассудил Аптахар.

— И потом, мы же слышали в Кондаре — он отправился на восток! — добавил чей-то голос.

— Может, кто-то из его сыновей?

— Тогда где белые полосы?

— Протри глаза, кунс!

Люди, чьи места на «косатке» находятся на носу, имеют право советовать своему вождю, не соглашаться с ним и даже перечить. Могут и посмеяться, разговаривая как с равным. Они это право заслужили в бою.

— У него на штевне крылатая рыба, — разглядел зоркий Рысь.

— Должно быть, это Зоралик с острова Хмурого Человека, — пришёл к выводу Винитар.

— Не иначе, сумел доказать старому Забану, что он в самом деле его сын, — фыркнули рядом. — Только полосы нашить не успел.

История Зоралика не первый год была на слуху по всем Островам. Откуда в действительности появился этот человек, никто толком не знал. Думали, что скорее всего он был потомком рабов, которым перебравшиеся на Берег хозяева поручили брошенный двор и оставили добро, не поместившееся на корабле. Ничего постыдного и зазорного в такой доле люди не находили. Зоралик, однако, не пожелал мирно промыслять морского зверя или торговать рыбой, которой изобиловали холодные воды. Он жаждал принадлежать к какому угодно, пусть Младшему, но знатному Роду. Он где-то раздобыл или построил «косатку» — и начал разбойничать. На самом деле и в этом нельзя было усмотреть большого бесчестья. Достаточно вспомнить, с чего начинали пращуры многих нынешних Старших Родов, — а ведь в их времена небось тоже кто-то почитал за грех изменять установившийся в сегванской жизни порядок...

Недостойным было то, что Зоралик даже не попытался основать собственный Род. Вот тогда, если бы у него получилось, его заживо причислили бы к героям. Но нет! Сын рабов так и не сумел по-настоящему поверить в себя. Или просто наслушался сказаний, где славные деяния совершал непременно сын кунса. Этого сына могли похитить в младенчестве и вырастить невольником, не ведающим о своём знатном родстве. Однако благородной крови не спрячешь, и рано или поздно юноша поднимался на подвиги, и вот тут выяснялось, что знаки рода у него на груди были точно как у старого кунса с соседнего острова, давным-давно скорбевшего о наследнике...

Но легенды легендами, а в жизни всё происходит немного не так. И люди Островов очень не любят тех, кто забывает ис-

тинных родителей ради того, чтобы объявить себя сыном знатного человека. На которого — так уж вышло — судьба привела оказаться немного похожим.

— Хёггов хвост! Не повезло тебе, Зоралик, — вздохнул кто-то из ближников Винитара.

— Вот кого вправду оттрепать не мешало бы, — поддержал другой. — Давно меч в ножнах скачет, только всё случая не было.

— А если он вправду сын Забана, так и тем более, — приговорил Винитар. У Забана водилось немирье с другом и союзником его Рода. — Во имя трёхгранного кремня Туннворна! — уже в полный голос прокричал кунс. — Доставайте оружие!..

Могучие парни откупорили палубный люк, живо спрыгнули в трюм и начали поднимать крышки больших тяжёлых сундуков. Из рук в руки — каждый к своему владельцу — поплыли кожаные мешки, увесисто звякавшие при толчках. Сегваны не спеша надевали кольчуги, застёгивали нащёчники шлемов, опоясывались мечами. А зачем спешить? Вождям не годится начинать бой, пока все воины не будут должным образом готовы. И свои, и чужие. В особенности чужие! Иначе срам! Иначе о вожде скажут, будто он не решился надеяться на мужество побратимов и предпочёл напасть на безоружных, не надевших брони врагов!..

Айр-Донн вытер полотенцем очередную кружку и поскрёб ручку ногтем: привиделась трещинка. Палец, однако, ничего не обнаружил, и вельх убрал кружку на полку.

— А как ТОТ твой ученик?

Волкодав ответил не сразу... Молча дожевал хлеб, облизал и отложил ложку, перевернув чашечкой вниз, чтобы не добрался злой дух. Мыш охорашивал шёрстку, сидя у него на плече.

У венна в крепости вправду был ученик, которого они с Айр-Донном никогда не называли по имени. Собственно, Волкодав имени этого своего соплеменника и не знал. Лишь родовое прозвище: Волк.

Русоголовый парнишка с чистой и нежной, как у девушки, кожей и двумя тёмными родинками на левой щеке... «Я странствую во исполнение обета, данного матери. Я поклялся разыскать своего старшего брата, пропавшего много лет назад, или хоть вызнать, какая судьба постигла его...»

Одна сумасшедшая бабка напроорочила юному Волку, будто следы брата он разыщет здесь, в Тин-Вилене. И это сбылось — как, впрочем, сбылось всё остальное, что она ему предсказала. Об участии брата Волкодав поведал парню сразу и без утайки. С тех пор Волк не сказал ему ни единого слова. Ибо Правда его племени учит — негоже разговаривать с человеком, которому собираешься мстить.

Три года назад Волку-младшему было девятнадцать. Ровно столько, сколько судьба некогда отпустила его брату. Теперь он был старше.

— По-моему, — сказал Волкодав, — он скоро бросит мне вызов. — Подумал и добавил: — Жалко мне его. Это мой лучший унот... Но вот самого главного в кан-киро он так и не понял. И, видать, уже не поймёт.

Когда корабли сблизились, стало видно, что «косатка», подходившая с юго-запада, вправду принадлежала Зоралику. И на ней тоже вовсю готовились к бою. Хотя наверняка разглядели синие-белые клетки острова Закатных Вершин и позолоченный флюгер на мачте, свидетельствовавший — на борту сам Винитар. Что такое в морском бою Винитар и его люди, все хорошо знали, но Зоралика явно не смущала их грозная слава.

Когда стало возможно докричаться, с корабля на корабль полетели сперва задорные шутки, а после и оскорбления.

— Здоровы ли твои воины, Винитар? Мы слышали, ты всё больше протухшей рыбой их кормишь...

— Наш вождь не так беден, чтобы кормить нас тухлятиной, — долетело в ответ. — Нечего судить по себе.

Лодья Винитара как раз проходила с наветренной стороны. Люди Зоралика принялись затыкать носы и отмахиваться:

— Да вы там сами протухли...

Сыновья Закатных Вершин снова не остались в долгу:

— Это длиннородый Храмм посылает вам предупреждение! Вы сами скоро станете кормом для рыб!

А кто-то добавил:

— Вот тогда она вся и протухнет. Изнутри...

Корабли почти разошлись и уже готовились к новому развороту, когда воины Зоралика заметили однорукого Аптахара. Насмешки посыпались с удвоенным пылом:

— Совсем плохи у тебя дела, Винитар! Ты калеку ведёшь в бой, видно, справных воинов нет!..

— Где твоя рука, старик? Не иначе, девки отрезали, чтобы не лапал?

Аптахар постоял за себя сам:

— Моя мёртвая рука уже держит рог с мёдом на пиру у Богов, Зоралик, и только ждёт, когда к ней присоединится всё тело. Берегись, вождь рабов! Как бы она не протянулась из темноты да не схватила тебя за глотку, незаконнорождённый!..

Как и следовало ожидать, этих слов ему не простили. На самом-то деле чего только не наговорят воины перед сражением, стремясь отпугнуть от неприятеля боевую удачу! При этом те, кто умней, знают: по-настоящему унижить дух может лишь оскорбление, содержащее толику истины. Скажи могучему боевому кунсу, что у него дырявый корабль, а дружина как стайка детей, боящихся сумерек, — над такими словами лишь весело похохочут. Но если у того же кунса неудачные сыновья, и ты едкими словами опишешь их недостатки — взбешённый враг уже не сумеет быть так спокоен и сосредоточен в бою, как требуется для победы.

Перебранка перед боем подобна заговору: тайная власть над явлением или предметом достаётся только тому, кто многое знает и может своё знание доказать...

Так вот — слова о «вожде рабов» ударили по больному. На корабле Зоралика кто-то выхватил из колчана стрелу, и широкий, как полумесяц, кованый наконечник с визгом распорол

воздух над колеблющейся водой. Аптахар был обязан увечьем точно такой же стреле, срезавшей некогда ему руку по локоть... Но на сей раз нашлось кому его заслонить. Без большой спешки вскинулся щит Винитара — бело-синий круг вощёной кожи на деревянной основе, с оковками в центре и по бокам. Стрела гулко грохнула в него, затрепетала оперением и осталась торчать. Молодой кунс выдернул её, чтобы не мешала:

— Не врут, значит, люди, когда говорят, что у Зоралика на корабле рабы и трусливые дети рабов. Храбрецы не начинают сражения, стреляя в спину калекам! Что ж, свободные сегваны, покажем, как у нас принято усмирять обнаглевших невольников!..

Он отдал команду — и его воины поспешно убрали уже вытасщенные мечи, которыми грозили врагу, и бросились к парусу. Рулевой налёг на правило... Лодья развернулась так, как вроде бы не положено разворачиваться большому и тяжёлому судну: почти на одном месте, прочертив штевнем собственный свежий, ещё пенящийся след. Парус громыхнул и вновь упруго наполнился, растянутый длинными шестами уже не вдоль, а поперёк корабля. «Косатка» хищно накренилась на левый борт и, набирая скорость, сперва ходко пошла, потом — едва ли не полетела за кораблём Зоралика. У форштевня вскипели белые буруны, двумя длинными крыльями вытянулись назад...

И то сказать, клетчатый парус был почти в полтора раза шире трёхцветного. Такой широкий парус ставит лишь очень уверенный мореход, знающий, что успеет с ним справиться, какую бы неожиданность ни подбросило море. Конечно, Зоралик тоже вырос на Островах, а значит, щедрый океан ему был с младенчества родней, чем скалистая обледенелая суша. Мало какой мореход из сольвеннов, вельхов, саккаремцев смог бы с ним потягаться, ибо приобретённое умение никогда не сравнится с наследным, так долго передававшимся от отца к сыну, что люди начинают говорить: «Это в крови!» Беда только, кровь у всех разная. В том числе и у сегванов, природных жителей Островов. Богини Судьбы всех благословляют неодинаково, и

того, что одному дано от рождения, другой никогда не достигнет, хоть он из кожи выпрыгни, пытаясь. Зоралик, сколь было известно, никогда не покидал Островов, а значит, и своего корабля. Винитар много зим провёл на Берегу. Даже не просто на Берегу — вовсе в глубине материка, далеко от моря. И тем не менее, углы пёстрого паруса лишь чуть выдавались за борта «косатки», а клетчатый был шире палубы едва ли не втрое. Вот так.

И было ещё одно обстоятельство, влиявшее на бег кораблей. Зораликово судно глубже сидело в воде и тяжелее переваливалось на волнах. Голодный волк быстро догонял сытого.

— А Зоралик-то у нас, похоже, с добычей, — угадал Аптахар. Будь у него две руки, он с предвкушением потёр бы их одну о другую, но пришлось ограничиться взмахом сжатого кулака. — Будет что продать в Тин-Вилене!

У него за плечами был длинный и извилистый путь. Длиннее, чем у кого-либо ещё на корабле. Доводилось ему служить и наёмником, и в те времена на него сразу прикрикнули бы вдесятером: не говори «гоп»!.. сглазить, дурень, решил?.. На добром сегванском корабле порядки были иные. Здесь, наоборот, старались всячески выразить уверенность и привлечь к себе побольше удачи. Удача — она ведь просто так в руки не дастся. Она придёт только к смелым и умеющим её приманить!

Зоралик тем временем вовсе не собирался удирать от погоны. Обнаружив корабль Винитара у себя за кормой, он решил развернуться и встретить его как положено. И встретил бы — если бы Винитар ему это позволил. Но широкий клетчатый парус перекрыл ветер, и пёстрое полотнище бессильно поникло, превращаясь в простую мятую тряпку. «Косатка» потеряла скорость, буруны возле штевня опали и улеглись, её закачало с борта на борт. Корабль Винитара чуть отвернул и проследовал мимо во всём своём грозном великолепии. Парус Зораликовой лодыи при этом снова поймал ветер, но, пожалуй, лучше бы не ловил. Его расправило с такой неистовой силой, что из основания мачты послышался треск, а один из концов, державших нижнюю шкаторину, гулко лопнул и заполоскался над головами. «Ко-

сатка» Винитара проходила под ветром, показывая выкаченный из воды борт. Вдоль этого борта, между щитами, ненадолго возникли головы в шлемах. Мелькнули вскинутые луки — и на вражескую палубу обрушилось не менее тридцати стрел.

Плохих стрелков Винитар с собой в море не брал... Это очень трудно — стоя на качающейся палубе, где просто на ногах-то мудрено удержаться, обрести равновесие, с силой натянуть лук и попасть в человека, мелькнувшего на такой же палубе в сотне шагов. Мощный лук, позаимствованный Винитаром у одного из племён Берега, придаёт тяжёлой стреле скорость, позволяющую на таком расстоянии даже не брать превышения... Но ветер ловит стрелу за пёстрые перья, нарушая стройность полёта. А волна подхватывает корабль, и воин, в которого ты целился, оказывается не там, где ты его видел. Тебе кажется, что ты традишь стрелы впустую, — но зато, когда вражеские стрелки решают не остаться в долгу, тот же ветер и те же волны отворачивают их стрелы с пути затем только, чтобы метнуть прямо в тебя...

С корабля Зоралика донеслась ругань. Кого-то зацепило, может, даже и насмерть. Сыновьям Закатных Вершин повезло больше. То есть не в везении дело — их вождь лучше рассчитал время. Ответные стрелы, донёшшиеся над водой, принял и установил жёсткий ясеновый борт.

— Хорошо, что ты решил вернуться на Острова, — сказал Аптахар своему кунсу. — Насколько лучше идти на врага под парусом, а не трясясь на конской спине, в грязи и мерзкой пыли!..

Винитар глянул на него и усмехнулся. Аптахар дёрнул здоровым плечом и ворчливо добавил:

— А впрочем, я был согласен на блох и жару, только чтобы вместе с тобой.

Комесы вокруг них, вроде бы невозмутимо занимавшиеся каждый своим делом, не пропустили этих слов мимо ушей. Сперва подали голос те, кто стоял ближе к вождю, потом присоединились другие, и над морем трижды пронеслось слитное:

— Ви-ни-тар! Ви-ни-тар!..

Так с незапамятных времён было принято в сегванских дружинах. Имя кунса превращалось в боевой клич. И его, как расцветку паруса, узнавали издалека.

Винитар выпрямился и обвёл взглядом палубу корабля, не пропустив ни одного из обращённых к нему лиц. Но ответил негромко и так, словно обращался лишь к однорукому:

— Пусть Храмн мне поможет сделать так, чтобы ты, дядька Аптахар, об этом не пожалел.

Миновав Зораликову лодью, на корабле Винитара ещё шире развернули парус и стали быстро уходить по ветру. Конечно, это не было бегством. Дети Хмурого Человека, видевшие сражения, навряд ли решили, будто Винитар от них побежал. Нет!.. Скорее всего кунс из Старшего Рода решил смертельно оскорбить их вождя, совсем отказываясь от боя с «незаконнорождённым». Или, того не лучше, надумал уйти далеко вперёд, чтобы потом подстеречь Зоралика уже среди Островов, где-нибудь рядом с домом!..

Аптахар ещё подогрел ярость врагов, самым оскорбительным образом показав им с кормы свёрнутый кольцом толстый канат. Не нужна ли, мол, помощь, толстобокие тихоходы?..

В ответ ветер донёс замысловатую ругань. Потом Зораликовы люди отвязали вёсла, укреплённые по бортам в особых рогатках, вытащили из уключин защитные крышки — и взялись грести.

— Они попались на твою удочку, кунс! — вернувшись с кормы, удовлетворённо проговорил Аптахар. — Следовало бы Зоралику выучиться получше обращаться с «косаткой», прежде чем ввязываться в сражения! Теперь пусть-ка потеет!..

Сначала Винитар ушёл от Зоралика далеко, так что парус корабля превратился в цветной мазок среди небесной и морской синевы. Потом его люди слегка подвернули просторное клетчатое крыло, и Зоралик начал нагонять — медленно, тяжело, постепенно. Ему должно было казаться, что не Винитар

вновь подпускал его ближе, а он его догонял, сам, своим трудом и усилием. Молодой кунс понял, что не ошибся, когда на носу корабля преследователей стало возможно рассмотреть человека — судя по красивой посеребрённой броне, не иначе, самого Зоралика. Он торжествующе размахивал зубастым метательным якорем на крепкой верёвке. Такими стягивают корабли, сходясь в рукопашной. За спиной Зоралика щетинились копыя дружины, изготовленные для боя. По обоим бортам яростно работали вёсла...

«Пора!» — решил Винитар и отдал команду. Мореходы, заходя разошедшиеся по местам, схватились за тугие плетёные канаты. Парус рвал их из рук, но ладони у морских сегванов были покрыты роговой коркой: не такое выдерживали. «Косатка» резко ушла на ветер, закладывая разворот, который для менее опытной команды стал бы погибельным. Однако морской конь — так жители Островов называют верный корабль — прекрасно чувствует, что за седок пришпоривает его, устремляя навстречу волнам. И когда ему передаётся решимость стоящего у руля, он сам исполняется яростного вдохновения и творит чудеса, помогая наезднику. Кажется, Зоралик всё-таки понял, что должно было произойти, но толком ничего предпринять не успел. Бело-синий клетчатый парус на мгновение обвис, потом вновь гулко расправился... и «косатка» Винитара, оказавшаяся с наветренной стороны, хищно понеслась прямо в борт его кораблю.

Это непросто — из удачливого преследователя, собиравшегося вот-вот схватить за шиворот удирающего врага, тотчас превратиться в ждущую нападения жертву. Поэтому Зоралик промедлил и не сумел как следует увернуться. Его кормщик лишь переложил руль, сделав удар скользящим, а вот парус перетянуть не успели. Тяжёлый, окованный металлом форштевень «косатки» со страшным треском смял бортовые доски чуть позади мачты. Кто-то не успел убрать весло, и в воздухе мелькнуло человеческое тело, похожее на тряпичную куклу: его подбросило рукою. Молодой сегван, только что ещё дышавший,

о чём-то думавший, чего-то желавший, упал в холодную воду. На мгновение окрасил её кровью и сразу ушёл вниз. Волны не успели сомкнуться над его головой, когда из покалеченного борта «косатки» вырвало крепление снасти, удерживавшей мачту. Корабль застонал. Резкий крен, оборванная растяжка да ещё парус, в который с прежней силой ломился ветер, — всего вместе мачта не выдержала. Она напряжённо выгнулась, а потом, брызнув щепками, распалась почти ровно посередине и рухнула. Парус освобождённо хлестнул и накрыл носовую часть палубы, где по-прежнему оставалось большинство Зораликовых воинов. Комесы Винитара выкрикивали оскорбления и раз за разом спускали тетивы. Беспощадные стрелы легко прошивали жёсткую мокрую ткань, иные воины так и умерли под ней в унижительной беспомощности, ещё прежде, чем толком началась битва. Другие успели вырваться наружу... как раз вовремя, чтобы встретить сыновей Закатных Вершин, прыгавших к ним на палубу.

Нос Винитаровой «косатки» прочно сидел в теле подмятого судна, глубоко войдя сквозь проломленный борт. Он разворотил палубу, искрошил скамьи гребцов... Неповреждённая «косатка» сама по себе была драгоценной добычей. Однако Винитар предпочёл действовать так, чтобы дать своим людям побольше преимущества и не вынуждать их слишком дорого платить за победу. Гласила же мудрость длиннобородого Храмна, который сам когда-то был кунсом и водил в море боевую лодью: *никакой корабль тебе не добудет верных людей. А вот люди корабль для тебя либо выстроят, либо купят, либо возьмут...*

Винитар был среди первых, кто перескочил борт и схватился с комесами Зоралика, и на то, как он это делал, поистине стоило поглядеть. Если бы две дружины мирно встретились где-нибудь на общем торгу и затеяли воинскую потеху, доблестное состязание мужей, вряд ли кто-нибудь, кроме самых отчаянных, захотел бы встать против него даже на деревянных мечях. Однако битва не спрашивает, хочешь ты чего-нибудь или не хо-

чешь! С кем привёл случай, с тем и рубись. Винитар не засло-
нялся щитом. В одной руке у него был меч, в другой — длин-
ный боевой нож, и обеими руками он владел одинаково хоро-
шо. Первый же соперник бросился на него, невнятно рыча имя
своего кунса и с силой занося широкий клинок. Меч Винитара
взлетел навстречу из-за ноги, снизу вверх. Шаг вперёд!.. Вини-
тар не ловил оружие врага, не пытался непременно отбить его.
Рыжеволосый воин не успел довершить замаха — меч кунса
ткнул его в горло. Сегваны, как и некоторые племена Берега,
очень редко кололи мечами, предпочитая рубить. Оттого кон-
цы их клинков делались закруглёнными, но это закругление от-
тачивалось — хоть брейся. Рыжеволосый, ахнув, остановился и
попробовал зажать хлещущую рану ладонями. Винитар не стал
ждать, получится ли у него. Навстречу, прыгая через скамьи,
бежал следующий и уже метил по молодому кунсу косо, сверху
вниз, от плеча: достанет и как есть располосует надвое, броня
там, не броня. Винитар молча вписался в его движение, двое
развернулись, как в танце, и руку Зораликова человека увело
вниз вместе с мечом. Он не ожидал этого и потерял равновесие,
неловко взмахнул щитом... Винитар поймал его на боевой нож.
Сбросил на палубу и пошёл дальше. Сегодня Зоралику ни в чём
не досталось удачи. Не станут его люди хвастаться на пирах,
будто победили кунса из Старшего Рода. Ничем они, если уж
на то пошло, хвастаться больше не будут. И веселиться, подни-
мая за своего вождя рога душистого мёда, им тоже не было суж-
дено...

...А ведь могли бы отсоветовать Зоралику поднимать на мач-
ту красный боевой щит. Мало ли кто чей враг или союзник —
обменялись бы новостями, перекинули с борта на борт по бо-
чонку домашнего пива... да и разошлись подобру-поздорову.
Ибо на мирный знак стрелами не отвечают. Что ж... выбрали. И
теперь умирали.

Винитар перепрыгнул через одного, лежавшего между ска-
мьями. Белобрысый парень лежал в позе человека, собравше-
гося как следует выспаться: одна рука заброшена за голову, дру-

гая на животе. Только он, конечно, не спал. На нём не было видно крови, голубые глаза светились бешенством и отчаянием, и — это привлекло внимание кунса — в них стояли слёзы. Воин скрипел зубами и силился пошевелиться, но не мог. Винитар увидел, как мотались в такт качке его раскинутые ступни. Парню сломало спину, когда сталкивались корабли. Ударило веслом, а может, бросило о скамью...

Винитар перескочил через него и побежал дальше.

Когда началась перебранка с людьми Зоралика, а потом стало ясно, что сражения не миновать, — Аптахар сразу вспомнил сон, о котором кунс рассказал ему утром. Сновидение было не то чтобы впрямую зловещим, но старый воин не на шутку встревожился. «Ты о чём, дядька Аптахар? — удивился его былой воспитанник. — Вот если бы я увидел, как бьёт копытами сивый конь Храмна, присланный за мной из небесных чертогов... Или встретился со своим двойником, готовым уступить мне своё место в том мире!»

Винитару же, по его словам, приснился всего-то большой пёс. С которым он, Винитар, всю ночь полз сквозь какие-то подземные расселины и пещеры. Сегванская вера уделяла собакам не слишком много внимания. Коренные жители Островов испокон веку ходили в море на кораблях, а по суше ездили на маленьких, долгогривых, уверенно ступающих лошадках. Пасли коров, привычных питаться зимой не столько сеном, сколько сушёными рыбьими головами, разводили смышлёных коз и черноголовых овец, дававших несравненно тёплую шерсть... Ну а Боги любого народа всегда живут той же жизнью, что и те, кто Им поклоняется. Вот и ездил длиннобородый Отец Храмна на чудесном сивом коне, способном скакать даже по радуге, его супруга Родана заботилась о Предвечной Корове, чьё щедрое вымя вскормило самых первых людей, а Хозяин Глубин владел кораблём, скользившим по морю и по облакам.

Но собака?.. Премудрый Храмна создал её, чтобы помогала охотиться и таскала по снегу быстрые санки. Сегваны больше

почитали кошек, хранивших драгоценное зерно от крыс и мышей.

«Мало ли во что верят или не верят у нас! — ворчливо нахмурился Аптахар. — Я-то помотался по свету и видел даже больше, чем ты. И я знаю племя, у которого собака после смерти помогает душе достигнуть священного Острова Жизни — или как там он у них называется...»

«Мне действительно снилось, будто он мне помогал. Я ему, впрочем, тоже. Что это за племя?»

Аптахар ответил совсем мрачно, со значением:

«Венны, кунс. Венны».

«Та-а-ак... — протянул Винитар. — А в этом племени есть род, который... — И молодой кунс нехорошо, медленно усмехнулся. — Что ж, дядька Аптахар! Если мой сон окажется в руку, я, правду молвить, не особенно огорчусь. Я ведь примерно за тем в Тин-Вилену и еду. Другое дело, на что мне сдались веннские небеса? Я намерен после смерти отправиться на свои... — Помолчал и добавил: — А что, может, мы с ним и лезли каждый на свои небеса, только поначалу вместе...»

«Помолчи лучше! — безо всякой почтительности оборвал вождя Аптахар. — «В руку»!.. Всякий сон сбывается так, как его истолкуют!.. Забыл?!»

«Нет, не забыл, — покачал головой Винитар. — Просто не хочу убегать от той участи, которую выпряли мне Хозяйки Судеб. Мало толку гадать, что я по Их воле успею или не успею! По-твоему, лучше будет, если обо мне скажут: он повернул назад с середины пути, потому что ночью увидел дурной сон?»

«Не лучше», — вынужден был согласиться Аптахар...

Теперь он вспоминал утренний разговор, и тревога в нём нарастала. Тем более что, повинаясь строгому наказу вождя, старый воин ныне смотрел на сражения со стороны, с палубы своего корабля. «Я знаю, ты одной рукой бьёшься лучше, чем другие люди двумя, — в самом начале похода сказал ему Винитар. И кивнул на молодые белозубые рожи засмеявшихся комесов: — Кто из этих неразумных сумеет подать мне добрый

совет, если какой-нибудь случайный удар всё-таки отправит тебя к Храмну?..»

Аптахар с ним не спорил, сказав себе: в конце концов, каждый когда-нибудь оставляет сражения. А он в своей жизни их видел достаточно. И руку утратил не где-нибудь, а в знаменитой битве возле Препоны. Об этой битве, насколько ему было известно, с тех пор сложили легенды. И ни тени бесчестья его тогда не коснулось.

То есть всё правильно.

Если бы только не пёс, приснившийся кунсу...

Аптахар нащупал у пояса ножны с длинным боевым ножом, пробежал, слушая, как поют над головой редкие стрелы, по палубе «косатки» и, опершись ладонью, с молодой лёгкостью махнул через борт. Винитар не преувеличивал — он и с одной рукой мало кого боялся один на один. А вождь пускай его бранит сколько душе угодно. Потом, после боя. Когда останется жив.

...А в кузнице у Белого ручья всё происходило совсем не так, как представлялось смотревшему с вершины холма. То есть снесь, принесённая девушкой для вечера, в самом деле оказалась превыше всяких похвал, и светец, разожжённый молодым кузнецом, вправду походил на цветок за порогом — походил так, как волшебная баснь на урочное каждодневное дело. И Щегол с Оленьюшкой действительно сидели на лавке возле стены.*

«Добрые у тебя руки, Шаршава...»

«Добрые... В огонь сунуть бы. Или топором обрубить. Как-нибудь невзначай...»

Крепкие девичьи пальцы сомкнулись на руках кузнеца, словно этим могучим ручищам вправду угрожала беда.

«Что молвишь такое!»

«А что? Строга твоя матушка, а и то чую — уже скоро позовит бус у тебя попросить...»

* Баснь — повествование о волшебном и небывалом. Теперь мы говорим «сказка», хотя раньше так именовался строгий и реалистичный отчёт.

Волосы парня были заплетены так, как плетут их все венские мужчины: в две косы, перевязанные ремешками. На ремешках следовало носить бусы, подаренные невестой или женой. У кузнеца ремешки пока были гладкие. Девушка вздохнула:

«Тяжко тебе».

«Тебе будто легче...»

«Может, и легче».

«Стойкая ты».

«Я того человека видела всего один раз, потом снился лишь. А лет тому уже минуло... Иногда слух дойдёт, если люди передадут... А ты свою Заяшку с той ярмарки любишь. Расскажи ещё про неё».

Шаршава вздохнул:

«Да что рассказывать. На руках бы носил, по земле ходить не позволил...»

«А не могло твоему дедушке просто приблизиться, будто тот Заяц ему на полпяди короче продал верёвку, чем обещал?»

«Я уж спрашивал... Батогом поперёк спины получил».

Оленюшка задумалась. В который раз, и всё без толку. И не такова вроде неправда, чтобы суд судить и виру истребовать, подавно — месть мстить. Но и не спросишь посередине торго: да что ж ты, друг Заяц! Я тебе — мёдом разбавленным за ту верёвку платил?.. Да... Пятнистые Олени сами никогда не засылали сватов ни к Лосям, ни к Тайменям. Тоже помнили о подобных обидах. Десятилетия назад нанесённых. А что? Старики правы. Ослабни строгая память — и вовсе не станет в людях стыда. Не станет закона.

Только легче ли от таких мыслей, если Шаршаву Щегла того гляди на ней — нелюбимой — женят родители? Заяшку милую заставят забыть?..

И она по слову матери примет нелюбимого мужа, воспретит себе думать про когда-то встреченного Серого Пса?..

И вновь тихо в кузнице, только потрескивает еле слышно лучина в красивом, на сказочный цветок похожем светце. И сидят друг подле друга парень и девушка. Ни дать ни взять брат и сестра...

*Иногда происходят-таки чудеса:
Взяли с улицы в дом беспризорного пса.
Искунав, расчесали — и к морде седой
Пододвинули миску со вкусной едой.
Вполовину измерив свой жизненный круг,
Он постиг благодать человеческих рук.
И, впервые найдя по душе уголок,
На уютной лежанке свернулся в клубок...*

*Так оно и пошло. Стал он жить-поживать,
Стал по улице чинно с Хозяйкой гулять.
Поводок и ошейник — немалая честь:
«У меня теперь тоже Хозяева есть!
Я не тот, что вчера, — подзаборная голь.
Я себе Своего Человека завёл!»
И Хозяйка гордилась. Достигнута цель —
Только ей покорялся могучий кобель...*

*А потом на прогулке, от дома вдали,
Трое наглых верзил к ней в лесу подошли.
И слышали над головой небеса,
Как она призывала любимого пса...*

*Вот вам первый исход. Спрятав хвост между ног,
Кобелина трусливо рванул наутёк.
Без оглядки бежал он сквозь зимнюю тьму:
«Этак, братцы, недолго пропасть самому!
Ну и что, если с ней приключится беда?
Я другую Хозяйку найду без труда.
Ту, что будет ласкать, подзывая к столу,
И матрасик постелит в кухонном углу...»
А второй был на первый исход непохож.
Пёс клыки показал им, и каждый — как нож!
«Кто тут смеет обидеть Хозяйку мою?
Подходите — померимся в честном бою!
Я пощаду давать не намерен врагу!
Я Хозяйку, куда живой, — сберегу!
Это право и честь, это высший закон,
Мне завещанный с первоначальных времён!»*

*А теперь отвечай, правоверный народ:
Сообразнее с жизнью который исход?*

2. Знамение

сем известно, что на равнинах Шо-Ситайна обитает гораздо больше скота, чем людей.

Несведущие иноземцы даже посмеиваются над меднокожими странниками равнин, называя их то собирателями овечьего навоза, то пожирателями вонючего сыра, то нюхателями пыли и ветра из-под конских хвостов. Шо-ситайнцы не обижаются. Что взять с чужестранцев! Да и следует ли обижаться на очевидную глупость? Она лишь создаёт скверную славу тому, кто изрекает её. Придумали бы ещё посмеяться над почтенным мономатанским купцом — за то, что он больно много золота скопил в сундуках!

Равнинный Шо-Ситайн — большая страна. Её племена говорят на нескольких языках, не вполне одинаковых, но близких, как единокровные братья. Большинство слов общие для всех. Одно из таких общих слов обозначает богатство. И оно же во всех шо-ситайнских наречиях обозначает скот. Хозяйственного, зажиточного человека так и называют: «сильный скотá». И другого слова для наименования достатка нет в Шо-Ситайне. Не понадобилось за века, что живут здесь кочевые кланы, а степную траву топчут их благодатные табуны и стада. Иного богатства шо-ситайнцам не надобно.

Самые рассудительные из чужестранцев, справедливо признавая скот как богатство, всё же числят его не самым истин-

ным и высоким символом изобилия. Не таким всеобъемлющим и совершенным, как золото. Имея золото, говорят они, ты сумеешь купить себе всё остальное. И корову, и коз, и овец. И коня, чтобы объезжать пастбища, и собаку, чтобы всё сторожила.

Ну да, хмыкнет в ответ шо-ситайнец. Золото. Хорошая штука, конечно. Много славных и полезных вещей можно приобрести на торгу в городе, когда звенит в кошеле золото, вырученное за проданный скот. Но всему своё место! Ты встань-ка посреди пустошей Серой Кору, где во все стороны на множество попрощ — лишь белёсые глиняные чешуи, высушенные солнцем, словно в печи. Даже перекасти-поле, занесённое в те края ветром, взывает к Отцу Небу и просит нового ветра — убраться поскорей из погибельного места. Ну и что ты будешь делать там со своими золотыми монетами? Унесут они от погибели тебя, обессиленного? Укажут дорогу к воде? Оборонят, наконец, от степных волков и гиен?.. И которое богатство тогда покажется тебе истинным, а которое — ложным?

Так подумает про себя шо-ситайнец, но вслух спорить не станет. Нехорошо это — спорить, ибо в споре сшибаются, как два безмозглых барана, самомнение и упрямство, и что бы ни победило — всё плохо. Не станет кочевник и похвастаться числом своих стад, ибо так поступают только глупцы. Глупцам невдомёк: и золото в сундуках, и отара на пастбище — мимолётны, словно кружевной иней, которым заморозок одевает траву перед рассветом. Набежит туча, омрачит благой лик Неба... и золотом поживятся разбойники, а стадо выкосит мор, или вырежут вечно голодные волки... или угонят в ночи лихие молодцы из враждебного клана.

Поэтому, случись хвастаться, разумный шо-ситайнец не станет бахвалиться овцами и коровами, знающими его голос. Меднолицый житель степи со скупой гордостью упомянет о тех, чья доблесть не даёт его достоянию улететь по ветру, уподобившись путаным шарам перекасти-поля. О тех, чьё присутствие рядом с ним возвещает всему поднебесному миру: вот свободный человек, мужчина и воин. О тех, чьи предки с его предками

сто поколений грелись возле одного огня, пили одну воду и ели один хлеб...

Он неторопливо расскажет вам о друге-коне и верной собаке.

Все знают: пригнав в Тин-Вилену скот и выгодно сбыв его на торгу, шо-ситайнец сначала потратится на дорогую уздечку для славного жеребца. Потом велит мастеру кожевнику наклепать золотые бляшки на ошейник могучего кобеля: по числу убитых волков.

А подарки любимой жене и украшения дочкам-невестам он отправится покупать уже в-третьих.

Благо тому, чей конь послушен и быстр, а пёс — сметлив и бесстрашен!

Но Отец Небо сотворил всех людей разными. И если одному довольно знать достоинства своих питомцев и про себя ими гордиться, то другой не сможет спокойно спать, пока не уверится, что его конь не просто быстрый, но — САМЫЙ быстрый и равного ему не найти. И пёс у такого человека должен быть не просто зол и зубаст, не просто способен охранить от любого посягательства стада и добро, хотя бы хозяин полгода отсутствовал. Он ещё и должен биться с себе подобными, доказывая, что именно он — самый лютый, самый выносливый и самый крепкий на рану...

Образованный чужеземец, которому и тут до всего есть дело, назовёт хозяина боевых псов рабом мелочного тщеславия:

— Хочешь почестей, так и дрался бы сам! Почему заставляешь отдуваться собаку?

Кочевник с заплетённой в три косы бородой не спеша наклонится и погладит пушистого зверя, невозмутимо растянувшегося у ног. О чём толковать с чужестранцем, не понимающим очевидного? Объяснять ему, что кобель, который боится или не умеет за себя постоять, не нужен ни при отаре, ни возле красавицы суки, собравшей кругом себя женихов? Способен ли понять горожанин, никогда даже издали не слыхавший плача

гиены и воя степных волков, затевающих ночную охоту, что от пса-победителя каждый хозяин стада захочет щенка — такого же широкогрудого, с неустойчивыми лапами и мощными челюстями?.. А главное, наделённого таким же благородным воинским духом? И значит, пёс, с которым, по мнению чужака, поступают жестоко и несправедливо, станет отцом многочисленного потомства, подарит свой облик новым продолжателям породы?..

Всё это и ещё многое может поведать шо-ситайнец заезжему человеку, но чего ради попусту болтать языком? Чем сто раз услышать, лучше пускай один раз увидит собственными глазами. И «сильный скота», немногословный от жизни посреди степного безлюдья, лишь сделает рукой приглашающее движение и неохотно обронит:

— Что зря спорить? Приходи завтра утром на След. Сам и посмотришь.

Город Тин-Вилена лежит между горами и морем, на берегах большой бухты, чьё удобство радует мореплавателей, а красота насыщает самый избалованный взгляд. По форме своей бухта напоминает след лошадиного копыта, а именно — правой передней ноги. Местные жители хорошо знают, почему так. Некогда, во времена юности мира, этими местами скакал славный жеребец Бога Коней, почитаемого в Шо-Ситайне, и именно здесь ему довелось коснуться копытом земли. И пускай досадливо морщатся грамотеи-арранты, уверенные, будто знают решительно всё об устройении мира: в Тин-Вилене вам будут рассказывать именно так. Эту легенду знают здесь все. А ещё в городе помнят, что в том своём полёте предводитель небесных скакунов сопровождал маленького жеребёнка. Ведь свирепые жеребцы, бесстрашные хранители табунов, очень любят играть со своими только что народившимися детьми, и любой кочевник подтвердит это всякому, кто вздумает усомниться. Так вот, именно над будущей Тин-Виленой малыш ухватил величайшего из коней за клубящийся вороной хвост, отчего тот и ударил оземь копытом. Но жеребёнок удался весь в отца, он повторил

его движение... и между холмами предгорий сделалась небольшая круглая котловина.

Это-то урочище* тин-виленцы и называют Следом. Здесь единственное место в округе, откуда не виден замок-храм Блинецов, вознёсшийся над высокой каменистой вершиной. И След не виден из замка, даже с верхней башни, где всегда бдят зоркоглазые стражи и лежит припасённый хворост — на случай тревоги. Даже оттуда не видно, что делается в котловине Следа, и ничего случайного в том нет. Просто Тин-Вилену когда-то основали нарлаки, и многие её жители до сих пор с гордостью возводят к первопоселенцам свой род. А нарлакское племя известно среди прочих сугубой приверженностью старинным обычаям — по крайней мере в том, что касается внешней стороны их соблюдения. Так вот, познакомившись с местным народом и впервые узрев бои псов, суровые старейшины поселенцев накрепко порешили: у праотцов наших от веку не было подобной забавы — стало быть, негоже и нам! Только вот любопытство людское — что неугомонный ручей. Как его ни загораживай, как ни запирай — обязательно отыщет обходной путь. Шо-ситайнцы пригоняли в город скот на продажу, здесь волей-неволей мирно встречались разные кланы — и, понятно, кочевники пользовались случаем, чтобы стравливать и сравнивать знаменитых собак... Посмотреть на бои тайно приходили самые дерзкие из горожан. Потом с упоением — и опять-таки тайно — рассказывали друзьям. Среди друзей, ясно, находились такие, кто немедля бежал шепнуть на ушко старейшинам. Те яро гневались, непокорным наглецам «вгоняли ума в задние ворота» с помощью ивовых прутьев... Но опять приезжали кочевники — и всё повторялось.

Говорят, дело начало меняться, когда один из старейшин, выслушав донос ябедника, строго осведомился: «Так поведай же скорей, дурень, кто победил?»

* *Урочище* — часть местности, достаточно резко отличающаяся по своим природным характеристикам от всего, что вокруг. «Ландшафтная единица», как принято теперь говорить.

Утеснения тех давних времён казались теперь баснословными. Никто уже не поминал о запретах, и гибкие прутья вымачивались в кипятке ради наказаний совсем за другие проступки. Но тин-виленские нарлаки не были бы нарлаками, если бы не обзавелись сообразным делом обычаем.

Во-первых, псов до сих пор сставляли в «тайном» месте — то бишь в котловине Следа, худо-бедно укрытой даже от зоркого ока храмовых караульщиков (к немалой, прямо скажем, досаде этих последних). А во-вторых... Хотя каждый раз и устраивалась возле Следа сущая ярмарка с шумным торгом, плясками и угощением — но ни накануне, ни поутру ни единый глашатай не ходил по городским улицам, созывая народ на погляд и забаву. Подразумевалось, что всякий, кому интересно, прослышит сам. На то есть слухи и сплетни, и плохи уши, в которые они не попадут. А бдительная стража и кончанские старейшины, потомки нестигаемых праотцов, опять же по обычаю делают вид, будто знать ничего не знают, ведать не ведают.

Было раннее утро хорошего весеннего дня. Недавно прошедшее ненастье чище чистого умыло небеса — и над морем, и над степями, и над вершинами Заоблачного кряжа. Дождь, нешуточно грозившийся смыть Тин-Вилену всю целиком в море, в горах выпал снегом — последним снегом уходящей зимы. Могучие кряжи в незапятнанно-белых обновах ярко горели на солнце. И всё затмевал серебряным блеском двуглавый пик величественного Харан Киира, называемого у горцев Престолом Небес.

Распорядитель и старший судья пёсских боёв — у него был даже свой особый титул: Непререкаемый, — поднялся с небольшого возвышения, на котором сидел, и, повернувшись лицом к священной горе, молча сотворил короткую молитву. Перед грудью он держал свой жезл — недлинную и ничем не украшенную палочку из твёрдого дерева, срезанную на конце таким образом, что получалось нечто вроде лопаточки. Непререкаемый был уже старцем, но морщины, избороздившие лицо, казались

отметинами на гранитной скале. Проведший жизнь подле своих стад, седобородый старейшина отнюдь не утратил ни жилистой крепости, ни подвижности тела. Пройдут ещё годы, а за ним в седле по степи всё так же трудно будет угнаться иным молодым.

Не каждый из собравшихся в котловине Следа веровал в тех же Богов, которых призывал сейчас Непререкаемый, но несколько мгновений почтительной тишины соблюли все. Даже Ригномер, разбитной торговец-сегван, сквернослов и задира, известный всему городу под кличкой Бойцовый Петух. Сегван наблюдал за происходившим, кривя губы в насмешке, но помалкивал. А Непререкаемый, окончив молитву, вновь опустился на вышитую, набитую шерстью подушку и коротко кивнул:

— Начнём же, во имя Матери Сущего.

След хорош ещё и тем, что у него удобное, ровное, правильно-округлое дно шагов пятидесяти в поперечнике. Земля здесь твёрдая, так утоптанная за годы, что на ней почти не вырастает трава. У площадки тоже есть особенное название: Круг. Его ничем не огораживают, поскольку соперники-псы в бою заняты только друг другом и не огрызаются на людей. Зрителям входить в Круг не положено. На эту землю вступают только сами бойцы и их хозяева. Да ещё младшие судьи, помощники Непререкаемого, носители его жезла.

По разные стороны Круга, сопровождаемые хозяевами, уже стояли два самых первых бойца. Шо-ситайнцы дают своим волкодавам исполненные смысла, звучные и грозные имена: Огонь-В-Ночи, Первенец, Золотой Барс. Спросите любого кочевника, и он вам подтвердит, что на его родном языке эти имена легко произносятся и очень красиво звучат. Скорее всего ваш собеседник даже не очень поймёт, о чём вы спрашиваете и чем вообще вызвано затруднение. Имена как имена, скажет он, почти такие же, как у людей!

Беда только, не всякий чужеземец сумеет с первого раза правильно выговорить «Мхрглан» или «Чкврнито». И ещё го-

лосом сыграть, где положено и как положено. А выговоришь неправильно — чего доброго, греха будет не обернуться. Либо до обиды дойдёт, потому что «Белоголовый Храбрец» вдруг окажется «Мокроносым Телёнком», либо самого на смех поднимут, тоже не лучше.

Поэтому двух кобелей, поглядывавших друг на друга в нетерпеливом ожидании боя, зрители-горожане между собой называли большей частью просто: Чёрный и Рыжий. Благо один из бойцов был действительно облачён в мохнатую чёрную шубу, отороченную белоснежным мехом лишь на груди, лапах и шее. Второй от носа до хвоста переливался золотом и краснотой осенней листвы. В отличие от соперника, он уродился короткошёрстным, и под шкурой при малейшем движении танцевали крепкие мышцы.

Хозяева, заблаговременно сняв с питомцев ошейники, удерживали кобелей, обхватив их за мощные шеи.

Непререкаемый вскинул руку и коротко повелел:

— Пусть бьются!

Доведись Рыжему с Чёрным встретиться вне Следа, где-нибудь посередине степи или на склоне холма, они вряд ли полезли бы в драку. Такими уж воспитали их люди, поколениями отбиравшие несуетливых, хранящих достоинство кобелей. С кем такому воевать на ничейной земле? Чего ради нападать на собрата, не покушающегося ни на хозяина, ни на его добро?.. Другое дело — Круг! Оба поединщика очень хорошо знали, зачем их сюда привели. Каждый привык считать Круг — своим. И никому не собиравался уступать своё право.

Две молнии, светло-рыжая и чёрная, одновременно ринулись навстречу друг другу и сшиблись посередине площадки. Сшиблись — и покатались единым клубком, в котором мало что смог бы рассмотреть самый стремительный глаз.

— Славно начали, — тихо проворкотал Непререкаемый. Его собственный пёс, невозмутимо лежавший у ног, приподнял голову и посмотрел на хозяина, соглашаясь с его словами. Потом

потянулся мордой к руке. На его ошейнике свободного места не было от золотых бляшек. А лежал белоснежный красавец на целой стопке пёстрых ковров, вытканых дивными мастерицами Шо-Ситайна. Согласно обычаям страны, такими ковриками, словно попонами, торжественно покрывают победителей великих боёв. Затем коврики до самой старости служат прославленному бойцу ложем, и никто не смеет покупать их или продавать. На них он и умрёт, когда придёт его срок, и на них возляжет в могилу. И люди заплуют того, кто лишит постаревшую собаку заслуженной чести. Пёс Непререкаемого был великим воином своего племени. Его ни разу не побеждали. Седобородый хозяин прекратил выставлять его на бои после того, как другие искатели славы два года подряд отказывались сражаться с ним своих кобелей.

Между тем Чёрный крепко взял Рыжего за толстую меховую складку сбоку шеи — и точным, расчётливым движением опрокинул супротивника навзничь. Тот обхватил лапами голову недруга, отталкивая, стараясь оторвать от себя. Лапы были каждая в мужскую пятерню шириной и наверняка сильнее руки человека.

— Славно бьются! — похвалил один из зрителей, голубоглазый шо-ситайнец, одетый, впрочем, по-городскому. — Видел ты, брат, как он перевернул-то его?

Второй только молча кивнул. Если он и доводился говорившему братом, то разве что названным. Он родился по другую сторону моря, в дремучих веннских лесах, и никакой загар не мог уравнивать его белую кожу с тёмной медью коренного кочевника. Лишь на левой щеке, немного ниже глаза, выделялись две родинки.

А подле побратимов на раскладном деревянном стульчике сидела девушка. Единственная девушка среди зрителей. И, помимо Непререкаемого, единственная, кто сидел. Не из-за старости или болезни и не потому, что ей здесь оказывали особый почёт. Просто так было удобней устраивать на коленях дощечку, а на ней — плотные, чуть шершавые листы, сделанные из

сердцевины мономатанского камыша. И рисовать на них заточенным куском угля. Когда уголёк ломался, девушка не глядя хватала другой из маленькой плетёной коробочки. Нет, молодая рисовальщица даже не пыталась запечатлеть какой-то миг боя, вырвав четвероногих единоборцев из стремительной переменчивости поединка. Под быстрыми пальцами на листе возникали разрозненные наброски: мощный изгиб шеи... поджатая лапа... свирепо наморщенный чёрный нос, погружённый в густую гриву врага...

Вечером, дома, девушка размешает гладкое гончарное тесто, и битва благородных зверей начнёт оживать в глиняных фигурках, которые она станет лепить одну за другой. Потом фигурки будут раскрашены и обожжены. Всякий, кто захочет, сможет купить их и сохранить в память о сегодняшнем дне. А если кто-то купит все разом, то, пожалуй, сумеет по памяти выстроить весь ход состязания. Чтобы как-нибудь после, зазвав к себе в гости такого же ценителя и охотника*, иметь возможность не просто рассказать ему о знаменитом поединке, но и всё как есть показать.

— Ты смотри, что творят! — вновь воскликнул разговорчивый шо-ситайнец. — Кан-киро, да и только. Ты видела, Мулинга? — И заговорщицки улыбнулся. — Если вдруг что пропустишь, мы с Волком для тебя потом повторим...

Девушка кивнула ему, не прекращая работы. Её ресницы быстро сновали вверх-вниз — взгляд обращался то на сцепившихся псов, то вновь на рисунок. Ей не мешали ни крики зрителей, ни утробный рык кобелей, временами подкатывавшихся едва не к самым ногам. Рыжий отнюдь не сдавался, но по-прежнему почти всё время был на земле. Если ему удавалось встать, Чёрный мгновенно перехватывал поудобнее его многострадальную шею и всё тем же обманчиво-неторопливым движением вновь опрокидывал Рыжего навзничь. При этом он не просто стоял над поваленным, удерживая и не давая подняться. Он ещё

* *Охотник* — здесь это слово использовано в его старинном значении: «знаток и любитель».

и немилосердно трепал его, возя и мотая туда-сюда по крепко утоптанному Кругу. Любой, кто хоть что-нибудь понимает, мог с первого взгляда оценить — силища для такого мотания требовалась неимоверная. Каждый кобель весил уж никак не меньше взрослого мужчины. Попробуй-ка потаскай такого. И в особенности когда он обмякает и вытягивается, повисая мешком. Да при чём тут мешок! Обвисшее тело много неподъёмней мешка, вроде бы такого же по весу. Кому случалось таскать одно и другое — не позволит соврать.

Тем временем по дальнюю сторону Круга Ригномер Бойцовый Петух переходил от одной кучки зрителей к другой, с кем-то здороваясь и пересмеиваясь, кого-то по обыкновению задирая. Завсегдатаи боёв могли бы порассказать, что в былые времена, когда Ригномера в городе знали похуже, дело, случалось, доходило и до драк, ибо забияка-сегван особенно охоч был поддевать родичей и друзей хозяев собак, как раз сошедшихся на Кругу. Кулачных сшибок Ригномер не боялся, даже наоборот, весьма радовался удалой молодецкой потехе и редко таил зло против какого-нибудь местного силача, выбивавшего ему очередной зуб. Тут надобно пояснить, что добрые тин-виленцы сами знали толк в охотничьих рукопашных забавах, так что желающий схлестнуться на кулаках отказа, как правило, не встречал. Но — стоит ли отвлекаться мелкими сварам от благородного зрелища храбрых собак, состояющихся в крепости духа и мышц?..

Определённо не стоит.

А для кого честь и красота суть пустой звук, тот пускай убоится. *Безлепию на пёсских боях не бывать!* — так сказал Младший Брат великого Сонмора, ночной правитель славного города. Кто такой этот Брат и его Младшая Семья, властвовавшая в ночи, когда кончанские старцы укладывались почивать, — в Тин-Вилене не спрашивали. Не потому, что не принято было спрашивать. Просто — и так все знали.

По этой причине, между прочим, Ригномер Бойцовый Петух возле Круга злословил дерзновенней обычного. Понимал, что навряд ли удостоится немедленного отпора. Зато после!.. Уж то-то будет что друг другу припомнить! И в особенности после восьмой кружечки пива!..

Однако сегодня люди, лучше прочих знакомые с норовом Ригномера, обращали внимание, что вид у сегвана был необыкновенно значительный. Ну ни дать ни взять проведаль некую тайну, о которой простым смертным подозревать-то не полагалось. Проведаль — и собрался её обнародовать в самый неподобающий момент, дабы вернее всех ошарашить. Опытные тин-виленцы по достоинству оценили движение, которым он крутил и дёргал усы, и поглядывали на Ригномера со смешливым любопытством. Забияку с Островов в городе не сказать чтобы любили, но не питали к нему и особенной неприязни. Как ни крути — без подобного рода людей оказывается скучновато. Что-то у него на уме в сегодняшний раз? Собаку достал какую-нибудь необыкновенную и собрался неожиданно для всех выпустить в Круг?..

Пока вроде бы к тому всё и шло.

— Вы здесь, в Шо-Ситайне, ни Хёгговой чешуйки не смыслите в настоящих боях! — приглушённо, дабы не навлечь ненужного недовольства, доказывал он почтенному вельху, корчмарю Айр-Донну. — Тошно смотреть, как эти твари, которых вы по ошибке называете боевыми собаками, мусолят друг друга за шкурки. Вот у нас, на Островах, как сойдутся, так уж сойдутся! Покуда кишки один друг другому не вырвут, нипочём не разнимешь!

«Коли тошно смотреть, так и не смотри. Да другим удовольствие не порти», — мог бы сказать ему Айр-Донн. Но он не зря был добрым корчмарём. Он ответил сегвану вежливо:

— Прости, уважаемый, если я чего-то не понимаю. Сам я на Островах никогда не бывал и, милостью Трёхрогого, никогда туда не поеду, ибо я веду свой род из тёплых земель и навряд ли вынесу непрестанный мороз, царящий во владениях твоего пле-

мени. Но я слышал от опытных и заслуживших всяческое доверие путешественников, будто у себя на родине вы разводите крепконогих лаек, чтобы они таскали по снегу саночки с людьми и поклажей...

— Это так, — важно кивнул Ригномер. — Ну и что?

— Так не объяснишь ли ты мне, каким образом сумеют, скажем, шесть ваших лаек сообща тянуть сани, если они только и думают, как бы в брюхе друг у дружки пошарить?

Сегван расхохотался до того громко и весело, что было слышно даже сквозь рык кобелей, сцепившихся на Кругу, и возгласы зрителей, стремившихся подбодрить бойцов.

— Это верно, корчмарь! Тебе не откажешь в осведомлённости! Радостно, что даже и этой Богами забытой дыры достигла слава наших ездовых псов. Но когда длиннородый Храмм создавал здешний уголок мира, Он, верно, успел уже утомиться. Оттого Он не пожелал, чтобы здесь обитали воистину крепкие да грозные люди и звери! Овечьи пастухи Шо-Ситайна называют своих псов волкодавами, но, поверь мне, тутошняя собачня даже издали не видала настоящего волка! Те, которые бегают здесь по степи, это, чтобы хуже не сказать, не волки, а сущая мелюзга! Их сравнивать с Истинным Зверем, вправду заслужившим название волка, — что салаку равнять с зубастой форелью! Понимаешь, о чём я толкую? Те премудрые землепроходцы хоть раз говорили тебе, вельх, про волков с наших северных побережий?.. Чтобы такого одолеть, потребны не корноухие шавки с вашего Круга, но истинные бойцы, усердные и бесстрашные в схватке! Такие, которые родятся только у нас! «Достойные имён» — вот как мы их называем!

Выпалив единым духом столь длинную речь, Бойцовый Петух гордо разгладил густую русую бороду. Он глядел победителем, но Айр-Донн, нимало не смутившись, только пожал плечами. Он сказал:

— Пастухи рубят щенкам уши и хвосты, чтобы не мог схватить враг и не цеплялись мерзкие колючки, раздражающие тело. Но, поверь мне, это никого не делает шавками. И осмелюсь на-

помнить тебе, господин мой, что в степях Шо-Ситайна водятся не только волки, показавшиеся тебе мелковатыми... Видишь пса, в чьём меху греет ноги Непререкаемый? Его кличка Тхваргхел, сиречь Саблезуб. Ему ещё не исполнилось года, когда к стаду подобралась гиена, охочая до нежных ягнят. Но стадо стерегли чуткие псы, и гиена отправилась дальше, туда, где, как ей показалось, ждала добыча полегче. Она унюхала палатку, а рядом с палаткой... Видишь там, в Кругу, юношу, облечённого достоинством Младшего Судьи? Это самый последний сын Непререкаемого. Тогда он был совсем маленьким мальчиком. И гиена отважилась напасть на него, поскольку щенок, игравший с мальчиком, не показался ей противником, которого стоило бы опасаться. Но Тхваргхел встал у неё на пути! Когда прибежал хозяин и с ним матёрые приотарные псы, он лежал страшно израненный, но не выпускал задушенную гиену. Задушенную! А ему, повторю тебе, тогда ещё годика не исполнилось. И надо ли говорить, что мальчик, которого он защитил, не получил даже царапины... Ну, то есть я совсем не желаю приуменьшить доблесть и достоинство твоих островных псов. Я не знаю и не желаю знать, что за чудовищ рождает ваша скованная льдами земля, но нисколько не сомневаюсь, что уж с гиеной-то «достойные имён» совладали бы без труда. И не только кобели, но даже и суки...

Люди, стоявшие поблизости, позже с удовольствием рассказывали знакомым, что Ригномер испытал пусть кратковременное, зато самое настоящее замешательство. И то верно! Вежливыи корчмарь вряд ли богател бы год от года, как это до сих пор у него получалось, если бы не умел должным образом разговаривать с такими вот Ригномерами и ещё с кем похуже. И улыбаться им так, чтобы не дать никаких поводов для обиды. Да при всём том от своего не отходить ни на пядь.

Что же касается гиен, то полосатые шкуры время от времени вывешивали на торгу. Люди, приходившие на торг в сопровождении домашних собак, старались обходить шкуры подальше: даром ли говорят опытные охотники, будто пёс, наступив-

ший на тень гиены, разом лишается и смелости, и чутья! Ростом и весом такая зверюга нимало не уступит матёрому кобелю местных пород, а силой челюстей, пожалуй, и превзойдёт. Заявить этак небрежно, что, мол, некий пёс брал гиен дюжинами, — людей насмешить.

Однако Ригномер не зря звался Бойцовым Петухом. Все знают, каковы эти петухи. Окати водой из ведра — отряхнулся и снова хоть сейчас в бой. Сегван тут же высмотрел у края площадки троих молодых парней и двинулся к ним, бормоча как бы про себя, но достаточно громко, так, чтобы слышал народ:

— Вот наконец-то собаки, которые хоть в хвосте упряжки, но смогли бы бежать.

Псы, привлёкшие его внимание, в самом деле отличались от степных волкодавов не меньше, чем их хозяева — от примелькавшегося глазу тин-виленского люда. На земле растянулись пушистые белые звери, чей вид рождал невольные мысли об ослепительно чистых горных снегах. Они лежали у хозяйских ног, не удерживаемые ни ошейниками, ни поводками, роскошные и неколебимо спокойные, уверенные в себе, друг в друге и в людях, связанных с ними святым правом крови. Люди — трое молодых горцев с Заоблачного кряжа — следили за поединком, ещё длившимся на Кругу, без видимого любопытства. А псы их — так и вовсе со скукой.

— Славные малыши, — подходя, похвалил собак Ригномер. И обратился к горцам: — Отчего вы, ребята, не выставите их на бой?

Ответил самый младший из троих, казавшийся ещё и самым светлокожим. «Полукровка!» — презрительно определил про себя Ригномер.

— Отец Небо создал утавегу, наказав им быть нашими братьями, — проговорил светлокожий на неплохом нарлакском: эта молвь была в Тин-Вилене наиболее употребительна. — А у нас не принято мужчине посылать брата драться вместо себя, чтобы доблесть одного возмещала недостаток мужества, свойственный другому.

— Я понял, — засмеялся Ригномер. — Вы боитесь, что здешние бойцы попортят вашим собачкам белые шкурки, а матери отстегают вас потом за ущерб?

Это было уже чистой воды злословие, ибо у троих молодых горцев висели на поясах кинжалы с рукоятями, выложенными бирюзой: знак мужества, испытанного в бою. Конечно, мать в своём праве — вольна и ремешком вытянуть детище, будь сын хоть вождём. Но лишь последний дурак станет над этим смеяться, да ещё вслух. А название «утавегу» переводилось на языки окрестных народов как «белые духи, приносящие смерть», и три пса, лениво дремавшие на земле, по виду вполне соответствовали своей славе.

Один из двоих горцев, постарше, сдержанно проворчал нечто неодобрительное, и светлокожий, оглянувшись, перевёл:

— Что касается псов, мой брат советует тебе взять дорогой серебряный кубок и пойти заколачивать им гвозди. А потом с презрением выбросить испорченное сокровище, говоря, что оно никуда не годится против обычного молотка.

Третий, рослый, с цветными шнурками в волосах — знак недавней женитьбы, — неторопливо добавил по-нарлакски:

— И что ты взялся чужими собаками распорядиться, севан? Купи себе пса и вытворишь всё, на что совести хватит...

— Отчего ж не купить? — подбоченился Ригномер. На нём была хорошая рубашка из тонко выделанной кожи и сине-полосатые штаны, заправленные в сапоги с кисточками. — И куплю! Вот хоть ваших. Не столь хороши они, как мне бы хотелось, да ладно уж. Как у нас говорят, на безрыбье и баклан рыба. По две овцы серебром за каждого! Ну?.. Всё равно больше вам никто не предложит!

Вот этого ему определённо не следовало говорить. Ой не следовало. Нет, оскорблённые горцы не станут накидываться на обидчика с кинжалами. Тех, кто так поступил бы, итигулы отказывались признавать за мужей, достойных называться мужчинами. Просто Ригномер в пылу бахвальства забыл о своём промысле. Не в пример разумному и рачительному Айр-Донну,

всего пуще боявшемуся отворотить посетителей от порога «Белого Коня». Так вот, последние года три итигулы были нередкими гостями на обильном тин-виленском торгу. Они привозили дары своего околосвёздного края — муку из земляного яблока, придававшую неповторимый вкус хлебу, и ещё удивительно тёплые, но притом тонкие, словно шёлк, красивейшие ткани из шерсти горных козлов. Это совсем особая шерсть. Таковую не достать нигде на равнинах, да и в горах она — немалая редкость. Рогатые скакуны по кручам теряют её, почёсывая шеи о кусты и шершавые камни. Не одни сапоги стопчешь на скалах, собирая крохотные, уносимые ветром клочки, покуда набьёшь хоть малый мешочек! Горцы, однако, занимались этим из поколения в поколение, ибо награда за труды и опасности ожидала немалая. Столь мягкого и невесомого пуха не нащипать ни из шубы прирученного козла, ни из шкуры добытого. Ясно, что цена итигульских тканей опять-таки мало не доставала до звёзд. Купцы тем не менее их отрывали с руками и спешили увезти через море — аррантским и халисунским вельможам, ко двору солнцеликого саккаремского шада. Возил и Ригномер... прежде возил. Мог бы и дальше возить. Но — вырвалось неуклюжее слово, и, надобно думать, отныне достанутся ему дивные ткани разве что через перекупщиков. То бишь втридорога. Какая месть более уязвит человека, привыкшего всё мерить на серебро?..

И тут прозвучал дружный крик зрителей, безотрывно следивших за поединком псов на Кругу. Все оглянулись — даже те, кто успел отвлечься от схватки, показавшейся скучной, и заняться другими делами. А не зря говорят завсегдатаи собачьих боёв: смотри в оба, не то всё и произойдёт именно тогда, когда ты отлучишься по нужде!

Грозен и нешуточно могуч был Чёрный кобель, многими между собой уже загодя названный победителем. Но даже и он в конце концов притомился, таскавши Рыжего плашмя по всему Кругу. Вот он утвердился посередине и надумал позволить себе краткую передышку, а заодно перехватить супротивника

пожѣстче, так чтобы уж теперь-то точно его додавить и вынудить сдаться...

Ан не тут-то было! Хитрован Рыжий, сумевший сберечь вполне достаточно сил, улучил миг и взметнулся с земли мощным и гибким движением охотящейся змеи, наконец-то подкараулившей дичь!

И железной пастью сгрѣб соперника за основание уха!

Некоторое время Чёрный отважно терпел его хват, но истинные знатоки уже видели, что он проиграл. И точно. Пустив эхо гулять по склонам Следа, над Кругом взлетел жалобный лай. Это кричал Чёрный, сдаваясь и моля о пощаде.

Уж на что закалён и крепок на боль степной волкодав, а и его выносливости положен предел. Не зря-таки режут хвосты и уши щенкам заботливые хозяева-пастухи! Вырастет пёс — и хоть палкой его колоти, хоть пинай сапогом, хоть зубами трепли за толстую шкуру, он не подаст голоса, не пожалуется, только озлится. Но если ухватят его за хвост, за вислое ухо или, вот как сейчас, за корень обрезанного — и всё, и злые враги непременно добьют бедолагу, пока он беспомощно вертится и визжит, и пелена страдания застилает ему глаза.

Однако в жилах четвероногих бойцов Шо-Ситайна течёт благородная кровь. Стоило Чёрному окончательно прекратить сопротивляться, и Рыжий расцепил челюсти, выпуская побитого. Но Чёрный слишком привык побеждать. Исчез стиснувший ухо капкан, и пёс счёл, что рановато признал себя побеждённым. Рыжий уже вытряхнул пыль из шкуры и, гордо приосанившись, направился прочь. Через Круг спешили хозяева — разводить псов. И тут-то Чёрный с рыком кинулся вдогон победителю!

Непререкаемый досадливо покачал головой и приподнял с колен свой жезл — передать сыну, чтобы тот просунул его между зубами Чёрного и остановил бой, грозивший превратиться в никчёмную драку...

Хвала Отцу Небу — не понадобилось.

Ощутив сзади движение забывшего о вежестве противоборца, Рыжий так оборотился навстречу, что Чёрный мигом уразумел: нынешний проигрыш достался ему поделом. И пёс замер, остановившись в каких-то пядях от разгневанного победителя.

Отточенный уголёк в пальцах Мулинги так и сновал над шероховатым листом...

Несколько долгих мгновений кобели стояли друг против друга, как два изваяния. Потом Чёрный медленно-медленно отвернул голову, виновато подставляя сопернику незащищённую шею. Где в ней находится яремная вена и куда следует пырнуть клыком для немедленного убийства — оба знали с рождения.

Рыжий сделал шаг, и это движение было исполнено истинного величия. Его морда нависла над холкой неподвижного Чёрного. *Я победил*, говорил весь его вид. *Я сильнее, и тебе со мной не равняться! Понимаешь ты это?*

Понимаю и признаю, точно так же без слов, но вполне внятно отвечивал Чёрный. Ещё миг, и Рыжий, отвернувшись уже окончательно, легко побежал навстречу хозяину. Тот припал на колени — скорее обнять любимца. На белой шее кобеля не было ни крови, ни ран, лишь склеила густую шерсть чужая слюна.

Сегван Ригномер, увлечшийся, как и все, неожиданным окончанием поединка, повернулся туда, где только что стояли его собеседники-итигулы. Но если он думал возобновить с ними разговор насчёт продажи собак, то его постигло разочарование. Горцы не стали дожидаться новых притязаний Бойцового Петуха и ушли. Три хвоста, три пушистых белых султана покачивались уже в отдалении — недосыгаемые для корыстолюбца, словно снега священного Харан Киира, кои смертным заповедано попира́ть.

— Тыфу! — плюнул в сердцах Ригномер. Знавшие его подтвердили бы, что на сей раз он не просто по обыкновению вольничал, а был не на шутку взбешён. — Взять уйти от меня! Ну, я вам покажу, сопляки, что такое Истинный Зверь!

Шо-ситайнец Винойр подтолкнул локтем в бок молчаливого побратима:

— И отчего тебе не по сердцу наша забава? Ты же сам мне рассказывал, каких славных псов растят кое-где в ваших чащобах. Я и то удивляюсь, почему вы у себя не устраиваете подобной потехи?

А я, молча проворчал Волк, поистине удивляюсь, что это ты так веселишься. Щебечешь, ну прямо жаворонок над полем. Всем весело, один я удавиться готов...

И то правда. Мало поводов для веселья, когда два названных брата ночей не спят, вздыхая по одной и той же девчонке. Злая и опасная штука любовь! Самую крепкую и верную дружбу способна она отравить, обратить в ненависть и вражду... И вот, дабы не произошло между ними подобного, не далее как седмицу назад Волк с Винойром наконец-то обо всём поговорили начистоту, как достоин мужам. А потом кинули жребий, испрашивая у Хозяйки Судеб, кому из двоих остаться в городе и дальше ухаживать за Мулингой, а кому — собираться прочь, иного счастья искать. Жребий указал Волку остаться. А Винойру — укладывать перемётные сумы и седлать жеребца.

Оттого сегодня были два побратима особенно друг другу близки. Оттого на душе у венна царапались свирепые лесные коты. А Винойр едва не плясал, видно радуясь прекратившейся неизвестности.

Может, он Мулингу не так уж сильно любил?..

Он никак не желал позволить Волку отмолчаться:

— Или ваши волкодавы оскудели вместе с родом Серого Пса, который положил им начало?..

Отчаянные были это слова, ибо затрагивали в сердце венна ещё одну неисцелимую рану. Волк, впрочем, не переменялся в лице.

— Тут ты не прав. Собаки не перевелись. Просто у нас не видят смысла стравливать их между собой.

И род, взрастивший нашу породу, тоже напрочь не перевёлся, добавил он про себя. ПОКАМЕСТ не перевёлся...

— Но неужели, — упрямо допытывался Винойр, — вам не любопытно сравнить кобелей и узнать, который сильнее?

Венн хмуро передёрнул плечами:

— А на что? Силой они и так меряются вдосталь, когда спорят за суку. Только в поединке с Лесным Охотником мало проку от такой доблести...

Винойр притворно задумался:

— Это как?

— А ты видел когда-нибудь, как Лесной Охотник бьётся с собакой? — Его побратим не заметил притворства. — Он не силой тягается, он стремится убить! Он пускает в ход боевые приёмы, которые никогда не использует против сородича, даже во дни ревности и любви! И собака не борется с ним, как со своим тут на Кругу, а грызётся, оставив всякое благородство!.. Не как воин с достойным воином, а как головорез в переулке!.. — Перевёл дух, помолчал и хмуро закончил: — Здешних победителей на волка пускать, что ярмарочного силача, который воз кирпичей поднимает... против нашего Наставника вынудить драться.

...О-о! Это был, без сомнения, всем доводам довод. Дождаться от Волка упоминания о Наставнике — дорогого стоило. Больше ничего особенно нового Винойр, выросший в степи, от него не услышал, но обрадовался хоть тому, что наконец разговорил друга, развеял угрюмое молчание, коим тот со вчерашнего вечера отгородился от всего белого света. Винойр собрался ещё немножко поддеть Волка и уже открыл рот говорить, но тут на Кругу появилась новая пара поединщиков, и Винойр сразу забыл старательно приготовленные слова.

Волк же, собиравшийся ещё что-то запальчиво доказывать побратиму, нетерпеливо повёл глазами, высматривая, что могло отвлечь его от беседы... но сам увидел бойцов, стоявших по разные стороны Круга, — и тоже начисто запечатывал, про что у них с Винойром шёл разговор.

Ибо на широкой площадке перед ним стояла Судьба.

В предыдущей паре сравнивали своё искусство ровесники. Здесь один из кобелей был гораздо старше другого. Тёмно-серый от рождения, он успел нажить седину, густой серебристой маской украсившую его морду. Он был очень лохмат, что вообще-то считалось мало свойственным племени степных волкодавов. Он выглядел не намного моложе самого Тхваргхела, невозмутимо взиравшего с возвышения. Может статься, этим двоим в своё время не довелось сойтись в поединке лишь оттого, что хозяин серого жил в очень уж глухом и удалённом углу шоситайнской степи. Этот человек даже не помышлял прославиться на боях в Тин-Вилене, пока в нынешнем году его не выманила заехавшая в гости родня. Так вот и получилось, что матерущий кобель в самый первый раз стоял на Кругу. Чёрный влажный нос усердно трудился, вбирая запахи незнакомого места. Потом пёс не спеша поднял заднюю лапу — и окропил, помечая, утоптанную ногами и лапами землю: *Моё!*

Знатоки, лишь теперь получившие возможность оценить его могучую статью, одобрительно шумели. Кто-то уже бился об заклад, загадывая о победе.

А кличка пса тоже была непроизносимой для чужих уст, и потому люди успели дать ему почётное прозвище: Старый.

Тут, наверное, надо пояснить для тех, кто совсем не знает нарлакского. В этом языке есть много разных слов, понимаемых нами как «старый». И одни из них действительно значат «преклонный годами», «немогущий», «дряхлый». А другие, наоборот, — «испытанный», «превосходный», «лучший из лучших».

Такой вот «лучший из лучших», весьма далёкий от старческой дряхлости, и стоял теперь на Кругу, шуря жёлтые глаза и всем видом своим являя несуетное мужество. Такое, которое мало чести доказывать по пустякам, но если вынуждают — можно и доказать, и пусть тот, кто его к этому вынудил, пеняет потом на себя.

Винойр уже видел этого бойца несколько дней назад. Он шёл в крепость через окружавшие Тин-Вилену обширные яблоневые сады, и навстречу ему выехал мальчик на мохноногой лошадке. Мальчик ехал не торопясь и вёл на поводке некрупную, ничем особо не примечательную пятнистую суку. А рядом с ней безо всякой привязи бежал здоровущий кобель. «Что же ты, парень? — поинтересовался любопытный Винойр. — Ласковую привязываешь, а на свирепого даже ошейника не накинешь?» — «А он от неё никуда, — охотно пояснил мальчик. — Без неё даже и со двора не пойдёт!»

Пятнистая и теперь сидела за чертой Круга, и тот же самый мальчишка держал её поводок. Псица улыбалась, вывалив из пасти язык. Кажется, за супруга своего она несколько не волновалась.

Непугливый соперник Старого был удивительной масти. Густой белоснежный подшёрсток, чёрная блестящая ость. Этому псу, прозванному Молодым, навряд ли сравнялось два года, он выглядел неудержимым, стремительным и опасным, точно стальной клинок. Он натягивал крепкий плетёный ремень, kloчка бьющим через край азартом и благородным нетерпением поскорей схлестнуться с соперником. Хозяин едва удерживал пса. Молодому случалось уже побеждать, он не ведал страха и сомнения перед поединком и умел терпеть боль, платя за победу.

И венн, глядя на этих двоих, внезапно ощутил, как тускнеет и отодвигается прочь вещественный мир. *О Повелитель Грозы, чей гром ликовал над этой землёй третьего дня!..* вознёс он неслышимую, но полную бешеной надежды молитву. *И ты, сивогривый Прародитель моего племени!.. Да станет нынешний бой, что бы он ни принёс, предзнаменованием о моей участи! Да пребудет нить моей судьбы с Молодым!.. А моего Наставника — с тем другим...*

Боги, как водилось у Них в обычае, промолчали. Вот уже скоро двадцать три года жил на свете Волк, но как же нечасто Они прямо выказывали ему Свою волю!.. Так и ныне... Ну

хоть чайка, кружась, «капнула» бы ему на рубаху: ты услышан, внемли!.. Он ощутил, как стиснула сердце мальчишеская обида. Это после его-то молитвы, всей силой души брошенной в небо! Неужели и в этот раз он не дожждётся ответа?.. Вот не захочет биться один из псов, и поединка не будет! Здесь ведь никого насильно драться не заставляют и к противнику не подталкивают... Или в последний миг смалодушничает чей-то хозяин и уведёт кобеля, сочтя противоборца слишком опасным...

...А может, ему, коли он с такой отчаянной страстью загадывал, следует воспринимать как знамение всё, могущее сопутствовать этому бою? Не терзаться, ответили или нет ему Боги, а просто всё, что дальше случится, считать Их ответом?..

Пожалуй, до сего дня Волку лишь однажды довелось близко соприкоснуться с волей Небес. И тоже, между прочим, явленной при обстоятельствах, ну никак не способствовавших радостному ожиданию чуда. Был ничем не примечательный, тихий и солнечный вечер в коренном материковом Нарлаке, и он, Волк, ещё никакого понятия не имел, что ему вскорости предстояло отправиться через море на запад. Да и она совсем не выглядела провидицей — пожилая, бедно и плохо одетая женщина с добрым лицом, полоскавшая что-то в омутке сонной речушки. Она подняла голову и посмотрела на него из-под руки, потому что он подошёл против света, и Волк смутился, не зная, как приветствовать женщину. Он тогда совсем не говорил по-нарлакски, а она, как он успел решить про себя, вряд ли понимала сольвеннский, не говоря уж о веннском. И он молча поклонился, как это приличествует мужчине, встретившему почитенную чужеземку.

«Поздорову тебе, сын славной матери», — огорошила она Волка, совершенно неожиданно обратившись к нему на веннский лад.

«И ты здравствуй, мать достойных детей...» — ответил он в замешательстве.

«Как верно ты говоришь о моих сыновьях, маленький Волчок! — заулыбалась женщина. И доверчиво продолжала: — Я вижу, ты пришёл издалека. Скажи, не встречал ли ты их где-нибудь по пути?»

До него потом только дошло, что ей, обязанной своим рождением неведомо какому народу, вряд ли полагалось бы знать веннское обхождение, а знаки его рода и подавно. Но это он как следует обдумает много позже, уже качаясь на палубе тростниковой лодьи вместе с чернокожими мореходами. А тогда он лишь растерянно прокашлялся и ответил:

«Если ты поведаешь мне, почтенная госпожа, как выглядят твои сыновья или как их зовут, я смогу рассказать тебе, встречал я их или нет...»

«Стало быть, — без видимого огорчения рассудила она, — ты их не встречал. Если бы ты встретил их, ты бы их сразу узнал».

Тут Волк начал понимать, что разговаривает с сумасшедшей. Должно быть, сказал он себе, эти самые сыновья сгинули от болезни или от вражеских рук, а мать, оплакав ненаглядных, тихо повредила в уме. И убедила себя, что на самом деле дети вовсе даже не думали умирать, а просто отправились в дальнее-дальнее странствие и непременно вернуться, стоит лишь ещё чуть-чуть подождать...

Женщина оставила бельё, которое полоскала, и стала тяжело подниматься с колен, и Волк подал ей руку. Она ласково улыбнулась и накрыла его руку своей, маленькой и морщинистой:

«Как хорошо, что в нынешнее время, оказывается, ещё не перевелись почтительные дети! Многие ли заберутся в такую даль только ради того, чтобы утешить мать известиями о сыне? — И добавила, хитровато глядя на него снизу вверх: — Хотя, правду молвить, братишка твой чаще огорчал её, нежели радовал...»

И Волк увидел, что добрые глаза той, кого он посчитал за деревенскую дурочку, были мудрыми и совершенно бездонными. Нет, он не испугался, просто в глубине живота начали расплзаться тонкие ниточки холода. Он запоздало сообразил: она го-

ворила не о себе, а о его собственной матери. И о клятве, которую он дал ей, отправляясь в дорогу. Женщина продолжала:

«Ты пойдёшь отсюда в город Кондар, маленький Волчонок. И сядешь в гавани на корабль».

Волк лишь моргал, а женщина рассуждала спокойно и неторопливо, как о решённом и не подлежащем отмене.

«Только не ходи к арранту Сарногу, потому что он слишком жаден до чужих денег и не брезгает облапошивать легковверных. И к вельху Мал-Гру не ходи, потому что у него на корабле всюду чешуя и даже паруса тухлой рыбой пропахли. И к сегвану Кириноху тебе незачем обращаться, потому что он разобьётся около Каври. Тебя отвезёт в Тин-Вилену Шанака, мономатанский купец. Он неплохо говорит по-сольвенски, так что вы с ним сумеете объясниться. И он не возьмёт с тебя дорого, поскольку ему на корабль как раз нужен повар, а ты умеешь готовить вкусные щи...»

Вени, лишь недавно впервые увидевший море и ни о каких плаваниях даже отдалённо не помышлявший, только и придумал спросить:

«А скажи, почтенная, где она, эта... как ты её назвала... Тин-Вилена? И что мне там делать?»

«Это город по ту сторону Западного океана, на материке, лежащем дальше Аррантиады, — спокойно пояснила сумасшедшая. Так спокойно, как если бы речь шла о поездке к родичам за два дня пути. — В этом городе ты встретишься с братом, которого разыскиваешь. Только не такова окажется ваша встреча, как ты себе представляешь. И придётся тебе ещё потрудиться, чтобы отличить мнимых братьев от истинных...»

Сколько раз с тех пор Волк вспоминал давний разговор на берегу дремотной речушки. Весь, слово за словом!

Да. Мы спрашиваем знамения у Богов и готовы роптать, если нам кажется, будто Небо медлит с ответом. А когда Боги глаголят ясно и внятно, мы опять недовольны. Ибо толкование, которое любезно нашей душе, далеко не всегда совпадает с тем, что в действительности готовит завтрашний день...

Тем не менее бой начался так, как даже в самой дерзкой мечте не решился бы вообразить Волк. Вот хозяева спустили питомцев... и Молодой бросил себя вперёд с такой свирепой стремительностью, что толпа зрителей отозвалась восхищённым вздохом. Старый — мудро ли! — чуть-чуть опоздал взвиться навстречу. Кобели гулко сшиблись в воздухе посередине прыжка, в полусажени от земли... и перекувырнулись, увлекаемые разгоном Молодого. Приземлились они порознь, почти в том самом месте, откуда брал разбег Старый.

«Неужели?.. — стучала в висках венна одна-единственная мысль. — Неужели это вправду знак благосклонности Богов и у меня в поединке всё тоже сложится именно так?..»

Он жаждал и не решался поверить...

Разочарованный голос Винойра, прозвучавший рядом, нарушил его восторженное созерцание. Почему-то Волка мгновенно окатило холодом, как бывает, когда оказываешься лицом к лицу с непоправимым и понимаешь это нутряным чутьём, верней и быстрее осознанного разума. Волк ощутил, как по спине разбежались мурашки, но всё же заставил себя спокойно спросить:

— Никак болееешь за Старого?

— Да нет, — ответил шо-ситайнец. — Скорее уж за Молодого. Из него, пожалуй, может выйти большой победитель.

— А из Старого?

— Из Старого — нет. Он же бьётся только потому, что какой-то нахал вздумал бросить ему вызов. Он вернётся домой и думать забудет про Круг. А Молодому здесь ужас как нравится. Ему, я думаю, и по ночам битвы снятся. Жаль только — щенок ещё, совсем драться не выучился...

Волк стоял точно политый зимней водой из колодца, чувствуя, как деревенеют и перестают слушаться губы.

— Почему? — услышал он собственный голос и подивился его невозмутимости. — Этаким ударом быка можно на колени поставить!

— Вот пускай бы он быков с ног и валил. А чтобы здесь хорошо биться, надо сразу метко хватать и держать насмерть! Зубы-то у него, спрашивается, зачем? Для красоты одной?

Волк промолчал. Он прислушивался в себе и с отстранённым удивлением понимал, что ему было страшно. Это был самый настоящий страх, подобного которому он давно уже не испытывал — и думал, дурак, что нескоро впредь испытает. Третьего дня, когда прямо перед ним на улицу из харчевни вывалились подвыпившие корабельщики и вздумали намять ему холку за то, что недостаточно проворно убрался с дороги, — он их не испугался. Наоборот, он их почти пожалел. Глупые простецы, привыкшие видеть не истинный облик мира, а его отражение в хмельной кружке!.. Волк даже не запомнил, сколько их было. Да что толку считать? Он всем им шеи мог бы переломать прежде, чем они сообразили бы, что происходит. Мог бы. Он их пальцем не тронул. Первого налетевшего он отправил катиться кувырком под забор, ещё двое, разом устремившиеся к нему, запутались друг в дружке, следующий шлёпнулся на задницу и, впад в задумчивость, остался сидеть... и так далее. Они налетали, размахивая кто кулаками, кто и ножом, а он, даже не ускоряя дыхания, валял их по земле, закручивал волчками, устремлял носом в пыль... Пока наконец корабельщики не начали хохотать, не спрятали вытащенные сдуру ножи и не пригласили его с собой обратно в харчевню. Он тоже посмеялся, пожелал мореходам доброй пирушки и отправился дальше... И подумал про себя: вот бы видел Наставник — небось даже и он не нашёл бы, в чём его упрекнуть...

Ох, Наставник... «Почему я так боюсь? Чего, спрашивается? Ну, убьёт — так всем нам когда-нибудь умирать...»

До него постепенно доходила причина овладевавшего им страха. Мы все пугаемся неизвестности. Если бы не пугались, стал бы кто гадать о своём будущем и идти на поклон к мудрецам, способным провидеть судьбу! Но если вдуматься — тем и хороша неизвестность, что таит в себе массу разных возможностей. Непроросшие всходы семян, ещё не брошенных в землю.

И всегда есть надежда что-нибудь изменить впереди, там, во тьме ещё не случившегося. Совершить поступки, могущие при- манить лучшую долю. Воздержаться от деяний, способных ус- тремить цепь событий к горестному исходу...

Но если всё заранее предопределено и ты это знаешь? Не страшнее ли чувствовать себя осуждённым, которого ведёт к плахе палач, — приговор оглашён, и его не изменит ничто, ни- какое усилие твоего духа, никакое напряжение тела... Что бы ты ни сказал, что бы ни сделал — лишь виднее становится мёрт- вое сияние топора, ждущего впереди... Зачем тогда всё? Зачем слова и поступки, зачем размышлять о Зле и Добре, делать вы- бор и сомневаться в его правильности, если от этого всё равно ничего не зависит?.. Если Хозяйка Судеб уже выпряла нить и занесла острые ножницы и ты доподлинно знаешь, сколько вит- ков осталось крутиться веретену?..

Страшна неизвестность, но предопределённость — хуже стократ. Поняв это, Волк рад был бы вернуть унёсшуюся мо- литву. Но этого, как и вообще способности вернуть слово, сле- тевшее с языка, не дано никому.

Или он устрасился предопределённости только потому, что она, по мнению Винойра, ничего хорошего ему не сулила?..

...А поднявшиеся псы схлестнулись вдругорядь уже не столь бешено. Наскочив один на другого, просто поднялись на дыбы, покачиваясь и борясь в стойке на широко расставленных зад- них лапах... Впрочем, «просто» — так сказал бы лишь тот, кто ни разу не видел подобной борьбы собственными глазами. А кто видел, тот знает, что, вздыбившись свечкой, степной волко- дав на голову превосходит взрослого немаленького мужчину. Скребут пыль мощные задние лапы, упираются, бьют тупыми когтями передние, хрипят и ловят чужое движение клыкастые пасти, разинутые столь широко, что, кажется, вовсе не положе- но собачьей пасти так раскрываться...

Псы вертелись, и вышло, что Волк встретил взгляды обоих. Глаза Молодого искрились удалью и свирепой уверенностью в

близкой победе. Глаза Старого... Вот тут Волк понял, что Винойр был тысячу раз прав. Матёрый, украшенный сединой кобель не ярился, не подстёгивал себя кровожадным злым рыком. Он был очень спокоен. Он без суеты отражал стремительные наскоки соперника, в котором наверняка распознал недавно взматеревшего щенка. Старый был вполне уверен в себе и попросту ждал, чтобы Молодой сделал ошибку, как-то открылся. Или постепенно выдохся, плясавши-то на задних лапах, — тяжкая трата сил для всякого пса. И вот тогда Старый преподаст ему урок, отучая от излишней самонадеянности. Доходчивый и весьма жестокий урок...

Непререкаемый молча смотрел на них со своего возвышения. Смотрел Тхваргхел, лёжа на стопке честно заслуженных наградных ковриков. Говорят, кое-где в шо-ситайнской степи до сих пор разрешали незамиримые споры между соседями, а то и целыми кланами, устраивая Божий Суд — битву лучших собак. Кто вскормил сильнейшего кобеля, тот, стало быть, и достойнейший. С тем пребывает Правда Богов...

...И настал миг, когда Волку показалось, будто удача была всё-таки на его стороне. Поднявшись в очередной раз на дыбы, Старый начал словно бы подаваться, клониться назад. Зрители зашумели, и сердце Волка взлетело. Никак брал своё нерастраченный напор Молодого? Или у Старого притомились, начали разъезжаться дрожащие от напряжения задние лапы?..

Тёмно-серый пёс медленно запрокинулся...

Начал падать навзничь, уступая белому в чёрных тенях супротивнику...

...Но не упал. В последний миг извернулся — и прочно, как врытый, встал на все четыре сильные лапы. Когда он успел взять Молодого за меховой воротник, никто из зрителей не углядел. Однако — успел. И Молодой, рухнувший сверху, перелетел, перекатился через его спину, потеряв равновесие и извиваясь в воздухе, точно подброшенный кот.

— Во! — повторил Винойр восхищённо. — Вон оно где, наше кан-киро!..

Волк не слышал. Для его обострённого восприятия всё происходило медленно-медленно. Молодой ещё летел, растопырив лапы и ловя пастью пустой воздух, когда Старый рванул всей силой шеи (а шея была — поди обхвати), не позволяя сопернику должным образом обрести равновесие. Он очень хорошо знал, что творил. При всей своей ловкости зверя Молодой упал неуклюже, неудобно и тяжело — как раз на спину. И прежде чем он успел наново сообразить, где верх, где низ, и вскопить, Старый переменял хватку. Он сделал бросок — короткий, но столь стремительный, что даже для Волка седовато-серые лохмы на его боку слились в мутные полосы...

...И взял Молодого за глотку. Разинутой пастью — за самую гортань, так, что уже не могли помочь толстые оберегающие складки вокруг. И ещё прижал для верности лапой, не позволяя ни выкрутиться, ни дать хоть какой-то отпор.

Замершие зрители охнули, перевели дух, начали разговаривать. Не один и не двое помимо собственной воли потёрли ладонями горло. Какова хватка у матёрого кобеля, здесь хорошо представлял каждый.

В пальцах Мулинги рассыпался уголёк, рука метнулась за новым...

Передние лапы Молодого обхватывали, почти по-кошачьи царапали шею и грудь Старого, поверженный пёс свивался кольцом, пытаясь отбросить, сбить с себя наседавшего недруга... Всё вотще. Старый стоял над ним, как вырубленный из гранита. Стоял, намертво пригвоздив бьющегося противника. *Это ты мне доказывал, что ты уже не щенок? Ну так получай, коли взрослый...*

Волк смотрел на них, не отводя взгляда, оцепенев.

Молодой не закричал, не взвизгнул, даже не оскалится, показывая тем самым, что испугался и готов молить о пощаде. Просто его отчаянные рывки стали делаться всё медленнее и слабее. Волк чувствовал едва ли не наяву, как у него грохочет в ушах кровь, как этот грохот превращается в высокий, затихаю-

щий звон и вместе с ним смолкают все звуки, а солнечный мир начинает меркнуть и стремительно удаляться...

Непререкаемый бросил сыну свой жезл, и Младший Судья поймал его на лету. Подбежав к собакам, он стал бесстрашно просовывать деревянную лопаточку между стиснутыми зубами Старого. Тот косился на человека, но хватки не ослаблял. Не на шутку обеспокоенный хозяин Молодого бросился внутрь Круга и стал помогать судье, наплевав на опасность оказаться покусанным чужим псом. Хозяин Старого, плохо знакомый с порядками на состязаниях, замешкался. Ему кричали, чтобы он тоже шёл разнимать кобелей, потом просто вытолкнули вперёд...

И тут случилось то, чего следовало ждать: придушенный Молодой обмочился. Жёлтая струйка беспомощно излилась, замарав белоснежный мех брюха. Старый презрительно фыркнул и выпустил его глотку. Мотнул головой, выплёвывая проникший в рот жезл судьи. Отряхнулся — и, не обращая внимания на посторонних, побежал к своему хозяину. Тот обнял любимца, начал трясущимися руками застёгивать на нём простой плетёный ошейник. Кажется, он плакал и обещал кобелю, что никогда, никогда больше не приведёт его в это скверное место.

— Нынче же уедем домой... — разобрал Волк. — Будешь, как прежде, по вольной степи наше стадо водить... сыновьями-внуками распорядиться... Щеняток новых учить... Аргмвли, внучка твоя, поди, без нас уже родила...

Пятнистая сука радостно повизгивала и знай умывала супругу морду, серебристую от густой седины. Кобель тыкался носом в мокрые щёки хозяина и всем своим видом показывал, что нисколько не сердится на него. *И что вы, люди, вечно о чём не надо переживаете? Подумаешь, оттрепал дурачка, старших чтить не наученного. Тоже важность какая...*

— Вот так, — задумчиво проговорил Винойр. — И победил пёс, а радости никакой.

Владелец Молодого сидел на земле, тормоша и глядя всё ещё неподвижного кобеля. Тому никакая особая опасность не

угрожала — он не был ни ранен, ни даже сильно помят, и воздух, без помехи вливавшийся в лёгкие, быстро делал своё дело. Вот дыхание перестало сипеть и клокотать у него в горле, вот ровней заходили бока, вот он увидел и узнал склонившегося хозяина — дёрнулся пушистый обрубок хвоста, из пасти высунулся язык, лизнул знакомую руку... Человек поднялся и пошёл вон из Круга, и вывалянный в пыли Молодой поплёлся за ним. Хозяин на всякий случай придерживал его за загривок — торопясь на помощь питомцу, он в спешке оставил на земле поводок.

У самой черты Круга Молодой остановился и посмотрел назад. По другую сторону площадки стоял Старый. И тоже смотрел. *Ну? Понял что-нибудь?* говорил его взгляд.

Волка как молнией ударило. Ему показалось — этот взгляд был устремлён на него...

Венн всё ещё стоял столбом, пытаясь осмыслить случившееся, когда с той стороны Следа, что была обращена в сторону города, начал раздаваться истошный лай псов. У границы Круга уже стояли два очередных поединщика, но головы поневоле начали поворачиваться прочь. Оглянулся и Волк.

По дороге, извивавшейся между холмами, торопливо катилась повозка, запряжённая саврасым сегванским коньком. Кузов повозки представлял собой нечто вроде ящика, покрытого толстой грубой тканью. Нетяжёлый ящик сильно мотало, ткань хлестала и пузырилась. Рядом с возчиком на козлах сидел, подбоченившись, Ригномер Бойцовый Петух.

Псы поднимали щетину и бешено лаяли на повозку или на то, что в ней находилось. Похоже, запах, исходивший оттуда, весьма им не нравился. Саврасая лошадка закладывала уши и косилась: ей тоже отнюдь не по сердцу были стервеневшие псы и подавно — груз, который её принуждали везти. Возчик, однако, был опытный и коньку никакой возможности проявить своеволие не давал. Повозка катилась себе и катилась вперёд, пря-

мо к Кругу. Люди расступались, давая дорогу. Оттаскивали хрипящих собак.

Когда повозка приблизилась, Тхваргхел поднялся со своих наградных ковриков и сделал шаг вперёд. Он не стал вздыбливать шерсть, потому что ему не было нужды казаться крупней. Он сразу угадал приблизившуюся опасность и без суеты заслонил собою хозяина. *Ты к нему не подойдёшь!* внятно говорил высоко и воинственно поднятый обрубок хвоста.

Тут у Волка пробежали по позвоночнику остренькие иголочки холода. Должно быть, напряжение духа обострило его восприятие уже сверх всяких пределов, ибо он тоже со всей отчётливостью понял, что именно привёз с собой Ригномер. Вернее — КОГО.

Между тем проворный конёк приблизился к самому Кругу, возчик-сегван натянул вожжи, и Ригномер легко вскочил на козлы, возносясь над любопытной толпой. Несмотря на круглое брюшко, нажитое в трактирных застольях, он оставался ловок и быстр.

— Ну что, добрые люди? — разлетелся над Следом его голос, внятный и зычный, как у многих сегванов. — Думаете небось, Бойцовый Петух только и способен драть горло, кукарекая на заборе? Посмотрим теперь, кто из нас правду говорил, а кто брехал попусту!

Возчик тем временем обходил тележку кругом, отвязывая верёвки, удерживавшие ткань.

— Тащите сюда ваших куцехвостых, которых вы по ошибке называете волкодавами! — продолжал Ригномер. — Да покрепче держите, чтобы они с перепугу не разбежались! Ну-ка, смогут они что-нибудь сделать со зверем, которого привёз вам я?

Возчик стащил тяжёлую мешковину. Кузов повозки, оказывается, представлял собой клетку, да не деревянную, а железную. А в клетке был волк.

Где раздобыл его Ригномер? На каком-нибудь из своих островов, куда ещё не добрались ледяные великаны, размножившиеся на севере? Или на Берегу, возле края великих чащоб?..

Во всяком случае, пленник сегвана в самом деле мало напоминал поджарых и некрупных бродяг шо-ситайнских степей. Это был настоящий лесной вожак, всё ещё облачённый в серовато-белую зимнюю шубу. Он не бушевал, не бросался на прутья. Просто стоял, слегка наклонив крупную лобастую голову. И обводил столпившихся людей и собак немигающим взглядом жёлтых, косо поставленных глаз. *Всякому суждено рано или поздно встретить свой конец. И не важно, где и когда это произойдёт. Важно — КАК...*

Но тут глаза волка встретились с глазами молодого венна, подошедшего вплотную к повозке, и уши зверя впервые дрогнули, а сам он даже слегка подался вперёд. *Брат?..* ощутил человек неуверенную, зыбкую мысль. *Брат?..*

— Эй, венн! — задорно проорал сверху Ригномер. Он, по обыкновению, постарался, чтобы слышали все. — А ты случаем не привёз сюда серого волкодава из тех, что разводят в ваших лесах?

Волку понадобилось усилие, чтобы отвести глаза от зверя, заключённого в клетку.

— В моём роду, — сказал он, — никогда не держали собак. На что нужны цепные рабы, когда с нами наши братья, вольные Лесные Охотники?

— Ага!.. — обрадовался Ригномер. — А я и забыл, что вы, венны, все числите себя звериными родственниками. Ну и на кого ты собираешься ставить, когда я сейчас выпущу своего красавца против вон того кобеля, что важничает рядом с главным судьёй? Слышал я, будто ему всё противников не найдётся. Так ведь, господин Непререкаемый? Не побрезгует твой пёсик выйти на моего волка? Или он теперь уже только меховым ковриком при тебе состоит?

Между тем на Тхваргхела было достаточно посмотреть только раз — и всякий, кто не знал, мог воочию убедиться, за что его прозвали Саблезубом. Он не лаял, не щерился (ибо то и другое могло быть истолковано как признак слабости и испуга), просто стоял — молча и неподвижно, внешне совершенно спокой-

но, но было видно, что, даже расслабленная, его верхняя губа не вполне прикрывала клыки и они торчали из-под неё чуть желтоватыми, как слоновая кость, кончиками. Горе тому, кого угораздит изведать их остроту!

А потом Тхваргхел заговорил. Нет, не словами, конечно. Он поднял голову и издал низкий, далеко раскатившийся звук, удивительным образом сочетававший в себе рычание и вой. Короткая и грозная песня заставила мгновенно умолкнуть всех других псов, разгавкавшихся было на волка. Когда разговаривают вожаки, всякой мелочи лучше не вмешиваться. Целей будет.

Волк же, которого мать в детстве прозвала Пятнышком за тёмную отметину посередине лба, — волк сразу распознал суровое предостережение и то, что обращено оно было именно к нему. И повернулся навстречу Тхваргхелу, отделённому от него прутьями клетки и считанными скачками через Круг. В отличие от Ригномера, для Пятнышка была вполне очевидна сокрушительная мощь противника-пса, отнюдь не только годившегося греть хозяйские ноги. Да, Саблезуб уже был немолод, но он по-прежнему ловил ядовитых змей, угрожавших внукам хозяина, и ни одна не успевала его укусить. И когда он вёл отары с летних пастбищ на зимние, одного звука его голоса, долетавшего издали, было достаточно, чтобы серые стаи, промышлявшие по степи, тихонько исчезали с дороги.

Да, Тхваргхел никогда ещё не встречал таких крупных и могучих волков. Если доведётся сражаться с ним, этот бой может стать последним. Но Саблезуб не думал об этом. Он был просто готов — как был готов всегда, всю свою жизнь...

Только Ригномер не понял намерений и поведения пса. То есть он, может, и понял бы, что к чему, если бы не успела затопить его разум хмельная молодецкая удаль, заставляющая во всём искать повод для драки, — то самое качество, которому он и был обязан прозвищем Бойцового Петуха.

— Ага! Стаю зовёт, напугался! Сейчас хвост подожмёт!.. — насмешливо указал он на Тхваргхела. — Ну что, венн? Тебе, звериному родичу, первая честь и первая ставка! Этот пёс, го-

ворят, самый сильный здесь на Кругу, только на моего зверюшку и он боится в одиночку идти! Ну, загадывай, сколько ему таких же шавок в помощь понадобится, чтобы одному Истинному Зверю глотку перекусить? Две, три, девять для ровного счёта?.. На что об заклад биться будешь? А, венн?

Народ вокруг начал неодобрительно шуметь. Разошедшийся сегван желал нарушить само предназначение Круга, исстари служившего святому делу возвеличения пастушьей пёсией породы. Он собирался заменить благородные борцовские поединки кровавым зрелищем травли. Куда ж такое годится? На Кругу мерились силой, а не занимались смертоубийством без правил... А кроме того, можно один раз назвать степных волкодавов «куцехвостыми шавками», можно два или даже три раза — ничего, ветер развеет. Но не беспрерывно же, когда рот открываешь! Тем, кто ценит и любит своих питомцев, это может в конце концов надоест...

Вот только Бойцового Петуха уже, что называется, понесло, и остановить его иным доводом, кроме кулачного, было мудрено. И Волк это понял. Он далеко не первый день знал Ригномера.

Ещё не осознав, что именно совершает, он вплотную подошёл к клетке и положил руку на железные прутья:

— Ты столько раз взывал к имени моего народа, сегван, что я отвечу тебе так, как ответили бы в наших лесах. А у нас очень не любят, когда родичей травят собаками, Ригномер. И вот что я тебе скажу, Бойцовый Петух: надумаешь спустить стаю на этого зверя — переступи сперва через меня!

Он говорил не особенно громко, но люди стали кивать, одобрительно пересказывая и обсуждая между собою его слова. Молодой венн увидел это и услышал, потому что Наставник научил его даже в пылу ссоры и спора ничего не упускать из виду. И, что важнее, он ощутил, как в его руку на прутьях клетки осторожно ткнулся мокрый принимающий нос: *Брат!*.. Такое поведение волка не укрылось от внимательных тин-виленцев. Вместо того чтобы разом отхватить дерзкому

человеку все пальцы, мохнатый пленник нюхал их, едва прикасаясь. Кто-то успел опрометчиво рассудить, что волк был ручной и знал венна. Таких зрителей поправили другие, истолковавшие вернее: венн вправду доводился волку своим, но не из-за приручения, а просто по крови. Узнанной и признанной ими обоими.

— А что ты себе думаешь! И переступлю!

Двое то ли слуг, то ли ближников Ригномера — возчик и ещё один, явившийся с клеткой, — немедленно приблизились к венну и схватили его за плечи, пытаясь оттеснить прочь.

Волк не двинулся.

— Вели им убраться, — сказал он. — Это наш с тобой спор.

Народ тем временем подался в стороны, освобождая нечто вроде второго Круга, только поменьше. Тхваргхел же оглянулся на своего хозяина, потом величественно улёгся. *Пускай эти глупые двуногие сперва разберутся между собой, говорил весь его вид. А потом, если не сумеют договориться, уступят место настоящим бойцам...*

— Выкиньте отсюда этого мальчишку! — рявкнул Бойцовый Петух. — Наскучил!

Он мог бы уже заметить, что двоим рослым прислужникам никак не удавалось спихнуть Волка с места, но не заметил. Как и того, что Винойр даже не думал бросаться побратиму на помощь, — стоял себе да посмеивался, сложив на груди руки.

— Так-то ты, Ригномер, — укорили из толпы, — чтишь того, кому сам сулил первую честь и первую ставку!

— Взятся спорить — спорь до конца! — поддержали с другой стороны.

— Нам кричал, что у нас мужества не хватает, а сам на слуг дело переложил!.. — выкрикнули издалека, из-за спин.

А Волк не стал ничего говорить. Просто сделал некое движение, выверенное и короткое, о котором сторонний наблюдатель сказал бы «тряхнул плечами», не ведая, что удостоился лицезрения грозного боевого приёма, — и слуги, думавшие, что крепко держат парня, полетели на землю. Полетели не-

ловко и неуклюже, да притом ещё умудрились крепко стукнуться лбами.

— Это наш с тобой спор! — ровным голосом повторил венн.

— Ах так?.. — Бойцовый Петух спрыгнул с козел и обманчиво медленно, вразвалочку двинулся на Волка. — Да кто ты таков, чтобы я ещё с тобой спорил? Я таких, как ты, ногой с дороги отпихиваю...

И, противореча только что сказанному, дёрнул из ножен длинный сегванский меч. Народ, кто близко стоял, торопливо шарахнулся в стороны. Когда обнажают мечи — уноси ноги подалее!

Был бы Ригномер чуть менее распалён — и он вспомнил бы, что Волк полных три года прожил в крепости, а значит, навряд ли впустую ел хлеб, обучаясь у тамошнего Наставника. Вспомнил бы он и пересуды, ходившие в городе после каждого прибытия корабля из-за моря, то бишь после очередной потасовки в прибрежных харчевнях. Вспомнил бы и сообразил, что с Волком, носившим славу лучшего ученика, связываться стоило навряд ли...

Но — не вспомнил. И не сообразил. Это потом он обрушится на прислужников, отчего, мол, вовремя не остановили его, а те станут оправдываться — да когда ж, сами только-только поднимались с земли... Но это потом, а пока он неудержимо ринулся на венна, замахиваясь мечом для нешуточного удара:

— Сказано, с дороги уйди...

Не далее чем к вечеру рассказ об этой сшибке, украшенный всеми подробностями, дойдёт до Наставника, и тот — не вслух, про себя, но давно знающие его сразу поймут — похвалит ученика. И всего пуще за сдержанность. Ибо тин-виленская Правда, весьма милосердно взиравшая на любителей почесать кулаки, вынудившего меч отнюдь не гладила по головке. Торговому городу потребен на улицах мир. А какой мир, если мечами станут размахивать? Да потом ещё мстить и судиться за отсечённые руки и ноги?.. Потому-то, если человек, первым вздумавший в пылу ссоры рубить супротивника, тут же погибал или

бывал искалечен, — любой тин-виленский судья выносил приговор, утверждавший, что забияка сгубил себя сам. За него воспрещалось мстить, за него даже не назначали выкуп, обычно выплачиваемый замирения ради...

Вот и получалось, что своим ударом Бойцовый Петух просто отдал себя на расправу. Бери и делай, что хочешь, всё равно никто не накажет.

То есть, конечно, — если сможешь.

Ну а Волк мог. Ой мог!..

Мог без большой натуги зарезать Ригномера его же мечом, опрятно вынутым из руки. Этот приём был давно постигнут всеми справными учениками. Не выучен, но впитан исконным разумом суставов и сухожилий, тем самым, благодаря которому мы не падаем, болтая ногами на верхней жерди забора. Мог Волк переломать Бойцовому Петуху половину костей, а напоследок — или прямо сразу, на выбор, — свернуть голову. Мог ещё тридцатью тремя способами унижить его, покалечить, вовсе убить...

Не стал.

Волк выбрал совсем иной и, наверное, самый действенный способ в корне прекратить свару и притом добиться желаемого. Вот только, как это часто в подобных случаях почему-то бывает, оказался этот способ наиболее трудным для него самого. «Что же, вот заодно новое умение и испытаем...» Мелькнувшая мысль пришлось очень некстати, и Волк сразу выдворил её из сознания, взамен призвав этакое удалое равнодушие: да какая разница, получится или не получится и что скажет народ?! По большому-то счёту никакой разницы нет...

Быть может, Наставник, случись он здесь, кивнул бы ему с одобрением. А может, наоборот, попенял бы за увлечение внешней стороной дела, — ведь в случае удачи Волк именно отклик стоявших вокруг собирался использовать к своей выгоде.

Это, впрочем, тоже никакого значения не имело...

...На самом деле рассуждения Волка длились долю мгновения, пока совершался удар. А если уже с полной скрупулёзнос-

тью придерживаться истины — он и не рассуждал вовсе, ибо тому, кто принимается рассуждать под занесённым мечом, приходит очень быстрая смерть.

Волк просто — действительно просто, если уметь, — вошёл в движение Ригномера и чуть продолжил его, а потом...

Потом его пальцы обхватили острый, хорошо отточенный клинок и сомкнулись на нём. Нет, Волк не ловил вражеское лезвие между сомкнутыми ладонями, что тоже иногда делают; он взял его, как берут палку, и удержал; и Бойцовый Петух с изумлением обнаружил, что не может не только ударить, но даже и просто высвободить меч. Сегван стоял в нелепой, некрасивой позе незавершённого движения. И с большим трудом удерживал равновесие. Чтобы заново его обрести, надо было выпустить рукоять. А этого Ригномер, ясное дело, позволить себе не мог.

Его гневный запал не то чтобы испарился, но стал отчётливо бессильным. Он попробовал выдернуть у Волка клинок. Ничего не получилось: проклятый мальчишка держал крепко. И его пальцы почему-то не падали отрезанными в траву. Даже крови не было видно. И, не в силах уразуметь, что же случилось и как вообще может такое быть, Ригномер ляпнул первое, что явилось на ум:

— Пусти! Отдай меч!

Ляпнул и сам ощутил, до какой степени глупо это прозвучало. Народ, стоявший кругом, начал смеяться. И, кажется, первыми и всех громче захохотали корабельщики-арранты, пришедшие посмотреть собачьи бои, которыми далеко славилась Тин-Вилена.

Аррантам нравится считать свой народ самым разумным и просвещённым на свете. Во всяком случае, они немало преуспели, убеждая в том ближние и дальние племена. Оттого кое-кто (обыкновенно — сам не имевший с ними особого дела) даже склонен полагать слово «аррант» едва ли не близнецом слову «учёный». Так вот, посмотрел бы этот кое-кто на смеющихся мореходов, на их загорелые, отчаянные, щербатые рожи, сияю-

щие предвкушением бесплатного зрелища! Волку почудились знакомые голоса, он покосился... Точно! Корабельщики были те самые, с которыми судьба свела его в ночном переулке.

Они тоже узнали Волка и принялись подбадривать его:

— Молодец, паренёк!

— Так его, забияку!

— Чтоб знал!..

Ригномер налился багровой кровью и, поскольку терять было уже нечего, повторил:

— Отдай меч!

— Отдать не отдам, — усмехнулся Волк, — а вот выменять соглашусь.

Зрители захохотали пуще. Бойцового же Петуха от безвыходности положения осенила редкостная сообразительность, и он зарычал сквозь сжатые зубы:

— Да забирай своего блохастого родственничка!.. Не больно-то был и нужен!..

«Почему?..»

Он сидел в углу чисто подметённого дворика. Сидел в позе сосредоточения — ягодицы на пятках, спина выпрямлена, руки на бёдрах. Когда-то подобное положение тела казалось ему страшно неудобным, даже мучительным. Особенно если приходилось сидеть таким образом сколько-нибудь долго. И он знал людей, которым поза сосредоточения представлялась вдобавок унижительной, а потому они избегали её как могли. Что, мол, ещё такое — на коленях стоять! А потом на них же всяко-разно вертеться, протирая оземь штаны!..

У него тоже от сидения на пятках с непривычки поначалу глаза лезли на лоб. Однако его народ не видел особого толку в пустых жалобах, и особенно в жалобах на ремесло, которым взялся овладеть. «Не получается? — сказала бы его мать, Отрада Волчица, если бы могла в те дни видеть сына. — Значит, мало старался...»

И была бы права, ибо не бывает ремесла, злонамеренно не дающегося в руки. Ежели не даётся — значит, руки дырявые. И он трудился над позой сосредоточения с угрюмым упорством, которое тогда же в нём проявилось. Много с тех пор в нём проявилось такого, чего прежде не усматривали добрые люди... Такого, чего он даже сам в себе не подозревал.

«Почему все предали меня? За что?..»

Перед ним, утверждённая на песке, стояла большая чаша с водой.

Он сидел в том углу дворика, где смыкались стенками две клетки, построенные в разные годы. Старые, местами потрескавшиеся, отбеленные и посеребрённые временем брёвна сходились с новыми, хранящими запах смолы. Он садился именно так, лицом в пустой угол, когда в самом деле стремился чего-то достичь и не хотел, чтобы тень чужого движения или даже игра света на листьях нарушали с трудом достигнутое сосредоточение. Он привык, и чаще всего у него получалось. Но сегодня — ни в какую. Вот Винойр и Шабрак, отец Мулинги, покинули дом и на цыпочках прошли к калитке у него за спиной. Они очень старались не помешать ему, но, конечно, помешали и разозлили вдобавок. Когда что-то не получалось, это всегда по-мальчишески злило его и тянуло сорвать злобу на ком-нибудь постороннем, объявив именно его виновником неудачи.

Это было недостойно, и, повзрослев, он не давал себе воли. Но оттого, что он не пускал раздражение наружу, оно ведь не исчезало...

Он был готов к тому, что вот сейчас Шабрак, выйдя за калитку и оттого вообразив, будто во дворе сделался не слышен его голос, тронет шо-ситайнца за руку и шёпотом спросит: «Что, не получается у него?» И Винойр, пожав плечами, ответит: «Сам видишь. Не получается...»

Какое уж тут сосредоточение!.. Он поймал себя на том, что мучительно вслушивается, разгораясь ещё не нанесённой обидой. Но хозяин дома и его гость ушли молча, не пожелав обсуждать его очередную неудачу.

Ибо это была неудача.

Очередная.

Когда они возвращались со Следа, вдвоём с Винойром катя тележку и клетку на ней — ибо лошадку свою Ригномер, конечно же, выпряг, — Мулинга пошла рядом с ним, Волком. «Много успела нарисовать?» — спросил он её, просто чтобы что-то сказать. Ведь теперь, с уговорённым отъездом Винойра, девушка как бы оставалась ему — ухаживай, сватайся, проси бус, никто не помеха. Мулинга принялась рассказывать, даже показывать руками родившийся у неё замысел: серебристый зверь на тележке — и против него Тхваргхел; благородные, величественные враги. Она говорила, но Волк только впитывал её голос, не размениваясь на слова и любуясь, как играет в её волосах солнце. Может, однажды он будет целовать эти волосы, когда...

Мулинга что-то поняла и вздохнула: «Я буду скучать по тебе, Волк. Ты стал мне как брат...» Он безмолвно смотрел на неё, чувствуя, как переворачивается вверх дном весь его мир. Как так, чуть не спросил он напрямик, ведь это Винойр уезжает, а я остаюсь? Здесь, с тобой?..

«У моего отца не так хорошо идут здесь дела, как он когда-то надеялся, — сказала она. — Батюшка думал, что после нашей свадьбы с Винойром у него будет помощник. Но раз уж Винойру всё равно выпало уезжать, мы и подумали — почему бы нам всем вместе не вернуться за море?»

Колёса повозки размеренно поскрипывали. Зверь, сидевший внутри, внимательно и насторожённо смотрел на людей, переводил взгляд с одного лица на другое, принимался к рукам.

«Уж ты прости, побратим. — Винойр весело шурил топазовые глаза и, похоже, совсем не чувствовал себя виноватым. — Я сам узнал только вчера...»

Волк пожал плечами и удивился откуда-то со стороны, как удалась ему почти настоящая невозмутимость.

«На что ж тут сердиться? — И приговорил, как было в обычае у его племени: — Совет да любовь...»

Не верилось, что этот разговор происходил неполных полдня назад, нынешним утром. И вот теперь, вечером, он сидел в углу двора, откуда скоро уедет Мулинга и с нею Винойр, и пытался достигнуть сосредоточения.

И, естественно, терпел неудачу.

То, что он собирался совершить, было на самом деле сродни стрельбе из лука на состязаниях в святой день Рождения Мира. Там тоже чувствуешь, попадёт ли стрела в цель, едва ли не прежде, чем пальцы разомкнутся на тетиве.

Вот и он чувствовал, что сегодня уже ничего не достигнет.

Из-за забора прокричал петух. По улице с гомоном пронеслась стайка детей... Всё мешало. Всё раздражало его.

Он сделал усилие, отстраняясь от внешнего, и снова стал смотреть на чашу с водой. На глиняный край села муха и поползла по нему, ища съедобных остатков.

Он чувствовал, что готов был возненавидеть дело, которое — странно даже вспомнить — некогда так его увлекло...

Ему рассказывали, как Наставник когда-то проверял себя перед решительной схваткой. Он гасил огонь. Пламя, точно задутое, срывалось со свечного фитилька, повинаясь истечению силы, струившейся вперёд из его раскрытой ладони. Но это, по мнению Наставника, ещё далеко не было мастерством. Любой сколько-нибудь умелый воин на такое способен. Вот когда у него отпала нужда в сугубом движении рук, а свеча стала не то что гаснуть — вообще со стола слетать просто от взгляда и внутреннего напряжения тела, вот тогда только Наставник сказал себе: *Я готов*.

И не ошибся...

Волк понял с самого начала своего обучения: ему тоже понадобится такая проверка. И ещё он понял, что она должна быть совершенно иной, нежели та, которую выбрал Наставник. «Он — Волкодав, а я — Волк, — сказал себе в те дни самоуверенный девятнадцатилетний юнец. — Он воспользовался огнём, а я возьму воду...»

На самом деле кан-киро зиждется на подражании. Ученик повторяет движения учителя, постепенно постигая их смысл, и другого пути не придумано. Даже простого приёма не выучишь ни по самым добросовестным описаниям, ни рассматривая картинки вроде тех, что рисует Мулинга. Но это приёмы, а ведь кан-киро — гораздо больше, чем набор ухваток и увёрток, позволяющих сокрушить напавшего на тебя наглеца! Гораздо, гораздо больше... И оттого первейшая истина, внушаемая всякому новому ученику, гласит: *Смотри на учителя. Подражай ему. Не требуй объяснений, ибо слова вмещают не всё. Просто подражай...*

Но для Волка подражать значило любить. Подражать — значит стремиться стать таким же, как тот, кому подражаешь. А можно ли хотеть уподобиться тому, кого ненавидишь? Или, скажем иначе, тому, кого долг обязывает ненавидеть? Тому, кого поклялся убить?

«Я найду брата, мама. Я разузнаю о его судьбе. И, если его уже нет в живых, — я за него отомщу...»

Вот потому-то и был Волк самым молчаливым и замкнутым среди учеников, потому-то, может, и Мулинга выбрала не его, а смешливого красавца Винойра, — хотя кан-киро Винойра не шло ни в какое сравнение с тем, которого достиг Волк. У Винойра тоже лежало в заплечном мешке немалое горе. Как-никак, он навсегда оставил родные шатры ради замирения с племенем старинных врагов. Но ему не приходилось полных три года разрываться между ненавистью и любовью. Ненавистью, которую Волк, соблюдая данный обет, силился вызвать в себе... и не мог. И любовью, которую отчаянно пытался не допустить в своё сердце.

Ни с кем не посоветовавшись, он ещё в самом начале обучения купил на базаре большую глиняную чашу, покрытую изнутри блестящей белой глазурью. Чаша привлекла его простым совершенством формы, и, присмотревшись, он уже не мог оторвать от неё взгляда. Подобных ей никогда не делали у него дома, и помнится, в нём тотчас заговорила присутствующая любому

венну осторожность, — если мои пращуры такого не ведали, то гоже ли мне?.. Он даже ушёл прочь от прилавка, заставленного мисами, жаровенками и горшками. Но потом, поразмыслив, сказал себе, что и сам оказался от дома весьма далеко, где отнюдь не бывал ни один его предок, да ещё и взялся обучаться кан-киро, о коем достопочтенные пращуры, что называется, слыхом не слыхивали. И Волк поддался другому внутреннему голосу, уверенно говорившему: это *его* вещь, он полюбит её, будет радоваться ей. «Так-то оно так, — всё же подумал венн, приученный к бережливости и к тому, что ни единый предмет не покупается просто ради красоты, а только для пользы. — Но что же я буду с ней делать?»

И вот тогда-то его и осенила мысль о воде.

Он поспешно вернулся к лотку горшечника и очень обрадовался, увидев, что чашу ещё никто не забрал. Щёлкнул по краю ногтем, с удовольствием послушал высокий чистый звон и спросил девушку, стоявшую за прилавком: «Сколько стоит такая миса, красавица?» — «Четверть барашка серебром», — отвечала Мулинга. Он не торгуясь выложил деньги. Потом принёс девушке кулёчек сладостей и маленький нож, показавшийся ему похожим на веннский...

Три года с тех пор он испытывал себя над этой чашей, проверяя свою готовность убить человека, которого не разрешал себе полюбить.

И у него ничего не получалось.

А Мулинга в итоге выбрала другого...

А ведь кан-киро некогда даровала миру Богиня Кан, называемая Любовью... Даровала во утверждение Своей власти — ибо ведала эта Богиня не только радостными утехами женщин и мужчин, как аррантская Прекраснейшая, но вообще всякой теплотой в людских проявлениях. Любовью родителей и детей. Милосердием ко врагу... Отношениями ученика и учителя...

Между прочим, добрые люди уже передали Волку, что говорил о нём Наставник несколько дней назад в корчме у Айр-Донна. «Жалко мне его, — будто бы сказал Волкодав. — Са-

мого главного в кан-киро он так и не понял. И, видать, уже не поймёт...»

Волк раскрыл ладонь, занёс руку — так, словно собирался таранным ударом высадить, самое меньшее, городские ворота, — и движением, в котором знаток усмотрел бы тот самый удар, только невероятно замедленный, поднёс к чаше устремлённую руку...

Поверхность воды, на которую успели осесть какие-то пылинки, даже не шелохнулась. Волк не стал себя обманывать. Лёгкую рябь вызвало дуновение ветерка. А вовсе не его движение, исполненное, как ему казалось по глупости, неимоверной внутренней силы.

«Чего же я не понимаю? — мучительно забилося в душе. — Чего? Дай ответ, Богиня Любовь...»

Нет, поистине не следует смертным то и дело тревожить Богов, испрашивая предвидения и совета. Он ведь уже молился сегодня, вопрошая об исходе неизбежного поединка с Наставником. И получил ответ: жёлтое пятно мочи под брюхом полужадушенного Молодого. Может, именно потому что-то дрогнуло в сердце, когда он заносил руку над чашей: он был заранее уверен, что проиграет свой бой... как и в том, что с водой у него опять ничего не получится. Не вскипит она белым ключом от неосязаемого прикосновения его силы, не выплеснется наземь, послушно и радостно подтверждая его мастерство...

Вот и не получилось.

А просьба о вразумлении, обращённая к Богине Кан, породила одну-единственную мысль, да и то не имевшую никакого отношения к его цели.

Священным символом Богини была вода, удерживаемая и подносимая на ладонях милосердия и любви. Кто-то видел в ней слёзы, пролитые над несовершенством и жестокостью мира. Кто-то — священную росу для омовения и очищения страдающей, заблудшей души. Кто-то — горсть воды, припасть жаждущими устами...

Почему-то Волк никогда раньше не вспоминал этот символ, когда смотрел в свою чашу. И то сказать, у него здесь была совсем иная вода. Она отражала солнце, садившееся в облака, и казалась красной от крови. Такой водицей набело не умоешься — лишь осквернишься. И жажду не утолишь.

«Чего же я не понимаю? Чего?..»

Над Тин-Вилоной ещё догорал вечер, а в северной части океана, который шо-ситайнцы называли Восточным, арранты — Срединным, Крайним или просто Великим, а нарлаки — Западным, стояла уже глубокая ночь. Сторожевые тучи исполинского шторма проходили южнее, и над мачтой «косатки» неслись лишь изорванные ветром клочки и лоскутья, за которыми не могли надолго укрыться путеводные звёзды. На закате в облаках шёл бой, там рубились и пировали герои. Теперь в вышине скользили бесплотные привидения: души, не заслужившие честного посмертия, безрадостно уносились в пасмурные владения Хёгга. Полная луна то пряталась за ними, то вновь принималась плавить в океане чёрное серебро. Свет был до того ярок, что глаз без труда различал цвета, а парус отбрасывал на корабельные скамьи и спавших под ними людей непроглядную тень.

Ветер дул спокойно и ровно, и на всей «косатке» бодрствовали только два человека: зоркоглазый Рысь у руля — да кунс Винитар, лежавший под меховым одеялом на своём месте, на самом носу.

Палуба «косатки» размеренно вздымалась и опускалась, переваливаясь с носа на корму и менее заметно — с борта на борт. Корабль хорошо потрудился и теперь отдыхал, и ветер, поменявший направление, более не противился ему, а, наоборот, упруго подставлял крыло. Сине-белый клетчатый парус был подвёрнут чуть ли не вдвое. Это затем, чтобы не отстала вторая «косатка», шедшая позади.

На бывшей лодье Зоралика теперь хозяйничали комесы Винитара. В бою они полностью *очистили* вражеское судно. То

есть попросту перебили противников до последнего человека. Нет, сыновья Закатных Вершин были не из тех, кто сомневается в одержанной победе до тех пор, пока дышит хоть один неприятельский воин. Если бы Зоралик явил настоящее мужество, возможно, ему и кое-кому из его людей досталась бы пощада, — ведь грех убивать отважного недруга не по святому праву мести, а просто ради убийства. Но вскоре после того, как корабли столкнулись и началась рукопашная, кто-то из воинов Винитара увидел на палубе красивый шлем с золотой полоской на стрелке, кольчугу, отделанную на груди опять-таки позолотой... и меч, вдетый в богатые ножны. Оружие, могущее принадлежать только кунсу! И притом — кунсу, жаждущему утвердиться!.. Доспех был спрятан в укромном уголке под скамьей, — его выбило оттуда сотрясение при ударе кораблей. Видно, тот, кто прятал его, просто не успел добраться до трюма, а выкинуть за борт не позволила жадность. Вдруг всё же доведёт судьба победить, так зачем загоя лишаться богатства?..

«Я бы понял вождя, который перед боем сбрасывает доспех, — сказал тогда Винитар. — Презирающий смерть достоин похвал. Но бросить меч? Это может означать только одно: Зоралик в случае поражения боится быть узнанным...»

Так оно впоследствии и оказалось. Когда кончился бой и воины, ходившие за недостойным вождём, отправились скитаться по отмелям Холодной реки, Винитар обнаружил, что в сражение, несмотря на сугубый запрет, успел ввязаться старик Аптахар.

«Тебе, я смотрю, одной руки многовато!» — хмуро заметил молодой вождь, глядя, как Рысь перевязывает Аптахару плечо.

«Давненько не получал я добрых боевых ран, — с законной гордостью отвечал старый воин. — А ты, сынок, прежде чем бранить меня, знай: я зарубил врага, целившегося тебе в спину. Вот он лежит, сам посмотри!»

По совести молвить, Винитара даже в толкотне и сумятице боя не очень-то просто было достать со спины, и Аптахар знал это не хуже него.

«Где?» — спросил Винитар больше для того, чтобы доставить ему удовольствие. И склонился над человеком, распёртым около мачты. Убитый действительно держал в руке лук, хотя колчана у него на боку не было. Это заставило Винитара присмотреться внимательнее, и тогда он заметил, что сапоги воина были расшиты драгоценными шелками Мономатаны — красным, зелёным и золотистым. Отсутствие колчана сразу стало понятно. Недостойно вождя идти в бой с луком: оружие, убивающее издалека, не для кунса. Его оружие — святой меч, справедливый кинжал...

«Насчёт боевых ран ты хорошо сказал, дядька Аптахар. А я ещё добавлю: и славных ударов не наносил!»

Тяжёлый и длинный, почти в локоть длиной, боевой нож Аптахара начисто перерубил прочную кибить* лука и уже на излёте бешеного размаха глубоко рассёк шею стрелка. Вот на какие подвиги оказался способен однорукий калека, усмотревший, что воспитаннику угрожает опасность!..

«И в самом деле похож на Забана, — продолжал Винитар, рассматривая тяжёлое лицо, ястребиный нос и рыжеватые с густой проседью волосы Зоралика. — Может, тот ему и вправду отец?»

Смерть не сумела стереть с лица павшего выражение жестокой обиды. Когда клинок Аптахара перерубил ему шейные жилы, он ведь успел осознать, что умирает, и умирает бесславно.

«Отец? — фыркнул Аптахар. — Значит, не станут говорить про Забана, будто он сумел родить хорошего сына!..»

...Теперь Винитар вспоминал эти слова и поневоле раздумывал, скажет ли кто-нибудь то же самое про его собственного отца. Раздумья, правду сказать, получались невесёлые. Винитар смотрел на чёрные, с широкой серебряной оторочкой тени облаков, скользившие по лику луны, и вспоминал, как впервые увидел чужую кровь у себя на руках. Ему было тогда одиннад-

* *Кибить* — деревянная часть лука, рукоять и два рога.

цать зим, и один из комесов отца за пивом сболтнул, что-де кунсу следовало бы взять в жёны настоящую сегванку, скажем с острова Печальной Берёзы, а не какую-то неженку с Берега, еле выродившую единственного сына. Да и тому, мол, умудрилась передать свои глаза, а не мужнины...

«Чем рассуждать о чужих глазах, поберег бы свои», — ровным голосом сказал ему сын этой неженки. И, не озаботившись подхватить хотя бы нож со стола, хладнокровно и точно ткнул воина в лицо просто рукой — пальцами, сложенными «лезвием копья». Именно хладнокровно, а не в порыве вспыхнувшей ярости. Его матери давно не было на свете. Она умерла девять зим назад, пытаясь родить второго ребёнка. А отец не торопился с новой женитьбой, поскольку ледяной великан всё необоримее придавливал остров, и кунс подумывал о переезде на Берег.

«Эй, уймись! — прикрикнул отец на разъярённого воина, зажимавшего рукой изувеченную глазницу. — Подумаешь, мало ли одноглазых на свете!.. — И повернулся к сыну, чтобы едва ли не впервые расщедриться на похвалу: — А ты, как я погляжу, не такой уж никчёмный, как мне раньше казалось...»

Плох тот вождь, который скверно разбирается в людях. Но Богам оказалось угодно, чтобы кунсу Винитарю по прозвищу Людоед выпало ошибиться в собственном сыне. Всего год спустя, когда они уже жили на Берегу, мальчишка вконец разочаровал отца, наотрез отказавшись участвовать в ночном нападении на соседей-веннов, справлявших наречение имени одному из своих сыновей.

«Я помню наши сказания. У того, кто нападает ночью, нет чести», — заявил молокосос прямо в глаза кунсу. За что был избит немедленно и безо всякой пощады. Мало ли что случается между отцом и сыном, пережили и схоронили!.. Но, как потом оказалось, давней стычки так и не забыл ни тот, ни другой. Миновало ещё несколько зим, и юный Винитар покинул отца, отправившись в глубину Берега. Туда, где справным воинам обещали достойную службу могущественные властители страны Велимор. Люди говорили, старого кунса не удивил отъезд

сына. И даже не особенно огорчил. Гораздо большее ударило его то, что с Винитаром — это сухим-то путём! — ушла чуть не вся морская дружина, некогда приведённая Любоедом с острова Закатных Вершин, и остался кунс в только что выстроенном замке едва ли не с одними наёмниками.

А ещё через несколько зим...

Многим по всей справедливости гордятся славные тин-виленцы, и в том числе — закатами, осеняющими их город. Ясное дело, не всякий закат в Тин-Вилене удаётся красивым, но если уж удаётся, то многие соглашаются, что подобного в иных местах не найти. И даже в Аррантиаде, чьи жители бахвалятся красотами своей земли так, словно сами их создали.

Весной тин-виленское солнце долго не может успокоиться за хребтами, оно касается пиков и на время пропадает из глаз, потом снова показывается между вершинами. Свет его в это время неистово ярок, и горы предстают сплошной зубчатой тенью, и невозможно отделаться от мысли, будто там, за чёрной стеной, и есть уже самый край мира. Бессильно шепчет рассудок, что Заоблачный кряж отграничивает не иномирье, а всего лишь Озёрный край, где стоят поселения и живут обычные люди, и там в это самое время ловится рыба, чинятся сети, варится пища. Закат в Тин-Вилене — не та пора, когда хочется слушать доводы разума... А после солнце совсем уходит за горы и разливается позади них медленно стынувшим заревом, сперва алым, потом малиновым и наконец — пепельно-голубым. И, пока это длится, наступает некоторый миг, когда горы начинают испускать своё собственное свечение. Каждый пик, каждый склон окутывает полоса нездешнего пламени. Золотого на алом. Алого на холодном малиновом. Ускользящего малинового — на пепельной синеве...

А потом остаётся лишь синева, и в ней разгораются весенние звёзды...

Ветер шептал что-то жухлой степной траве, но мёртвая трава едва ли слышала его печальную песню. Скоро, совсем скоро её

сменяют новые ростки, уже выбившиеся из земли среди старых корней. Им цвести, им танцевать и разговаривать с ветром — до осени, до зимнего снега.

В нескольких поприщах от стен Тин-Вилены, там, откуда нельзя уже было видеть окутанный ночной сенью город, только огни четырёх маяков, да и те казались крупными звёздами, низко повисшими над горизонтом, — посреди ровной степи стояли двое.

Два родственника, два брата. Оба — Волки, зверь и человек.

Волк, которого мать звала Пятнышком, напряжённо вбирал незнакомые звуки и запахи шо-ситайнской степи, где отныне ему предстояло жить. Бок о бок с человеком он только что одолел половину большого и враждебного города, который при иных обстоятельствах заставил бы его обезуметь от страха. На улицах скрипели колёса, шаркали ноги и стучали копыта, лязгало и звенело железо, а каждый порыв ветерка обрушивался шквалами немыслимых запахов. За заборами бесновались лютые псы, в двух шагах на чём свет стоит ругались возчики и верховые, чьи кони, чуя волка, неудержимо шарахались. Улюлюкали и свистели мальчишки, и, путаясь у всех под ногами, гавкающим половодьем катились по пятам трусливые шавки, сбежавшиеся чуть не со всего города полаять на извечного недруга. Будь Пятнышко один, ему бы не поздоровилось. Но рядом шагал брат, и его рука лежала у Пятнышка на загривке, и невольно дыбившаяся щетина тотчас укладывалась на место, и волк шёл вперёд, тесно прижимаясь к бедру человека, не глядя ни вправо, ни влево — и не останавливаясь, чтобы огрызнуться в ответ на бессчётные оскорбления.

Дорога показалась ему нескончаемой... Но вот город остался далеко позади, кругом лежала вольная степь, и волк знал — пришло время прощаться.

Человек по имени Волк опустил на колени и обнял его.

— Беги, Пятнышко, — тихо сказал он, запуская пальцы в густую звериную гриву и последний раз вбирая ноздрами за-

пах родной северной чащи. — Беги на свободу. Здесь всё не так, как в наших лесах, но ты, я знаю, не пропадёшь. Ты скоро поймёшь здешнюю жизнь. Ты встретишь стаю и сделаешься её вожаком. А потом тебя выберет волчица, и ты продолжишь свой род... Беги, брат мой!

Человек крепко зажмурился, давя необъяснимо подступившие слёзы, — и опустил руки. Некоторое время ничего не происходило. А потом на его запястье сомкнулись челюсти волка. Зубы, способные раздробить лошадиную ногу, тронули кожу человека так бережно, что жаркое, влажное дыхание, рвавшееся из пасти, было едва ли не ощутимей нажатия клыков. Прикосновение длилось недолго... У человека был острый, отточенный слух, которым не обладает ни один горожанин. Но и он не сумел уловить ни шороха, ни шелеста удаляющихся шагов. Только рассеялось ощущение близкого присутствия волка, и венн понял, что остался один.

Винитар устало вздохнул и повернулся на другой бок, не в силах заснуть. Ночной ветер негромко посвистывал в снастях, напевая колыбельную, с детства знакомую всякому морскому сегвану. Волны приглушённо шипели, расступаясь перед форштевнем и обтекая борта: над обводами «косатки», шлифуя нынешнее совершенство, трудились поколения сегванских корабелов и мореходов. Облака всё так же беззвучно скользили над головой, то пряча, то вновь открывая луну. На закате эти облака были безумными и вдохновенными мыслями поэта, а сейчас... Была на Островах поговорка, касавшаяся пустяковых вроде бы горестей, способных, однако, слиться в сводящее с ума ощущение безысходности: «О чём думает старуха, когда ей ночью не спится...»

...Через много зим после своего отъезда вглубь Берега, когда успело произойти немало всякого разного, когда Винитар оказался женат, но так и не увидел жену, когда не стало отца, а он,

сын, вынужден был отпустить убийцу, попавшего к нему в руки, — в общем, месяца три назад он заглянул в Галирад.

Он собирался наконец-то навестить родной остров, которого не видал уже очень давно, с самого времени переезда на Берег. Но и Галирад был ему городом в некотором роде не чужим: как же не заехать туда?

В сольвеннской столице его принимали по-родственному. Ещё бы, ведь кнес Глузд Несмеянович до сих пор числился ему законным тестем, да и молодая кнесинка Эртан с теплотой вспоминала замок Стража Северных Врат и то, как справедливое письмо кунса защитило походников от навета... Вот и вышло, что Винитар стоял на причале, наблюдая, как его «косатка» грузилась припасами для дальнего плавания, и тут к нему подошёл человек.

«Святы Близнецы, чтимые в трёх мирах... Ты, верно, кунс Винитар с острова Закатных Вершин, сын Винитария Людоеда?»

Он обернулся и тут же признал в незнакомом человеке, во-первых, жреца Богов-Близнецов, а во-вторых, своего соплеменника. Именно во-вторых. Вера Близнецов учила не делать различий между племенами, и потому самые рьяные её приверженцы напрочь оставляли обычаи родной старины, предпочитая двуцветные красно-зелёные одеяния, носимые во имя путей божественных Братьев. Однако выговора не скроешь — как и черт лица, присущих лишь коренным выходцам с Островов.

«Так меня вправду кое-кто называет, — неохотно отвечал Винитар. — А ты кто таков и что тебе надо?»

«Люди именуют меня Хономером, — слегка наклонил голову жрец. — И мне кажется, тебе не придётся жалеть, если захочешь со мной побеседовать».

Винитар недовольно подумал, что мог бы и сам догадаться об имени, если бы удосужился попристальней разузнать, что делалось в городе. Гласила же мудрость длиннобородого Храма: прежде, нежели входить в дом, прикинь, как будешь выбираться обратно... Вслух кунс произнёс:

«О чём нам беседовать? Я не враждую с твоими Богами, но и от своих пока что отречься не собираюсь...»

Хономер усмехнулся:

«Примерно так говорил со мной и некий другой человек здесь же, в Галираде... почти семь лет тому назад. — Его вера учила измерять время не зимами и ночами, как было издавна принято у сегванов, а солнечными летами и днями. — Этот человек отзывался на собачью кличку и держал при себе ручного зверька. Летучую мышь».

«И что с того?» — хмуро поинтересовался Винитар. На самом деле сердце у него сразу застучало быстрее, но показывать это он отнюдь не собирался. Негоже.

«Мне подумалось, ты не отказался бы встретиться с ним».

Винитар молча отвернулся и стал смотреть на морской горизонт, туда, где — далеко-далеко, в неделях пути, у самого края мира — лежали незримые отсюда Острова.

«Я не первый раз в Галираде, — начал негромко и неторопливо рассказывать жрец. — Семь лет назад я уже проповедовал здесь... и, должен признаться, потерпел весьма обидную неудачу. В те годы я думал, что для здешних язычников всего убедительней окажется воинское превосходство — как для иных южных народов, подверженных мору, в своё время оказалось убедительным прекращение вредоносных поветрий. Увы, я ошибся. Моего воина посрамил человек, о котором я говорю. Предвечному было угодно надолго затем развести наши дороги, и я начал уже понемногу о нём забывать. Но три года назад он объявился в городе, где стоит мой храм: в Тин-Вилене, на севере Шо-Ситайна. Этот человек и сейчас там живёт. Я же вновь приехал сюда проповедовать, ибо не хочу, чтобы кто-то сказал, будто наша вера потерпела здесь поражение».

Винитар тем временем успел искоса присмотреться к жрецу и отметил то, что, по его мнению, следовало отметить. Ладное, гибкое, мускулистое тело, подходившее скорее воину или охотнику, но никак не смиренному служителю Богов, взыскую-

щему книжной премудрости и просветления духа. Широкие жилистые запястья, крепкие пальцы, мозолистые ладони...

«И что? — спросил он Хономера. — На сей раз ты хочешь, чтобы твоим воином стал я? Или сам намерен сразаться?»

К его некоторому удивлению, жрец рассмеялся.

«У здешнего народа, — сказал он, — есть присказка о простаке, который, шагая в темноте, вновь и вновь наступает на грабли и никак не поймёт, кто же это так ловко бьёт его по лбу. Нет, сын Винитария, я не хочу повторять однажды сделанную ошибку. Теперь мы с братьями трогаем души людей притчами о смертной Матери божественных Братьев, скромно надеясь, что сольвенны поймут красоту нашей веры и увидят её преимущество перед поклонением... — тут он презрительно скривил губы, — Матери Живе, которому они до сих пор здесь предаются. И в этом деле, кунс, ты мне уж никак не помощник».*

Хономер замолчал. Винитар понял: жрец сказал ему всё, что собирался сказать.

«Я не буду благодарить тебя, — проворчал мореплаватель. — Потому что ты пришёл сюда сам и окликнул меня по собственному желанию, а я тебя за язык не тянул. Лучше я тоже расскажу тебе про одного человека. Быть может, его участь заинтересует тебя».

«Кем же он был?»

«Твоим единоверцем. Он носил жреческие одеяния, как и ты, хотя далеко не такие яркие. Я в то время только-только надел меч, а он был уже стар. Его приютили наши соседи, венны из рода Серого Пса. Их дети добывали для него берёсту, и он записывал сказания этого народа».

«Записывал? Вместо того, чтобы обучать их истинной вере? Станный жрец... Стоит ли удивляться, что к возрасту почтенных седин он не сподобился достичь сколько-нибудь высокого сана!»

** Притча — букв. «случай», короткий поучительный рассказ о событии, некогда (по мнению рассказчика) происшедшем в действительности.*

«Может, ты и прав, но дети веннов приветствовали его так, как приветствовал меня ты, потому что желали порадовать старика. Я думаю, они крепче уважали вашу веру и больше знали о ней, чем те, перед кем ты проповедуешь, Хономер».

«Я поразмыслил над твоими словами, — после некоторого молчания пообещал жрец. — Ибо сказанное разумным язычником бывает куда более достойно работы ума, нежели праздная болтовня иных правоверных. Так что же случилось с этим жрецом? И не припомнишь ли, кунс, как его звали?»

Винитар ответил:

«Как его звали, о том спрашивай не меня, а человека, который держит ручную летучую мышь. Он был в числе веннских детей, слушавших почтенного старца, и в его познаниях ты мог сам убедиться, если только вправду был с ним знаком. Что же до судьбы старика... Он пал от рук комесов моего отца, когда они с оружием явились на праздник, куда их звали гостями. А берестяные книги, которые он составлял несколько зим, были брошены комесами в костёр. И это я уже видел сам».

«Никому не дано знать, где и как оборвётся его жизненный путь, — вздохнул Хономер. — И чего будет стоить труд целой жизни на суде Близнецов... каким бы значительным он нам самим ни казался. Спасибо тебе за беседу, сын Винитария...»

«И тебе спасибо. Ты славно позабавил меня», — отозвался молодой кунс. Позабавил — такова была у сегванов высшая похвала за рассказ, и он надеялся, что Хономер ещё не успел этого позабыть.

Жрец вновь едва заметно поклонился ему и, повернувшись, зашагал прочь по деревянной мостовой, опиравшейся на несокрушимые дубовые сваи. Он не прибавил ни слова, но Винитар разбирался в людях, пожалуй, не хуже, чем его давно погибший отец. И он понял — повесть о старом жреце глубоко зацепила Хомера. Винитар не отказался бы узнать почему.

А вот что он знал со всей определённойостью — это то, что по окончании погрузки он скажет дружине: «Наш остров просто-я в океане четыре тысячи лет, и даже великаны не много ново-

го сотворят с ним за месяц или два, на которые мы задержимся. Я надумал сперва посетить Тин-Вилену!»

А ещё он знал, что Хономер тоже видел людские сердца насквозь, точно опытный мореплаватель — очертания волн и свечение воды, идущее из глубин. И значит, тин-виленский ученик Блинецов наверняка уже догадался, что кунса надобно в самом скором времени ожидать в гости...

...Винитар встрепенулся, как от толчка. Но не оттого, что палуба «косатки» представляла собой слишком жёсткое ложе, — он не был избалован и очень редко позволял себе спать на чём-либо более мягком. Нет, Винитара пробудило от напозавшей дремоты явственное ощущение близкой опасности. Опасности безмянной, неотвратимой и грозной!..

Первым помыслом опытного боевого кунса было громко подать голос, поднимая тревогу. Но почему-то — быть может, делая непростительную глупость — он удержал в себе крик, решив для начала оглядеться и хорошенько прислушаться. На луну как раз набежала очередная тень; впрочем, кунс, вскинувшийся на локте, отчётливо видел на кормовой скамье силуэт рулевого. Рысь сидел совершенно спокойно, сверяя со знакомыми звёздами послушный бег корабля... «Я действительно превращаюсь в старуху, которой ночью не спится, — с досадой подумалось Винитару. — Здесь кругом открытое и глубокое море, безо всяких отмелей и подводных скал. Ветер попутный... О чём я тревожусь?»

Он ещё додумывал эту мысль, когда проворное облачко скользнуло с лика луны... и Винитар УВИДЕЛ.

Он увидел скалу, которой просто не полагалось тут быть, но она была. И совсем близко. Она высилась чуть впереди, грозно и жутко нависая над правым бортом «косатки». До неё оставалась едва ли сотня шагов. Луна в упор изливала на неё своё серебро, не ведающее полутеней. Яркий свет озарял все изломы голого камня, превращая каждый выступ — в разящее лезвие, каждую выбоину — в бездонный провал.

Странной, страшной и непростой представляла эта скала... Винитар никогда прежде не видел её, но узнал сразу. Нагромождение чёрных, изъеденных морем утёсов явилось кунсу исполинским конём, вздыбленным перед прыжком в никуда. Ветер пел, овевая чудовищные копыта, занесённые в бешеной скачке и готовые вот-вот растоптать маленькую «косатку»... И сидевший в седле отнюдь не сдерживал каменного скакуна. Одна его рука была простёрта вперёд, над гривой коня, другая тянулась к мечу. А лицо, изваянное резкими тенями луны... такой лик мог бы быть у длиннобородого Храмна, когда Он прознал о гибели сына и бросил на плечи синий плащ мести. Горе и ярость, овеществлённые случайным расположением камня и прихотью лунного света...

Под копытами Всадника молча kloкотало белоснежное кольцо бурунов, «косатку» неудержимо влекло навстречу погибели — а Рысь, словно ничего не замечая, всё так же безмятежно вёл судно, доверившись маячкам родных звёзд, и Винитар отчётливо понимал: даже если закричать прямо сейчас, поднимая всех по тревоге, — они уже ничего не успеют. Ни вытащить вёсла, ни поспешно переложить руль. И, хотя не к лицу сегванским воителям умирать вот так, прямо во сне, даже руки не подняв для защиты, — Винитар почему-то снова не закричал.

Наверное, оттого, что происходившее было поистине превыше его крика, превыше любых деяний мореходов, силящихся уберечь корабль от погибели на клыках коварного рифа...

Он поднялся на ноги и прямо посмотрел Всаднику в чёрные провалы глазниц. Правильный, чтущий заветы предков сегван всегда ложится спать обнажённым, в том числе и на корабле посреди моря, — и Винитар стоял перед грозным пришельцем в чём мать родила.

— Мои люди ни в чём не повинны перед тобой, — сказал он негромко. — Никто из них никогда не бывал в Шо-Ситайне. И предки их, насколько я ведаю. А если за мной усматриваешь какую вину, так и спрашивай с меня, а не с них.

Всадник, как и следовало ожидать, ничего ему не ответил... Новое облачко сокрыло луну, и на несколько мгновений Винитар напрочь перестал что-либо видеть, даже серебристые взблески на волнах вдали, там, где море было свободно от тени... Сделав он ничего больше не мог, а потому стиснул кулаки и стал просто ждать. Всякий мореплаватель, мало-мальски опытный на руле, даже с закрытыми глазами умеет прикинуть ход судна и пройденное расстояние... За миг перед тем, когда должен был раздаваться хруст смятого дерева и жалобный треск мачты, Винитар отчаянно напрягся всем телом, готовясь принять неминуемое...

Но ничего не случилось.

Лишь ненадолго окутало стилой, как из ледника, сыростью, а волосы мигом покрылись жемчужной россыпью влаги — так, словно корабль прошёл сквозь клочок густого тумана, плывшего непосредственно по волнам.

Ветер оттащил прочь рваный край облака, и вновь выглянула луна, озарив океан на много поприщ вокруг. Винитар завертел головой, разыскивая Всадника, но море было пустынно — и впереди, и за кормой. Постояв ещё немного, кунс опустился на палубу и натянул добротное овчинное одеяло. Если бы не кисея ледяной сырости, облепившая тело, он точно решил бы, что ему примерещилось.

На эту ночь Волк не пошёл в крепость. Там у него имелось жильё и сохранялись пожитки, но ему и раньше случалось ночевать в городе — либо в какой-нибудь корчме, либо у почтенного горшечника Шабрака, отца Мулинги, — и никто ему за это не пенял, лишь бы он не опаздывал к утреннему уроку.

Волк шёл и думал о том, как расскажет Винойру о своём расставании с Пятнышком, и побратим звонко хлопнет себя руками по бёдрам: «Только смотри не проболтайся об этом людям из наших кочевий, парень! Они тебе голову оторвут и на кан-киро твоё не посмотрят! Ты хоть понимаешь, какую услугу

им оказал?! Минует лето-другое, и здешние волки сделаются в два раза крупней прежнего...»

Пусть говорит, пусть подтрунивает. Волк и не подумает обижаться. Совсем скоро от пристани отвалит большой торговый корабль. Он увезёт за море меднокожего Винойра, вытаскившего жребий скитальца. И с ним — Мулингу. И её отца, уже сговорившегося о продаже двора...

Странное дело, Волк всего менее ревновал девушку, которую недавно считал почти что невестой. Не точил ядовитый клык на побратима, её вроде бы умыкавшего. Нет... Он беспокоился, приживётся ли шо-ситайнец в далёкой стране Саккарем, будет ли к нему милостива тамошняя Богиня, не покусится ли кто-нибудь слишком алчный на его драгоценного жеребца по имени Сергитхар. Мулинга?.. Схлынула первая обида, и Волк обнаружил, что «измена» девушки вовсе не погасила для него солнце. Если бы, к примеру, он не смог одолеть Ригномера, если бы Пятнышко разорвали псы на Кругу... ему было бы больней. Мулинга же, по мнению венна, вольна была выбирать — тем более что он не успел даже попросить у неё бус. Может, с Винойром ей окажется не так хорошо, как она ожидает, и она задумается, не сделала ли ошибку. Но это не его, Волка, дело.

Его дело — вызвать Наставника на поединок. Чтобы убить. Или самому оказаться убитым.

— Потому что он — Волкодав. А я — Волк.

Молодой венн даже выговорил вслух эту формулу старинной, не ведающей примирения вражды. Выговорил... да так и замер посреди степной дороги, что была дорогой лишь на ближних подступах к городу, а поодаль от стен распадалась на дорожки и тропки, постепенно терявшиеся на травянистой равнине. Так текут реки халисунских пустынь, исчезающие в песке.

— Да чтоб я сдох, — прошептал он некоторое время спустя, по-прежнему не двигаясь с места. Хорошо знавшие Волка немало удивились бы подобным речам. Венн слыл человеком су-

рового и строгого нрава и, в отличие от многих других учеников, сквернословил исключительно редко.

Но теперь как раз и был тот самый исключительный случай, ибо на Волка снизошло озарение.

Он наконец понял, что Боги всё-таки ответили ему. Он гадал об исходе грядущего боя с Наставником — и Они, вняв молению, ниспослали ответ. Только он, глупец, сразу не уразумел его. Зато теперь слышал Голос свыше так явственно, как если бы вернулся тот тихий вечер в Нарлаке и маленькая женщина, принятая им за деревенскую дурочку, вновь ласково взяла его за руку. *Нет никакой предопределённости, сынок. Ты торопишься узнать ответ, а сам ещё не задал нужных вопросов. Ты ещё не совершил поступков, могущих направить судьбу, а главное — не обрёл Понимания, необходимого, чтобы их совершить. Так вот же, что будет, если ты не сумеешь прозреть...* — И белоснежное брюхо Молодого облила постыдная струйка. — *А вот другой поединок. Так надлежит биться зрячему...*

Где-то далеко-далеко, в свободной степи, струился под лунной серебристый мех Пятнышка, и в пушистой гриве путались звёзды.

Видишь, сынок? Ты вполне способен на это. Кажется, я не ошиблась в тебе...

— Спасибо, матушка, — снова вслух тихо проговорил Волк. — Ты права. Клетки нужно ломать.

Стояла глубокая ночь — время, когда, согласно древним законам, привезённым ещё переселенцами из Нарлака, городские ворота не открывались ни перед кем, будь то хоть сам правитель страны. Однако на Тин-Вилену за всю её историю ни разу не покушалось ни одно неприятельское войско. А посему, хотя ворота исправно запирались и до самого рассвета стояли закрытыми, — неусыпная стража на пряслах* не бдела, как где-нибудь в Фойреге или в Кондаре. Да и стена была — громко

* На пряслах, прясло — участок крепостной стены между двумя башнями.

сказано; не город окружала, а выселки отгораживала от Серёдки. Бедноту от богатеев, как иногда говорили. Всяких пришедших — от коренных. Впрочем, по обе стороны жил народ, не лишённый озорной жилки и склонный порой к ночным похождениям, — то есть удобные перелазы давным-давно были разведаны.

Волк преодолел тин-виленскую стену даже не один раз, а дважды. Двор не слишком зажиточного горшечника Шабрака помещался, конечно, не в старом городе, а вовне. Вот только выселки эти располагались с другой стороны, не с той, откуда шёл Волк.

Внутри стен были прямые и узкие чистые улицы, вымощенные камнем. Здесь можно было встретить стражников, здесь горели заправленные маслом светильники, а состоятельность жителей чувствовалась даже не по домам — достаточно было посмотреть на внушительные каменные заборы.

Выселки имели совершенно иной вид. Дворы здесь тоже огораживались глухими заборами, но в основном деревянными, сколоченными из горбыля. А улицы хоть и отличались шириной, но были донельзя запутанными и кривыми, ибо приезжие строились каждый как мог, и вдоль заборов отвоёвывал себе пространство непобедимый бурьян.

И нигде — ни огонька.

Зелёные и людные днём, к ночи выселки превращались в глуховатое и определённо опасное место, очень мало подходившее для поздних прогулок.

Но — только не для учеников Волкодава.

Нет, не то чтобы они были так уж уверены в собственной непобедимости. И не то чтобы их тут кто-то боялся. Нет, конечно. Истинная причина крылась в чём-то другом, но вот в чём именно — Волк даже не пытался расспрашивать. Какое ему дело? Ему достаточно было и того, что люди из Младшей Семьи никогда не задирали его, а Шабраку эти молодцы в кожаных безрукавках, обшитых кольчужными звеньями, даже по-

могли найти хорошего покупателя, давшего за дом и двор достойную цену...

Волк навывлет прошёл две кривоватые улочки, не обращая никакого внимания на подозрительные тени, маячившие за углами. Кто бы там ни скрывался, на него они нападать не собирались, — он бы это почувствовал. Ворота Шабракова двора были уже заперты. Волк не стал беспокоить почтенного хозяина и его дочь, махнул внутрь прямо через забор.

Здесь на него свирепо и почти молча набросились дворовые псы.

Как было принято среди тин-виленцев, Шабрак держал пару местных собак, и они сторожили хозяйство согласно обычаям своей породы. Любопытная сука высматривала и вынюхивала прокравшегося злоумышленника, а обнаружив его, звала кобеля, грозного, но порядком ленивого, — и уже тот мчался крушить. И если только воришка не падал сразу на землю, а сдуру пробовал отбиваться... хозяин двора мог и не успеть к нему на подмогу.

Однако Волк был своим. На полпути псы узнали его запах и, очень смутившись, разыграли целое представление, притворяясь, будто на самом деле не нападали, а спешили приветствовать и скорее узнать, откуда это так разит волком. Молодой венн рассеянно потрепал две корноухие головы и сразу пошёл в угол двора, где с вечера стояла его чаша с водой.

Псы, оказывается, успели досуха вылакать из неё всю воду. Волк досадливо мотнул головой — не потому, что брезговал, просто уж очень велико было стремление скорее, как можно скорее дать облик новообретённому Пониманию, — и зачерпнул свежей воды из дождевой бочки под свесом крыши. Сдерживая нетерпение, бережно утвердил чашу на земле. Опустился рядом с ней на колени и замер, успокаивая дыхание.

— Клетки нужно ломать! — наконец повторил он вслух. И, медленно выдыхая, занёс руку с развёрнутой, как для удара, ладонью...

Луна, отражавшаяся на поверхности, разлетелась на тысячу серебряных осколков — вода хлестнула из чаши во все стороны веером, облив Волку колени и забрызгав стену клетки. А сама чаша подпрыгнула, словно от удара по краю, и перевернулась в воздухе. По счастью, земля в углу двора была мягкая, так что посудина не разбилась.

Волк откинулся на пятки, закрывая глаза, и тут только почувствовал, до какой степени вымотал его этот длинный день. Зато теперь в душу изливался покой, которого он не ведал уже давным-давно.

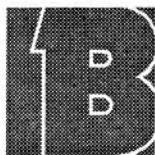
Тебя я знаю вдоль и поперёк.
Ты мог
Моим бы стать, пожалуй, близнецом.
В мой дом
Войдёшь и тоже знаешь что да как, —
Мой враг.

Тебя я знаю вдоль и поперёк.
Исток
Вражды потерян в изначальной тьме.
Ты мне
Роднее брата, ближе, чем свояк, —
Мой враг.

Тебя я знаю вдоль и поперёк.
Жесток
От прадедов завещанный закон.
Но он
С тобою навсегда нас вместе спряг,
Мой враг.

Тебя я знаю вдоль и поперёк.
Итог —
С такой враждой не надо и любви...
Живи
Сто лет. Удач тебе и благ,
Мой враг.

3. Мост через реку Край

от что получается, когда слишком долго живёшь под каменным кровом!..

Умом Волкодав понимал, что книжной странице полагалось быть желтовато-песочной — по свойству старой бумаги. Однако глаза упорно твердили иное. Траченный временем лист рисовался им муравово-серым, точно слой пепла из самой середины кострища, оттуда, где огонь бушевал злее всего. Он покосился на свечку, стоявшую на столе. Пламя было бесцветным. Этаким язычок холодного света, безо всякой голубизны у фитилька и тёплой каёмки ближе к вершине. Венн осторожно повёл головой — осторожно потому, что глаза ещё и перестали попевать за движением, воспринимая то, что должны были увидеть, словно бы с некоторой задержкой. Резко повернуться значило заработать приступ отвратительной дурноты. Впрочем, он мог бы и не ози-раться. Весь остальной чертог храмовой библиотеки тоже на-прочь утратил присущие ему краски. Исчезла подчёркнутая воском и умелой полировкой живая, глубокая, благородная краснота деревянных полок, покоивших несчётные фолианты. Лишились привычного облика корешки, украшенные то над-писями, то многоцветным узором, а иные и позолотой. Всё сде-лалось серым, и лишь тонкие переливы на поверхности пепла позволяли узнавать мир и догадываться, каким он был прежде.

Волкодаву было уже знакомо это до крайности пакостное состояние, вызванное, насколько он мог понять, жизнью под неблагословенным каменным спудом. Оно накатывало безо всякого предупреждения, длилось несколько мгновений, а потом отпускало. Венн крепко зажмурился и сидел так некоторое время. Иногда это помогало.

Он даже прикрыл веки ладонью — и попытался как можно ярче вообразить себе привычную внутренность библиотеки. Благо проводил здесь немалую часть времени, свободного от занятий с учениками. Другие обитатели крепости, младшие жрецы и особенно стража, вначале посмеивались над ним. Он не удивлялся. Он знал свою наружность головореза с большой дороги, наёмника, странствующего искателя ратной поживы и приключений — в общем, человека, склонного мозолить пальцы рукоятью меча, а не листанием книжных страниц. Когда он впервые пришёл в библиотечный чертог, старенький хранитель уставился на него в немом ужасе. Ждал, видимо, что диковатый с виду пришелец начнёт украдкой сдирать с книжных обложек серебряные уголки.

«Взыскующему истины — укажи путь», — напомнил старику Волкодав завещанное Близнецами.

Тот поджал губы:

«Мы здесь трактуем эти слова в том смысле, что не следует отказывать никому, возжелавшему принять нашу веру...»

«Да? — прищурился венн. — А вот Возлюбленный Ученик Сиридван, поясняя эти слова, некогда наставлял помогать советом и поступком всякому стремящемуся преуспеть в благом деле...»

С тех пор прошло три года. Подтрунивать над венном давно прекратили, ибо даже отчаянным зубоскалам со временем надоедают бесполезные насмешки. Хранитель же библиотеки по-прежнему встречал Волкодава как нежеланного гостя, хотя давно убедился, что «варвар» книг не портит и не крадёт. На первых порах венн никак не мог истолковать для себя поведение старика. Он вспоминал Эвриха, Тилорна, брата Никилу...

весь его опыт свидетельствовал: люди, проводящие половину жизни за книгами, зачастую сами проникаются добротой древних учителей — и во всяких жизненных столкновениях оказываются мудрей, дружелюбней... а зачастую — и мужественней не обременённых учёностью. Не всегда, конечно. Но в большинстве. Почему же тин-виленский хранитель книг так себя вёл?.. Он ведь не только пыль с них сметал куриными перьями, связанными в маленький веничек. Он самым внимательным образом просматривал всё, что привозили нового!

Волкодав долго раздумывал над этой загадкой. Пока не вспомнил одного мастера боя на копьях, старинного знакомого госпожи Кан-Кендарат, которого они посетили во время совместного странствия.

«У этого человека, — сказала она, — ты сможешь многому научиться, малыш...»

И тот вправду оказался великим умельцем. Одним из немногих, к которым, по мнению Волкодава, слово «великий» можно было применить без натяжки. Молодого в ту пору венна он попросту колотил и валял. На каждом уроке он мог двадцать раз убить его, если бы захотел, — что, прямо скажем, для обычного бойца уже в те времена было непросто. Венн жадно впитывал новое знание, постигая науку превращать любое копьё и даже обычную палку в продолжение своих рук — чтобы в случае нужды самая простая метла становилась грозным оружием, чтобы безо всякого затруднения рубить и колоть лёгким метательным копьём-сулицей или, наоборот, без промаха метать тяжёлое копьё, предназначенное только для рукопашной... Позже эта наука здорово выручит его, когда он расстанется с Матерью Кендарат и отправится мстить за свой род, но тогда он, конечно, об этом не знал. Как-то они ужинали вместе с мастером у него дома, и разговор зашёл о любви.

«Женщины? Пустые сосуды, куда мы изливаемся, дабы продолжить себя, — вот как отзывался повелитель копий о Тех, что были для Волкодава святее святого. Присутствие госпожи ни в малейшей степени не смущало хозяина дома. — Самки и

матери. Больше они ни на что не годны, да к тому же ещё и быстро стареют. Мужчине следует время от времени прогонять их, заменяя новыми, более молодыми...»

Вслушав такое, Волкодав про себя ощутил страшную горечь разочарования, но вслух, конечно, ничего не сказал, поскольку был гостем, вступившим под кров и отведавшим одного хлеба с хозяином. Однако на другой день они с Матерью Кендарат покинули дом мастера и отправились дальше, и во время первого же привала венн выплеснул на жрицу жгучее недоумение:

«Я думал, несравненным воином может стать только тот, чья правда духа столь же велика и чиста, как его боевые умения... А он? Воитель отменный, но притом сущий ублюдок... Почему так получается, госпожа?»

На что Кан-Кендарат, по обычаю своей веры отправившаяся странствовать только после того, как вырастила внуков, лукаво улыбнулась ученику:

«Я же говорила — ты многому научишься у этого человека, малыш...»

Минуло время, осталось в прошлом и обучение у Матери Кендарат, и её духовное водительство. Но получалось, что даже годы спустя Волкодав продолжал разгадывать когда-то преподанные ею загадки. В тот раз его отучили приписывать человеку благородство души на том основании, что его охотно слушается праведное оружие. Теперь вот удалось сообразить, что тысяча прочитанных книг сама по себе способна возвысить душу не более, чем тысяча отбитых ударов. «Спасибо, Мать Кендарат...»

И, если уж на то пошло, хранитель храмовой библиотеки очень напоминал венну другого Хранителя. Обитавшего — если только он был всё ещё жив — очень далеко от Тин-Вилены, на ином континенте. В Самоцветных горах. Он тоже был стариком и тоже распоряжался несметным богатством, не принадлежавшим ему. Сокровищницей, собранием величайших и лучших камней, добытых на руднике... Он знал камни, и камни зна-

ли его. Он без раздумий положил бы седую голову, защищая их от любого посягательства. Всесильные Хозяева приисков ни словом не противоречили ему, когда он располагал и устраивал вновь добытые самоцветы... но при всём том он оставался невольником, таким же ничтожным и бесправным рабом, как последний каторжник из забоя. Иной раз Волкодава крепко подмывало поведать книжному хранителю, какие воспоминания тот у него вызывал. Жизнь, однако, к тридцати годам в самом деле успела кое-чему научить его, и он помалкивал. Он, в конце концов, не о праведности хранителя радеть сюда приходил...

...Волкодав отнял руку от лица и решительно открыл глаза, хоть и предупреждало его дурное предчувствие: не будет нынче толку от всегдашнего средства. И точно. Книжная страница так и осталась пепельно-белёсой, а угловатые ряды аррантских букв, коим полагалось быть буро-лиловыми, как и прежде наполняла неестественная чернота. Волкодав поневоле пригляделся — уж не изменился ли заодно и смысл написанного? Нет. «Двенадцать рассуждений о пропастях и подземных потоках», созданные каким-то Кимнотом, придворным звездочётом Управителя стольного Арра, оставались всё теми же... хотя, право, лучше было бы им оказаться написанными задом наперёд. Или вовсе куда-нибудь исчезнуть вместе с красками мира.

Волкодав уже давно утратил склонность благоговеть перед книгой просто оттого, что это — книга и в ней целых двести страниц. Великий мастер боя способен, отставив копьё, оказаться полным ничтожеством и оскорбителем женщин, хранитель библиотеки — жмотом, перепутавшим сокровищницу мудрости с лавкой ростовщика... вот так и книгу, оказывается, может написать человек непорядочный или просто дурак. Волкодав долго шёл к осознанию этой истины, о которой когда-то его предупреждал ещё Эврѣх. И дело не в ошибках, способных закраситься порой даже в труд мудреца Зелхата Мельсинского, когда тот пишет об удалённом и неведомом племени веннов. Уже к середине самого первого «рассуждения» Волкодав мог бы поспорить на что угодно, что Кимнот сам никогда не лазал под

землю, предпочитая пользоваться чужими, не очень-то проверенными рассказами. Зато преподносил он свои заблуждения с таким великолепным самодовольством, так прозрачно намекал своему неназванному, но явно облечённому властью покровителю на необходимость скорейшего наказания всех несогласных, что книгой хотелось запустить в ближайшую стену. За полной, увы, невозможностью проделать это с её создателем.

Однако книга как таковая не была ни в чём виновата, и Волкодав, хмурясь, просто переворачивал страницу за страницей. У него дома могли сурово выговорить впившейся под ноготь занозе, непослушной иголке или камню, из-за которого подвернули ногу на круче, — но никогда не попрекали немощью слабого или болезненного ребёнка. За что бранить детище, коему всё досталось от матери и отца?..

Мудрость родного племени Волкодава никогда прежде не подводила. Не подвела и теперь. Перевернув лист, он обнаружил начало новой главы и вдруг понял, что Хозяйка Судеб надумала за что-то его наградить. Быть может, за то, что в раздражении не захлопнул книгу посередине, решил всё-таки дочитать. «Рассуждение третье, — гласил заголовок (выделенный, должно быть, как и все прочие, красным), — разоблачающее низкий помысел Тиргея, сына дорожного мостника из предмета Арра».

Вот тут Волкодав жадно придвинул к себе книгу, начисто позабыв и об исчезнувших цветах, и о напыщенной глупости Кимнота! Да плевать на него, на Кимнота этого! Тиргей!.. *Друг мой, Серый Пёс, брат мой... Прошу тебя об одном: не пытайся защитить меня, когда надсмотрщики придут меня добивать...* Молодой учёный, чья память, помимо бездонных познаний о скрытой жизни пещер, хранила едва ли не всю классическую поэзию Аррантиады... *Этого — заменить!* И руки надсмотрщика по имени Волк, равнодушно, по-деловому, без гнева и злобы переломавшего ему позвонки. Тиргей... *К Небесной Горе, брат мой, можно подниматься всю жизнь, обретая и обогащаясь. Так и с Истовиком-камнем: ты не повесишь его на цепочку и не впра-*

вишь в браслет. Ты просто будешь искать его, находя по пути гораздо больше, чем предполагал... Сквозь решётки правильных букв иц протягивал руку давно сгинувший друг, сумевший добраться к нему хотя бы так — посредством сочинений своего погубителя.

Ведь должен же был этот Кимнот, прежде чем начинать хаять Тиргея, воспроизвести на своих страницах хоть какие-то его умозаключения?.. *А впрочем, как знать? Может, он не удосужился привести и двух слов учёного супротивника, которого надумал не просто победить в споре — вовсе со свету сжить?..*

— Наставник, — почтительно окликнул Волкодав молодой голос, долетевший сквозь сумрак чертога. Венн поднял голову и убедился, что ночное зрение, дар прародителя-Пса, его ещё не покинуло. На пороге библиотеки стоял Винойр.

Звать Наставника на урок считалось весьма почётной обязанностью. Волкодав разглядел улыбку Винойра. Похоже, сегодня никто не оспаривал у паренька эту честь. Сегодня Винойр будет творить кан-киро вместе с друзьями и учителем в самый последний раз. Назавтра он уезжает.

Волкодав молча закрыл книгу, потушил пальцами свечку и пошёл за учеником каменным коридором наружу.

Они уже ждали его, рассевшись во внутреннем двореке. Их было около двух десятков — совсем новые уноты и те, кто успел застать ещё госпожу Кендарат. Волкодав не делал между ними различий. «Если ты видел два урока, а твой друг — только один, у тебя уже есть что ему посоветовать...» — наставляли когда-то его самого. Он обвёл глазами ряд обращённых к нему молодых лиц, хорошо знакомых и ещё не успевших таковыми стать... и сразу отметил, что между ними не было Волка. Очень странно. До сих пор Волк не отлынивал от занятий, скорее наоборот: являлся даже жестоко простуженным, даже с только что вывихнутой, ещё не зажившей рукой. Что же с ним произошло на сей раз?.. Наверное, всё тот же Винойр, его побратим, мог бы ответить... Волкодав не стал спрашивать.

Он кивнул чёрному мономатанцу Урсаги, и тот, живо подбежав, с поклоном остановился на удалении шага и вытянутой руки — это именовалось «расстоянием готовности духа». Вени протянул ему обе руки, предлагая схватить, и Урсаги, мягко прыгнув вперёд, сейчас же точно клещами стиснул его запястья. Но пока длился прыжок, Волкодав столь же мягко прынул навстречу налетевшему мономатанцу и чуть мимо него, а руки тем временем расходились — одна вниз, другая наверх, — и остановить их движение было уже невозможно. Но сила разгона ещё не была исчерпана, чернокожий проскочил вперёд, окончательно утрачивая равновесие, и, когда Волкодав шагнул ему за спину и несильно толкнул в бок — только и успел, что разжать руки и резко бросить их под себя, разворачивая рёбрами ладоней, чтобы приняли тяжесть падающего тела, дали ему встретиться с землёй не плашмя, а плавно, начиная с лопаток.

— Ух ты, — послышался тихий вздох кого-то из новеньких. Наверное, парень считал, что уж ему-то такого никогда не постичь, и речь шла даже не о показанном Наставником приёме — об искусстве падения, которое явил сливово-чёрный Урсаги. Со всего маха на землю! Навзничь притом!.. Как же так — на спину, да чтобы не покалечиться?.. Ему-то всю жизнь внушали совершенно иное...

— «Вечно Небо и нерушима Земля», — назвал Волкодав ухватку, только что сокрушившую нападение мономатанца. И кивнул унотам — пробуйте, мол.

— Я тебе доверяю...

— И я тебе доверяю... — вразнобой и негромко огласило двор ритуальное приветствие кан-киро.

Волкодав отошёл в сторону и опустил на кем-то заботливо расстеленный коврик. Ему показалось, будто серый цвет, в который с некоторых пор окрасился для него мир, начал утрачивать оттенки и переливы, всё более распадаясь на чёрный и белый.

Он не успел поразмыслить об этом. С той стороны, где поместились новые уноты, раздались резкие голоса. Потом вовсе крики. И почти сразу — резкие шлепки ударов.

— Так! — сказал Волкодав, поднимаясь на ноги. По этому слову те из учеников, кто ещё продолжал постигать тщету нападения на Небо и Землю, замерли на местах, а Наставник отправился туда, где честное обучение боевому искусству сменилось мордобоем, чуждым благодати и красоты. Подобное хотя и редко, но всё же иногда происходило на уроках, — конечно, не среди старших, а между новичками, ещё не усвоившими: канкиро есть наука Любви. Что там у них на сей раз?.. Кто-то кого-то слишком жёстко отправил в объятия Земли и тот, обидевшись, накинулся в ответ с кулаками?..

Подойдя, он сразу понял, что всё было гораздо хуже. Причина ссоры крылась не в вывернутой руке и не в ушибленном локте. Старшие, оказавшиеся, к счастью, поблизости, уже растащили драчунов и крепко держали, пресекая неумелые попытки высвободиться. У одного из парней, темноволосого, желтокожего халисунца Бергая, всю растекалась из носу красная юшка. У другого, обветренного зеленоглазого Сурмала, родившегося на юге Саккарема, успело распухнуть ухо и уже заплывал, наливался цветом грозовой тучи полновесный синяк на скуле. Но боевой запал ещё не иссяк: задиры продолжали орать во всё горло, избличая один другого сыном блудницы, порождением вшивого осла и даже выкидышем прокажённой. И, словно этих словесных чудес было ещё недостаточно, оба взаимно поносили народы, сумевшие породить столь мерзкие существа. Халисун объявлялся страной распутных женщин и трусливых мужчин: «Мы вас, степных шакалов, в старину били и всегда бить будем!» Халисунец огрызался, провозглашая Саккарем родиной болотных пиявок, у которых по жилам вместо крови течёт жидкое дерьмо: «Мы вас, жабы отродье, сапогами привыкли давить — и ещё подавим...»

Присутствие Наставника на них очень мало действовало.

— Так, — повторил Волкодав. — Вы продолжайте, почтенные, я подожду.

Это вызвало смешки старших унотов, а участники перебранки замолкли, как по команде. Можно продолжать выкрикивать непримиримому недругу оскорбления, когда тебя крепко держат, пытаются зажать рот или больно тычут кулаком в рёбра. Но не тогда, когда над тобой начинают смеяться!

Халисунец и саккаремец, размышлял между тем Волкодав. Да, тут не за оторванную пуговицу биться пошли. Это вроде того, как если бы меня когда-то, мальчишкой, заставили вежливо и уважительно бороться с сегваном...

Вслух он сказал:

— Хорошо. Так чего же вы, мои почтенные, меж собою не поделили?

— Этот последователь бесплодной Богини... — немедленно начал уроженец халисунских равнин. В ответ тотчас раздался рык непокорённого Сурмала:

— Сам ты почитатель Небес, с которых давно сбежала, устыдившись, Луна!

Волкодав поинтересовался:

— Мне, может, уйти, а завтра вернуться? Когда вы оба иссякнете?

Ученики опять стали смеяться, а Волкодав краем глаза выделил среди них Хономера. Жрец пристально следил за происходившим и, похоже, готов был с удовольствием высказать своё мнение. Но молчал. Когда-то, ещё при госпоже Кендарат, он время от времени позволял себе на уроках пояснять речи Наставницы, преломляя её слова и превращая их едва ли не в проповеди, славящие его веру. Мать Кендарат не противилась: ей было всё равно. Волкодав же немедленно заявил Избранному Ученику: «У меня дома говорят так — на чужое мольбище со своими Богами не лезь!» Что означало: здесь, на площадке, постигается путь благородного кан-киро. А истины Ближнецов можешь сколько угодно провозглашать в другом месте, у тебя для этого храм есть. Хономер попытался пере-

чить... Исход той стычки до сих пор вызывал у него покаянную улыбку, ибо учат Старший и Младший: сделав ошибку, не изводи себя упрёками, но осознай своё заблуждение — и тем стань сильнее.

А ещё — и это показалось Волкодаву даже более важным — он наконец-то заметил возле входа во двор своего лучшего ученика, опоздавшего к началу урока. Вид у Волка был такой, как если бы он бежал всю дорогу от города до крепости. Волкодаву неоткуда было знать, что этой ночью молодой венн так и уснул на сухой и тёплой земле возле клетки, рядом с опрокинутой чашей. И спал до того крепко и сладко, что поутру никому не захотелось прерывать его сон. Ни Мулинге, ни её почтенному батюшке, ни даже псам.

Входить во двор, где уже совершался урок, можно было только с дозволения Наставника. Волкодав поймал устремлённый на него взгляд соплеменника — и кивнул. Волк ответил ему поклоном... вроде бы обычным поклоном, но вся осанка и повадка движений у него сегодня была до такой степени иная, чем даже вчера, что, не видя лица, было бы простиительно обознаться. Тут определённо следовало поразмыслить и разобраться... потом.

— Если бы меня не держали, — шмыгая расквашенным носом, пробормотал халисунец Бергай, — этот сгнивший сарсановый лист уже подавился бы непристойностями, сказанными о моей стране и о Небесах, Которым у нас поклоняются...

Волкодав повернулся к саккаремцу.

— Я полагаю, — сказал он, — у тебя дело стало тоже только за тем, что тебя держат?

Сурмал молча оскалил зубы, глядя мимо Наставника. Это был взгляд охотника, бросившего к тетиве смоченную ядом стрелу.

— Значит, если бы вас не держали... — снова повторил Волкодав. Кивнул и продолжал: — Вы оба забыли одну простую вещь. Удержать можно только того, кто на самом деле не свободен. Ну-ка, идите оба сюда...

По его жесту старшие ученики выпустили забияк, и они подошли, раздражённо потирая намятые чужими пальцами плечи и исподлобья косясь один на другого. Волкодав протянул им обе руки:

— Держите. Так, будто взяли меня в плен и хотите поставить перед своим полководцем... Ну?

Служили или нет Бергай с Сурмалом каким-либо полководцам — так и осталось делом тёмным, ибо здесь, в крепости, каждый рассказывал о себе сам и только то, что хотел, — но вот воров, пойманных в огороде, и тому и другому точно приходилось вязать. Они живо схватили Наставника за руки и ссудулись у него за спиной, оказавшись таким образом носом к носу. Это им, понятно, не нравилось, но не рядом же с Наставником отношения выяснять!

— Дёржите? — усмехаясь углом рта, спросил Волкодав.

— Да! — долетели сзади два голоса. — Держим!

Крепкие парни действительно держали его. С толком, со знанием дела. Однако, когда Волкодав начал движение, оно оказалось для них совсем неожиданным. Как говорила госпожа Кендарат: «Бывает, трудно приблизить к ножу ножны, пристёгнутые на поясе. Но ведь можно поступить и наоборот...» Вот и венн, до времени не пытаясь высвободить руки, начал разворачивать бёдра. А когда тело заняло выгодное положение — его правая рука, на которой всей тяжестью повис саккаремец, пошла... именно туда, куда Сурмал изо всех сил увлекал её: вниз. Ойкнув, парень невольно сунулся следом, попытался сдержать движение, уже поняв, что попался... всё тщетно! С другой стороны сдавленно зарычал Бергай: с ним — разве только на пару мгновений позже — происходило всё то же самое. Ещё миг, и оба взвились на цыпочки, из последних сил пытаясь удержать неудержимое... Волкодав сделал примерно то, что днём раньше, избавляясь от Ригномеровых слуг, совершил Волк, — но сделал не по-боевому, как его ученик, а плавно и медленно — для невежд. Он мог бы шагнуть легонько вперёд и отправить обоих кувырком через весь двор, но превращать падение в спа-

сительный кувырок они ещё не умели и могли здорово расширяться, поэтому он не стал их бросать — просто стряхнул с себя, словно прицепившиеся репы, и они повалились в пыль, невольно хватаясь один за другого. Когда-нибудь — много позже — они поймут, как пощадил их Наставник. Поймут и оценят. Но пока им было до этого весьма далеко, и, соприкоснувшись с жёсткой землёй, они первым делом отодвинулись друг от дружки, а потом собрались вскочить.

Однако в это время Наставник сделал к ним шаг, и таков был этот короткий шаг, что обоих внятно предостерегло животное чутьё: замри! — и, может быть, уцелеешь.

И халисунец с саккаремцем замерли, сидя в постепенно оседающей пыли, почти касаясь локтями.

— Вот так-то оно лучше, — негромко сказал им Волкодав. И добавил: — Можете, оказывается, сообща дело делать... Держали-то ведь неплохо.

Бергай и Сурмал с прежней ненавистью покосились один на другого. Вокруг них постепенно рассаживались другие ученики. Все понимали, что Наставник не продолжит прерванного урока, пока не вразумит драчунов.

Волкодав же продолжал:

— Я не буду спрашивать, из-за чего вы сцепились. Когда саккаремский дурак встречает халисунского дурака, повода для драки редко приходится долго ждать.

Они было вскинулись. Каждый считал недоумком никак не себя, а только своего супротивника. Наставник заметил это и опять повернулся к ним, и почему-то желание шевелиться разом пропало. А Волкодав неожиданно ткнул пальцем в Бергаю:

— Ты. Ты живёшь здесь уже месяц. Ты знаешь, где находится храмовая библиотека? Ты в ней бывал?

Халисунец озадаченно помотал головой. Однако отвечать таким образом, когда с тобой разговаривают облечённые властью, отнюдь не считается вежливым, и он поспешно пробормотал:

— Нет, Наставник. Не ведаю и не бывал... да зачем бы мне?

Волкодав оставил его слова без ответа. Вытянутый палец указал на саккаремца.

— А ты?

Сурмал ответил не без некоторой дерзости:

— Я пришёл сюда учиться непобедимым приёмам, а не за книжками шаровары просиживать.

Волкодав прищурился:

— Сам-то умеешь читать?

На сей раз в голосе Сурмала прозвучал почти вызов:

— Чего ради тратить время на бесполезное? Я воин, а не жрец и не торговец.

— Значит, не умеешь, — кивнул венн. — Довольно стыдно для сына великой страны, к тому же готового отстаивать свою родину даже от глупого слова, брошенного не подумавши...

На самом деле неграмотных было пруд пруди даже среди аррантов, которых все признавали учёнейшим в мире народом, вот только говорить об этом сейчас определённо не стоило.

— Мою родину, — сказал саккаремец, — великой сделали полководцы, разгромившие халисунских захватчиков! А вовсе не какие-то там переписчики книг!

Бергай при этих словах дёрнулся, свирепо оскаливая зубы. Однако в бой не полез и даже кричать остерёгся — да и правильно сделал.

— Твою страну, — сказал Сурмалу Наставник, — освободили от ига пять столетий назад...

— Мы помним! — ошетинился саккаремец.

— Народ, — ответил Волкодав словами аррантского мудреца, которые в своё время возмутили его самого, но позже, поразмыслив, он про себя признал их правильными, — связно помнит последние век-полтора, а дальше начинается безликое «давным-давно», о котором что ни соври — всё окажется к месту. И не спорь со мной, это действительно так. Подумай хорошенько, и сам убедишься. Слыхал я песни ваших певцов: поверить им, так шад Даманхур правил чуть ли не прежде Великой Ночи... Ну и многое знали бы о халисунском нашествии люди

вроде тебя, если бы тогда же не нашлись составители книг, рассказавшие о сражениях и полководцах? А потом не пришли за ними другие, кто эти книги сберегал и тщательно переписывал?.. И ещё третьи — кто до сих пор их читает и людям рассказывает? Скажи-ка мне, много ли сохранилось памяти о ком-нибудь, кто не упомянут в трудах летописцев?

Сурмал не сумел тотчас придумать достойный ответ и вынужден был промолчать. А Волкодав повернулся к Бергаю:

— Теперь ты. Умеешь читать?

— Умею, Наставник, — как бы даже смущённо ответил халисунец. «О-о-о!» — насмешливо-восторженно послышалось с той стороны, где расселись прочие уноты, и Бергай, потупившись, пояснил: — В стражниках служил, порезали малость... С приятелем вместе отлёживались. Он и научил, пока делать нечего было. Сказал, вдруг пригодится...

— Так, — в третий раз сказал Волкодав, и оба провинившихся невольно подобрались, понимая, что не вполне понятный разговор о книгах и грамоте закончен и сейчас им будет определено наказание. А Наставник продолжал: — Благородное канкиро не может быть вручено бессмысленным олухам, ведущим себя точно дети, поссорившиеся из-за кучки песка. Поэтому вы сейчас покинете этот двор. А если захотите вернуться, то сперва сделаете вот что. — Он смотрел сверху вниз на двоих учеников, застывших в напряжённом ожидании приговора, и ему было их жаль. Когда-то он и сам был точно таким же. Только злобную нелюбовь к враждебному племени жизнь из него выкорчёвывала иначе, куда более жестоко... Да и наказание, которое он намеревался им положить, кому другому показалось бы не карой, а скорее наградой. — Храмовую библиотеку, — сказал он, — как-нибудь разыщите сами. И если сумеете убедить хранителя, что не от дела лытаете, а дело пытаете, он покажет вам одну книгу... Её написал учёный из твоего Саккарема, Сурмал. Его называют Зелхатом... Раньше ещё величали Зелхатом Мельсинским, потому что он трудился при дворе шада. Он написал много книг. Та, которая вам нужна, называется «Созерцание

истории Саккаремской державы, равно как и сопредельных народов, великих и малых». Вы её прочитаете...

— Книгу какого-то саккаремца! — почти простонал Бергай, уже сообразивший, что разбирать написанное, и притом на чужом языке, в основном придётся ему. — Наставник, да этот хранитель меня сразу убьёт, и правильно сделает, потому что я первую же страницу ну как есть заблую! Что я, халисунец, смогу там найти, кроме охаивания?

— А вот что, — сказал венн.

Пересохшие русла засыпал песок.
Опалённые травы утратили сок.
Слышишь, брат, как они на ветру шелестят?
Слышишь, брат, как от голода плачет дитя?
В родниках вместо влаги — колючая пыль.
Где плескались озёра — полынь да ковыль.
Наливается кровью на небе Луна.
На лугах ни цветка, а ведь это весна!
Доживёт ли до осени маленький сын?..
Брат мой! Или мы не из породы мужчин?
Или наши мечи разучились рубить?
Или кони внезапно утратили прыть?
Или, может, во сне примерещились мне
Хлебородные земли на той стороне?..

— Это же из нашей песни, — отчего-то сдавленным голосом пробормотал халисунец. — Её поют у нас на пирах, когда наступает пора вспомнить былую славу и подвиги. Это «Песнь о походе за Реку»...

— Вот видишь, — сказал Волкодав. — Не удивлюсь, если ты даже найдёшь у Зелхата одну-две строки из неё, которых никогда раньше не слышал. Думай сам, стоит ли ради этого месяц сидеть в библиотечном чертоге... А известно тебе, что именно за эту книгу учёного отправили в ссылку? Недоброжелатели, склонившие к себе ухо шада Менучера, вменили в вину Зелхату, что он впервые не пожелал выставлять твоих предков жестокими и жадными дикарями, как принято было раньше. Он предпочёл рассказать о народе, чьи земли поразила столь жес-

токая засуха, что племена вынуждены были стронуться с места, тесня более благополучных соседей...

При этих словах Бергай даже приосанился. Услышать о себе со слов наследного недруга нечто лестное или, по крайней мере правдивое, — дорогого стоит!.. Волкодав не стал сверх меры подогревать его гордость.

— Зелхат, — сказал он, — пишет также о том, что тогдашние шулхады ваших племён, как, впрочем, многие жившие и до них, и позже, совершили великую ошибку. Вкусив первые победы, вожди стали всё более уповать на могущество своих мечей. Задумав что-либо получить, они уже не хотели договариваться, выменивать и уступать, предпочитая брать силой. Так умножилась несправедливость, и через двести лет это привело Великий Халисун к крушению и упадку...

Бергай отвёл глаза и угрюмо сжал губы. Волкодав знал, о чём он думал. О том, что два века Великого Халисуна были поистине золотым временем, порой изобилия и безопасности, когда к могучей державе не смел подступить ни один враг. О том, как ликовала земля, возделанная местными пахарями под защитой непобедимых конников с запада. О том, какиемышлёные и красивые дети рождались у шулхадов и воинов от саккаремских наложниц... И когда оседлые землепашцы подняли неожиданное восстание и в битве всё у той же пограничной реки с бешеной яростью напали на тех, кого по справедливости должны были бы благодарить, — это следовало уподобить губительной снежной буре во время весеннего цветения...

Так по крайней мере гласили сказания, которые Бергай слышал с младенчества. И вот теперь ему пытались внушить, будто великих шулхадов прошлого погубило вовсе не предательство саккаремцев, а собственная неправда. И кто же внушал? Наставник, которому за недолгое время учения он привык доверять, которого почитал человеком справедливым и мудрым! Как с подобным смириться?

Однако складка, залёгшая между бровями Бергая, свидетельствовала не столько о гневе, сколько о напряжённой задум-

чивости. Волкодав, только что обзывавший Бергая дураком, отлично знал, что на самом деле это было далеко не так; впрочем, с непроходимым глупцом он не стал бы и возиться. А значит, оставалась надежда, что молодой халисунец переживёт обидные, пришедшиеся по больному слова, не разобидевшись насмерть, а потом чего доброго даже спросит себя, не было ли в них какого здорового зёрнышка. Поразмыслит далее — и, глядишь, в самом деле разыщет библиотечный чертог и замучит скупердяя-хранителя, требуя книгу Зелхата...

— Да чтобы я руки замарал о книгу изменника! — возмутился между тем Сурмал. — Если, как ты говоришь, прежний шад загнал его в ссылку, то, надеюсь, достаточно далеко! Жалко, конями не велел разорвать! Я ведь тоже через это дело принуждён был из дому убраться! Через халисунцев, то бишь! Пятисот лет назад мой предок погиб у Реки, когда было сброшено иго и мы выпроваживали завоевателей! В моём роду этим гордились! А тут, вишь, я приезжаю в Мельсину и перво-наперво встречаю молодого вельможу, он болтает с приятелем и вовсю кичится, что, значит, сам он из себя весь красивый и имя у него выговорить-то приятно, а всё оттого, что его семья — от халисунского семени, с тех ещё пор, и что вообще «мы», значит халисунцы, всему научили «их», сиречь здешнее неблагодарное быдло, и... Ну, тут я вежливо так подхожу — да рожу-то ему на сторону и сворачиваю...

Как многие жители Саккарема, Сурмал обладал способностью говорить невероятно быстро — попробуй вставить словечко. Волкодав и не пытался. Когда-то здесь же, в храмовой библиотеке, ему попалась книга некоего сочинителя. Она привлекла его внимание тем, что посвящена была не самым знаменитым сражениям Последней войны, происходившим на равнинах Нарлака и в Нардарских горах, а, наоборот, довольно мало прославленному походу Гурцатова войска в земли вельхов и веннов. Одна беда — человек, написавший книгу, был духовным братом звездослова Кимнота. Он определённо не видел живьём ни единого венна. И на реке Светынь не бывал. А посему

тамошняя война представлялась ему точно такой, как на саккаремской границе, где, наверное, вшивая сотня мергейтов вправду могла угнать в полон целое селение численностью в полтысячи душ. Волкодаву тоже тогда захотелось поймать горе-сочинителя и своротить ему на сторону рожу. А потом поправить обратно. Так что Сурмала он вполне понимал. Но говорить ему об этом не собирался.

— Я когда-то добывал самоцветные камни, — сказал он саккаремцу. — Ты знаешь, под землёй они совсем не таковы, как впоследствии, на лотке огранившего их ювелира... Это излечивает от склонности верить первому впечатлению. В забое ты видишь просто ком грязи, к которому и прикасаться-то неохота. Но вот ты берёшь его в руки, оббиваешь с него корки, отмываешь водой...

Да узнают враги у слияния вод:
Не встаёт на колени свободный народ!
За спиною у нас — только солнце во мгле.
Наши прадеды пали на этой земле.
Двести лет мы платили позорную дань.
Двести лет ожидали призыва: «Восстань!»
Двести лет, стиснув зубы, терпели бичи.
Двести лет потихоньку-ковали мечи.
И рассвет наступил, разгорелась заря!
Если кровь, то сполна! Если смерть, то не зря!
Выше голову, брат! Видишь тени в пыли?
Это прашуров души встают из земли!
Их бесчестие нам искупить суждено.
Наше солнце восходит у нас за спиной...

— Это... это НАША «Песнь о походе за Реку»! — запинаясь выговорил саккаремец. — Именно так её пели в нашей деревне, а в Мельсине я слышал иное... «Тот далёкий позор нам отмывать суждено, За пресветлого шада мы встанем стеной»...

Волкодав кивнул:

— Говорят, Зелхата обвиняли ещё и в том, что он предпочёл разновидности Песни, бытующие у простого народа, и пренебрёг теми, что исполнялись при дворе солнцеликого Менучера...

Но скорее всего это был просто предлог. И скажу вам, что не я о том рассудил — так пишут люди воистину мудрые и просвещённые, готовые отстаивать истину, хотя бы им за это казнью грозили.

Он помолчал, с удовлетворением заметив, что двое парней, только что готовые безо всякой пощады волтузить один другого, сидели очень тихо и смотрели на него во все глаза. Внимательно слушали и другие ученики. Не все понимали, чего ради Наставник затеял этот разговор, столь далёкий от кан-киро, однако слушали, не отвлекаясь, давно уразумев: всё, что говорит их учитель, следует осмысливать самым пристальным образом. Когда-нибудь пригодится. Ибо кан-киро настоящего мастера состоит не только и не столько в отточенном владении телом, чтобы с завязанными глазами гулять по двору, раскидывая, как соломенных, вооружённых мечами бойцов. Настоящий мастер использует своё искусство в любом жизненном случае. Даже в простом разговоре. Наткнувшись на злое и глупое упрямство, он не будет ввязываться в яростный спор, доводящий до оскорблений, а после до кулаков. Он поведёт себя как в поединке. Примет мысль собеседника, сколь бы, может, противна она ему ни была... подхватит её и поведёт дальше, направляя уже в то русло, которое пожелает проложить сам. И непременно добьётся, чтобы русло это привело не в трясину, булькающую вонючими пузырями со дна, а к спокойному озеру, способному отражать Небо.

Однажды они это уразумеют...

— Племена халисунцев и саккаремцев с самого начала времён разделяет Река, — продолжал Волкодав. — Имена, которые дали ей ваши народы, звучат по-разному, у одного Малик, у другого Марлог, но означают они одно: Край. Край мира. На другом берегу, за Краем, всё иное и непривычное. И у воздуха вкус не такой, и звери неправильной масти, и люди — не совсем люди... Не так выглядят, не так веруют, не так говорят. А значит, нечего и заботиться о том, чтобы поступать с ними по-людски, верно?

Он не умел читать чужих мыслей, но то, о чём в этот миг подумали Бергай и Сурмал, было для него яснее Божьего дня. «Да можно ли с ними по-людски?! С этими паршивыми торгашами, которые — тьфу! — отхожее место устраивают под тем же кровом, под которым молятся и едят?!» — молча возмутился Бергай. «Да можно ли по-людски... с этими?!» — мысленно вторил ему Сурмал. — С немытыми кочевниками, привыкшими, гадость какая, даже нужду справлять не покидая седла?!»

Однако потом обоим пришло на ум сопоставить причину собственного гнева с тем, о чём только что говорил Наставник. И ещё через мгновение они переглянулись. Нет, не как единомышленники, до этого пока было ещё далеко. Просто покосились один на другого и сразу отвели глаза. Спасибо и на том.

— Мне довелось когда-то переходить эту реку, — сказал Волкодав. — Мы переправлялись вброд, с островка на островок, потому что там до сих пор нет ни единого моста, и вода то и дело грозила сбить нас с ног... Я вспоминал ту свою переправу, когда читал «Созерцание». Всякая река, пишет Зелхат, течёт то обильнее, то беднее. Так и с племенами, населившими землю. Державы мира не всегда оставались таковы, какими мы их видим сегодня, и не всегда пребудут в нынешнем равновесии. Что же в этом постыдного? Надо ли подчищать древние летописи, согласно которым твоя страна в старину была не слишком великой? Да, несколько столетий назад Халисун был сильнее и воинственней и подчинил Саккарем. Ну и что? Зато сейчас люди засмеют купца, будь он хоть сегван, хоть мономатанец, если он не умеет торговаться по-саккаремски. Корабли из Мельсины ходят в Аррантиаду и сюда, в Шо-Ситайн... а Халисун живёт тихо. Ныне он прославлен не кровавыми подвигами завоевателей, а мирным трудом ткачей, познавших все тайны хлопка и шёлка. А что будет ещё через пятьсот лет?

Он обвёл взглядом учеников, и чернокожий Урсаги очень тихо сказал:

— Поживём — увидим...

Парни стали смеяться, а Волкодав покачал головой и добавил:

— Может, к тому времени на обоих берегах поумнеют. И выстроят наконец мост...

Он всё же выставил с урока обоих наказанных. Ему очень хотелось пожалеть их и позволить остаться, велел читать книгу Зелхата на досуге, по вечерам. Но, поразмыслив, он не стал отступать от произнесённого решения, ибо знал по себе, как расхолаживают поблажки. «Что такое месяц? — говорила, бывало, госпожа Кендарат. — Запомни, малыш: впереди вечность...»

Бергай с Сурмалом поклонились Наставнику, изо всех сил блюдя ту особую гордость, какая порой бывает присуща злодеям, избличённым и уходящим на казнь. *Глупые. Нет бы сообразить, что и это тоже урок. Допустим, приказал бы я вам каждый день наносить тысячу ударов деревянным мечом...* Сакка-ремец с халисунцем покинули внутренний двор, миновав каменную арку, увитую плющом и осенённую с той стороны дивными образами Блинецов. Волкодав проводил учеников глазами. Они шагали рядом, но пока ещё не вместе. Тот и другой подчёркнуто держался сам по себе. Им только предстояло строить свой мост. Узенький мостик, — пройти с каждой стороны всего-то одному человеку... Волкодав почти не сомневался, что они справятся. Может, это и было то главное, чего ради прозорливая судьба их обоих закинула через океан, на другой материк. Знакомый враг всяко родней откровенного чужака, а в дальней стране за морем — подавно!

А ведь реке можно уподобить не только племя или страну, но и отдельного человека, уже возвращаясь мыслями к кан-киро, подумал он напоследок. Наступает день, и жизнь вдруг меняет русло, да так, что ещё вчера нипочём не поверил бы. Или, наоборот, начинается год от году, исподволь, менять берега... пока однажды ты не спохватишься и не обнаружишь, что ничего не можешь узнать. Вспоминаешь себя прежнего — и остаётся только руками развести: да полно, я ли то был?.. И ведь вер-

но, — я ли пришёл сюда три года назад? Не я нынешний, это уж точно. Думал ли я тогда, что однажды начну прибегать к словесному вразумлению? Я тогда только мечом умел да руками. А засаживать полуграмотного с неграмотным за учёную книгу... стихи им читать? Ох, нет. Я тогдашний, наверное, по-другому им взялся бы правду духа показывать... без слов. И кто знает, какой путь верней?

Волкодав хотел уже продолжать урок, так неожиданно прервавшийся в самом начале, но тут вперёд вышел Волк. И Наставник мгновенно понял, ЧТО было на уме у его лучшего ученика. Даже прежде, чем парень успел открыть рот. Потому что сквозь спокойную уверенность на лице Волка казалась себя совсем другая, обречённая уверенность: «Если я не решусь на ЭТО прямо сейчас, то не решусь уже никогда!»

И всё-таки его внутренняя сила истекала ровно и мощно, как никогда прежде. Выходя вперёд, он не покраснел, не побледнел, не покрылся жаркими пятнами, что обычно случается с молодыми, вздумавшими отважиться на немалое дело... Волкодав поневоле вспомнил себя в возрасте Волка. Ему тоже не было свойственно подобное, но, как сам он думал, не благодаря духовному возвышению, а просто оттого, что особо нечего было терять. Он ведь не к почестям стремился, даже не похвалу строгой Наставницы зарабатывал, — она-то, Наставница, как раз и пыталась его отвести от задуманного, да не смогла... Он просто совершал то, ради чего одиннадцать лет длил свою никому не нужную жизнь... О чём тут было волноваться?

И вот теперь — Волк...

— Избранный Ученик Хономер, — очень ровным, прямо-таки будничным голосом проговорил молодой венн, но отчего-то его было одинаково хорошо слышно в каждом уголке двора. Он назвал Хомера Избранным Учеником. Не «братом», как обычно. Он употребил его титул, титул предводителя жрецов этого храма, и Волкодав окончательно понял, что не ошибся. А Волк продолжал: — Пора тебе, Хономер, выгнать Наставника,

который учит совсем не так хорошо, как следовало бы. И нанять меня вместо него!

Три года назад, когда Волкодав произнёс почти те же слова, добиваясь поединка с Матерью Кендарат, ему пришлось доказывать своё мастерство. Для начала он расшвырял стражников, изготовившихся выкинуть его за ворота, а потом победил лучшего ученика госпожи. Лучшим учеником в те годы был Хономер. Молодой жрец даже полагал, что сам может уже кого-то учить, и воображал, будто Братья, прославленные в трёх мирах, ниспослали ему особенный дар, пожелав сделать его Своим возлюбленным воином. Время всё расставило по местам... Хономер не был бы Избранным Учеником, если бы не умел смотреть на вещи трезво, не замыкаясь в скорлупе греховной гордыни. И он осознал — как ни ранило это его самолюбие, — что стал крепким бойцом, но не более, и уже не поднимется выше. Не бывать ему не то что Воином Богов — не сделаться даже Наставником, о котором будут долго вспоминать люди... Другая столь же обидная, но не подлежащая отмене истина состояла в том, что Волк, начавший учиться кан-киро гораздо позже Хономера, тем не менее давно уже во всём его превзошёл. Когда на уроках они оказывались друг против друга, Хономер ничего не мог противопоставить молодому язычнику. Так же, как когда-то — самому Волкодаву...

Или почти так же.

И оттого Хономер не стал тратить время, придумывая Волку какие-то дополнительные испытания.

— Наш храм, — сказал он весело, — скоро уподобят последнему среди городских кабаков! Там, как мне доводилось слышать от сведущих людей, вышибалы сменяют один другого, выясняя в поединке, который сильнее. Теперь и у нас, я смотрю, зарождается сходный обычай. Что ж! Если нас будет наставлять лучший, мы только скорее приблизимся к истинам кан-киро. Принимаешь ли ты, Волкодав, вызов этого человека?

Волкодав медленно кивнул:

— Принимаю.

И, по-прежнему не торопясь, принялся развязывать ремешки, стягивавшие его косы. Так поступали воины племени веннов, готовя себя к величественным и грозным деяниям, требующим полного сосредоточения. И полного отрешения от обыденности жизни. Волк повторил движение Наставника с едва заметной задержкой — стороннему глазу показалось бы, что расплетать волосы они принялись одновременно.

Но вот что странно, как бы со стороны думалось Волкодаву. Когда на меня собираются нападать, я издали вижу тянущееся ко мне красное пламя угрозы... В том числе со спины и даже сквозь стену. Что же случилось теперь? Почему от Волка ничего подобного не исходит? Может, дело в болезни, поразившей меня?..

Он решил проверить себя и покосился на Хономера. От движения глаз всё кругом начало плыть, но венец недоброжелательства, трепетавший кругом жреца, никаких сомнений не оставлял. Волкодав ненадолго прикрыл глаза. Всё было как всегда. Даже при неглубоком сосредоточении он отлично чувствовал учеников. Кто-то отчаянно переживал за него и желал выскочке Волку остаться без рук и без ног, а заодно и без головы. Кого-то — это касалось новичков — просто снедало жгучее любопытство. А ещё у одного разболелся живот, так что исход поединка его заботил всего менее...

Что же касается Волка — его Средоточие лучилось ровно и светло, как у человека, постигшего высшую правду служения. *Неужели и госпожа Кендарат ощутила нечто подобное, когда я оспорил у неё место Наставника? Что изменилось в тебе нынче ночью, мой ученик?.. Ещё вчера ты был совсем не таким... И что видишь ты сам, когда обращаешь на меня духовное око?..*

Хономер поклонился им обоим и негромко сказал:

— Начнём же, во имя Старшего, благородного в битве, Младшего, милосердного к побеждённым, и Предвечного Отца их!

— И Матери их, — вдруг проговорил Волкодав.

Прозвучало это до того неожиданно, что Хономер промедлил лишнее мгновение, против обыкновения не сразу найдясь

с достойным ответом. Хотя сказанное венном очень даже смахивало на святотатство. В самом деле, поклонение, завещанное от праотцов, вовсе не подразумевало особого почитания смертной женщины, выносившей во чреве своём сыновей Бога. Кто она такая была, чтобы её чтить? Любуясь великолепными статуями, мы очень мало думаем о глиняной форме, куда по воле мастера излился горячий металл...

Разум Хономера, привыкшего проповедовать и спорить о вере, немедленно породил эти и ещё иные, не менее сокрушительные рассуждения... Они так и остались произнесёнными.

— И Матери их! — глядя Наставнику в глаза, откликнулся Волк.

Освящённого обычаем «я тебе доверяю» ни один из не добавил.

В кан-киро нет соперничества и вражды, а оттого невозможны и состязания. Ученики на уроке, разбиваясь попарно для освоения новых движений, занимаются отнюдь не борьбой, не ревнивым сравнением, в ком из двоих больше силы и ловкости, кто лучше преуспевает в искусстве.

Один из них притворяется злоумышленником и нападает — хватает или бьёт тем способом, который перед этим показывал, нападая на Наставника, их старший брат. Он действует с большой внутренней силой, *искренне* — если уж держать, то до последнего и так, чтобы ободрала пальцы жёсткая ткань одеяний, если бить — так, словно собрался перерубить ладонью бревно или прошибить кулаком стену! Но всё это совсем не обязательно проделывать быстро. Быть может, от нападения защищается новичок, медлительный и неловкий. Пусть он вдумчиво следит за работой своего тела, не беспокоясь оплошать, не боясь, что в случае ошибки ему проломают голову или жестоко бросят на землю. Пусть он загодя знает, что нападающий дружески укажет ему его промах и научит, как правильно. Ибо сказано: «я тебе доверяю»...

В этом одна из основ обучения. Доверие — дело взаимное. Тот, кто защищается, обязан двигаться не быстрее и не медленней нападающего, ибо слиться воедино могут только те потоки, в которых вода одинаково стремительна — или спокойна. А ещё он обязан помнить, что любой приём кан-киро завершается или опасным броском, или костоломным захватом. Но, доколе перед тобой друг, исполнять такие броски и захваты следует бережно и осторожно, не причиняя увечий и боли. Ибо нападающий вручает тебе своё тело и ждёт, что ты сумеешь не забыть во вдохновении боя: «я тебе доверяю»...

Волкодав и Волк неторопливо и медленно сошлись посередине двора. Поклонились друг другу...

Ни тот, ни другой не напал. Напавший на мастера кан-киро заведомо обрекает себя поражению. Он сразу являет свои сильные и слабые стороны, а самое главное — отдаёт мастеру движение, из которого тот выплетает вразумление либо гибель напавшему.

Волкодав и Волк одновременно подняли перед собой правые руки, и руки встретились, соприкоснувшись чуть повыше запястий. Так могли бы встретиться лезвия двух мечей.

А потом начался танец. Медлительный и невероятно красивый. Первыми пришли в движение руки: то одна, то другая увеличивала нажим и начинала легонько скользить мимо, вынуждая противницу вписываться в движение, подхватывать его и возвращать вкруговую. Очень скоро движение рук сдвинуло с места и самих поединщиков. Они начали переступать, плавно кружась, завораживающе неспешно и согласно выписывая знакомые ритмы, безупречные последовательности шагов, завещанные людям, если верить преданиям, посланницами самой Богини Кан, нарочно ради этого спустившимися на землю.

Волкодав и Волк не смотрели один на другого. Тот, кто проследил бы за ними в эти мгновения, наверное, поразился бы их лицам. Оба казались не просто спокойными, но даже умиротворёнными. Ни страсти, ни ярости, способной возмутить спо-

койствие духа. Рассредоточенные взгляды, обращённые слов-
но бы за пределы этого мира. Глаза обоим можно было бы завяз-
зать. Ничего бы не изменилось.

Но вот танец нарушился... Хотя нет, «нарушился» — не то
слово. Просто достигло нужного размаха кружение, один из
двоих чуть сдвинулся, предложив новое развитие, превращая
очередной, ставший совсем широким шаг в разворот... способ-
ный стать для соперника погибельным водоворотом.

Кто это сделал — ни один из учеников не успел углядеть,
потому что движение было тотчас принято, подхвачено и про-
должено, и...

...И Волк со всей определённойостью понял, что погиб.

Наставник без усилия, плавно, как льётся из кувшина вода,
вошёл в предложенное Волком движение и повёл его руку —
вроде очень спокойно, вроде нисколько не торопясь... но до того
неодолимо, властно и грозно, что куда только подевалась уве-
ренность, толкнувшая Волка на этот роковой поединок! На сме-
ну ей явилось знакомое чувство, ставшее обычным и привыч-
ным за годы учёбы. Ему ведь часто приходилось ощущать на
себе кан-киро Наставника. Волкодав на каждом уроке подзы-
вал его по несколько раз, показывая что-нибудь ученикам, и
без этого, надо думать, Волку разве что во сне приснилось бы
заглазное прозвание Лучшего. Так вот, всякий раз, когда На-
ставник призывал к нему милосердие Богини Кан, — Волку не-
изменно казалось, будто его подхватил и несёт необоримый
вихрь... а на расстоянии ногтя блестят клыки вроде тех, кото-
рых не могли прикрыть губы Тхваргхела. Блестят, не касаясь
тела. До поры не касаясь...

«И я, несчастный дурак, сказал Хономеру, чтобы нанял меня
вместо него?.. Да я никогда не буду и вполовину так хорошо...»

Додумывал эту мысль Волк уже в полёте — Волкодав от-
правил его прикинуть к безмятежности мудрой Земли. Это
было очень сложное падение, из тех, когда до последнего не
удаётся пустить в ход руки. Не будь Волк лучшим учеником,
точно лежать бы ему с переломанной шеей. Но если и были в

выучке Волка какие изъяны, то не по части соприкосновений с землёй.

«...Никогда не буду и вполовину так хорош... О чём это я? Какое ещё «никогда»? Так дело пойдёт, я сегодняшнего вечера-то не увижу. Он и сейчас мог меня убить. Если бы захотел...»

Останься лежать и будешь жив, нащёптывал здравый смысл, и Волк всем существом понимал его правоту. *Ну, посмеются над тобой несколько дней, потом перестанут, потому что, кроме Наставника, всё равно никому здесь с тобой не равняться... Лежи, дурень!*

Волк встал. И снова простёр к наставнику руку с чуть приподнятой и развёрнутой кистью. Так воин, вооружённый мечом, обращает его к противнику, отказываясь сдаваться.

Хономер следил за поединком Наставника и Лучшего уно-та со смешанным чувством. Он, пожалуй, грустил. И дело было даже не в том, что сам он никогда не отважился бы предложить Волкодаву поединок, как это сделал отчаянный Волк. Да, кан-киро Хономера никогда не будет не то что великим — даже и просто выдающимся. Но этим обстоятельством была затронута только его собственная гордость, и без того подлежавшая всяческому усмирению. Глубинный повод для душевной печали был много, много серьёзней.

Когда-то, едва познакомившись с боевым искусством Богини Любви, Хономер в душе возликовал: вот оно!.. Наконец-то!.. Быстрая мысль, присущая даровитому молодому сегвану, тотчас нарисовала блистательную картину: целую школу воинствующих жрецов, которые станут обучаться кан-киро и, разъезжаясь по разным пределам населённой земли, утвердят славу Близнацов на юге и севере, на западе и на востоке. Ему даже мнилось тогда, что однажды отсветы этой славы коснутся и его самого. «Кто же научил тебя, доблестный?» — спросит победителя побеждённый, и победитель ответит: «А научил меня Избранный Ученик Хономера...» И может, означенного Хономера со временем даже призовут в священный Тар-Айван... и отечес-

ки велят забыть порицание, коего он удостоился почти десять лет назад за одну весьма обидную неудачу. А там — как знать? — не окажется ли владычная похвала самой первой ступенькой, способной начать для него восхождение по ступеням великого храма, к престолу Возлюбленного Ученика?.. «Не о своей чести радею, — мечтая о таком восхождении, всякий раз оговаривался про себя Хономер. — Просто, дана буде мне земная власть, немало смог бы я изменить к вящей радости всех сподвижников Ближнецов...»

Теперь ему казалось, что те давние размышления изначально были пронизаны хрустальным, как осеннее солнце, светом несбыточности. Ибо затея со школой воинствующих жрецов, похоже, оказывалась ещё одним горьким уроком из тех, которые отчего-то раз за разом посылали ему, Своему верному последователю, Старший и Младший. В самом деле — если хорошенько припомнить, почти так же всё обстояло и десять лет назад, когда он отправился в Мономатану за Глазом Дракона. Он, Хономер, тоже увидел тогда в обладании Глазом земной путь к возвеличению Ближнецов... и, соответственно, свой путь к подножию тар-айванского трона. Ибо кому должна быть вручена власть, как не тому, кто своим служением доказал, что достоин?..

Итог его усилий оказался плачевен. Глаз упокоился в недоступных глубинах реки (как говорили, обретшей с тех пор целебные свойства), а он, Хономер, оказался за свои труды ещё и порицаем...

Вот и теперь его, похоже, ожидало то же самое. То есть до нового отеческого порицания дело скорее всего не дойдёт, ведь он действовал по собственному почину... но легче ли от этого сознавать неудачу?

Волк уже не считал, в который раз поднимается с жилистой травки, выработавшей за несколько лет упорство к ежедневному топтанию пятками, а также прочими человеческими статями и ладами. Может, он нынче перекатился по ней в седьмой

раз, а может, и в тридцать третий. Тело начинало жаловаться и болеть: Волкодав швырял его весьма от души, и, как ни крепок был Волк, всё имеет предел — стирается кожа, истощается упругость суставов и связок. А всего более давило молодого венна сознание: *Наставник давно мог бы убить меня. Если бы захотел. Почему я ещё жив?..*

Щадит ли он меня, полагая маленьким безобидным волчонком, на которого взрослому сильному псу зазорно раскрывать пасть? Или не хочет отнимать второго сына у матери, и без того уже утратившей старшего?..

Такая мысль в определённой степени изгоняла мерзостный страх, овладевший Волком вначале, — но она же пребольно ранила душу. На самом деле ему уже полагалось бы лежать с переломанным между лопаток хребтом, ибо Наставник только что явил приём «морская волна перекачивает тяжёлые камни», и Волку, беспомощно обхваченному за шею, довелось, холодея, завалиться назад и явственно ощутить под спиной жёсткое колено Волкодава... довелось даже успеть мысленно испросить прощения у белого света, поскольку от этого приёма, коли уж попался, не существовало никакой обороны или увёртки, через мгновение ждала смерть, зря ли Наставник, объясняя, наказывал им быть друг с дружкой особенно бережными и осторожными...

Почему, каким образом колено Волкодава лишь чиркнуло ему по лопаткам вместо того, чтобы войти посередине и смять хрупкие позвонки, — Волк так и не понял, и оттого, что он не уследил и не понял, было вдвое обидней.

Хочет ли он показать мне, до какой степени я ещё глуп и далёк от истинного понимания? А сам он... понимает ли он, зачем я сегодня вышел против него?..

То, что он потерпел именно неудачу, день ото дня становилось для Хономера всё очевиднее. Поистине, следовало бы ему это понять и суметь предвидеть ещё во времена Наставницы Кендарат, к удержанию которой в стенах крепости он

приложил столько усилий. Да, она многому научила и его самого, и других братьев... и наёмную стражу, и обыкновенных наёмников, привлечённых слухами о непобедимом воинском искусстве... Вот только покамест что-то не доходило до Хономера известий об их громких ратных победах. Тем паче — о победах в битвах под красно-зелёными стягами. И даже хуже того. Слишком немногие среди них выказывали желание стать последователями Близнецов... да и у тех, кто выказывал, насколько мог судить Хономер, новообретённая вера держалась только до крепостного порога... Потом её сбрасывали, точно одежду, оказавшуюся неподходящей к новым обстоятельствам жизни. А те ученики, что оставались в стенах?.. Они были нисколько не лучше. Хономер слышал собственными ушами — и к немалой своей досаде, — как они расспрашивали старуху о правильном поклонении Богине Любви. Двое или трое (этого Хономер, понятно, сам уже не видел, — верные люди донесли) дошли уже до того, что отправились заказывать у ювелиров священные знаки Богини — капельки-самоцветы, удерживаемые серебряными ладошками. Какая уж тут школа воинствующих жрецов, готовых жизни не щадить ради торжества правого дела?..

Поэтому он очень обрадовался, когда на смену Кан-Кендарат явился новый Наставник. Хотя и был этот Наставник одним из самых непроходимых и твердолобых язычников, каких Хономер в своей жизни встречал. И даже тогда не насторожился и не возроптал Хономер, когда новый Наставник воспретил ему проповедовать на уроках. Кан-киро, которое показывал Волкодав, было поистине великолепно. Более того — в определённой степени свободно от излишней мягкости и милосердия, на которых неколебимо настаивала Кан-Кендарат... Но что толку?! Ученики кан-киро по-прежнему не торопились становиться Учениками Близнецов. И затея со школой совершенно так же не спешила осуществляться, как если бы это было противно самой сути искусства Богини Любви...

И кто сказал, будто всё изменится к лучшему при Наставнике Волке? Тем более что парень был таким же упёртым приверженцем Богов своего племени, как и Волкодав...

А храм Близнецов до сих пор не породил даровитого воина, способного победить нынешнего Наставника.

Случайно ли?

Но так оно или не так — легко ли смотреть, как умирает мечта?!

Лицо у Наставника было, по обыкновению, деревянное. Три года знал его Волк, но не мог припомнить, чтобы по лицу Волкодава ему удалось сразу определить, что у того на уме. Намного ли был Наставник старше его самого? Лет на семь, может, на восемь... Отчего ж иногда Волку казалось — самое меньшее вдвое?.. А ведь, наверное, так оно и было, только не тем счётом, какого обычно придерживаются люди...

Как сказать ему, что мою чашу держала в ладонях Любовь?..

И Волк, корчась в очередном захвате, способном, как он отлично знал, выворотить ему из сочленений сразу три сустава руки, извиваясь, скаля зубы и помимо воли, помимо ещё теплившейся гордости лелея мысль — *Не выворотит! Пощадит!..* — нарушил один из главнейших заветов кан-киро. «Научаясь движению, — гласил этот завет, — объясняй другу телом, движением тела, а рот держи на замке. Если появилась нужда в словах — стало быть, ты чего-то очень важного не понимаешь...»

Ну и пусть я не понимаю, в кромешном отчаянии и упрямстве сказал себе Волк. Пусть! Пусть даже то, что получилось у меня вчера вечером с чашей, на самом деле получилось случайно и ни о чём не свидетельствует, как я, дурень, готов был вообразить. Пусть предзнаменования во время боя собак и даже то, что произошло у меня с Пятнышком, — чепуха, которую я, тешась, напридумывал сам себе в утешение. Пусть я плохо владею кан-киро и неспособен его языком объяснить Наставнику, что я задумал... Я всё равно объясню ему...

В это время молодой венн пытался совершить над Наставником «благодарность Земле». Не получилось, конечно. В самый ненужный миг дрогнули и согнулись руки, вынесенные над головой. Согнулись, утратили внутреннее стремление — всего-то чуть-чуть, совсем незаметно для постороннего глаза... ни один из других учеников не заметил бы его мгновенной оплошности... но Волкодав, конечно, заметил. И не простил. Так при малейшей утрате сосредоточения с остро отточенного пёрышка стекают чернила и вместо идеально задуманной буквы расплзается, портя лист, безобразная клякса. Руки Волка немедленно утянуло за голову — точно так, как приключалось с неумехами новичками, которым он сам объяснял этот приём. Они, правда, не понимали, что вдруг такое стряслось, а он понял, но на том разница и кончалась. Локти, плечи и спину тотчас пронзила беспощадная боль. Он не взвыл только потому, что отчётливо, опытно знал: стерпим и это, и кое-что ещё похуже. Может, кстати, придётся... Уже падая, уже выбрасывая из-под себя ноги, он воспользовался тем, что их головы оказались совсем близко, так что на миг даже перемешались волосы, слипшиеся от пота... И прохрипел почти в ухо Наставнику:

— Клетки надо ломать...

Волкодаву уже порядком-таки давно не приходилось творить кан-киро в полную силу. Как ни хорош был иссиня-чёрный Урсаги, мономатанец-мибу, словно бы сотворённый Богами его народа из одних гибких сухожилий и мышц, не отягощённых костями, — Урсаги присуща была доблесть не воина, водящего близкое знакомство со Смертью, а скорее канатоходца или танцора. Таково уж было природное свойство чёрных племён. И бой, и самая тяжёлая работа осмысливались ими как танец. Радостно видеть перед собой такого ученика. Он и нападет-то, словно приглашая на пляску. А уж когда на него самого нападают другие ученики — утихомиливает их до того играючи и весело, с невозможно-белой улыбкой на черносливном лице, что сторонний человек, посмотрев

на него, только руками разведёт: не воинское искусство, а сплошные поддавки!

Волкодав же, глядя на Урсаги, словно бы отрицавшего своими прыжками-полётами самую тягу земную, иногда думал: а может, именно такое кан-киро — улыбка и танец в ответ на взмах кулака — всего более угодно милосердной Богине?.. *Ну чем не сольвеннская борзая? Зубов полная пасть и росту чуть не двадцать вершков, переярка* без раздумий берёт, а чтобы человека куснула — отроду не бывало такого...*

Они-то с Волком вершили совсем иное кан-киро. Сдержанное, грозное и суровое. Такой мастер щадит напавшего на него простеца не по весёлости и добродушию нрава. Просто мало чести обрушиваться всей мощью на того, кто глупей тебя и слабей... *Да. Мы с тобой, Волчонок, — словно боевые псы шо-ситайнских степей, сошедшиеся на Кругу, где вчерашние щенки бросают вызов матёрым. И я нипочём не трону тебя, потому что ты ещё, в сущности, мальчик. И оттого, что ты бьёшься очень повзрослому, ничего не меняется...*

Но тебе-то что от меня нужно, малыш?

Волкодав чувствовал: молодой венн был близок к отчаянию. Его движения становились всё скованнее, раз от разу утрачивая плавность, красоту и свободу. И внутренний свет потускнел, окрашиваясь серым. Но в сером присутствовал стальной блеск, и ясно было — Волк не сдастся и не отступит. И ещё было ясно, что убить Волкодава он не стремился. Не сделал бы этого, даже если бы смог.

Зачем же ты бросил мне вызов, мой кровный враг, если не можешь и не стремишься меня убивать?..

— Клетки... нужно... ломать... — словно в ответ на его невысказанную мысль снова прохрипел Волк.

Волкодав успел услышать его, а в следующее мгновение почувствовал, как затылок сдавили невидимые тиски. Ему показалось, будто он сиганул вниз с высоченного речного обрыва — точно так, как когда-то, доказывая свою храбрость, они си-

* *Переярка, переярк* — годовалый волк.

гали мальчишками, удрав на Светынь из-под слишком заботливого присмотра домашних. Ушло ощущение тяжести тела, Волкодав поплыл в пустоте, не испытывая никакого желания прерывать захватывающее и блаженное плавание-полёт, даже не спохватываясь, где верх или низ... Сколько времени это длилось? Вроде бы он возвращался к обычному состоянию медленно и неспешно, словно пробуждаясь от спокойного сна... но, когда окружающее вернулось и вновь встало на место, оказалось, что странный полёт продолжался всего мгновение. Волк, впрочем, успел перехватить его руку и уже вознамерился захватить своего Наставника «расколотыми жерновами». Приём почти удался ему... и, возможно, удался бы вполне, если бы не ощущение обречённости и неудачи, слишком прочно укоренившееся в душе. Недолго же продержалась вера в себя и собственное мастерство, вера, обретённая только накануне вечером, у выплеснутой чаши! Волк снова был ничтожным унотом, ни на что не способным перед лицом грозного учителя. И оттого, когда Хозяйка Судеб вдруг подбросила ему удивительную удачу, он оказался к ней попросту не готов. Пока он медлил и боялся поверить себе, возможность оказалась упущена. Рука Наставника, только что безвольно обмякшая, заново обрела железную крепость, а глаза, странно помутневшие, подобно давно не мытому стеклу, моргнули и опять обрели блеск, и блеск этот Волку ничего хорошего не сулил. Как и следовало ожидать, Наставник с лёгкостью сбросил его бездарный захват, заодно переняв и намеченное Волком движение, — и молодой венн тут же сам очутился в «расколотых жерновах», которые обманчиво медленно и неодолимо, с воистину каменной неторопливостью, повели его по кругу... по завершении которого Волку — он это понимал — предстояло остаться без кисти руки... либо совершать бешеный прыжок назад через голову... если только ему будет позволено его совершить...

Но, пока длилось кружение, их с Наставником лица снова оказались совсем рядом, и Волк сказал последнее, что ещё мог сказать:

— Мать дала мне имя: Клочок...*

Ни один венн без очень веской причины не произнесёт вслух имени, которое дала ему мать. И этот венн должен быть распоследним подонком без чести и совести, чтобы солгать, называя его. Волкодав испытал настоящее удивление. Назови кто Волка выродком, способным упомянуть о матери ради обмана, — он сам первый заставил бы клеветника проглотить такие мерзкие речи, да кабы не вместе с зубами.

Но если парня вела честь, тогда получалось...

...Тогда делалось понятно, почему он вышел нынче на бой, неся в душе не багровую паутину убийства, а величайшую ясность обретшего истину. Вот, стало быть, что он хотел сказать Волкодаву, когда шептал что-то о клетках, которые надо ломать. Он ведь не пощады просил. И, будучи всё равно в очередной раз пощаждён, не оставался лежать и не отступал прочь с поклоном, признавая своё поражение, а снова поднимался против Наставника...

Нет. Не так. Не «против».

Он хотел совершить для него то же, что сам Волкодав сделал когда-то ради Матери Кендарат...

Поняв это, Волкодав преисполнился гордости за ученика. И — что греха таить — за себя самого. *Значит, я оказался не таким уж скверным Наставником, как думала госпожа. Я всё-таки научил тебя правильному кан-киро, малыш. Ты узнал законы Любви, которые праведнее, святее и выше даже долга кровной мести за брата, ставшего надсмотрщиком и погибшего от моей руки в Самоцветных горах. Ты узнал: Правда, зиждущая повседневную жизнь в наших лесах, есть лишь малый ручеёк великой Правды этого мира, летящего среди звёзд. И если ты научился этому у меня, значит, не совсем даром я потратил три года здесь, в Хономеровой крепости...*

Но что же мне сейчас-то делать с тобой, маленький Клочок? Как завершить этот бой, не покалечив тебе ни тело, ни

* Клочок — здесь это слово может быть истолковано как «лохматый зверёныш».

душу? Ты задумал всё правильно, мой меньшой брат, ты всего лишь немного просчитался со временем. Можно ли стать настоящим мастером за три коротких года занятий?.. Я не стал мастером за те четыре, пока сопровождал госпожу. Я только теперь начинаю понемногу приближаться к настоящему мастерству... Ты много достиг, мальчик, но биться против меня тебе ещё рано. Если я поддамся тебе, это будет замечено, да ведь ты и сам не примешь подобной победы. Как же мне поступить, чтобы понадежнее уберечь тебя от насмешек, — ведь уже теперь многие догадались, что тебе не одержать надо мной верха? Как мне сохранить тебя, лучший из учеников, чтобы ещё через несколько лет ты, быть может, в самом деле набрался сил сломать мою клетку?..

Надо полагать, вскоре Волкодав придумал бы выход — ибо, хотя ежедневное чтение книг и добавило ему умения обращаться со словами, всё равно там, где надлежало до рукопашных искусств, соображал он по-прежнему гораздо быстрее, чем в отношении изустного убеждения. Но...

Так часто получается в жизни: человек строит какие-то планы, раскидывает умом... а потом выясняется, что Хозяйка Судеб уже выпряла нити, да не просто выпряла — связала узлами, устроила затейливую бахрому... а иные, показавшиеся лишними в общем узоре, взяла да отстригла. И сваливается на человека нечто совсем непредвиденное, и идут прахом любовно рассчитанные помыслы, и приходится, точно погорельцу на пепелище, по крохам собирать уцелевшее и вместо званого пира тшиться что-то заново выстроить на пустыре...

Волкодав позволил Ключку уйти из «жерновов» тем самым шальным прыжком-кувырком да ещё и заботливо поддержал руку, которую волен был сломать. Впрочем, запястье парня так и осталось в его хватке, и он собирался, не дав ему ничего толком сообразить после прыжка, поводить его ещё немного кругом, заставить разок-другой прокрутиться по земле, опираясь ладонью, а когда выдастся удобный момент — тихо уложить и

затем не просто выпустить, как поступал прежде, а жестом отправить к остальным ученикам и спокойно сказать, притворяясь, будто вовсе не было ни вызова, ни поединка: «Теперь продолжим урок...»

...Дурнотно-блаженное ощущение то ли плавания, то ли падения накатило опять, как раз когда ему показалось, будто прошлый приступ окончательно миновал и, будучи случайным, более не повторится. Опять его сознание перестало поспевать за тем, что видели глаза, и он опустил веки, чтобы не мешало бестолковое мельтешение. На сей раз он с головой погрузился в тёплое море, спокойное, ласковое и прозрачное, как когда-то в Саккареме, возле устья пограничной реки Край. Дружелюбное течение понемногу закружило его и повело, и он бездумно поплыл, отдаваясь его воле и не заботясь даже о том, чтобы вовремя наполнить лёгкие воздухом.

Покой. Он обретал покой, о котором давным-давно отвык даже мечтать...

Что-то легонько толкнуло его в грудь. Сам того не заметив, он оставил над собой всю толщу прозрачной воды и опустился на самое дно — чистое, ровное, сложенное желтовато-белым песком. По песку бродили размытые тени и отблески солнца, преломлённые глубиной. Песок не лежал на месте. Он, как всё в море, жил своей особенной жизнью и даже дышал, колебания воды покрывали его прихотливо изломанной, извитой рябью... Эта рябь почему-то притягивала внимание Волкодава. Рисунок её всё время менялся, и, пока он силился за ним уследить, из песка проклюнулась короткая жёсткая травка, неуловимо похожая на ту, которой зарос двор крепости-храма и которая упорно отказывалась погибать даже в углу внутреннего двора, отведённом ему для уроков с учениками... Учениками?..

Исчезли материнские объятия тёплой воды, тело заново обрело тяжесть, а время перестало растягиваться и сжиматься и потекло как обычно.

Волкодав лежал на жёсткой травке лицом вниз, а его левую руку, откинутую и как бы вдвинутую в землю плечом, придер-

живали за локоть и кисть две потные ладони, ощутимо дрожавшие от небывалого напряжения. Волкодав слегка пошевелился и понял, что освободиться не составит труда. Если он пожелает. Он не желал... Ему хотелось назад, в ласковое море, пронизанное солнечными отсветами и покоем.

Он собрался было даже закрыть глаза и попытаться вернуться туда, как, бывает, порой удаётся вернуться в только что виденный сон, прерванный пробуждением... В сон, с которым жалко расстаться. Однако в этом удовольствии ему было отказано. Ослабили хватку ладони, державшие его руку, и волей-неволей пришлось переворачиваться лицом вверх, окончательно возвращаясь назад из чудесной страны, где ему не дали задержаться.

Краски здешнего мира показались ему ослепительно яркими. Горела над ним беспредельная синева неба, и золотым огненным шаром плыло в ней солнце, окружённое белыми-белыми высокими облаками. Чуть ближе высилась сизовато-серая каменная стена, и по ней, раскинув глянцевые зелёные листья, карабкался цепкий плющ.

А прямо над собой Волкодав увидел человеческие лица. Они были вроде бы знакомы ему, особенно одно — с чистой, как у девушки, кожей и двумя тёмными родинками пониже левого глаза. Лицо показалось Волкодаву осунувшимся, едва ли не измождённым. А волосы парня так промокли и склеились от обильного пота, что можно было подумать — это он, а не Волкодав, только что выплыл из глубин прозрачного океана. И ещё глаза. Да, глаза. Серые, смертельно усталые. Им бы полагалось сиять торжеством, но взгляд был почему-то совершенно несчастным.

Клочок. Клочок Волк...

«Я столько всего хотел бы сказать тебе, Волкодав. Я не понимал, пока было время. А теперь я понял, старший брат мой, но, кажется, поздновато...»

Не печалься, малыш. Самое главное мы с тобой друг другу сказали, и невелика разница, словами или без слов...

Другие ученики благоговейно держались поодаль. Все со- знавали, какое удивительное и необычное дело только что со- вершилось у них на глазах. Лучший ученик вызвал Наставника на поединок. И когда все готовы были поверить, что он вот-вот будет окончательно повергнут, а то и вовсе убит за свою на- глость, — он вдруг изловчился как-то скрутить Наставника и приложить его оземь, да так, что едва душу не вытряхнул!

Вот вам и Волк!

Зря ли предупреждает мудрость, бытующая почти у каж- дого племени, насчёт тихого омута, который на самом деле го- раздо страшней громогласного переката!..

А они с ним полных три года вместе ели и спали и даже, случалось, в одной и той же корчме кружечку опрокидывали!.. И понятия не имели, что молчаливый паренёк-венн, ничем, по сути, от всех прочих не отличавшийся, — он самый и есть их будущий Наставник, которому, оказывается, от Богов уготова- но нынешнего превзойти и сменить!..

Кое-кому теперь, задним числом, уже думалось, что на са- мом деле обыкновенным Волк не был никогда, что с самого начала сквозило в нём нечто «этакое», и, если порыться в па- мяти хорошенько, тому непременно отыщутся свидетельства; вот только ума не хватило сразу их распознать и смекнуть, с каким избранником Богини Кан выпало делить хлеб и спаль- ный чертог.

Другие, менее восторженные (или не менее, а просто по- другому), зачем-то разминали кисти рук и иные суставы, как всегда полагалось перед началом урока. Спрашивается, с чего бы заниматься этим посередине его, если не в конце, ибо вряд ли сегодняшний урок будет продолжен?.. Парни поступали так не по сознательному велению ума. Это находили выход невыс- казанные и, может быть, даже неосознанные мысли, ещё не при- своиленные рассудком, их породившим: «Если Волку удалось, то почему не мне? Кем сказано, что следующим буду не я? Я ста- ну усердно подражать Наставнику, кем бы тот ни был, и тру- диться, трудиться. Я готов взяться за дело прямо сейчас...»

А третьи, самые бездарные, но, как водится, собственной бездарности не понимающие, прятали этакие многозначительные ухмылки: «Ну конечно. Из кого же ещё ему было воспитывать Лучшего ученика, как не из такого же венна. Нас-то вот не выбрал небось...»

Потом подошёл Хономер. Жрец, по обыкновению, внешне являл полное самообладание, но что-то в выражении его лица показалось Волкодаву странным... что именно? И так ли уж это было важно?

Хономер молча смотрел на него сверху вниз. Он не злорадствовал, но и не пытался поставить под сомнение победу ученика, а значит — согласно уговору, — провозглашение нового Наставника и уход из крепости прежнего. Трудно было удержаться от мысли, что ему просто доставляло удовольствие вот так созерцать Волкодава, распростёртого на земле и, похоже, бессильного. И ещё — он как будто знал про венна нечто такое, чего тот сам о себе не ведал.

Что он знал?.. Имело ли это значение?..

Навряд ли...

Не пытаясь подняться, Волкодав сказал Хономеру то, что представлялось первостепенным ему самому, и голос прозвучал на удивление ровно:

— Если ты позволишь, я задержался бы здесь ещё на несколько дней. Книгу одну хотелось бы дочитать.

*Становятся длинными тени,
Спадает дневная жара.
Дружище, довольно сомнений!
Пора нам в дорогу, пора.*

*Родным поклонившись воротам,
Шагнуть, как бывало, вдвоём
За ближний рубеж поворота,
А после — за сам окоём.*

*Познать, как бывало, ненастье
От тёплого крова вдали
И, может, сподобиться счастья,
Где радуга пьёт из земли.*

*Узнать, что воистину свято
И с кем разойдутся пути...
Ещё далеко до заката —
Немало успеем пройти.*

4. Завязать узел

олнце клонилось к вечеру.

По холмам, поросшим где хорошим сосновым лесом, где влажными сумрачными ельниками, вилась утоптанная дорога, а по дороге, неся заплетенный мешок, шагал Волкодав.

Когда-то давно, невообразимо давно, поистине до начала времён, из моря на сушу пытался выползти исполинский дракон. Исполинский — не то слово; никакой исполин не может быть настолько велик, чтобы ему показалось тесно посреди океана и захотелось искать простора на суше. Твари, подобные тому дракону, сами способны держать на спинах гряды островов и целые материки, — что, кстати, было отлично известно некоторым древним народам, оставившим про то немало сказаний.

Медленно полз дракон, отягощённый невыносимым весом, неспешно ворочалась туша, зацеплявшая шипастым хребтом облака. Неделя, а может, и месяц, уходила на то, чтобы переставить одну лапу и сделать шаг. В те отдалённые времена ещё не было на свете людей, некому было считать и замечать время... А дракон, то ли притомившись ползти, то ли выбрав наконец удобную лёжку, опустил брюхом наземь — да так и заснул, остался греться на солнышке. Что такому проспаться целые века, а там и тысячелетия? Сладко дремало чудище, не замечая, как выросли под боками песок и земля, как зимы покрывали его

спину снегами, а торопливые вёсны заполоняли буйным цветением.

Потом появились люди и нарекли имя зубчатой броне на лопатках дракона, назвали её Заоблачным кряжем. Были там места никем доселе не пройденные, — хоромы и храмы вечного льда, не предназначенные для человека, да и — если пребывает он в здравом рассудке — ему вовсе не надобные. Были места святые и заповедные, ревностно оберегаемые суровыми горцами-итигулами от праздного постороннего любопытства... Только они, эти горцы, знали тайные тропы, головокружительные и опасные, но всё-таки надёжно ведущие через становой хребет Заоблачного кряжа самым кратким путём.

Теми тропами итигулы водили далеко не всякого возжелавшего. Волкодава они бы приняли с радостью и дали бы ему самого лучшего провожатого, ибо считали его своим другом. Волкодав в самом деле водил с горцами дружбу... но это не значило, что с некоторых пор он начал любить горы. Нет уж. Если не вынуждала к тому смертельная необходимость, от гор он по-прежнему старался держаться подальше. А посему выбрал дорогу, пролёгшую ближе к берегу моря и далеко обходившую укутанные снегами хребты. В этих местах вздыбленные драконьи чешуи теряли облик отвесно вздымавшихся пиков и превращались в песчаные, довольно крутые, но всё-таки не горы, а холмы, чем-то даже напоминавшие родные места Волкодава. Тот же песок под ногами, те же ёлки и сосны по сторонам, на старых гаях — берёзы, по краю болотец — заросли ольхи. Вот только на полянах тянулись к солнцу совсем другие цветы, а над головой пели шо-ситайнские птицы, к которым он за три с лишним года так и не привык.

Ученики — теперь уже бывшие ученики — долго провожали его...

От Волкодава не укрылось недовольство Хономера. Жрец, ни дать ни взять, опасался, как бы вся школа не снялась да не ушла следом за отрешённым от звания Наставника венном.

«Не бойся, Избранный Ученик, — с некоторым даже высокомерием ответил Хономеру Ключок. — Я не покину твой храм, пока не воспитаю воителя, который меня... — тут ему следовало бы сказать «превзойдёт», но Волк не смог переступить через совесть и сказал иначе: — ...который меня победит».

До сих пор у Хономера не было причины сомневаться в честности Волка. К тому же он понимал: для таких людей не придумано уз прочнее однажды данного слова, а иными способами нового Наставника, как и его предшественника, попросту не удержать — проще убить. И жрец только покивал головой:

«Что ж, я доверяю тебе».

Весь вид его, однако, говорил несколько иное. *Старуха Кендарат была хороша, хоть и не по доброй воле нас обучала. Волкодав пришёл сам, и я было обрадовался его приходу, но скоро стало в пору завывать. Каков-то из тебя будет учитель, молодой Волк?..*

Волкодав тем временем укладывал свой заплечный мешок, дивясь про себя: сколько книг было в обширной храмовой библиотеке, а самым последним — он даже задержался ради него на два дня в опостылевшей крепости — выпало дочитывать творение пакостника Кимнота. Самое же поганое, что зловредный Кимнот так и не привёл нигде напрямую никаких слов Тиргея, видимо из опасения, что разница в познаниях сразу сделается для всех очевидна. «Что сделать с тобой, гнида ты этакая, если когда-нибудь поймаю? — возвращая книгу хранителю, мысленно обратился венн к придворному звездослову, погубившему человека несравнимо учёнее и лучше себя. — Взять голову оторвать, как мы крысам на руднике отрывали?..»

И, похоже, немалое напряжение духа сопровождало эту не высказанную вслух угрозу, потому что в ушах Волкодава вдруг с удивительной отчётливостью отдался голос Тиргея, словно бы донёсшийся сквозь годы и разделявшую их границу жизни и смерти: «Нет, брат мой! Хватит уже и того, что я вышел биться с Кимнотом оружием разума, а он против меня употребил оружие власти. Ещё не хватало, чтобы теперь ты против него

употребил оружие силы! Я и сам, откровенно признаться, рад был бы ему шею скрутить, но что этим докажешь? И особенно — людям, которые прочли его сочинение и нашли его убедительным? Подобного проходимца можно уничтожить лишь одним способом. Имей я возможность, я написал бы книгу. Таковую, чтобы все воочию увидели истину и посмеялись над самоуверенным лжеучёным, а потом крепко позабыли, кто он был таков и как его звали...»

Да, именно этих слов следовало бы ожидать от Тиргея... не смешайся его прах давным-давно с камнями и песком рудничных отвалов. Всё было на месте, даже сипящая одышка каторжника, отравленного неосязаемым ядом подземного озера. *Написать книгу. Как просто. Самое, стало быть, естественное дело...* Это при том, что Волкодав до сих пор ещё не вполне свыкся с чудом — возможностью через посредство покрытых буквицами страниц причащаться мыслей и чувств людей, никогда им не виденных, а то и вовсе умерших прежде, чем он родился на свет. Теперь он начинал понимать: большее и главнейшее чудо были сами люди, для которых очинить перо и засесть покрывать письменами лист за листом казалось столь же естественным, как для него самого — вытягивать из ножен меч. Или, вот как теперь, без усталости шагать по дороге...

«Наставник... — в последний вечер перед расставанием обратился к нему Ключок. Он упрямо продолжал называть Волкодава Наставником, как будто от этого что-то зависело, и звучали в его голосе неуверенность и тоска. — Вот дом, полный светильников, — продолжал младший Волк. — Они кажутся яркими, пока стоит ночь. Но стоит заглянуть в двери рассвету, и сразу становится понятно, какое жалкое дают они пламя и как оно нещадно коптит... Это я к тому, что на свете пруд пруди называющих себя учителями, но немного среди них настоящих... Как мне сделаться настоящим, Наставник, как мне стать подобным тебе?»

Вот тут Волкодав, не слишком привыкший копаться в собственных ощущениях, едва ли не впервые в жизни явственно

понял, что имеют в виду люди, когда говорят: хоть смейся, хоть плачь. Он сам-то себе не особенно нравился — и вот тебе пожалуйста: его спрашивали, как стать таким же. Да ещё величали гордо и знаменито: истинным Наставником. *Да, парень... так уж получается — придётся теперь тебе каждый день самому отвечать на вопросы. Теперь, когда ты только-только разохотился их задавать...*

«Не стремись стать как я, — сказал он Ключку. — Будь собой. Я что, я всего лишь человек, зачем мне подражать? Лучше к Небу тянись».

«Но смогу ли я действительно чему-то учить... Моё кан-киро так несовершенно...»

...рядом с твоим, хотел добавить Волк, но вслух не выговорил — сказал глазами. Волкодав понял его. И усмехнулся в ответ:

«А кто совершенен? Ты ещё выучишься всему, чего тебе сейчас не хватает. У тебя есть главное: ты обрёл Понимание. А значит, сумеешь и другим указать к нему путь. Не забывай только, что у каждого этот путь свой...»

Ключок довольно долго молчал, по обыкновению упрямо насупившись. Со стороны могло показаться, будто он не понял сказанного бывшим Наставником, а если и понял — то никак не желал принимать. Волкодав знал, что неприятие это кажущееся: такое уж было у Волка обыкновение переваривать услышанное, расставляя по порядку на полочках памяти.

«Куда же ты отправишься, Наставник?» — спросил он затем.

На самом деле Волкодав хотел бы самым скорейшим образом добраться до Галирада. А там — сквозь единственные известные ему Врата возле Туманной Скалы попробовать попасть в Беловодье. Из Тин-Вилены в сольвеннскую столицу или в не столь уж далёкий от неё Кондар часто ходили корабли, а значит, прямое путешествие не заняло бы особо долгого времени... Вот только одна незадача. Почём знать, удалось ли Эвриху побывать на том островке у северо-западных берегов

Шо-Ситайна, куда, собственно, они с ним держали путь три года назад?..

Волкодав так и объяснил бывшему ученику:

«Когда я пришёл сюда, я странствовал вместе с другом... Я должен выяснить, удалось ли ему в одиночку исполнить обет, который мы давали с ним вместе».

«Так ты отправишься по его следам?»

«Да».

Волку отчаянно хотелось расспросить его поподробнее. Парень как будто желал наверстать всё упущенное за три года молчания. И в то же время корил себя за невместное, как казалось ему, любопытство.

«Прости, Наставник... Это далеко?»

«Есть места подальше, хотя многие скажут, что и это не близко. Я должен пересечь Озёрный край и выйти к морю... в место, именуемое Ракушечным берегом».

Пожалуй, всего разумнее было бы одолеть по крайней мере часть расстояния на попутном корабле каких-нибудь островных сегванов — вроде Ратхара Буревестника, с которым должен был отправиться Эврих. Денег, заработанных в крепости, вполне хватило бы оплатить труды честного морехода из тех, к кому с доверием относился Айр-Донн. Волкодав честно обдумал про себя такую возможность, но... так ничего в этом направлении и не стал предпринимать. Что-то до сих пор ему с морскими путешествиями не слишком везло. Единственное плавание, в которое ему случилось пуститься — на сегванской, кстати, «косатке», — кончилось тем, что корабль разнесло в щепы, а они с Эврихом и маленьким Йаррой выбрались на берег только необъяснимой милостью каменного чудовища, именуемого Всадником... Нет уж! Волкодав понимал, что морского путешествия всяко не избежать, но... пусть уж лучше оно состоится потом. Когда он побывает на острове и всё как есть выяснит. Может, Эврих там уже побывал. Тогда невелика будет важность, если по пути в Галирад опять что-то стрясётся. А до тех пор он лучше будет странствовать иным способом. Более надёжным.

Ну а надёжней всего, по мнению Волкодава, были его собственные ноги. Босиком ступающие по лесной дороге. Или — вообще без дороги.

«Если верна карта Салегина Достопочтенного, — сказал он Ключку, — я найду там приметную гору; её вершина видна с островка, куда я должен попасть. Салегин, следуя местному преданию, называет эту гору Шипом».

Он даже вытащил карту, чтобы показать её Волку. Самому ему рассматривать карты когда-то понравилось едва ли не больше, чем даже читать «путевники» землепроходцев или записи учёных вроде старика Салегина, досужих слушать рассказы путешественников. Обнаружив в библиотечном чертоге очередное «Зерцало стран...» или «Начертание земель...», он сразу принимался листать книгу в поисках карты. Найдя же такую — тщательно в ней разбирался, перво-наперво отыскивая места, которые хорошо знал. И, если они оказывались изображены верно, уже с некоторым доверием изучал всё остальное. Если же, к примеру, на карте Светынь текла с юга на север, море между северными побережьями и Сегванскими островами оказывалось узким заливом-притиском, а Самоцветные горы стояли, оказывается, чуть не на перекрёстке торных трактов, — он крепко задумывался, следовало ли читать эту книгу или, может, стоило поискать более дельную.

И вот ещё что было удивительно. Описатели земных устроений, как правило, не мелочились и карту в своих книгах помещали одну-единственную, но зато — всего мира. Впервые обнаружив такое, Волкодав попросту оробел перед дерзновенной смелостью учёного мужа, посягнувшего уместить на бренном листе сразу всё созданное Богами. Потом, помнится, он присмотрелся — и там, где полагалось бы змеиться верхним притокам Светыни, увидел ничем не заполненное пятно. *Пустоземье*, гласила сделанная красивыми буквами надпись. На этом, помнится, венна сразу оставила благоговейная робость. И в дальнейшем он высматривал в книгах карты менее смелые по охвату, зато верные и подробные. Салегина же ему

когда-то хвалил ещё Эврих, повсюду таскавший с собой его книгу, переписанную мелким уставом нарочно для удобства в пути. Найдя Салегриново «Описание...» в храмовой библиотеке, венн обрадовался ему, точно старому знакомцу, — и, листая страницы, действительно узнавал отрывки, которые, бывало, вслух читал ему Эврих. И вот теперь он сам прочёл знаменитую книгу — дотошно, *от корки до корки*, как выражались некоторые учёные люди. И, конечно, предостаточно нашёл у Салегрина непроходимого бреда. Вроде того, что Галирад якобы основали три брата-сегвана, а из четырёх колен вельхского народа коренным было-де западное. Однако карты в книге — своя при каждой главе — оказались на удивление толковыми, и Волкодав потратил немалое время, перерисовывая некоторые из них для себя.

Ну а эта — Озёрный край от северного побережья до самого Заоблачного кряжа — недаром составила его особенную заботу. Он с самого начала верил, что поселился в крепости не навсегда. Знал, что приложит к тому все мыслимые усилия, да и Боги в небесах не бездельники... Не ведал только, когда вернётся свобода. И вот — день настал, и они с Клочком обозревали на карте дорогу, на которую он уже завтра должен был ступить.

Пятки, правду молвить, чесались.

«Далёкий путь...» — только и проговорил Волк. И это был единственный намёк на приступ удивительного бессилия, поразивший Наставника в поединке, который молодой венн позволил себе сделать. *Далёкий путь... Как же ты преодолеешь его? И сумеешь ли преодолеть? Если бы только я смог пойти вместе с тобой!*

Действительно, странное и малоприятное нездоровье, превращавшее мир в скопище зольно-пепельных теней, продолжало посещать Волкодава. Впрочем, таких безобразий, как во время достопамятного поединка, более не приключалось. Дело, наверное, было в том, что он сразу перебрался ночлежничать в корчму Айр-Донна и каждый день лакомился сметаной. А потому Волкодав крепко надеялся, оставив далеко за спиной ка-

менные своды и стены, негодные для жизни человека, покинуть с ними и хворобу.

«Далёкий путь!.. Верно сказано, да не очень! — приосанились три молодых итигула — Йарра, Мааюн и Тхалет, весьма кстати заглянувшие в Тин-Вилену навестить Волкодава. — Не поприщами измеряют протяжённость дороги, и не бывает она слишком далёкой, если пролегает через земли друзей. Половина Озёрного края ест с нами хлеб, а кто не ест с нами хлеба, те торгуют, хотя бы через соседей. Они снарядят лодки и станут передавать тебя из деревни в деревню как самого дорогого гостя, Волкодав, потому что ты побратим итигулов!»

Венн добросовестно попытался представить себе подобное путешествие. Ничего не получилось.

Однако трое парней из долины Глорр-килм Айсах словами не ограничились.

Мааюн, самый старший и самый суровый, вплётший прошлой осенью в волосы цветные шнуры женитьбы, присмотрелся к Салегриновой карте:

«Вот здесь, в Захолмье, около устья Потешки, живёт человек, у которого останавливался Йаран Ящерица, когда ехал вершить сватовство. Говорят, этот Панкел по прозвищу Синий Лёд многих там знает. Мой отец тоже бывал в тех краях и хвалил его гостеприимство. Я назову тебе приметы дороги, а ещё мы дадим тебе письмо, чтобы Панкел сразу понял, кто это к нему пришёл и как с тобой поступать».

Письмо!.. За всю свою жизнь Волкодав получил письмо один-единственный раз. Маленький кусочек берёсты, принесённый на лапке верным Мышом. Один-единственный раз... Тем не менее он хорошо помнил, сколько тепла и любви оказались способны уместить несколько слов, торопливо нацарапанных рукой Ниилит. С той поры письма внушали ему почти такое же благоговение, как и книги... Вот только больше ему никогда и ничего не присылали. И сам он никому не писал.

Даже то, как составляются письма, он видел только со стороны — когда они с Эврихом зарабатывали на жизнь в «Сег-

ванской зубатке», каждый пуская в ход умение, которым владел лучше всего. Волкодав уже тогда обучился читать на нескольких языках, но, посмотревшись на Эвриха, с поистине потрясающей, естественной ловкостью извлекавшего из чернильницы слова и целые фразы, венн поневоле сделал вывод — справедливый, наверное, но от этого не менее обидный: вот искусство, которым ему не овладеть никогда.

Понятно поэтому его радостное любопытство, когда юные горцы вознамерились снабдить его в дорогу письмом.

Три года назад он недолго пробыл в селениях итигулов, однако успел пожить в их домах и был уверен — там от них с Эврихом не прятали никакого имущества или убранства. А посему, если бы итигулы хранили в своих жилищах книги, он бы их заметил. Обратил бы внимание. Не такое пристальное, как сейчас, но обратил бы. Так вот, он не припоминал книг.

И тем не менее — Мааюн говорил о письме! Именно о письме, а не о какой-нибудь бирке с клеймом, отмечающей собственность, и не о дощечке с зарубками, могущей быть знаком денежных обязательств!

Волкодав помимо воли ждал, чтобы Йарру или его почти ровесника Тхалета отправили, как младших, добывать письменные принадлежности... или, что вероятнее, искать грамотного человека, желающего заработать монетку. Однако ошибся, и ошибка в кои-то веки раз вышла приятная.

В руках у горцев появились мотки и обрывки ярких шерстяных нитей, и Мааюн — торжественно, явно по праву старшего — завязал самый первый узел. Красивый и сложный это был узел, с лепестками, похожими на цветочные, только у известных Волкодаву цветов лепестки росли всяк сам по себе либо урождались сросшимися, как у колокольчиков, а у этого — перевивались, перетекали один в другой. Удивительно и занятно, и не вдруг повторишь.

«Это означает приветствие», — пояснил Мааюн Волкодаву.

За первым узлом последовали другие... ещё, ещё и ещё. Вплетались новые нити, цветная тесьма то сужалась, превращаясь в

пухлый узорчатый шнур, то вновь ширилась подобием кружевной сетки.

«"Человек", "идти", "друг", "пища", "лодка", "ночлег"...» — быстро работая пальцами, называл Мааюн узлы и узоры.

Тут Волкодав припомнил обширные нитяные полотна сходного плетения, показавшиеся им с Эврихом стенными украшениями итигульских жилищ, и ему сделалось стыдно. Вот ведь как! Похоже, книги и летописи горцев всё время были у них перед глазами, только они умудрились их не заметить!

Он сразу положил себе непременно рассказать Эвриху, если жизнь вздумает улыбнуться ему и они ещё когда-нибудь встретятся.

Тхалет всё бросался напоминать и советовать старшему брату, и тот в самом деле дважды распускал узел-другой, чтобы усилить или слегка изменить значение предыдущих. Йарра больше помалкивал. Мать и отец, уехавшие с ним, маленьким, на другую сторону моря, конечно, научили его письменной вязи своего племени. Но, поскольку не было каждодневной необходимости, навык так и хранился в памяти не востребовавшимся, обретя звание насущного только недавно, после возвращения в горы. Оттого Йарра, похоже, всё никак не мог достичь беглости в праотеческой науке и почти не принимал участия в составлении письма к Панкелу по прозвищу Синий Лёд, жившему в Захолмье при устье Потешки. Завладев кусками и обрывками цветных нитей, оказавшимися ненужными Мааюну, Йарра уселся в сторонке и принялся сосредоточенно выплести нечто своё. *Узлы разные вяжет*, решил Волкодав. *Умение проверяет...*

Сам он на память отроду не жаловался. Зря ли когда-то с первого прочтения чуть не наизусть запоминал длинные классические поэмы, да ещё на чужом языке. Когда Мааюн кончил вязать письмо и торжественно вручил его Волкодаву, тот разгладил длинную тесьму на коленях и попытался разобрать смысл. Конечно, он смог уловить далеко не все тонкости, но в целом получалось достаточно складно.

«А почему, — спросил он, — этому человеку, Панкелу, дали такое прозвание?»

«Потому, — ответил молодой итигул, — что однажды весной, когда лёд уже напился водой, посинел и стал ненадёжен, он провалился в воду и едва не отправился рыбам на корм».

Они сидели в корчме у Айр-Донна, в комнатке, за которую славный вельх наотрез отказался брать с Волкодава плату, утверждая, что и без того, ежели по уму, должен был бы передать ему во владение половину «Белого Коня». Стены во всём доме были, к величайшей радости венна, бревенчатые. В знак уважения к постояльцу служанки сразу покрыли их занавесями с вышивкой, изображавшей птиц на ветвях. Вышивка была двусторонняя. Переверни её, и увидишь не изнанку с торчащими нитками, а такой же узор. Разве только день в этом птичьем лесу сменится ночью, потому что серебристая изнанка листьев обернётся лунным блеском на верхней их стороне, да в ярких пятнышках на хвостах и крыльях пернатых поменияются местами цвета. Искусство подобной работы вельхские мастерицы ревниво хранили, передавая от матери к дочери. Вот такая комнатка, напоминавшая и добрую веннскую избу, и круглый вельхский дом под соломенной крышей, вместо внутренних стен разгороженный занавесями. Славно в таком месте и беседу вести, и за столом угощаться, и хорошие сны под одеялом смотреть...

Когда же вечер сделался поздним и горцы, а с ними Клочок Волк, собрались уходить, светлокожий Йарра чуть задержался на пороге, приотстав от названных братьев.

«Вот, — сказал он тихо, чтобы никто не слышал, — возьми...»

И в руку Волкодаву лёг маленький обрывок тесёмки, вернее, один сложный узел с подвязанным к нему другим, поменьше. Венн присмотрелся, и чем дольше смотрел, тем большее чувство странной тревоги внушала ему переплетённая нить. Хотя, спрашивается, что может быть тревожного в обычной одноцветной тесёмке? Или... всё-таки не вполне обычной?

«Что это? — спросил он столь же тихо, ибо понял, что Йарра понизил голос совсем не случайно. — Вот тут моё прозвище, как я понимаю. А большой узел что значит?»

«У нас с ним не шутят, потому что имя ему беда, — сказал Йарра. — По дороге, которую ты завтра начнёшь измерять, когда-нибудь пройдёт хоть один итигул. Или просто кто-то, кто нам родня. И если он найдёт этот знак, мы поймём, что с тобой случилось несчастье, и поможем тебе. Или... — тут он помолчал, — или отомстим за тебя».

Волкодав пристально посмотрел ему в глаза... Произнеси такое почти любой из тин-виленских мальчишек, можно было бы заподозрить пустую ребяческую трепотню, ибо есть ли на свете мальчишки, не жаждущие опасных приключений и тайн? Беда была в том, что Йарра ни к каким приключениям не стремился, наоборот, он успел их повидать столько, что хватило бы на несколько взрослых. Он вправду был ещё подростком, но что такое беда, знал даже слишком хорошо. И потому Волкодав принял у него знак выручки и отмщения, не переменившись в лице, и лишь коротко поблагодарил:

«Спасибо тебе».

Уж так расположена и устроена была Тин-Вилена, что никто из путешествующих сушей (*горой*, как выразились бы венны) этими местами на север или на юг не мог её обойти. Разросшийся город занимал почти всё пространство между бухтой и непролазными обрывами предгорий. Хочешь не хочешь — посети выселки, а то и старый город, Серёдку. Заплати пошлину, если идёшь без товара и, стало быть, не собираешься ничего продавать...

Волкодав с Клочком, мономатанцем Урсаги и двоими итигулами уже выходили в ворота, отделявшие старый город от северных выселок, когда слуха бывшего Наставника достиг голос нищего калеки, сидевшего на земле возле ворот.

— Подайте на хлеб, добрые люди... Пять дней не жрамши, брюхо к спине липнет... Подайте, добрые люди...

Прежде этого человека здесь никто из них не видал. Одну ногу он поджимал под себя, а другую вытянул прямо вперёд; засученная штанина позволяла видеть струпья и язвы, густо испещрившие нездоровую синюшную кожу.

Нынче у Волкодава, против всякого обыкновения, был при себе полный кошелёк денег, однако за просто так он их кому попало раздавать вовсе не собирался. Он вообще особым милосердием не отличался и, в частности, полагал, что этот нищий вполне мог бы если не тянуть с рыбаками сети, то чинить их, сидя на берегу, — уж точно. *Не хочешь? Предпочитаешь кланчить на пропитание, сидя в пыли и обрядившись в рогожу*, чего ни один человек, сохранивший к себе мало-мальское уважение, не сотворит?.. Ну и моё-то какое дело, добудешь ты себе пожрать или нет?..*

Похоже, сегодня такого же мнения дружно придерживалось большинство горожан и заезжих. Подавали плохо. Кривобокая глиняная мисочка для милостыни стояла почти пустая. Попрошайка даже не заметил оглянувшегося прохожего и продолжал бубнить себе под нос, негромко, привычно, на одной ноте:

— Подайте на хлеб... В Самоцветных горах оставил я свою жизнь... Подайте...

«Что???»

Совсем неожиданно для учеников Волкодав шагнул в сторону — и опустился перед нищим на корточки.

— Говоришь, в Самоцветных горах?

Подобных просителей милостыни он немало встречал в Саккареме, у границы которого, в сердце дикого и почти непроходимого горного края, не присвоенного ни одной соседней державой, высились три проклятых Зуба. Встречались среди тех нищих всамделишные бывшие каторжники, кем-то отысканные

* *Рогожа* — грубая сугубо хозяйственная ткань первоначально из волокон растения рогоз (отсюда её название, произносимое также «рогоза», «рогозина»), позже и из лыка (мочала). «Социально приемлемой» одеждой из такой ткани считалась разве что накидка от дождя, в ином случае шла речь о полной потере человеческого облика.

и выкупленные из неволи, но успевшие утратить и силы, и волю к деятельной жизни: даже свобода не могла их исцелить, и они сломанными щепками плыли в никуда по течению дней... Были, как водится, и обманщики...

Здесь, в Тин-Вилене, нищих калек, поминавших загубленную на подземной каторге жизнь, Волкодав не встречал ещё ни единого разу. «Эк же тебя, братец, далеко занесло...»

Побирушка запоздало встрепенулся, поднял голову. Неопрятная борода, мешки под глазами... На какую-то долю мгновения Волкодав успел перехватить цепкий, ощупывающий взгляд.

Глаза нищего, впрочем, тут же снова стали тусклыми и тупыми — глаза человека, думающего не о жизни, а только о том, как бы прожить-пережить сегодняшний день. Раздобыть грошик-другой — кусочек съестного — и по возможности выпить... Однако и Волкодав не вчера начал присматриваться к людям. Краткого мгновения оказалось достаточно. «Так... Понятно...»

Взгляд лицедея.

Когда-то — он был тогда гораздо моложе и понятия не имел о многом из того, к чему привыкли жители больших городов, — он впервые увидел представление на рыночной площади. Представляли, как водится, легенду о древних героях, соратниках Богов в битвах со Злом. Юный венн, тогда уже, впрочем, носивший в волосах изрядно горного снега, протолкался к самым подмосткам... Увиденное захватило его. Человек в латах и чудовищной маске — воин Тьмы — заносил меч над головой поверженного героя, и Волкодав, хотя понимал, что всё совершалось вроде не очень по-настоящему, едва не рванулся на выручку... так, как делали дома, когда ряженные представляли кто Изначальным Кузнецом, кто Богом Грозы, а кто и вовсе Мораной... Но тут он рассмотрел глаза лицедея, которого собрался было спасти. Это не были глаза героя, пытавшегося не дать Солнцу погаснуть. Это были глаза опытного ремесленника, прикидывающего, хорошо ли удалось сегодняшнее изделие и, стало быть, велика ли окажется выручка.

И наваждение сразу рассеялось: злодейский меч вновь стал крашеной деревяшкой, а кровь, текущая из жутких ран, — соком вишен, ловко раздавленных под одеждой. Вени повернулся к подмосткам спиной и начал проталкиваться обратно, долой из толпы. Зрители, которым он помешал смотреть представление, шипели на него, толкали локтями...

Он тогда битых полдня ходил удручённый, а потом приступил к Матери Кендарат: «Как же так? О святом ведь... Не понимаю...» — «Больно строго ты с него спрашиваешь, — улыбнулась она. — Не может же он каждый день по-настоящему умирать. Душа сгорит. А у него семья небось, дети. Кормить надо...»

Тут ему стало совестно уже за себя, взявшегося судить, но потом и это прошло, и он понял: какой камешек ни подними — непременно окажется, что у него тысяча граней, и из этой-то непростоты и сложена жизнь.

...Нищий выставил перед собой миску и прошамкал:

— Подай, добрый господин.

На самом деле можно было подниматься и уходить, и, наверное, именно так и следовало сделать. Причём молча. Однако Волкодав всё же не удержался и повторил:

— В Самоцветных, значит, горах?

— Да, да, — закивал побирушка. И потянул в сторону обрывки жёсткой рогожи. — Вот, смотри, добрый господин...

Собственно, Волкодав уже знал, что именно увидит. На правой стороне груди у нищего виднелась грубо исполненная татуировка: три зубца в круге.

— Без вины пострадал... — привычно бормотал калека. — Не пожалели мальчонку... Вот, клеймо возложили... Пять лет надрывался...

— Вышел-то как? — спросил Волкодав.

— А сбежал... Как все оттуда бегут... Двенадцать душ нас в побег ушло, один я до дому добрался, а отца-матери уже и на свете нету...

Так-то вот. «Как все оттуда бегут...»

В самом Волкодаве бывшего невольника не распознал бы только слепой. Отметины, благо, были такие, что, не в пример

фальшивой татуировке, останутся при нём до конца дней: шрамы от кандалов и кнута, переломанный нос. Мнимый каторжник слепым отнюдь не был. «Что ж ты дорогих камушков мешочек оттуда не прихватил? — собрался было сказать ему Волкодав. — *Как все?..*» Неуклюжие и, что хуже, недобрые это были слова, и хорошо, что он так их и не произнёс. А не произнёс просто потому, что не успел раскрыть рта. Попрошайка вдруг запел, видимо, из последней надежды разжалобить собеседника:

Дробит кирка тяжёлый камень,
Вверху ворота на замке.
Я, молодой, звеню цепями,
Как прежде — чаркой в кабаке.

Уж то-то славно раньше было —
Вино рекой и девки льнут,
А нынче все меня забыли
И по спине гуляет кнут.

Я рос балованным мальчишкой,
Теперь как вспомню — хоть топись,
Меня любили даже слишком
И тем мою сгубили жизнь...

Подобных песен Волкодав за свою жизнь наслушался множество. Самая обыкновенная «жальная» — воровская баллада о злодейке судьбе, бросившей душу в жестокие жернова обстоятельств. Но...

Но до сих пор их ни разу не пели на мотив разудалой саккаремской свадебной плясовой.

Правду молвить, на саккаремских свадьбах венну гулять не доводилось. Мёртвых в той земле он хоронил... Да. А вот мимо радостных событий его как-то всё пронесло стороной. И вышло, что плясовая подняла со дна души тёмную муть совсем невесёлого воспоминания. В этом лихом танце — танце удалого жениха — полагалось высоко прыгать и звонко хлопать себя ладонями, попадая по пяткам...

Когда-то, очень много лет назад, на крутой горной дороге лежала повозка, опрокинутая только что отгремевшим обвалом. Лежала не повозка даже — просто клетка, снабжённая деревянными колёсами. И один из обитателей клетки, лохматый подросток-венн, прикованный короткой цепью за шею, смотрел на человека, бешено заламывавшего коленца свадебной пляски. У танцора не было одного уха — палач государя шада отсёк за воровские дела. Человек громко хохотал и выпрыгивал всё выше, всё яростней... а плясовым кругом ему служила макушка огромного валуна, только что скатившегося с горы и обретшего очень зыбкое равновесие. И бессильно стояли на дороге надсмотрщики, сматывая в кольца верёвку, которую беглый раб так и не пожелал принять из их рук. А тот заходилась последним весельем и танцевал, танцевал — и обломок скалы под ним раскачивался всё сильнее, пока, наконец, вся грудa битого камня, натужно ворочаясь и скрежеща, не начала сползать ниже по склону...

Воровская баллада между тем длилась, и всё в ней было как полагается. И разгульная жизнь, и взбалмошная красавица, которая любила дорогие подарки и тем толкнула сердечного друга на кражу. И неизбежный соперник, с которым героиня песни её однажды застукал. И кинжал, пронзивший сразу обоих. Вот только подбор слов и созвучий показался Волкодаву чуть более изощрённым, чем обычно бывало в такого рода «жалёных». Да и воровской надрыв, призванный вышибать слезу из самых заскорузлых головорезов, был ни дать ни взять сотворён человеком, очень хорошо чувствующавшим, что к чему.

Меня в цепях вели из зала,
Где состоялся скорый суд,
Тут мать-старушка подбежала:
«Куда, сынок, тебя ведут?...»

«Меня ведут в такое место,
Где пропаду я без следа.
О милом сыне ты известий
Уж не получишь никогда».

И вот я здесь — долблю киркою,
Жую подмоченный сухарь.
Уже не тот я сам собою,
Каким меня звали встарь.

Должно быть, сдохну в этой яме.
Седеют кудри на виске.
Я, молодой, звеню цепями,
Как прежде — чаркой в кабаке.

Наверное, саккаремский напев оказался использован благодаря самому обыкновенному совпадению. Песни ведь тоже надо уметь слагать... Волкодаву доводилось присутствовать при рождении песен. Хороших песен... Их всегда было немного. Как и истинных песнотворцев. Гораздо больше было других — тех, кто ощущал позыв и вкус к сочинительству, но не имел по-настоящему крылатой души. Такие действовали точно ленивые садовники: зачем возиться и тратить время, выращивая плодое дерево на собственных корнях, — привьём ветку к уже готовому дереву! И брали напев от первой пришедшей на ум песни, помстившейся более-менее подходящей. А то крали всё целиком, лишь заменяли тут и там несколько слов, приспособлявая чужое творение для своих нужд...

Но — раскачивался, кренясь, громадный валун, и камни скрипели, как готовые молоты жернова, и победно, отчаянно плясал наверху человек и звонко бил себя по пяткам ладонями...

— Выпей в память о Корноухом.

Волкодав бросил в мисочку серебряную монету, поднялся и ушёл, не оглядываясь, к ученикам, ожидавшим его.

...Здесь холмы отличались от холмов венских чащоб в основном тем, что на родине Волкодава там и сям прорывались из земных недр гранитные лбы, а здесь повсюду был мелкий жёлтый песок. В остальном сходство было замечательное. Даже ручьи и речушки изобиловали не менее, чем в стране веннов. И ещё бы им не изобиловать! Они ведь питали собой величайшие

лабиринты озёр, болот и проток — целый край, оттого названный Озёрным. Если не врал путешествующий народ, там можно было узреть чудеса, в иных местах не встречавшиеся. Например, обширные водоёмы, пересечь которые едва удаётся за целый день усердной гребли, — и за всё это время глубина ни разу не дойдёт даже до пояса стоящему человеку, так что будет неизменно видно нагретое солнцем илистое дно с кишасей близ него мелкой водяной жизнью: стайками мальков, чёрными створчатыми ракушками...

Волкодав думал о том, что скоро увидит всё это собственными глазами.

Наверное, Тин-Вилена была не самым скверным городом на свете. Умом он это очень хорошо понимал. Однако уходил так, словно за ним могли погнаться и потащить назад, в Хономерову крепость. Собираясь в путь, он долго рассматривал карту, прикидывая, быстро ли придётся идти. Считал вёрсты и дни, что-то соразмерял... А потом в первый же день прошагал столько, сколько собирался за три. Да не просто прошагал — пролетел, точно на крыльях. И это при том, что вот уж полных три года не утапывал пятками дальней дороги, а кожаный кузовок за спиной был изрядно потяжелее, чем случалось в прежние времена!

Вряд ли, думал он вечером у костерка, что-то напутали составители карты. Они ведь как раз опирались в своей работе на рассказы досужих купцов, бродячих собирателей мудрости вроде Эвриха и иных землепроходцев, безошибочно знавших, откуда докуда можно добраться за столько-то дней. Надо полагать, дело во мне. Я так засиделся в Тин-Вилене, что теперь просто не чаю оставить её как можно дальше позади — и как можно скорей!

На городских улицах и окрест снег давно уже стаял; в городах он всегда стаивает раньше — там топят очаги, там много людей, там стоят дома со стенами, привлекающими солнечное тепло. Волкодав ожидал, что в лесу, особенно по северным склонам холмов, снегу будет ещё полным-полно. Однако ошибся.

Снег растаял уже повсюду и так, словно его никогда здесь не бывало. Над землёй мчались тёплые ветры, и повсюду, где они пролетали, белые сугробы оборачивались текучей водой, и к этой воде тотчас начинали тянуться под землёй мириады тоненьких корешков. Насосавшиеся корешки выбрасывали вверх стремительные ростки. Далеко не все были знакомы венну, выросшему на другом материке, но остренькие красноватые вылеты ландышей он узнавал безошибочно. И радовался им как родным. Кое-где на солнечных пригорках они уже разворачивали листья, готовясь цвести.

В этот первый день ему встретилось всего одно белое пятнышко, да и то совсем небольшое, без труда можно перешагнуть. Снег, дотаивавший в лесу, вовсе не походил на сугробы, прятавшиеся от солнца по городским закоулкам. Те одевались, как в панцирь, в грязную корку — но всё равно исчезали быстро и незаметно. А этот маленький снежник похож был на белого котёнка, улёгшегося на дорожной обочине. От жара Ока Богов его укрывали мохнатые лапищи елей — могучих, изумрудно-зелёных и до того плотных, что под ними не очень-то вырастала даже лесная трава. Пятнышко приятно заохлоло Волкодаву босые ступни.

Чем надлежит заниматься весной всем праведным людям, осознающим своё место в кругах и ритмах Вселенной?..

Верно: распахивать ждущее ласки лоно Земли и плодотворить его, *распахнутое*, семенами, бережно сохранёнными в лубяных коробах, опричь зимнего дыхания Мораны Смерти.

Дело это — отдельно мужское и отдельно женское.

Мужчины восходят на свежую, ждущую пашню, как на честное брачное ложе: нагими. Несут житное семя в мешках, непременно перешитых из старых, хорошо ношенных, помнящих мужское тело штанов. И должны быть те штаны не какими угодно, но обязательно *посконными* — то бишь нитки в их ткани спрядены не из всяких растений конопли, а единственно из мужских. Такие штаны носит всякий венн, получивший имя и право

носить взрослую одежду. Ибо хорошо знают веннские женщины, как крепить в сыновьях и мужьях своих мужское начало!

Но и о себе не забывают веннские женщины. И, пока мужики вершат с Матерью Землёй удалой и таинственный брак, их супруги, сёстры и матери тоже с Нею беседуют, только по-своему, по-женски. Шушукаются с Нею на огородах, опять же нагими присаживаясь передать Земле семена репы, редьки, капусты... Делятся с Нею своей силой чадородия — и сами в отдарок воспринимают Её святость и мощь...

Может ли, однако, что-то родиться, может ли совершиться зачатие, пока Мужчина и Женщина пребывают врозь, даже не видя друг друга?

Ясно, не может.

Но такого не должно и не имеет права случиться, чтобы в какой-нибудь год осталась пустой Земля, не принесла урожая. Как тогда жить людям, да и не только людям, а всякой твари земной?..

И, дабы не произошло подобного несчастья, веннские женщины и мужчины сходятся вместе и радуются друг другу, справляя в середине весны славный и светлый праздник — *ярильные ночи*.

О, надобно вам знать, что это совсем особые ночи!

Пока они длятся, правильными и праведными являются такие поступки, от которых в обычное время добрых людей удерживает внушённая родителями стыдливость. В ярильные ночи всё наоборот, всё не так, как всегда. На вершине большого холма, всенепременно плешивого, разжигают костры и стелют прямо наземь скатерти с угощением. Люди пляшут и прыгают через костры, и женщины открыто целуют мужчин, и те зовут их прочь от костров — вместе возрадоваться ярому духу весны, любви, зарождения жизни...

Жёны выходят «яриться» вместе с мужьями, друзья с подружками, женихи — с невестами. А кто вовсе один, тот идёт сам по себе, надеясь и ожидая какой-нибудь радостной встречи. И что же? Бывает, встречаются, да так потом и не разлучаются до

могилы. Бывает инако. Остаётся та встреча единственной, и позже, увидевшись где-нибудь на торгу, женщина и мужчина лишь со значением улыбнутся друг другу... Да надо ли подробно объяснять и рассказывать? Ибо, пока длятся святые ярильные ночи, все друг другу жёны и мужья, все — пылкие женихи и ласковые невесты...

И, само собой, — кого ещё звать холостому парню с собою на праздник, как не девушку, в чьём роду он собирается жить, ту, у которой он попросил или только вознамерился попросить бус?

Кажется, куда уже проще. Но оказывается порою, что дело, ясное и очевидное для одних, кого-то другого заставляет чуть не за голову хвататься — от ужаса и изумления, но никак не от восторга.

Уже на памяти нынешнего поколения, лет двадцать назад, жил в лесах пришлый старик, жрец далёких и малоизвестных веннам Богов, именуемых Близнецами. Он много рассказывал об этих Богах, ибо видел, что слушают его с любопытством. А потом без устали покрывал письменами гладкие берестяные листы, описывая жизненный уклад, верования и Правду хозяев, — ибо полагал, что кому-нибудь, слыхом не слыхавшему о веннах, может оказаться бесполезна мудрость лесного народа.

Так вот, этот самый жрец, человек вроде бы немало поживший и умудрённый, услышав в самый первый раз о весеннем празднестве, попросту воздел к небесам руки:

«Как же можно?! Лепо ли... Невесты... без свадьбы, без благословения... Что, если на празднике девушка окажется неосторожна... если она... прогуляет свою честь?..»

«Какую честь?..» — изумились Серые Псы (так звался веннский род, в котором прижился добрый старик).

Жрец, помявшись, объяснил, и венны удивились ещё больше:

«Но как иначе девушка может узнать, станет ли она после свадьбы радоваться объятиям мужа? Всяко ведь в жизни быва-

ет, — может, лучше им поклониться друг другу да поздорову и распрощаться?»

А кто-то добавил:

«Хороша честь, которую может вор унести!»

А мальчик неполных двенадцати лет, прилежно слушавший разговор взрослых и старавшийся во всё разобраться, запутался окончательно и заподозрил, что вовсе не понимает, о чьей чести речь. По его мальчишескому разумению, непоправимо обещанным был бы мужчина, приблизившийся к женщине против её воли. Подобного выродка следовало непременно поймать — и заставить измерять шагами собственные кишки, пока не иссякнет в нём жизнь. С какой же стати жрец всё время говорил только о девушке-невесте и так, словно жених не защищать её призван был от любой возможной опасности, но, наоборот, сам был способен какое-то зло ей причинить?..

Кажется, всё в веннской жизни ясно, всё согласно порядку вещей, заповеданному ещё Прародителем Псом! А вот поди ж ты, старец чего-то никак не мог взять в толк. Мальчик был, впрочем, неглуп и вовремя догадался: так происходит не из-за недомыслия гостя, но лишь оттого, что тот привык уважать совсем иные обычаи.

«Но если, — продолжал допытываться старик, — ко дню свадьбы она окажется уже беременна? Или... возьмёт на руки дитя? Тогда-то как быть?»

«Так ведь это ЕЁ дитя будет, — пожимали плечами венны. — Дитя ЕЁ рода. Всем в радость!»

«И мужу будущему? А коли ребёнок не от него?»

«Ты о многом судишь толково, — сказала тут большуха Серых Псов. До этого мгновения она молча вязала рыболовную сеть, но вот надумала открыть рот — и все прочие родовичи немедленно замолчали. — Одно плохо, — продолжала она. — Видно, прежде ты знал всё с недобрыми и несправедливыми народами. Да случись у неё дитя, мужу будущему её следы на земле целовать впору бы. Если до него родила — значит, и его семья тутне не пропадёт, но ляжет в добрую ниву...»

Жрец на это ничего не ответил. Видимо, оттого, что перечить, не греша против совести, было нечем. Но и душой принять суждение предводительницы рода он тоже не мог, и большуха, зная о жизни уж никак не меньше его, это поняла.

«А скажи-ка ты мне, сирота... — улыбнулась она. (Сиротой они называли гостя своего оттого, что не дело ветхому старинушке жить наособицу, без родни, без могучих сыновей и любящих дочек: кто поддержит и утешит в болезни и немощи, кто переймёт накопленную за долгие годы науку?) — А скажи-ка ты мне, сирота, вот что. Уж то-то славно ты толкуешь нам про двоих пригожих ребят, которых вы там у себя держите за Богов...»

«О Воине и Целителе, да», — с готовностью отозвался жрец.

«Стало быть, — кивнула большуха, — эти твои Близнецы ногами запинали бы девку, прежде свадьбы родившую? Старший, может, копьём бы её ткнул? А Младший дитё захворавшее помирать без помощи кинул? Коли оно, дитё это, — как ты выразился, — без благословения?»

Старик ответил тихо, но сразу и без раздумий:

«Нет. Никогда...»

«Так какого бельмеса... — тут большуха дёрнула сеть, проверяя затяжку узлов, и движение вышло досадливым, — какого бельмеса вы, жрецы, хотите святить то, что без вас свято от века? Вы ещё хлеб взялись бы благословлять, словно он прежде всех Богов свят не был. Значит, твои Боги не осудили бы — а ты берёшься судить?»

Старый жрец немало смутился... А потом удалился к себе — в маленький покойчик, выгороженный для гостя в уютном углу общинного дома, — и долго молился в уединении. Должно быть, испрашивал совета у божественных Братьев. И что отвечали старику его Боги, никто не слышал. Потому что это были его Боги, не венские.

Немало воды с тех пор утекло в великой Светыни... Для одной человеческой жизни двадцать лет — срок изрядный. Много вёсен назад не стало жреца, а мальчик, пытавшийся по-

стичь разговор взрослых, с тех пор сам сделался взрослым бородатым мужчиной. Но что такое двадцать лет в жизни народа? Один миг. Мелькнул — и нету его...

И всё так же несла свои воды праматерь Светынь, убегая на запад, в горько-солёное Закатное море, и по верховьям её и потокам стояли дремучие леса, а в лесах жили венны. И у веннов всё оставалось по-прежнему.

Не один месяц провёл среди Оленей молодой Шаршава Щегол, всех успел порадовать своим мастерством кузнеца. До сегодняшнего дня жил, как подобает вежливому гостю, задержавшемуся в селении. Сегодня всё должно было измениться. Сегодня наступала первая ярильная ночь, и Шаршава отправится вместе с Оленями на праздник, и там, в отблесках святых костров, его назовёт своим дочь Барсучихи. И, ежели сладится у парня с девчонкой честное дело, — к утру заискрится в волосах у Шаршавы светлая бусина. А потом придёт осень, и земля отдаст плодами те семена, что недавно были посеяны. И будет праздник, и большуха Оленей крепкими нитками примотает одну к другой ложки, которыми ныне порознь едят жених и невеста. И Олени вместе со Щеглами вволю погуляют на свадьбе, празднуя рождение новой семьи.

Весна выдалась очень погожая, солнце торопилось гнать зиму и грело не просто тепло, а временами даже и жарко. Вот уже полных две седмицы венны не топили в избах печей, готовили еду на летних очажках под навесами. Однако праздничные блины — девичье приглашение избраннику — дело вовсе особенное. Можно ли доверить такое временному очажку во дворе? Нет, конечно. Нельзя! Оттого нынче в доме Барсучихи жарко греется государыня печь, ещё прадедом хозяйки сбитая, устроенная из речных валунков и крепкой в обжиге глины. Шипят на печи две сковороды — тоже очень старинные, глиняные, с высокими краинами, величиною немного побольше, чем могут обхватить пальцы. Когда их приподнимают над отверстиями печного свода, изнутри могуче и ровно дышат зо-

лотым жаром угли и временами вылетают язычки бледного пламени. Оленюшка жарит блины, и мать ей помогает. Ровняет на деревянном блюде румяную, душистую стопку, смазывает растопленным маслом... Иной помощи дочери не требуется, да и без этой вполне могла бы обойтись. Но как в таком святом и важном деле — без матери?

«Вот ты и выросла, дитятко...»

Выросла, по-другому не скажешь. Совсем взрослая стала. Любо-дорого посмотреть, как хозяйствует в доме и у печи. Один за другим шлёпаются на блюдо блины — тонкие, кружевные, нарядные, любо-дорого поглядеть. И собой хороша младшая доченька... Ну, может, не такая красавица, какими удались старшие — сами вбеле румяны, косу русую пальцами не обоймёшь, — но тоже не из таких, от кого люди с жалостью отводят глаза и поспешно говорят родителям: «Но зато, наверное, умница!..»

Правду молвить, в девочках-малолетках её считали дурнушкой. Худенькую, маленькую, с редкими волосёнками... И это чуть-чуть не довело до беды. Было дело, собрались они с отцом в Большой Погост, навестить дальнего родича... То есть по крови не такого уж дальнего — прадед, что выложил печь, с его прадедом были троюродные братья. Дальность заключалась скорее в том, что в той семье без конца роднились с сольвеннами, так что за три поколения ничего своего, веннского, почти уже не осталось. Даже «акать» в разговоре начали совсем по-сольвеннски, произнося «кАрова» и «мАлАко», слушать-то противно. И вот родственник ляпнул прямо при доченьке, думая, вероятно, что дитя десяти вёсен от роду ничего ещё не способно понять: «Да никак в безлунную ночь она у вас родилась... Кто же у неё, у бедняжки такой, бус-то станет просить?»

Что же, доченька вправду ничем тогда не оказалась, что слышала, а услышанное — уразумела. Играла себе и играла в заливотом предвечерним солнцем уголке двора, гладила кошку, предлагала ей поймать кусочек верёвки... А только потом хватились дитятка — тут и нету его! Мать хорошо помнила, как всполо-

шила, как кинулась за ворота искать... Только искать-то не понадобилось. Почти тотчас с облегчением увидела: вот она, доченька, жива-здоровая, идёт навстречу радостная и довольная. Идёт и... ведёт за руку *того человека*. Серого Пса, а ведь про них все тогда думали, что вот уж двенадцатый год нет никого... С косами, заплетёнными из-под низу вверх, как подобает недавно пролившему кровь... И на одной из тех кос играет, искрится доченькина хрустальная бусина!.. Вот, мол, вам всем! Неча говорить, будто нехороша и не придут ко мне женихи!.. А вот и пришёл! Да без вашего на то позволения! Да ещё и вперёд красавиц старших сестёр!..

...А он — взял бусину, путник бездомный, сирота истреблённого рода. Ещё б ему было не взять!..

Долго они потом держали детище в строгости... Потому — видели: помнит она того человека, никак не хочет забыть. И ещё было замечено, что самые свирепые псы, отродясь не любившие надоедливой ребятни, с Оленюшкой сделались ласковы, точно была она их собственным выкормышем. С чего бы такое? Ох, как же всё непросто на свете...

...Но ничего. Всё это сегодня закончится. Уже на самом днышке осталось теста в круглой деревянной мисе, из которого большой ложкой отмеривает его доченька на жаркие сковородки. Новая бусина блестит у неё между ключиц, недавно вручённая, на шнурке, сплетённом из красной, чёрной и белой ниток. Знак готовности принять сватовство.

Одно только плохо: всё молчит дитятко. Не шепчется с матерью, не тянет напоследок из неё жгучие женские тайны, краснея радостно и тревожно, как когда-то старшие сёстры. Делает вид, будто занята одними только блинами и ни о чём ином помыслов даже не держит. Проворно снуют её руки над двумя сковородками, мечется у горла ясная бусина, вспыхивает многоцветными огоньками...

И мать молчит. Может, в самом деле не стоит ей нарушать сосредоточения дочери? Обо всём они с нею уже переговорили, всё обсуждали, всё решено.

Тихо шипит сковородка. Это вылито из мисы последнее тесто. Больше и толще других получается блинок, и нету в нём кружевных нарядных отверстий. Не блин — лепёшка! Что делать с таким?

Однако у хорошей хозяйки всему находится применение. Сделался последний блин крышкой всем остальным: не остынут, пока понесёт она их через укутанное туманом старое поле, а потом по камням через ручей...

Девушка, которой назавтра предстояло прозваться невестой кузнеца Шаршавы Щегла, молча вышла из дому, неся на ладонях старинное блюдо с блинами, закрытое от нехорошего глаза длинным, богато вышитым полотенцем. Мать осталась стоять в дверях, провожая её. Что укроется от глаз матери, провожающей дочь?.. Но даже и она не заметила, как Оленюшка бросила быстрый взгляд на вершину каменного холма, прикрывавшего долину от холодных ветров. Не блеснёт ли там что-нибудь в сиянье луны, в лучике взошедшей звезды?..

Нет... Кутала вершину глухая и плотная темнота. Нарушали её только отсветы ярильных костров, уже разгоравшихся на лысой макушке другого холма, совсем в иной стороне.

В этот день, незадолго до сумерек, Волкодав свернул с проезжей дороги и долго шёл лесом, по усыпанной сосновой хвоей тропе. Тропа лезла всё время вверх — не очень круто, однако заметно. Лес же делался то гуще, то реже, потом под ногами зазеленел густой мох и начало влажно хлюпать верховое болотце, но острые каменные зубцы неизменно плыли впереди, медленно приближаясь, — и вот наконец кривобокие сосенки расступились, и по ту сторону обширного верещатника, серовато-зелёного, унизанного мелким лиловым бисером цветов, перед венном во всей красе распахнулся скальный обрыв, на который он вознамерился поближе взглянуть. Распахнулся внезапно и сразу — такое уж было у него свойство, с какой стороны ни подойди...

...Во всей красе?

Лучше сказать — во всём величии...

А ещё лучше — совсем ничего не говорить, просто помолчать, пока нужные слова сами не явятся на ум. Или не явятся, потому что не придумано в человеческом языке таких слов...

Ибо ничего подобного Волкодав в жизни своей не видал. А уж он каких только чудес не насмотрелся на склонах хребтов, окружавших Самоцветные горы, — казалось бы, там-то, где стояли величайшие вершины здешнего мира, сущность гор изъясляла себя наиболее разнообразно и полно...

Что это?

Овеществлённые мысли, имеющие такое же отношение к человеческой суете, как океанский шторм — к луже, в которой плавают головастики?

Обломок короны, упавшей с головы неведомого Бога, низвергнутого в небесном бою?

Руины твердыни какого-нибудь Тёмного Властелина, столь древние, что до ныне живущих не докатилось даже смутных преданий? Сумрачными башнями вздымалось полукружие каменных стен, осыпи у подножья казались неприятельским войском, неистово хлынувшим на приступ, — вотще, вотще, никому не дано покорить эти стены и сорвать с башни жемчужно-серое знамя...

День с утра выдался ясным, но непостоянна погода в горах, — а каменный обрыв как раз и отграничивал песчаные, заросшие лесом холмы от матёрых гор Заоблачного кряжа. И вот оттуда, с этого кряжа, надвинулось внезапное облако и похоронило солнечное небо вместе с солнцем, уже клонившимся за хребты, и — как никогда не бывало над миром безмятежного синего свода. Край клубящейся мглы подхлынул сзади к изломанным остроконечным зубцам, и завился кругом них, и обтёк, и стало ясно: именно так должна представлять эта стена, в угрюмом — не то рассвет, не то закат — и ничего хорошего не сулящем безвременье... а вовсе не при весёлом солнечном свете, вселяющем в душу легковесную радость. Ползучий туман вихрился и рвался, вершины скал проглядывали над его

волнами, возникали в размывах, бестелесно плывя, точно отъединённые от основания, и казались страшно далёкими горными пиками иной страны, увиденной сквозь волшебной расступившуюся завесу... иного мира, мельком подсмотренно-го сквозь Врата...

...А может, не крепость и не корона? Высились и медленно шествовали в тумане исполинские тени в плащах с остроконечными капюшонами, низко надвинутыми, — ибо не дело смертным созерцать Лики стоящих над миром. Как тут не ощутить себя дерзновенным соглядатаем, нарушившим уединение Богов, собравшихся для беседы...

Тем более что стена действительно ГОВОРИЛА.

Мириадами голосов, звучавших так, словно вправду рождались они за краем Вселенной. Шёпоты... отзвуки далёкого плача... неясные, невысказано далёкие вскрики... То громче, то тише, и кажется — вот-вот поймёшь сокровенное, но сколько ни вслушивайся — смысла не уразуметь...

Только странное, бередящее, беспокоящее чувство в душе...

Между тем гигантский обрыв, перед которым стоял Волкодав, обладал именем, причём вроде бы не особенно подходящим. Люди называли его Зазорной Стеной. Проезжая дорога не подходила к нему близко, делая порядочный — и похоже, намеренно устроенный — крюк. Впервые узнав о Стене и о дороге, как бы в смущении обходившей её, Волкодав поневоле вспомнил о Кайеранских трясинах: мимо них тоже ведь когда-то старались не ездить...

«Нет, — сказал ему собеседник, торговец резным перламутром из Озёрного края. — Я не слышал, чтобы пропадал кто-нибудь из ночующих под Стеной. И разбойники поблизости не таятся, да и не место им там, если хорошенько подумать. Дело в том, что Стена... Не знаю даже, как тебе объяснить. Просто, когда приходишь туда, сразу делается понятно, зачем люди не устраиваются близ неё на ночлег. Да и днём стараются побыстрее проезжать мимо...»

«А почему — Зазорная?»

Торговец был из тех, с кем горцы-итигулы, по их выражению, вместе ели хлеб.

«Потому, — ответил он, — что там ты как бы зришь не предназначенное для твоих глаз. Подсматриваешь...»

Зазирать вправду означало наблюдать скрытое, да не по нечаянности скрытое, а такое, что думали от тебя намеренно утаить.

«Понятно», — сказал тогда венн. Про себя же подумал, что название было очень древним. Его даже выговаривали немного не так, как было принято в нынешнем языке. А древние имена, как Волкодав не раз уже убеждался, обычно несли в себе гораздо больше значений, нежели усматривал в них современный народ.

Разговор тот происходил давно, ещё в те времена, когда уход из Хономеровой крепости виделся Волкодаву далёким и несбыточным счастьем. Наверное, потому-то он сразу положил себе мысленный зарок — если, мол, доживу до этого счастья, то непременно побываю возле Стены...

Да. А ведь случись им путешествовать здесь, к примеру, с Эврихом, скорее всего Эврих загорелся бы любопытством и потащил его *зазирать*, а он, Волкодав, отговаривал бы его и не одобрял, потому что уважал право скрывших что-либо от людей...

И вот нате вам пожалуйста — пришёл сюда сам. Ибо зарок следовало исполнять. Ибо Стена вроде бы до сих пор никак не наказывала созерцавших её, а значит, и его вряд ли станет карать. И, наконец, потому, что не только Эвриху было свойственно любопытство...

Клубящееся облако то прятало, то открывало сумрачные зубцы. Волкодав смотрел и смотрел, хотя из облака начала сеяться морозящая сырость, а значит, разумному путешественнику следовало позаботиться о сухом уголке для ночлега.

Торговец перламутром сказал ему ещё:

«Говорят, раньше Стена была местом молений...»

«Да? Каких же Богов там призывали?»

Уроженец Озёрного края только вздохнул:

«Теперь этого не знает никто...»

Волкодав случалось забредать в святилища забытых Богов, ушедших в небытие вместе с народами, почитавшими Их. Он помнил ощущение святой и тихой печали, царившее в подобных местах. А ещё ему однажды случилось увидеть, как чудовищный оползень, унёсший сразу половину горы, обнажил древний храм, увенчанный поистине удивительным изваянием женщины... Венн волей-неволей припомнил, как они с аррантом гадали — не пожелают ли жрецы Близнцов из тин-виленской крепости прибрать к рукам этот храм, а заодно с ним — и весь Заоблачный кряж, поскольку случившееся, по некоторым признакам, напрямую касалось их веры... Этого не произошло. «Ещё один храм Матери Сущего!.. — только и скривился Хономер. — Не торопится же скверна исчезать с лика земли...» Так что статуей любовались одни итигулы, поселившиеся словно бы под её присмотром в Долине Звенящих ручьёв... и с ними немногие, испытывавшие труднообъяснимое желание посетить Глорр-килм Айсах. У ног Богини провела некоторое время и госпожа Кан-Кендарат. «Мне кажется, — сказала она, — там есть место, где я смогу поразмыслить...»

Так мы и не встретились больше, с внезапно нахлынувшей тоской подумал Волкодав. Что вообще я делаю здесь? Почему вот так сразу решил отправиться следом за Эврихом? Я что, сомневаюсь, что у него и без меня всё получилось?.. Но до сих пор Эврих, кажется, прекрасно умел позаботиться о себе. А вот ей я, быть может, действительно нужен. Она ведь уже очень немолода...

Влажная морось между тем сделалась гуще. Воздух не мог больше удержать плавающих капелек, начинался самый настоящий дождик — мелкий, унылый и зябкий, отнимающий тепло хуже мороза. Сумерки густели, и оттого казалось, будто дождь зарядил навсегда. Такому полагается идти осенью, а не весной. Что в нём общего с животворной грозой, когда тёплую землю ярит безумствующий ливень, порождая чистый воздух, кото-

рым так легко дышится?.. Нет, понапрасну ли дома различали дожди, зря ли говорили: подобную сырость порождает не страсть Бога Грозы, но корысть его вечного соперника, подземного Змея.

Да... Вот уж чего я сполна в своей жизни нанюхался, так это подземелий, где властвовала корысть...

Стена совсем скрылась из глаз, укрытая влажной завесой. И только шепчущие голоса продолжали разговаривать с Волкодавом. Так — бестелесно, на грани понятного — могли бы напоминать о себе тысячи безвинно загубленных душ...

Венн всё-таки решил не следовать опыту тех, кто бывал здесь прежде него и стоял против ночёвок около Зазорной Стены. Между прочим, он сделал так отчасти потому, что вообразил, как начнёт рассказывать Эвриху об этом шо-ситайнском диве, когда они встретятся. «И что?.. — протянет Эврих разочарованно. — Просто постоял и дальше пошёл?..»

В самом деле глупо было бы взять да уйти, даже не попытавшись понять, о чём же шепчет Стена. Волкодав вернулся к опушке леса и в полусотне шагов от того места, где выбегала на верещатник тропа, облюбовал себе для ночлега ёлку — скорее приземистую, чем высокую, но зато невероятно густую. Под неё никакой дождь не проникнет. Венн поклонился доброму дереву, испрашивая разрешения. Потом влез под раскидистый полог, постелил себе и устроился, как в доме родном.

Огня, понятно, под таким кровом не разведёшь, но костёр был и не нужен. Без него тепло. Порывшись в заплечном мешке, Волкодав вытащил ломоть хлеба и кусок рыбы, в искусстве коптить которую тин-виленские рыбаки не уступали, кажется, даже островным сегванам. Даром, что ли, именно в Тин-Виле не он снова начал есть рыбу с удовольствием — а ведь думал когда-то, что после каторги никогда больше по собственной воле не возьмёт её в рот!

В лесу было тихо. Кажется, не только люди, но даже зверьё избегало попусту слушать голоса, звучавшие из Стены. *Один я уши наострил*, подумалось Волкодаву. *Ни человек, ни собака...*

Правду молвить, порой он уже сам не знал, какой из двух сутей в нём было больше. Благодарение Богам — в Тин-Виле не с ним не происходило случаев вроде того, который, надобно думать, до сих пор вспоминали за кружечкой пива добрые жители Кондара. Однако превращения случались. И всякий раз — весьма кстати. И чем дальше, тем легче. Это наводило на мысли.

Запив водой из фляжки последний кусок, он свернулся калачиком под старым, но всё ещё очень тёплым плащом. Загляни кто под дерево — непременно решил бы впотьмах, что на ворохе опавшей хвои улёгся большой серый пёс...

...Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком...

Волкодав снова был в подземельях Самоцветных гор. Он быстро и уверенно шагал по широкой серой равнине — бескрайней пустыне, затянутой пеленой тёмно-пепельной мглы, не пропускающей света...

В действительности горные выработки самоцветных копей были довольно узкими коридорами: только разминуться, не задев крепей, двум тачкам с рудой. Однако сны обладают свойством неузнаваемо менять памятное и привычное, да ещё и лишают способности удивляться. Поэтому Волкодав всего менее задумывался о том, каким это образом крысиные норы обернулись вдруг обширной равниной; «просторной», впрочем, назвать её не повернулся бы язык — вместо близко сдвинутых стен подземного коридора был серый, ощутимо вязкий туман... Просто надо было идти, и Волкодав торопился.

Потому что за ним была погоня.

Много раз он слышал у себя за плечами погоню... Вот только нынешняя отличалась от всех прежних не менее, чем серотуманное поле, раскинувшееся кругом, от любого из мест, где ему когда-либо доводилось бывать.

Эта погоня не перекликалась, не трубила в рога. Не молчала, незаметно подкрадываясь.

Она — пела...

Вначале его слуха достигали только ослабленные расстоянием отдельные глухие, мерные вскрики низких голосов, ниже, чем бывают у человека. Сущий рык, исходящий из огромной груди, словно там, вдалеке, невидимо ворочалось нечто невообразимо громадное. Но рык содержал в себе смысл, который вполне удавалось понять, и Волкодав понял: ищут.

Потом голос одного невозможного существа начал распадаться на множество отдельных, но и каждый сам по себе был таков, что никому в здравом уме не хотелось бы услышать его у себя за спиной.

«Ох... ох-ох-ох... ох... ох-ох-ох...» — неторопливо и грозно выводили самые низкие.

«Ах, а-ах, ах, а-ах», — с кровожадной уверенностью вторили более высокие.

«Иииии-уууууу...» — заходились самые пронзительные.

Всё вместе складывалось в хор, поистине жуткий и потрясающий. В нём не было слов, но Волкодаву они и не требовались. И так прекрасно разумел, о чём поют.

Это была древняя, как само время, Песнь Ночи...

Не той ночи, что с уходом солнца является сменить славно поработавший день, даря отдых и покой. Нет... Это была Ночь вроде той, что царила в пещерах Самоцветных гор задолго до того, как там появились первые люди. И которая сомкнётся за спинами у людей, когда наконец истощится последняя жила и люди оттуда уйдут. Сомкнётся, чтобы воцариться уже навсегда...

...Но не просто отсутствие света. Это — Тьма, в которой свету не выжить. С ней встречались исподничие, посланные на разведку и заблудившиеся в хитросплетении ходов, промытых подземными водами. Гаснет, задохнувшись в неравном противоборстве, маленькое пламя фонарика, и ты остаёшься один в черноте подземной могилы. И, сколько ни говори себе, что где-то совсем рядом работают тысячи людей, что, может, кого-то ещё пошлют за тобой и посланные на подмогу успеют тебя разыс-

кать — это не имеет значения: ты один в беспредельной Ночи, заполонившей весь мир. Ты один, словно в смерти, в которую каждый тоже вступает сам по себе...

Погоня приближалась. Волкодав понял это по тому, как изменились поющие голоса. Отрывистое немногословное сменилось мощным распевом. Голоса о чём-то советовались, готовились торжествовать... Тьма бесплотна. Но у неё в услужении великое множество тварей из плоти и крови. И — весьма кровожадных...

Ну что же, Волкодав неплохо умел объясняться на доступном им языке... Как говорили проходчики: бесполезно бросать вызов горе, но с каждым отдельным её камнем вполне возможно поспорить. И вдобавок он достиг места, к которому стремился, уходя от преследователей. Равнина, казавшаяся беспредельной, кончилась, пересечённая громадной стеной. Сколь высоко вверх и далеко в стороны простиралась она, он не мог рассмотреть — всё застил туман, непроницаемый и неподвижный. Но в стене была дверь. Вернее, ворота. С тяжёлыми бронзовыми створками, надёжными и несокрушимыми даже на вид, и со скважиной для ключа.

Волкодаву сразу показалось, что где-то, когда-то он уже видел нечто подобное... Он не смог сразу вспомнить, где и когда, и даже сказал себе, что не время вспоминать и гадать, ибо погоня вовсе не собиралась скалываться, а ключа у него не было, и это значило, что следовало приготовиться к бою...*

И вот тут его осенило. Это были не просто ворота, сделанные людьми и запирающие какой-то проход. Это были — Врата! И он вправду стоял перед ними когда-то. И в прошлый раз за них тоже ушли те, кто был ему дорог, а он остался, потому что ключа, как и теперь, с собой не принёс.

И нужно было вспомнить что-то ещё, и он почти вспомнил, но тут время, и без того слишком щедро отпущенное ему, истекло.

* Скалываться — терять след.

Песня Ночи достигла пронзительной силы. Твари, настигавшие Волкодава, чуть только не плакали в исступлённом предвкушении крови.

Что ж!.. Он повернулся к ним лицом и, очерчиваясь, потянул из наплечных ножен Солнечный Пламень.

Серая равнина, по которой он только что шёл, успела претвориться в большой зал старой, давно заброшенной выработки. Навис тускло освещённый камень тёмных пористых стен, хранивших неровные шрамы, оставленные зубилами. Волкодаву некогда было ни удивляться, ни рассматривать их. В подземный зал медленно, вроде бы не очень сообразно неистовой песне, входила толпа.

Преследователи напоминали людей, облачённых в длинные, словно сотканые всё из того же пепельного тумана плащи. А может, зверей, поднявшихся на дыбы. Ближе, ближе... Волкодав стоял, держа перед собой верный клинок, и ждал последнего боя. Он знал, что Врата за его спиной — не из тех, которые всякий пожелавший войти может высадить силой. Знал из опыта. Но тот же опыт внятно говорил: не доверяй ничему, за чем не присмотрел сам.

Шедший первым, не задерживая размеренного шага, поднял руку и откинул с головы капюшон. Его движение повторил второй, третий, четвёртый...

И Волкодав увидел совершенно одинаковые лица. Даже более одинаковые, чем у близнецов. Одно и то же лицо, повторённое множество раз.

Это было лицо кунса Винитария по прозвищу Людоед...

Солнечный Пламень сжим повёл руки, державшие оплётённую ремнём рукоять. Длинное лезвие гневно свистнуло и вкруговую рубануло каменный пол, порождая поперечную дугу между Волкодавом и близящейся погоней. Камень послушно расступался перед летящим клинком...

Но это оказался самый последний удар, который славному мечу суждено было нанести. Знать, отдал всю силу, вложенную

в него древним кузнецом, и всю честь, что стяжал в руках своего нынешнего владельца. И — умер...

Уже выйдя из камня, уже победив, узорчатый буро-серебристый клинок тихо прозвенел, словно говоря что-то Волкодаву на прощание... и разлетелся мерцающими звёздами осколков. В руке у венна осталась осиротевшая рукоять. В ней больше не было никакой жизни.

Замершие было преследователи дружно качнулись вперёд... Однако тут каменная толща под ногами издала глухой, страшный стон, и трещина начала расширяться. А потом...

Словно войско, спешащее на последний зов уже павшего героя, из щели рванулись и ударили вверх стремительные прозрачные мечи — те самые, которых так боялись проходчики, работавшие на нижних уровнях подземелий. Волкодав расхохотался, приветственно вскидывая руки. На душе стало легко и покойно. Вот теперь вправду будет всё хорошо.

Он успел даже заметить, что мечи были чем-то похожи на зубы громадной пасти, напоминавшей собачью...

Волкодав проснулся. И долго лежал с открытыми глазами, слушая многоголосые шёпоты Зазорной Стены.

Кузнец Шаршава Щегол должен был не просто встретить шедшую к нему Оленюшку и, с благодарностью отведав блинов, об руку с нею отправиться к праздничным ярильным кострам. Сегодня он должен был поднести ей подарок. Так всегда поступает парень, явившийся просить у девушки бус.

Всё равно, каков будет подарок. Хоть корзиночка пряников, если он искусен в смешивании душистых трав и к нему благосклонна хлебная печь. Это может быть прялка, если парень видит душу дерева и умеет показать её остальным. Или что-нибудь из металла, пригодное для девичьего обихода, — ножницы, вязальный крючок, рогатый ухват, — если молодой жених, как Шаршава, побратался с молотом и огнём. А может быть и вышивка бисером, ибо этому рукоделию обучают всех веннс-

ких мальчишек, когда им приходит пора постигать науку терпения.

Обязательное условие только одно. Подарок должен быть непременно украшен изображениями зверей, коих чтят в родах невесты и жениха.

Когда-то Оленюшка была вместе с родителями в гостях у друга отца, в роду Лесного Кота. Так вот, бабушка Кошка решила позабавить девочку и — той ведь предстояло тоже когда-нибудь принимать жениха! — показала маленькой гостье бережно хранимый жениховский подарок, оставшийся от давно умершего мужа. Бисерный кармашек, чтобы носить его на поясе и держать в нём всякую мелочь. Так уж совпало, что бабушкин супруг был из рода Серого Пса. Оленюшка долго рассматривала кармашек... Вышивка, исполненная очень мелким стеклянным бисером, нисколько не потускневшим за шестьдесят лет, изображала громадного пса, игриво раскинувшегося на травке лапами вверх: спина изогнута, страшная пасть приоткрыта то ли в улыбке, то ли в шуточном подобии оскала. Кобеля обхватывала за шею лапками нарядная трёхцветная кошечка: поймала-поймала-поймала, вот сейчас закусую!.. Мохнатая шея, между тем, была такова, что у кошечки лапок-то не хватало как следует её обнять...

Оленюшка, помнится, долго держала кармашек на коленях, подробно рассматривая, и наконец совсем было уже собралась расспросить старую Кошку о женихе... но вовремя заметила взгляд матери — и куда только делась вся её решимость! Промолчала, с поклоном отдала бабушке памятную вещицу — и весь вечер потом рот боялась раскрыть...

...По большим шершавым камням, уложенным в русло, девушка перешла Белый ручей и не оступилась, не поскользнулась, хотя ноги были чужие. Но вот наконец и другой берег, земное отражение другого мира, в коем положено пребывать жениху, чужому пока ещё человеку. Мели по росистой траве концы длинного полотенца... Четвероногие родственники се-

годня не вышли навстречу, укрывшись далеко в лесу от шума и песен, нёсшихся с плешивого холма: там уже начиналось веселье.

У двери в кузницу Оленюшка перехватила левой рукой деревянное блюдо с блинами и потянула дверь на себя.

Шаршава, один сидевший внутри, вздрогнул и поспешно поднялся при её появлении. Так, словно хотел заслонить собой нечто, стоявшее на верстаке.

— Вот... — тихо проговорила Оленюшка и поставила на лавку тяжёлое блюдо. Ох, до чего же тяжёлое... все руки ей оттянуло, хоть привычны те руки были и воду таскать, и огород вскапывать, и навоз по грядкам в вёдрах растаскивать. — Вот... — повторила она, глядя в сторону. — Блинов принесла. Пора нам, Шаршавушка...

Им действительно было пора. Проводив дочку, мать немедленно отправилась звать отца и прочих родовичей. Должно быть, сейчас уже собрались все, кроме малых ребятишек, ещё не пробудившихся для любви, и ветхих старинушек, отрешившихся от ярого горения плоти. Скоро они придут к кузнице, начнут окликать невесту и жениха. А потом отправятся на весёлое торжество, и дочь Барсучихи с Шаршавой пойдут самыми первыми, потому что сегодня — их праздник, сегодня будут славить и чествовать именно их...

Тут кузнецу следовало бы шагнуть навстречу невесте, вежливо попросить блинок, а потом, обняв девушку, так, в обнимку, и выйти навстречу родне, уже, небось, переходившей Белый ручей. Шаршава и вправду шагнул...

Но только затем, чтобы тяжело и неловко бухнуться перед Оленюшкой на оба колена. Он поймал её руки и прижался к ним лицом — затем, верно, чтобы в глаза не смотреть. Маленькие и крепкие у неё были ладошки, и пахли свежим маслом и мукой, и были горячими от недавней близости печного жара... И настал черёд вздрагивать Оленюшке: по её ладоням потекли слёзы. Горькие и отчаянные слёзы несчастного жениха.

— Ты прости, славная... — задыхаясь, выдавливал Шаршава Щегол. — Не могу... как сестра ты мне... Тебя стану обнимать, а буду Заюшку видеть... не могу я...

Оленюшка посмотрела поверх его головы на верстак и на то, что до этого мгновения укрывалось от её взгляда. Там стоял кованный железный светец. И, как ни радовали глаз прежние поделки Шаршавы, рядом с этим светцом они были — точно серенько одетые неумехи, вздумавшие встать в летнем хороводе рядом с первой рукодельницей рода. Знать, всю боль и всю силу души вложил молодой кузнец в эту работу... Точно живая, сидела на железном пеньке зверюшка — пушистая заюшка. Сидела, забавно сложив передние лапки, тянулась мордочкой вверх — навстречу песне щегла, устроившегося на лиственной ветке...

Подобные подарки, полученные от суженых, жёны потом не просто хранят — внукам и правнучкам своим завещают, чтоб знали, глупые, — вот она какая, Любовь.

Оленюшка высвободила одну руку, стала гладить Шаршаву по буйной растрёпанной голове:

— Не плачь, братик... Вставай, пора нам идти.

Вот всё и случилось. Вот и сказано то, что мы с тобой должны были друг другу сказать, но до последнего не решались и не говорили, ибо святотатственные и страшные это слова, и за них не бывает и быть не может прощения. Волю родительскую переступить — мыслимо ли?.. Не по Божьей это Правде и не по людской. Но что делать, если ещё немисливей — повиноваться?.. Есть ли Правда, по которой выйдем чисты?..

...И получилось, что стала та светлая весенняя ночь для Пятнистых Оленей воистину тёмной и скорбной. Потому что навстречу родне вышли из маленькой кузницы не жених и невеста, а брат и сестра. Весело гомонившие Олени тотчас умолкли, увидев невиданное: стоя перед людьми, парень и девка надвое разорвали толстый, точно лепёшка, дымившийся в ночном воздухе блин — и стали есть, делая невозможным сватовство, а свадьбу — тем более. Никто не успел их остановить. Злосчаст-

ная Барсучиха в один миг постарела на десять лет: меньшая доченька, не стыдясь, смотрела ей прямо в глаза и не отводила, не прятала взгляда. И было в её лице что-то такое, отчего у матери замерли на языке готовые сорваться слова.

А потом Оленюшка развязала крепкую нитку и сняла с шеи хрустальную горошину.

— Не нужна она мне, — проговорила тихо и просто. — Я свою бусину уже отдала.

Сверкнули в лунном луче искристые грани — сверкнули в последний раз и погасли, пойманные текучей водой. Белый ручей, сын могучего Звора, шустрый внучек великой Светыни, оттого Белым и назывался, что бежал вприпрыжку, пенился и кипел, ударяясь о гранитные лбы, торчавшие из берегов. Что в него кануло, того вовек не сыскать. Оленюшка же повозилась и стащила носимую поверх рубахи понёву — красно-синюю, с белой ниткой. Сложила на тропинку и низко поклонилась родителям:

— Простите, матушка с батюшкой, дочку нерадивую, непутёвую... И ты, печища нашего огонь святой, прости стыдодейку, изменщицу неразумную...

Тут она всё-таки покачнулась, ибо то, что выговаривали уста, гнуло к земле хуже тяжкого груза. Могучие руки обняли и поддержали её.

Кузнец Шаршава стоял у неё за спиной — ростом сажень и в плечах полстолько. А на плече у него висел плетёный лубяной кузовок, куда он собрал всё самое драгоценное своё имущество: молот, клещи, подпилки... и ещё железный светец, взятый с верстака и тщательно обёрнутый суровой холстиной. Шаршава знал себя виновным во всём. Тому, кто вот так оскорбит гостеприимство рода невесты, в своём роду тоже больше нечего делать. Не только Оленюшке — и ему отныне не было возвращения к прежнему очагу. Он в пояс поклонился Оленям:

— Простите, добрые люди.

*Меч звался Гнев. Казалось нам, разить
Он должен всех, с кем выпало поспорить.
А если нет, то бешено грозить
Упорствующим в глупом разговоре.*

*Небось обратно в ножны не спешил
Ужасный Гнев, не выплеснувшись в деле!..
Лишь удивляло, как таки дожил
До бороды седой его владелец?*

*Уж верно, был он всем бойцам боец
И побивал, с кем выпало рубиться...
«Поведай нам, пожалуйста, отец,
Что Гневу твоему ночами снится?»*

*«С таким, как он, разящим наповал,
Обязан быть хозяин осторожен...
И оттого почти не покидал
Мой добрый меч своих уютных ножен.*

*Уж как легко рубить, рассвирипев!
Да только вспять не вывернешь былого.
Ну а доколе в ножнах дремлет Гнев,
Любой пожар легко погасит Слово».*

*Так говорил нам старый удалец,
И размышляли мы, что это значит.
Он вправду был прославленный боец.
Ведь лучший бой — что так и не был начат.*

5. Пиво и пироги

ёл пятый или шестой день путешествия, до Захолмья оставалось уже не так далеко, когда Волкодав поймал себя на том, что... соскучился по храмовой библиотеке.

Вот это была для него немалая новость. *Да так, фыркнул про себя венн, и по Хономеру стосковаться недолго!*

Положим, по Хономеру тужить он начал бы весьма скоро. Но вот книжный чертог вправду вспоминался всё чаще. И туда не успел заглянуть, и это не разыскал... И даже хранитель начал казаться не таким вредным, как раньше. Ну, брюзга, ну, кропотун*, так и что с того? До книг ведь всё-таки допускал...

Сколько раз в этой самой библиотеке, оторвавшись от страницы, он смотрел в ровное пламя свечи — и видел в нём лесную дорогу вроде той, по которой ныне шагал. Небо над головой, вольно несущиеся облака в синеве... дыхание моря откуда-то издадека впереди...

И вот теперь всё вроде сбывалось, и босые пятки вовсю уминали травку между неглубокими песчаными колеями. И летели с востока на запад белые, белые облака. И морской берег, называемый Ракушечным, в не очень отдалённом буду-

* *Кропотун* — ворчун, мелочный хлопотун и придира.

щем вправду сулил появиться перед глазами. Особенно если жители Озёрного края в самом деле начнут помогать ему так, как обещали юные итигулы... А вот поди ж ты: перестал, как бывало, просиживать по полдня перед книгой — и чего-то не достаёт!

Раньше он думал — так бывает, только если болезнь или ещё что-нибудь не даёт совершить воинское правило, без которого не полон прожитый день... И не очень-то понимал Эвриха, хва-тавшегося, чуть что, за перо-самописку и свои бесценные «Дополнения» — скорее занести туда нечто, представлявшееся ар-ранту важным, хотя бы дело происходило в углу заплёванной корчмы, среди гвалта затеваемой драки, или на палубе сегванс-кой «косатки», летящей навстречу гибели сквозь пронизан-ный молниями закат... Волкодав, помнится, всячески потвор-ствовал тому, что считал придурью не в меру учёного парня, но всё же не до конца понимал, что прямо у него на глазах рождал-ся трактат, который другие люди спустя двести лет будут чи-тать... Дурак был, что тут ещё сказать можно.

В крепости-храме обитало великое множество книг. В том числе и посвящённых вовсе не восхвалению Единого и Близне-цов, а скорее даже наоборот. С какой бы это стати, Волкодав опять долго не мог уразуметь, — ведь тот же Эврих в своё вре-мя немало натерпелся от Хономера именно потому, что пытал-ся спасти от уничтожения труды каких-то мыслителей, являв-шихся, по мнению жреца, «лжепророками и лжеучителями». И книги, говорил Хономер, эти лжеучителя понаписали всё та-кие, что человеку благочестивому грешно было до них даже дот-рагиваться, не то что читать! И вот поди ж ты. На полках биб-лиотечного чертога стояло едва ли не то самое, за что Эврих ходил весь в синяках, а потом мало не погиб от ножа убийцы, нанятого — не поленились же — за изрядные деньги! Как так?..

Поначалу венн едва уберётся от искушения прямо распро-сить о том Хономера и послушать, что скажет... Потом сообра-зил сам. Это как в бою: чем лучше загодя знаешь, в чём именно

преуспел твой противник, тем легче будет его одолеть. Вот и Хономер предпочитал осквернять себя чтением книг нечестивцев, чтобы позже, во время проповедей, в пух и прах разносить вредоносные помыслы, грозящие извратить истинное учение. Почему же эти книги не прятали где-нибудь в тёмном подвале, дабы не могли они ненароком смутить души и умы молодых служителей Близнецов? А потому, что неопытные жрецы постигали науку своей веры под пристальным водительством Хономера и его приближённых, точно так же, как уноты Волкодава — благородное кан-киро. Он тоже не держал каждого за руку, воспрещая проверять навыки в трактирных потасовках, однако непременно узнавал о каждом подобном безлепии. Узнав же, надолго отрезал от уроков. А за попусту причинённое кому-то увечье прогонял совсем...

А кроме того, Волкодав по пальцам мог бы пересчитать тех, кого за три года видел в библиотечном чертоге читающими. Молодые жрецы не очень-то стремились просиживать за книгами свои неяркие пока ещё одеяния. Должно быть, других забот было в достатке.

Венн же — вот что значит охота пуше неволи — успел перезнакомиться со всеми купцами, продававшими книги на тин-виленском торгу. Годы не торопились менять его внешность в лучшую сторону, он по-прежнему был похож на законченного висельника, а вовсе не на книгочея, но капля камень точит — мало-помалу купцы начали с ним здороваться, а потом — даже раздобывать книги, о которых он спрашивал. Так Волкодав разжился кое-чем из того, что особенно понравилось ему в библиотеке. Цена на книги, некогда ужасавшая его ещё в Галираде, здесь, за морем, была уже вовсе безбожной, но Хономер платил очень неплохо, и денег хватало. Волкодав строго ограничивал свои приобретения совсем по другой причине. Из Тин-Вилены он собирался рано или поздно уйти, так не бросать же добрые книги?.. На счастье венна, прочитанное он надёжно запоминал, а потому и покупать решался только те тома, чья необозримая

премудрость требовала перечитывания. Знаменитые «Описания» Салегрина Достопочтенного, два самых толковых «Начертания стран и земель» и, конечно, «Созерцание истории» великого Зелхата Мельсинского, — на книге, за которую сам учёный угодил в позорную ссылку, теперь наживалась тьма-тьмущая переписчиков и торговцев, поскольку спросом она пользовалась немалым... Было и ещё кое-что, приятно отягощавшее заплечный мешок Волкодава.

Книги, попадавшие ему на библиотечных полках и на торговых лотках, он с некоторых пор начал мысленно делить на две неравные части: путеводные и баснословные. Путеводными были те, что сообщали некие знания, накопленные подвигом и трудом: о земном устройении, о делах и людях минувшего, о заветах Богов и о каждодневных познаниях, например о лекарском деле. Баснословные же...

Ему понадобилось время и немалое усилие мысли, чтобы уразуметь: были, оказывается, люди, которые писали... о событиях, никогда на самом деле не совершавшихся. Они давали имена правителям и полководцам, отродясь не жившим на свете, и эти бесплотные тени принимались путешествовать по страницам, сражаясь, влюбляясь, размышляя и принимая решения, — ну ни дать ни взять всамделишные саккаремцы, вельхи, сегваны... Иные книготворцы даже описывали целые державы, помещая их, к примеру, «между Нарлаком и Халисуном», хотя всем известно, что Нарлак с Халисуном граничат напрямую и никаких посторонних держав с большими городами и реками там не бывало от века

Кому нужны были подобные выдумки, когда вокруг лежал широкий живой мир, да и происходило в этом мире порою такое, что хоть год сиди — ничего подобного не придумаешь?.. Волкодав долго мучился недоумением, потом вспомнил, как говорили в таких случаях у него дома: «Не любо — не слушай, а врать не мешай». Он захотел разобраться и стал читать баснословные книги, пытаясь понять.

И ведь понял.

Каждый поступок о чём-то да говорит, обладая не только внешней стороной, но и духовным смыслом, так или иначе звучащим в великой песне Вселенной. Вот, скажем, кто-то кому-то заехал в лоб кулаком. Это может быть оскорбление. Это может быть предательство. Это может быть подвиг. Меняются обстоятельства, меняется с ними и смысл. А уж если дело касается целой цепи поступков — тем более.

Так вот, создатели небывалого просто не находили в известной им жизни поступков и событий, полностью отвечавших смыслу, о котором им хотелось бы рассказать. И тогда они брали частицу от одного, от другого, от третьего — и творили своё. Ну вот кто и когда, например, видел страну, где каждая семья по закону хранила из поколения в поколение только одно какое-нибудь ремесло и даже одежду обязана была носить определённого цвета, и суровое наказание ждало ослушников, вздумавших отступить от обычая?.. А написал же один такой баснотворец. И, понятно, закончил дело кровавым восстанием. Да приплёл благородство, и долг, и загубленную любовь... Чего ради? А в назидание: вдруг какой-нибудь усмарь, прочитав, утрёт нечаянную слезу и раздумает заставлять сына заниматься кожевенным делом, коли парень обнаружил и дар, и страсть войлоки катать... Правда, усмари подобные книги не больно часто читают...

Сообразив однажды, в чём дело, Волкодав стал читать баснословные сказания одно за другим, пытаясь угадывать в каждом потаённые смыслы. У него и теперь лежали в заплечном мешке две такие книги. Одна была о парне, постигшем мастерство лекаря, чтобы вылечить мать любимой девушки. Книга вроде как книга, но она была о мечте и сама звала мечтать, от неё почему-то щемило в душе, и Волкодав не смог с нею расстаться. Её продал венну торговец, которого Волкодав в своё время немало озадачил, поинтересовавшись, не попадались ли тому «Дополнения» к знаменитому Салегрину, написанные неким Эврихом из Феда.

«Кем, кем?» — удивился купец.

«Эврихом, — повторил Волкодав. — Из Феда».

Сказав так, он тотчас понял, что сморозил глупость. Быть может даже опасную. Ему ведь доводилось некогда слышать, что маленький городок Фед, благополучно стоявший среди оливковых рощ в беловодской Аррантиаде, здесь, в его родном мире, был полностью уничтожен во время давних уособиц.

На счастье, книготорговец, уроженец северного Халисуна, в Аррантиаде, может, когда и бывал, но не знал наперечёт всех её городов и уж в историю захолаустного Феда не вникал всяко.

«Нет, — сказал он, подумав, — не встречал».

«Значит, дописывает, — кивнул Волкодав. — Или книга ещё не успела распространиться».

С тех пор купец зауважал венна, водившего знакомство с настоящим учёным, и чуть не накануне его ухода из Тин-Вилены предложил ему ещё одну книгу.

«Её, — сказал он, — написал тот же человек, что так здорово придумал про лекаря. Тебе понравится...»

Теперь Волкодав предвкушал, как будет читать её в дороге, и предвкушение радовало его. *Эх, ещё бы в храмовой библиотеке порыться... Может, и Тиргей всё же что-нибудь написал, да только я не нашёл. Не успел...*

К селению, называвшемуся Овечий Брод, Волкодав выбрался на самом закате, когда солнце уже нырнуло за холмы, и лишь на вершинах самых высоких сосен ещё рдело сияние уходящего дня.

Селение было обнесено тыном, но ворота пока стояли открытые, и венн сразу понял, что подгадал весьма вовремя. Из-за угла тына как раз выходил пожилой мужчина с посохом, шествовавший размеренной походкой совершающего привычное и ежедневное. Мужчина держал в руке переносной светильник, ярко горевший, хотя было ещё светло. Шедшего сопровождала большая собака. *Старейшина здешний, догадался Волкодав. Обходом обходит!*

Это и впрямь было действо, досужему* глазу говорившее сразу о многом. Мы, мол, хоть и при дороге живём, а обычая держимся! Волкодав прибавил шагу, чтобы успеть пройти в ворота, пока старейшина не замкнул круг. А то ведь можно дожидаться, что снова придётся ночевать под ёлкой. Не то чтобы он очень возражал против такого ночлега. Но, коли уж вознамерился отведать местного пива да пирогов, — отчего бы и не исполнить благое намерение...

Пёс, на которого венн, правду сказать, обратил гораздо больше внимания, чем на хозяина, тем временем сразу побежал на встречу незнакомому человеку, появившемуся из леса. Пёс был бдителен и своё дело знал хорошо. Кто пришёл? Не со злом ли?.. Надо поскорее обнюхать, осмотреть, познакомиться, послушать, что скажет...

Он мало напоминал степных волкодавов равнинного Шоситайна. Разве что обрезанным хвостом да впечатлением суровой несуетной мощи. Пёс, живший на самой границе Озёрного края, славившегося гораздо более мягкой зимой, имел вороночёрную, до синеватого отлива, короткую гладкую шерсть, украшенную на морде, лапах и груди ржаво-бурым подпалом. Толстенная шея, очень спокойный взгляд карих глаз и широкая пасть, сомкнутая до поры, но наверняка таившая очень страшные зубы... Чего бояться тому, кого сопровождает подобный защитник?

Подбежав к Волкодаву, пёс словно бы удивлённо остановился в нескольких шагах от него. Старейшина, смотревший сзади да против заходившего солнца, превратно истолковал поведение любимца и поспешно вскинул руку с посохом, оклика:

— Эй! Эй!..

Он желал то ли отозвать кобеля, то ли предупредить незнакомца, чтобы стоял смирно и не пытался ни гнать пса, ни тем паче бежать. Кажется, он не на шутку перепугался. Кому надо,

** Досужий* — здесь: обладающий всеми умениями и природными данными, необходимыми для некоторой деятельности.

чтобы чужой человек сглупу угодил в зубы его собаке, да возле самой околицы? Ведь до греха этак недолго!

Ни кобель, ни прохожий не вняли предупреждению. Волкодав продолжал идти прежним размеренным шагом, а пёс преодолел оставшееся расстояние — и чинно зарысил рядом с венном, стараясь поплотнее прижаться к его бедру головой и снизу вверх заглядывая в глаза. Росту он был как раз такого, что Волкодаву осталось только опустить руку, и ладонь легла на мягкие, в шелковистой шёрстке, доверчиво подставленные уши. Ощувив прикосновение, кобель заурчал — глуховато, низко, протяжно. Кто-нибудь, незнакомый близко с такими собаками, пожалуй, принял бы этот звук за рычание. И то сказать! Что угодно сойдёт за угрожающий рык, ежели исходит из груди пошире иной человеческой. На самом же деле пёс попросту стонал от наслаждения, радуясь ласке Вожака.

Подойдя к старейшине, Волкодав поклонился.

— Здравствуй, почтенный, — проговорил он на языке Шо-Ситайна. — Спасибо, что ворота перед носом у меня не захлопнул.

— А надо было, — отозвался тот в сердцах, негодуя по обыкновению всякого человека, пережившего неожиданный и незаслуженный испуг. И перевёл дух: — Откуда ж ты такой непонятливый мне на голову свалился? Большую собаку первый раз видишь? Кто, скажи на милость, чужому кобелю сразу руку на голову кладёт?.. Откусил бы её тебе да и правильно сделал, я его и ругать бы не стал!

Пёс уже сидел между ними. И улыбался во всю пасть, отчего вид у него сделался окончательно дремучий и жуткий.

— Так ведь не откусил же, — смиренно возразил Волкодав. — Не сердись, почтенный. Я из Тин-Вилены в Захолмье путь держу... Есть ли здесь у вас перехожему человеку где на ночь устроиться?

Пёс потихоньку — чтобы не заметил хозяин — снова всунул голову ему под ладонь и вежливо, осторожно лизнул са-

мым кончиком языка. Волкодав в ответ пощекотал ему брылья, легонько сжал пальцами морду.

— Есть и хлеб, найдётся и лавка, — проворчал старейшина, пропуская его в ворота. — Со мной пойдёшь, провожу... Пока ты опять по дороге злых собак гладить не начал! — И обратился к псу: — Так, Мордаш... Что пристал к человеку? Отрыщи!*

Дюжие парни сомкнули у них за спинами деревянные створки. Волкодав обратил внимание, что один из них, очутившийся было на дороге у Мордаша, счёл за благо посторониться.

Ворота же были как раз такой ширины, чтобы проехать телеге. Овечий Брод оказался большим, богатым погостом, здесь всё время останавливались купцы, ездившие из Тин-Вилены в Озёрный край и к горцам северных кряжей. Дорога, ставшая улицей, удобно подворачивала к гостиному двору... Сколько их Волкодав в своей жизни видел, а сколько будет ещё! Изнутри пахло жареным мясом, долетал хлебный дух, тянуло душистым дымом коптильни. Желудок у Волкодава был далеко не балованный, вполне мог бы обойтись и без ужина, но, кажется, мысль о пиве и пирогах была не такой уж бездарной. Из харчевни слышались голоса, кто-то пробовал и подтягивал струны. «Матушка Ежиха», гласило название, исполненное нарлакскими буквами. Для тех, кто не умел читать, рядом изображена была полнотелая колючая хлопотунья, несущая на иголках тугой боровик. Поглядев на вывеску, Волкодав улыбнулся. Если он ещё не ослеп, неведомый резчик был гораздо подробнее знаком со зверьём, чем с письменной грамотой. Ежиха была сущее загляденье: сейчас зафыркает и отправится в путь. А вот название содержало ошибку.

— Ну, ступай. Там тебе... — начал было старейшина. Хотел добавить — «и пива и пирогов поднесут...», но в это время судьба подкинула ему новую неожиданность. Откуда ни возьмись —

* *Отрыщи!* — «Нельзя! Прочь!», старинная команда собаке, обычно охотничьей, запрещение трогать еду или добытого зверя, а также приказ держаться подальше от лошади охотника, чтобы не попасть под копыта.

то ли из-за крыши, то ли прямо из остывающих к ночи небес — беззвучной молнией принеслась большущая летучая мышь. Чуть не смазала почтенного старосту по носу крылом. И... с важным достоинством устроилась на плече захожего человека.

— Тьфу!.. — плюнул старейшина. Серdito застучал посохом по деревянным мосткам и пошёл прочь. Мордаш отправился следом за ним, оглядываясь на Волкодава. *Ты, Вожак, на моего человека не обижайся. Такой уж он у меня. Любит пошуметь, а вообще-то незлой. Правда-правда, незлой...*

Волкодав почувствовал себя в чём-то слегка виноватым. Он не сразу пошёл внутрь и немного постоял перед дверьми, глядя вслед уходившему старейшине. Может, ещё выдастся случай по-доброму познакомить его с Мышом... хотя, если подумать как следует, чего ради? Завтра утром он отсюда уйдёт, и если кто его вспомнит здесь, то — мимолётно. А старейшина, коли не дурак, скоро сам сообразит, что зря рассердился на маленького зверька, некстати вылетевшего из сумерек...

Венн видел, как навстречу старейшине раскрылась калитка одного из дворов. На улицу выскочили две маленькие, очень похожие одна на другую девочки (*Внучки...* решил Волкодав) и с радостным писком повисли на необъятной шее Мордаша. Осторожный пёс сперва замер, высоко задрал голову, а потом медленно, бережно пошёл с ними во двор. Волкодав улыбнулся и рассудил про себя, что девочки могли бы проехаться на собаке верхом. Причём обе разом. И, вероятно, именно это сейчас и произойдёт у старейшины во дворе. Небось, ноги у Мордаша не подломятся, хоть ему взрослый мужик на спину садись. И уж в его присутствии никто чужой не осмелится маленьких девочек не то что обидеть — даже слишком пристально на них посмотреть...

Волкодав поймал себя на том, что завидует псу.

Подняв руку, он привычно нащупал бусину, по-прежнему украшавшую и осенявшую ремешок, что стягивал его заплетённые волосы. Покатал её в пальцах... *Была же девочка чуть по-старше этих двух, что мне её подарила. Теперь уж — славная*

девушка, нынешней осенью, глядишь, мужа возьмёт... Дали бы ей Боги всякого счастья... Только я-то кому нужен останусь?

Негожие это были мысли. Живи, пока жив, и не предавайся таким размышлениям, а не то они могут далеко тебя увести. Волкодав потянул на себя дверь харчевни и ступил через порог.

Сколько он бывал в постоянных дворах в самых разных концах белого света, столько и поражался их схожести.

Нет, конечно, зодчие и плотники в каждом уголке мира работали на свой особенный лад, и путешествующий, скажем, по Саккарему видел над собой совершенно иной кров, нежели забредший в Нарлак. И к столу подавали у сольвеннов одно, а у вельхов — вовсе иное. И даже хлеб, испечённый под разными небесами, куда как внятно являл в себе эту разность...

Общим, как давным-давно уяснил для себя Волкодав, оставалось то, что это были именно дворы, а не дома. Здесь сходились у одного очага люди, вчера ещё друг дружку не знавшие. На завтра они снова потеряют один другого из виду — скорее всего затем, чтобы уже никогда не узнать, какая кому досталась судьба. Волкодав порою ловил себя на том, что никак не перестанет этому удивляться. Вот так идти мимо людей, встречаться без радости и расставаться не горюя, подобно листьям, плывущим по осенней реке? А потом, чего доброго, ещё взять помереть прямо в дороге, вдали от праотческих, праматеринских могил?.. Иногда ему начинало казаться, будто весь мир только и делал, что странствовал по чужедальним краям. Понять подобное Волкодав ещё как-то мог — жизнь заставит, ещё не тем займёшься, — но одобрить... Он сам с двенадцати лет не жил на родине, однако с собой ничего не поделаешь: что в младенчестве впитано, то и держится всего крепче. Венны же полагали, что доброму человеку след держаться дома. Вести семью, множить свой род и его добрую славу...

Волкодав дожевал баранину с овощами — на его взгляд, изрядно пересолённую, но зато от души сдобренную перцем — и

теперь не спеша потягивал пиво, поглядывая вокруг. К его немалому сожалению, в Овечьем Броде, как и повсюду в Шо-Ситайне, не знали и не умели делать сметану. Однако пиво оказалось действительно вкусным. И пирожки с начинкой из грибов, долежавших в дубовых кадушках с прошлого лета. И блюце, чтобы размочить для Мыша в молоке кусочек лепёшки, у служанок сразу нашлось...

Народу в харчевне вечера было достаточно. Конечно, Овечий Брод — не Тин-Вилена, да и красавец «Белый Конь» «Матушке Ежихе» уж точно был не чета. Потому люди сидели не друг у дружки на головах, как временами случалось у Айр-Донна, и Волкодаву ни с кем не пришлось толкаться локтями. Свободный стол, за которым он расположился, стоял, правда, почти у самой двери и, зная, именно потому оставался свободен: снаружи зябко тянуло ночным холодком. Однако в том ли беда? За другим столом баранина не сделалась бы вкусней. А сквозняков Волкодав не боялся.

Звяканье струн, услышанное ещё на улице, не померещилось венну. На другом конце комнаты в самом деле возился с сегванской арфой один из гостей. Что-то не получалось, струны никак не хотели звучать в лад. Над незадачливым певцом уже начали понемногу посмеиваться:

— Э, да мы от своих упряжных коней скорее песен дождёмся!

— Слышь, малый? Если ты так в других местах пел, то как до сих пор с голодухи ноги не протянул?

Музыкант только посмеивался. Это был молодой парень, растрёпанный и лохматый, выглядевший так, словно пару седмиц ночевал в стогах и на чужих сеновалах. Нечёсанные патлы льняной куделью падали ему на лицо, но глаза поблёскивали хитро и весело. *Не помер с голоду и не помрёт*, решил про себя Волкодав. *Такого, кажется, пестом в ступе не утолчёшь — вывернется!*

Неожиданно для окружающих парень пробежался пальцами по струнам, словно последний раз убеждаясь в правильности их настроя, и громко запел:

Боятся люди проезжать
Лесами Пелагира:
Когда-то битва здесь была,
Решались судьбы мира.

Но полководцев той войны
Не славили сказанья:
Тут воевали колдуны,
Метали заклинанья.

С тех пор хранит земная глубь
Волшебные словеса...

Волкодав невольно наострил уши. *Вот так так!* очень скоро сказал он себе. Он не узнал парня тотчас, поскольку не приглядывался подробно, как-то сразу решив, что знакомого лица здесь наверняка не дождётся. Да и песнопевец трактирный очень мало напоминал теперь нищего калеку, сидевшего в пыли возле тин-виленских ворот. Видно, не впервые лицедействовал, примеряя всякий раз ту личину, от которой ждал выгоды.

Простой народ не так уж глуп:
Темно под сенью леса!

Любая тварь, что здесь живёт,
Не такова, как всюду.
Одну увидишь — жуть возьмёт,
Двух сразу — станет худо!

Такое шастало во тьме
Направо и налево!..
И был там холм, а на холме
Росло большое древо.
Ночами силой колдовства
Земля под ним свстилась!
На древе же, в дупле ствола.
Там ящерка ютилась...

И даже голос казался не вполне тем же самым, что над-
рывался поддельной слезой, выводя «жажевую» о молодом

воре, угодившем на каторгу. Куда только подевалась напускная гнусавость и хрипотца. Но — всё равно это был тот самый побирушка, якобы удравший с каторги в Самоцветных горах.

Однажды он наружу прыг —
И что, представьте, видит?
Бегом бежит седой старик
В изорванной хламиде!

Добро и мудрость на челе
И все приметы мага,
Но скоро, видимо, в петле
Запляшет бедолага:

Летят собаки по пятам,
Вдали топочут кони...
«Скорее, дед! Влезай сюда,
А я собью погоню!»

Волкодав слегка пожалел о том, что успел миновать ворота и не остался на ночь в лесу. Ничему-то его, дурня, жизнь так и не выучила. А то раньше не бывало — думал, будто помогает кому-то, даже из беды выручает... и только затем, чтобы потом напороться на злую насмешку. Кто его знает, этого малого? Чего доброго, сейчас укажет пальцем на недоумка, якобы умилившегося его воровской песенкой — аж на целый сребреник...

Волкодав плюнул про себя, — а будь что будет! Устроился поудобнее и стал слушать дальше.

Тут налетели злые псы...
Шипя, храбрец хвостатый
Давай откусывать носы —
И откусил с десяток!

Собаки воют и рычат,
Зализывая раны...
И вот охотников отряд
Въезжает на поляну.

Малыш таких злодейских рож
Давно уже не видел!..
«Где пленник? — вопрошает вождь,
В седле высоком сидя. —

За ним гнались мы по пятам
Сквозь гущину лесную!..
Злодеи шарят по кустам,
Копьём в траве шуруют...

Затих вдали и шум, и крик,
И лай ищек жутких.
Спустился с дерева старик,
Благодарит малютку...

По глубокому убеждению венна, такие бестолковые преследователи не годились кого-либо ловить даже в самой шуточной песне, но... вот уж действительно — «не любо — не слушай»!..

Однако узнать, что далее приключилось с храброй маленькой ящеркой и как отблагодарил её спасённый волшебник, никому в тот вечер не довелось. Входная дверь резко распахнулась во всю ширину, и через порог уверенно, по-хозяйски властно шагнул ещё один посетитель, и было в нём что-то, заставившее Волкодава немедленно насторожиться.

Выглядел этот мужчина так, словно явился прямиком с дороги, — рослый, широкоплечий, он был при оружии и котомке, в заплётённом плаще. Уж не по деревне из одного дома в другой путешествовал! И тем не менее позже Волкодава войти в погост он мог вряд ли. Старейшина при нём довершил свой обход, и, значит, до утра поселение было отъединено от внешнего мира. То есть следовало спросить себя, где он бродил до сих пор и почему появился в харчевне только теперь. Найти, что ли, её не мог?..

А если сторожа при воротах его в нарушение обычая всё же пустили, — это воистину только давало лишний повод держать ухо востро. Стало быть, не простой человек, странствующий себе потихоньку!

Уж не Хономер ли его за мной вдогонку послал?..

Пронёсшаяся мысль не задержалась надолго. Нет. Волкодав хоть и вырос совсем в других лесах, а пешехода на дороге в нескольких поприщах позади себя ни в коем случае не прозевал бы. По голосам зверей, по оклику птицы...

Да и нужен был этому вошедшему, как тотчас выяснилось, вовсе не он.

Плечистый малый быстро окинул взглядом харчевню — и всё той же уверенной походкой охотника, идущего принимать на копьё согнанного* собаками зверя, прошагал прямо в угол, где устроился со своей арфой певец.

Струны жалобно звякнули и умолкли. Лохматый парень заметил новоприбывшего и, похоже, мигом сообразил, что это явились по его душу. Тотчас прекратив петь, он уставился на шедшего к нему человека таким затравленным взглядом, что слушатели, сгрудившиеся вокруг, поневоле тоже повернулись в ту сторону.

И опять что-то неправильно, глядя со стороны, решил Волкодав. Если бы я ждал и боялся погони, я нипочём не сел бы в угол, откуда нет удобного хода наружу. Да и внимание к себе такими вот песенками, пожалуй, не стал привлекать. А впрочем...

Безжалостный преследователь между тем остановился посередине харчевни. Не спуская глаз с певца, он передвинул котомку, запустил в неё руку и вытащил свиток пергамента.

— Мир вам, добрые люди, под кровом этого дома! — прозвучал его голос. Он говорил на языке Шо-Ситайна, но чувствовалось, что ему гораздо более привычна вельхская речь. — Мир всем, кто встречает Посланника Справедливости, — всем, кроме злодея и вора, бегущего от правого суда!

Жёсткий пергамент коротко прошуршал, разворачиваясь. С его нижнего края свисала целая бахрома разноцветных шнурков. На каждом — яркая восковая печать.

** Согнанный, сгонять зверя — довести его постоянным преследованием до полного изнеможения.*

— Вот грамота, к которой приложили руку без малого все уличанские старосты Тин-Вилены. Кто умеет читать, тот воистину может подойти и удостовериться! Я отслеживаю злодея по имени Шамарган, отравившего боевую собаку своего недруга и трусливо скрывшегося из города. Я послан схватить его и привести назад для суда!

Арфа задребезжала, свалившись на пол. Белобрысый вскочил, лихорадочно озираясь — куда броситься, как спастись?.. Слишком поздно. Его угораздило устроиться на длинной скамье возле стены, а справа и слева набился охочий до песен народ. Не больно-то убежишь!

Резкий шум встревожил Мыша, лакавшего молоко с хлебом. Зверёк вскинулся, поднял шерсть на загривке и воинственно раскрыл крылья, торопливо облизываясь: кто такой, что такое? Уж не решились ли на них с Волкодавом напасть?..

Венн накрыл ладонью не в меру храброго летуна. Во-первых, всё происходившее их ни в малейшей степени не касалось. Во-вторых, злонамеренно отравившему собаку действительно не могло быть никакого прощения. Волкодав такому мерзавцу, пожалуй, влил бы в глотку его же собственного зелья и оставил кататься по земле и блевать, корчась в смертных мучениях. В-третьих, в Тин-Вилене действительно вёлся привезённый из коренного Нарлака обычай снаряжать в путь охотников за беглыми злодеями. Их именовали Посланниками Справедливости и снабжали верными грамотами, обязывающими всех встречных помогать им в их благом деле. За известное, кстати, вознаграждение. А в-четвёртых... В-четвёртых и в-главных, Волкодаву трудно было заставить себя поверить однажды разоблачённому обманщику. Сколько бы тот ни твердил, что вот теперь-то он — настоящий. Попробовал обмануть раз, попытается и вдругорядь...

Кто-то из сидевших рядом с певцом нерешительно протянул руку — хватать. Другие, наоборот, исполнились подожрения:

— Эй, эй, погоди, добрый человек...

— Мало ли Шамарганов на свете, чем докажешь, что злодей?

А кто-то, самый осмотнительный, буркнул:

— Этакую грамотку кто угодно выправить мог...

Однако Посланника оказалось весьма трудно смутить. Знать, не впервые сталкивался с людским недоверием. Он даже не переступил с ноги на ногу — стоял, точно врытый, и самая спина его, обращённая к Волкодаву, источала уверенность.

— Не назвали бы меня Посланником Справедливости, если бы я ради денег мог возвести поклёп на безвинного. Коли вы, добрые люди, снимете рубашку с того, кто развлекал вас песнями, вы увидите у него на груди выколотое клеймо: три зубца в круге. Он успел побывать за свои прежние преступления на каторге, и не где-нибудь, а в Самоцветных горах!

Да что они привязались к Самоцветным горам?.. досадуя, размышлял тем временем Волкодав. *Услышали от кого-нибудь — и лыко в строку немедля?..*

У него дома считали, что плетельщик лаптей, без разбору использующий лыко, очень скоро пойдёт гулять по снегу босиком. С лицедеями, даже не знавшими, что в рудниках клеймили не всех, а только опасных, да не дурацкой наколкой, а калёным железом, — могло приключиться что похуже. К примеру, нарвались бы они на знающего человека...

Но откуда бы взяться знающему человеку здесь, на другом конце населённого мира, по ту сторону обширного океана?.. К парню, которого Посланник поименовал Шамарганом, протянулась уже не одна пара рук, а несколько — люди захотели проверить. Причём вознаграждение за помощь Посланнику было, вероятно, вовсе не лишним.

Волкодав подумал о том, что, согласно всё тому же обычаю, если Посланник Справедливости ловил свою жертву в какой-нибудь деревне, местный старейшина обязан был выплатить ему немалую пеню. Своего рода овеществлённое порицание. За то, что сами не распознали и не схватили подлого татя. *Вот, стало быть, чего ради два лицедея всё дело затеяли. А тогда, у ворот*

городских, проверяли, смогут ли кого обмануть. И, благодаря мне, решили, что смогут!..

...А Шамарган, не дожидаясь, пока на нём примутся рвать рубаху, сделал единственное, что ему ещё оставалось, — махнул прямо вперёд, через стол. В разные стороны полетели чашки и миски с угощением, которым щедрые слушатели потчевали певца. Разлилось пиво, прямо на пол — непотребство из непотребств — шмякнулся хлеб! На то, что случилось дальше, Волкодаву показалось уже вовсе тошно смотреть. Лже-беглец попытался проскочить мимо лже-Посланника. Видимо, ничего умней они не смогли придумать даже вдвоём. Ну нет бы хоть запустить чем-нибудь в безжалостного преследователя, хоть солью в глаза ему сыпануть, вынуждая отвлечься, а самому тем временем броситься через кухню!.. Так нет же, кинулся прямо к двери, словно его там осёдланная лошадь ждала. И, конечно, не добежал. Кряжистый Посланник мигом оказался на пути у стремительно сиганувшего парня — и живо скрутил его в три погибели, заломив за спину руку.

Среди былых унотов Волкодава не находилось ни одного, кто уже через седмицу не смог бы преспокойно освободиться от такого захвата... Шамарган же выгнулся, поднимаясь на цыпочки и всем видом изображая лютую боль. С отчаянием пополам.

— Сходите, добрые люди, позовите кто-нибудь старосту.

На эти слова вскинулся было мальчонка, собиравший по столам грязные мисы. Привык на побегушках быть, и тут собрался бежать. Понятно, мальчишку сразу одёрнули — ещё не хватало с сопляком чаемой наградой делиться! — и за старостой отправился один из мужчин. В разговоре мелькнуло имя или прозвище старейшины: Клещ.

Как уж мнимый отравитель собак намеревался в дальнейшем вернуть себе свободу, оставалось только гадать. Волкодав мысленно пожал плечами и стал допивать пиво. Не было на свете уголка, где испытывали бы недостаток в обманщиках и проходимцах. На каждого внимание обращать — всей жизни не хватит...

...Пламя светильничка, ровно и весело горевшего на стеной полнице, внезапно и безо всякого предупреждения из тёплого-золотистого стало бесцветным. А потом — вот это была воистину новость — весь мир начала завлакивать непрозрачная пелена, похожая на разбавленное молоко. Волкодав крепко зажмурился, потом даже прикрыл ладонью глаза, внутренне свирепея: *НЕТ!*..

Помогло. Он ощутил в крови некое освобождение и отнял от лица руку. Лохмы Шамаргана были по-прежнему льняными, а плащ Посланника бурым, и серая пыль покрывала его.

Волкодав как раз опустошил свою кружку, когда появился старейшина Клещ. Подняли его, похоже, с постели. Три косы, на шо-ситайнский лад украшавшие бороду, выглядели только что наново заплетёнными, и притом впопыхах. И, ясное дело, мягкосердечия у Клеща от таких заполошных дел отнюдь не прибавилось.

— Ты кто таков? — немедленно подступил он к Посланнику Справедливости.

Тот вновь, почти теми же словами, поведал об отравлении боевого пса и о Самоцветных горах. А после добавил:

— Не велишь ли проводить нас в надёжную клеть, где я мог бы до утра присматривать за этим никчёмным? Не бойся, я не позволю ему долго оскорблять Овечий Брод своим недостойным присутствием. Уже утром я отправлюсь с ним назад, ибо мне велено доставить злоумышленника в Тин-Вилену самым скорым порядком, пока степные кланы не отбыли восвояси...

— Если бы я чего боялся, — буркнул Клещ, — я бы тут не старшинствовал. — И протянул руку: — Дай-ка сюда свою грамотку, сам сперва прочитаю!

Конечно, его требование было исполнено, но Волкодаву помстилась в движении Посланника тень неуверенности. И Шамарган — а это уже не помстилось! — больно пристально скосил глаза на двоих крепких парней, вставших подле двери...

Ай да старейшина! похвалил про себя венн. *Неспроста Клецом величают!*

Клещ тем временем дальнозорко отвёл шуршащий лист подальше от глаз:

— Так, так... От Горбатой улицы... от Железного ручья... от Маячной дороги... Э, а это кто тут от Селёдочного тупика изволение дал?

По мнению Волкодава, вот теперь-то двоим лицедеям следовало, более не мешкая, давать тягу. Он даже ждал, чтобы Шамарган прямо сейчас пнул ловца татей в колено и во всю прыть бросился в дверь, а тот как бы за ним... Но нет, Посланник ещё попытался что-то спасти.

— Как кто? — спросил он с почти настоящим недоумением. — Плакун Дырявый Бочонок, старшина над засольщиками! Разве ты не узнаёшь его зная? Чайку с рыбёшкой в клюве?

— Узнать-то узнал, — проворчал Клещ, сворачивая пергамент. — Да только Плакун всегда рисует камбалу, а тут какой-то озёрный карась. А посему я тебе, добрый человек, вот что скажу. Клеть на ночь у меня, понятно, найдётся... А вот в город, ты уж не обессудь, тебя мои ребятаки проводят. Там и разберётся честь честью. Там тебе и положенную награду дадут... а с меня, ежели что, потом высчитают. Ясно?.. Ну, стало быть, веди отравителя своего.

И старейшина, опираясь на посох, тяжеловатой походкой двинулся к выходу из харчевни. Посланник — делать нечего — пошёл следом, ведя свою жертву перед собой. Парни возле двери подались в стороны, освобождая дорогу...

...И зря, поскольку Шамарган именно теперь решил проложить себе путь на свободу. Может, счёл, что чем дальше, тем труднее будет сбежать. А скорее всего — просто не ждал такого поворота событий и испугался. Ибо действовать начал, творя вещи глупые и ненужные, такие, о которых сам должен был потом пожалеть, если не совсем уже изнеправдилось сердце... — то есть так, как и свойственно людям поступать только со страху, когда отступает прочь хладнокровный рассудок и любое

деяние предстаёт просто необходимым, если кажется, будто оно способно помочь.

Мутно-алые, окутанные дымной пеленой страха пламена намерений Шамаргана выстрелили так ярко, что Волкодав про себя успел мимолётно удивиться, как же их проморгали все прочие посетители. Парень вывернулся у мнимого охотника на беглых злдеев одним ловким движением. Выхватил откуда-то из рукава широкий нож без рукоятки и... пырнул старейшину Клеща прямо в живот...

То есть сам он нимало не сомневался, что в самом деле пырнул, потому что в такие мгновения человек склонен видеть свои действия уже довершёнными, хотя в действительности они успели сбыться хорошо если наполовину. Надо думать, стремительно воображение успело нарисовать Шамаргану ярко брызнувшую кровь и возникающее на лице Клеща изумление, смешанное с горькой детской обидой...

Но люди, мимо которых его в это время вели, увидели совершенно иное. Спустя время они рассказывали и божились и, бывало, лезли в драку с теми, кто не желал верить сказанному, — хотя бы и сказанному с призыванием самых высших Свидетелей. Но кто же в здравом рассудке сразу поверит, будто молчаливый чужеземец, невозмутимо кормивший из блюдечка ручную летучую мышь, внезапно наклонился из-за стола — и его движение рассказчики припоминали как *медленное* — и преспокойно вынул острый ножик у Шамаргана из кулака?.. А Шамарган при этом полетел кувырком, словно ему десять подножек разом подставили, сшиб нехстати подвернувшуюся скамью — и кубарем укатился за дверь, с треском распахнувшуюся от удара?..

Но это позже, позже, когда всё утихнет и жгучие события начнут претворяться в обычную побасенку из тех, которых десять дюжин можно услышать в любом постоялом дворе. А покамест...

— Держи вора!.. — завопил лже-Посланник, сообразивший, что надо удирать вослед за дружкой, пока не сделалось безна-

дёжно поздно. Метнулся, сыпанув мелкой пылью, бурый плащ: лицедей во все лопатки кинулся наружу. Половина посетителей харчевни сорвалась помогать ему в ловле, и с ними оба парня, приведённые Клещиком. *Лучше бы ты*, мысленно вздохнул Волкодав, *одного Мордаша с собой захватил. Больше проку дождались бы...*

Он так и не поднялся из-за стола, за которым сидел. И Мыш ни с кем не лез воевать: вспрыгнул ему на плечо и принялся вылизывать крыло, рассечённое розовым шрамом.

Только блестел на столе перед венном широкий нож, вынутый из руки несостоявшегося убийцы.

Некоторое время старейшина гзирал на этот нож, пребывая в потрясённом оцепенении. Что вызвало это оцепенение — уж не рана ли, которую он, тёртый калач, успел ощутить, ещё не получив?.. Волкодав не понаслышке знал, как ведёт себя человек, принявший внезапную рану в живот. Вот Клещ дерзнул опустить глаза к собственному телу... Нарядное вышитое одеяние из тонкого войлока, чем-то напоминавшее сольвеннскую свиту, не было ни порвано, ни надрезано. Ещё несколько мгновений старейшина провёл в неподвижной задумчивости... а потом сделал единственно правильный вывод.

Который, по мнению Волкодава, очень легко было предугадать.

— Ты!.. — Узловатый палец изобличающе нацелился в грудь венну, а широкое лицо Клеща начала заливать багровая краска. — Заодно с ним!.. Сговорился!.. Эх, не хотел же я тебя в рота пускать...

Не «с ним», а «с ними», мысленно поправил старейшину Волкодав, но вслух ничего не сказал.

Люди, оставшиеся в харчевне, между тем сообразили, что на их долю, оказывается, тоже осталось кое-что занятное, и пододвинулись ближе, чтобы уж теперь-то не пропустить ничего.

— Взять его! — указывая на Волкодава, рывкнул Клещ.

Двое или трое мужчин, далеко не слабаки с виду, качнулись было вперёд... Волкодав не двинулся с места. Не стал вскаки-

вать со скамьи, не расправил плечи, даже не обвёл взглядом двинувшихся к нему. Однако те почему-то смутились, один за другим, и остановились, сделав кто шаг, кто вовсе полшага. Когда человек исполняется светлого вдохновения битвы, совсем не обязательно встречаться с ним глазами, чтобы это понять...

Мыш смотрел на них с презрительным недоумением. Тоже, мол, Ыискались!.. Потом зверёк выплюнул попавшую в рот шерсть и вновь принялся ухаживать за болевшим когда-то крылом. А Волкодав негромко поинтересовался:

— С твоим псом я тоже сговаривался, почтенный?

В погосте Волкодав прожил три дня. И не в нанятой комнате на постоялом дворе, а в доме старейшины. Венн радовался гостеприимству добрых людей, но про себя слегка досадовал на задержку, мысленно прикидывая количество вёрст, которое мог бы за это время прошагать. Да и тонкую грань, за которой славный гость, пускай даже уберёгший от смерти хозяина дома, начинает превращаться в обузу, ему совсем не хотелось бы переступить. Под вечер третьего дня в Овечий Брод ещё и приехали на лошадях четверо тин-виленских жрецов, и Волкодав окончательно решил про себя: *Всё! Завтра солнышко встанет — и ухожу...*

Однако уйти, честь честью поклонившись хозяевам и печному огню, судьба ему не судила. Да и когда у него, если хорошенько припомнить, всё получалось согласно задуманному, гладко и ровно?.. Начал припоминать — не припомнил. И Хозяйка Судеб, как это у Неё водится, тотчас учинила над ним шутку, ни дать ни взять пробуя по-матерински вразумить: ты, человеке, предполагай себе, но имей в виду, что располагать буду всё-таки Я...

Жрецы привели с собой странника. Хромого, согбенного старика, опиравшегося на костыль. Встретив его на лесной дорожке и выяснив, что он держал путь в тот же самый погост, кто-то из совестливых молодых Учеников даже предложил хромцу сесть в седло, однако тот отказался — и так, мол, все кости бо-

дят, а к седлу непривычен, того гляди, от конского скака вовсе рассыплюсь!.. Стремя, впрочем, он взял с благодарностью. И так и доковылял до ворот Овечьего Брода, цепко держась за ремённое путлище*.

Он назвался Колтаем. Без сомнения, это было прозвище, но весьма ему подходившее, ибо означало одновременно и колченожку, и говоруна. Ещё в дороге старик, которому вроде бы полагалось бы одышливо хвататься за грудь, вместо этого без устали потчевал своих спутников всякими смешными рассказами. Знать, много по свету побродил, всякого разного успел наслушаться-насмотреться. Кто сказал, будто разговорами сыт не будешь? Добравшись в погост, Ученики Близнецов пригласили речистого старца к вечеру:

— Хлеба с нами отведай, винцом захлебни.

Тот себя упрашивать не заставил. Одежда у него была такие обноски, котомка — латаная-перелатаная и почти пустая, а когда в последний раз досыта ел — и вовсе неведомо.

Вечер был погожий. Жрецы не пошли внутрь харчевни, предпочтя расположиться во дворике, подальше от духоты и запахов, доносившихся с кухни, где как раз пролили мясной сок прямо на угли. В тёплую погоду здесь и впрямь было славно. Хозяин, давно это поняв, устроил во дворике длинный стол, задней лавкой которому удобно служила завалинка. С другой стороны вместо скамьи стояло несколько пней, некогда приготовленных на дрова, но оставленных до зимы послужить сёдальщиками гостям. На одном из пней и обосновался Колтай.

* Сейчас, по мере отхода человечества от различных старинных практик, в частности от верховой езды, начинает забываться смысл многих понятий. Так, «держаться за стремя» трактуется нами совершенно буквально, в смысле — за металлическую опору для ноги верхового. Между тем брались исключительно за путлище (ремень, на котором стремя подвешивается к седлу), помещая при этом руку возле колена всадника, чтобы не мешать ему в управлении лошастью. Автор позволил себе столь пространное примечание, поскольку данное недоразумение вкрадывается даже в романы талантливых авторов, пишущих о старине: «схватился за серебряную скобу...».

По сравнению с лавкой-завалинкой это было гораздо менее почётное место. Молодые жрецы, годившиеся новому знакомцу во внуки, звали его пересесть, но он отказался, сославшись на увечье:

— Жил на воле, бегал в поле, стал не прүток*, почему так? Захромаешь, сам узнаешь...

— Складно говоришь, дед! — засмеялся юноша в красно-зелёных одеждах, тот, что предлагал Колтаю коня. — Может, ты нас ещё и песней порадуешь?

Тот развёл руками:

— И порадовал бы, да ни лютни нет, ни гудка, а без них какая же песня.

Служанка вынесла на подносе еду, и к ней тотчас же обратились:

— Скажи, красавица, не найдётся ли в этой харчевне какого снаряда для песенника?..

Девушка кивнула и пообещала скоро принести требуемое. Хозяин «Матушки Ежихи» отнюдь не сбыл с рук арфу, утраченную злодеем Шамарганом во время поспешного бегства, но убрал её довольно-таки далеко: вещь, чай, недешёвая, чтобы держать на виду! Попортят ещё, а чего доброго, и украдут! Однако четверо жрецов были не какая-нибудь голь перекатная, не первый раз в Овечий Брод заезжают, и всегда конные, при кошельках. И еду спросили хорошую, не хлеба с квасом небось на полтора медяка... Отчего ж не дать таким арфу?

В дверях служаночка разминулась с Волкодавом, выходявшим наружу.

Венну понравились дорожные лепёшки, которые пекла одна из здешнихстряпух: её мать была из кочевников, и умница дочь унаследовала сноровку готовить маленькие душистые хлебцы, много дней не черствеющие в дорожной суме. Он и прикупил их целую коробочку, искусно сплетённую из берёсты местным умельцем.

* *Пруткий, пруткость* — страсть и азарт, побуждающие борзую собаку к мгновенному и скоростному старту за зверем.

Молодые жрецы не были из числа унотов, коим Волкодав ещё две седмицы назад внушал святую премудрость кан-киро. Однако ехали они из Хономеровой крепости и, конечно, сразу венна узнали. Пока они друг другу кланялись, снова появилась служанка и принесла арфу. Ученики Близначев передали её старику.

Дорогу, пройденную однажды, Волкодав запоминал так, что потом никакая палка не могла вышибить из памяти. Человеческие лица давались ему гораздо хуже, и, возможно, назвавшийся Колтаем сумел бы его обмануть — по крайней мере если бы сидел молча, избегал поворачиваться лицом и вообще всячески старался отвести от себя внимание. Но, увидев знакомую арфу, Волкодав невольно проследил за нею глазами... и наткнулся взглядом на нищенское рваньё, тотчас показавшееся ему очень знакомым.

Рогожки были те самые, в которых сидел подле тин-виленских ворот удручённый язвами попрошайка.

Тогда Волкодав пристальнее всмотрелся в лицо, и, как ни склонялся над арфой Шамарган, как ни ронял на глаза неопрятные лохмы, выбеленные до совершенного сходства с седыми, — никаких сомнений в том, что это был именно он, у венна не осталось. Следовало отдать должное мастерству лицедея, сумевшего так полно принять старческий облик. Умудрился же намазать какой-то дрянью лицо, руки, ступни, вообще всё, что открывала одежда: высохнув, жидкость стянула кожу морщинами, даже вблизи сходившими за настоящие стариковские. И говорил, словно у него вправду половины зубов во рту не было... а костылём пользовался так, будто лет двадцать с ним ковылял... Всё было проделано с таким тщанием, что Волкодав без труда уяснил себе, чего ради Шамарган отважился вернуться в Овечий Брод, где ему в случае разоблачения навряд ли удалось бы сохранить в целостности шкуру. Ну конечно — он хотел вернуть свою арфу. *И, глядишь, прошло бы у него всё как по маслу, да вот незадача — как раз и налетел на меня! Что теперь-то делать будешь, ловкач?..* За тот ножи-

чек, по мнению Волкодава, Шамарган заслуживал крепкой порки. Чтобы впредь неповадно было с перепугу хвататься за острые железяки. Этак ведь в самом деле кого-нибудь можно зарезать, — до гробовой доски потом сам себе не простишь... Волкодав стал раздумывать, как бы примерно наказать лицедея, не подвергнув его при этом ярости обитателей погоста, — ибо славного старейшину Клеща он, хоть и покушался, всё-таки не убил. Но тут Шамарган довершил настраивать арфу, пробежался пальцами по струнам и запел:

Что совершенней, чем алмаз?
Сияют сказочные грани...
Но он, услада наших глаз,
Не содрогнётся, плоть поранив.
Не он виной, что вновь и вновь
Кругом него вскипают страсти...
Он отразит пожар и кровь —
А сам пребудет безучастен.

Ему едино — зло, добро...
Желанен всем и проклят всеми,
Своей лишь занятый игрой,
Плывёт сквозь суетное время...

— Хорошо поёшь, странник, — похвалил старший жрец. — И песня у тебя мудрая. Приятно такую послушать.

И заботливо пододвинул мнимому старцу кувшинчик лёгкого яблочного вина — промочить горло.

Волкодав же, смотревший пристальнее других, а главное, знавший, чего примерно следует ждать, увидел, как внезапно блеснул из-под свисающих седин острый и злой взгляд. «Приятно, значит? А вот я сейчас тебе...» Шамарган ударил по струнам и запел быстрее, торопясь, понимая, что сейчас его перебьют, и желая непременно высказать всё до конца:

Но это камешек в земле.
А если взор поднять повыше?..
Молись хоть десять тысяч лет,
Коль Совершенен — не услышит.

Ведь гнев, любовь, упрёк судьбе —
Суть рябь на лике Совершенства.
А значит, нет Ему скорбей,
Ни мук, ни страсти, ни блаженства.

Ему что радость, что беда,
Что ночь перед последней битвой...
Коль Совершенен — никогда
Не отзовётся на молитвы.
Ему хвала или хула,
Святой елей и комья грязи,
Благой порыв и козни зла —
Что блики пёстрые в алмазе...

— Святотатство!.. — первым закричал старший жрец. —
Умолкни, сквернавец! Не моги восставать на Предвечного!..

*А то сделается Ему от этого что-нибудь, Предвечному тво-
ему...* усмехнулся про себя Волкодав. Если он что-нибудь пони-
мал, Ученик Блинецов усердно трудился над своим голосом,
стараясь упражнениями развить его, сделать ярким и зычным.
Вот только до Хономера, способного возвысить свою речь над
гомоном десятков людей, ему было ещё далеко. Пальцы Ша-
маргана проšli по струнам, и оказалось, что все пять были
его верными союзниками. Арфа отзывалась мощным рокочущим
гулом, который похоронил крик жреца, как морская волна —
шипящую головешку.

Изнутри корчмы начали выглядывать люди.

Не изменяется алмаз,
Хоть свет, хоть тьма его окутай...
Вот так и жреческий экстаз
Не достигает Абсолюта.

Он — сам в себе. Он полн собой.
И наше напряжение духа
Не возмутит Его покой:
Коль Совершенен — Небо глухо...

Жрецы, оглядываясь на старшего, полезли из-за стола. Одна-
ко Шамарган явил похвальную способность учиться на прежних

ошибках. Сегодня он не надеялся на пособника и загодя предусмотрел пути бегства. Поди выберись из-за длинного стола. А с пенька — вскочил да был таков. Можно даже чуть задержаться, чтобы допеть хулительные стихи. Кажется, Шамарган серьёзно боялся здесь одного Волкодава. Но венн не двигался с места. Стоял себе и стоял на ступеньках, наблюдая за происходившим.

Наконец лицедей счёл, что довольно уже раздражил красно-зелёных. Плох тот, кто, взявшись ворошить гнездо земляных ос, упустит мгновение, отмеренное для бегства. Шамарган — и куда только подевалась недавняя хромота? — стрелой кинулся через двор, продолжая на ходу теребить струны.

Ему едино — зло, добро...
И, что б ни пело нам священство, —
Своей лишь занято игрой,
Плывёт сквозь время Совершенство.

Хоть вечный век Ему молись,
Ни с чем останешься в итоге...
И поневоле брезжит мысль:
«А для чего такие Боги?»

Старший жрец бежал заметно проворней других, и, что гораздо важнее прыти, в каждом его движении чувствовалась непреклонная решимость схватить беглеца. Волкодав нимало не удивился бы, скажи ему кто, что в до прихода в Дом Близнецов этот малый был воином. Наёмничал скорее всего... Последние несколько десятилетий в храмах Близнецов весьма жаловали опытных воителей. Как будто на эту веру ещё продолжались гонения или сами божественные Братья нуждались в оружии смертных!.. Волкодав знал, что спрашивать об этом Учеников и тем более спорить с ними было бесполезно. Зря ли утверждала аррантская мудрость, что переспорить жреца не удалось ещё никому.

Последняя красно-зелёная спина мелькнула за воротами дворика и пропала в уличной темноте. Только слышались топот и перекличка удалявшихся голосов.

«И шум, и крик, и лай ищеек жутких...» Нынче венн соби-
рался улечься пораньше, чтобы как следует выспаться перед
дальней дорогой. Так бы он, наверное, и поступил, предоставив
богохульника его собственной, честно заработанной участи, —
тем более заработанной, что лицедей зацепил не столько Пред-
вечного и Нерождённого, сколько жрецов, приветивших увеч-
ного старика... Однако тут выяснилось, что своим срамослови-
ем Шамарган выкопал себе слишком уж обширную и глубокую
яму. Дерево узнают по плодам!.. Стоило запеть — и уже не один
Волкодав, но добрый десяток посетителей «Матушки Ежихи»
тотчас признал песнопевца. И вот теперь, когда поднялся шум
и началась погоня, люди горохом посыпались из харчевни на-
ружу.

— Он это! Он!.. Который Клеща!.. Ножиком!..

— Куда побежал?

— Лови!..

— В куль, да в воду!..

— Старейшину кто-нибудь позовите!

— Собак, собак надо!.. Уйдёт!..

— Где Мордаш? Мордаша пускай приведут!..

Волкодаву сразу не понравился выкрик насчёт куля и воды.
Что верно, то верно, парень был кругом виноват. Ведь без шу-
ток замахивался на старейшину. Как есть убил бы, если б не
помешали ему. И от жрецов заслужил колотушек, не по-хоро-
шему отплатив за добро. Но... Ведь не дошло ж до убийства. А
на месте Учеников Волкодав за Шамарганом и гоняться бы не
стал. Глупо это, наказывать невежу и нечестивца, который, если
хорошенько подумать, сам себе наказание...

Однако по всему погосту уже лаяли псы, и привычное ухо
венна различало между всеми голосами низкий рык Морда-
ша. Кобель старейшины был признанным вожаком; за три дня
Волкодав успел довольно послушаться от Клеща о свирепос-
ти, тонком чутье и силе надворного стража. О том, как Мор-
даш встал один на один с вырвавшимся из хлева быком — и, с
налёта ударив грудью, сшиб злое животное на колени. О том,

как далеко в лесу сломал ногу парень, решивший набрать дикого мёда и свалившийся с дерева. Так бы, наверное, до сих пор и горевали о нём, — не сумей опять же Мордаш разобрать след, оставленный двое суток назад... О том наконец, как раза два в год Клещ отправлялся в Тин-Вилену проведать старых друзей, и, когда они вместе усаживались промочить горло в уютной корчме, он, не понаслышке зная проворство рук тин-виленских карманников, неизменно пристёгивал свой кошелёк Мордашу на ошейник. И не было случая, чтобы ворьё отваживалось стибрить хоть грошик...

И вот теперь этот любимец двух маленьких девочек должен был возглавить ловчую стаю, снаряжённую по Шамарганову душу рассерженными и хмельными людьми. Которые, поймав, в самом деле нимало не задумаются впихнуть лицедея вместе с его арфой в мешок да отправить в болото. Либо вовсе собаками затравить. К утру, когда глянет с небес справедливое Око Богов, опамытуются, а толку?..

Ещё собак, того гляди, с горя вешать начнут, словно те будут в чём виноваты. У людей ведь это в обычае, — не самим, право, шалопутную голову в петлю совать...

Волкодав поймал себя на том, что думает о людях несколько со стороны. Это был знак.

Он сунул появившейся служаночке коробку с дорожными хлебцами, которую всё ещё держал в руках:

— Побереги, красавица. Я вернусь.

И следом за всеми убежал на тёмную улицу — туда, где шумела, набирая разгон, охота за лицедеем. Шаг, ещё шаг, и остался позади отблеск светильников, вынесенных во дворик. Зато светила луна, и венн успел обеспокоиться, не заметит ли девушка довольно странную тень, следовавшую за ним по земле. Ещё не хватало, — объясняться потом. Известно же, люди мало кого ненавидят так, как тех, перед кем сами в чём-то виновны. В том числе давнюю, незаслуженно забытую родню. Тех, кто, в отличие от большинства, ещё не разучился говорить с лесом на его родном языке...

Ему повезло. Служанка, только вышедшая из ярко освещённой харчевни, ничего необычного не разглядела. Ушей Волкодава достиг её напутственный крик:

– Поймай его, господин, уж ты его всенепременно поймай!..

Беглеца настигли в двух верстах от Овечьего Брода, там, где заросшие лесом холмы неожиданно расступались, окаймляя большое клюквенное болото. Осенью по торфяникам без труда можно будет спокойно ходить, собирая вкусную ягоду; лишь посередине так и останутся чернеть бездонные окна-бочаги, к которым лучше близко не подбираться. Но теперь, весной, недавно сошедший снег сбежал в низину сотнями больших и маленьких ручейков, трясина опасно взбухла и сделалась непроходима. С вечера похолодало, над топью плотными белыми куделями распростёрся туман. Неосязаемый ветерок шевелил густые белые пряди, заставлял их клубиться, перетекать, тянуться щупальцами на сушу...

С той стороны, что была всего ближе к погосту, берег выдавался в болото длинным мысом, не заросшим деревьями. Только на самом конце, у края воды, ветвился буйный ольшаник. К нему вела единственная тропинка, проложенная охотниками до морошки и клюквы; по ней-то теперь бежал во все лапки Шамарган, решивший, будто обнаружил верный путь через болото.

Ну как есть дурак, размышлял Волкодав, понемногу обходя пробиравшуюся лесом погоню. Нет бы честь честью спел жрецам песню-другую, отблагодарил за доброе обхождение и вечерю... а чуток погода умыкнул тихонечко свою арфу, небось достало бы сноровки. Чего ради было их до белого каления доводить и весь погост кверху дном переворачивать? А уж коли дерзок неумеренно и на рожон обязательно желаешь переть, что же загода не разведал как следует, куда улупётывать станешь?..

Ему самому тропа была не нужна. Краем мыса, где надёжная земля уступала место мокрому кочковатнику, он далеко обогнал Шамаргана и вперёд него достиг густой чащи ольхо-

вых кустов. Беглый лицедей ничего не увидел — в лицо светила луна — и ничего не услышал за хрипом собственного дыхания. Да, в общем-то, особо и нечего ему было видеть и слышать. Не только волки умеют незримо пробираться по лесу, когда того пожелают.

Первыми из лесу на открытое место выбрались псы. Они, конечно, легко покинули бы сзади людей, куда менее поворотливых в ночном лесу, и, пожалуй, давно взяли бы добычу, — но поводок Мордаша крепко держал старейшина Клещ, а забегать вперёд жоака никто не дерзал.

Мордаш тянул хозяина за собой, вскинув голову и возбуждённо приподняв висячие уши. Ему не было нужды приникать носом к земле: Шамарган проложил для него в ночном воздухе целый большак, широкий и очевидный, словно дорога, упирающаяся в ворота селения. Позади старейшины поспешал жрец, тот самый, старший из четверых, явивший воинскую повадку. Теперь он осторожничал и заметно берёт правую руку, наспех обмотанную повязкой, отброшенной от двуцветного одеяния. Ещё у околицы, недовольный медлительностью хромого Клеща, Ученик Близицеов попробовал было перенять у него поводок Мордаша. За что немедленно и поплатился. Ощутив на ремне незнакомую руку, кобель тотчас вознамерился её откусить. И откусил бы напрочь, — не прикрикни хозяин.

А за собаками и двумя предводителями следовала добрая половина мужчин Овечьего Брода. Иные — с факелами либо масляными светильниками, норовившими погаснуть от быстрой ходьбы. Иные с палками, с ножами, готовыми выскочить из поясных ножен. Иные — просто с кулаками наготове. Чуть не весь погост, исполчившийся на одного человека. Что останется то него, когда поймают? Мокрое место удастся ли отыскать?..

Остались позади последние клюковатые, измельчавшие деревца, погоня вышла на мыс. Полная луна светила так ярко, что были различимы даже цвета. И резкой тенью виднелся впереди

силуэт бегущего человека, изготовившегося нырнуть в густые кусты. Собаки сразу залаяли вдвое уверенней и веселей, люди торжествующе закричали. Беглый лицедей, сам себя загнавший в ловушку, вот-вот должен был попасться.

Каким именно образом следовало его наказать, ни Ученики Близнецов, ни жители погоста толком поразмыслить времени не имели. И, наверное, всё получилось бы именно так, как в подобных случаях чаще всего и бывает. Отчаянное сопротивление угодившего в тупик беглеца — десятки рук, норовящих за что попало его ухватить — рьяное чувство собственной правоты — кровь на траве и камнях, много крови на ладонях и лицах людей, на мордах озлобленных псов — мокрое хлюпанье под ногами и опускающимися палками — неподвижное тело, переставшее вскрикивать от пинков и ударов... а потом — мучительное протрезвление и невозможность посмотреть друг дружке в глаза. «За что ж мы его...»

Но — не случилось. К большому счастью для жителей Овечьего Брода, хотя им довелось это счастье осознать далеко не всем и не сразу.

Они увидели, как Шамарган с разгону нырнул в ольховники, где, как им было отлично известно, узенькая тропа огибала валун и прямиком ныряла в непроглядную полую воду. Вот махнули и стали успокаиваться лиственные ветки, серебряные с чёрным подбоем в свете луны. Минуло ещё мгновение...

...И из зарослей навстречу преследователям вышел большой зверь. Вышел не торопясь, уверенно и очень спокойно...

Бесстрашный Мордаш тотчас же замолк и остановился — так резко, что старейшина Клещ с разгону налетел на него и даже ругнулся от неожиданности. Замолчали и другие собаки.

На пути погони стоял пёс. Громадный кобель невиданной в Шо-Ситайне породы, остроухий, похожий на очень крупного волка, вот только от этого пса не помня себя разбежалась бы любая стая волков.

И поистине было отчего вздрогнуть поджилкам. Луна смотрела ему в спину, но обитатели погоста после божились — и

лезли в драку с теми, кто не желал немедленно верить, — что пёсьи глаза явственно светились. Однако светились не обычными бирюзовыми звериными огоньками и подавно не отражали факельный свет. Жуткий зверь отнюдь ещё не подошёл близко, но люди разглядели со сверхъестественной отчётливостью, что...

— Оборотень, — первым ахнул старейшина Клещ. И выронил поводок Мордаша, дабы осенить себя знаком Бога Коней и призвать на помощь Его чудодейственные копыта.

— Оборотень... оборотень!!! — вздохом ужаса пронеслось над толпой, выбиравшейся из леска-кочерёжника у склонов холма.

И этого вздоха оказалось более чем достаточно.

Люди, не очень-то смущавшиеся перед лицом подобных себе и подавно не привыкшие пятиться от свирепых зверей, удирали безо всякого порядка и чести, не памятуя, что, может быть, покидают на съедение лютому чудищу тех, кого только вчера обещались братски любить.

Красно-зелёный жрец с белым пятном вместо лица слепосшиб с ног хромого старейшину: завидев беглеца, бывший наёмник посунулся было вперёд, а теперь попросту не разбирал и не видел перед собой ничего, кроме спасительной тропы обратно в селение. И помнить не помнил ни о воинских навыках, ни о своём сани... ни о святом символе Разделённого Круга, которого, как ему было отлично известно, должна была как огня сторониться всякая нечисть. О священном хорошо рассуждать за надёжными храмовыми стенами, под присмотром благих образов. А у берега ночного болота, где клубами переползает туман, где жутко таращится в глаза та самая нечисть, таращится и нисколько не собирается куда-либо пропадать, — поди-ка!..

...И только верный Мордаш точно врытый встал над упавшим хозяином, готовый, если понадобится, собой закрывать его от всех зол и опасностей мира.

Клещ едва-едва нашарил отлетевший костыль, ухватился для опоры за ошейник кобеля и начал вставать, когда его под-

держала неизвестно откуда протянувшаяся рука, и, вскинувшись, старик обнаружил подле себя своего гостя.

— Вот видишь, почтенный старейшина, — сказал Волкодав. — Говорил я тебе, к сторонним людям без Мордаша лучше не выходи... Убедился теперь? А туда же, ещё спорил со мной.

Он улыбался. Летучая мышь сидела у него на плече и была чем-то весьма недовольна — беспрестанно шипела, норовя укунить хозяина за ухо. Ни дать ни взять сердилась, что не дали поучаствовать в какой-то весёлой забаве.

Присутствие рядом живого человека и, того паче, тёплая пёсья шерсть под рукой быстро разгоняли пелену потустороннего ужаса. Клещ метнул глазами в сторону ольшаников. Там никого не было. И всё-таки он еле совладал с прыгавшей челюстью:

— Этот... оборотень... Где?

— Не знаю, — сказал Волкодав. — Убежал, наверное. Народу-то, да с огнём!.. Пойдём, почтенный. А то внучки уже плачут, поди, — куда дедушка подевался...

Много позже, размышляя о происшедшем в ту ночь, старейшина Клещ сделает удивительную догадку. Он задумается о необъяснимом почтении, которое оказал прохожему человеку суровый Мордаш, никогда — ни прежде, ни после — не лебезивший перед чужими. Он вспомнит, как шёл с этим человеком по лесу и тот, не разыскивая тропы, вёл его к дому уверенно и спокойно, как будто зряч был в потёмках. Даже не споткнулся ни единого раза и ему, хромцу, не позволил. Тогда-то старейшина сопоставит необъяснимое с прозванием гостя — Волкодав — и поймёт наконец, от какого такого пса-оборотня в действительности удирали обитатели Овечьего Брода, а с ними жрецы.

Он ни с кем не поделится своим запоздалым открытием, но люди заметят, что в повадке старого Клеща прибавилось изрядно лукавства.

Вот только будет это ещё очень, очень нескоро...

У хранителя библиотечного чертога тин-виленского крепостного храма всё не убывало забот. Можно подумать, мало было ему язычника с рожей висельника и противоестественной тягой к чтению книг, что три года нарушал уединение хранилища мудрости, без конца разыскивая что-то на полках. Да ещё эта мерзкая летучая мышь, что повсюду сопровождала его и то паялилась из темноты, то устраивалась спать где-нибудь под потолком!!! Хранитель так и ждал, чтобы крылатая тварь однажды вознамерилась отведать его крови или, что ещё хуже, осквернила драгоценные фолианты. Некоторым чудом ни того, ни другого так и не произошло, — не иначе, благодаря заступничеству Младшего, милосердного покровителя знаний...

Когда варвар наконец распрощался и сказал, что более не придёт, хранитель вздохнул было с облегчением. Наконец-то и сам он, и его безмолвные подопечные, мерцавшие разноцветными корешками вдоль стен, обретали долгожданный покой! Мысленно он даже успел нарисовать себе эту упоительную картину. Благолепная тишина... новые книги в ящичках и пакетах, которые он привносит в тщательно хранимые списки, а потом каждую с бережным почтением водворяет на причитающееся место на полках... пушистый веничек из перьев для ежедневного обметания пыли — хотя какая тут пыль, в недрах крепости, вдалеке от каких-либо окон, под тяжёлым каменным сводом... Как прежде, будет изредка приходить Хономер, приводить с собой одного-двух жрецов Внешнего Круга — молодых, в одеяниях из серой ткани, чуть тронутый зелёным и красным. И те, едва смея дышать от благоговения, будут делать для Избранного Ученика какие-то выписки. А потом на цыпочках удаляться. И опять — безлюдье и торжественная тишина, единственно приличная, по мнению хранителя, для чертога овеществлённой премудрости, и вновь ничто не нарушает векового молчания книжных сокровищ...

Всё правильно! Но на другой же день после того, когда варвар долистал наконец книгу Кимнота Звездознатца и, как обе-

шал, избавил библиотечный чертог от своего назойливого присутствия, — хранитель поймал себя на том, что беспрестанно косится в дальний угол комнаты. Туда, где по-прежнему стоял дубовый, на века сработанный стол, а на нём... более не горела свеча, вставленная, дабы не капал воск, в широкий и пузатый, точно кружка, подсвечник. Стоило на мгновение задуматься, отвлечься — и в ничем не нарушаемой тишине начинал мерещиться исходивший оттуда, из угла, шорох страниц, изредка хмыканье, постукивание ногтя по твёрдому дереву, как бывало, когда наглый варвар вычитывал в книгах нечто, представлявшееся ему сомнительным...

«Да что мне, недостаёт его, что ли?..»

Вот так исполнялась для хранителя его заветная мечта последних трёх лет. Ну разве не насмешка судьбы?..

А ещё через несколько дней к нему явились... эти. Два оборота. Саккаремец и халисунец. Было похоже, они люто ненавидели один другого. Но на хранителя оба смотрели так, словно вышли на казнь и ему предстояло быть палачом.

— Святы Близнецы, чтимые в трёх мирах... — поздоровались они вразнобой.

— И Отец Их, Предвечный и Нерождённый, — подозрительно отозвался хранитель. — Зачем пожаловали?

— Книгу надо, — мрачно отрезал саккаремец. И замолчал, словно книга была на свете одна-разъединственная и хранитель по этому слову обязан был немедленно принести требуемое.

— Зелхата. Мельсинского, — уточнил халисунец. И добавил, явно желая поддеть своего хмурого спутника: — Про Великий Халисун и всё такое.

Саккаремец покосился на него, словно собираясь немедленно удавить. Однако промолчал.

— «Созерцание истории Саккаремской державы, равно как и сопредельных народов, великих и малых»... — привычно поправил хранитель. Он помнил все книги, доверенные его попечению: и где какая стояла, и как выглядела, и кто написал. Он строго осведомился: — Кто разрешил?

— Наставник, — ответствовали обормоты.

Хранитель невольно подумал об Избранном Ученике Хономере. Однако стоявшие перед ним парни настолько не походили на взыскующих жреческого сана, что он спохватился и понял: варвар!.. Вот кого следовало благодарить!..

Ему даже помстилось, будто тот беззвучно явился из потёмок хранилища и встал за спинами унотов, кривясь в насмешливой ухмылке... «За что караете, справедливые Братья?..» От расстройства хранитель не заспорил с горе-книжечьями, не попытался выжить их, как когда-то Волкодава, из чертога познания. Просто вынес парням творение вольнодумного учителя шадов и... почему-то нимало не удивился, когда они облюбовали тот же вековой стол в углу, хотя он был не единственный. Затешили свечку...

Халисунец Бергай с обречённым видом придвинул к себе книгу, взглядом оценил её толщину — и горестно застонал про себя. Но всё-таки решился и открыл. На самой первой странице. Долго хмурился, вглядываясь в полужнакомые письмена чужой грамоты. Потом вполголоса, медленно прочитал несколько слов. Опять надолго умолк, с силой прижимая пальцем строку, словно та собиралась от него уползти...

Саккаремец Сурмал, даже в столь скромных пределах грамоту не постигший, поначалу молча злорадствовал, наслаждаясь страданиями наследного недруга. Вслух он, конечно, не говорил ничего, потому что тогда бы они неминуемо снова сцепились — и столь же неминуемо были бы отлучены новым Наставником от кан-киро уже навсегда. Но, оказывается, бездеятельное блаженство очень даже способно приесться. Весьма скоро Сурмалу надоело слушать, как Бергай мучительно медленно разбирает слово за словом. Надоело и втихомолку потешаться над ошибками, которые тот совершал. К тому же читал Бергай так, что Сурмал не мог связать услышанное воедино и вообще понять, о чём идёт речь. «О Богиня Милосердная, Хранящая-в-битвах!.. Почему этот скудоумный корпит и потеет, коверкая

нашу благородную речь, а мне даже и того не позволено?.. Правду же бабушка говорила: со скуки — хоть меледу* в руки...»

Да, по какой-то причине бывший Наставник решил обойтись с ним гораздо суровее, чем с Бергаем!.. Мыслимо ли дожить, не спятив, какое там до конца книжищи, но хотя бы до завершения первой страницы?.. Сурмал подпёр голову руками и принялся рассматривать неровности потолка, который камелотёсы не стали ни выглаживать начисто, ни тем более красить, сохранив суровость природной скалы. С потолка взгляд саккаремца переключался на книжные полки. Сурмал вглядывался в резьбу, старался проследить ход древесных волокон... Потом и это занятие утомило его.

Хранителю чертога некогда было присматривать за обормотами. Он сидел на своём месте и по обыкновению занимался делом: вязал новую метёлочку для обметания несуществующей пыли. Он любовно соорудил пушистый султан, пристально следя, чтобы изгибы всех пёрышек были направлены в разные стороны, и теперь тщательно, виток за витком, приматывал полувившуюся кисть к длинной струганой палочке.

Внезапный вопль, непристойный и невозможный в многолетней тишине библиотеки, заставил хранителя испуганно подскочить, выронив недоделанный веник. Нитка развилась — белые перья полетели в разные стороны.

— Убью!.. — вопил взбешённый халисунец. — Катись в свои плавни, пиявка болотная!.. И можешь дрыхнуть там хоть до второго Камня-с-Небес!.. Если только и его не проспшишь!..

Саккаремец, успевший, оказывается, поникнуть на стол головой и начать тихонько посапывать, недоумённо тарашил глаза. Кажется, он не особенно понимал, где это он и отчего столько крику. Но вот его взгляд прояснился. И тотчас вспыхнул опасным огоньком.

Хранитель, семена, подошёл к обормотам и легонько стукнул осиротевшей палочкой по голове сперва одного, потом дру-

* *Меледа* — бесконечное и бессмысленное занятие.

гого. Дюжие парни, готовые кинуться в драку, замерли и установились на сухонького старичка.

— Тихо! — воздел палец хранитель. И пригрозил: — Будете галдеть — выгоню!

Но вот что странно: приводить в исполнение эту угрозу ему не хотелось. Совсем не хотелось.

Они ещё посопели, продолжая ненавидяще смотреть друг на дружку... Потом всё же уселись. Бергай снова придвинул книгу, которой в запальчивости едва не треснул Сурмала по голове. Нашёл пальцем строчку, на которой остановился. Разобрал несколько слов, объединённых общностью смысла. Перевёл про себя. Вполголоса выцедил вслух — медленно, запинаясь. И свирепо прошипел, обращаясь к Сурмалу:

— Повтори!..

В этот день свечка на их столе долго не гасла. И на другой день, и на третий. Хранитель проверял списки книг, протирал тряпочкой вощёное дерево полок... и радовался неизвестно чему.

*Рассуждали поэты о чести... Читали стихи,
Высекавшие искры из самых бессовестных душ.
Были песни свободны от всякой словесной трухи
И на жертвенный подвиг немедленно звали к тому ж.*

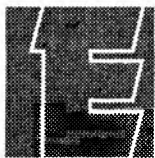
*Лишь один опоздал поучаствовать в их торжестве.
А когда появился — заплакал: «Не дайте пропасть!
Я по злобе людской без вины обвинён в воровстве...
Поручитесь, прошу вас, что я неспособен украсть!*

*Среди белого дня надо мной разразилась гроза!
Неужели позволите, братья, втоптать меня в прах?..»
Но молчали поэты и лишь отводили глаза:
Ведь у каждого только одна голова на плечах.*

*Нет, конечно, любой обвинённого издавна знал.
И стихами его восхищался, и был ему друг.
И, конечно, никто не поверил, что этот — украл.
Но чужая душа, как известно, — потёмки: а вдруг?..*

*Уходили поэты, спокойствие духа храня,
Отвернувшись от слёз: пусть во всём разберётся судья!
Им ещё предстояло назавтра стихи сочинять
О величии дружбы, о «жизни за други своя»...*

6. Светоч негасимый

если бы всё происходило согласно задуманному, совершаясь ровно так, как мы себе предначертали, и в тот срок, который мы загодя установили, — жить на белом свете было бы, может, и менее интересно. Но зато — существенно проще.

Волкодав намеревался покинуть Овечий Брод спозаранку, как, в общем-то, надлежит всякому доброму путешественнику. Хорошо пускаться в дорогу утром: и день — длинный весенний день — весь впереди и весь твой, и Око Богов взирает с небес ясное и умытое, ещё не затуманенное созерцанием людских горестей и неправд... Напрасно ли у него дома тому, кто желал залучить в гости удачу, советовали пораньше вставать?

Однако после ночной беготни и жуткой встречи возле болота никто в погосте даже не помышлял высовываться из дому прежде надёжного солнечного восхода. И даже потом — с весьма изрядной осторожностью: мало ли что!.. Волей-неволей пришлось Волкодаву чуть не до полудня сидеть во дворе у старейшины, расчёсывая конской щёткой ластившегося к нему Мордаша. И только когда божественная упряжка вывезла солнце к высшей точке небес и Овечий Брод начал опасливо шевелиться — венн окончательно распростился с хозяином и хозяйкой. Вскинул на спину мешок, где помимо прочего лежали в узорном берестяном коробке неусыхаемые дорожные хлебцы, — и

теми же воротами покинул пределы погоста. Старейшина провожал его, держа в руках уздечку. Здесь верили: всё, что имеет отношение к лошади, любезно могучему Богу Коней, а значит, обладает способностью изгонять зло.

Дошагав до росстаней, Волкодав оставил по левую руку уже пройденную дорогу и пустился направо. Овечий Брод, как явствовало из его названия, стоял над речушкой; дорога плавно огибала тын и сразу начинала спускаться вниз, к журчащей воде. Осенью здесь действительно прогоняли овечьи стада, и дорога была прорезана в высоком песчаном обрыве, чтобы животным и людям не приходилось одолевать крутизну. Сыпучий песок тёк вниз с обочин, становившихся всё выше. Он обнажал корни сосен, и они корявыми пальцами торчали наружу, сясь удерживать ненадёжную ускользящую опору.

А вот речка, открывшаяся Волкодаву внизу, мало соответствовала мощи обрыва. Белый ручей, через который венну доводилось прыгать в облике пса, и тот был полноводней. А эта речушка, гордо именовавшаяся Порубежной, на самом деле представляла собой скопище луж, дремотно перетекавших одна в другую. Квакали проснувшиеся лягушки, торчали обломанные прошлогодние камыши... Русло загромождали стволы упавших деревьев, сучья и мусор, принесённый полой водой, а пойма была сущее болото, густо заросшее местным отродьем ракитника... Наверное, где-то выше понемногу задыхались родники, питавшие Порубежную. Или обрушился такой же песчаный склон, где не смогли более удержаться даже цепкие сосны, — и усмирил в своих тяжких объятиях некогда норовистую реку, через которую в давние времена был разведан единственный брод.

Теперь этот брод сохранился только в названии погоста. Нынче на его месте речку можно было перейти, вовсе не замочив ног: от берега до берега ещё сто лет назад перекинули мост. И перекрывал он даже не говорливый проток из одной лужи в другую, а всё пойменное болотце. И длиной-то был всего в десяток мужских широких шагов...

Тем не менее границы следует уважать, ибо некогда жадая, может быть, разделяла миры. И Волкодав перешёл мостик, не посмеявшись над нынешним ничтожеством Порубежной.

Перешёл — и двинулся дальше.

Туда, где, отгороженное обширным лесом и последними складками предгорий, лежало Захолмье.

По своим первоначальным прикидкам он должен был выйти к озёрам ещё четыре дня назад.

Его путешествие, можно сказать, толком не успело начаться, а он уже сильно сбился с распорядка, вроде бы очень тщательно высчитанного. Что же в этом хорошего? Волкодав отлично помнил, как они с Эврихом прикидывали свой путь к Тилорнову островку и назад, — и по всему выходило, что вернуться они должны были ещё до конца лета. И ведь денег — в точности как теперь — было достаточно. И дорога известна. Тоже в точности как теперь. А на деле времени минуло?..

И Волкодав шёл очень быстро, стараясь наверстать случившуюся задержку. И мысленно обещал себе впредь, насколько это от него будет зависеть, подобного не допускать. Чтобы потом снова не пришлось качать головой, вспоминая собственное корпение над картой: «отсюда досюда... а потом ещё отсюда досюда...» — и всё только для того, чтобы как из худого мешка посыпались всякие непредвиденные случайности и наконец — бац! — все расчёты прахом пошли.

Нет уж! Ничего у меня прахом на этот раз не пойдёт. Всё будет по-моему. И Панкела найду, и на Ракушечном берегу побываю, и в Беловодье вернусь...

Волкодав очень хорошо представлял себе знакомый дом, возле которого подрастали, превращались из прутиков в справные деревца молоденькие яблоньки. Там ждали венна друзья. Тилорн, Ниилит, мастер Варох с внучком Зуйко... Может быть — Эврих, если только непоседа-аррант не отправился в новое путешествие...

Вот только, спрашивается, чего ради я туда так бегу?..

Всякий раз, когда Волкодаву доводилось некоторое время ночевать не абы где, а под дружеским кровом, у людей, которые располагали его к себе и сами, кажется, успевали за что-то его полюбить, он помимо воли начинал примериваться к этому дому, мысленно прикидывая: а смог бы я здесь жить? В смысле, не на месяц и не на два, — на всю жизнь задержаться? Каждый день выходить из этих дверей, видеть перед собой это поле и огород? С этими людьми глазами встречаться?..

Иногда он был уверен, что нет. Иногда ему казалось, что смог бы.

Ну а в Галираде беловодском? Чего ради я туда не чуя ног тороплюсь? Кому я там особо-то нужен?.. Уж прямо не обойдётся?..

То, что собственноручно выстроенная изба в Беловодье тоже никогда не станет для него домом, Волкодав понимал совершенно отчётливо. Да, там обрадуются ему. И он обрадуется, ступив на порог. Да, там ему всегда найдётся место под кровом и за столом. Но это — не ДОМ.

Дом... Как же ясно он видел его. Яблони в цвету, клонящие розовые ветви на тёплую дерновую крышу. Пушистый серый пёс, дремлющий на залитом предвечерним солнцем крыльце. Дорожка между кустами малины, утоптанная босыми ногами детей. И женщина, выходящая из дому на крыльцо. Эта женщина прекрасна, потому что любима. Она вытирает мокрые руки вышитым полотенцем и зовёт ужинать мужчину, колющего дрова...

Его женщина. Его дети. Где они? Где их искать?

Встретит он их на этом свете — или поймёт наконец, что взлелеял пустую мечту?..

Почти семь лет он тешился мыслью, что женщина будет облачена в красно-синюю понёву с узором, означающим, что она взяла мужа из рода Серого Пса. Но, когда возле веси Пятнистых Оленей выросла новая кузница и девушка-славница стала по вечерам относить мастеру ужин, — Волкодав понял, что и тут ошибался...

Незачем больше являться туда в пёсьем обличье, позволявшем ему отыскивать Оленюшку, где бы она ни была. Незачем и в человеческом облике приходить, как он собирался после возвращения в Беловодье. Чего ради зря беспокоить тех, кому ты не нужен?..

Но тогда — куда?

Или, может, я до того уже пропитался пылью дорожной, что вовсе утратил способность корни пускать? Так и буду странствовать неизвестно зачем, точно перекаати-поле, ветром гонимое, пока где-нибудь в землю не лягу?..

Всякого человека время от времени посещают горькие мысли о бесполезности прожитой жизни и о тщете дальнейших усилий, и Волкодав не был исключением. И он давно понял: подобные думы — не от благих Богов, любящих Своих земных чад. Случается, светлые Боги ниспосылают и сомнения, и совестные зазрения — чтобы одумался человек и свернул с неправой дороги на правую. Бывает, неслухов Они и наказывают, но наказывают по-родительски, без жестокости, только вразумления ради. А вот так — зря уродовать душу, отнимая волю и силы? Нет. Не от Них это. Это нащёптывают холод и смерть, и грех человеку подолгу вслушиваться в их голоса. Не то можно додуматься до чего-нибудь вовсе уже не потребного. Вроде того, например, что всякий младенец, только-только родившись, тем самым уже начинает неостановимое движение к смерти, а значит, всё тщетно — и стремления, и свершения, и любовь...

Нет уж! Гнать следует подобные мысли, пока не дали они ядовитых ростков.

Надо исполнить то, что когда-то ещё себе положил. Побывать на Тилорновом островке. Достичь Беловодья...

А там посмотрим.

После мостика через Порубежную дорога пошла на подъём, и Волкодав прибавил шаг, усилием тела выжигая в себе все неподобные мысли. Вечером он устроит привал. И вытащит из

мешка баснословную книгу. О чужом мире и приключениях тамошних Богов, чьи имена всё никак не укладывались у него в памяти.

Это тоже помогает гнать от себя ядоносные мысли...

На излёте ярильных ночей, когда наступает пора умеривать благое любострастие и возвращаться на обычные жизненные круги, молодые венны — а с ними и люди зрелые, но не избывшие в душе задора и озорства, — предаются бесчиниям.

Если лукавые игры девчонок и парней возле костров можно назвать отрицанием повседневных любовных обычаев, но таким отрицанием, которое на самом деле их подтверждает, — так и бесчиния суть временный отказ от всего, что в обычные дни направляет поведения человека. И, конечно, отказ этот совершается не затем, чтобы хоть немного отдохнуть от опостылевших установлений. Нет! Скорее ради того, чтобы доказать и себе самим, и всем, способным увидеть, — какая воцарится неразбериха, если праматеринские, прадедовские установления окажутся однажды отринуты. В самом деле, это что же получится, если венны, испокон веку не страдавшие от покраж, позабудут разницу между своим и чужим? Если, к примеру, усомнятся, где следует хранить кормилицу-соху: то ли в сарае, то ли на крыше избы?.. Да ещё и не своей, а соседской, потому что соседская показалась удобней?.. Если топоры начать складывать не где всегда, а в колодец? Если разобрать поленницу и заново воздвигнуть её на чьём-то крыльчке, прямёхонько перед дверью?..

И, так-то хозяйствуя на соседском дворе, ты отчётливо знаешь: в это самое время кто-нибудь натягивает у тебя над порогом верёвку. Чтобы никто не остался обойдённым весёлыми неожиданностями поутру. Или тихо, но тщательно конопатит входную дверь дома. Или, подманив простоквашей прожорливого кота, скармливает ему вместе с угощением нечто такое, отчего смирный мышелов начинает метаться как угорелый и завывать, словно ему наступили на хвост, и вот тут-то самое

время его запустить через дымовое отверстие в крыше большого общинного дома, чтобы он до утра радовал громкими песнями и полётами со стенки на стенку всех его обитателей. В том числе важную большуху, властную предводительницу рода, вольную — в обычное время — кого угодно хоть и за ухо взять...

Так поступают во всех веннских родах, и Зайцы каждую весну занимаются тем же.

Зайцы носят своё прозвание оттого, что когда-то давно их будущая праматерь, собирая грибы, забралась слишком далеко в чащу и оказалась на пути лесного пожара. И худо бы ей пришлось, не подоспей неизвестно откуда изрядный заяц-русак. Подскочил он к девушке — и повёл её прочь от беды, оглядываясь, останавливаясь и ожидая, пока она добежит. Повёл не туда, куда спасалось остальное зверьё, но она поверила. И открылось им малое озерко под защитой большой гранитной скалы, — десять таких пожаров пересидеть, волоса не опалив... А как отбуживал палючий огонь — тут-то заяц кинулся оземь, обернулся молодым статным мужчиной... С того пошёл род.

Все Зайчихи были от Богов благословлены многочадием, и потому селение Зайцев, раскинувшееся между обширными березняками и мелководной, но трудно застывавшей в морозы речкой по имени Крупец, было большим и богатым. Двое сиrot, брат и сестра, вышли к нему как раз в середине ночи: кузнец Шаршава — и Оленюшка, которую он продолжал называть этим именем, хотя она больше вроде бы не имела на него права. «А что?! — убеждал Шаршава её и себя. — Меня ж вот щеглы не покинули, хотя я теперь как бы и не Щегол. И тебя ни один олень не отринет... что бы твоя матушка ни наговорила...»

Оленюшка только молча кивала. И покорно плелась за кузнецом, даже не очень спрашивая, куда ведёт. Нет, мать не прокляла её... хотя, кажется, лучше уж прокляла бы. Все знают, что такое проклятие. Особенно материнское. Справедливо наложенное, имеет оно великую и необоримую силу. Но, если так получилось, что ты сразу не упал и не умер, — превозмогай и борись! Ибо, значит, в самой проклявшей есть некий изъян и

переченье Правде, священной для людей и Богов... Очень редко — но всё же такое случается...

...Только мать Барсучиха не стала проклинать нерадивую младшую дочь. Она совсем ничего не стала ей говорить. Тихо заплакала и поникла на плечо мужу, и тот повёл её домой, всего раз оглянувшись на детище: вот, мол, до чего мать довела... дура никчёмная! Глядя на родителей, потянулись домой и старшие мужатые сёстры. Не будет в этом году у Оленей весёлого и яркого праздника, а там, чего доброго, ещё огороды скудно родят... и всему виной — кто?

Ну как противостоять, как противоборствовать, когда самые дорогие от тебя уходят, заплакав? Как тут безо всякого проклятия не упасть наземь и не умереть просто от невозможности дальше жить — с этим?.. Оленюшка весьма смутно помнила, что было потом. Она, может, вправду свалилась бы замертво, или что над собой учинила, или глупостей натворила — век расхлёбывать, не расхлебаешь... спасибо Шаршаве. Кузнец обнял новую сестрёнку, пошёл с нею, ничего не соображающей, прочь: «Тут уж так... Или покориться надобно было, а не возмogli — всё, назад нету дороги, незачем и пытаться мосты обратно мостить...»

И только ласная родня — пятнистые олени вышли к бывшей родственнице, вышли там, где знакомая тропка превращалась уже в незнакомую, и долго провожали, и принимались, и тыкались ласковыми носами, не в силах уразуметь, что ж такое произошло и зачем убиваться и горевать, когда плывёт над миром столь радостная, ясная и тёплая ночь...

Сестрице Оленюшке долго было совсем безразлично, куда ведёт её братец Шаршава. Но даже от наихудшего горя нельзя без конца плакать, и постепенно она проморгалась от слёз, а проморгавшись, увидела: они с кузнецом держали путь к северо-востоку. Когда же в утренних сумерках Шаршава усадил её, изнемогшую от сердечной тоски, на полянке и стал разводить костерок, а на ветку над его головой опустил и зачирикал о чём-то шегол, названный братец как бы смущённо пояснил: «За-

юшку проведать хочу... Поздорову ли она там — полтора года не виделись...»

Оленюшка только кивнула. Ибо сама не имела никакого понятия, куда им на самом деле теперь следовало податься. Оба они с Шаршавой, как явствовало, очень хорошо знали, чего НЕ ХОТЯТ. Это было просто. А вот чего они ХОТЕЛИ? Куда собирались пойти, где дневать-ночевать, как всей жизнью своей дальнейшей распорядиться?..

И не получится ли, что грядущие тяготы перевесят нынешний сердечный порыв, и по прошествии времени начнут они оба друг дружку горько винить: «...И зачем только понадобилось выходить из родительской воли!.. жили б нынче, как все добрые люди, под своим кровом, при святом очажном огне... экое дело, муж-жена не тот, о ком по молодости, по глупости возмечталось!.. хуже беда на свете бывает — к примеру, так-то вот одиночество безродное мыкать...»

Жуткая картина с такой ясностью поднялась перед мысленным взором, что Оленюшка, наново разревевшись, тотчас же всё как есть вывалила Шаршаве. Дело женское известное, расскажешь кому, что душу грызёт, тут сразу и полегла. Молодой кузнец, выслушав, поднёс разогреваться к огню блины, намотанные на прутики: «Правильно мне отец говорил: пока сам на плечи не поднимешь, почём знать, какую ношу сдюжишь, какую нет... Ты не гадай, не мучайся понапрасну. Вот к Зайцам придём, всяко мороку поубавится. Хоть присоветуют что...»

И не спеша отгроились от жизни ещё три дня и три ночи, и вот оно, большое, зажиточное огнище Зайцев. Сестрица и братец шли берегом быстрого Крупца, там, где березняки близко подступали к обрывистой круче. Шли, особенно не таясь, но стараясь и попусту не мозолить глаза, и Оленюшка тоскливо прислушивалась к биению угасавшей в сердце надежды. Нет, Шаршаве она не хотела ничего говорить, но сама знала: стоит Зайцам разглядеть, кто вышел из леса, — и их с Шаршавой не пустят на порог. Его — потому, что Зайцы со Щеглами вправду небольшие друзья. Её... потому, что дурища неприкаянная, сво-

его рода бесчестье. Потому, что со Щеглом вместе пришла. Да просто потому, что, коли Шаршаву погонят, она — хоть и приглашать будут — без него гостевать не останется...

Однако чему быть, того не минуешь. Заячья весь придвигалась всё ближе, и уже было видно, что бесчиния там были в самом разгаре. Во всяком случае, ворота, коим в обычное время полагалось стоять не просто закрытыми, но ещё заложёнными изнутри брусом, — ворота зияли во всю ширину, не возбраняя дороги ни конным, ни пешим. Да не просто были распахнуты! — вовсе сняты, и десяток, не меньше, парней и девок как раз тащили их пускать по реке. Ещё несколько Зайчат торжественно несли чучело, облачённое в женскую одежду. Можно было биться об заклад, что наряд утащили из праздничного сундука государыни большухи, всеми в роду уважаемой и любимой. Сейчас чучело насадят на шест, шест укрепят на плоту — и счастливый путь по реченьке вниз!.. Потом наступит трезвое утро, время поправлять и собирать всё, что ныне размечут во хмелю весёлых бесчиний. Никуда не денешься, придётся разыскивать уплывшие по речке ворота, по колено в воде тащить их назад и ставить на законное место... если прежде плот не поймают соседи-Белки да не потребуют выкупа. И все одёжки большухины будут выстираны и возвращены в старинный сундук. И ежели почтенная предводительница обнаружит некую убыль и крепко надерёт два-три уха — значит, так тому и следует быть.

Но это — после! Это — наутро! Сейчас же никто думать не думает о последствиях — даже о неизбежных, не говоря уже о возможных. Ибо способность и обязанность их предвидеть отменена вместе с прочими каждодневными правилами жизни. Так водилось при пращурах, живших ещё прежде самого первого Зайца, так будет и впредь. Потому что жизнь идёт своим чередом, сменяются поколения, и каждое должно уяснить, чем кончается дело, если творить что ни пожелаешь, без рассуждения о завтрашнем дне.

Подумав так, Оленюшка усмотрела в смешливых лиходействах Зайчат ещё один горький намёк на собственное своё бес-

чинное поведение... и запечалилась по новой. Будь у неё в спутницах девка, как есть обнялись бы да восплакали одна у другой на плече, по вечному женскому обыкновению сиясь смыть горе-кручину. Но, к счастью, Шаршава был парнем, вовсе не склонным, как и большинство его братьев, заливаться бесплодными слезами, как раз когда жизнь вызывает к немедленным действиям. И кузнец высмотрел: пока молодые Зайцы, тихо ликуя, собирали чучело предводительницы в путешествие на плоту, — ворота, вернее, разверстый проход в селение стоял совсем без пригляда.

— За мной! Быстренько!.. — шепнул Шаршава Оленюшке. Она замялась, сиясь что-то сообразить, и тогда он просто ухватил её за руку и повлёк за собой.

Мало кем замеченные, они проскочили ворота... То есть, ясно, в их сторону кто-то да поворачивался, но пристально не всмотрелся ни один приметчивый глаз. Шастают и шастают себе двое опричь остальных, кому какое дело? Не все же до одного на берегу собрались...

Это, кстати, было воистину так. Проникнув вовнутрь и тихонько юркнув перевести дух за угол какой-то клетки, брат с сестрицей заметили на другом конце двора некую тень. Согнувшись в три погибели и опасливо ожидая шагов изнутри, вихрастый Зайчишка чем-то сосредоточенно обмазывал хозяйскую дверь. Может, чужую, где обитал сверстник, недавно отвесивший тумачов в родственной потасовке... а не исключено, что и родительскую, то бишь завтра утречком самому велят отмыывать... Уловив запах, распространявшийся по двору, Оленюшка поневоле принялась — и, как ни была напряжена замученная душа, неожиданно для себя самой громко прыснула смехом. Шкодливей Зайишка окунал мочальную кисть в ведёрко, полное... свежего, отменно вонючего свиного дерьма.

Смех Оленюшки прозвучал до того внезапно, что вздрогнул даже Шаршава. А юный пачкун, боявшийся быть застигнутым, подскочил и, выплеснув себе на резвые ножки не менее половины ведёрка, с придуренным, воистину заячьим писком

бросился наутёк. Судя по голосу, это была девчонка, переодевшаяся пареньком. И что уж её привело именно к этой двери — оставалось только гадать. Быть может, девичья зависть?..

И, уж конечно, стремительно исчезнувшей Зайке было вовсе не до того, чтобы рассматривать спугнувших её и определять в них чужаков, без спросу и приглашения проникших внутрь тына.

— Ну вот, — хмыкнул Шаршава. — Прав я был, когда говорил: надо к Зайцам идти. Видишь, только пришли, а ты уже улыбаешься.

И потянул сестрёнку прочь, пока из-за осквернённых дверей в самом деле не выглянули хозяева.

Шаршава никогда раньше здесь не был и понятия не имел, где следовало искать подругу сердечную. Только то, что её не нашлось на реке, среди выкрикивавших весёлые непристойности вслед качавшемуся плоту. Это Шаршава углядел сразу, ибо ведал, что признает милую Заюшку хоть за версту, — ночь не ночь! Оттого и в деревню сунуться не побоялся, даже зная, что здесь запросто может нарваться на драку. Но где дальше-то подругу разыскивать, в каком доме, в которой клетке?.. Больно уж велико селение Зайцев, это не маленькие веси Барсуков или Оленей — один-два больших дома, кругом десяток поменьше...

Долго отчаиваться Шаршаве не пришлось. Уже миновало то краткое время, когда солнечная колесница светила только исподней стороне мира, наделяя весеннюю ночь относительной темнотой. Проснулись и подали голоса птицы, и выручать кузнеца снова подоспел весёлый щегол. Краснолобый птах взялся перелетать с угла на угол, с крыши на крышу, мелькая жёлтыми полосками на чёрных крыльях и кося блестящей бусинкой глаза на поспевавших за ним людей. И только потом чирикнул и пропал. Не сердайте, дескать, но дальше вы уж как-нибудь сами, дальше я вам не помощник. Не по силёнкам работа!

Шаршава, могучий кузнец, чуть за сердце не схватился, услышав негромко звучащий впереди голосок... ЕЁ голосок!..

Задохнулся, прислонился к бревенчатой амбарной стене... Заюшка пела колыбельную, ласковую и грустную. Вот, стало быть, отчего и в бесчиниях не участвовала. Выбрала укромный уголок — и укачивала чьё-то дитя. Ибо так было заповедано Зайцам от самого Прародителя: что бы с матерью родившей ни стало — а детям неприсмотренными не бывать...

Оленюшка обошла заробевшего побратима и первая осторожно выглянула из-за угла. Она по собственной воле назвала Шаршаву братом, а не женихом и не усматривала в Заюшке соперницы. Было лишь понятное любопытство: да какова ж она, та, из-за которой Шаршава на неё, суженую-ряженую родителями, глянуть не мог иначе как на сестру?..

Едва высунувшись, Оленюшка тотчас поняла, отчего убрался восвояси звонкий щегол. Перед нею открылся уютный маленький дворик, тихий и солнечный днём, да и ночью казавшийся продолжением тёплого домашнего мира. Тут было устроено нечто вроде гнезда, сплетённого из жгутов толстой, пухлой соломы, — ни ветерок не задует, ни зябкий предутренний холод не подобрётся. Летний ночлег для молодой матери, которой может понадобиться вынести наружу не ко времени заплакавшее дитя.

И Оленюшка увидела юную женщину, баюкавшую двойню. Одна девочка, накормленная, уже смотрела беспечальные младенческие сны. Вторая ещё копошилась, ещё лакомила молоком.

Вот тебе, стало быть, Шаршава, и подруга сердечная... Оленюшке сказать бы про это кузнецу, тихо маявшемуся за углом. Не сказала. Вовсе позабыла и про названного братца, и про Заюшку с малыми дочками... Засмотрелась на того, кто оберегал их покой.

В своём печище, среди родни, молодой матери, ясно, некого было опасаться. Самое худшее — потревожат случайно. Но нынче даже и занятая бесчиниями, пути-дороги не разбирающая молодёжь навряд ли ввалилась бы сюда с криком и шумом и разбудила детей. Потому что между соломенным гнездом и

единственным входом во дворик, опустив на лапы тяжёлую голову, лежал большой пёс.

Но не просто — большой! Не какой-нибудь мохнатый тюфяк: хочешь обходи, хочешь поверху перешагивай, он ухом не поведёт! Этот пёс был из тех, мимо которых незнакомые люди ходят на цыпочках, — кабы не подумал худого да не прогневался, костей ведь не соберёшь. Настоящий волкодав хороших, старых веннских кровей. Каждый, кто гостил у лесного народа, видал подобных собак. Много всякого можно о них порассказать, а можно упомянуть только одно. С таким псом венны маленьких девочек отпускают на дальние ягодники, за полдня пути. И не бывало ни единого разу, чтобы зверь или злой человек обидел дитя!

Оленюшке даже помстилось — тот самый был пёс, что носил на ошейнике её хрустальную бусину... Потом, конечно, всмотрелась и поняла: нет, не тот. Оленюшкин пёс из давней мечты ему был бы великим и почитаемым вожаком. Старшим братом, если не дядькой. А в остальном — ну такой ли справный кобель! Он сразу учуял таившихся за углом, но, прекрасно умея отличить злонамеренных чужих от простых незнакомцев, не бросился с рыком, не поспешил прогонять. Просто поднялся и, сдержанно покачивая пышным хвостом, отправился проверять, кто таковы, зачем припожаловали. Оленюшка обрадовалась ему и, опустившись на корточки, протянула раскрытые руки. Подойдя, пёс принюхался... и ни дать ни взять уловил некую тень запаха, коей мечена была эта девчонка. *Своя!.. Наша!..* И уже больше ничто не сдерживало собачьей любви. Свирепый кобель уткнулся ей носом в колени, привалился плечом и заурчал, как замурлыкал. Оленюшка стала разбирать колючую гриву, почёсывать широкий, шире человеческого, лоб...

— Ты кто, дёвица?.. — подала голос изумлённо смотревшая Заюшка.

— Я-то кто — неважно, — был ответ. — Ты, молодница, посмотри лучше, кого я тебе привела!

И только тут вышел, показался на глаза Шаршава Щегол.

Заюшка ахнула, всхлипнула, уронила наземь меховое тёплое одеяло. Кузнец шёл к ней медленно, как во сне, только глаза вбирали и впитывали: её лицо, памятное, любимое, милое... одна доченька — у груди, вторая уснула... а наряд — почти девичий, в украшениях счастливого материнства... но без каких-либо знаков о роде-племени мужа...

Вот Шаршава приблизился — и опустил перед Заюшкой на оба колена.

— Светоч мой... — сказал он тихо. — Светоч мой негасимый... — И, пока юная женщина силилась найти какие-то слова для ответа, распустил завязки мешка, размотал тряпицу, вытащил и утвердил в плотной плетёной соломе кованый светоч-светец: пушистая заюшка, заслушавшаяся песни щегла. — Вот... Тебе сделал, тебе нёс, возьми.

— Шаршава... — Кажется, она впервые за долгое время вслух выговорила его имя и примерилась к тому, как оно выговаривалось. Потом притянула плотней трёхмесячных девочек: — Любый мой... Вот... О прошлом годе пошла я... Тебя велели забыть... А я тебя всё искала... да не нашла...

Кузнец даже застонал про себя. Ну нет бы ему год назад, в такие же праздники, на несколько дней из дому сбежать да застигнуть милую Заюшку у ярильных костров!.. Сам мог бы теперь хвалиться отцовством — и поди кто оспорь его жениховское право, какие бы нелады ни водились между Зайцами и Щеглами!.. Но не сбежал и не застиг. Тоже родителям покорствовал. И тоже пытался забыть. Вот только по-разному у женщин и мужчин это забывание получается...

— Он... кто? — совсем тихо спросил кузнец.

Заюшка только головой замотала:

— Не знаю, не видела более... да и тогда в глаза не смотрела, имени не выпрашивала!

Тут Шаршава обнял и её и дочурок и обратился к сонным малышам:

— Вот как, значит... Ну что? Были просто Зайки... Щегловнами теперь назовётесь?

Говорил он очень тихо — от лишних ушей, а быстрая мысль уже рисовала ему обжитый шалаш в весеннем лесу и рядом почти готовую избу: он ли да не прокормит, он ли да не выстроит дом себе, сестре и жене!.. Шаршава уже собирался всё рассказать Заюшке и склонить её тайно уйти с ними прямо сейчас, пока не услышали люди и даже сторож-пёс знай себе млеет, наслаждаясь ласками Оленюшки...

И вот тут, совсем неожиданно, рядом с ними отворилась дверь дома, и на пороге появился статный мужчина.

— Батюшка, — ахнула молодая мать. И ещё крепче ухватилась за кузнеца.

Оленюшка и пёс, успевший по-щенячьи перед нею раскинуться, только молча смотрели.

Сделалось понятно, каким образом мужчина услышал и понял еле внятные шёпоты, звучавшие за стеной. Он неестественно высоко держал голову, устремляя взгляд к небесам. Сын рода Лосей, чьи косы украшал теперь заячий мех, был слеп от рождения. Слеп, но не безрук и не глуп. Его жениховским подарком невесте стала дюжина корзинок несравненного изящества и красоты, и сватовство увечного парня не оказалось отвергнуто. Благодаря его мастерству Зайцы и теперь привозили на ярмарки удивительные корзины и короба, которые, даже купив, никому, хоть он лопни, не удалось ещё повторить. А и как повторишь, к примеру, заплочный кошель, сплетённый из полосок берёсты до того плотно, что в нём хоть воду носи — ни капли не выльется?..

Заюшкин отец стоял на пороге, не придерживаясь за знакомый косяк, и, казалось, в подробностях видел всё происходившее во дворе.

— Что ж ты, дочка, — с укоризною проговорил он наконец, — гостей в дом не ведёшь? И Шаршаву своего, и деву-разумницу, перед которой твой пёс уже в земле спиной дырку протёр?..

Весенние ночи здесь, в северном Шо-Ситайне, были далеко не такими светлыми, как на родине Волкодава. Спасибо и на

том, что обычные для здешних мест весенние непогоды дали себе временную передышку. Какова бы ни была привычка к походу — а не самое весёлое дело шагать под бесконечным холодным дождём, неотвратимо проникающим сквозь любую одежду!.. Гораздо лучше, когда над головой горит солнце, летят высокие облака или, вот как теперь, сплетаются знакомыми узорами звёзды...

Волкодаву никто не устанавливал сроков. Он их установил себе сам. И оттого четыре дня задержки особенно раздражали его. *Значит, положил и не смог? Стар, что ли, становлюсь? Неспособен?..* Умом он понимал, что поступает глупо, но рядом не было Эвриха, способного прямо в глаза назвать его самодуром, — и Волкодав гнал себя безо всякой пощады, словно навёрстывание этих четырёх дней было его главной жизненной целью. То есть примерно так же, как когда-то, когда они с аррантом пробирались нехожеными тропками Засечного кряжа. Ел на ходу, спал урывками — и шагал, шагал вперёд...

Между прочим, ему крепко казалось, будто каждая пройденная верста что-то выжигала в нём, что-то очень плохое. Наверное, гадостную хворь, привязавшуюся в Тин-Вилене. Во всяком случае, приступы мерзкого нездоровья его посещали всё реже.

...Эту ночь, как и все предыдущие, Волкодав провёл в пути. Ему нравилось идти ночью, потому что страха перед темнотой, присущего большинству обычных людей, для него не существовало. Давно минули времена, когда в мальчишестве они доказывали свою смелость, без костра ночуя в лесу. Темнота непроницаема для обычных людских глаз, она таит непонятное и неведомое, а человеку свойственно населять непонятное всем, чего он боится. К Волкодаву это не относилось. Он обладал ночным зрением, даром праотца Пса. Да и страхи видел такие, с которыми вряд ли способны были тягаться порождения обыкновенной лесной темноты.

А когда уходит боязнь, остаётся любование красотой.

Так человек, несущий в душе страх перед змеями, убежит не разбирая дороги не то что от гадюки — от безобидного поло-

за или ужа. Тот же, кто не боится, памятуя, что змея не нападёт первой, если не злить, — zalюбуется плетёным пёстрым рисунком на чешуйчатых гадючьих боках...

Ночь всегда казалась Волкодаву временем мудрого созерцания. Днём можно рассмотреть каждый листок, каждую песчинку, каждый стебелёк травы и копошащихся между ними букашек. Ночь затеняет мелочные подробности и заливае тьмой пестроту зелени и цветов, позволяя видеть лишь общие очертания... в которых тем не менее отчётливее, чем днём, проявляется тайная суть. День — работник и хлопотун, день полон насущных забот, которые именно поэтому и называются повседневными. Ночь никуда не спешит и не думает о мелочах. Ночь созерцает, заглядывая за внешнюю сторону вещей. День — ярк, сообразителен и умён. Ночь — мудра. Днём над миром светящимся куполом горит синева, и оттого кажется, что ничего нет главнее этой земли и тебя на ней, и солнце вершит свой круг в небесах единственно затем, чтобы озарять поле твоих трудов. Ночью в небе зажигаются мириады звёзд... а если верить страннику, бывавшему там, наверху, — каждая звезда есть солнце своего мира. И делается ясно, что ты бредёшь по поверхности пылинки, летящей в просторах необъятной Вселенной. Вселенной, для которой вся твоя жизнь с её счастьем, печальми и страстями — мимолётней, чем для тебя самого — жизнь бабочки-однодневки. Миг столь краткий, что его заметить-то мудрено...

Луна стояла высоко и светила ярк. Волкодав всё оглядывался на неё. Дорога, уже начавшая огибать холмы, вела его на северо-запад, так что луна светила путнику в спину, а по земле впереди Волкодава невесомо скользила плотная тень. Мыш то возвращался на плечо венну, то улeтал разбойничать в лес и, по своему обыкновению, больше безобразил, чем охотился: то тут, то там раздавались вскрики потревоженных птиц. Волкодав прислушивался к голосам ночи, силясь сообразить, чего же среди них не хватало. И наконец понял: соловья. В весеннем лесу перекликались ночные птицы, знакомые и незнакомые. Но того,

единственного между всеми, голоса с его пощёлкиванием, неповторимыми коленцами и вроде бы негромкими, однако очень далеко слышными трелями — не было.

Почему-то в Шо-Ситайне совсем не водились соловьи...

А луну окружали облака, вернее сказать, рябая облачная пена, медленно плывшая в бездонной чаше небес. Свет луны куда мягче солнечного, способного растворить своей мощью тонкую и нежную ткань небесных покровов. Лунные лучи играли в серебряном кружеве, распространяясь во все стороны от круглого лика светила, и казалось, будто удивительный ветер мчался по кругу, вовлекая небесную пену в гигантский облачный хоровод...

У нас помнят о Великой Ночи, длившейся тридцать лет и три года. Это было время беды. Звери выходили из заваленных снегом лесов к человеческому жилью, просились в тепло... Но если задуматься: а лучше было бы, если бы на тридцать лет и три года установился Великий День? И яркий солнечный свет не ведал бы перерыва?.. И не было бы ни ночного отдыха, ни зимнего сна? Лучше?.. Вот уж не знаю...

В Тин-Вилене и других больших городах обитали люди, которые ночёвку в лесу, вдали от привычного крова, почли бы если не суровым испытанием, то по крайней мере чем-то из ряда вон выходящим, — и сделали бы всё от них зависевшее, чтобы только отгородиться от жуткого и непривычного леса, и от темноты, и от лунного света. Некогда Волкодав про себя осудил бы их, да ещё посмеялся втихомолку — вот, мол, она, несправедливость городской жизни!.. С тех пор он, к счастью, успел поумнеть и понять: праведность бывает разная. Взять, к примеру, переписчиков книг, без которых библиотечному хранителю в Хономеровой крепости нечего было бы хранить. Или Улойхо, маленького горбатого ювелира, что не вылезал из-за верстачка, создавая вещи дивного вдохновения и красоты... Зачем подобным людям ещё и уметь разводить костёр под дождём? Пусть лучше занимаются своим делом. А такие, как Волкодав, будут заниматься своим...

Луна медленно опустилась за горизонт. Темнота на некоторое время сделалась гуще, но потом начала постепенно редеть. С востока подходил новый день. Сначала в сплошной стене леса проявились отдельные кусты и деревья. Затем чёрно-серая пелена ночи истончилась и стала отчётливо синеватой, и в ней мало-помалу возникли цвета. Зелень молодых листьев и хвой, медная окалина сосновых стволов, желтоватые плешины песка... Волкодав вдохнул предутренний ветерок, уловил в нём прозрачную струну, несшую дыхание водной шири, и понял, что сейчас выйдет к озеру.

Его народ, испокон века живший в лесах, называл озеро озером оттого, что среди плотной чащи только на берегу водоёма можно было охватить взглядом, *обозреть* открытое пространство, увидеть над собой небо не сжатым малахитовыми глыбами древесных вершин, а распахнутым во всю ширину. Дорога торопилась мимо озера; лишь короткий отводок сворачивал прямо к берегу, и там, между редкими соснами, чернели пятна старых кострищ. Видно, здесь, на самой границе Озёрного края, любили останавливаться и одинокие путники вроде венна, и целые купеческие обозы. У Волкодава не было никакой настоятельной необходимости покидать тракт и спускаться к воде, но всё-таки он свернул вниз и вышел на берег, туда, где расступались береговые кусты и камыш, оставляя чистый песчаный обрывчик в три пяди высотой. Мыш, привыкший за несколько суток к постоянной спешке, проскочил было вдоль дороги вперёд, но скоро вернулся искать хозяина и, найдя, с укоризненным чириканием сел ему на плечо.

Из четырёх дней задержки, так необъяснимо раздражавших его, Волкодав успел наверстать два с половиной. И теперь не мог отделаться от ощущения, будто ступает по собственным следам, оставленным полтора суток назад, и что здесь, рядом с ним, стоит он-сам-должный, тот, кому надлежало пройти здесь вечером позавчерашнего дня.

Солнце ещё не выбралось из-за леса, но его лучи уже играли в облаках, медленно наплывавших с юго-востока, и этим зре-

лицем можно было бы любоваться до бесконечности, не будь оно столь мимолётно. Сколько бы песен ни слагали поэты о прощальном пиршестве закатов, — на самом-то деле такого нарядного неба, как на рассвете, в другое время суток попросту не бывает. Может, всё дело в том, что рассвет призывает к новым усилиям, а значит, сулит исполнение чаяний и надежд, тогда как гаснувший закатный багрянец знаменует неизбежное расставание с чем-то, что дорого, и заставляет думать обо всём, чего не успели? Или всё просто оттого, что поэты просыпаются обычно к полудню, вечером же пьют вино и оттого руководствуются не действительностью, а больше плодами своего воображения, в то время как те, кому жизнь пахаря или охотника велит встречать рождение почти каждого нового дня, песен, как правило, не слагают?

Клочковатые облака сверкали снежной белизной макушек, ярким золотым румянцем обращённых к солнцу сторон и лилово-серыми тенями испода. Поверхность озера, отполированную ночным покоем, не тревожила ни рябь, поднятая дневным ветерком, ни круги от плеска кормящейся рыбы, ни даже неведомый след водомерки. Из воды прямо на глазах вырастали тончайшие нити тумана. Они густели и сплетались в пряди, ветер, неосязаемый для человеческой кожи, завивал их в кольца и табунками отправлял в путь, пряди соединялись в плотные клубы, то и дело напоминавшие смутные человеческие силуэты. Они собирались вместе, стекались и растекались, кружились в таинственном, медленном хороводе...

Давным-давно, много вёсен назад, в такое же утро маленький мальчик из рода Серого Пса ходил смотреть настоящую живую русалку на далёкое лесное озеро, так и называвшееся, — Русалочьим. Говорили, в старину там утопилась девушка, не возмогшая принять назначенного родителями жениха, и с тех пор, горько наученные, Псы возбрали потомкам неволить девичье сердце, а молодые невесты стали ходить к озеру советоваться с умершей от любви. Маленький мальчик, понятно, отправился туда не один, а с другом-кобелём, способным распознать и ото-

знать от двуногого побратима всякую опасность, откуда бы ни исходила она, — из мира духов или из мира людей. Мальчик встретил рассвет, сунув зябнувшие пальцы в шерсть спящей собаки. Русалка так и не показалась ему. Наверное, оттого, что он был хоть и будущим, но мужчиной. Мальчик не обиделся. Мало ли русалок на свете — а вот утренней зари, как тогда, он потом ещё долго не видел...

Круглое озеро было около версты в поперечнике. По ту сторону чёрным зубчатым тыном стоял лес, а из-за него, оплаывая своим огнём чеканные силуэты деревьев, медленно выбиралось солнце.

Волкодав поклонился ему: «Здравствуй, Прадед».

Ощутил на лице первые тёплые лучи и некоторое время молча стоял, прикрыв глаза и наслаждаясь дружеской лаской.

Потом посмотрел назад — туда, откуда пришёл.

Там, белея морозными пиками над зеленью лесистых холмов, возносился во всей своей славе величественный Заоблачный кряж. И даже оттуда, где стоял теперь Волкодав, можно было с лёгкостью различить знакомые горы: Потерянное Седло, Колесницу, Четыре Орла... Венн нащупал вязаное письмо итигулов, хранившееся в поясном кошелье. Очень скоро, может, даже завтра или послезавтра, для него начнётся быстрое путешествие на север. А это значит, что могучий горный хребет будет отодвигаться всё дальше, пока наконец не истает в прозрачных небесах, не превратится в облачную гряду и, наконец, не развеется окончательно.

И последним скроется из виду, растворится в голубом сиянии неба священный Харан Киир, одетый вечными льдами двуглавый исполин, называемый горцами Престолом Небес...

Венн, до смерти не любивший гор и всего, что было с ними связано, неожиданно ощутил, как кольнула душу тоска. Оттого ли, что на Заоблачном кряже жили друзья?.. Или просто привык за три года в Тин-Вилене каждый день, просыпаясь, видеть — кажется, руку протяни и достанешь — эти склоны, возносящиеся к утренним звёздам снежными остриями вер-

шин?.. Белые пики сквозь белую дымку цветущих яблоневых садов...

Да... Как все они сейчас далеко — люди, с которыми я нашёл бы, о чём поговорить... Мать Кендарат... Клочок Волк... Тилорн, Нишилт, Эврих...

Звёздный странник Тилорн когда-то рассказывал Волкодаву:

«Люди моего мира научились различать одиночество и уединение. Уединения вправе пожелать каждый. Достаточно лишь попросить, и тебя не будут попусту беспокоить. А вот вынужденное одиночество почитается нами за самое крошечное зло, и оттого каждый старается, чтобы оно по мере возможности было преодолено. Скверно это, когда человек жаждет поговорить с близким и не может, а то вовсе попадает в беду и не имеет средства даже сообщить о себе! Поэтому у нас ты всегда можешь окликнуть друга, живи он хоть за сто вёрст, хоть на другом материке, — и твой друг немедленно отзовётся...»

«Это как?»

«Ну... Представь себе две пустые коробочки, соединённые натянутой жилкой. Если поскрести по одной из коробочек, звук пройдёт по струне и отдастся в другой».

«Тянуть нить за сто вёрст...»

«Наши учёные сделали так, что струной служит самая ткань мироздания. Поэтому нет разницы, где именно ты находишься, сидишь дома или путешествуешь. Ты услышишь зов — и сам будешь услышан. — Тут Тилорн помолчал, а потом вздохнул и добавил: — Мне будет очень недоставать тебя, Волкодав...»

И мне тебя, чуть не сказал ему венн. Но многолетняя привычка к сдержанности пересилила, и он промолчал. А теперь спрашивал себя: и зачем ничего не сказал, пока возможность была?.. Хорошо им там, в мире говорящих коробочек, отзывающихся голосами друзей, и крылатых повозок, легко мчащихся с континента на континент. Можно уходить из дому и не бояться, что на несколько лет застрянешь где-нибудь в неизвестности, на отшибе от всех...

— Я вернусь в Беловодье, — проговорил он вслух, и Мыш вытянулся на плече, вопросительно заглядывая в глаза. Но Волкодав обращался не к нему. Он смотрел на рассветное солнце, ещё не ставшее ослепительным, и думал о том, что, быть может, негасимым светочем мира любовался сейчас и Тилорн, и иные, кто был дорог ему. Ведь где бы ни странствовал человек, небо и солнце над всеми одно. — Я вернусь. А дальше как быть — там разберёмся.

Тронулся с места и зашагал к дороге, более не оборачиваясь. Перед ним лежало Захолмье, и вечером он собирался достигнуть устья речки Потешки. И полагал, что до тех пор оставаться на отдых совершенно необязательно.

...А над священным Харан Кииром, чуть сбоку, плыла большая туча. Увидишь такую, и сразу делается очевидно, насколько происходящее в небесах величественнее и грознее всего, что может содеяться на земле. Может, для каких-то мелких тучек этот крик и вправду являлся Заоблачным, но не для этой! Туча не торопясь шествовала над хребтом, и с высоты небесных сфер, дававших опору её раскинутым крыльям, страшные пропасти и отвесные горные стены казались всего лишь морщеватостью на земном лице, кочками, присыпанными снежком. Срединная часть тучи была увенчана грозовой наковальней, и оттуда вниз, к горным склонам, неровным косым клином тянулись густые серые нити. В горах снова шёл снег.

Озеро, к которому Волкодав вышел под вечер, было гораздо обширнее первого. Оно тянулось, насколько венну было известно, далеко на восток и там соединялось несколькими длинными проранами с морем. Здешние жители строили прочные мореходные лодьи и путешествовали на них в Тин-Вилену, и поэтому название у озера было очень простое: Ковш.

И островов в нём было — как пельменей в глиняном кухонном ковше, когда хозяйка снимает его с печки и ставит на стол.

То, что, глядя с матёрой суши, несведущий человек посчитал бы противоположным берегом за нешироким проливом, на

самом деле оказывалось островом, да не одним, а целым их скопищем. Острова разделялись протоками, то полноводными, то совсем узкими, заросшими камышом. В одних ощущалось довольно отчётливое течение и среди россыпей подводных камней хорошо ловился судак, другие оборачивались затонами, чья тёмная гладь давала приют водяным лилиям и кувшинкам. И дно то представляло весёлым и ровным, песчаным, ясно видимым сквозь чистую воду, то обрывалось непроглядными ямами, то целило в лодочное днище камнями, коварно затаившимися под самой поверхностью, — заметишь, только когда уже поздно будет сворачивать...

И вот так — вёрсты и вёрсты. Всё разное, всё непохожее... и некоторым образом повторяющееся. Сунешься не зная, вполне можно заплутать. А ведь Ковш был всего лишь южным пограничьем обширного края, где суши и воды было хорошо если поровну и о котором никто не взялся бы с определённой сказать, что это на самом деле такое: одно сплошное озеро, разделённое пятнышками и полосками суши, или всё-таки материк, необычайно изобилующий водой?..

Не приходится сомневаться только в одном, размышлял Волкодав, вслушиваясь в шум и рокот близкой реки. Здешним жителям можно ни в коем случае не опасаться нашествия. Какой Гурцат сумеет заставить своё войско одолеть десять тысяч протов, какие сегваны смогут разобратся в десяти тысячах островов, а главное — чего ради?.. Воистину счастливый народ...

Подумав так, он в очередной раз поймал себя на том, что невольно облакает свои мысли в форму, сходную с присутствовавшими в книжных трудах. Примерно так, помнится, выражался Эврих, когда бросал на руку плащ и принимался размышлять вслух, точно сдушал его не дремучий варвар-венн, а вся школа немеркнувшего Силиона — сонмище мудрецов, облачённых в бело-зелёные одежды познания.

А что? Ещё чуть, и, глядишь, я сам начну книгу писать! Ведь даже у Салегрина с Зелхатом про Озёрный край достоверного почти ничего нет...

Волкодав попытался представить, как это он берёт в руки перо, добывает чернил и принимается марать добрые пергаментные листы... бесконечно ошибаясь, исправляя и чёркая, забегая назад и творя вставки о том и о сём, неизбежно забытом по ходу рассказа... Представил — и ощутил робость.

Вот Эврих, тот не робел. Умел как-то всё внутри себя по полочкам разложить... а потом сразу записать — и готово!

Следовало честно признать: существовали умения, о которых ему, Волкодаву, не стоило и помышлять.

Но, наверное, Эврих тоже с этим не родился?.. А стало быть, смогу научиться и я?..

Ответа не было.

И не будет — пока я не попробую...

Мысль не ведает удержу. Волкодав немедленно вообразил, как возвращается в Беловодье и этак небрежно выкладывает Эвриху толстую пачку исписанных листов: «Глянь вот. Это как я через Озёрный край путешествовал...»

Венн зримо представил, что за дивное выражение лица при этом сделается у арранта, — и его поневоле разобрал смех.

Петлявшая дорога тем временем уже несколько раз выводила его к руслу речки, в которой он уверенно узнал Потешку. Самое правильное название для потока, вынесшего на своём пути весь песок и пляшущего теперь на крутых лбах голых, до блеска отполированных валунов. Речка изобиловала борзинами-перекатами, где чуть не половина воды превращалась в белую пену и с весёлым рёвом падала вниз. То-то хлопотно здесь станет по осени, когда вернётся из морских странствий и пойдёт на нерест лосось и начнёт прыгать и плыть, бешено перевозмогая отвесные струи воды...

Люди редко строят себе дома при дороге, чтобы жить на отшибе. Мало ли кого принесёт ветром с пыльного тракта! Всегда легче, когда за спиной — многочисленная родня или, по крайней мере, соседи. Вот и Панкел Синий Лёд жил хотя опричь всех, но — на расстоянии нескольких поприщ от большого селения по ту сторону устья Потешки. Пока тишь да гладь, мож-

но ни с кем не иметь дела. А случись что — небось на крик о помощи сразу все прибегут.

Тхалет, Мааюн и Йарра (со слов отца) хвалили гостеприимство хозяина. Однако... Жилище Панкела Волкодаву не понравилось сразу и прочно.

То, что Панкел не был прирождённым озёрником, а предпочитал охотиться на матёрой суше, венн понял с первого взгляда. На кольях тына красовались черепа волков, медведей и оленей с лосями, не говоря уже о головках маленьких пушных зверьков. И уже это было непонятно и вселяло подспудную тревогу. Дома у Волкодава тоже вывешивали на забор черепа... Но — принадлежавшие лошадям, быкам и коровам, чтобы стороной обходила всякая скотья хворь. А чего ради поднимать на колья мёртвые головы диких зверей? Чтобы души убитых животных не пришли требовать справедливости?.. Но это могло означать только одно: хозяин двора охотился на них без чести и совести. Ставил жестокие ловушки, да ещё и не каждый день обходил их, так что, к примеру, волк, провалившийся в ловчую яму и повисший на кольях, по трое суток выл, умирая... а потом уходил на Небо жаловаться Старому Волку на беззаконие неправедного человека.

И к такому Панкелу молодые горцы обращали вязанное узлами письмо, испрашивая дружеской помощи побратиму, которого надлежало передавать «из рук в руки» через весь Озёрный край, от одного селения к другому, до самого Ракушечного берега?..

Нет, что-то тут всё же не то. Или за несколько лет, пока здесь последний раз бывали итигулы, многое переменялось, или я ничего не смыслю в здешних обычаях... что, конечно же, вероятней...

Из-за забора раздавался злой пёсий рык.

Волкодав прислушался и только покачал головой. Пёс ярился вовсе не на него. То есть о его присутствии перед воротами четвероногий страж вовсе не догадывался, но не из-за отсутствия бдительности и подавно не по причине плохого чутья:

просто был занят иным делом, гораздо более важным. А именно отваживал кого-то, слишком близко и слишком дерзко подбравшегося с палкой.

Волкодав постучал в ворота. Последовало мгновение тишины, а потом рычание и лай сразу переменились. Венн услышал шаги по двору — и узнал их, к некоторому своему удивлению... Вот стукнула отодвигаемая щеколда... Открылась калитка, и Волкодав оказался носом к носу с Шамарганом.

— Ты!.. — мгновенно исполнившись неприязни, выдохнул лицедей.

Ты!.. подумал венн, но вслух, понятное дело, сказал совершенно иное:

— Здравствуй, добрый человек... не знаю уж, как ты теперь себя называешь. У меня дело к господину этого двора, именуемому Панкелом.

— Заходи, — буркнул Шамарган так, словно имел полное право пускать кого-то или не пускать. Волкодав вошёл внутрь и бережно притворил за собою калитку.

Солнце катилось к закату, но давало ещё вполне достаточно света, чтобы рассмотреть Панкелов двор.

Дом стоял на высоком подклете. Не из страха перед весенними половодьями, их здесь, на берегах соединённого с морем Ковша, отроду не бывало. Просто ради защиты от сырости, неизбежно наползающей с озера. Амбары, также поднятые на сваях, чтобы верней сберегалось добро и съестные припасы... И — это-то в первую очередь притянуло к себе внимание Волкодава — под одним из амбаров обветшала пёсья конура. Ржавая цепь, протянувшаяся на две сажени... И пёс, когда-то давно, щенком ещё, посаженный на эту цепь. Да так с тех пор её ни разу и не покидавший.

Он был уже стар, этот кобель, в жизни своей не помнивший ни прогулок с хозяином, ни вольного бега и забав с красавицей сукой, вздумавшей поиграть. К нему не ластились щенки, он не знал, что такое ежи, выкатывающиеся перед носом на лесную тропинку, и лягушки, прыгающие от испуга выше черничных

кустов... Не знал, бедняга, вообще ничего, кроме ошейника, цепи и бревна, к которому цепь была притянута прочным железным пояском. Да конуры, где зимой отчаянно сквозило из всех щелей, а летом и вовсе житья не было из-за жары и расплодившихся насекомых. Да ещё запахов, прилетавших из далёкого и недостижимого мира за пределом забора...

И умел пёс только одно: бесновато лаять на всех, появлявшихся около двора или входивших во двор. В том числе — на хозяина, которого, правду сказать, сторожевой пёс ненавидел больше всякого чужака...

И мысли его, внятные Волкодаву, вполне соответствовали неизбывному сидению на цепи. Ничего общего с ясным разумом Мордаша или степного воина Тхваргхела, сопровождавшего кочевого вождя. Старый пёс не умствовал, не тянулся к чему-либо помимо насущного. Он даже не подозревал, есть ли что-то, к чему можно тянуться. *Пустая миска — где же Тот-кто-кормит — сожрать бы этого, дразнящего, — цепь коротка, не пускает — а это ещё кто во дворе появился?..*

Кобель не знал, что ему делать с сильным и неизведанным чувством, которое внушал странный чужак. И, вместо того, чтобы заходиться бешеным лаем, на всякий случай просто стоял и смотрел, напрягая, как мог, оплошавшие к старости, гноящиеся глаза.

— Панкела дома нету, — по-прежнему неприветливо проговорил Шамарган. — Нужен если, жди. Скоро придёт.

Волкодав кивнул и уселся на длинное бревно, лежавшее под стеной. Он не стал спрашивать, кем доводился беглый лицедей хозяину дома и почему считал возможным распоряжаться. Ему не было дела. Захотят, сами расскажут. А не захотят — ну и не надо.

Вот и положил я начало своему путешествию... Дай-то Боги, чтобы продолжение получилось не хуже!

На самом деле итигулы уверенно обещали, что после посещения гостеприимного Панкелова дома ему станет вовсе не о чем беспокоиться и всё пойдёт как по маслу, однако Волкодав

предпочитал не обольщаться. Приучен был, что слишком часто всё в жизни сворачивало не туда и не так, как он себе представлял. Да и на щедрого гостеприимца этот Панкел покамест что-то был не очень похож...

Насколько венн мог понять, Синий Лёд жил бобылём. Присутствия хозяйки не ощущалось нигде и ни в чём. Не думалось, что она ушла на озеро полоскать или засиделась у подружки, к которой заглянула по делу. Нет, женщины здесь попросту не было. Не было и детей. Грязноватый двор стоял неухоженным и угрюмым; там, где обитает хорошая семья, никогда не увидишь такого. *Случилось ли что у Панкела с тех пор, когда его последний раз видели горцы? Или это я начал слишком поспешно о людях судить?..*

Хозяин появился во дворе на закате — невысокий, кряжистый мужик с пронзительными, вечно прищуренными голубыми глазами и густой сединой в бороде и волосах. Волкодав так и не сумел определить, какого цвета была у него кожа — золотистая, присущая жителям Озёрного края, тёмно-медная, как у горцев и кочевников южных степей, или какая-то ещё. Выговор Панкела также не вносил особой определённости, а впрочем, какая разница, к какому народу он принадлежал?

Вместе с ним в калитку прошмыгнула ещё одна собачка. Пегий пёсик отнюдь не составлял гордости ни одного из собачьих племён. Низкорослый и криволапый, с телом норного охотника и несообразно большой, длинномордой головой, доставшейся от предка — овечьего пастуха, он был сущим уродцем. И далеко не храбрецом. Он боялся и хозяину под ноги угодить, и попасть под удар захлопывавшейся калитки. То и другое не вполне удалось ему. Створку калитки притягивал и ставил на место увесистый камень, оплетённый верёвочной сеткой. Предусмотрительно поджатый хвост кобелишка благополучно сберёг, но, судя по взвизгу, одной задней лапке всё же досталось. Коротко вскрикнув, пегий сразу умолк и метнулся в самый дальний угол двора. Знать, боялся дожидаться себе на загривок ещё худших неприятностей вроде пинка или метко пущенной пал-

ки. *Ну и Панкел, в который раз подумалось Волкодаву. Может, я всё-таки ошибся двором? Или вообще не в ту деревню забрёл?..*

Но нет. Панкел назвался и безо всякого удивления принял письмо, сплетённое итигулами. Пока Волкодав пытался вообразить, что за беда могла до такой степени изломать человека, что его начало бояться и ненавидеть собственное зверьё, Панкел не спеша, придирчиво осмотрел говорящие узлы и сказал:

— Хорошо. Всё сделаю, как они просят.

И ушёл в дом, скупно пообещав приготовить гостю ночлег. Некоторое время спустя Шамарган вынес кувшинчик кислого молока, ложку и хлеб:

— На вот. Подкрепись пока.

Волкодав не стал просить у него дополнительное блюдечко для Мыша. Он и так был не рад, что воспользовался письмом итигулов и явился сюда. Мог бы сам нанять лодку и проводника из местных, знакомого с лабиринтами Ковша...

Простокваша имела странноватый, но довольно приятный привкус: такой, словно в неё подмешали лесных орехов, растёртых в мелкую пыль. Волкодав оставил немного на дне горшочка для Мыша, улетевшего на озеро гонять вечернюю мошкарку, и лениво задумался, понравится ли такая простокваша зверьку.

Последние лучи неистово горели на вершинах деревьев, но вверх по стволам постепенно и неотвратно распространялась лиловая темнота. Среди баснословных книг, в разное время попадавших к Волкодаву, было несколько удивительно сходных, хотя написали их очень разные сочинители. Во всех этих книгах земной мир захватывали некие злые силы, причём захватывали удивительно внезапно и быстро, как будто все Светлые Боги и хорошие люди не то впали в спячку, не то полностью отупели. И вот последние носители Добра пробирались тайными тропами, попадая из одной передрыги в другую: реки старались их утопить, звери — сожрать, а горы — сбросить в бездонные пропасти. Не говоря уж о том, что каждый незнакомец, встреченный на пути, непременно оказывался предателем...

Сам Волкодав на своём веку видел от людей всякое. И не очень-то жаловал двуногое племя. Но чтобы все вот так поговорно готовы были предаться Злу?.. Словно всю жизнь только подходящего случая ждали?..

Сторожевой кобель лязгнул цепью и неприязненно заворчал: из дому появился Панкел. Хозяин двора сел на пороге и стал молча смотреть на Волкодава, словно ожидая чего-то.

— Я хотел бы отблагодарить тебя, господин мой, — сказал ему венн. — Если позволишь, я бы подновил конуру твоего пса.

Он боялся, что Панкел усмотрит в его предложении намёк на скверное хозяйствование и затаит обиду, но этого не случилось. Синий Лёд, казалось, сперва просто не понял, о чём говорил его гость. Но потом понял и фыркнул:

— Конуру?.. У тебя что, железные штаны с собой приготовлены?.. Прошлой осенью купцы ехали, один возчик на спор с кнутом к нему сунулся, так еле отбили!

— Значит, тем более незачем такому славному псу в разошедшейся конуре жить, — сказал Волкодав. — Может, дашь мне несколько досочек, если я смогу с ним поладить?

Шамарган, помнивший, как ластился к венну свирепый Мордаш, криво усмехнулся, но ничего не сказал, а Панкел досадливо отмахнулся:

— Если вправду поладишь, так хоть совсем его забирай. Я такого сторожа, который чужим готов руки лизать, всё равно не стану кормить.

Волкодав подумал о том, как отправится путешествовать дальше вдвоём со старой, ничему не обученной, но зато чудовищно злобной и всё ещё очень сильной собакой. Эта мысль позабавила и порадовала его. Он повернулся к Панкелу, желая поймать того на слове и пообещать, что завтра с утра непременно «попробует» мирно договориться с несчастным, озверевшим от цепной жизни собратом...

...И вот тут-то яркие краски догоравшего над лесом заката померкли сразу и полностью, словно смытые мутной серой водой. А потом серое начало столь же стремительно расслаивать-

ся на тускло-белые проблески и непроглядные, куда плотнее ночных, чёрные тени. Волкодав успел понять, что это произошло неспроста. Ореховый привкус ещё чувствовался во рту, только теперь он казался отвратительным и тошнотворным. И ещё было ясно, что нынешнее несчастье не рассеется ни само по себе, ни от прижимания руки к закрытым глазам, ни даже от вспышки яростного непокорства. А тело довершило начатое движение, и Волкодав, повернувшись к Панкелу, увидел направленный на него взгляд — пристальный, расчётливый и холодный. *Значит, и в крепости... тоже?..* Слишком поздно всколыхнувшееся чувство опасности всё-таки подсказало верный ответ. *Хономер?.. Всякий раз... понемножку... когда я там что-нибудь ел или пил...*

Панкел, кажется, ждал, чтобы его слишком доверчивый гость тихо осел наземь и безвольно обмяк, но ему суждено было весьма удивиться. Волкодав начал вставать. Тело никак не желало слушаться, ему хотелось свернуться калачиком на уютной тёплой земле и заснуть... крепко заснуть... но воля ещё жила, и тело было вынуждено подчиняться. Шаг. И ещё шаг. Как тяжело... *Нет. Никто не победит меня, пока я сам этого не признаю...* Земля качалась под ним, грозя совсем опрокинуться. «Держись, Волкодав, — шепнули издалека. — Держись, не умирай...»

И ещё шаг. Туда, где захлёбывался бешеным лаем, рвался с цепи сторожевой пёс.

Двое предателей видели, как венн неверными руками шарил у пояса. Неужели он ещё и оружие пытался достать?!

Панкел справился наконец с изумлением, подскочил к Волкодаву и намерился схватить. Шамарган, дёрнувшийся было с ним вместе, в последний миг передумал, остался стоять у двери — да и правильно сделал. Потому что человек, которому полагалось бы лежать бессмысленным мешком, если не вовсе испустить дух от лошадиной дозы отравы, сделал движение, и хозяин двора, странно хрюкнув, растянулся на земле. Волкодав продолжал идти. Ему казалось, он продирался сквозь сгустив-

шийся воздух, словно сквозь липкую болотную жижу, не дающую ни плыть, ни идти.

Синий Лёд!.. Я должен был сразу понять... Ни в какую полыню ты не проваливался, зато сам готов при случае продать... нету веры весеннему, набухшему влагой синему льду... просто тот, кто дал тебе это прозвище, обо всём догадался очень, очень давно...

Жаркое дыхание, вылетавшее из собачьей пасти, коснулось руки.

Помоги, брат!

Кобель буквально выл, до предела натягивая цепь, и так рвался навстречу, что сотрясался амбар, к свае которого была прикована цепь. Болотная жижа становилась всё гуще, тело совсем отказывалось повиноваться, и гаснущее сознание уже не могло его направлять. *Нет. Я не побеждён.* Волкодав сделал ещё шаг. И ещё.

Помоги, брат...

Спустя некоторое время Шамарган снова приоткрыл калитку и тихо посвистел в темноту. Почти сразу раздался такой же тихий ответ, потом прошуршали шаги, и во двор вошёл Избранный Ученик Хономер и с ним трое храмовых стражников, все как на подбор — кражистые, дюжие и неболтливые мужики, очень похожие между собой.

Их глазам предстало довольно странное зрелище. Волкодав неподвижно лежал на земле возле амбара, и над ним, глухо рокоча низким угрожающим рыком, стоял громадный всколоченный пёс. От его шеи к тяжёлой свае амбара змеилась ржавая цепь. Второй пёс — безобразная и бесформенная маленькая дворняжка — робко обнюхивал откинутую руку венна.

А поближе к дому скрючился вниз лицом хозяин двора — Панкел Синий Лёд, и было нечто в его позе, внятно говорящее — не просто человек прилёг отдохнуть.

Хономер брезгливо осведомился:

— Они что, моё снадобье пополам съели?

Перед своими стражниками он мог не таиться. Это были верные люди, три родных брата-сегвана, далеко не первый раз помогавшие жрецу во всяких особых делах, не нуждавшихся в громкой огласке. Он приблизил их к себе несколько лет назад, и с тех пор они сопровождали его во всех путешествиях, да и в крепости жили наособицу, *кроме* всех остальных. За это их мало-помалу стали называть *Хономеровыми кромешниками*.

Самый младший из них нагнулся над Панкелом, перевернул неестественно податливое тело и выпрямился:

— У него шея сломана, господин Избранный Ученик.

— И поделом, — скривился Хономер. — Нечего гостя отравой потчевать. Заберите второго. А ты, — это относилось уже к Шамаргану, — поди пригони лодку.

Кромешники и лицедей молча повиновались. Однако «забрать второго» оказалось гораздо проще приказать, чем исполнить. Для начала навстречу вооружённым мужчинам взвился крылатый чёрный зверёк, сидевший, оказывается, на груди Волкодава, и в неверном факельном свете на миг померещилось — вылетела душа!.. Мыш бросился в битву с жутким криком, полным такого яростного отчаяния, что стражники невольно подались в стороны, отмахиваясь от зубастого летуна. Мыш был в самом деле полон решимости умереть прямо здесь и сейчас, но никому не дать прикоснуться к неподвижному Волкодаву. Бой был слишком неравным, не по силёнкам маленькому зверьку. Но в это время кобелёк-дворняжка вытянул что-то из окостеневшей руки венна и, схватив в зубы, опрометью кинулся с этим чем-то к калитке. Хладнокровно наблюдавший Хономер запустил в пёсика камнем. И попал: раздался болезненный визг, кобелишка перекувырнулся через голову и выронил свою добычу. Хономер подошёл и наклонился поднять. Свёрток не свёрток, тряпка не тряпка — впотьмах поди разбери...

Его пальцы уже смыкались на растрёпанном лоскутке, когда через двор с леденящим кровь визгом метнулась летучая тень, и в мякоть ладони с силой впилося сразу двадцать острых зубов. Случилось это так неожиданно, что Хономер закричал от

боли и невольного испуга, самым неподобающим образом залясал на месте и замахал рукой, пытаясь стряхнуть вцепившуюся мёртвой хваткой мерзкую тварь. Чёрная шерсть Мыша стояла дыбом, отчего он казался вдвое больше, чем был, когтистые крылья полосовали воздух, глаза горели, как раскалённые угли, он захлёбывался свирепым криком, и было очевидно: если он разожмёт челюсти, то лишь для того, чтобы выдрать Хономеру глаза.

Жрец был далеко не труслив, но ему стало попросту страшно. Кто угодно дрогнет перед лицом существа, напроочь отказавшегося дорожить своей жизнью, и дело тут вовсе не в его размерах и силе, — будь то загнанная в угол крыса или кошка, защищающая котят. Ну а Мыша даже в самом благодушном его настроении отнюдь не всякий отважился бы погладить. И Хономер бестолково топтался, вскрикивая и не решаясь пустить в ход вторую руку, только прикрывая ею лицо...

...Пока на помощь не подоспел один из кромешников и не хлестнул влившегося Мыша пустым мешком, очень кстати валившимся на земле.

Но зверёк, как оказалось, даже в боевом исступлении очень хорошо видел, что происходило вокруг. Он не стал дожидаться, пока его собьют, — сам разжал пасть и легко вильнул прочь, так что навозная труха, разлетевшаяся из мешка и густо обсыпавшая Хомера, даже не запорошила ему крыльев...

А пока длилась его схватка с Избранным Учеником, кобелёк-дворяжка подхватил то, что его заставили выронить, и на трёх ногах шашнул к калитке. Так совпало, что уже выходявший в неё Шамарган оглянулся на внезапные крики Хомера и невольно приостановился, держа створку рукой. Пёсик собрал все силы и пегой стрелой вылетел вон, прошмыгнув у лицедея между босыми ногами. И понёсся прочь со всей быстротой, на которую были способны его кривые короткие лапки.

Позади него нарастал утробный рык старого пса, насмерть вставшего над Вожаком. Он, этот пёс, прожил жалкую и одинокую жизнь, которую жизнью-то в полном смысле называть было

засорно, потому что тянулась она без внятного смысла, без любви, без радостного служения. И вот наступали последние мгновения этой не-жизни; пёс отчётливо понимал, что уже не увидит нового дня. Но это было неважно. Он не собирался поджигать хвост и прятаться в конуру, продлевая паскудное существование. Он смотрел на троих крошечников, медленно подходивших к нему, и впервые знал, ради чего и ради кого станет сражаться. Это было счастье.

Сердце размеренно и мощно билось в груди, отроду нечёсаная грива грозно щетинилась, глаза зорко ловили каждое движение врагов. Он увернулся от нацеленного в рёбра копья и, ликуя, с хрустом смял пастью чью-то руку в толстом кожаном рукаве...

Кобелёк-дворяжка, хромавший на трёх ногах по обочине лесной дороги, ещё долго-долго слышал вдали торжествующий голос старого пса и злые крики людей. Потом всё начало затихать.

А ещё немного погода над кронами сосен взошло мрачно-рыжее зарево. Это горел двор Панкела Синего Льда. Пламя, ободряемое разбрызганным маслом, поглощало и дом, и амбары, и мёртвую плоть. Слишком поздно подоспевшие люди из деревни разгребут головни и увидят, что ночью на бобыля напали разбойники. И цепной кобель, бросившийся на недобрых гостей, был ими убит, а маленький уродец подевался неизвестно куда. Что взять с трусишки никчёмного!..

Пёсик жалко заскулил и побежал дальше, более не оборачиваясь. Что-то грязное и непонятное свешивалось у него из зубов.

«Косатка» кунса Винитара вошла в озеро Ковш сквозь один из узких и длинных проранов и почти сутки осторожно двигалась вперёд по приметам, очень тщательно вырисованным на хорошем и плотном пергаментном листе. Второй корабль, некогда принадлежавший самозванному вождю Зоралику, остался ждать у берега моря.

— Не заблудиться бы... — откровенно поёживались комесы.

Никто из них не побоялся бы заплутать в море, вдалеке от каких-либо мореходных примет. Свечение воды, форма волн — всё внятно, всё без речи говорит, без слова рассказывает! Раз посмотреть, и тотчас понятно, где какое течение и в которой стороне суша. Ни один не усомнился бы и среди каменных островков своей родины, затопляемых в прилив, голых и на чуждый взгляд вполне одинаковых. Но здесь... Здесь острова были лесисты, а берега протоков густо поросли зеленью. Слишком похоже на реки, заманчиво и опасно тянущиеся в глубь страны. И кто поручится, что вот сейчас из-за острова не ринется на перехват хищная стая лодок, а за кормой не явится из зарослей камыша ещё одна такая же?..

Впрочем, воины были весьма далеки от того, чтобы поднять ропот и вынудить вождя повернуть. Кунс Винитар был предводителем, каких поискать. Сколько раз они под его началом вершили дела, о которых не стыдно будет когда-нибудь рассказывать внукам! Сколько раз сокрушали врага, захватывая добычу! А вот теперь всего лишь настала пора отплатить вождю за всё, что он делал для них. Где-то поблизости, берегами здешних озёр, протянулась дорога, а по дороге шёл человек, с которым у Винитара кровная месть. Жрец Богов-Близнецов обещал Винитару подгадать встречу с тем человеком. И никто не скажет про них, дружину, будто они не уважили право вождя оттого лишь, что оказались старыми бабами и забоялись чуточку отдалиться от моря!

В узких протоках было не развернуться под парусом. Сегваны даже опустили мачту и уложили её вдоль корабля, как всегда поступали, когда избегали недружественного внимания. И вёсла лежали на своих местах, увязанные вдоль бортов. Вёсла — для открытых пространств. Движением корабля управляли несколько человек с длинными шестами, вставшие на носу и корме. Остальные бдительно глядели по сторонам. И держали оружие наготове.

Под вечер «косатка» достигла последней приметы, обозначенной на листе. Боевые сегванские корабли замечательны ещё и тем, что осадка у них не больше аршина, и Хономеру, назначавшему встречу, это было отлично известно. Длинная лодья неспешно проплыла над песчаными отмелями, опрятно раздвинула грудью листья кувшинок — и мягко ткнулась в топкий берег небольшого затона. Винитар, хмурясь, ещё раз посмотрел на карту. Да, всё так и есть. В самой вершине заливычика виднелся редкий по здешним местам большой камень почти правильной кубической формы, а на нём, в точном соответствии с рисунком на листе, в обнимку росли два корявых деревца, сосенка и берёзка. У камня, в силу его необычности, даже было собственное название: Одинец. «Но если поблизости проходит дорога, должны быть и спуски к воде... Почему, пока мы шли вдоль берега, я не видел ни одного? Ни одной прогалины в камышах, только лёжки кабаньи... И этот затон выглядит так, словно его сухим путём отроду не посещали...»

На карте, между прочим, никакой дороги тоже не было нарисовано. Винитар подумал и сказал себе, что карта относилась лишь к озеру и была предназначена для путешествующих по воде. С другой стороны, люди — во всяком случае, если им не повезло родиться морскими сегванами — всё-таки держат путь по воде с суши на сушу. А значит, следовало обозначить хотя бы те отрезки сухопутных дорог, что вплотную подходили к протокам. Непонятно...

Лист, который держал в руках Винитар, покрывал лишь очень небольшую часть Ковша. От прорана, выведившего в море, и до того места, где сейчас стояла «косатка». Протоки, открывавшиеся по сторонам, обрывались словно бы в никуда, куски очень скудно обозначенных островов тоже ни дать ни взять истаявали в первозданном нигде. Винитар, которому и без того было весьма неуютно, почувствовал себя на краю света: ещё шаг — и лбом стукнешься в Стену, возведённую Богами в самом начале времён!.. Или, если неудача выведет к дырке в этой Стене, — так и вывалишься прямо за край, за пределы ночи и дня...

Две седмицы назад, в Тин-Вилене, когда выяснилось, что интересовавший его человек покинул городские пределы, Хономер сказал, что всё ещё можно исправить, и дал кунсу этот самый лист.

«Откуда, — спросил Винитар, — ты знаешь, что он пойдёт именно сюда?»

«Он не слишком тайл свои намерения, когда уходил. Ну а я просто держал уши раскрытыми...»

Винитар хорошо разбирался в картах и даже сам их составлял, когда служил Стражем Северных Врат страны Велимор. Может, именно это и подвело его: он удовольствовался скудным Хономеровым наброском, а теперь весьма сожалел, что не разыскал в дополнение к карте хоть какого-нибудь местного проводника. С живым человеком можно поговорить, расспросить его и узнать, что лежит за пределами разрисованного пергаментного клочка. Можно расположить его к себе, убедив, что попросту любопытствуешь и вовсе не имеешь намерения грабить нищие рыбацкие деревушки на островах. Можно и припугнуть, если другого выхода не окажется... Ну а что прикажете делать с убогим листом, который всё равно ничего нового не поведает?..

Винитар никоим образом не выдал своего состояния. Ещё раз прошёлся по палубе и отрядил двоих воинов на берег:

— Если увидите поблизости дорогу, сразу возвращайтесь назад. Но в любом случае дальше трёх перестрелов не уходить!

Сегванский перестрел — расстояние, с которого, как считалось, стрела ещё способна поражать цель, — составлял триста шагов. Воины пошли и вернулись. Ничего похожего на дорогу им не попало, только две тропы, больше похожие на звериные.

— Никогда я не верил жрецам!.. — сказал однорукий Аптахар. — А Хономеру этому и подавно! Все они одинаковы!.. Наплюют на честь и на совесть, если надеются добыть себе новых верных* и новые подношения!..

* *Верные* — здесь: верующие, последователи того или иного Божества.

Винитар знал, что его кровный враг запросто мог воспользоваться звериными тропами. А мог и обойтись совсем без троп. И вполне способен был покинуть дорогу только затем, чтобы взглянуть на достопримечательную скалу: не рассказывал ли сам Избранный Ученик, будто венн перерыл всю храмовую библиотеку, выискивая описания стран?.. Всё так — но отчего-то уютный заливчик всё более начинал смахивать на мышеловку. Куда Винитар сдуру сам голову сунул и ещё дружину за собой привёл.

— Снимаемся, — приказал кунс. Он помнил: у выхода из затона был довольно широкий плёс*. Там «косатка» по крайней мере могла развернуться... и, если придёт нужда, дать достойный отпор внезапному нападению.

Топкий бережок с мягким чмоканьем выпустил увязший форштевень. Корабль, подталкиваемый шестами, осторожно двинулся вперёд кормой, благо именно ради таких вот случаев корма боевой «косатки» мало чем отличалась от носа....

И в это время со стороны плёса, куда хотел выйти Винитар, показалась лодка, быстро шедшая на двух парах вёсел.

Первая мысль молодого кунса была о том, что на них всё-таки напали. Но из-за ближнего острова ярко светила луна, и он различил двуцветное одеяние Хономера.

Лодка быстро приближалась, и спустя некоторое время Винитару стало казаться, что нападение всё-таки произошло, только жертвой стала не его, Винитара, дружина, очень даже способная огрызнуться на любого обидчика, а свита самого Хономера. Действительно: лодка, выстроенная по местному обычаю — недлинная и широкая, с тупо срезанными, но зато высоко поднятыми носом и кормой, — несла шестерых человек. Жрец Близнецов стоял на носу, причём правая ладонь у него была замотана тряпкой. Ещё двое гребли, и один работал размеренно, неумоимо и ровно, как умеют только сегваны, а другой орудовал вёслами кое-как, без большого умения. Четвёр-

* Плёс — здесь: ширь озера (в отличие от заливов).

тый сидел на корме и держал рулевое весло. Сидел, странновато скособочившись и явно стараясь не делать лишних движений. Так бывает, когда у человека что-то не в порядке с ногами.

А пятый и шестой вообще лежали на днище, и Винитар не заметил, чтобы они шевелились.

Тут молодой кунс с невольной горечью вспомнил, как представлялся ему ещё недавно этот поход в озеро Ковш. Как ясно он видел перед собой дорогу, почему-то очень похожую на ту, над которой господствовал замок Северных Врат: широкую и удобную, ведущую через хорошее открытое место. Он, Винитар, стоит на горке, слушая, как шуршит в траве тёплый ветер, а с неба льётся песенка жаворонка. Он стоит лицом к солнцу и смотрит туда, где дорога выходит из лесной чащи. Вот оттуда, из кружевной тени берёз, появляется человек... очень знакомый, хотя они виделись всего раз и притом годы назад... Человек поднимает голову и замечает его. И начинает неторопливо идти ему навстречу, одолевая последние петли дороги, выходящей косогором. А Винитар стоит неподвижно и ждёт его, и звучит, звучит над их головами хрустальная трель жаворонка...

Вспыхнув на миг в его памяти, эта картина обрела запредельную чёткость буквиз письма, отданного пламени, — и, как то письмо, рассыпалась пеплом. Хономер не сдержал обещания. Да ещё и явился на встречу во главе кучки израненных спутников. Станет небось просить отвезти назад, в Тин-Вилену... Тут у кунса мелькнула странная и почти смешная мысль: «А может, просто они ЕГО встретили чуть раньше, чем я?..»

Если так, то удивляться, право, было нечему.

Разве только выражению торжества на лице Хономера, нянчившего руку в набухшей кровью тряпице...

— Святы Близнецы, чтимые в трёх мирах! — первым поздоровался жрец. — Видно, не зря мы спешили, потому что, похоже, ты не намерен был нас здесь дожидаться!

«А я, собственно, *тебя* и не ждал...» — подумалось Винитару. Вслух он не стал ничего говорить, ограничившись корот-

ким кивком. Его достоинство кунса позволяло хоть совсем не отвечать на приветствие, если он того не желал.

Тут лодка подошла к самому борту, воины запалили несколько факелов, и он наконец-то присмотрелся к двоим, лежавшим на дне.

У одного, явно мёртвого, вместо головы и груди был жуткий ком сплошной загустелой крови, чёрной в свете огня. Там, где угадывались шея и лицо, зияли глубокие рваные раны. Такие наносит не нож, не меч, даже не шипастая булава. Здесь явно потрудились крупный зверь. Волк или собака. Мельком Винитар заметил разрезанную одежду и толстые повязки на бедре и предплечье сидевшего у руля... Но лишь мельком, потому что второй человек на дне лодки был Волкодав.

Неподвижный, белый, как простокваша, и... крепко связанный по рукам и ногам.

И, что совсем уже странно, на нём совершенно не было крови...

За плечом послышалось негодующее хмыканье Аптахара.

Винитар медленно выпрямился, и только ладони, стиснувшие бортовую доску, выдавали его ярость. Он негромко спросил:

— Какое зло я причинил тебе, Хономер? За что ты так со мной поступаешь?

— Он хочет, чтобы над нами смеялись все Острова, — поддержал Аптахар. — Кунсу Винитару его кровного врага притаскивают связанным, точно барана, потому что кунс не способен сам с ним посчитаться!

С корабля уже зацепили лодку баграми, и несколько воинов выпрыгнули в воду, доходившую здесь стоящему человеку до пояса. Пленника ухватили за одежду и с рук на руки передали через борт. Хономеровы крошечники зло смотрели на мореплавателей, но не пытались им помешать и даже в спор не вступали. Сила была отнюдь не на их стороне. Да и, если уж на то пошло, именно за этим они сюда и приплыли. И не ждали они от Винитара ни благодарности, ни награды. Их наградит

Хономер... Вот только окупятся ли полученные раны, да и брата, погибшего безо всякой воинской славы, ни за какое золото не вернёшь...

— Сказать по правде, ты мне безразличен, — пропустив мимо ушей слова Аптахара, ответил кунсу Избранный Ученик. — А вот врага твоего я действительно не люблю, потому что он уже несколько раз наносил самый прискорбный урон делу, которому я посвятил свою жизнь. Оттого я не пожалел ни времени, ни людей ради удовольствия увидеть его связанным у своих ног...

— Вот как, — ровным голосом проговорил Винитар. — Что ты не любишь его, это я понял ещё в Галираде, когда мы беседовали на берегу. Но не представлял, до какой степени. Почему же ты заодно горло ему не перерезал, жрец?

— Потому, что пообещал отдать его тебе.

Винитар некоторое время молчал.

— Налегке, я смотрю, путешествовал этот венн... — снова ехидно встрял Аптахар. — Безо всякой котомки, даже без оружия, а о кошеле с деньгами я уже и вовсе молчу...

Воины, окружившие лодку, захохотали при этих словах и немедленно занялись поисками. От настоящего морского сегована, привыкшего биться на воде и затем потрошить вражеские корабли, невозможно что-либо спрятать на судне, не говоря уже о судёнышке. Комесы живо вытащили из якобы потайного рундучка на корме заплочный мешок Волкодава и его мечи: Солнечный Пламень в ножнах и два деревянных. Кромешники, не успевшие ни порыться в мешке, ни кинуть кости, разыгрывая великолепный меч, только заскрипели зубами, досадуя, что потащили добычу с собой, в спешке не догадавшись спрятать её на берегу. О том, что Хономер нипочём не позволил бы им оставить у себя приметные вещи, ни один из них не подумал.

Всё найденное живо передали на «косатку». Шамаргана, нехстати поднявшегося на ноги, при этом уронили за борт. Может, случайно, а может, и намеренно. Он вынырнул и, хмуро отплёвываясь, зашлёпал по воде к берегу. Мореходы проводжали его шуточками и смешками.

Кунс Винитар спросил жреца:

— Как же мне отблагодарить тебя за то, что ты всё-таки привёз его сюда живым?

Хономер славился не только тем, что его, как всякого жреца, трудно было переспорить. Его почти никому не удавалось заставить в словесном поединке врасплох. Всегда казалось, что он насквозь видит противника и заранее готовит ответ. Он и теперь ничуть не задумался:

— Скажи мне, как звали нашего единоверца, старика, убитого при набеге на Серых Псов. В Галираде ты не пожелал назвать его имя...

Воины Винитара ловко забирались на борт «косатки», отряхивались, стаскивали и отжимали одежду. Никто не услышал короткого удара в кормовой штевень. А если и услышал, то внимания не обратил. Такой звук могла бы произвести коряга, царапнувшая по корабельному дереву.

— Я не то чтобы не пожелал назвать имя, — проговорил Винитар. — Я просто не знал, как его звали, этого старика. И сейчас не знаю. Если помнишь, я не говорил «не скажу». Я тебе сразу посоветовал: спрашивай венна. — И кивнул могучим парням, стоявшим наготове с шестами, воткнутыми во дно: — Вперёд.

Лодка качалась, отодвигаемая могучим боком «косатки». Морской корабль медленно двинулся с места и заскользил навстречу лунному свету — вперёд, сквозь запутанный лабиринт островов. Ночная темнота всего менее смущала Винитара. Дорогу обратно к морю он уверенно нашёл бы и без карты — что днём, что теперь.

Хономер смотрел вслед уходящей «косатке» и впервые за очень долгое время не мог придумать достойного слова. Вот и оказалось всё зря. И снадобье, которым он понемногу подпаивал Волкодава, и спешное путешествие в Озёрный край, и гибель двоих человек... В который раз проклятый язычник умудрился натянуть ему нос...

Оставалось утешаться лишь тем, что теперь-то уж он навсегда убрался с дороги. Правду молвить, не самое могущественное утешение.

Кромешникам не довелось испытать такого горького разочарования, как их предводителю. Они быстрее вернулись к насущному. Раненый взялся за руль, здоровый приготовился грести — им ещё предстояло петлять и петлять по протокам, добираясь туда, где ждали лошади, палатка и костёр, разведённый спутниками, оставленными дожидаться.

И вот тут хватились Шамаргана. Ещё бы им не хватиться его, ведь скамейка второго гребца так и стояла свободная. А Шамарган, выпавший за борт и ушедший в сторону берега, по сию пору не возвратился.

Его несколько раз окликнули по имени. Он не отозвался. С берега вообще не долетало никаких звуков, кроме лёгкого шума ветерка да окликов ночных птиц.

— Удрал, — сказал Хономер. Он-то знал, что Шамарган далеко не такой дурак, чтобы попытаться выйти к лагерю берегом.

— Ну и невелика потеря, — буркнул кромешник, сидевший на вёслах.

«Это с какой стороны посмотреть...» — подумал Хономер, уже начиная прикидывать, что именно о его тайных делах было известно беглому лицедею, а что — нет.

«Косатки» уже не было видно. Она выбралась на открытые плёсы и, развернувшись, уверенно двигалась к морю. Туда, где, вращаясь кругом Северного Гвоздя, медленно запрокидывались в небесах негасимые светочи путеводных созвездий.

7. Не покидай меня

ленюшка чувствовала себя никому больше не нужной. Странное и печальное было это ощущение. Совсем недавно жила ведь себе дома и была всеми любима... надежда большого дружного рода, его гордость и продолжение. «Променяла!» — на прощание сказала ей мать. Сказала без гнева, без озлобления, просто с горечью, но была эта горечь хуже крика и ругани. Так она могла бы приговорить, выкидывая вещь, задорого купленную на торгу, с любовью принесённую в дом... и тут-то оказавшуюся порченной, ущербной, ни к чему не пригодной. Вот и дочь враз ощутила себя негодной, неблагодарной, бездельной... посрамлением и предательницей родного дома, где за неё каждый рад был жизнь положить... Чем, спрашивается, отплатила?

Теперь они с Шаршавой жили у Зайцев, и здесь с ними все были ласковы, но... могло ли тепло здешней печи сравниться с домашним? Здесь даже в хлеб добавляли иные травы, чем дома, и душевная боль окрашивала непривычный вкус горечью. Одним из самых страшных венских проклятий было пожелание всю жизнь есть хлеб, не матерью испечённый...

Оттого Оленюшка почти каждую ночь просыпалась от ужаса. Во сне она получала известия о кончине родителей. И о том, что перед смертью, прощаясь с белым светом, сторонами Земли и иным прижизненным окружением, они называли по име-

нам всех своих детей... кроме неё. Или вовсе обращали к блудной дочери слово обвинения и упрёка. А горестную весть Оленюшке приносил не родич, даже не свойственник, — заходящий незнакомый человек. И рассказывал, не ведая, с кем говорит, да ещё и присовокуплял к родительскому обвинению своё. И Оленюшка, выслушивая, не смела объявить о себе, будто от этого что-нибудь могло измениться...

...И просыпалась, как бывает всегда, когда привидевшееся становится невыносимым. Вот только облегчённо перевести дух — «Ох же ты, хвала Старому оленю, это было не наяву!..» — не получалось. Потому что в подобных снах отражается правда, великая и страшная правда, которую человек, бодрствуя, далеко не всегда решается допустить в своё сознание и напрямую осмыслить.

И — вроде бы удивительно, а вдуматься, так и не очень! — в этих Оленюшкиных снах никогда не появлялся Шаршава. И правда, а что ему появляться? Свои дни он проводил в кузнице, что-то показывая кузнецам Зайцев и сам у них чему-то учась. А вечерами... вечерами для него никто не существовал, кроме милой Заюшки и двух маленьких девочек, которых люди понемногу уже привыкали называть Щегловнами. На что ему ещё и названная сестра? Верно, в жуткую ночь ухода из дому он очень поддержал её и утешил. Но что значит одна ночь, пускай даже такая, когда впереди целая жизнь, да и позади кое-что осталось?

«Ладно, — с горечью думала Оленюшка. — У Зайцев ведь нам не век вековать. Станем уходить — тут-то понадобится...»

Их с Шаршавой, ясное дело, никто не гнал за порог, да и, надобно полагать, не погонит. Но столь же ясно было и то, что навсегда они в гостеприимном роду не останутся. Не будут Зайцы бесконечно привечать у себя двоих отступивших от родительской воли, два позорища некогда славных семей. Иначе получится, будто для них тоже мало что значат установления пращуров. И кто ж тогда придёт бус просить у их дочерей? Кто примет в женихи парней из подобного рода?.. Какая вообще им может быть вера?..

Должно быть, оттого Оленюшке всё никак не удавалось войти в круг хозяйственной жизни. Нет, её не отталкивали, не обижали недоверием. Просто она всё время чувствовала, что она здесь не своя. Гостя — и только. А значит, не ей месить тесто, не ей готовить еду и мыть горшки с мисами, не ей шить, ткать, вязать, доить коров, кормить поросят...

Оленюшке, отроду не приученной сидеть сложа ручки, вынужденное безделье было едва ли не тяжелее всего. Как она завидовала Шаршаве, которого местный кузнец с радостью допустил к себе в кузню! И почему мужчины так легко забывали друг ради друга какие угодно обычаи — чего в женском кругу отродясь не водилось и вряд ли когда-нибудь поведётся?..

В конце концов, отчаявшись, Оленюшка набрала никому не нужных верёвочных обрезков, оставшихся от починки рыболовных снастей, ушла на берег говорливого Крупца и уселась под берёзами плести сеточки. Может, сгодятся кому хоть лещей в коптильне развешивать!

Здесь, возле речки, в надвигавшихся сумерках жужжали немилосердные комары, и девушка затеплила дымный маленький костерок — отгонять кровососов. Пёс, увязавшийся за нею из деревни, погулял туда и сюда в рощице, на всякий случай оставляя друзьям и соперникам свои метки, потом подошёл к Оленюшке и улёгся поблизости. Его толстую, плотную шубу комары прокусить не могли и садились только на морду. Время от времени кобель неторопливо смахивал их лапой.

Сплести сеточку — нехитрое дело... Самых простых способов Оленюшка навскидку знала не менее дюжины. Это если вязать только очень немудрёные узлы. А ведь есть и позакovsky-риее, такие, что разнесчастная вроде бы сеточка для копчения превращается в узорное кружево, в котором, оказывается, вроде бы уже и не грех поднести вкусную рыбину или гуся большухе соседнего рода. Насколько Оленюшка успела заметить в кладовках, у Зайцев, славившихся плетением корзин, красиво связанных сеточек вроде бы не водилось. Что ж! Чего доброго, может, понравится кому изделие её рук, захотят ещё наделать

таких. А может, наоборот, дождутся ухода задержавшихся гостей и всё выкинут потихоньку, чтобы случайно не задержалось под добрым кровом их с Шаршавой злосчастье...

Оленюшка затянула последний узелок, довершавший череду ровных верёвочных шестиугольников. «Ну как есть выкинут. Никому-то не нужна...» — и сердито зажмурилась, ткнувшись носом в рукав и чувствуя, как впитываются в полотно слёзы. В полотно, совсем недавно матерью сотканное. С любовью сотканное, доченьке-невесте на добро и удачу...

А когда Оленюшка подняла голову, в двух шагах от неё, уютно подобрав ноги, сидела на тёплом пригорке незнакомая женщина. Красивая женщина в уборе замужества... красивая и совсем молодая, моложе матери Оленюшки. Такая, что её старшим детям могло теперь быть лет десять-двенадцать. Она молча смотрела на Оленюшку и слегка улыбалась ей, словно родственнице или милой подруге, очень любимой, но давно не виденной. И сама она казалась Оленюшке смутно знакомой... Так знакомой, словно встречала она когда-то не её, но её брата родного, очень похожего. Брата... Или сына, к примеру... Вот тут Оленюшка приросла к месту и почувствовала, как волосы на затылке начал приподнимать ледяной сквознячок.

Почему ей подумалось о сыне?

Что-то неправильно! Что-то не так! Что именно, она ещё как следует не понимала, но во рту пересохло, и язык вовсе не поворачивался произнести вежливое приветствие. Женщина была из веннов, но не Зайчихой. На её понёве чередовались зелёные и чёрные клетки, а знаки рода... Оленюшка присмотрелась к праздничной прошве понёвы, разукрашенной алым и белым узором, торопясь увидеть нужные приметы и должным образом приветствовать женщину, пока та не укорила её за невежливость...

И до неё сразу дошло, что же было неправильно.

И, как водится, странность, которую она только что не в силах была истолковать, обрела сразу несколько объяснений. Во-первых, совершенно не встревожился пёс, — а Оленюшка

уже убеждалась, каким он был сторожем. Во-вторых, женщина сидела в свежей молодой травке, но зелёные стебельки кругом неё не были примяты, не хранили неизбежных следов, и что-то уже подсказывало, — когда она встанет и удалится, понять, где сидела, будет нельзя. А в-третьих... Оленюшкин костерок, куда она нарочно положила травы и гнилушек, в бледных весенних сумерках почти не давал света, больше дымил, но язычки пламени всё-таки прорывались... и вот женщина чуть повернула голову, и огонь на миг отразился в её глазах, заставив их вспыхнуть двумя озёрками бирюзы.

Не как у человека...

...А как у...

И всё встало на место. И пропал страх. И сделалось ясно, отчего женщина казалась смутно знакомой. Оленюшка торопливо поднялась на ноги и низко, рукою коснувшись земли, поклонилась неожиданной гостье:

— Здрава буди... государыня свекровушка. — В самый первый раз она выговорила заветное слово, и выговорилось оно удивительно легко, радостно и свободно, так, что Оленюшка даже улыбнулась. — Прости бестолковую, что не сразу узнала тебя.

Женщина тоже улыбнулась и ответила ласково:

— И ты, дитятко, невестушка, здравствуй. Что, несладко тебе?

Оленюшка опустила было глаза, разом стыдясь и отчаянно желая всё поведать про свои горести, но тут же вновь вскинула взгляд, опасаясь, как бы чудесная пришелица не растаяла в жемчужной пелене, кутавшей речной берег. Да и что ей рассказывать? Сама всё знает, поди. И вместо жалоб Оленюшка с лихой отчаянностью махнула рукой:

— Да я-то что... Сделай милость, государыня, про него расскажи!

Но её собеседница лишь едва заметно кивнула — потом, мол, погоди — и спросила ещё:

— Знаю, несладко... Домой не хочешь ли? Назад? Чтобы всё стало, как прежде?

Её глаза, только что сверкнувшие звериными огоньками, вновь были совсем человеческими. Мудрыми, печальными и... всемогущими.

У Оленюшки даже голова закружилась. Как прежде!.. Объятия матери... родное тепло... дом! Что-то уверенно подсказывало ей — «государыне свекровушке» дана была власть заставить её судьбу заново изменить русло. Зря ли сумерки словно бы не касались её — одежда и тело явственно хранили отсвет нездешнего солнца, кутавшего женщину едва заметным, мягким сиянием.

— Не хочу я назад, госпожа моя... — ответила Оленюшка совсем тихо. — Не могу я Шаршаве женой быть. Пускай Заюшку свою любит... — И тут из глаз полилось, но не тем детским обиженным всхлипом, который она только что утирала, а сущим неудержимым потоком. Оленюшка опустилась перед дивной гостьей на оба колена: — А ты сделай милость, скажи, не томи... с твоим сыном свижусь ли ещё?

— Свидишься, дитятко, — ответила женщина. Всего только два слова, но, оказывается, насколько по-разному можно их произнести! Можно — как будто обещаая назавтра радостный праздник. А можно и так, как довелось услышать Оленюшке. Так, что она сразу увидела перед собой нелёгкий, быть может, горестный путь... и встречу, которая — как знать? — не окажется ли коротким мгновением перед тьмой вечной разлуки?..

— Скажи ещё, государыня... — взмолилась она. Но до конца договаривать не понадобилось. Дивная гостья снова поняла всё, что она собиралась сказать.

— Сумей только узнать его, — словно бы издалека прозвучал её голос. — Да по имени назвать верно...

Оленюшка потянулась было к ней — спросить, что же это за имя. Но ощутила лишь тёплое прикосновение ко лбу, как поцелуй. Женщина, завершившая своё земное странствие почти

двадцать лет назад, удалилась так же внезапно и незаметно, как появилась.

Значит, всё исполнила, для чего приходила.

И снова их было лишь двое на речном берегу — Оленюшка да пёс... И светились в полутьме белые стволы берёз, словно врата на пути, который предстояло одолеть.

Глыба плыла сквозь чёрную пустоту, не разбавленную, а лишь подчеркнутую крохотными искрами звёзд, и казалась ещё черней окружающей черноты. Сравнить было не с чем, но чувствовалось, что глыба громадна. Она величественно поворачивалась кругом, давая рассмотреть себя с разных сторон. Местами она казалась оплавленной, но там и сям торчали зловеще иззубренные утёсы, а местами виднелись резкие, изломанные сколы. В свете звёзд их глубокая чернота отливала холодной радужной синевой. Сколы выглядели только что нанесёнными, хотя на самом деле могли насчитывать и тысячи лет. Так мертвец, найденный в глубине медных выработок через полвека после кончины, кажется усопшим только вчера.

Ничто не выдавало скорости движения глыбы, и лишь когда одна из звёзд начала всё явственней увеличиваться впереди, стало понятно, что небесный камень нёсся с чудовищной быстротой. И ещё сделалось заметно, что это был не совсем камень. Лучи крохотного далёкого солнца не могли породить сколько-нибудь заметного тепла, но тем не менее чёрные скалы затуманились паром. Так курятся куски льда, оказавшиеся на весеннем припёке. Только, наверное, здесь был не обыкновенный водяной лёд, а замёрзшие воздушные массы, неведомо где и когда сгустившиеся и застывшие на непредставимом морозе. Чем ярче разгоралась близившаяся звезда, тем плотнее делался пар. При этом его струйки и облачка оставались такими тонкими и невесомыми, что даже свет делался для них вещественной силой, наподобие ветра отдувая испарения глыбы назад и образуя из них длинный, перистый, призрачно светящийся хвост...

Между тем близившаяся звезда обретала облик громадного, коронованного золотым пламенем, нестерпимо сияющего клубка. Глыба-пришелеца облетала его по широкой дуге, и поэтому гораздо ближе к ней оказывался другой шар, доверчиво плывший навстречу из чёрных ледяных бездн, — голубой, в белёсых разводах, сквозь которые смутно проступал казавшийся знакомым рисунок. Этот шар тоже светился, но не как звезда: его сияние не обжигало, оно было мягким, ласковым, некоторым образом живым...

Солнце сходило с ума, оно бушевало, простирая огненные языки, сиюсь сбить с пути чёрную стрелу, нацеленную прямо в сердце ничего не подозревающего мира. зубчатые острия, напоминавшие чудовищные бастионы и башни, на глазах оплывали и испарялись, вскипая освобождёнными облаками. Окутанные туманом равнины (а может — непомерные обрывы? как разобраться, где верх, где низ?..) в полном безмолвии покрывались паутинами трещин, трещины углублялись, быстро становясь пропастями, потом пропасти делались уже совершенно бездонными, ибо сквозь них начинали проглядывать звёзды, и вот уже в сердце голубого шара нёсся не один камень, а целый рой гигантских обломков, готовый разлететься, но ещё удерживаемый вместе силами взаимной тяги, присущими летучим горам.

Между тем звёзд уже не было видно — всё заслонила безбрежная голубая чаша материков и морей, распахнувшаяся впереди...

Волкодав успел понять, отчего рисунок океанов и суши с самого начала показался ему знакомым. Это был его собственный мир: зря ли он столько раз жадно рассматривал и перерисовывал в библиотечном чертоге его очертания. Его мир. И выглядел он в точности так, как рассказывал звёздный странник Тилорн, видевший его извне. Ещё Волкодав успел с ужасом сообразить, что вот сейчас чёрная гора-с-небес ударит прямо в белое, голубое, тёплое... навеки изуродует его, изменит живой облик...

Но за миг до неизбежного удара видение, или сновидение, или как там его назвать, прекратилось самым неожиданным образом. Оборвалось и унеслось прочь, смытое добрым ведёрком холодной морской воды, обрушившейся на лицо.

— Да очнись же ты, скотина нечёсаная! — прорычал в самое ухо голос, тоже показавшийся странно знакомым. — Открывай глаза, вражий сын, Хёггово семя, несчастье всей жизни моей!..

Открывать глаза Волкодав не желал. Ему хотелось назад, в оборванное видение. Он был уверен, что способен что-то сделать, как-то помочь... что ещё мгновение-другое — и он догадается и предпримет необходимое...

Никто ему этих мгновений давать не желал.

Он попробовал отвернуться от безжалостно тормозивших рук, но убрать голову не удалось. Новый горько-солёный водопад бесконечно заливал ему ноздри и рот, не давая дышать, и, похоже, он выдал себя, совершив какое-то движение.

— Ага! Ага!.. — хором закричало уже несколько голосов, по крайней мере два из которых он точно узнал, только никак не мог вспомнить имён.

Водопад прекратился, но нос немедленно стиснули жёсткие заскорузлые пальцы, а когда Волкодав дернулся и непроизвольно открыл рот, самый первый голос вновь выругался и обрадованно приказал кому-то:

— Лей!!!

Прямо в горло тут же полилась густая тепловатая жидкость, невероятно омерзительная на вкус. Глотать «это» или попросту задохнуться — неизвестно, что было хуже. Волкодав подавился и закашлял, корчась на мокрых качающихся досках. Он хотел высвободить голову, но её стискивали крепкие ладони, а у него самого сил совсем не было. И он поневоле глотал — а ещё больше вдыхал — липкую тёплую дрянь, от которой все кишки тотчас скрутила жестокая судорога. Когда же он понял, что вот сейчас умрёт окончательно — если не от удушья, так от отвращения, — мучители наконец выпустили его, и он получил возможность дышать.

Его снова окатили водой, смывая растёкшуюся по лицу гадость, и Волкодав открыл глаза. Всего на мгновение, потому что солнце, радужно дробившееся в мокрых ресницах, жалило глаза гораздо больнее, чем то косматое в черноте, из видения, казавшееся нестерпимым. Впрочем, он успел увидеть вполне достаточно. Даже больше, чем ему бы хотелось. Гораздо больше... И самое худшее, что это-то был уже не сон, а самая что ни на есть явь.

Он лежал на палубе сегванской «косатки», на носу, и небесную синеву над ним загораживал надутый ветром парус. Очень знакомый парус древнего, благородного и простого рисунка — в синюю и белую клетку. Блестел наверху маленький золотой флюгер... А поближе паруса, который Волкодав предпочёл бы до самой смерти не видеть, были лица склонившихся над ним людей, и эти лица тоже никакой радости ему не доставили. Потому что в одном из них только дурак или слепой не признал бы Аптахара. Изрядно поседевшего и постаревшего, но всё равно Аптахара. А второй — второй был не кто иной, как Шамарган.

Волкодав молча пошевелился и понял, что руки у него не связаны. Это вселяло некоторую надежду.

— Ишь, волком смотрит, — хмыкнул Аптахар. — Значит, вправду очухался!

Шамарган же насмешливо поинтересовался:

— Что, однорукий? Пропорил? Смотри, как бы тебе самому вместо меня рыбам на корм не пойти...

— Если только этот молодчик обоих нас Хёггу под хвост живенько не загонит, — не спуская глаз с Волкодава, хмуро отозвался Аптахар. Венн только успел задуматься, что же именно высматривал старый вояка, когда сегван вдруг ухватил его за шиворот и, с неожиданной силой перевернув, поволок, как мешок, к борту. — Давай! Блүй давай, говорю!

Волкодав, к которому едва-едва возвращалась способность в полной мере ощущать своё тело (не говоря уж про то, чтобы им хоть как-то владеть), с искренним изумлением осознал, что

приказ блевать относился к нему. Осознал — и сразу почувствовал, что мерзкое пойло, которого его против воли заставили наглотаться, повело себя в его внутренностях непристойно и нагло. Вместо того, чтобы впитаться и рассосаться, как то вроде бы положено всякой порядочной жидкости, тошнотворная слизь, наоборот, что-то *высасывала* из его и так замордованного тела, что-то *вбирала* в себя!

И вот, насосавшись, — должно быть вытянув из Волкодава последние соки, — проглоченная гадость явственно запросилась наружу...

Или это его просто замутило от корабельной качки? Мореходом он всегда был никудышным...

Оказавшись возле борта, венн хотел приподняться на колени, чтобы хоть голову свесить наружу, но без помощи Аптахара с Шамарганом не смог даже и этого. По телу разливалась парализующая боль, бравшая начало глубоко в животе. Волкодав только тускло отметил про себя, что старый сегван — вот уж кто был мореплаватель прирождённый — подтащил его к подветренному борту «косатки», дабы по возможности меньше замарать славный корабль... Всё же венн как-то умудрился навалиться грудью на бортовую доску, увидел совсем близко вздымающуюся зелёную воду... и в строгом ладу с этим движением его кишки окончательно скрутились судорожным пульсирующим винтом — и тугим комом устремились через горло наружу. Он успел удивиться тому, как много он, оказывается, сумел проглотить. Рвота длилась и длилась. Просто невероятно, сколько, оказывается, может извергнуть из себя человек. Ещё он слегка удивился тому, что из него резкими толчками выливалась самая обычная жидкость, — ему отчего-то казалось, будто Шамарганово пойло должно было покинуть его такой сплошной студенистой змеей... Потом в глазах опять потемнело, венн беспомощно обмяк на палубных досках. Внутренности ещё продолжали сокращаться и трепетать, но это трепыхание постепенно сходило на нет. Волкодав свернулся возле борта, подтяги-

вая колени к груди, — облезлый больной пёс, притихший в укромном углу. Ему было всё равно, кто на него смотрит. И как всё это выглядит со стороны.

Собственно, ничто больше не имело значения.

Станут, значит, с рук на руки передавать... Гостя дорогого от деревни к деревне, через весь Озёрный край... Как же... Вот тебе и спокойное путешествие в Беловодье, вот тебе и дорога, выверенная по картам... Ещё располагал сидел, в какой день сколько пройти... Опоздал, сам на себя обиделся... Места занятные сворачивал посмотреть... вроде Зазорной Стены... Эвриху рассказывать собирался... Чуть не сам посягал книгу писать... Ну и что? Получил?..

«Косатка» шла на север. Туда, где, придавленные расплзшимися ледниками, стили в вечных туманах некогда благодатные Острова — родина сегванского племени. Волкодав лежал на палубе возле мачты, слушал разговоры мореплавателей и помалкивал.

Жизни по-прежнему было очень мало дела до книжных премудростей, постигаемых в тишине и безопасности библиотечных чертогов. Миром правили древние и простые в своей мощи стремления. Плотское желание жить. Желание обладать и продолжаться в потомках. А ещё — смутно осознаваемая идея равновесия и воздаяния, всего чаще проявляющая себя у людей как закон мести...

Открыв глаза в самый первый раз, Волкодав успел понять, что находится на корабле Винитара. Когда он затем увидел кунса (весьма мало изменившегося за прошедшие несколько лет — как, собственно, и бывает с людьми, властвующими в первую очередь над собой), он едва удержался, чтобы не попрекнуть его сговором с Хономером, Панкелом и кем там ещё. Но удержался и не попрекнул. Ибо давно привык ничего не делать и тем более не говорить по первому побуждению, и старая привычка сработала даже посреди беспорядка, в котором пребывали его тело и разум.

Теперь-то он понимал — дай он в те мгновения волю своему языку, потом ещё пришлось бы просить кровного врага о прощении. За несправедливый навет. На самом деле Волкодав это уразумел очень быстро. Когда разглядел совсем рядом с собой свою котомку и, главное, — рукой можно достать, а руки не связаны — ножины с Солнечным Пламенем. И Мыша, нахохлившегося на треугольной кожаной петельке.

«Мы идём к острову Закатных Вершин, — сказал ему Винитар. — Там мой дом. Думается, это подходящее место, чтобы завершить нашу вражду».

Вот так. Отвечать не хотелось, да и что тут ответишь? — и Волкодав промолчал, только кивнул. Их с Винитаром вражда могла завершиться только одним способом. Поединком. Божьим Судом. Ибо, когда нет простого счёта взаимным обидам, счёта, подлежащего ясному истолкованию по законам, одинаковым, в общем-то, у всякого племени, — совета испрашивают у Богов. И в этом также сходятся все Правды, присущие народам земли. У одних — ныне принятые. У других — бытовавшие давным-давно, почти позабытые, но воскресающие грозно и властно, когда речь заходит не о скучном обыденном разбирательстве, — о чести...

Волкодав так ничего кунсу и не сказал. Не потому, что непременно собирался его убить, а значит, не должен был с ним разговаривать. Просто у него дома полагали, что разговаривать есть смысл там и тогда, когда что-то неясно и следует обсудить. А если обсуждать нечего и осталось лишь ждать, а потом действовать, — так чего ради попусту молоть языком?

Винитар тоже ничего не стал ему объяснять. Не стал рассказывать, как едва заставил себя отпустить живыми Хономера с кромешниками. Наверное, предполагал, что Волкодав станет слушать разговоры его людей и со временем сам всё поймёт. А может, ему было попросту всё равно...

Несколько дней венн пребывал в довольно странном состоянии: пока лежишь смирно и не пытаешься шевелиться — кажется, вот сейчас встанешь и горы свернёшь. А попробуй хоть

голову приподнять, и становится ясно, что ты беспомощен, как новорождённый котёнок. Вот что получается, когда дух совсем уж было изготовился вылететь из тела и был удержан, можно сказать, за хвост! Немалое время требуется ему, чтобы водвориться назад и упрочиться в едва не покинутой оболочке. Тут поневоле задумаешься, как легко и быстро можно изувечить человека. И сколько требуется терпения и лекарской сноровки, чтобы опять поставить его на ноги!

Правду сказать, на самом деле уморить Волкодава оказалось не так-то просто. Даже Хономеру — при всём его опыте жреца-Радетеля. Теперь-то, оглядываясь назад, Волкодав многое видел ясней прежнего, — жаль только, с большим опозданием. Начать с того, что Хономеру, по-видимому, долго не удавалось довести его до потребного бессилия. Не на такого напал. А потом они с Волком чуть не пустили по ветру весь его замысел, сойдясь в единоборстве слишком рано, когда Наставник был ещё несравнимо сильнее ученика. Так, что многим победа Волка показалась, наверное, незаслуженной. А впрочем... *Спасибо тебе, Волк, что использовал единственную возможность, которая тебе подвернулась. Спасибо — и прости за то, что довелось переложить на тебя эту ношу...*

И сидение над картами, если подумать, оказывалось не таким уж бесполезным. Как и гонка по лесной дороге, когда он неизвестно ради чего силился наверстать время, потраченное в Овечьем Броде. Он сам не понимал, зачем спешил, ему просто так хотелось, а ведь тело, по обыкновению, оказалось мудрей разума. Оно само себя принуждало к свирепой работе, искореняя накопившуюся отраву. И справилось. Почти. На хуторке Панкела Волкодаву не хватило совсем немного, чтобы вовремя раскусить хозяина... а заодно с ним Шамаргана... и вовсе оставить Хономера с носом. Тот, похоже, и сам уже испугался, что вот-вот может упустить строптивого венна. Отравы, подмешанной в простоквашу, определённо хватило бы на десятерых.

Да чтоб я ещё в жизни хоть раз притронулся к простокваше...

А вот почему Хономер ну никак не мог дать ему спокойно уйти, почему он затеял всю эту канитель с отравой и даже не поленился самолично отправиться на границу Озёрного края — на сей счёт следовало поразмыслить.

Вот только проку с того, даже если его осенит и он догадается?..

За три минувших года славный корчмарь Айр-Донн до того привык к почти ежедневным появлениям своего приятеля-венна, что теперь, без него, не мог отделаться от ощущения саднящей неполноты. Во всяком случае, по вечерам он постоянно ловил себя на том, что беспрестанно поглядывает на дверь, помимо разума ожидая: вот сейчас она распахнётся и первым внутрь, по обыкновению, впорхнёт Мыш — чтобы немедленно опуститься на стойку перед Айр-Донном и проверить, не готово ли уже для него блюдечко молока с хлебом.

День сменялся днём, но чуда, конечно, не происходило. Более того, корчмарь был человек тёртый и подозревал, что больше Волкодава не увидит уже никогда. Один раз судьба свела их вместе самым странным и неожиданным образом... Сведёт ли ещё? Или, может, для этого Айр-Донну потребуются переехать вместе со своим заведением куда-нибудь в западную Мономатану?..

А что. Если хорошенько подумать — не такое уж дикое предположение. Допустим, он женит сына на хорошей тин-виленской девчонке, а сам, по-прежнему лёгкий на подъём, переедет, отстроится, начнёт радовать чернокожих вкусными и непривычными блюдами... И этак через полгода через порог шагнёт Волкодав. Шагнёт — и поздоровается как ни в чём не бывало: «Благо тебе, добрый хозяин, под кровом этого дома. Хорошо ли бродит нынче пиво в твоих котлах?..»

Эта возможность пребывала пока ещё на стадии несбыточной и туманной мечты. Как знать, предпримет ли Айр-Донн в действительности нечто подобное. Мало ли что ему сейчас представляется разумным и вероятным. Пройдёт время, и, занятый

делами, он станет всё реже вспоминать Волкодава. А потом возьмёт своё возраст, в котором даже вельху, неугомонному страннику, родившемуся в повозке, вроде бы пора уже прочно осесть на одном месте, и сегодняшние мечты покажутся глупым ребячеством?.. Как знать!

Оттого Айр-Донн ни с кем не делился мыслями, посещавшими его. Даже с сыном. И каждый день продолжал готовить сметану. Тем более что она у него никогда не залёживалась. Тинвиленцы успели распробовать «удивительное вельхское лакомство» и весьма охотно покупали его.

— Что же это получается, венн? Опять я должен тебя благодарить?.. Что ты ещё мне подаришь, когда мы встретимся снова?..

А потом в гавани причалил очередной корабль, и в «Белом Коне» появились два совсем неожиданных гостя. Один был ветхий старик, второй — молодой мужчина, заботившийся о нём, точно сын об отце. Он почтительно называл старца Наставником. («Тоже...» — сразу подумалось корчмарю.) А впрочем, мало ли на белом свете наставников. Странность и неожиданность состояла в другом. И проявилась не сразу.

То, что они прибыли на корабле, Айр-Донн понял немедленно. Оба были определённо нездешними, и к тому же молодой тащил поклажу: две дорожные сумки и ещё что-то большое, плоское, тщательно обшитое кожей. Когда он поставил это что-то рядом с собой на скамью («Не на пол», — отметил про себя Айр-Донн), раздался негромкий стук, который могло произвести дерево. Путешественники были жрецами Богов-Близнецов — это легко было распознать по одежде, — и корчмарь рассудил про себя, что в свёртке, должно быть, таился некий священный предмет.

Айр-Донн только что открыл двери, в заведении было полно свободного места, но эти люди сразу облюбовали тот самый столик, куда корчмарь всегда усаживал Волкодава. Вельх даже испытал подспудное раздражение. Кажется, какая разница, кому теперь где сидеть! — и всё же, когда кто-нибудь устраи-

вался именно здесь, для него это было очередным напоминанием: Волкодав не вернётся.

Ладно. Гости пожелали еды, свидетельствующей об определённой стеснённости в деньгах. Молодой попросил жареной рыбы, которая в Тин-Вилене, как во всех приморских городах, почиталась трапезой бедняков. Старик же, вконец утомлённый морским путешествием, и вовсе удовольствовался горячим молоком с мёдом. Поразмыслив, Айр-Донн добавил от себя скляночку сладкого вина, восстанавливающего силы, и несколько свежих лепёшек. Каковые и были со смиренной благодарностью приняты.

Спустя время корчмарь подошёл к гостям, чтобы, по обычаю своего ремесла, осведомиться, всего ли у них в достатке и довольно ли вкусно приготовленное стряпухами.

— Скажи, добрый господин мой, — обратился к нему старик, заметно прибодрившийся после глотка доброго яблочного напитка. — Только ли ты вкусно кормишь всех тех, кому случается вступить под твой кров? Или, может быть, у тебя найдётся для нас недорогая комнатка на ночь? Нам предстоит дальний путь, а я, боюсь, не в силах пуститься в дорогу прямо сегодня...

— Комнатка-то найдётся, — ответил немало удивлённый Айр-Донн. — Но... ты, пожалуйста, не думай, почтенный, будто я мало радуюсь постояльцам... Просто наш город, помимо всех прочих своих достоинств, знаменит храмом и крепостью Богов. Которым вы оба, как я понимаю, служите. Зачем бы вам расставаться с лишней толикой денег, ведь Избранный Ученик Хономер, без сомнения, будет рад оказать всяческое гостеприимство братьям по вере?.. Если хотите, я немедленно пошлю мальчика разыскать кого-нибудь, кто поможет вам добраться туда!

Старый жрец улыбнулся ему, и не слишком весёлая была то улыбка.

— Да пребудет с тобой благословение Близнецов, добрый господин мой, — проговорил он неторопливо. — Увы, увы, в нынешние времена братство по вере не для всех значит так же

безмерно много, как было когда-то. А посему мы предпочли бы... не беспокоить досточтимого Избранного Ученика. И ещё... мы не хотели бы задерживаться в вашем несомненно прекрасном городе дольше, нежели диктуется насущной необходимостью. Так сколько ты возьмёшь с нас за самый дешёвый ночлег?

— А если, — вступил в разговор молодой жрец, — у тебя в самом деле есть мальчик, готовый найти кого-нибудь в переплетении незнакомых нам улиц, быть может, он сумеет отыскать благосклонных жителей здешних гор? Мы рады были бы побеседовать с таким человеком, дабы из первых уст услышать подтверждение либо опровержение слухов о храме древних Богов, чудесно обрётённом где-то вблизи Тин-Вилены...

Тут старик быстро глянул на ученика. Так, словно тот по молодой горячности затронул нечто, едва ли приветствуемое в разговорах с чужими... а то и вовсе опасное. Юноша смутился и, покраснев, замолчал, но корчмарь успокаивающе поднял ладонь:

— Поистине вам не о чем волноваться под кровом моего дома, почтенные. Здесь околачивался всего лишь один согладатай Хономера, но и он... — Айр-Донн бросил взгляд в сторону двери, — ...только что вышел. И, следовательно, не сумеет подслушать ваших речей!

На самом деле из этих слов никоим образом не вытекало, что путешественники должны были немедленно проникнуться доверием к самому вельху: мало ли о чём тот мог болтать, своекорыстно пользуясь их неосведомлённостью! Но два жреца ступили на землю словно бы не с корабля, а со страниц жизнеописаний первых последователей Близнецов. Те святые подвижники, как известно, почитали обман одним из тягчайших грехов и боялись обидеть кого-либо подозрением в этом грехе, предпочитая страдать от присущей людям неправды.

— Мы ещё хотели бы расспросить... — улыбнулся молодой жрец. Он говорил так, словно и не было в разговоре досадного перерыва. — Расспросить о некоем месте, также находящемся, сколь нам известно, здесь неподалёку. Если сложить воедино

достаточно скудные сведения, поставляемые о нём путешественниками, получается, что там, несомненно, наличествует великая, хотя и не вполне явная сила...

Айр-Донн заинтересованно слушал.

— Неявность же сей великой и благодетельной силы, — подхватил старик, — состоит в том, что она оказывает себя не во всякому понятных событиях вроде ветра или палящего жара, но действует как бы изнутри самого человека, заставляя его по-иному осмысливать привычное.

— После определённых изысканий, — почтительно помолчав, добавил молодой, — моему Наставнику даже подумалось, уж не этой ли необходимостью переосмысления объясняется прискорбная краткость достигших нас сведений? Проще говоря, не всякому захочется узреть ошибки и скверный умысел, таящийся в тех самых поступках, которыми ещё вчера привычно гордился. Думается, оттого люди и предпочитают объезжать это место, ибо многие ли из нас могут быть вполне уверены в чистоте своего духа...

— Ага!.. — обрадовался Айр-Донн. — Так ты, верно, рассуждаешь не иначе как о Зазорной Стене! Я, конечно, человек не учёный, но могу тебе подтвердить: люди неохотно упоминают о ней, потому что редко кому нравится во всеуслышание объявлять, о чём нащептала ему совесть. Сам я тоже там не бывал... — и добрый вельх усмехнулся покаянно, но и лукаво, — ...зато в те места не так давно отправился один мой старый друг. Он говорил мне о своём намерении побывать у Стены. Это притом, что такое чистое сердце, как у него, не всякий день встретишь!

Старик допил молоко и неспешно разгладил бороду. Его красно-зелёное одеяние, которому — если судить по возрасту и речам — полагалось бы сиять густыми яркими красками, было неожиданно тусклым. В Хономеровой крепости такие носили самые распоследние Ученики, едва принявшие Посвящение. Айр-Донн невольно задумался об этом и рассудил про себя, что здесь следовало усматривать не жреческую неспособность и подавно не вялость служения, а скорее опалу. То-то они и к

Хономеру не торопились, и об утраченном единстве верных Богов-Близнецов говорили с болью, как говорят о разладе в родной семье. «Благодарю тебя, о Богиня Коней, — мысленно порадовался вельх, — уже за то, что у Тебя нет ни одного нелюбимого жеребёнка, какой бы масти тот ни родился. Да осияют вечные звёзды землю под Твоими копытами...»

— Ты, похоже, человек не только порядочный и гостеприимный, но и очень осведомлённый, — снова заговорил старец. — Поэтому позволь спросить тебя ещё кое о чём... Мы приехали сюда из города Кондара, что в стране нарлаков, севернее Змеева Следа. Несколько лет назад Прославленные в трёх мирах благосклонно направили в наш город двоих путешественников... Один был высокоучёный аррант, истинное украшение великого народа Аррантиады. Он был очень молод годами, однако Боги благословили его самой возвышенной мудростью: он не порывался выносить суждения и поучать, но, напротив, смиренно собирал крупницы познаний, накопленных земными народами, и увековечивал постигнутое на листах рукописи, скромно именовавшейся «Дополнениями». А его товарищ по странствию...

Айр-Донн покосился на молодого жреца и заметил, что тот улыбнулся при этих словах и глаза его заблестели.

— ...его товарищ по странствию, — продолжал старец, — был из племени веннов, затерянного в глуши северных дебрей и оттого не всем ведомого. Этого человека учёный аррант сперва представил нам как своего телохранителя и слугу, но вскоре мы убедились, что между ними ни в чём не имелось неравенства... Прости, добрый корчмарь, если мы утомили тебя столь долгим и подробным рассказом, но твой дом выглядит обжитым отнюдь не вчера. Если ты ведёшь здесь своё дело более трёх лет, то, возможно, тебе доводилось встречать наших друзей? Дело в том, что в Кондаре они сели на корабль, имея намерение достичь Тин-Вилены. И, право, эти двое ни в коем случае не из тех, кто теряется в безликой толпе. Если они благополучно добрались сюда, ты мог их увидеть. А увидев — непременно запомнил бы...

— Особенно венна, — не выдержал юный священнослужитель. — Это был великий воин, к тому же не привыкший отводить глаза, если сердце подсказывало вмешаться. У нас в Кондаре о нём до сих пор легенды рассказывают!

Наставник посмотрел на него, сдержанно улыбаясь: молодость, молодость!.. Как падка она на яркие доблести воина, как трудно ей оценить кроткое бесстрашие мудреца!..

Айр-Донн же ощутил внутри радостный трепет, почти такой же, как тот, что наполнил его душу в достопамятный день, когда через порог его тин-виленского дома безо всякого предупреждения шагнул Волкодав. Корчмарь поднялся до того церемонно, что на лицах жрецов отразилось даже некоторое беспокойство. Он торжественно одёрнул вышитую рубашку:

— Истинно велик промысел Трёхрогого, приведший вас, мои почтенные, под кров «Белого Коня»! Знайте же, что, как говорит мой народ, друзья моих друзей — мои друзья. Знайте ещё, о благородные последователи Близнецов: вы попали домой. Мой дом — ваш дом. Сам же я постараюсь услужить вам всем, чем только смогу!

Удивительное дело, но многоопытному корчмарю, только что дивившемуся про себя легковерию странствующих жрецов, даже не явилось на ум самому подвергнуть сомнению правдивость услышанного от них. Хотя, если подумать, могли они оказаться друзьями лишь на словах, а на деле — подсылами, преследующими тайную и недобрую цель!

«Косатка» Винитара по-прежнему шла на север. Ветер оставался попутным, и Волкодав уже заметил, что ночи сделались гораздо короче, чем им полагалось быть в это время года на материке, удалявшемся к югу. Вот только тепла, которое человек его племени поневоле связывает с наступлением коротких ночей, не было и в помине. Наоборот, с каждым днём делалось холодней. Мореходы кутались в меховые одежды, и только самые отчаянные и молодые ещё крепились, предпочитая греться работой. Аптахар ворчал на них, утверждая, что к его возра-

сту все они неизбежно будут маяться болями в суставах. Сам он, однако, ни на что не жаловался, кроме необходимости всё время видеть рядом с собой венна. Но с этим обстоятельством старый рубака всё равно ничего поделать не мог и потому ворчал редко, чтобы не прослыть мелким брюзгой.

А ещё с небес окончательно и, по-видимому, навсегда пропало солнце, оттеснённое густыми пеленами облаков. Иногда ветер истончал нижние слои туч, плывшие над самой водой, и тогда делалось видно, что этот слой не единственный, что там, наверху, ещё десять таких же. Волкодав послушал разговоры сегванов и понял, что надеяться на перемену погоды не стоило. Солнце здесь показывалось нечасто. И чем севернее — тем реже. И уже теперь было решительно невозможно определить, где именно оно стояло над горизонтом. Как при этом сегваны отыскивали единственно верную дорогу среди совершенно одинаковых, по мнению сухопутного венна, серых морских волн, оставалось загадкой. Но ведь как-то отыскивали: «ко-сатка» бежала вперёд, словно бодрый конь к знакомой конюшне, и кормщики явно знали, что делали, направляя корабль. Волкодава не допускали ни к вёслам, ни к парусу, ни к иной работе, поскольку это сделало бы его не кровным врагом Винитара, а кровным братом, на которого уже нельзя поднять руку. Так что он большей частью сидел около мачты и наблюдал за мореходами, силясь что-то понять. Но понимание не приходило.

Благоприятные ветры баловали корабль. Привычных трудов и тягот было немного: ни хлещущих на палубу волн, ни бешеной качки, ни отчаянной гребли, ни возни с рвущимся из рук парусом под градом холодных брызг из-за борта. И так — день за днём. Верно, сегванские Боги приберегали силы мореходов, щадя их ради каких-то будущих испытаний. Каких? Воины не гадали об этом. Они знали нрав своего моря: в любой миг может подбросить такое, что вся прошлая жизнь покажется безмятежным сном. Пока же корабельщики радовались спокойному плаванию и коротали время кто за игровой доской (снаб-

жённой дырочками, чтобы не скатывались фигурки), кто за бе-седами о чём-нибудь занятном.

Однажды дошла очередь и до Аптахара.

— Расскажи про наёмников, дядька Аптахар!

— Да ну вас, — отмахнулся однорукий калека. — Я уже и рассказывать-то не умею. Раньше умел, теперь разучился.

— Брось, дядька Аптахар. Тебе руку отсекли, а не челюсть и не язык!

— И не грудь пропороли, чтобы знания разлетелись!

— Расскажи! Про наёмников!

— Арфы нету, — буркнул Аптахар.

— Да на что тебе арфа? — захохотали кругом.

Люди кунса любили и берегли увечного, но и подшутить над ним за грех не считали.

— Он ногами играть собирается, как герой Гитталик, когда его связанного бросили в яму со змеями! — предположил кто-то.

— У меня арфа есть, — встрял Шамарган.

Волкодав покосился на него. Сегваны-корабельщики отнюдь не спешили по-братски принимать к себе лицедея. По мнению венна — и правильно делали. Травить человека, доверившегося твоему гостеприимству, было величайшим злодейством. Так не подобало обращаться даже со злейшим недругом. Правда, чем именно он, Волкодав, умудрился насолить Шамаргану, составляло превеликую тайну. Может, тем, что сребреник ему подал у тин-виленских ворот? Или тем, что в «Матушке Ежихе» убийством осквернить себя не позволил? Или тем, наконец, что возле болота от преследователей уберёг?.. Оставалось предположить, что парень с самого начала действовал по указке Избранного Ученика Хономера и на его деньги. Взял плату за то, чтобы сопутствовать Волкодаву и окончательно опоить во дворе у Панкела. Ладно, сопутствовал, опоил. А в дороге ещё и потешился, напроказничал вдоволь. Это было понятно. Люди, случается, ради денег и не такое отмачивают. Родительскую любовь предают, многолетнее побратимство... Че-

ловеческому вероломству Волкодав давно уже не удивлялся. В недоумение повергало другое. Почему, сделав дело, лицедей не уехал со жрецом — навстречу заработанным деньгам и новым поручениям Хономера, — а, напротив, сбежал от него? Да при том сбежал так, как бегают, разве спасаясь от смерти. Вбил лезвие ножа между бортовыми досками «косатки» и уплыл вместе с кораблём, держась за рукоять и лишь изредка высовывая голову из воды. Кормщик Рысь, сидевший тогда у правила, ничего не заметил. И по сей день не мог Шамаргану этого простить. А тот (явив, между прочим, немалое мужество) выждал, покуда лодья миновала проран и далеко ушла в открытое море, и только там объявился. Сегваны еле разомкнули его пальцы на черене ножа, когда втаскивали на палубу. «И с чего это ты взял, несчастный, что я не прикажу выкинуть тебя обратно в море? — спросил Винитар синего от холода Шамаргана. — Да прежде ещё не велю законопатить твоей шкурой рану, которую ты нанёс моему кораблю?» Лицедей, заостеневший так, что челюсти свело судорогой, кое-как выдавил в ответ: «Приказать-то ты можешь, только потом не пришлось бы жалеть. Я твоего венна отравил, я могу и противоядие приготовить. А больше никому с этим не справиться...»

Почему он так поступил, Волкодаву было неизвестно. Большого любопытства он, впрочем, не испытывал. Он видел, что сегваны отнеслись к предложению Шамаргана насчёт арфы без большой радости. Корабельщики продолжали упрашивать Антахара рассказать о наёмниках, — видно, это была любимая ими история, к тому же долго не звучавшая вслух, — а на лицедей просто не обращали внимания. Лишь когда он подал голос в третий или четвёртый раз, Рысь бросил не без брезгливости:

— Какая «твоя» арфа? Та, что мы нашли засунутую в мешок с пожитками венна, так какая же она твоя? Его и есть. А у тебя, не умеющий молчать, и нет ничего, кроме штанов да рубашки, и ещё ножа, который кунс велел у тебя отобрать!

Рядом с кормщиком сидел другой воин, изрядный насмешник. Его звали Гвернмаром, потому что его мать была вельхин-

кой, а чаще просто Гверном, потому что сегваны опасались вернуть языки, выговаривая подобное имя. Он сказал:

— Если арфа, по нашему рассуждению, принадлежит венну, а этот недоношенный непременно хочет нам досадить, играя на ней, пускай сперва попросит разрешения у владельца. Что в том будет несправедливого?

Мореходы не спеша и со вкусом обсудили предложение Гверна. Потом спросили мнение Волкодава, и венн ответил:

— Не всё, что обнаружится у человека в заплечном мешке, следует считать его собственностью. Может, ему краденое подсунули, а он того и не знал. — Сегваны наострили уши, надеясь услышать занятное повествование, но Волкодав не стал перелезать Аптахару дорожку и сказал так: — Я не умею ни играть на арфе, ни петь. Пусть играет на ней тот, у кого лучше получится, да потом её себе и берёт.

— Справедливые слова! — похвалил Рысь. И добавил: — Правильно делает наш кунс, что заботится о тебе. Не всякий может похвастать таким достойным врагом!

— Скучновато станет, когда он тебя убьёт в поединке, — добавил Гверн.

— Ладно, лезь в трюм, принеси её, — велел Аптахар лицедею. И напутствовал: — Да смотри там, по чужим мешкам не очень-то шарь! А то все мы знаем, ручки у тебя шибко проворные!

Шамарган зло блеснул глазами, но ерепениться не стал — молча отправился за арфой. Волкодав для себя сделал вывод, что бывший Хономеров человек очень хотел задержаться на корабле. Даже ценой унижения. Ведь слова Аптахара можно было истолковать и как обвинение в воровстве, требовавшее разбирательства, если не боя. Те же Гверн или Рысь, к примеру, нипочём не стерпели бы подобного. Да им бы Аптахар, блюдя товарищество, никогда ничего даже отдалённо похожего и не сказал бы.

Для Шамаргана никто не подумал открывать кормовой палубный лаз, под которым, собственно, сохранялись в трюме пожитки. Пришлось парню спускаться вниз возле очажка и пробираться дальше на четвереньках, а после и вовсе ползком. Сег-

ваны посмеивались, слушая сквозь палубные доски его возню и приглушённую ругань. Знай гадали, за что он там зацепился — и каким местом. К их некоторому разочарованию, Шамарган, юркий и гибкий, справился гораздо быстрее, чем они ожидали. Вернувшись, он сел поблизости от Аптахара, утвердил свой инструмент на колене и принялся настраивать. Арфа издавала звуки, от которых севганы преувеличенно морщились и мотали кудлатыми головами.

— Начнёшь не в лад брэнчать — отберу да об твою же башку раскрошу! — грозно предупредил Аптахар.

Шамарган ничего не ответил, и не было похоже, чтобы он испугался. *Стращали карася, что в пруду потонет...* усмехнулся про себя Волкодав.

Аптахар же начал повествование. Венн наполовину ждал, что опять услышит балладу о смелых наёмниках, сгинувших у стен осаждённого города из-за вероломства полководца. Однако ошибся.

Кто кого воевал — отошло, погрузилось во тьму.
Не о битвах и военачальниках будет рассказ.
Просто город был взят, и войска разгромили тюрьму,
И в глубоком и тёмном подвале увидели нас.

«Кто такие?» — «Ворьё и разбойники, конченный люд.
Мы купцов потрошили по дальним дорогам страны.
На руках наших кровь, мы творили насилье и блуд
И к паскуднейшей смерти за это приговорены!»

Волкодав сразу понял, что петь Аптахар, в отличие от сына, путившего корешки в Галираде, так и не выучился. Он и прежде не пел по-настоящему, а либо горланил, либо, вот как теперь, пытался говорить нараспев. И не подлежало сомнению — сохранись у него вторая рука, он не перебирал бы струны, извлекая мелодию, а терзал их громко и достаточно бестолково, помогая себе немногими затверженными сочетаниями звуков.

Нет уж. Как говорили в таких случаях соплеменники Волкодава — «Лучше, если воду будут носить ведром, а сено пере-

кидывать вилами, но не наоборот!» Хорошо, то есть, что на арфе играл всё-таки Шамарган, а не Аптахар. Молодой бродяга быстро уловил связный мотив — насколько это было вообще возможно в лишённом особого строя пении Аптахара — и уверенно ударил по струнам, оттеняя рассказ то суровыми, то угрюмыми, то нагловатыми переборами.

И сломавшим ворота понравился дерзкий ответ.
«Что за глупость — на площади вешать таких удалцов!
Собирайте мечи, выходите на солнечный свет:
Не окажутся лишними несколько добрых бойцов!»

Так мы стали законными чадами Бога Войны.
Там, где мы проходили, расти прекращала трава.
Не указ нам ни совесть, ни праздное чувство вины:
Бей, ты прав!.. Это — враг!.. Остальное — пустые слова.

За кого — не упомянуть, но пьянствовали без вина
И рубили, рубили, и счёт не вели головам...
А потом неожиданно кончилась эта война
И войска разбрелись по давно позабытым домам.

Ну а мы? Нас не ждал ни далёкий, ни близкий удел.
И спокойною жизнью зажить мы смогли бы навряд.
Но бывает ли так, чтобы долго скучал не у дел
Бесшабашный, отважный и лютый наёмный отряд?

Обязательно сыщется в ссоре с соседом сосед,
Или чают подмоги для бунта в каком-то краю,
Или — бунт усмиряют... И так до скончания лет.
Это значит, что жив наш закон: заплатили — воюй!

Мы косили косой, мы рубили и били подряд
Без пощады любого, о ком говорили: «Вот враг!»
Да разгневались Боги... и кровью политый отряд
Превратили однажды в свирепую стаю собак.

Может, думали Боги — вот тут-то мы пустим слезу
И у храмовых стен завывать устремимся бегом?..
А ничуть не бывало! Ведь злые собаки грызут
Очень даже исправно любого, кто назван врагом.

Псу не надобны деньги, он служит за вкусную кость,
За хозяйскую ласку, за коврик в непыльном углу,
За возможность кусать, изливать кровожадную злость...
И ему безразлично, служить ли добру или злу.

Вот и нас, превращённых, недолго снедала тоска.
Вмиг нашёлся хозяин для четвероногой орды.
Мы почуяли крепкую длань на своих поводках
И носами припали к земле: «Укажи нам следы!..»

И доньше мы носим обличье клыкастых зверей,
Чья забота сражаться, как только приказ прозвучит.
Если встретите нас — уходите с дороги скорей
И молитесь, чтоб мы не за вами летели в ночи...

Шамарган последний раз прошёлся по струнам, завершив игру россыпью созвучий, извлечь которые из арфы сумел бы не всякий песенник. Лицедей, однако, так владел своим инструментом, что сегваны и Волкодав услышали в говоре струн сразу многое. И рык псов, настигших добычу, и плач перепуганной жертвы, и властность хозяина, насылающего свирепых ищек.

— Ну как тебе, венн, песня? — отдышавшись, не без некоторого вызова спросил Аптахар. — У вас там в лесах нет небось ни одного подобного сказа. Вы, я слышал, поёте больше про то, как ваши прабабки диких зверей обнимали!

Рысь, Гвернмар и другие мореходы стали заинтересованно ждать, что скажет Волкодав. И тот, поразмыслив, ответил:

— Нашим прабабкам всяко далеко до вашей Ордлы Рыбачки, так что вы, сегваны, и тут нас превзошли.

Корабельщики отозвались дружным хохотом. Это сказание знали все. Прекрасной обитательнице Островов, жившей, как полагается, в незапамятные времена, понадобились крепкие сыновья для мести за брата. Одна незадача — мужа, чтобы зачать их, у неё не было. Вначале девушка обратилась за подмогой к Небу и Земле. Но Небо спало, укутавшись облаками, и не услышало её жалобу. Земля же в ответ сама стала сетовать на скудость плодородия, — куда ж, мол, тут ещё и делиться?.. Как

часто случалось в сегванских сказаниях, да и в самой жизни, всех щедрей и отзывчивей оказалось море. Оно прислало Ордле из своих пучин самца белоглазой акулы. Любой сегван знает, что этой рыбе нет равных ни по хищной прожорливости, ни по многоплодию. Вот и красавица Ордла после той встречи не ребёнка родила — метнула икру, и из каждой икринки выросло по могучему сыну. Сказание утверждало, что уже на другой год дети повзрослели и должным образом совершили свою месть. И вообще были молодцы хоть куда, если не считать маленького рыбьего хвостика, присущего каждому из них в знак чудесного происхождения, — да и кто его разглядит, этот хвостик? Разве только жена...

Аптахар раздосадованно и зло озирался на смеющихся товарищей, а Волкодав добавил:

— Песня складная, но, по-моему, ты зря обидел собак. Я бы на месте тех Богов во что другое подобных наёмников превратил. В слепней каких-нибудь, что ли. В мух навозных...

— Ага!.. — обрадовался Аптахар. — Родню твою тронули, пёсий выкормыш! А может, ты нам сам что-нибудь расскажешь?

Он очень хорошо помнил, каким молчуном венн был семь лет назад. И очень удивился, когда Волкодав пожал плечами:

— Может, и расскажу.

Сегваны стали пододвигаться ближе. Какого только занятого и смешного вранья ни наслушаешься в плавании — но вот веннскими побасенками им тешиться ещё не доводилось.

— Знаю я эти веннские рассказы... — заворчал было однорукый, но Гверн положил ему на колено корявую мозолистую пятерню.

— Дядька Аптахар, — сказал он примирительно. — Не любо — не слушай, а врать не мешай!

Звучало это присловье, насколько Волкодаву было известно, у всех народов почти одинаковым образом.

— В Тин-Вилене, — начал он, — я жил в крепости у жрецов и прочитал немало книг... Поначалу я выискивал путевые записи землепроходцев и учёных знатоков мироустройства, но

потом мне стали попадаться книги, сочинённые о том, чего на самом деле никогда и нигде не было. Я для себя назвал их баснословными...

— Значит, правду говорят те, кто жалуется, что мир измельчал! — снова не сдержался Аптахар. — До чего дошли люди! Мыто, сегваны... да пускай даже и вы, венны... мы передаём из уст в уста и рассказываем о таком, что пускай очень давно, но всё равно *было*! А эти?.. Вот что случается с теми, кто живёт в незаслуженно благодатных краях. Порют всякую небывальщину, которую им Полуношник в уши насвистел...

Полуношником сегваны именовали северо-восточный ветер, никакого доверия, по их мнению, не заслуживавший.

— Дядька Аптахар, — снова сказал Гверн. — Чем встречать, может, лучше у кунса позволения спросишь да нам медовухи наваришь? А ты рассказывай, венн!

— Тьфу, — плюнул Аптахар. Но всё-таки замолчал.

— Там были разные книги, — заговорил Волкодав. — Одни повествовали о людях, которые никогда не жили, другие — о небывалых державах, третьи же — вовсе об иных мирах, озарённых иными солнцами и уряженных иными Богами. Это были странные книги... Не тем странные, что рассказывали о странном. Просто одну дочитаешь — и жалко, что кончилась, другая кончилась — и не жалко, а третью дальше первой страницы и читать неохота. С нашими сказаниями ведь не так, верно? Аптахар правильно молвил: мы привыкли рассказывать о том, что вправду было когда-то. Очень давно было. И с тех пор столько поколений старалось наилучшие слова подобрать... что и самый бездарный сказитель ничего уже испортить не сможет. А когда грамотный человек сам придумал и сам берётся рассказывать — всё зависит от него одного, никто ему не помощник...

— Ага! — перебил сообразительный Рысь. — Значит, наши сказания — это вроде боевого отряда, где сорок мечей и победа общая. А кто книги сам сочиняет, те наподобие поединщиков, которые перед войском выходят?

Волкодав поразмыслил и кивнул. От него не укрылось, как внимательно слушал его Шамарган. Шамаргана никто не похвалил за отменное владение арфой, но лицедею было не до обид. Дали сыграть и после арфу не отняли — и то хорошо. И даже из круга, собравшегося послушать венна, взяшей не прогнали...

Ещё Волкодав заметил, как Винитар, стоявший на носу корабля, поднялся и перешёл ближе. Это было правильно. Врага следует знать.

— Одна книга о неведомом мире и чужих Богах крепко зацепила меня, — продолжал Волкодав. — Я долго не мог отделаться от мыслей о ней. Я и теперь полагаю, что написавший её был далеко не во всём прав...

— Ну ты и дурак, венн! — возмутился Аптахар. — Вот уж верно подмечено: что бы ваше племя ни плело о своих предках, а только в родне у вас еловых пней точно было больше, чем разумного зверья! Я вот не выучился грамоте, потому что мне это никогда не было нужно, ну так я с учёными людьми в спор и не лезу! У меня на это вполне хватает ума. А ты, значит, едва выучился читать — и уже собственное суждение обо всём приготовил? Ты ещё начни судить об искусстве канатоходца, сам на канат ни разу не забравшись. Как есть дурак!..

— Дядька Аптахар, — негромко заметил молодой кунс. — Никто из нас не читал баснословной книги, о которой говорит венн, и мы подавно не знаем, что именно венн о ней думает. Поэтому погоди кипятиться и сперва выслушай одно и другое. Потом рассудишь, кто и в какой мере дурак. Хорошо?

— Хорошо, — буркнул Аптахар. И сел к Волкодаву спиной, делая вид, будто рассказ венна ему совершенно неинтересен. Однако, сев так, он оказался носом к носу с Шамарганом, на которого ему — если только это возможно — было смотреть ещё противней, чем на Волкодава. Аптахар засопел и снова обратился к венну лицом. На сей раз ему пришлось делать вид, будто он в упор не видит добродушных усмешек друзей.

— Кто сочинил эту книгу, я так и не понял, — продолжал Волкодав. — Она была на аррантском, имя же на ней оказалось подписано мономатанское, вот только и чёрные племена, и жители Аррантиады изъясняются совсем не так, как тот сочинитель. Имена же в книге встречались всё такие, как у народа тальбов, по сию пору живущего в Нардаре... Ну да это неважно. Книга рассказывала о Богах, правивших просторами и стихиями своего мира. Мир населяли разные племена, и почти все Боги считали, что люди должны им поклоняться уже потому, что они, Боги, старше, могущественней и грозней. Но был среди них один, который считал, что поклонение ещё следует заслужить. Он полюбил людей и принялся им помогать...

— И правильно сделал, — кивнул Рысь. — Взять нашего Туннворна: ледяные великаны давно поглотили бы Острова, если бы не Он с Его молниями. Поэтому мы и чтим Его наравне с Отцом Храмом, ведущим нас против врагов!

— Когда воспитываешь собак, радостней служит та, которая любима, — поддержал Гверн. — Из-под палки пёс тоже будет таскать санки и приносить дичь, но потом наступит день, когда разница окажется очевидна.

— Тот Бог спускался к людям с небес, и оттого они дали Ему имя: Крылатый, — рассказывал Волкодав. — И повсюду долго был мир и покой. Но потом другие Боги, желавшие поклонения не по трудам, почувствовали себя обойдёнными. Они сражились между собой племена смертных и сами вступили в войну. Их было много, а Крылатый не отваживался даже как следует защищаться, потому что не желал вычёрпывать для этого силу мира, который полюбил. Завистливые Боги схватили Его и обрекли на вечную муку: заковали в горящие цепи и, выколов глаза, поместили за краем Вселенной, куда не достигает даже свет звёзд. Люди же, хранившие Ему верность, частью погибли, частью рассеялись по белому свету, унося с собой память и скорбь по Крылатому Властелину. Так кончается эта книга.

— Ну-у-у... — разочарованно протянул Рысь. Аптахар ядовито фыркнул, Гверн же заметил:

— Право слово, венн, твоя перепалка с Аптахаром и то была занятней такого рассказа! Я-то уши развесил — сейчас, думаю, он нам красивыми словами поведаёт про битвы и про любовь!.. Я тоже видел книги, которые ты таскал по лесу в котомке: они такие толстые, что самой маленькой хватило бы забавлять нас до Островов! А ты — раз, два и готово. Как же мы поймём, что именно тебе не понравилось в книге, которую ты путём пересказать-то не умеешь?

— То, что мне не понравилось, очень мало зависит от битв и прочих подробностей, — сказал Волкодав. — Вот ответь мне, какова цена сыновьям, не оградившим любимого отца от опасности?.. Правильно, ломаный грош. Что же можно сказать о людских племенах, радостно шедших за Крылатым?.. Правильно, слабосилки. Яви они истинную крепость и чистоту духа, никакие Боги с ними ничего не смогли бы поделаться. Это у нас, людей, тупица с тяжёлыми кулаками может проломить голову мудрецу и уйти безнаказанным. Боги же — на то и Боги: у них в жилах течёт изначальный закон. Он обязывает их, как нас обязывает наша кровь!

— Тут ты прав, — сказал Рысь. — Когда длиннобородый Храмн испытал страсть к рыжекудрой Эрминтар и собрался приблизиться к ней, не посмотрев даже на то, что она была дочерью рабов, у Него на пути встал её жених, такой же раб, как и она. Разве не мог Отец Храмн тотчас обратить парня в камень? Мог, конечно, ибо красота девы манила его! Но Он в Своей справедливости решил испытать жениха и невесту. Он пообещал им свободу. И потомков, которые стали бы кунсами. «Мы почли бы за великую честь Твоё посещение, — ответила Эрминтар. — И я сама с радостью предложила бы божественному гостю согреть Его ложе. Однако торговать собой за блага, которые Ты посулил, я не стану, — хотя и говорят люди, будто всякая рабыня продажна!» Тогда Храмн отступился. Но почему-то очень скоро муж и жена оказались свободны, а их сыновья породили один из славнейших Старших Родов!

Сегваны одобрительно загудели. Кое-кто даже заметил, что венн как рассказчик не годился Рысю в подмётки. Однако все ждали продолжения, и Волкодав сказал:

— И ещё... В книге несколько раз повторялось, что тот мир был одушевлён любовью Крылатого. Я не особенно понял, зачем бы одушевлять то, что и так одушевлено... но пускай. Если та земля была живой и осознавала себя, почему речь идёт всё время только о боязни Крылатого вычерпать её мощь? Да сам этот мир должен был подарить Крылатому столько силы, сколько тот заслуживал... и притом нимало не оскудеть, ведь те из нас, кто щедро дарит себя любимым, только делаются сильнее и богаче! А если так, тот мир, пожалуй, горой поднялся бы за своего Бога, и вовсе не Крылатый оказался бы за краем Вселенной...

Гверн поинтересовался:

— Если там уж так всё неправильно, чего ради ты нам пересказываешь такую скверную книгу?

Волкодав пожал плечами.

— Книга, — сказал он, — вовсе не скверная, скорее даже наоборот. Тот, кто написал её, владел пером лучше, чем я владею мечом. Пока я её читал, я думать не думал о том, что в ней неправильно, и взялся размышлять только позже, когда всё кончилось и я понял, как сильно она задела меня. Мне даже захотелось самому сложить продолжение...

— Какое? — оживился Рысь. Гверн ничего не сказал, но посмотрел на Волкодава так, как тот сам посмотрел бы на сочинителя баснословных книг, если бы во плоти встретил хоть одного.

— Я начал бы прямо там, где завершилась та книга, — сказал Волкодав. — Я рассказал бы, как разгневанный мир замкнулся от завистливых и скаредных Богов, выдворив Их из всех своих сфер. И ещё о том, как могущественные светлые души, для которых даже край Вселенной не есть неодолимая грань, были призваны отыскать Крылатого и вернуть Его людям. О том, как были разорваны Его цепи и исцелены раны...

— Ну и никто не стал бы такую книгу читать! — злорадно возвестил Аптахар.

— Почему? — удивился Гверн. — Если будет складно и занятно рассказано, то почему бы и нет?

— А ты сам прикинь, кому нужно сказание, где всё ладно и гладко! — отвечивал Аптахар. Его глаза сияли тем вдохновением, которое получается, когда человек совершает непривычное и несвойственное для него умственное усилие и в итоге сам понимает, что родил мысль, до которой в обычном состоянии ему было бы не допрыгнуть. — Верно, есть у нас и такие, но часто ли мы их рассказываем? Гораздо реже небось, чем про прекрасную Эрминтар и её храброго мужа, убитых ледяным великаном, которому они не отдали сына. Или про Ордлу Рыбачку, чьим детям пришлось мстить не только за дядю, но и за мать! А почему? Потому что гладкие да справедливые повести никуда не зовут. Вот жил человек всю жизнь у себя дома, жил в довольстве, в достатке, не лез ни во что, никому даже ни разу по морде не въехал, а потом тихо помер на сто первом году. Будут о нём сказители у костров петь?.. Ну, вернулся бы этот Крылатый, стал мирно править... тишь, благодать, дальше-то что? Скука! А вот пока Он где-то там, бедный-разнесчастный, ослеплённый да в горящих цепях... Душа ж плачет!.. Тут-то разные простачи начинают свои продолжения сочинять, свербит потому что. А другие, уже вовсе умом скорбные, те и вовсе спасать снаряжаются незнамо куда...

И старый воин даже ногой притопнул по палубе, зовя её в свидетельницы своего гнева.

— Истинные речи ты молвишь, дядька Аптахар, — вразнобой уважительно согласились сегваны. Волкодав же подумал, что святое зерно правды в рассуждениях Аптахара определённо присутствовало, но ещё было в них и нечто, не дававшее ему согласиться с калекой. Нечто, имевшее очень мало отношения к самолюбию, затронутому его нападками. Но что именно — венн не мог сразу осмыслить и облечь в слова. Тут следовало хорошенько подумать, и оттого он счёл за лучшее промолчать.

Весенние сумерки длительны и неторопливы. Солнце отлого уходит за горизонт, оставляя небеса тлеть тихим малиновым заревом. Зарево переползает всё севернее и очень медленно меркнет, и начинает казаться, что невидимое светило так и не позволит себе отдыха — снова засияет на небе, ни на мгновение не отдав его темноте. Однако шо-ситайнское Захолмье — всё-таки не Сегванские острова и даже не веннские дебри. А посему неизбежен момент, когда окончательно гаснут все краски и расплываются очертания, когда ночь сворачивается в мохнатый клубок и прикрывает нос пышным тёмным хвостом, оставляя настороже только недреманные звёзды.

В лесных низинах уже плавал туман. Плотные белёсые щупальца медленно обтекали еловые стволы и кусты можжевельника, достигая дороги. По песчаной дороге неровной, шаткой рысцой бежала собака — беспородный кобельёк, живший некогда во дворе у Панкела. Пёсик был совсем не из тех, на ком радостно или хотя бы умиленно останавливается человеческий взгляд. Наоборот — при виде подобного создания большинство людей испытывает отчётливое смущение. Кое у кого оно выливается в жалость. Таким людям кажется, будто собачонка, подобно им самим, осмысливает свою внешность и очень переживает из-за неё. Эта жалость может приобретать самые разные формы. В том числе и такую: «Пришибить тебя, что ли, чтобы не мучился?» Гораздо больше, однако, людей, чьё смущение откровенно прорывается злобой, как будто несчастный уродец перед ними виноват уже тем, что на свете живёт. «Вот гадость какая! Да я тебя...»

Что поделаешь, не все родятся роскошными красавцами, не все с первого взгляда покоряют величавой мощью движений. К иным ещё требуется присмотреться. Корявая мордочка кобелька никому не показалась бы безобразной, если бы её озаряло весёлое и доверчивое лукавство. И жёлто-пегая шёрстка сделалась бы почти нарядной, если бы у кого-то дошли руки расчесать её, избавляя от грязи и колтунов. Но человеческие руки

гораздо охотней и чаще подхватывали не гребень, а палку. Поэтому шерсть пёсика торчала довольно мерзкими грязно-серыми клочьями, а в глазах вместо игривого веселья застыло тоскливое ожидание очередной напасти.

Правду сказать, этих самых нападений последнее время было многовато даже для него, вовсе не избалованного. Земной мир с самого рождения был не очень-то ласков к нему, но этот мир оставался по крайней мере привычен, кобелёк знал, чего от него ждать. Хозяин Панкел был не особенно добр, однако известен до последнего чиха, да пёсик не задумывался и не знал, какие вообще хозяева бывают на свете. И вот теперь всё знакомое, незбылемое и надёжное в одночасье рухнуло, оставив его наедине с неизведанным и чужим, а потому страшным. Пёсик, выросший на деревенских задворках, оказался в лесу, куда раньше он никогда не отваживался соваться. Привыкший спать в конуре Старшего, возле косматого бока своего единственного друга, теперь он ночь напролёт торопился сквозь темноту. Его кривые короткие лапки никогда-то не обладали достаточной резвостью, а теперь одна из них, метко подбитая камнем человека в двуцветной одежде, ещё и болела, распухнув, и он совсем не мог на неё наступать...

Песчаная колея отлого спускалась к одной из бесчисленных речек, бежавших здесь из одного болота в другое и далее к сверкающим глазам Озёрного края. Вечерняя прохлада породила у речки особенно густой и плотный туман: дорога ныряла прямо в белое молоко, плывшее над водой. Позже, когда летняя жара хорошо прогреет торфяники, дорога здесь станет совсем удобной, сухой и проезжей. Но это потом, а покамест кусок дороги сам напоминал небольшое болото — поперёк пути расплылась необъятная лужа густой чёрной грязи. Кое-где отстоялись прудочки чистой воды, и там можно было от души полакать, не говоря уж про то, чтобы охладить подушечки лап, совсем стёртые и разбитые непривычно длительным бегом.

Пёсик так обрадовался возможности напиться и отдохнуть, что даже прибавил шагу, стремясь скорее к воде. Уставший бо-

яться всего подряд, он несколько потерял бдительность, да и ветер, как нарочно, тянул не к нему, а от него... Кобелишка в ужасе присел и шарахнулся, когда впереди чавкнуло, затрещало — и, разгоняя щетинистой спиной густые пряди тумана, с лёжки у обочины малоезжей в эту пору дороги вырос огромный старый кабан.

Дворяжка как-то сразу понял, что настал его последний час. Бежать было бесполезно. Он и на четырёх-то ногах вряд ли удра- л бы от разгневанного чудища, а на трёх и подавно. Стоило нечаянно опереться оземь покалеченной лапкой, и пёсик взвизгнул от боли. Кабан же был громаден, и темнота вкупе с туманом его ещё увеличивали. Он зло хрюкнул, быстро наливаясь убийственной яростью. Когда-то у него было стадо, но он уже давно покинул его, вернее, был изгнан. Его выдворили за то, что к исходу третьего десятка лет он начал выживать из ума, становясь всё более гневливым и скорым на расправу. Рано или поздно это могло оказаться опасно для стада, предпочитавшего держаться скрытно и осторожно. Понятно, кротости нрава у старого одиноца с тех пор не прибавилось. И ещё у него были клыки больше человеческого пальца длиной, круто загнутые, росшие всю жизнь, и он очень хорошо умел ими пользоваться в бою...

Ужас, пережитый в эти мгновения маленьким кобельком, едва не откупорил вонючие железы у него возле хвоста. Однако потом что-то изменилось. Кабан замер на месте. Его щетина по-прежнему топорщилась воинственным гребнем, но движение огромного тела, казавшееся совершенно неостановимым, вдруг исчерпалось. Вепрь словно заметил впереди нечто, способное отрезвить и остудить даже его траченный возрастом рассудок. Припавший к земле пёсик несколько ожил, к нему вернулась способность воспринимать окружающий мир, и он попытался понять, что же заставило замереть матёрого одиноца.

Его ищущие ноздри втянули запах... Очень знакомый и родной, этот запах тем не менее просто не мог, не имел права здесь разноситься. Потому что это был живой запах. А тот, кому он принадлежал, уже не имел отношения к миру живых.

Кобелёк отважился повернуться... За его спиной на дороге стоял Старший. Вот только был он совсем не таким, каким маленький пёсик помнил его. Теперь ему были присущи горделивая осанка, несуетный блеск глаз, здоровый густой мех... и, конечно, никакой цепи на шее. Таким Старший мог и должен был бы стать в расцвете жизни у сильного и заботливого хозяина. В таком телесном облике верно отразилась бы доставшаяся ему душа. Уже уйдя туда, где не бывает несправедливостей и обид, он всё-таки вернулся присмотреть за криволапым дружком, оставшимся в одиночестве. И кабан, изготовившийся было напасть, остановился. Наверное, всё-таки не от страха, потому что он вряд ли способен был испытывать страх. Нет, тут было нечто иное. Нечто, всего более сходное с ощущением запрета, хорошо знакомого могучему и хорошо вооружённому существу.

Кабан потоптался и недовольно затрусил прочь, с треском раздвигая прошлогодние камыши. Маленький пёсик снова оглянулся. Ветерок шевелил ветки над головой, и тени в тумане утрачивали схожесть с силуэтом собаки.

«Мы ещё свидимся, брат...»

Из-за пазухи вынув щенка-сироту,
Обратился Хозяин со словом к коту:
«Вот что, серый! На время забудь про мышей:
Позаботиться надобно о малыше.
Будешь дядькой кутёнку, пока подрастёт?» —
«Мур-мур-мяу!» — согласно отвечив кот.
И тотчас озадачился множеством дел —
Обогрел, и утешил, и песенку спел.
А потом о науках пошёл разговор:
Как из блюдечка пить, как проситься во двор,
Как гонять петуха и сварливых гусей...
Время быстро бежало для новых друзей.
За весною весна, за метелью метель...
Вместо плаксы щенка стал красавец кобель.
И, всему отведя в этой жизни черёд,
Под садовым кустом упокоился кот.
Долго гладил Хозяин притихшего пса...
А потом произнёс, поглядев в небеса:
«Все мы смертны, лохматый... Но знай, что душа
Очень скоро в другого войдёт малыша!»
Пёс послушал, как будто понять его мог,
И... под вечер котёнка домой приволок.
Тоже — серого! С белым пятном на груди!..
Дескать, строго, Хозяин, меня не суди!
Видишь, маленький плачет? Налей молока!
Я же котику дядькой побуду пока...

8. За Челну, на Кулижки

Сегванских островов есть свойство почти никогда не показываться впереди так, как вроде бы по природе вещей положено островам: постепенно и медленно, начиная с вершин. Такое здесь изредка происходит разве что под конец лета, когда земля и вода наконец-то напоятся скудным теплом солнца, никогда не поднимающегося высоко в этом краю. Тогда ненадолго расходятся вечные облака и пропадает клубящийся над морем туман, воздух становится чист и прозрачен, и горы, венчающие почти каждый остров, начинают являть себя взгляду из поистине невообразимого далека. Тогда мореплаватели смотрят на сверкающие белые зубцы, медленно растущие из-за горизонта, и зоркость воздуха обманывает глаза, не давая понять, близко они или далеко. И, какими бы знакомыми ни были угловатые острия, горящие под лучами низкого солнца, всё равно так и тянет обмануться, поверить, будто это не родной остров приветствует тебя за полдня пути, а вот-вот обступят корабль лабиринты неведомого архипелага, изваянные из ледяного искрящегося хрустала...

Но такая погода здесь держится лишь несколько коротких дней осенью или, вернее, между летом и зимой, как принято исчислять у сегванов. Всё остальное время Острова кутает мгла — либо мокрая, либо морозная. И даже если небо кажется

совсем ясным, скалистые берега не поднимаются впереди, а выступают из дымки сразу целиком, так что неопытные путешественники склонны поначалу принимать близящуюся сушу за плотные тучи у горизонта. Но и это бывает достаточно редко. Чаще всего небо Островов затянуто плотными войлочными облаками. И они плывут совсем низко, позволяя видеть лишь сумрачные подножия гор и начисто срезая сверкающее великолепие вершин...

Когда на пути «косатки» стал всё чаще и гуще попадаться лёд, качавшийся в студёной воде порою глыбами величиной с небольшой холм, сегваны заметно оживились, предвкушая встречу с родиной (где, правду сказать, некоторые из них никогда прежде и не бывали). Волкодав спросил Рыся, увидят ли они остров Старой Яблони.

— Нет, — отвечал кормщик, — не увидим. Он один из самых южных, так что мы давно миновали его.

— Жаль, — сказал Волкодав, удивляясь про себя, с чего бы ему произносить это вслух. А были ведь времена, когда и не произнёс бы; да и вообще спрашивать бы, пожалуй, не стал. — Посмотреть бы, цветут ли там ещё знаменитые яблоневые сады... И намного ли вырос великан в седловине горы!

Рысь не без некоторого удивления на него покосился. А Волкодав вспомнил карту, которую ещё в Тин-Вилене едва ли не каждодневно рассматривал, и заговорил снова:

— Если я верно понял, кунс велит править прямо к вашему острову, кратчайшим путём...

— Скажем так, — ответил Рысь, — насколько возможно будет подобраться.

Волкодав едва не спросил отчего, но вовремя спохватился, сообразив: в том, что касалось Островов, виденная им карта устарела самое меньшее лет на двадцать. Нет, суша здесь, в отличие от архипелага Меорэ, не всплывала и не тонула по три раза на дню, но с таким же успехом могла бы и тонуть. Что толку указывать на морской карте остров, к которому всё равно не может причалить корабль, потому что за неделю пути до

него мореплавателя встретит стена нетающих льдов? Например, остров Розовой Чайки красовался на старой карте как ни в чём не бывало, в то время как его давным-давно поглотили распolzшиеся ледники. Последний дом был сметён движущимися льдами лет сорок назад. И с тех пор там навряд ли стало снова тепло.

— Значит, — сказал Волкодав, — остров Печальной Березы тоже останется в стороне? И остров Хмурого Человека?

Рысь не выдержал:

— Редко встретишь чужестранца, который не только помнил бы названия разных островов, но ещё и расспрашивал о них так, словно эти названия что-то ему говорят! Откуда такое любопытство, венн?

Волкодав пожал плечами:

— Ты удивишься, кормщик, но у меня были друзья сегваны... Кое-кого я даже называл братьями. Они рассказывали мне о своей земле. Рассказывали с любовью, так, что мне захотелось своими глазами на неё посмотреть. — Подумал и добавил: — Тем более что записи в книгах о мироустройстве, касающиеся Островов, очень противоречивы. Такое впечатление, что учёные путешественники сами не забирались сюда, довольствуясь в основном рассказами твоих соплеменников. А те знай хвалили каждый свой остров, объявляя его чудом из чудес и всячески принижая все остальные...

Рысь хмыкнул:

— Я не знаю, что ввали другие, но, если там был кто-нибудь с нашего острова Закатных Вершин, он-то должен был рассказать чистую правду. О том, что настоящее чудо можно увидеть только у нас, а все остальные рядом с ним — плюнуть и растереть!

Не видал ты наших веннских лесов... с привычной строптивостью подумалось Волкодаву. Он одёрнул себя, мысленно нахмурившись: воин Винитара был немногим моложе его самого, а значит, мальчишкой вполне мог побывать на Светыни. Вполне могло также выясниться, что в замке Людоода у него погиб

отец или брат. Не буди лихо, пока оно тихо! И Волкодав не стал спрашивать, видел ли Рысь веннские леса. Это всё равно не имело никакого значения. Он заставил свои мысли изменить направление бега и тут же в который раз вспомнил про Эвриха. Вот кто небось уже точно схватился бы за чернильницу и перо!..

— Каково же ваше чудо? — спросил венн.

Рысь улыбнулся, хищно блеснув зелёными глазами:

— Увидишь!..

Ко всем прочим своим умениям морские сегваны владели искусством необыкновенно точно рассчитывать время своего путешествия. Святой старинный обычай велел подходить к острову Закатных Вершин на закате — и «косатка» кунса Винитара оказалась в виду родной земли именно на закате.

Правда, это был не тот обыкновенный и привычный закат, после которого следует ждать ночной темноты. Ночи на Островах весной не бывает совсем. Солнце очень степенно погружается за горизонт и далее совершает свой путь прямо под ним: заберись на горку повыше — как раз и углядишь сверкающий край. Даже толщи облаков ничего не могут поделаться с полуночной зарёй, и она окрашивает их всеми цветами от холодного лилово-малинового до алого и огненного золотого. Пройдёт ещё немного времени, настанет лето, и солнце совсем перестанет уходить с неба. Так и будет кружить, поднимаясь то выше, то ниже, но никогда не прячась совсем. Когда-то давно, ещё на руднике, один грамотный мономатанец объяснял Волкодаву, отчего так получается. Он убеждал недоверчивого юнца, вращая один кругом другого два камня, маленький и побольше. Волкодав, в общем, понял его рассуждения, но они ему не понравились, ибо не содержали ни благоговения, ни красоты. На что нужен такой мир, пускай даже понятно и правильно объяснённый?..

Наблюдая каждый день за сегванами, Волкодав отмечал про себя, как постепенно стихали между ними разговоры о прибытии на остров. Так бывает, когда чаемое и очень волнующее со-

бытие, постепенно приближаясь из дали будущего, как-то вдруг — а это всегда происходит именно «вдруг» — оказывается совсем рядом. И замолкаешь, и перестаёшь разглагольствовать и болтать языком, и просто ждёшь. С душевным трепетом, делающим слова неуместными и ненужными.

В тот день с утра Волкодав обратил внимание, что комесы совсем перестали сквернословить и развлекать друг дружку весёлыми непристойностями, до которых всегда так охоч воинский люд. А ещё они обошлись без еды, и никто не требовал с Аптахара медовухи, греющей тело и душу. Так люди ведут себя, готовясь приступить к делу, требующему высокого сосредоточения духа. К божественному служению. К поединку и битве. К долгожданной встрече с любимой...

Что явится им из воспламенённого уходящим солнцем тумана? Может, лишь необозримая ледяная стена, над которой даже очертания знаменитых гор невозможно будет увидеть?..

Для самого кунса, для Аптахара и ещё нескольких комесов остров Закатных Вершин был родиной. Они здесь выросли или даже, как Аптахар, оставили молодость. Им каждый валун неслышно прошепчет: «А помнишь?..», им ветер напоёт давно забытые колыбельные, и даже у воздуха окажется совершенно особенный вкус, не такой, как на Берегу, — дышать и не надышаться...

Волкодав очень хорошо понимал это чувство.

Однако большинство молодых воинов, рассуждая об острове, добавит к слову «родина» словцо «пра». Здесь увидели свет их отцы с праотцами, им же самим никогда не доводилось бывать. У этих мореходов тоже горели глаза, но несколько по-другому. Если до острова действительно удастся добраться, их, быть может, в итоге сильно разочарует нагромождение обледелого камня, снабжённое в устах старшего поколения таким легендарным величием. Они, конечно, в этом никогда не признаются. Но и плакать не будут, как плакал когда-то Волкодав, глядя с высокого, крутого холма на свою родную деревню... на крышу дома, под которой теперь жили чужие...

Вени много лет думал об острове Закатных Вершин только как о родине Людоеда. Что ж, это по-прежнему было так. Но — с некоторых пор — не только. Волкодав посматривал на матерщинника и рубаку Аптахара, неотрывно глядевшего вперёд, в плывущий над морем туман. Ближе к вечеру старый воин принялся то и дело смахивать с глаз неизвестно откуда взявшиеся соринки. Или это брызги долетали из-за борта, чтобы украдкой скатываться по щекам?.. У венна не было особых причин любить Аптахара. Скорее наоборот. И Аптахар совсем не шутил, когда называл его несчастьем всей своей жизни. Однако человек, с которым вместе ел хлеб и проливал кровь, такой человек поневоле становится... нет, не своим, судьба так распорядилась, чтобы между ним и Аптахаром подобное сделалось уже невозможно, — но определённо не-чужим, и при всём том, что ты помнишь: этот воин, бывший комес Людоеда, убивал когда-то твою родню, — внутренняя правда мешает смотреть на него исключительно как на врага.

Понапрасну ли вера соплеменников Волкодава запрещала убивать того, с кем перемолвился словом... А в Мономатане жило чёрное племя сехаба, и у тамошних воинов было принято в битве давать пощаду противнику, схватившемуся за древко копья. Волкодав смотрел на беспокойно топтавшегося Аптахара и едва ли не впервые размышлял, в чём же тут дело? В завете Богов — или во врождённом законе, свойственном всякой здоровой душе, каких бы Богов ни чтил её обладатель?.. Легко сбить стрелой дикого гуся, пролетающего над озером. И гораздо трудней свернуть шею такому же гусаку, только домашнему, которому ты дал имя, который приучен доверчиво к тебе подбегать...

Волкодав помнил: кунс Винитарий по прозвищу Людоед появился на Светыни в конце лета. У него было тридцать спутников, тридцать суровых, обветренных мореходов. Винитарий познакомился с Серыми Псами, порадовался ничейным землям за рекой... и почти сразу отбыл, спеша обратно на Острова. Что-бы следующей весной, едва только по Светыни прошёл лёд, вер-

нуться уже со всем своим племенем. Вот тогда и произошло нападение. Буквально через несколько дней...

Последний Серый Пёс привычно считал — кунс не пожелал осенью нападать на его род оттого, что там тоже было ровно тридцать мужчин, ни в чём не уступавших его комесам. И двадцать восемь женщин, точно так же готовых защищать свой дом от любого врага. Поэтому Винитарий не отважился ни напасть, ни зазимовать: ведь тот, кто задумывает предательство, сам вечно подозревает других. И весной он совершил своё подлое дело, едва обсушив после плавания корабли. Ударил навёрняка, зная: никто не чаёт нападения от новосёлов, приехавших жить и только-только начавших устраиваться...

А вот теперь Волкодав начинал думать, что, верно, была у кунса и другая причина для спешки. Неудачливым и бессильным предводителем племени был бы Винитарий, да и не удержал бы он на плечах шитый плащ кунса, если бы не умел предугадывать движения человеческих душ. Легко натравить исстрадавшийся островной народ на каких-то непонятных жителей Берега, явно по недосмотру Богов обладающих богатым и красивым угольем. Но — это только пока венны вправду остаются для приезжих сегванов непонятными и неведомыми, может быть, даже и не вполне людьми, кто их тут знает, на этом Берегу, за столько дней пути от *настоящей земли!*.. Стоит обжиться, начать узнавать друг друга в лицо, вместе ходить на охоту и сообща варить пиво... вместе смеяться, заглядываться на пригожих девчонок... Как после этого резаться? Как посреди ночи взять оружие и пойти убивать тех, кого хорошо знаешь?.. Тех, кто для тебя уже не какие-то нелюди без лиц и имён, а вполне определённые Отава, Белогуз, Межамир?..

Ведь не получится. И Людоед это очень хорошо понимал.

В конце концов Волкодав даже заподозрил, что Винитар, его сын, испытывал нечто подобное. Чем ещё объяснить, что за всё время плавания кунс обменялся со своим то ли пленником, то ли гостем едва ли несколькими словами? Уж не боязнь ли, как бы взаимное узнавание не сделало слишком тяжким долг

кровной мести, не сделало немыслимым Божий Суд, который должен был состояться между ними на острове?.. Поэтому Волкодав весьма удивился, когда Винитар вдруг подошёл к нему и сказал:

— Ты называл острова и расспрашивал о них. Кого ты знал с острова Старой Яблони?

Никакой тайны тут не было, и Волкодав ответил:

— Когда меня продали на каторгу, я встретил мальчика-сегвана. Он был младше меня. Его звали Аргила. Какой-то Зоралик взял его в плен во время усобицы кунсов. — Помолчал и добавил: — Аргила был из тех птиц, что не живут в клетке.

Винитар молча кивнул. Его лицо, по обыкновению, оставалось бесстрастным, и Волкодав понял, что имя Аргилы ничего не говорило ему. Он удивился некоторому разочарованию, помимо воли шевельнувшемуся в душе. Сегванские острова многочисленны. Глупо было надеяться, что все там знают друг друга. Так же глупо, как и полагать, будто все венны между собою знакомы. Однако Волкодав сообразил, что Винитар, должно быть, не спроста расспрашивал его о Старой Яблоне. И он сказал:

— А ты кого оставил там, кунс?

Он не слишком надеялся, что Винитар пожелает ответить. Но, видно, близость родного острова даже вождя заставила изменить некоторым привычкам. Он пожал плечами и проговорил:

— Когда я был мал, тамошний кунс пригласил отца на свадьбу своего сына...

Он слегка запнулся. *Мало кто любил Людоеда*, мысленно договорил за него Волкодав. *Но Старший Род с острова Закатных Вершин был могущественным, и с ним искали союза...*

— Отец взял меня с собой, — продолжал Винитар. — Под утро я пошёл слушать, как падали яблоки, и увидел девочку. Она родилась хромоногой и не могла обходиться без костыля. Но у неё были волосы, гуще которых я никогда потом не видал. Она беседовала не по годам разумно. У всех на уме была свадь-

ба кунсова сына, и уже на корабле я сказал отцу, что тоже нашёл себе невесту. Это было за три года перед тем, как мы переселились на Берег.

Он опять замолчал.

— Вряд ли твой отец пришёл в восторг от такого выбора... — негромко проговорил внимательно слушавший Волкодав. И с запоздалым удивлением осознал, что, оказывается, способен рассуждать о Людоеде просто как об отце, натолкнувшемся на своеволие наследника.

Винитар снова пожал плечами:

— Он дал мне подзатыльник и сказал, что зря она не родилась на нашем острове: для таких, мол, как она, у нас есть Понор.

Волкодав ощутил укол праздного любопытства. У него дома сходным словом обозначали самородные колодцы, в которые проваливалась уходящая под землю вода. Понор, упомянутый молодым кунсом, был одной из немногих диговин Сегванских островов, более-менее достоверно описанных в «путевниках» образованных землепроходцев. Правда, диговина получалась довольно-таки зловещая. Сородичи Людоеда испокон веку отправляли в Понор младенцев, родившихся уродливыми или, по общему мнению, нежизнеспособными. Молва также гласила, будто в голодные годы туда по собственной воле уходили ветхие старики, уставшие от прожитых дней и не желавшие более обременять собой свои семьи. Дело в том, что Понор не был обычным земным провалом. Ни колодцем, куда у веннов сама собой ныряла вода, ни даже огненной ямой вроде тех, что Волкодав видел когда-то на Заоблачном крыже, на горе Тлеющая Печь. Заглянувший в Понор не обнаруживал внизу дна. Ни каменного, ни огненного, ни водяного. Вообще ничего, кроме плотной густой тьмы. Факел, сброшенный в эту прорву, в некоторый момент переставал озарять отвесные стены и пропадал — внезапно, сразу, не зашипев и не замерцав, словно проглоченный. То же происходило и со светильником, опускаемым на верёвке. Верёвка всякий раз оказывалась срезанной ровно и

чисто, словно бы необычайно острым ножом, и рука, держащая её наверху, не улавливала мгновения.

И даже эхо громкого крика не возвращалось обратно.

Поэтому островные сегваны считали Понор прямым лазом на тот свет. Стародавние предания даже повествовали о чудовищах, якобы выползавших оттуда в людской мир. Однако этого не случалось уже на памяти множества поколений. Что бы там ни было раньше, Понор столько веков не только ничего не выпускал из себя, но даже не отдавал обратно, что нашествия чудовищ никто более не опасался. К Понору просто привыкли. Человек, дай время, привыкает ко всему. Есть же вот у других каменные берёзы, опустившие ветви в никем не разгаданной вековечной печали. Или горный склон, на котором изломы скал и причудливые наслоения осыпей образуют гигантский лик нахмурившегося человека. А у нас — Понор!

...Будь на месте Волкодава Эврих, — не подлежало никакому сомнению, что учёный аррант немедленно простёр бы руку привычным жестом красноречия и принялся убеждать Винитара: позволь, дескать, сперва мне увидеть столь примечательную особенность твоего острова и, главное, описать её на долговечном пергаменте несмываемыми чернилами, — а там уже убивай!.. Но Волкодаву, хоть он и начитался в крепости умных книг, до Эвриха было весьма далеко. И он промолчал.

— Я не знаю, что случилось с той девочкой, — резко, отрывисто проговорил Винитар. — Я никогда больше не слышал о ней.

Повернулся и ушёл на нос корабля, оставив Волкодава недоумевать, с какой бы стати кунсу понадобилось ему всё это рассказывать.

Всё же сегванских мореходов вело сквозь морские пространства некое таинственное чутьё, которого венн не мог уразуметь, наверное, в той же степени, в какой им была непонятна его сущность жителя леса. Волкодав, хоть повесь его, не сумел бы сказать, что такого особенного появилось в очертаниях волн, но сегваны ни дать ни взять увидели свежий след на снегу. Или,

точнее, последний поворот тропы, за которым уже видна будет родная околица. Стоя на самом носу корабля, Винитар расстегнул и сложил на палубу украшенный золотыми бляхами пояс — знак достоинства вождя. Потом медленно, словно совершая обряд, стянул с плеч толстый овчинный кожан, а за ним и рубаху, оставшись голым по пояс. Начали молча стаскивать одежду и другие корабельщики, да не все сразу, а в очередь, строго по старшинству. Волкодав отметил, что первыми присоединились к вождю те, кто, подобно Аптахару, явно вырос на острове. Вот в руках у Винитара появилось маленькое кожаное ведёрко на длинной верёвке. Размахнувшись привычным и оттого красивым и сообразным движением, кунс закинул ведёрко далеко вперёд и потом извлёк его, полное прозрачной воды. Там, где плещущие капли попадали предводителю на руки и грудь, белое тело сразу вспыхивало красными пятнами. Море целовало вождя. Винитар поднял ведёрко к лицу и то ли ответно поцеловал студёную воду родины, то ли отпил солёный глоток. И, занеся, опорожнил кожаный сосуд себе на голову, добротнo облившись. Передал ведёрко Аптахару, сам же остался обсыхать на ветру, не торопясь заново укрываться одеждой.

Аптахар, ловко действуя единственной рукой, не дрогнув повторил священнодействие и уступил место следующему воину.

Глядя на это, Волкодав развязал на косах ремешки и пальцами разобрал волосы, распуская их по плечам. Как-никак, для него остров Закатных Вершин тоже был не чужим. И, весьма вероятно, кому-то из них с Винитаром вскорости предстояло сложить здесь свою голову.

Некогда с этого острова на землю Серых Псов соступила Смерть, принесённая Людоедом. А теперь вот Незванная Гостья ехала к Закатным Вершинам в облике последнего Серого Пса.

«Ну что ж. Здравствуй...»

Откуда мог знать Волкодав, что объятия ледяного ветра, жестоко обжигавшего даже очень закалённую кожу, были для молодого кунса не просто данью обряду священного омовения

перед первым шагом на родной берег, но и весьма задорого купленной памяткой из времён, казавшихся теперь такими далёкими. Вот только вспоминал Винитар своё детство совсем иначе, чем Волкодав. Венн совершенно определённо знал, какое детство он хотел бы дать своим детям, если бы они у него когда-нибудь появились. Винитар же при всём желании не сумел бы про себя такого сказать, ибо как может человек дать кому-либо то, чего не имел сам?

...Пока «косатка» Винитария по прозвищу Людоед шла с острова Старой Яблони обратно домой, воины только и делали, что потешались над малолетним «женихом» и хромоножкой «невестой» и строили самые бесстыдные предположения насчёт того, чем бы всё кончилось, дойди у них дело вправду до свадьбы, и вождь не останавливал смешливых парней. Сказать, что подобное зубоскальство ранило Винитара в самое сердце, значит не сказать ничего. Он никак не отвечал на насмешки, говоря себе, что отец устраивает ему очередное испытание, проверяя, достоин ли он быть его сыном. Ни один кунс не становился предводителем воинов только по праву крови. Люди Островов полагали, что это самое право нужно сперва ещё доказать. А Винитар и так знал, что отец был не слишком доволен им, сыном синеглазой «неженки» с Берега. Может быть, отец даже ждал, чтобы неподходящего наследника унёс случай или недуг: он полагал — уж за тем, чтобы зачать себе нового сына, у него дело не станет. И Винитар в угрюмом молчании варил воинам медовуху и кашу, а потом мыл котлы, никак не показывая, что ядовитые речи достигали-таки его слуха. Тогда он ещё пытался что-то доказать отцу, ещё полагал, будто вправду чем-то виновен, чем-то умудрился стяжать его недовольство...

Однако к середине морского перехода ему стало казаться, что на сей раз одного молчания не будет довольно. Он принялся думать, чем бы ответить. Драться он тогда не умел, его не очень-то и учили, да если бы и учили — годами не вышел ещё, чтобы всерьёз на что-то надеяться против взрослых бойцов. И

тогда-то, на корабле, качавшемся посреди моря, Винитар вспомнил об одном способе поединка, бытовавшем некогда на Островах. О нём рассказала ему бабушка, когда он попросил её объяснить, что такое «состязание ста полотниц». Это испытание часто упоминалось в сказаниях, но нигде не рассказывалось подробно, в чём же оно заключалось. Так нередко происходило в сказаниях. «Лютый зимой он вызвал его на состязание ста полотниц, и победил. Весть об этом передавали с одного острова на другой...» И всё. Предполагалось — все знали, о чём шла речь. А если не знают?.. Сказители, похоже, всего менее предполагали, что когда-нибудь родятся дети, для которых стародавний обычай уже не будет чем-то самим собой разумеющимся, дети, которым понадобится заново объяснять...

Бабушка Винитара, мать его отца, звалась Ангран, что значило «одна в горе». Она вправду слыла замкнутой и нелюдимой старухой. Поговаривали даже, будто она отчасти повредилась в уме после гибели старшего сына, которого любила гораздо более младшего, ставшего кунсом. Она — ну не сумасшедшая ли? — даже в чём-то этого младшего подозревала. Однако внука своего от Винитария бабка Ангран, как это на первый взгляд ни странно, весьма жаловала и привечала.

Теперь-то Винитар полагал, что ничего странного тут как раз не было. Просто, как однажды ему рассказали добрые люди, его угораздило родиться похожим не на отца, а на погибшего дядю. Более того, с некоторых пор Винитар находил, что старухины тёмные и страшные подозрения могли быть не лишены оснований. Во всяком случае, если дело вправду обстояло именно так, этим полностью объяснялась отцовская к нему нелюбовь. Тайна крылась в нечистой совести кунса, а вовсе не в происхождении Винитара от слабосильной женщины с Берега. Кому приятно всякий день видеть перед собой живое напоминание о давнем и жутком грехе?.. Потому-то кунс унижал отпрыска и другим позволял его унижать, ибо даже спустя годы всё утверждал себе самому: я, только я должен был стать вождём, а вовсе не мой брат...

...Как бы то ни было, маленький Винитар выпросил у бабушки о состязании ста полотнищ, и она ему растолковала, что к чему, ведать не ведая, каким образом внуку со временем пригодится её вразумление. А мальчишка молчал не только до самого возвращения домой, но и дома терпел ещё не менее десяти дней, выжидая, пока от походников о его «жениховстве» прознает уже всё племя Закатных Вершин и людям постепенно надоест болтать языками. Никто не оценил его терпения по достоинству. Даже бабушка, потому что она жила очень уединённо и в родовом доме появлялась исключительно редко, а сам он, решив быть взрослым мужчиной, к ней за советом и утешением не побегал.

И вот настал день, когда за столом во время вечерней трапезы никто ни разу не проехался по поводу Винитара: у людей появились иные поводы для веселья. Тогда-то, мысленно помянув трёхгранный кремёнь Туннворна и укрепив тем самым свой дух, мальчик поднялся со скамьи. И громко, на весь дом, обратился к самому злomu и заядлому корабельному острослову, всех крепче донимавшему его в плавании. Это был молодой комес, занимавший, при всей своей молодости, одно из почётных мест за столом — всего на три подушки ниже вождя, по правую руку. Винитару потребовалось изрядно напрячь голос, чтобы его услышали, но он справился. Он сказал:

«Ты поступал со мной, Антахар, так, как поступает только трус, уверенный, что его не посмеют оскорбить или ударить в ответ. Посмотрим, каков ты будешь герой, если у меня найдётся чем отплатить. Пусть будет мне свидетелем огонь этого очага: да не обогреет он меня больше, если я не вызову тебя на состязание ста полотнищ и не посрамлю тебя перед лицом людей и Богов, отстаивая свою честь!»

Он не стал заговаривать об этом на корабле, потому что там дело кончилось бы лишь очередным подзатыльником, да ещё, чего доброго, прилипло бы прозвание не только недосиженного жениха, но и поединщика, опять-таки недосиженного. Другое дело дома, когда за столом собрались не только воины и под кровом полно женщин, не пропускающих мимо ушей ни единого сло-

ва. Поди отмахнись от сотворённого по всем правилам вызова. Самого потом заключают.

Аптахар, ничего даже отдалённо подобного вовсе не ожидавший, поперхнулся пивом и закашлялся, сясь вдохнуть. Сидевшие рядом принялись со смехом хлопать его по спине, и надо сказать, что более слабого человека эти шлепки просто сбросили бы с покрытой подушками лавки, но Аптахар даже прокашляться сразу не смог, и вместо него Винитару ответил сам кунс:

«Сядь, недоносок! Ты, верно, только что вынул свой язык из непотребного ведра, так засунь его обратно и не болтай попусту о вещах, которые тебе не по умишку! Сядь, я сказал, а не то я сам тебя выдеру!»

Тут уж никто не стал хохотать. Угроза на самом деле была страшная. Тяжесть кунсовой руки никакому сомнению не подлежала. Как и то, что на сына он её поднимет без особых раздумий. Кто-то даже потянул Винитара за руку, побуждая подчиниться и сесть, но мальчишка, понимая, что отступать некуда, руку выдернул. Он знал: если сейчас пойти на попятный, о воинском достоинстве можно будет больше не помышлять. Лучше сразу переселиться в жилища рабов, пасущих стада. Как ему потом говорили, он стал белей овечьего сыра, лежавшего на столе. Он сказал:

«Коли так, значит, мне останется только обратить против Аптахара непроезжимые речи. И тогда пусть он либо убьёт меня за них, либо признает, что он и есть таков, как я стану о нём говорить, и уберётся с этого острова навсегда!»

После таких слов все разговоры за столом быстро замолкли. Люди окончательно поняли, что потешаться над мальчишеской выходкой сына кунса им не придётся. Непроезжимые речи были ритуальным злословием, редко употребляемым из-за своих страшных последствий: оттого их так и называли — непроезжими. Мужчина объявлялся в них не-мужчиной-не-женщиной, созданием, не имеющим естества, а значит, не способным к правам и обязанностям, присущим полноценному человеку, к какому бы полу тот ни принадлежал. И это была не обычная, каж-

додневно звучащая ругань, подразумевающая женское распутство или ущербность мужского достоинства. Что ругань? Отведя душу, оскорбитель и оскорблённый порою отправляются вместе пить пиво. Это же были древние, самым временем отшлифованные слова, ничего бранного вроде бы не содержавшие, но, будучи произнесены, они не развеивались по ветру, как простая изустная мусорщина, но оставались грозно висеть над человеческими головами, не допуская ни выкупа, ни словесного примирения, и в отплату за них испокон века принималось только одно — смерть.

Вот какое поистине последнее оружие пустил в ход доведённый до крайности Винитар. Все стали смотреть на кунса. И кунс, подумав, вынес, пожалуй, единственный приговор, который ему оставался.

«Я не допущу, чтобы из-за прихоти балованного сопляка кров и очаг моих предков осквернили непроизносимые речи, — сказал он, с нескрываемым отвращением глядя на сына. — Ладно, будет тебе твой поединок. Чего доброго — поумнеешь!»

«...Или помрёшь, невелика будет потеря», — почти наверняка добавил он про себя. Однако то, что не высказано вслух, навсегда остаётся в области предположений. Тут люди могут только гадать.

Утром, едва из моря выглянуло солнце, Аптахар и сын кунса обнажёнными встали на морском берегу. Остров Закатных Вершин лежал гораздо севернее острова Старой Яблони, и если там ещё расставляли в погребах последние высланные соломой корзины с яблоками, — здесь снежные шапки гор уже начали неудержимое движение вниз, а по краю прибоя на камнях вовсю намерзал лёд.

Едва не всё племя собралось смотреть поединок. Кунс Винитарий был среди немногих, кто не явился на берег. Наверное, тем самым он хотел показать, что исход состязания был ему безразличен. Зато Винитар с изумлением увидел на берегу свою бабушку Ангран. Старуха стояла очень прямо, скрестив на груди руки, и, как ему показалось, взирала кругом даже с некоторым зло-

радством. А вот у Аптахара, наоборот, вид был неуверенный и смущённый. Нет, конечно, предстоявшее испытание его не пугало. Правильного морского сегвана вообще очень трудно пронять чем-либо, имеющим отношение к холоду и воде. Но на берегу собралось полным-полно женщин, и они уже начали насмехаться над взрослым мужчиной, вышедшим состязаться с мальчишкой. При этом мужественность Аптахара подвергалась языкастыми сегванками самому пристальному и, конечно, весьма непочтительному рассмотрению.

В конце концов молодой комес не выдержал.

«Любой из вас покажу, — рывкнул он, — затупился или нет мой клинок! Ну? Которой невтерпёж?»

«Нет уж, — со смехом отозвались женщины. — Лучше мы подождём, пока супротивник твой подрастёт. На него и сейчас смотреть радостней, чем на тебя!»

Если бы Винитар лучше разбирался в людях, он понял бы, что уже победил. Но тогда он мог только думать о ледяной стыни, которая должна была вот-вот обнять его обнажённое тело, о морозной воде, которая, казалось, нетерпеливо тянулась к нему брызгами, доносимыми ветром. От её жадных поцелуев белая кожа процветала алыми звёздами.

«Берутся куски полотна такого размера, чтобы воин мог перекинуть его через плечо и дважды обернуть кругом тела...» — принялась нараспев произносить бабка Ангран.

Девушка, подошедшая к Аптахару с мотком полотна и острыми овечьими ножницами, мило улыбнулась ему:

«Не захочешь ли ты пожаловаться, что твоё полотнище окажется больше, чем у кунсова сына?»

«Заткнись, дура!» — был раздражённый ответ.

«Полотнище смачивают в воде холодного моря, и воин сушит его на себе, — продолжала старуха. — Того люди признают победителем в споре, чья правда духа позволит ему высушить больше полотнищ...»

Теперь-то Винитар хорошо знал, что дело тут было совсем не в закалке мореплавателя и не в умении тела переносить хо-

лод, а именно в той правде духа, которая при других обстоятельствах наделяет способностью гасить голой ладонью огонь или вынимать горячее железо из костра, не ведая ожогов. Собственно, он знал это и тогда, но одно дело — знать понаслышке и совсем другое — попробовать самому. Он хорошо помнил: мокрое полотнище, обнявшее тело, в самый первый миг показалось ему даже не очень холодным. Холод навалился чуть позже. Он проник сквозь кожу и стал всё глубже входить в тело, заставляя жизнь отступать и съёживаться внутри. Винитар попытался вызвать в себе негасимый внутренний жар, как делали герои сказаний, плавившие своими телами лёд и снег до земли... и понял, что наступил его смертный час. Что ж, подумал он, значит, быть по сему. Попросить пощады его всё равно не заставила бы никакая сила на свете. Давно повзрослевший Винитар отчётливо помнил, как преисполнился равнодушия и постепенно перестал о чём-либо думать, поскольку объём страдания, к которому иначе приходилось бы прислушиваться, оказался слишком велик. Когда с него сняли высохшее полотнище и предложили новое, мокрое, он просто кивнул, слегка и весьма отдалённо удивившись, что оказался ещё способен наклонить шею.

Аптахар сломался на четвёртой перемене полотнища.

«Ладно, пусть говорят люди, будто я зря насмешничал над тобой! — заорал он на весь берег. — Не желаю видеть юнца, который собрался довести себя до смерти из-за того, что не научен веселить сердце беседой!..»

Винитар на всю жизнь запомнил усмешку бабки Ангран, сопроводившую эти слова. Кое-кто потом говорил, будто он, мальчишка, и тогда уже был способен выиграть поединок. Так или нет, теперь оставалось только предполагать. Не подлежащим сомнению оставалось нечто гораздо более важное, случившееся в действительности, и вот что это было. Спустя несколько дней Аптахар подошёл к кунсу и обратился к нему, сказав так:

«Не будет ли против твоего сердца, если я стану понемногу учить твоего сына разным умениям, которыми обладаю?»

Кунс передёрнул плечами:

«Учи или не учи, как сам хочешь».

Знать бы Людоеду, что таким образом его сын приобрёл самого первого и самого верного сторонника, за которым чуть позже потянутся и другие. Его, вождя, боевые побратимы, лучшие, проверенные воины. И ведь тогда уже можно было предвидеть, что спустя годы они уйдут от него за Винитаром, — уйдут сухим путём на службу в далёкую страну Велимор, а он, их бывлой кунс, останется в недавно построенном замке почти с одними наёмниками...

Сегваны напряжённо смотрели вперёд, ожидая, чтобы в розово горевшем тумане вот-вот проступила неясной тенью тёмная громада берега. Или, что было, пожалуй, вероятнее, — край ледника, успевшего окончательно поглотить сушу и выдвинуться в море. Но всё произошло так, как почти всегда происходит, когда напряжённо ждёшь чьего-нибудь появления и до рези под веками глядишь на дорогу, высматривая вдалеке облачко пыли. Всё равно вздрагиваешь, когда оно наконец появляется. Или что-то отвлекает тебя, или просто прижмуриваешь уставшие глаза, смаргиваешь слезу, и, взглянув снова, обнаруживаешь, что долгожданный человек почти уже рядом — возник, точно по волшебству...

Морской туман — или нижний край облаков? — расступился впереди так внезапно, словно кто-то резким движением рассёк и раздвинул тяжёлую войлочную завесу. И Волкодав сразу понял, почему родина Винитара называлась островом Закатных Вершин. Остров был виден весь целиком — клочок каменистой суши едва ли десятка поприщ в поперечнике. Обрывистые берега круто вздымались из моря. Чуть выше береговых утёсов виднелась плотная выпуклая шапка то ли льда, то ли снега, издали поди разбери. Восточный скат её прятался в синеватой тени, озарённый лишь отсветом облаков, западный терялся в сплошном сиянии. И надо всем господствовал крутой и высокий горный кряж с тремя могучими вершинами, скошенными к северо-западу. Тучи, клубившиеся над морем, едва до-

ходили каменным исполинам до плеч, а головы их кутали вечные снега, имевшие больше отношения к небу, нежели к земле, и было ясно, что созерцать горы следовало именно на закате, причём единственно оттуда, откуда подходил корабль Винитара. Заоблачные ледники полыхали огнём, почти нестерпимым для зрения и разума смертных, простое лицезрение этой красоты казалось чуть ли не святотатством. Некий неуют поселялся в душе — уж не довелось ли подсмотреть нечто, созданное Богами только для Их глаз?.. «Косатка» целилась носом на средний зубец с точностью стрелы, выпущенной мастером лука, и у Волкодава невольно стукнуло болезненно сжавшееся сердце. Три горы родного острова Винитара мучительно напомнили ему... он не сразу сообразил ЧТО...

В отличие от венна, у мореплавателей скоро возобладала рассудочность, присущая многоопытным корабельщикам. Очнувшийся от замороженного созерцания Волкодав услышал разговоры сегванов — сперва звучавшие вполголоса, потом и совсем громко.

— Смотри-ка, — сказал вождю Аптахар. — Ледяной великан не дотянулся до моря!

Кунс ответил:

— Значит, правы были те, кто надеялся на тёплое течение, испокон века снабжавшее нас рыбой.

— Не очень похоже, однако, чтобы на острове по-прежнему были пахотные поля, — подал голос один из молодых комесов.

— Ну и что? — оглянулся Аптахар. — Прожили бы и без них. Рыбы в море полно!

— И скот кормили бы тресковыми головами, только не до новой травы, как раньше бывало в голодные зимы, а круглый год, — пробормотал дерзкий Рысь.

— Я больше привык к молоку, не одобренному запахом рыбы... — поддержал Гверн.

— Не мы принимали решение уходить, и не нам оспаривать его годы спустя, — сказал вождь. — Да и не затем мы явились сюда, чтобы выяснять, правильно или нет поступили наши отцы.

Отрезанного ломтя не приставишь назад: наша судьба на Берегу, и этого уже не перекроить заново. Поклонимся же родной земле за то, что дождалась нас, не поспешив схоронить себя под покровами льдов. И попросим прощения за отцов, бросивших её на произвол великанов.

Аптахар молча опустилсЯ на колени. Комесы, занятые со снастями, склонили головы. Волкодав с некоторым удивлением обнаружил, что последовал их примеру. И лишь запоздало осознал, что кланялся вовсе не острову Закатных Вершин.

Точно так, как теперь, он опустил глаза, мучительно заслезились от нестерпимого закатного света, когда, пропутешествовав по Беловодью, взошёл на знакомые-незнакомые холмы над Светынью — и на тропе встретил женщину в веннской понёве, нёсшую ужин кузнецу.

Точно так, как теперь, он поклонится ещё один раз... Когда увидит перед собой... Он только сейчас уразумел — ЧТО. О том, когда это произойдёт, было покамест рано загадывать. Волкодав вспомнил своё намерение вернуться в беловодский Галирад, в дом Вароха, Тилорна и Ниилит... своё недоумение, зачем он нужен там, в этом тёплом и дружеском, но всё-таки не родном доме... свои гадания, как жить-быть дальше... И усмешка тронула его губы. Усмешка невесёлая и кривая, но всё-таки успокоенная. Всё вставало на место. Знание, безмолвно томившееся на задворках души, обретало внятные черты.

Но почему судьбе оказалось угодно, чтобы последним толчком к пониманию оказались именно три вершины, сгорбившиеся над островом Людоеда?..

...А мореходы, очень обрадованные, что будут причаливать не к ледяному обрыву, а к настоящей земле, уже высматривали на берегу знакомую бухту. Старшие комесы и сам вождь быстро обнаружили приметные скалы, и Рысь мастерски провёл между ними «косатку». Корабль уронил парус и, истощивая разгон, прочертил окованным форштевнем спокойную, не тревожимую никакими бурями воду под защитой утёсов.

— Раньше здесь всюду был лес... — еле слышно пробормотал Аптахар. — А теперь даже мха не видать...

Больше никто не произнёс ни слова.

«Косатка» подошла к единственной полоске песка, видневшейся между двумя отвесными стенами, и настолько плавно ткнулась в неё грудью, что толчок вышел едва уловимым.

Кунс Винитар, сидевший на одной из носовых скамей, сам продел сквозь гребной люк длинное весло и бережно опустил лопасть на песок. Перешагнув борт — и сошёл на берег так, как было принято у его праотцов, возвращавшихся из походов. Оказавшись на суше, он первым долгом припал на колено и коснулся ладонью смёрзшегося песка: «Вот я и дома...»

После этого на берег перекинули уже обычные мостки, и морская дружина друг за другом ступила на остров Закатных Вершин. Воины Винитара, даже самые молодые, никогда здесь не бывавшие, сдержанно переговаривались, гладили холодные камни и нюхали воздух, словно он здесь чем-нибудь отличался от веявшего над морем. Старик Аптахар плакал и не скрывал слёз. Последним твердь под сапогами ощутил Волкодав. Никто ему ничего не сказал и не стал удерживать на корабле.

Избранный Ученик Хономер не любил роскоши. И в особенности такой, которая расслабляет и изнеживает человека телесно, мешая тем самым достигать напряжения духа, необходимого для общения с Небесами. Даром ли во все времена и у народов всех мыслимых вер главные откровения вручались почти неизменно людям гонимым, нищим, страдающим? Когда тело снедаемо тяготами и трудами, молитва обретает особую силу. И, наоборот, мало кто достигал святости в сытой жизни среди подушек и мягких ковров. Поэтому Хономер позволял себе очень мало сна, да и то на ложе из голых досок, прикрытых лишь шерстяным жреческим плащом, и даже в холодную погоду не слишком-то баловал своё тело тёплой одеждой. И люди, приходившие к нему в крепость и допущенные в покои, где он предавался занятиям, неизменно поражались суровой просто-

те обстановки, говорившей о прямо-таки подвижническом воздержании.

Некоторые полагали, что это была одна только видимость, долженствующая произвести впечатление на простецов. Те, кто видел Хономера каждый день, знали — голые стены, украшенные лишь самодельными полками, где присутствовали ежедневно нужные книги, отнюдь не являлись маской, но в точности отражали внутреннюю потребность Избранного Ученика. И были ещё люди, которым ненаигранная суровость Радетеля Хономера внушала сущее благоговение. Эти люди про себя сопоставляли почти мученический подвиг добровольных лишений, коим подвергал себя Хономер, с раззолоченной пышностью великого тар-айванского храма. Они сравнивали провалившиеся щёки Избранного Ученика, его руки, знакомые с тяжёлым каждодневным трудом, — и круглые лица, мягкие ладони жрецов, повсюду встречаемых в столице истинной веры. И кое-кто уже говорил, причём даже не всегда шёпотом, что любому вероучению приходит духовный конец, когда оно заплывает благополучным жирком. И что возродить его поистине способны лишь те, кто по доброй воле возвращается к жизненному уставу первых праведников, прославленных едва ли не наравне с Близнецами.

Такие, как Хономер...

Слыша подобные разговоры, Избранный Ученик, конечно, скромно отнекивался. Но про себя потихоньку мечтал, как однажды по праву взойдёт на трон Возлюбленного Ученика — и первым долгом изгонит из храмов роскошь, достойную не воинствующих жрецов, а купеческих жён, дорвавшихся до богатства. Как отрешит от служения всех тех, кто привык заботиться не о распространении праведного учения, а о наполнении собственного брюха и ублажении плоти. Наверняка это создаст ему могущественных врагов, но и привлечёт немало сторонников. Не исключено в дальнейшем, что верные Богов-Близнецов разделятся на два непримиримых лагеря: одни последуют воздержанной простоте Хономера, другие захотят вернуть преж-

ние сытые времена. И, возможно, между ними даже разразится война. Которая либо покроет имя Хономера вечным позором отступничества, либо вознесёт его на небывалую высоту, дав звание Равного...

От подобных размышлений голова кружилась сладостно и жутковато. В глубине души Хономер отчётливо понимал, что опять рвётся туда же, куда посягал и во времена поиска Глаза Дракона, и позже, когда учреждал в крепости школу кан-киро. И, очень может быть, судьба снова готова была осадить его, насмешливо обрекая на обидную неудачу в самом начале пути... Что ж, пусть даже и так. В любом случае сам Предвечный не запретит ему помечтать, унести мыслью к тому, как всё повернулось бы, если... если бы...

Избранный Ученик Хономер стоял у окна, тяжёлые деревянные ставни которого были распахнуты настежь по случаю наступившей жары, и смотрел во двор, на унотов, круживших и катавшихся по двору под водительством Волка.

Кан-киро!.. Как же он тосковал по нему!..

Он прекратил посещать уроки, сославшись на занятость делами. На самом деле причина была, конечно, совершенно другая. Какая же? Привычный к работе души, Хономер долго и придиричиво разбирался в собственных побуждениях, пока наконец, как ему показалось, не нащупал ответ. Брезговал ли он учиться у Волка, прикоснувшегося к кан-киро на несколько лет позже его самого?.. Нет. Он давно утратил подобную гордыню и распротился с брезгливостью, ибо знал, что божественное просветление иной раз снисходит и во время чистки свинарника. Тогда, может быть, он утратил вкус к занятиям, поскольку осознал, что достиг отмеренного ему свыше уровня мастерства и уже не двинется дальше?

Тоже нет...

Он просто понял, что наука безумной языческой жрицы и её ещё более безумного выученика, Волкодава, не даст ему необходимых средств для достижения Цели.

Кан-киро было просто не предназначено для завоевания власти, всё равно, мирской или духовной. Верно, люди могли собраться вокруг мастера этого искусства и стать его учениками не только в пределах двора, отведённого для занятий. Но вот войско, готовое завоевать для своего Наставника царство и посадить его на трон, — такое войско из них даже Волкодав при всём желании не смог бы составить, не говоря уже о старухе. Подобному противилась самая суть кан-киро, и насиловать эту суть было всё равно что приказывать воде не быть мокрой.

А значит, пришла пора Хономеру сворачивать с этого пути, пока ещё не все шишки успел набить себе на ухабах, и подыскивать какой-то иной, более подходящий. Например, путь исконной строгости и самоограничения, сугубо ненароком являемый ближним и дальним гостям...

Да, но как же, бывало, воспарял его дух, когда нешуточное нападение другого унота, иногда гораздо более сильного телом, безобидно рассеивалось, устремляясь в Небо и Землю... Или воистину удавалось призвать к нападавшему некое высшее милосердие, заставляя его исчерпать злобный порыв и отправиться учиться терпению у одной из стихий...

Хономер смотрел из окошка на Волка и унотов, продолжавших восхождение по пути, полезность которого он счёл для себя исчерпанной, и не мог отделаться от зависти и дурнотной тоски.

В конце концов он заставил себя вернуться за стол и начать пристально размышлять о рассказе соглядатая, только что уведённого прочь молчаливым кромешником.

Соглядатая звали Ташлак. Это был шуплый человечек неопределённого возраста и самой незапоминающейся внешности; единственной приметной чертой его были густо усыпанные бородавками руки. Он давно служил Хономеру, и о том, что сказанное в его присутствии может достичь ушей Избранного Ученика, в Тин-Вилене не успел проведать, пожалуй, только очень ленивый. И это было, в некотором смысле, даже неплохо. Отвлекало людское внимание от других, по-настоя-

щему затаённых и никому не известных подзирателей* Хономера. При всём том Ташлак до сих пор иной раз приносил Избранному Ученику сведения, на поверку оказывавшиеся крайне полезными.

Так вот, несколькими днями ранее он увидел в городе, в харчевне вельха Айр-Донна, двоих жрецов, прибывших на кондарском корабле. Молодого звали вроде бы Никилой. Имя старшего оставалось пока доподлинно неизвестным — Никила величал его просто Наставником. Но Хономер, не особенно боясь ошибиться, мог предположить, что старик был тот самый Кроймал, которого нарлакские Радетели наконец выгнали из Кондара и заставили вообще покинуть страну.

На самом деле два наказанных священнослужителя не представляли для Хономера особого интереса. Если бы с ними разделились за отступничество в вере, Избранный Ученик непременно пожелал бы самолично узнать, в чём оно заключалось. И в особенности — не случилось ли так, что двое кондарцев, как и он сам, отстаивали некую истину, подзабытую богатым и процветающим Тар-Айваном. Но, увы, причина изгнания, насколько Хономер был о ней осведомлён, ничего возвышенного в себе не несла. Кроймал и Никила пострадали только из-за собственной нерадивости, проявившейся в недостаточном жреческом рвении. Притом что этим двоим Предвечный с самого начала облегчил работу. Некий купец, исполненный благодарности за избавление от болезни, завещал им добротный большой дом, дабы вера Близначев обрела в Кондаре свой кров. И как же распорядились подарком учитель и ученик?.. Имея чудесную возможность немедленно устроить Дом для молений и всемерного восславления Близначев, они... урядили лечебницу для нищих! То есть — для портовых шлюх, подхвативших дурную заразу, для пьяниц, нахлебавшихся ядовитого пойла, для мелких головорезов, погромсанных в переулочных стычках!..

* *Подзиратель* — то же, что соглядатай, шпион.

Для всех тех, кто своим существованием оскорблял Ближнецов.

И деньги на лечебницу они добывали примерно так, как заслуживала вся эта затея. Просили на городской площади милостыню!

Достойное занятие для двоих последователей Воина и Целителя, уж что говорить.

Это вместо того, чтобы всеми способами привлекать на свою сторону правителей края!.. Славного полководца государя Альпина и его старшего брата, человека безвольного, весьма подверженного любому внушению!..

Нет, поделом им досталось. Весьма поделом.

Наверное, поэтому они и предпочли остановиться в кабаке язычника Айр-Донна, а в крепость единоверцев отнюдь не пошли. То ли прониклись запоздалым раскаянием и стыдом, то ли вполне обоснованно предположили, что Хономер их не очень-то радостно примет...

Чисто на всякий случай Хономер велел Ташлаку и дальше следить за поступками Кроймала и Никилы. И вот сегодня оказалось, что леньность духа и отсутствие благородного жреческого стремления довела-таки двоих до отступничества. Вместо того, чтобы прийти к Хономеру и смиренно присоединиться к трудам тин-виленского братства, они... отправились в горы. С намерением осмотреть храм Матери Сущего, несколько лет назад якобы обретённый в этой дикой стране. И, если Ташлак ещё не ослеп и не оглох, они вовсе не собирались искоренять местное суеверие.

Они имели в виду там *поклониться*.

Они даже привезли с собой из Кондара резные образа Ближнецов-над-болящим — и собирались предложить их горцам в качестве *приношения*!

Как если бы для них ничтожная кумирня пещерного племени в самом деле могла содержать нечто священное!..

Хономеру не впервые доводилось слышать о храме в горах, потому что слухами, как известно, земля полнится, а он всегда

относился к слухам с величайшим вниманием, предпочитая не отмахиваться от них, но выкапывать малые зёрнышки истины, словно петух съестное из кучи навоза. Он никогда не был брезглив, и это приносило плоды.

Последнее время о новообретённом храме Богини в городе говорили подозрительно часто. И даже связывали с ним настоящее чудо, ибо как иначе можно было назвать примирение двух итигульских племён, много десятилетий проводивших в беспрестанной и очень жестокой резне?

Хономер знал: на пустом месте такие разговоры не возникают.

А теперь вот и жрецы Богов-Близнецов, ученики истинных детей Предвечного, по собственной воле пересекали необъятное и опасное море — и, вместо того, чтобы спешить к братьям по вере и каяться в вольных или невольных грехах, отправлялись к этой непонятной святыне. Для поклонения!

— Надо же наконец разобраться, — вслух проговорил Хономер, глядя в окно.

Там, по совести сказать, тоже ничего особо радостного не происходило. Скорее наоборот. Наставник Волк повторял приёмы, на который до сих пор считался способным лишь Волкодав. Ему завязали глаза, и семеро унотов засновали вокруг, силясь достать его оружием. Правда, на Волкодава насакивали с настоящими остро отточенными мечами, а на Волка пока — с венниками. Молодой мастер предпочитал не заноситься слишком высоко. Но всё равно чувствовалось: ещё немного — и он с такой же лёгкостью раскидает даже по-настоящему вооружённых.

«Хватит смотреть! — сказал себе Хономер. — С этим покончено. Кан-киро не оправдало надежд».

«Как-киро? Не оправдало? — тотчас усмехнулся неумолимый внутренний голос. — А может, это ты не оправдал надежд кан-киро?..»

Он был прав, как всегда, этот внутренний голос. Хономер вполне отдавал себе в том отчёт. И зло, горестно сожалел, что его не было сейчас там, во дворе, рядом с Волком. Что не он

нападал на него, не он в восторге летел кувырком прочь, восхищаясь мастерством Наставника и жарко мечтая когда-нибудь самому встать с завязанными глазами в кругу ретивых учеников...

«Нет, — твёрдо сказал себе Хономер. — Это не мой путь».

И, с усилием отвернувшись, стал разглядывать у противоположной стены подставки, хранившие карты тин-виленских окрестностей. Каждая карта была опрятно свёрнута трубкой и перевязана цветным шнурком. Взгляд Радетеля нашёл и выделил некоторые из них. Он снова проговорил вслух:

— Надо в конце концов самому там побывать.

«Но где он, мой путь? Где он? Укажите, милосердные Братья...»

Слепой Лось, отец Шаршавиной Заюшки, всего более любил летними днями работать на заднем дворе. Там было спокойно и тихо, туда еле-еле достигал шум и гам живой многолюдной деревни. То есть, конечно, в некоторой степени достигал, — но не беспокоил, а просто давал знать, что у Зайцев всё идёт обычным повседневным чередом и ничего недоброго не случилось.

Здесь для мастера был выстроен просторный амбар, где лежали деревянные болванки, хранились инструменты и ожидали своего дня многие тысячи прутьев — одни весенней заготовки, другие осенней, все заботливо очищенные щемилкой, должным образом расколотые и либо отбелённые, либо окрашенные — иные в цвет топлёного молока, иные до бурой черноты — краской из своей же коры. Дверь амбара открывалась не прямо во двор, а под навес с верстачком и удобной скамьёй, вырубленной из большого бревна.

Теперь по берестяной крыше навеса шуршал летний дождь. Ветерок заносил под кров прохладу и сырость, сущее благословение после целой вереницы жарких и сухих дней. Под дождём мокли прутья, приготовленные для очередной корзины, рождавшейся на продолговатой болванке под руками Лося. Оле-

нюшка сидела рядом с мастером на большой связке луба. Зайчихам стали нравиться её сеточки, особенно если она украшала их нарочитыми узорными узлами. Хозяйкам, верно, думалось — в подобном наряде копчёные, скажем, окорока должны были непременно оказаться вкусней, чем в простой верёвочной обвязке. А не оказаться, так хоть показаться. Словом, дела у Оленюшки теперь было хоть отбавляй. Она и радовалась.

— Дяденька Лось... — подступила она к мастеру. — Люди говорят, ты мудр и художого не присоветуешь...

Лось улыбнулся:

— Невелика моя мудрость, но что могу, посоветую. Спрашивай, дитятко.

Что до мудрости, тут Лось скромничал. Люди обычно жалуют слепых, считая их беспомощными калеками, но незрячий корзинщик вызывал не жалость, а, скорее наоборот, — восхищение и даже зависть. Жалость, это ведь бессильный укор судьбе, изувечившей человека, не давшей ему возможности быть деятельным и сильным. А если человек не плачется на злую долю, а, напротив, посмеивается над ней, изобретая сотню путей вместо одного-единственного, закрытого для него? И вот его-то возьмутся жалеть люди, на самом деле во всём ему уступающие?..

Может, поэтому глаза Лося не были ни вечно прижмуренными щёлками, ни неестественно вытаращенными и лишёнными выражения, как порой случается у слепых. Не знаячи посмотреть — глаза как глаза. Большие, осмысленные и совершенно живые.

И Оленюшка спросила:

— Скажи, дяденька Лось... Доброе у вас тут житьё, навек бы остаться, да, знаю, нельзя. Посоветуй, куда бы нам с Шаршавой перебраться, где бы доченьке твоей с внучками новую избу поставить?

Лось, понятное дело, сам никогда не был охотником до путешествий. Однако всегда с радостью и любопытством выслушивал захожих странников, бродивших по неблизким краям.

И наблюдательная Оленюшка сколько уже раз убеждалась — внимая людским беседам, Лось вбирал услышанное совсем не так, как большинство других людей, зрячих. А оттого и выводы подчас совершал весьма удивительные, отнюдь не такие, которые явились бы обычному человеку. Однажды она решилась спросить его, и Лось, подумав, ответил: это, мол, оттого, что ему не застят разум сведения, поставляемые глазами, он привык полагаться больше на слух, а стало быть, и извлекать из услышанного больше, чем представляется возможным другим. В точности так же, как и пальцы его, ощупывая любой предмет, постигали его гораздо подробнее, чем, например, Оленюшкины...

Лось и теперь дал ответ, которого она ну никак не ждала:

— За Челну, на кулижки.

Оленюшка так и подпрыгнула. От резкого движения рассыпалась связка луба, Оленюшка всплеснула руками, чуть не завалилась назад и смутилась, выпутываясь, собирая поваленные плетёнки и снова садясь. Потом переспросила, примериваясь и привыкая к ошарашившей мысли:

— За Челну?..

— Да, — ответил Лось твёрдо. — За Челну. Принеси-ка мне, девочка, два белых прута и один бурый.

Здесь надобно рассказать, что у великой Светыни, прама-тери-реки веннского племени, есть помимо прочих две красавицы дочери, две могучих сестрицы. От их-то места слияния исчисляют саму Светынь, и никому это не кажется несправедливым. Люди, возможно, числили бы какую-то из рек главной, а другую — скромным притоком, но между сёстрами ни в чём нет неравенства. Только одна течёт, подобно матери, с восхода на закат, и за это её называют Челной, сиречь истоком. А другая река приходит с севера, из лесов, и поэтому ей дано имя Ёль. По её извилистым берегам много лугов, изобилующих душистой травой, — кулижек.

Те, кто бывал там, в один голос хвалят благодатный северный край с его рыбными реками и камешниками-красноярами,

куда в изобилии слетаются тетерева... Вот только немногие отваживались в ту сторону путешествовать, а уж о том, чтобы сесть и жить или хоть охотничью зимовьюшку поставить, — вовсе речи не шло.

Отчего так?

А оттого, что непростое место были ёльнинские кулиги, не всякого они до себя допускали. Нет, там не водились жуткие чудища, и дорога не была загромождена непроходимыми горами и буреломами. Ничего такого, с чем не справился бы венн, выросший в чаще. Просто забредшему туда человеку в некоторый миг начинал словно бы шептать в ухо грозный неслышимый голос: *Тебе здесь не место. Ты здесь чужой. Уходи...*

Не всякому пришлецу, но большинству. И захожий охотник быстренько разворачивал лодку. Или лыжи, если дело происходило зимой. И удалялся, отколе пришёл. Тяжко это — пытаться навязывать себя краю, которому ты не люб. Не под силу смертному человеку. Замучат дурные сны, надоест в ужасе оборачиваться на непонятные шорохи за спиной, шарахаться от теней, мелькнувших на краю зрения... Кое-кто поговаривал, это де оттого, что кулижки по берегам появились не сами собой, но были в стародавние времена расчищены обитавшим по Ёли неведомым племенем — должно быть, не вполне людского, но скорее великанского корня. От этого племени теперь не осталось ни наследников, ни имени людям на память... но что-то витало по тем самым лугам и лесам, что-то ещё вслушивалось в отзвук прежних шагов. Ещё сторожило ёльнинские кулижки почти от любого, кто совался войти. Ещё гоняло прочь чужаков, дожидалось сгинувшего хозяина...

Вот такое место.

Не злое, не проклятое... Заповедное.

Даже водился у веннов обычай: когда крепко ссорились и посылали один другого «подальше», советовали обидчику прогуляться точно так, как выразился Лось: за Челну, на кулижки. Иди, дескать, и возвращайся несолоно хлебавши, ан, может быть, поумнеешь. Соседи-сольвенны, в верховьях Светыни от-

родясь не бывавшие, слыхом не слыхивали о Челне и, ругаясь, заменяли её имя прозванием какого-то своего нечистого духа, глаголемого «чёрт», а слово «кулижки», тоже бытовавшее у них когда-то, вовсе благополучно забыли, сменив более привычными «куличиками». И бранились, сами толком не разумея, о чём говорят.

Ну так что с них взять, с сольвеннов беспамятных, да и не про них и речь здесь идёт.

Оленюшка едва не спросила хозяина дома: «Куда ж ты нас отправляешь, дяденька Лось? Может, не знаючи обидели кого, не ведавши заслужили немилость?..»

Не спросила. Опустила на колени недоделанную сеточку и долго сидела молча. Лось тоже молчал, довершая гнутую ручку корзины, обвязывая крепкий прут, словно змеиной чешуёй, косым плетёным чехлом. И десять лет прослужит и двадцать, не развалится, не обветшает... Оленюшка смотрела на зрячие руки слепца и, не требуя объяснений, понимала безошибочным внутренним знанием: он был прав. Если и есть им с Шаршавой и Заюшкой где-нибудь место в обширной веннской стране, так только лишь там. У Ёли, на кулижках, которые кого-то, говорят, всё-таки иногда принимают... Вскоре Оленюшка себя поймала на том, что мысленно уже прикидывает, долго ли добираться до чела государыни Светыни, где взять лодку и как в ней грести. С берестяного навеса зябкими струйками сбегала дождевая вода, но перед внутренним взором ликовали под синим небом немислимого разноцветья луга, и стояла вдали стена красного леса, озарённая солнцем. *Входи, дитяtko, входи, долгожданная. Ты здесь дома, ты здесь своя...*

А ещё виделись ей пёсьи зубы, бережно сомкнутые на ручке корзины.

Кобелёк-дворяжка, криволапый уродец с несоразмерно большой головой и длинным приземистым телом, теперь уже не бежал и даже не шёл, а всё больше полз, мучительно таща себя вперёд по песчаной дороге. Жёлто-пегой масти не разли-

чить было за густым слоем пыли и грязи. Левая задняя лапа давно стала одной сплошной болью, и боль временами настолько заслоняла для него весь белый свет, что он забывал, куда, собственно, торопится, растрачивая последние силы. Боль становилась тупой и почти терпимой, только когда он давал себе отдых, но это происходило всё реже. Пёсик понимал, что жалеть себя уже поздно, и хотел только одного: успеть. Доползти, добраться. Остальное не имело значения.

Его поил дождь, оставлявший на дороге недолговечные лужи. О еде кобелёк давно позабыл. Ему не удавалось ловить даже лягушек.

Когда ветер принёс запах реки с нанизанным на него духом людского селения, он сперва не поверил собственному чутью. Но оно никогда прежде не подводило его, и в сердце затеплилась слабенькая надежда. Похоже, тот, о ком подумал, к кому послал его Великий Вожак, был действительно рядом...

Тем невозможнее показалось одолеть последние поприща, оставшиеся до мостика через речку. А за рекой начинался довольно крутой подъём, и на то, чтобы взобраться на самый верх, сил уже точно не хватит. Ну, может, разве только до середины...

Как бы то ни было, он продолжал двигаться дальше — пядь за пядью, упрямо вперёд, сквозь усталость и боль, сквозь пелену, застилавшую разум и зрение.

И вот тут несчастному кобелишке неожиданно повезло. А может, не повезло, а выпала награда за подвиг терпения и упорства. Когда он ползком миновал поворот, откуда уже видна была речная урёмина*, пёсик увидел на мостике двоих детей, двух маленьких девочек, пускавших по течению кораблики из коры. А рядом с ними...

Рядом с ними, присматривая за неразумными человеческими щенками, способными по глупости свалиться в воду или ещё какую беду на себя навлечь, сидел пёс. Непрístupно могучий кобель с иссиня-вороной шерстью, украшенной ржавым под-

* *Урёмина, урёма* — здесь: густые заросли в заболоченной речной пойме.

палом на морде, на груди и внутренних сторонах лап. Он повернулся в сторону дворняжки, кажется, ещё прежде, чем тот выполз из-за поворота, и рыжеватые пятна «бровей» над глазами сурово сдвинулись, а вислые уши насторожённо приподнялись: кто, мол, таков?.. не враг ли подкрадывается?..

Маленького калеку сразу и окончательно оставили все силы. Он приподнял голову и попытался то ли залаять, то ли завывать. Получился стонущий плач.

Мордаш сразу вскочил и побежал навстречу пришельцу, не убоявшись оставить своих подопечных. Пёсик отрешённо смотрел, как рысит к нему исполин, способный небрежно, походя расправиться с десятью такими, как он. Душа кобелька, кажется, плавала уже отдельно от тела, утратив способность к угодничеству и страху, не имевшим более никакого значения. Приблизившись и грозно нависнув, Мордаш придиричиво обнюхал дворняжку. А затем — ещё придиричивей — то, что маленький собрат нёс в зубах, словно величайшую драгоценность.

Кобелёк пластом лежал перед ним на песке.

И вот язык хозяина деревни прошёлся по его мордочке, уважительно тронув уголки губ. Так обращаются не с ничтожным и презренным, каким тот всегда был, а, наоборот, с почитаемым и даже великим. Потом пасть Мордаша осторожно сомкнулась поперёк тела дворняжки. Могучий пёс без усилия оторвал беспомощного калеку от земли и понёс, и тот поплыл вперёд, как когда-то в младенчестве, у мамки в зубах, и, как тогда, зная, что несут его в безопасное родное гнездо. Солнечное тепло и бережная хватка Мордаша составляли такое блаженство, что даже боль начала растворяться, уходить куда-то, исчезать. Затем к блаженству добавились прикосновения детских рук. Это были добрые прикосновения, полные ласки и жалости, и на кобелишку снизошло откровение, поистине стоившее перенесённых мучений: он постиг, *какими на самом деле должны были быть руки людей*. От них не надо было шарахаться, ожидая удара или щипка... Наверное, люди поняли, что он до конца исполнил свой долг, и благодарили его. Они гладили

его голову, пытались прямо на ходу разбирать шерсть от репъёв и слипшейся грязи... Это был дивный сон, и пробуждаться от него не хотелось. Ощущение благодати и счастья беспредельно ширилось и росло, возвышая его душу, окутывая весь мир...

Безопасное, полное доброго тепла, родное гнездо...

Старейшина Клещ, выглянувший во двор, несказанно изумился при виде горько плачущих внучек. Потом заметил грязное тельце, безжизненно вытянувшееся на травке, и только руками развёл. А Мордаш сел над почившим собратом, задрал голову к небу — и вознёс к облакам заунывную похоронную песнь, на которую немедленно откликнулись все собаки в деревне.

...А где-то очень далеко, там, где всегда изобильна еда и у каждого есть укромное логово, радостно бежали друг другу навстречу два пса. Один был громаден и куцехвост, с горделивой осанкой степного шо-ситайнского волкодава, никогда не ведавшего цепи. Другой... мало кто узнал бы в нём криволапого нескладёху, обделённого судьбой и ещё больше обиженного людьми. Теперь это был красивый и стройный пёсик, остроухий, с лукавым взглядом весёлых карих глаз, одетый в нарядную, белую с ярким золотом шубку. Тугим бубликом вился его хвост, звенел восторгом далеко слышимый лай.

Радостно было безгрешным друзьям скакать по зелёной лужайке, ликовать и играть, ожидать нового рождения, нового воплощения на смертной земле...

САМОЦВЕТНЫЕ ГОРЫ

Автор сердечно благодарит

Владимира Тагировича Тагирова,
Павла Вячеславовича Молитвина,
Ирину Сергеевну Костину,
Александра Сергеевича Расовского,
Адель Левтовну Геворкян,
Наталью Васильевну Герасименко,
Игоря Александровича Сухачёва,
Александра Григорьевича Таненя,
Наталью Александровну Ожигову,
Сергея Александровича Романюгу,
Рамиля Равильевича Бикинеева,
Олега Николаевича Мелентьева,
Леона Леоновича Абрамова —
за ценнейшую информацию и советы,

Хокана Норелиуса (Швеция) и
Дмитрия Олеговича Фурманского —
за компьютерную поддержку,

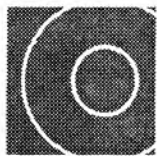
а также

Издательство «Азбука» —
за понимание и терпение в сложной жизненной
ситуации.

Расскажу я вам повесть минувших времён
О бродячем певце. От Богов одарён,
По краям чуждальным он, странствуя, пел
И везде прославлял свой родимый предел.
«Там, — он пел, — не умолкнут ручьёв голоса.
Там траву целовать не устанет коса,
Но лишь вдвое пышней вырастает трава,
И стада не объедешь ни в месяцы, ни в два.
Там склоняются ветви под грузом плодов:
Нету в мире прекраснее наших садов!
А за ними горят городов огоньки,
И дробят их спокойные воды реки,
Отраженье бросая в пучины небес...
Вы нигде не найдёте подобных чудес!»
Принимали его у степного костра,
И на склонах хребтов, где кочуют ветра,
И у берега моря, где тучи и мгла,
И в пустынях, жарою спалённых дотла,
И в избушке лесной, и под сводом дворца —
Всюду рады заезжего слушать певца.
Видно, силу особую Небо даёт
Тем, кто в сердце чужбины о доме поёт!
Много лет в одиночку торил он свой путь...
И однажды надумал домой завернуть.
Что же дома? Он в ужасе смотрит вокруг...
Травостойный и пастбищный вытоптан луг,
За чужими стадами не видно земли,
У причалов чужие стоят корабли,
Незнакомые дети играют в садах,
Незнакомые песни слышны в городах,
Даже храмы и те изменили свой вид,
А на троне отцов — иноземец сидит...

...Оттого-то, друзья, пуще всякой заразы
Мы с тех давних времён опасаемся сглаза.
Ибо вот как аукнулось эхо похвал,
Что он родине в дальнем краю расточал.

1. Остров Закатных Вершин

тгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Такой лес венны называли красным. Стеной стояли высокие сосны, медноствольным тыном венчая каменистый креж* берега. Между ними и приречным обрывом лежал ровный луг. Днём по нему гулял тёплый ветер, волнуя густую траву и головки по-северному мелких, но от этого ещё более ярких цветов. Теперь стояла глубокая ночь. Дремали, сомкнув лепестки, дневные цветы, затих непоседливый ветерок, и лунное серебро как бы старило год, покрывая каждую сосновую хвоинку, каждую ворсинку травяных стеблей чуть ли не инеем.

Лес спал, и ему снились люди, никогда не бывавшие в здешнем краю.

Некто, наделённый тонкими чувствами и зрячей душой, на самой грани слуха мог бы уловить детский смех: две девочки-близняшки и третья, помладше, бежали сквозь густой малинник по тропке, утоптанной их босыми ногами. Ручьи колокольчиками звенели в ответ, сбегая со скал. Дети спешили к зреющим ягодам, и за ними присматривала большая собака. Другой пёс — суровый охранник — лежал растянувшись на залитом предвечернем солнцем крыльце. Возле его морды, в каком-то

*Креж — береговой обрыв.

вершке от страшных клыков, играл с кусочком меха маленький трёхцветный котёнок.

Лесу снилась женщина, вышедшая из дома. Эта женщина была прекрасна, потому что ее любили. Она вытирала руки вышитым полотенцем и звала ужинать мужчину, коловшего дрова на заднем дворе...

Видение счастья дрожало и колебалось в тихом ночном воздухе над пустой поляной. Сон заповедных кулижек, который, может быть, станет вещим. А может быть, и не станет.

Таяли в лунных лучах обрывки слов, разговора, весёлого смеха...

Лес ждал.

Может, раньше здесь в самом деле повсюду росли большие деревья, но теперь от них не осталось даже воспоминаний. Не догнивали между скалами обломки рухнувших стволов, не пытались расти корявые, от рождения изуродованные последыши. Всё было мертво. Ни травы, ни мха, ни даже лишайника. А под ногами влажно чавкала глина, перемешанная со щебнем. Ничьи корешки не сплывали её воедино, превращая в живую и гостеприимную землю.

Так, наверное, выглядели бесприютные пустоши Исподнего Мира, где вечно зябли души неправедных и бесчестных людей... Волкодав шёл вперёд, вернее, прыгал с камня на камень и думал о том, что если уж Хозяйке Судеб было угодно завести его в подобное место, значит, он это чем-то да заслужил.

Склон отлого поднимался вверх, давая возможность всё шире видеть позади берег, море и ставшую совсем крохотной «косатку» в узком заливчике. Огромные валуны, обломки первородных скал, выглядели так, словно их ничто не тревожило с самого начала времён. Волкодав всё пытался представить их себе одетыми в нарядные покровы мха и ягодных кустарничков, пытался мысленно посадить на них берёзы и сосны, проникшие корнями в трещины камня. Ведь шумели же здесь рань-

ше зелёные ветви, хлопотали над гнёздами птицы, звериные мамки учили уму-разуму малышей...

Теперь в это очень трудно было поверить. Жизнь, чьё царство некогда представлялось вечным и нерушимым, на поверку оказалось хрупкой и мимолётной: сгинула — и как отроду не бывало её. А всё из-за ледяных великанов, которые, не сумев почему-то заполнить южный край острова, пробрались сюда под землёй. Ткни в любом месте лопатой — и, пройдя два-три вершка, лезвие ударится в лёд. Вот потому-то, хотя в иных странах, южнее, уже налилось силой красное лето, здесь, казалось, зиму сменила сразу поздняя осень, не сулившая тепла впереди — лишь ещё одну такую же зиму.

Подобное Волкодав видел годы назад, по пути в Самоцветные горы. Дорога, по которой двигался караван торговца рабами, забиралась выше и выше, и постепенно пропали сначала деревья, потом кусты и наконец вообще всякая зелень. Остались мёртвые осыпи и голые скалы, а по северным склонам залегли нетающие пятна вечной зимы...

И точно так же, как здесь, высились впереди, медленно приближаясь, три снеговых пика, три Зуба, готовые безучастно дробить и перемалывать судьбы... Нет, конечно, Закатные Вершины были совсем не похожи на те горы, чьё изображение Волкодав доныне носил на груди. Но ничего не поделаешь — чувство возвращения поселилось в душе сразу и прочно, хотя и без спросу. Прошрое ломилось из темноты, стучалось в дверь, ключ от которой был давно, казалось бы, выброшен. Голоса памяти до того властно требовали внимания, что мешали сосредоточиться на настоящем.

Едва ли Волкодав мог себе это нынче позволить...

«Ждите три дня, — наставлял своих людей Винитар, когда они с Волкодавом уходили на остров. — Никто не должен следовать за нами или искать нас, если ни он, ни я не вернёмся. Длиннобородый Храмм, собравший у Себя всех моих предков, сумеет рассудить справедливо. Если возвратится венн, отвези-

те его, куда он пожелает. Потом выберите себе нового кунса, и пусть он ведёт вас, как ему сердце подскажет».

И с этими словами молодой вождь повернулся спиной к кораблю, чтобы больше не оборачиваться, и зашагал вперёд, оставив семь десятков сирот молча смотреть вслед. Сегваны никак не напутствовали Винитара, хотя понимали, что более могут не увидеть его: уж Аптахару-то не понаслышке было известно, каков боец Волкодав. Больше полусотни мужчин стояли в полной тишине, и это безмолвие стоило любой прощальной песни или напутных молитв. Волкодав ощущал его так, как человек ощущает пропасть у себя за спиной.

Они с Винитаром не обременяли себя никакой ношей, кроме оружия. До старого двора кунса на северном берегу острова было всего около суток пешего хода — конечно, не напрямую, а изрядной петлёй, в обход гор. Насколько успел понять Волкодав, восточные склоны считались гораздо более отлогими и сулили меньше препятствий, чем западные, состоявшие из сплошных отвесных обрывов. Поэтому он весьма удивился, заметив, что, удалившись от моря, Винитар начал уверенно забираться к западу. Венн даже подумал, что вождь, должно быть, не слишком надеялся на безоговорочное послушание своих молодцов и хотел в любом случае избавиться от непрошеной свиты. Он всё же спросил:

— Ты хочешь обойти горы с запада?

Ответ Винитара застал его совершенно врасплох.

— Там жила моя бабушка, — сказал кунс. — Я хочу посмотреть, не осталось ли чего от её дома.

Волкодав некоторое время молчал. Об отце Винитара, носившем прозвище Людоед, он в своей жизни думал гораздо чаще и пристальней, чем ему того бы хотелось. Порою он пытался представить себе мать Винитара и бесплодно силился решить, на кого из родителей молодой кунс был больше похож. Но бабушка?.. Как ни смешно, в первый миг его даже изумило, что Винитар упомянул о бабушке. Хотя, если подумать, у кого из

людей её не было?.. Как гласила веннская поговорка — «Кто бабке не внук»...

Он подумал ещё и в конце концов проговорил:

— Я не всех ваших успел запомнить, когда вы у нас поселились.

Аптахара вот встретил потом, годы спустя, — и не узнал. Ни в лицо, ни по имени... Вслух он этого не сказал, потому что не об Аптахаре шла речь.

— Её там и не было, — ответил Винитар. — Она была стара и ждала смерти. Она отказалась ехать на Берег.

Волкодав подумал о Поноре, куда, согласно тёмным преданиям, в голодные годы добровольно уходили сегванские старики, а родня почему-то не хватала их за руки. Потом он вспомнил своего прадеда, которого застал больным стариком, уже не поднимавшимся с постели. Болезнь, разом отнявшая половину тела, застигла вроде бы крепкого ещё прадедушку далеко в лесу, на охоте. Старик сразу понял, что произошло, и не стал даже посылать собаку за помощью, решил ждать смерти. Но не тут-то было. Нашёл его чужой человек, молодой кузнец Межамир Снегирь, даже ещё не помышлявший ни о каком женитьбе. Он и познакомился-то с Серыми Псами, когда принёс к ним старика и с рук на руки передал ясноглазой внучке. Так новой жизнью обернулась посрамлённая смерть — сватовством кузнеца, рождением деток... Волкодав снова подумал о седовласых сегванах, шагавших в небытие Понора. Вообразил чёрную зиму, наступившую вслед за чахоточным летом сродни нынешнему, вообразил последние связки сушёных тресковых голов на прокопчённых стропилах и тощих детей, у которых те старики невольно забирали кусок... *Не суди, учила веннская мудрость. Не суди соседа, пока не проходил хоть полдня в его сапогах...*

Но как, наверное, похожи были голодные дети Закатных Вершин на тех, что рылись в отвалах руды возле подъездных трактов рудника и бегали с тачками, высыпая породу в обитый медью жёлоб... Аргила. «Не говори, что тебя нет. Ты есть...»

...Хотя всё не так. Что могло быть между ними общего? Да, те и другие обречены были смерти — но одни умирали дома, зная: для них сделали всё, что только могли... а другие — по злой воле чужих и равнодушных людей...

И опять — нет, не так! Где есть люди, там есть и добро, и самопожертвование, и любовь. Даже в такой исконной вотчине зла, как Самоцветные горы... Волкодав помнил: старшие рабы порою заботились о мальчишках, точно о собственных сыновьях. Прикованный на цепь рудокон, погибая в забое и не имея возможности выбраться, успел вышвырнуть наружу подростка. И сам Волкодав, именовавшийся в те годы Щенком, нипочём не выжил бы, если бы его, запоротого, не оберегали, не подкармливали двое взрослых невольников... один из которых добровольно приблизил свою смерть, чтобы дать ему, Щенку, зыбкую возможность уцелеть. Волкодав понял это лишь годы спустя.

«Прощай, брат».

«И ты прощай, брат...»

Винитар, кажется, по-своему истолковал хмурое молчание венна. Удивительно было, что ему вообще понадобилось его истолковывать, но он сказал:

— Я хотел убедить её ехать. Или тоже остаться. Когда отходил корабль, я сидел под мачтой привязанный.

Склон, по которому поднимались двое мужчин, представлял собой, собственно, сплошную гвазду — грязевое болото, почему-то не утекавшее вниз. Вот что получается, когда откуда-либо уходит жизнь и оставляет на теле земли омертвевшую гниющую рану. В таких ранах водятся черви, но здесь даже черви давно уже вымерли от бескормицы — плоть сгнила насовсем, рассыпалась прахом. Приходилось всё время смотреть под ноги, чтобы не вывернулся из-под сапога камешек, затаившийся в глине, да не привёл упасть, окончательно мараясь в грязи. Мало походило всё нынешнее на тот поединок на вершине залитого солнцем лугового холма, под льющуюся с небес песенку

жаворонка, как мечталось некогда Винитару. Каким станет Божий Суд, предназначенный положить конец их с венном вражде? Неужели они станут топтаться в мерзкой грязи или по колёно в талом снегу, даже не имея возможности порадовать Небеса красотой воинского мастерства?..

А впрочем, кто сказал, будто подвиг и справедливость должны непременно являть ещё и красоту?..

Молодой кунс покосился на Волкодава, шедшего рядом. Ему показалось, кровный враг размышлял примерно о том же, и он спросил его:

— Что хмуришься, венн?

Волкодав честно ответил:

— Самоцветные горы вспомнил. Там, поблизости, места были уж очень похожие.

Винитар отметил про себя, что венн говорил ровным голосом и дышал тоже ровно, не слишком запыхавшись на длинном подъёме по скользкой и вязкой глине, грозящей стянуть с ног сапоги. Это было хорошо. Значит, совсем оправился от последствий Хономерова зелья. Значит, в грязи или не в грязи, а будет-таки между ними настоящий Божий Суд, равный поединок, и победит в нём тот, с кем Правда Богов, а не тот, кто лучше ел накануне...

Они выбрались на самый верх склона. Впереди открылось то, что на родине Волкодава называлось залавком — ровным плоским местом на склоне холма, пригодным для огородничества и жилья. Здесь Винитар вдруг остановился, словно налетев на стену. Волкодав сделал ещё несколько шагов, потом обернулся посмотреть, что случилось.

Предводителю морской дружины было в полной мере приуще умение держать при себе свои чувства и не дрогнув принимать всякое известие, будь оно умопомрачительно радостным или сокрушительно горьким. Но, зная, выруби себя хоть из гранита, а и гранит растопит возвращение после долгой разлуки домой... Лицо у Винитара сейчас было как у человека, который, отправляясь в дальний поход, оставил свою мать крепкой

женщиной в зрелом цвету, полновластной хозяйкой семьи, и много лет представлял её себе такой, а вернувшись... застал высохшую старуху, угасшую и телом, и разумом. Волкодав понял: мёртвый склон всё-таки не лишил Винитара упрямых последних надежд. Кунс предполагал что-то увидеть здесь, Наверху. Что же? Волкодав огляделся. Обширный залавок был таким же мокрым, грязным и бесприютным, как и оставшийся позади склон. Всюду, сколько хватал глаз, громоздились точно такие же груды скальных обломков, а на расстоянии нескольких поприщ начинался снеговой бок ближней горы. К середине своей залавок заметно понижался, и разжиженная глина натекла туда сущим бельмом, густым, как сметана, и ровным, как озеро, замёрзшее в безветренную погоду.

Винитар заметил взгляд Волкодава и криво усмехнулся:

— Раньше мы называли это место Одонь-Талх — Звёздной долиной... Здесь снеговые воды с гор выходили из-под земли множеством родников, и в ясные ночи долина казалась продолжением звёздного неба...

Он мог бы добавить, что на Одонь-Талх, обитатели хрустальных ключей, никогда не пасся ничей скот. Здесь давали клятвы влюблённые. Сюда приходили испрашивать благословения люди, чувствовавшие в себе дар стихотворцев. Наверное, Волкодав, выслушав, согласился бы с кунсом, что так тому и следовало быть. И, вероятно, даже припомнил бы незабвенную Глорркилм Айсах, поднебесную Долину Звонящих ручьёв, не зря называвшуюся священной и заповедной, ибо, едва не сделавшись полем великой битвы двух непримиримых племён, послужила она их чудесному примирению, причём не без явного вмешательства свыше... Но Винитар ничего не рассказал — не довелось. На плечо Волкодаву шлёпнулся вернувшийся Мыш и принялся топтаться, недовольно пофыркивая. Венн мельком посмотрел на него и спросил Винитара:

— Кто теперь живёт на твоём острове?

— Значит, и ты заметил, что за нами увязался Шамарган? — ответил кунс. — Не знаю уж, как он улизнул от моих людей, а

зачем ему понадобилось за нами следовать — и знать того не хочу. Поймаю и...

Он стал прикидывать про себя, что надлежало сделать с бесстыдным ослушником, не уважившим приказа, но Волкодав покачал головой:

— Не о нём речь. Их много, и мысли у них не самые дружелюбные.

От «косатки» их с Винитаром отделяло целое утро весьма упорной ходьбы. Отсюда корабль нельзя было даже увидеть, не то что рассчитывать на подмогу. С таким же успехом «косатка» могла бы находиться вовсе у другого берега моря. Винитар не стал затравленно озираться, выискивая врага. Лишь спросил, усмехаясь углом рта:

— Об их мыслях тоже твой зверёк тебе рассказал?

— Нет. Сам чувствую.

— Раньше, — задумчиво проговорил Винитар, — ты, насколько я тебя помню, ответил бы как-нибудь так: «Может, и рассказал»... Изменился ты, кровник.

Волкодав хмыкнул:

— Может, и изменился...

Они почти весело переглянулись и снова зашагали вперёд, обходя мертвенно-синеватый глиняный наплыв, поглотивший чудо Звёздной долины.

И неоткуда было знать им (а жаль: узнав, оба от души посмеялись бы), что далеко за морем, измеренным и преодолённым «косаткой», посреди континента, называемого Шо-Ситайном, хорошо знакомый им обоим Избранный Ученик Хономер боролся с весьма сходными трудностями. Разве что в раскисшей грязи скользили не его ноги в сапогах, а копыта коня.

Он не был бы Избранным Учеником, предводителем тинвиленского жречества Блинецов, если бы не умел принимать решения, а потом вызывать к жизни задуманное, напряжением духовных и плотских сил давая бытие небывалому. Постановив самолично осмотреть языческую кумирню, внушавшую

столь недолжное чувство почтения иным собратьям по вере, Хономер, не мешкая долго, велел единственному оставшемуся здоровым «кромешнику» собрать припасы и десяток надежных людей — и двинулся на Заоблачный кряж. Он всегда был лёгок на подъём.

Его караван ничем не напоминал нищий поезд горцев-ити-гулов, отбывший туда же несколькими седмицами ранее. Тот и поездом-то едва ли заслуживал называться: так, несколько мохнатых лошадок с вьюками и одна под седлом — для старца Кроймала. И пешие дикари. Со своими собаками...

Что ж, пусть двое Учеников, явившие в Кондаре столь при-
сборбно малое рвение, путешествуют в убожестве и лишениях, как пристало вероотступникам — либо опасно приблизившимся к отступничеству и потому скрывающимся от праведных единоверцев. Он, Хономер, намерен был совершить эту поездку совсем по-другому. Нет, не то чтобы его пугали ночёвки на пыльных войлоках, в горских палатках из волос дикого быка, сквозь чёрную ткань которых просвечивает ночное небо и поддувают стылые ветры. Когда весной они скрытно, иными дорогами, следовали за Волкодавом, Хономеру доводилось спать и под открытым небом, на прихваченной последними заморозками земле, и вовсе в седле, и попросту обходиться без сна. Радетель с юности был привычен к странствиям по диким краям, где никто не стелил ему тёплой постели и не пёк лепёшек на ужин. И он отнюдь ещё не стал ветхим стариком вроде Кроймала, чтобы ему на каждом шагу требовалась забота и помощь. Нет! Дело не в том. Жреческое одеяние Хономера нынче блистало яркими красками, он был попечителем святой веры в большом богатом городе, а поскольку Тин-Вилена являлась крупнейшим городом целого континента, — значит, Хономеру надлежало блюсти дело и славу Близнецов во всём Шо-Ситайне.

И кому какое дело, что Тар-Айван, расположенный, собственно, вдвое ближе к Тин-Вилене, чем к тому же Кондару, до сего дня весьма мало интересовался пастушеским краем, пред-

почитая обращать свои взоры на куда более изобильные и причастные к судьбам мира державы: Мономатану, Саккарем, Нарлак, Халисун...

Хономер твёрдо знал: пробиваться к вершинам жреческой власти в одной из этих стран — определённо не для него. Лучше быть первым в Тин-Вилене, чем тридцать первым в Фойреге. Он не помнил, кто это сказал. Надо будет, вернувшись, отрядить младших жрецов порыться в библиотеке — и непременно найти.

Хономер очень рассчитывал на нынешнее своё путешествие. Вероятно, внутренний голос по-своему истолковал бы этот расчёт и скорее всего объявил бы его неким возмещением за сокрушительную неудачу с Винитаром. Однако внутренний голос потому и называется внутренним, что никто не слышит его, кроме нас самих... да и мы-то всего чаще предпочитаем не слушать.

Нынче для Хономера был именно такой случай. Да, он потерпел неудачу, которую глупо было бы отрицать, и ещё глупее — гнать из памяти, притворяясь, будто ничего не случилось. Зелье, сваренное Шамарганом, обладало обрекающей силой. Хономер сам проверил его на двоих никчёмных людишках из числа городских бродяг и убедился: отравы разила наверняка и противоядия не имела. А значит, венна давно уже съели морские рыбы... и, вероятно, тоже в свою очередь отравились. Жалеть тут было, собственно, не о чем, но венн унёс с собой тайну имени старого жреца, и вот этого Хономер простить ему не мог.

Хотя... прощай или не прощай мёртвому, с него в любом случае немного взыщешь. Волкодав пребывал в посмертной обители своей веры — где именно, Хономер не знал и не стремился узнать, ибо туда не достигал свет Блинецов, а стало быть, прикосновенному к истине не было ни пользы, ни смысла в её изучении.

Как и в изучении кан-киро, оказавшегося неспособным служить распространению веры.

Заблуждения — и свои личные, и всего рода людского — следовало оставить в прошлом, а самому двигаться дальше. Туда, где ждал чаемый подвиг, а с ним и награда.

Всё великое, говорил себе Хономер, однажды началось с малого. Может быть, со временем что-то начнётся и отсюда, из шо-ситайнского захолустья. А здесь ведал всякими начинаниями только он — Избранный Ученик.

Ну и пристало ли такому значительному человеку являться на Заоблачный кряж в заляпанных грязью штанах и падающим с ног от усталости?.. Ни в коем случае. Горцы — варвары. Они должны сразу понять, что их святилище навестил великий муж, посвящённый воистину единственной веры. Веры, перед которой всё варварское великолепие их молельни должно уподобиться пыли, развеваемой ветром.

И потому Хономер вёз с собой хороший шатёр, добротные лежа и запас снеди, который позволит не прибегать к итигульскому гостеприимству. И ещё книги. Чтобы не прерывать обычных занятий, да заодно показать невежественному народу облик учёности.

Пусть видят дикие итигулы — вот человек, уповающий не на духов снегов и скал, а на Богов, которые поистине достойны всяческого упования!

Хономер давно усвоил: с каждым племенем нужно разговаривать на его языке. Каждому народу или отдельному смертному следует открывать ту грань величия Близначев, которую он способен уразуметь. Вот тогда будет толк. Если же, ни с чем не считаясь, переть силой на силу — тут любой, соприкасавшийся с кан-киро, подтвердит: добра не получится...

...Увы, покамест было очень похоже, что местные горные духи всего менее склонны были уважать Богов-Близначев, а уж о благородном кан-киро и вовсе ни малейшего понятия не имели. Как только караван Хомера покинул непосредственные окрестности Тин-Вилены и стало совсем несподручно возвращаться из-за погоды — тут-то и сделались небывалые для летней поры холода. Зарядил нудный дождь, присущий скорее осе-

ни, нежели лету, как раз переживавшему полный расцвет. Ригномер положительно не узнавал знакомой дороги. Пелены моросящей сырости не давали рассмотреть ничего далее сотни шагов. Хономер горбился в седле, под кожаным плащом, пропитанным от дождя особой смесью масла и воска, и хмуро думал о том, что повыше в горах вполне мог залечь снег. Хотя в вершинную летнюю пору снега на проезжих перевалах не водилось даже на памяти стариков.

С гривы лошади Хономера стекала вода. Лошадь вяло плелась вперёд, шерсть на её ногах была тускло-бурой от сплошной грязи. И сухого привала впереди отнюдь не предвиделось.

А ведь это была хорошая, удобная, давно известная дорога, позволявшая без больших хлопот перевалить окраинную грядку Засечного кряжа и попасть на возвышенное плоскогорье, называемое Алайдор. Перебравшись через него, путешественник оказывался уже в настоящих горах, на пороге страны игитулов. «Под сенью Харан Киира», как принято было у них говорить. Обдумывая и готовя поездку, Хономер нимало не сомневался, что уж до Алайдора-то доберётся без особых хлопот. И почему бы нет? Состоятельные тин-виленцы ездили на Алайдор охотиться на горбоносых горных оленей и даже не нанимали проводников. Он и сам, особенно в первые годы, неоднократно поднимался на плоскогорье и хорошо помнил дорогу...

...Или ему казалось, будто он хорошо помнил её. Хономер смотрел по сторонам и всё более приходил к выводу, что они заблудились. Как ни мало вероятно на первый взгляд это выглядело. Дорога была всего одна, берегом быстрой реки, бежавшей вниз с Алайдора. Не имелось даже ни единой развилки, чтобы свернуть на ней не туда. Они и не сворачивали. Да и река — вон она, бьётся и грохочет внизу, вздувшись от непрестанных дождей... Тем не менее Хономер никак не мог отделаться от крайне малоприятного ощущения. Он сбился с пути. Его караван забрёл не туда. И будет вечно блуждать в сером дождевом сумраке, и новые путешественники будут предостерегать

друг друга от встречи с вереницей призрачных всадников: дурная примета...

Вот это уже были совсем неподобные мысли и суеверные страхи, ни в коем случае не достойные Избранного Ученика! Хономер сурово упрекнул себя в малодушии и вознёс прочувствованную молитву Близнецам, испрашивая духовной поддержки.

Не помогло.

Зато с низко надвинувшихся небес, словно в насмешку, хлопьями повалил мокрый снег. Липкий, тяжёлый и невыносимо холодный. Руки Хономера, державшие повод и без того замёрзшие, начали попросту леденеть — так что перестали слушаться пальцы. Это было последней каплей. Он оглянулся и потребовал к себе проводника. «Вожака», как принято было говорить в Шо-Ситайне.

Проводником же у него был Ригномер Бойцовый Петух. Тот самый. Он был редкостным болтуном и задирой, но — что есть, того не отнимешь — тропы Заоблачного кряжа знал лучше многих. Правда, до сего дня Ригномер ни разу не нанимался в проводники. Не было надобности. И так неплохо жил, торгуя помаленьку у горцев знаменитые шерстяные ткани. В этом году торговля у Ригномера не ладилась, хоть ты плачь. Итигулы либо просто отказывались с ним разговаривать, либо цену заламывали такую, что, по мнению Бойцового Петуха, их родные снега должны были бы покраснеть со стыда. Горцы, однако, не краснели. А вот Ригномер заскучал, опустил перья — и крепко задумался, чем станет кормиться. И это было хорошо, что у него водились счёты как с итигулами, так и с молодым Волком, нынешним Наставником учеников канкиро. Тот лучше служит, кто ждёт, что служба даст ему возможность поквитаться с обидчиками...

Проводник подошёл к стремяни Хономера и вопросительно снизу вверх посмотрел на жреца. Ригномер шёл на своих двоих от самой Тин-Вилены, являя ещё одну знаменательную черту сегванского племени. Потомки давно осевших на Бере-

гу вполне пристрастились к верховой езде и успели даже вывести собственную породу боевых лошадей. А вот среди недавно покинувших Острова немало было таких, кто вообще не признавал седла. К числу этих последних и принадлежал Ригномер. Правду сказать, утомить Бойцового Петуха было очень непросто.

— Сколько ещё до Алайдора? — мрачно осведомился Хономер. Его так и подмывало спросить, не ошиблись ли они дорогой, но он удержался, хоть и не без труда.

Ригномер провёл рукой по усам, досадливо отряхнул с ладони талую жижу и ответил:

— Было бы ведро, сказал бы — два дневных перехода. В такую погоду хорошо если получится дойти за трое суток, а не за четверо.

Хономер про себя застонал. Внешне, однако, он ничем не выдал разочарования, лишь кивнул, не переменившись в лице, и толкнул пятками лошадь, надумавшую было вовсе остановиться. С надвинутого капюшона при этом сполз изрядный пласт снега, успевший налипнуть и залечь, словно собираясь остаться там навсегда. Хономера вдруг посетило пренеприятнейшее видение своего собственного бездыханного тела, замёрзшего, скрюченного в последнем убежище где-то за камнем и постепенно заметаемого снегом, переставшим подтаивать...

Он вздрогнул, передёрнув плечами — то ли от холода, то ли прогоняя мимолётную тень неуверенности. И поехал вперёд, на каждом шагу понукая коня.

Когда Волкодав наконец увидел этих людей, он понял, что понапрасну оклеветал себя, решив некоторое время назад, будто подрастратил способность угадывать чётко вражеские намерения ещё прежде, чем сам враг покажется на глаза. Нет, похоже, с ним самим всё обстояло как прежде. Дело было в обитателях острова. Когда они перестали таиться и показались из-за камней, Волкодав в первый миг даже усомнился, а следовало ли причислять их к роду людскому — или, может, к одному из

племён иной, внечеловеческой крови, вроде нардарских тальбов либо дайне, соседей и друзей вельхов?.. Между скалами мелькали низкорослые, сгорбленные силуэты, издали казавшиеся равномерно мохнатыми, причём мех производил впечатление не заёмного, а родного.

— Когда мы уходили, на острове оставалось немало рабов, — проговорил Винитар. — Больше двадцати зим прошло... Должно быть, это их дети.

В племени Волкодава не чурались обзаводиться рабами, будь то пленники, взятые во время немирья или купленные на торгу. Раб для веннов был человеком, чьи поступки отняли у него право самому распоряжаться своей жизнью. Его собственные поступки — или его предка, что было в их глазах то же самое. Недостаток мужества, вынудивший просить пощады в бою, или неспособность вести хозяйство, не залезая в долги, — то и другое вполне справедливо лишало взрослых мужчин и женщин звания полноправных людей, низводя их до положения несмышлёных подростков, отнюдь не вышедших из родительской воли. У веннов рабы сидели за общим столом в самом его низу, после хозяйских детей. От справнога раба ожидали, что он овладеет каким-нибудь ремеслом и сумеет выкупиться на свободу либо же совершит смелый поступок, уравнивающий постыдное деяние праотца. То есть проявит себя так, как это надлежало подростку, стремящемуся заслужить звание взрослого. И скверным человеком среди веннов считался тот, кто бьёт своего ребёнка... или раба.

Волкодав покосился на кунса, ожидая, что тот скажет ещё. Винитар стоял, опершись коленом о камень, и что-то разглядывал на скале. Он ответил, не оборачиваясь:

— У тех невольников оставались лодки, чтобы ловить рыбу и зверя. Правда, не столь мореходные, чтобы достичь других островов: все большие мы забрали с собой. Но рабы не слишком печалились. Они дождаться не могли, чтобы войти в дом и завладеть всем, что осталось. Мой отец сказал тогда, что они

крутились как трупоеды над стервой, и мне подумалось, что он был прав.

— Если это вправду их дети, то быстро же они одичали... — проворчал Волкодав.

Винитар не ответил. Он разглядывал рисунок, выбитый и выцарапанный очень старательной, но недостаточно сильной рукой. Молодой кунс нашёл его только потому, что хорошо знал, где искать. Следовало всячески благодарить огнебородого Туннворна за то, что лёд ещё не добрался сюда, укрывая и перемазывая своей тяжестью всё, что на пути попадалось. Намеченные в умытом дождями граните, проступали две мужские фигурки. Та, что находилась сверху, была больше, мужественней и любимей. Та, что внизу, — поменьше, поплоче. Между ними угадывался мальчик, тянувшийся к верхнему, в то время как нижний держал его за ногу. Из чресл верхнего исходила дуга, завершавшаяся в лоне женской фигурки, замершей с воздетыми руками чуть поодаль. А с противоположной стороны на мужчин — в особенности на нижнего — нападало большое животное. О четырёх ногах, с сильными челюстями и с густой шерстью, вздыбленной на загривке... Суровый боевой кунс водил рукой по рисунку, гладил его и всё не отводил глаз — так, словно желал унести в памяти навсегда, а рука могла ощутить тепло другой руки, прикасавшейся к влажному камню. Волкодав про себя рассудил: найдёт или нет Винитар жильё своей бабки, а последнюю весточку от неё он, похоже, всё-таки получил. Смысл рисунка был ему не особенно ясен, но Винитар, похоже, прочёл его без труда.

И бабку свою он, знать, крепко любил...

Между тем невысокие мохнатые фигурки продолжали мелькать вдалеке, то тут, то там показываясь между камней, и теперь Волкодав видел, что мех объяснялся одеждой. Скроенные на удивление ловко, одеяния сидели на телах как вторая кожа, совсем не стесняя движений и делая человека издали похожим на зверя. Волкодаву случалось знакомиться с племенами, обладавшими несравненным умением выделывать шкуры и превра-

щать их в одежды, и так получалось, что воспоминания каждый раз оставались достаточно тягостные. Вспомнить хоть ронна-нов-харюков, лесное племя Медведя... Почему? Волкодав сам считал себя наполовину собакой, но брататься с теми зверолюдьми у него никакого желания не возникало. Он долго думал об этом. И решил — наверное, всё оттого, что их человеческие половины казались ему замутнёнными, утратившими разумную ясность. У него в роду почитание предка-Пса всё же не доходило до копания нор...

— Охотятся, — сказал он Винитару. — Но не на нас.

— Боятся, — отозвался кунс, не оборачиваясь. И с презрением добавил: — Рабы!

Что двигало мохнатыми? Вправду ли наследное чувство рабов, ощутивших — вернулся грозный хозяин? Или звериное знание, внятно предупреждавшее: эта дичь слишком решительна и зубаста, не будет добра?.. Волкодав потянулся вовне и опять уловил рыжие пламена присутствия Шамаргана, на сей раз отчётливо задымлённые подавляемым страхом. Беглый лицедей, понятно, тоже заметил охотников. И сообразил, что очень скоро его возьмут в полукольцо, прижимая к отвесной скальной стене.

— У него большой заплочный мешок, — сказал Винитар. — Не иначе, стащил что-то на корабле, а тут и разбойники. Поделом!

Волкодав ответил не сразу. Он медлил, стараясь приноровиться к обитателям острова. Их стремления не были полностью человеческими или откровенно звериными, они представляли собой некую невнятную, неоформившуюся смесь, тяжкую для понимания; таков нрав тумака-волкопса, взявшего не пойми что от обеих сторон. Всегда трудно понять породу, когда она только ещё нарождается, не успев устояться. Или — вырождается. Как здесь. Перед ним были одичавшие потомки людей. Уже не люди в полном смысле слова. Правда человеческой жизни утратила среди них силу. А животные порядки ещё не обрели власти.

Дикая, беззаконная орда, хуже которой трудно что-нибудь выдумать... Сквернейшее посрамление, которое могло случиться с островом Закатных Вершин. Худшее, что мог найти здесь Винитар.

— Не разбойники, — помолчав, проговорил венн. — Они не знают, что значит грабить. Они охотятся.

Кунс наконец оторвался от рисунка, выбитого на скале. Он посмотрел, как перебежали от камня к камню мохнатые, и не стал вслух гадать, нужна ли им была голова Шамаргана, чтобы насадить её на кол во славу неких Богов. Такие не поклоняются Богам и не воздвигают Им алтарей. Попавшую им в руки добычу, будь она двуногой, четвероногой или с крыльями, ждёт одна-единственная судьба. Добычу обдирают и едят. Причём сырую и даже прямо живую — ради целебных свойств ещё не умершего мяса.

Шамарган прятался до последнего. Но, когда к нему подошлись слишком близко, — кувырком выкатился из-за валуна, вскочил на ноги и кинулся бежать. Причём не абы куда. Всё-таки он бывал в разных переделках и выучился сохранять определённое здравомыслие. А также выбирать меньшее из нескольких зол. Он понимал, что Винитара с Волкодавом не очень-то обрадует его появление, но... этих людей он знал, и потом, они были по крайней мере *люди*. Когда всё кончится, они, вероятно, отнюдь не погладят его по головке, скорее зададут крепкую взбучку, но это будет обычное человеческое наказание, которое можно будет принять.

Волкодав и Винитар, по крайней мере, не будут смотреть на него и *улыбаться*, облизываясь и подбирая слюну...

Шамарган бежал к ним, размахивал руками и кричал, зывая о помощи.

Охотники сразу бросились за удирающей дичью. Привыкшие сганивать какого угодно зверя, они были очень выносливы и упорны в преследовании, но гораздо более длинные ноги, подстёгнутые отчаянным желанием спастись, на первых десятках шагов позволили Шамаргану заметно опередить погоню. На-

верное, его прыть показалась преследователям чрезмерной. Не прекращая бега, они стали стрелять.

Стрелять — сказано плохо, ведь это от слова «стрела», а ни луков, ни стрел ни у кого из охотников не было. Их ведь делают из можжевельника, сосны, берёзы и ели, а они на острове Закатных Вершин давным-давно перевелись. Потомки рабов раскручивали пращи, сделанные из полосок жёванной кожи, и вслед Шамаргану нёсся рой жужжащих камней. Праща — оружие, которое можно сделать буквально из ничего, но, как и всякое оружие, в умелых руках оно творит чудеса. А уж умения здешним жителям было не занимать...

На счастье лицедея, он так и не бросил действительно большого и увесистого мешка, навьюченного на спину. Мешок, в котором Волкодав уже без особого удивления признал свой собственный, принял десятки метких ударов и тем спас беглецу жизнь. Камни, пущенные убивать, разили с такой силой, что без нечаянного панциря Шамарган давно свалился бы бездыханным. Его и так мотало из стороны в сторону. Потом кто-то изловчился достать его по ноге, и лицедей упал на колени.

— Поделом! — проворчал кунс.

У Волкодава, помимо Солнечного Пламени, привычно висели за спиной два деревянных меча. Они с Винитаром уже мчались вперёд, когда он вытащил один и перебросил сегвану, а второй схватил сам. Они подоспели к Шамаргану и с двух сторон встали над ним, и больше ни один камень в лицедея уже не попал.

Что такое деревянный меч? Это, в общем, тяжёлая и толстая палка из очень твёрдого дерева, выглаженная и оструганная до некоторого сходства с настоящим клинком. Воины пользуются ими, совершая ежедневное правило, радующее тело и дух, и обращаются с деревянными мечами не менее уважительно, чем со стальными. Это оттого, что они знают, каким страшным оружием способна быть подобная «палка». Ею можно добыть себе славу, отстоять честь и совершить справедливость. С нею выходят против врага, вооружённого на-

стоящим мечом, и побеждают, и это есть признак великого мастера.

И Винитар, и Волкодав были мастерами из мастеров... Попробуйте-ка взмахнуть деревянным мечом так, чтобы он просвистел на лету: не сразу получится. А их мечи пели на два голоса, пели уверенно и грозно, рисуя в воздухе прозрачный узор, и воздух обретал твёрдость. Камни отскакивали с треском, как от сдвоенного щита. Охотники остановились, смутившись. Такого, чтобы подбитому баклану слетели на помощь два хищных поморника, они явно не ожидали. Перемазанный в грязи Шамарган сперва полз на четвереньках, потом кое-как встал и заковылял, хромая, вперёд. Мешок, испещрённый и кое-где даже прорванный ударами камней, он по-прежнему не бросал. Волкодав и Винитар отступали следом, держа мечи наготове.

Их не преследовали. Это была не схватка врагов, тем более такая, в которой стремятся победить или умереть. Это была охота. А кто полезет в зубы сильному и огрызающемуся зверю — зачем, ради чего?

Всегда можно найти дичь полегче.

А если её нету поблизости — выждать, пока сильный ослабеет.

Или хитрость какую-нибудь изобрести...

— Куда теперь? — спросил Волкодав, когда все втроём они наконец укрылись за большим камнем. Тот некогда свалился с обрыва, да так и остался стоять, наклонившись и прильнув к обширному телу скалы, словно пытаясь заново срастись с ним. Под камнем было даже относительно сухо. И более-менее безопасно. На время. — Ты многое здесь помнишь, кунс... Вырвемся?

Винитар покосился на него, их глаза встретились. Вот как оборачивался их поход за Божьим Судом. Шли искать место для поединка, а довелось встать плечом к плечу, защищая третьего. И кого? Шамаргана. Ни тем, ни другим особенно не любимого. Лицедей сидел на колющем щебне, забившись в глубину каменного «шалаша», и, ещё не успев отдышаться, всхли-

пывая и сопя, с напряжённым лицом ощупывал сквозь штаны левую ногу выше колена. Двое воинов мельком на него покосились. Доковылял сюда — значит, и дальше идти как-нибудь сможет. Им же думать теперь следовало подавно не о Шамаргане и не о достойном завершении мести, посеянной годы назад, не о том, чья правда выше перед Богами. Для начала следовало попробовать остаться в живых. Остальное — потом. Будет жизнь — будет и время подумать о том, как лучше её употребить...

Так, во всяком случае, сказал себе Волкодав.

Винитара, судя по всему, посетили весьма сходные мысли. Он сказал, помолчал:

— Рядом начинаются ущелья. Мальчишкой я изучил их лучше многих, потому что любил здесь охотиться. Был путь и до моря, хотя что там теперь завалено льдом, а что нет, я не знаю.

Куда стремится морской сегван? — подумалось Волкодаву. К морю, конечно. Добрался до моря — значит, спасён! Вслух он спросил:

— А они с другой стороны они не подберутся?

Винитар ответил с полной уверенностью:

— Нет. — И пояснил, заметив его недоверчивый взгляд: — Там нельзя пройти. Там Понор.

У старейшины Клеща хватило соображения понять, что его верный Мордаш налаживается бежать из дому не во внезапном приступе дурости и даже не по любовным делам. Клещ видел: потерявший покой лёс что-то силится ему объяснить и до последнего не хочет уходить самовольно, отрекаясь от его, хозяина, над собой власти. Был бы Мордаш человеком, старейшина, пожалуй, усмотрел бы в его поведении борьбу между привычным долгом, помноженным на любовь, — и неким высшим велением. Но это о человеке. Можно ли подобное сказать про собаку?..

И каким образом беспокойство Мордаша было связано с непонятным предметом, который принесла умирающая двор-

няжка и с которым Мордаш теперь нипочём не хотел расставаться?..

Этот предмет он ненадолго доверил хозяину, пожелавшему рассмотреть. Клещ увидел перепутанный комок тонких верёвочек, бесформенный, слипшийся и вонючий. Поистине подобная шутовщина могла быть интересна только собаке. Старейшина стал ждать, чтобы Мордаш наигрался и успокоился, но не тут-то было. Гордый вождь всех деревенских собак вёл себя словно пропустовавшая* сука, которая, не родив щенков, решает считать ими хозяйские башмаки и принимается ревностно опекать их, охраняя от посторонних. Единственное отличие состояло в том, что для своей драгоценной верёвочной пуганки Мордаш не строил гнезда, а, наоборот, стремился нести её куда-то в сторону Тин-Вилены и, выходя с хозяином за ворота, всячески старался это ему втолковать.

Заметив, что с каждым днём кобель отбегает прочь по дороге всё дальше и возвращается всё неохотней, старейшина сдался.

— Не на цепь же тебя, в самом деле, сажать, — сказал он Мордашу. Вот уж, право слово, было бы безобразие. Да и не удержала бы Мордаша цепь... Взяв крепкий шнурок, Клещ обвил им могучую шею любимца. Принял из послушно раскрывшейся пасти верёвочную связку и устроил её на шнурке, тщательно закрепив. Теперь Мордаш сможет есть, пить и защищаться в пути, не опасаясь потерять свою важную ношу...

Сделав это, старейшина заглянул в тёмно-карие, широко расставленные собачьи глаза, и ему отчётливо показалось, будто Мордаш понимал его действия. И был за них благодарен.

— Вернёшься ли? — вздохнул Клещ.

Вместо ответа кобель дал ему лапу. Тяжёлая когтистая пятерня без остатка заняла немаленькую мужскую ладонь. Чёр-

* *Пропустовавшая* — о суке: пережившая очередной период готовности к размножению («пустовку»), но не забеременевшая. Поведение подобной собаки, увлечённо «играющей» в материнство, называется ложной беременностью.

ные подушечки были тёплыми и твёрдо-шершавыми, привычными к долгому бегу по любым дорогам и вообще без дорог. Кобель отнял лапу и протянул хозяину другую. И наконец, наклонив голову, упёрся широченным лбом старейшине в колени, заурчал и начал тереться, едва не свалив его с ног.

— Эх, — Клещ подхватил клюку и, яростно хромая, сам повёл Мордаша за ворота. Прошагал с ним по тин-виленской дороге несколько сот шагов через луговину до леса, почему-то вспоминая, как встретил здесь того странного чужака... Возле первых сосен Клещ остановился. И гулко хлопнул оглянувшегося пса ладонью по боку: — Беги!..

Мордаш несколько раз подскочил на месте, отрывая от земли все четыре ноги, точно щенок, которого выпустили гулять... Последний раз ткнулся мокрым носом в хозяйскую руку, как поцеловал. И зарысил прочь по дороге — ровно, уверенно, неумоимо.

— Возвращайся... — пробормотал старейшина внезапно осипшим голосом. — Возвращайся скорее...

И заковылял обратно к деревне, чувствуя себя сиротой.

Винитар даже начертил ущелья на разглаженной сапогом глине, чтобы всем было понятней. Волкодав увидел перед собой нечто вроде паутины, составленной из очень равномерно расположенных борозд и слегка закрученной посолонь. Венн про себя удивился, обнаружив, что рисунок пробудил некие воспоминания. Он приказал себе вспомнить и стал слушать кунса, перестав думать об удивившем его, и, как обычно бывало, очень скоро воспоминание само толкнулось из глубины. Перед умственным взором возник весьма сходный рисунок на песке и длинный палец Тилорна, указывающий на один из загнутых рукавов: «Вот так выглядит со стороны скопление звёздных миров, где нам выпало жить. В нём мириады солнц... Их так много, что они образуют течения и вихри, подобно частицам, увлекаемым бегущей водой. С той только разницей, что

это величественное движение, измеряемое веками. Вот здесь находится твоё солнце. А вот моё...»

Подумав о межзвёздных пространствах, Волкодав опять вдруг припомнил чёрную глыбу с её хвостом загустелых воздушов, летящую в пустоте, ту, что привиделась ему, когда он медленно приходил в себя от Шамарганова зелья. Он смотрел на рисунок, сделанный Винитаром, и ему впервые пришлось на ум наложить подобную рукавчатую спираль, только очень большую, на карту своего мира. Поместив центр её чуть севернее границ Саккарема. Туда, где тремя мёртвыми клыками высились Самоцветные горы. И рядом с ними млела Долина, круглая и неестественно тёплая, согретая той болезненной теплотой, какую можно ощутить, если сдуру запустить палец в воспалённую рану...

Как-то легли бы на такую карту известные ему Врата в Беловодье и Велимор, если бы соединить их между собой?..

Палец Винитара воткнулся в самую серёдку нарисованной паутины, оставив глубокую вмятину:

— Вот Понор. Мы пройдем мимо и выйдем к морю вот здесь. По крайней мере раньше здесь всегда был проход.

— Тогда надо идти, — сказал Волкодав. — Вряд ли мы выскочим незамеченными, но они ждут подмоги, чтобы обложить нас уже как следует. Вряд ли стоит нам дожидаться, пока ещё охотники подойдут.

Вместо «охотники» он едва не сказал «людоеды». Язык, правду молвить, чесался. Да и Винитара, вполне возможно, уже посетили сходные мысли. О том, что на острове его отца завелись людоеды. Иначе, как насмешкой судьбы, и не назовёшь!.. Причём справедливой насмешкой. Волкодав не стал ничего говорить. Им следовало спасаться, а не репы друг другу в шкуры метать.

Винитар не стал его спрашивать, откуда он знал, что охотники выжидают. Поверил — и всё. Кивнув, он развернулся на корточках (ибо только так и можно было угнестись под кровом каменного «шалаша») и гибким движением, не распрямля-

ясь, выметнулся вон, достигнув следующего валуна. Он волей-неволей должен был идти первым, показывая дорогу. Мыш, сидевший на плече у Волкодава, на всякий случай сорвался вдогонку. При этом он играючи, даже с ленцой, увернулся от камешка, прилетевшего из чьей-то пращи и весьма опоздавшего попасть в Винитара. Вероятно, для Мыша полёт камня выглядел медленным и не казался опасным. Люди, увы, не были одарены подобной стремительностью чувств. Они невольно отшатнулись, когда камешек размером с дикое яблочко звонко цокнул в скальный гранит и раскололся, оставив беловатую звезду на месте удара. В тело попадёт, небось мало не будет... Шамарган даже буркнул чуть слышно, вероятно живо представив, как это произойдёт. Волкодав про себя оценил быстроту выстрела и подумал, что Шамаргану придётся туго, ведь появления следующего прыгуна будут ждать. Да ещё нога...

— Сможешь так? — спросил он лицедея, кивнув в сторону выхода.

Шамарган сперва молча кивнул, потом попробовал пройти на корточках, как Винитар, и сейчас же, охнув, свалился. Камень, пущенный убить, ударил вскользь и не сломал ему ногу, помяв только мышцы и, должно быть, оставив над коленом здоровенный синяк. В горячке погони лицедей сумел подняться и довольно быстро бежать, но за время передышки нога распухла так, что стала тесной штанина. В ней билась тупая боль, невыносимо взорвавшаяся от движения. Всё же Шамарган опять приподнялся, перевалившись с колен на пятки. Он понимал, что речь шла не об испытании мужества, а о жизни и смерти. Стоило вспомнить улыбки облизывавшихся людоедов, и боль сразу становилась терпимой. Тем не менее лицо у него побелело так, что было видно даже сквозь грязь. В таких случаях говорят — как мука, и всем это понятно, хотя мука у каждого народа своя. Если иметь в виду ржаную, как Волкодав, зрелище применительно к человеку получалось малоприятное. Этакая сиңюшная сероватость. Оставаясь на корточках, Шамарган сделал шагок. Потом ещё.

— Двадцать лет, — сказал он Волкодаву. — Всего двадцать лет!.. Отцы, может, даже грамотные кое-кто был... Одно поколение... Почему?

— Давай мешок, — сказал Волкодав.

Шамарган обречённо посмотрел на него снизу вверх. Так, словно Волкодав, в котором он уже по привычке видит товарища по несчастью и даже защитника, вдруг вознамерился покинуть его на верную смерть. Вени не удивился. У Шамаргана забирали мешок, и ему казалось, что у него отнимали последнюю защиту от камней. А если бы ему оставили поклажу, он решил бы, что его приговорили погибнуть под её тяжестью, отнимающей быстроту движений. Всё правильно.

— Они ждут следующего, — просовывая руки в плетёные лямки, сказал Волкодав. — Пойду я, потому что в меня им не попасть. Прыгай сразу, как только камни ударят, пока они не перезарядили пращи.

Его прыжок в самом деле сопровождал град визжащих камней, от которого Шамарган вряд ли увернулся бы даже без мешка и со здоровой ногой, а уж в нынешнем своём состоянии, да нагруженный, — и подавно. Один булыжник прошёл у Волкодава по волосам, другой глухо впечатался в многострадальную кожу мешка. По счастью, тот был исключительно прочным, хорошей работы, — изделие мастера Вароха, обитавшего теперь в Беловодье. Закатная пора жизни мастера выдалась очень счастливой — он жил среди друзей, радовался взрослению славного внука, — и, должно быть, поэтому творения его рук неизменно приносили удачу. Что ножны для Солнечного Пламени, что вот этот мешок... Волкодав влетел за валун, где ждал его Винитар, и оглянулся, и почти сразу ему под ноги кубарем вкатился Шамарган. Лицедей прокусил губу от боли, страха и непомерного усилия, к которому пришлось принудить все мышцы, больная нога скорее напоминала не часть тела, а отдельное, живущее своей жизнью существо, но всё же он в точности выполнил замысел Волкодава и теперь силился отдышаться, понимая только, что жив. За ним, снаружи, вновь

зло провизжали камни, не нашедшие добычи, и, щёлкая, заскакали, отлетая от каменных углов и постепенно успокаиваясь.

— Дальше во-он туда, — показал рукой Винитар.

Он ничего не прибавил в том духе, что, мол, ещё две-три перебежки — и всё, мы в безопасности. Словами о безопасности утешают мирных людей, для которых переделка вроде теперешней — испытание за гранью мыслимого. Позже, оставшись в живых, они, может быть, с удовольствием припомнят пережитое и даже похвастанутся, но пока это — дурной сон, от которого хочется пробудиться как можно скорее. А не пробудиться, так хоть уцепиться за кого-то более сильного и поверить, что он непременно вытащит тебя и спасёт. Да ещё загодя уверит, что будет всё хорошо. Воина не требуется утешать. Воин хочет знать правду. Даже если она состоит в том, что враг, вполне вероятно, лучше знает ходы-выходы обледенелых ущелий, а значит, впереди, там, куда они с таким трудом прорываются, вместо спасения может ждать засада. Подоспевшая подмога, на которую, по словам Волкодава, уповали охотники. Засада и камни, летящие прямо в лоб из-за той самой скалы, за которой ты чаял укрыться...

Шамарган воином не был. Но, чего-то ради увязавшись за ними, вздумал быть среди воинов равным. Вместо этого, как и следовало ожидать, уже стал обузой и сам это понял. Значит, пускай боится и терпит. Назвался груздем — полезай в кузов. Взялся за гуж — не говори, что не дюж...

К следующему валуну они рванулись все трое одновременно. Винитар и Волкодав подхватили под руки Шамаргана и почти перенесли его под прикрытие утёса. Новую перебежку осуществили ещё хитрее. Винитар кинулся в одном направлении, а Волкодав с Шамарганом мгновение спустя — в другом, куда и было им нужно. Потом кунс к ним присоединился, потирая ушибленное плечо. Ушибленное не камнем из пращи, а об землю — пришлось броситься «рыбкой», не очень глядя вперёд. Дальше отвлекать взялся Волкодав. До отказа пустив в ход своё чутьё, он выскочил на открытое место, потом сделал вид, будто

испугался, а может, не рассчитал сил — и заметался, пытаясь вернуться назад. Но заметался не просто так, а в отчётливом соответствии с намерениями обрадованных людоедов. В крепости у Хономера он каждый день упражнял и оттачивал своё восприятие, но чуточку поотвык от настоящей опасности и от того, как она обостряет все чувства. Теперь ему казалось, что раньше он очень неуклюже уворачивался от стрел и отбивал их мечом. Он почти уподобился Мышу, легко ускользавшему от летящих камней. Снаряды из пращей, вертясь, проносились там, где он был мгновение назад... Винитар с Шамарганом успели уйти далеко, он достиг валуна, из-за которого выскочил, и разыскал своих спутников по следам.

— Ты... танцевал, — сказал ему Шамарган. Глаза у него были круглые. Волкодав про себя отметил, что лицедей стал двигаться проворней и легче. Кажется, жестоко ушибленная нога у него «расходилась» мало-помалу. Так бывает, когда тело своим нутряным знанием осознаёт, что спокойно отлежаться ему всё равно не дадут, — надо работать, и оно, хочешь не хочешь, работает. Да и разгоняет при этом вцепившуюся было немощь.

Вновь настала очередь Винитара, и Волкодав сперва усмотрел в его действиях некое соперничество с собой. Потом, правда, он понял, что ошибался. Молодой кунс вскочил на обломок скалы и торжествующе закричал, привлекая внимание. Мигом полетели камни — чего-чего, а этого добра здесь было в избытке, нынешние охотники на людей были не из тех, у кого могут в одночасье кончиться стрелы. Винитар вращал меч, уберегая ноги увёртками и прыжками. Танцевать на виду у врага он умел уж всяко не хуже, чем венн. Удирая вместе с Шамарганом, Волкодав краем глаза проследил за его пляской, и у него даже ёкнуло сердце. Нет, этот танец весьма мало напоминал пляску обречённого на качающейся, готовой опрокинуться глыбе... и всё же подобное зрелище, да под сенью трёх склонившихся гор в розовом вечно-закатном снегу ну никак не могло быть случайным. Волкодав за руку втащил Шамаргана за скалу, указанную Винитаром. Сегванский вождь появился спустя считанные

мгновения и досадливо бросил наземь измочаленные остатки меча.

— Я дурак, — сказал он. И пояснил: — Ты обманул их, а я посмеялся над ними, и они это поняли.

Волкодав сперва решил промолчать, ибо не видел толку размазывать нечто такое, что и так споров не вызывает. Но потом всё же сказал:

— Ты кунс. Ты с честными врагами биться привык...

И вовремя закрыл рот, уберёгшись добавить: «...не как я — со всякими людоедами...»

Самое смешное, что глупость, сотворённая Винитаром, пошла беглецам даже на пользу. Деревяшка, исковерканная несчётными ударами камней, ни на что уже не годилась, и дальше её не потащили — оставили лежать на земле. Волкодав лишь коснулся её на прощание ладонью, потому что это было изделие его рук. И ещё потому, что это был всё-таки меч, служивший до конца и погибший, как подобало мечу. Впрочем, весьма скоро выяснилось, что самую последнюю службу меч при расставании с ним только ещё готовился сослужить. Очередной раз устремившись вперёд, трое с удивлением обнаружили, что камней в них почему-то не мечут, зато сзади громко раздаются вопли и визг зверей, схватившихся над некоей очень ценной находкой. Беглецы не стали тратить время на размышления, что бы это могло означать, — просто кинулись дальше, предводительствуемые Винитаром. Так совпало, что, завернув за очередной обломок скалы, сегван сразу повёл их сквозь неширокую трещину. Лаз оказался до крайности неудобным, наполовину засыпанным галькой, перемешанной с грязью, одолевать его пришлось на четвереньках, а где и ползком, увязая и скользя. Однако потом отвесные стены раздвинулись, и глазам представило узкое, равномерно изгибавшееся — точь-в-точь как на рисунке Винитара — ущелье. Его дно покрывала вода. Сотни ручьёв сбегали по склонам и просто падали вниз, дробясь на лету. Их питали близкие ледники, громоздившиеся наверху. Должно

быть, ущелье не превратилось в озеро только оттого, что где-то был сток. Волкодав огляделся, в который раз пробуя представить себе, как всё здесь выглядело в прежние дни — зелёный мох, папоротник, роскошный от постоянных водяных капель, цепкий шиповник, заплонивший солнечные места... Да, здесь было очень красиво. Теперь Волкодав никакой красоты кругом не усматривал, потому что, по его глубокому убеждению, её нипочём не могло быть там, откуда ушла жизнь.

— Дерево, — вдруг сказал Винитар. — У них совсем нет дерева, но они не забыли, что это такое. И грызутся над щепками, как другие над золотым кладом.

Они не стали даже пытаться заметить след, ибо это было всё равно бесполезно, и двинулись вперёд по колено в воде. Шли настолько быстро, насколько могли, — ещё и потому, что вода, заливавшаяся в сапоги, была без преувеличения ледяной. Станешь мешкать, и можно дожидаться, что ноги онемеют и перестанут работать. Вода была мутная, в ней приходилось ошупью нашаривать крупные камни, да и те далеко не всегда оказывались надёжной опорой. Плавный изгиб ущелья не давал видеть, куда они, собственно, идут. Оставалось лишь верить, что где-то там был поперечный проход, которым Винитар выбирался некогда к морю...

— Может, ещё что-нибудь оставим? — тяжело дыша, спросил Шамарган. — Такое, чтобы их отвлекло?..

— Тебя, например, — хмыкнул Винитар. — Вот уж это их надолго задержит. Да и тебе поделом встало бы...

Для него лицедей был прежде всего предателем, человеком без чести, который не погнушался отравить гостя. Но и у Шамаргана была, видно, какая-то своя правда. Либо просто зачесался язык, по обыкновению то доводивший лицедея до беды, то выручавший.

— А может, сам с ними останешься? — осведомился он мрачно. — Ты же им вроде родственника. По отцу...

Молодой кунс окаменел лицом и повернулся к нему. Но ничего не сделал — не понадобилось. Волкодав стоял ближе.

Увесистая затрещина сбила Шамаргана с ног и заставила с головой окунуться в воду. *Дожил*, отстранённо, в полном изумлении сказал себе венн. *Уже за Людоеда вроде как заступаюсь...* То есть заступался-то он, конечно, не за Людоеда, а скорее за Шамаргана, ибо Винитар скорее всего оплеухой не ограничился бы, но как всё это выглядело со стороны?.. Лицедей вынырнул, отплёвываясь, и ещё побарахтался, заново нащупывая под ногами опору и, конечно, стучаясь больным местом обо всё подряд. Винитар за это время успел уйти вперёд. Волкодав приотстал от него, но ненамного. Шамарган оглянулся и увидел человекоядцев, как раз показавшихся из расселины позади. Его опять поразило, какие они одинаковые, низкорослые и мохнатые. Хорошо было то, что здесь, в ущелье, им не так-то легко удавалось пополнять запас камней для метания, и они не спешили пускать в ход пращи. Плохо было то, что, разглядев беглецов, они торжествующе закричали — так, словно сумели наконец загнать дичь в тупик, из которого ей уже не вырваться.

Лучше не думать о том, что означал этот крик...

Взмахивая руками и поднимая брызги, Шамарган заторопился следом за сегваном и венном.

В срединном Шо-Ситайне солнце ныряло за небоскат куда круче, чем на родине сегванского племени. Над плоскогорьем Алайдор, хоть оно и было расположено куда западнее острова Закатных Вершин, сгущалась чёрная ночь.

Именно чёрная. Ничего общего с установившейся было светлой благодатью красного лета. Чёрная, ветреная и отменно холодная... Ветреная — сказано плохо. Назвать эту ночь просто ветреной было всё равно что матёрого мономатанского тигра спутать с домашним котёнком. Бурная?.. Штормовая?.. Тоже не особенно хорошо. Вот только справедливое слово для происходившего у Ворот Алайдора очень трудно было найти.

Во всяком случае, Хономеру это так и не удалось.

Он, воздержанный жрец, до дна исчерпал весь запас известных ему проклятий и богохульств, причём на нескольких язы-

ках и относившихся к весьма разным верам. Однако достойного поношения погоде так и не подобрал.

Как обычно бывает в большой горной стране, возвышенное плато отъединяла от равнин скалистая пограничная гряда. Со стороны Алайдора она представляла невысокой цепью иззубренных холмов, но при взгляде снизу нападала невольная оторопь: что же за горы там, впереди, если даже самый первый хребет, всего лишь обозначивший этакий порог, первый подступ к Заоблачному кряжу, выглядит полностью неприступным?..

Она и была почти неприступной, эта безымянная гряда. Уж во всяком случае для каравана. Лошади даже привычных местных пород, нагруженные вьюками, — всё-таки не горные козы. Отродья знаменитых скакунов Шо-Ситайна, поколениями воспитывавшиеся в горах, умели одолевать кручи, непосильные для стремительных равнинных коней... но не отвесные же обрывы. Поэтому караваны пользовались несколькими давным-давно разведанными и обустроенными дорогами. Дороги взбирались по нелёгкой, но всё-таки приемлемой крутизне до проходов между гребнями, неизменно называвшихся Воротами. Были Красные, Чёрные, Белые — по цвету утёсов, под сенью которых проезжал путник, — и даже Зимние, именуемые так за то, что, во-первых, находились на северном склоне, а во-вторых, неизменно оставались проходимыми с осени до весны.

Как раз Зимних Ворот и пытался достичь караван Хономера. Если ехать из Тин-Вилены, этот проход не был ближайшим, но зато самым удобным для тех, кто держал путь в Долину Звонящих ручьёв.

Люди и лошади благополучно пересекли всхолмленную степную равнину и поднялись, уже сражаясь с ненастьем, почти до самого верха. Дождь, постепенно превратившийся в мокрый снег, не остановил опытных поезжан, но порядком-таки задержал их. Вместо середины дня караван подобрался к Воротам лишь в густых сумерках.

И... не смог их пройти.

Вот это была очень неприятная неожиданность.

Отнюдь не темнота была ей виной. Ничего столь опасного, чтобы не одолеть ночью, в Зимних Воротах не было. Самый обычный проход между двух каменных стен, вытесанных отчасти природой, отчасти руками людей. Проход довольно длинный и почти совершенно прямой. Избранный Ученик не раз здесь бывал, а уж Ригномер, без преувеличения, изучил в Воротах каждый булыжник: торгуя с итигулами, Бойцовый Петух одолевал пограничный хребет в любое время года и суток.

Но ещё ни разу на его памяти Ворота не превращались в завывающую трубу, из которой не дул — бил с силой тарана сокрушительный ветер!..

Собственно, кое-что можно было предугадать ещё внизу, когда они увидели, что из Ворот, словно из дымохода, выползает плотное облако и длинным хвостом плывёт над степями, кропя их не слишком обычным в это время года дождём.

Подумаешь, дождь? Бывалые путешественники лишь загодя отвязали от сёдел свёрнутые плащи и приготовились выносить неизбежные тяготы дальнего пути по горам.

Но то, что ожидало их наверху, многократно превосходило все их приготовления, не говоря уже о способности что-либо одолевать и терпеть.

На ближних подступах к Воротам ветер валил с ног и отрывал от земли, безжалостно вышвыривая сунувшегося человека. Даже такого полнотелого и сильного, как Ригномер. Против ветра невозможно было ни дышать, ни смотреть. Что до лошадей, они просто отказывались выходить их относительного затишья последнего колена дороги перед Воротами. Предприняв несколько безуспешных попыток выгнать их оттуда или вытащить под уздцы, Хономер решил дожидаться затишья. «Редкий ветер дует и дует с ровной силой без отдыха, — сказал он себе. — Должно быть, мы угодили в порыв, но ведь когда-то он кончится!»

Спустя некоторое время, основательно продрогнув и мысленно исчерпав запас сквернословия, он понял, что ошибся. Напрасно он говорил себе, дескать, преддверие Заоблачного

кряжа совсем не то, что бескрайняя морская равнина, ветры здесь долго не живут, — скоро рождаются и так же скоро, отбушевав, умирают... Нынешний вихрь то ли издевался над ним, то ли просто никогда не слышал рассуждений о природе горных ветров. Из Ворот всё так же летел, клубясь и кувыряясь, плотный туман пополам с хлопьями снега, а вместе со снегом — тучи песка и даже мелких камней. Когда окончательно иссякла надежда захватить последний свет дня, Хономер сказал себе, что утро вечера мудреней, и распорядился устроить ночлег.

Может, даже не просто ночлег, а стоянку на несколько дней. Вечно дуть этот ветер всяко не будет. Припасов же было в достатке, в том числе корма для лошадей...

Походники принялись воздвигать решётчатые деревянные остовы палаток, сцеплять их и связывать между собой, натягивать сверху кожи и плотные войлоки. Против всякого обыкновения, дело ладилось с величайшим трудом. Решётки выскальзывали из рук, надёжные узлы распускались сами собой, верёвки падали в снежную жижу и сразу пропадали бесследно, пёстрые войлоки подхватывали и тащили к обрыву порывы ветра, неведомо как обтекавшие вроде бы надёжный скальный заслон... Нет, нынешняя буря определённо была живым существом! Живым, почти всемогущим и очень недоброжелательным!.. К тому же снег, вначале мокрый и липкий, постепенно прекратил таять и обернулся тучами стрел, грозивших проткнуть насквозь всё, что оказывалось на пути. Холод, который в тихую погоду называли бы заморозком, будучи помножен на ярость ветра, превратился в настоящий мороз. Пропитанные сыростью плащи неотвратимо заledenели, сделались ломкими, застывшая слякоть на дороге стала опасной, и завтрашнее солнце, если даже проглянет, вовсе не обещало непременно уничтожить ледок... Ригномер Бойцовый Петух поймал себя на нечаянном беспокойстве: «Как же спускаться-то будем?» — и тут только понял, что, оказывается, допустил мысль о бесславном возвращении вниз. Мысль не только лишнюю,

но попросту вредоносную! Хорошо ещё, не довелось выболтать её в присутствии Хономера!.. Бывший торговец невольно представил, каких ласковых наговорил бы ему Избранный Ученик, даже без того, кажется, склонный винить его в сегодняшней неудаче, — и зябко поёжился...

Что надлежало до Хономера, то он в сердцах отправился спать, не дождавшись, пока разведут костёр и сварят горячую кашу, и теперь понимал, что снова сделал ошибку. Его палатка, многократно испытанная самыми лютыми непогодами, была очень надёжным убежищем. Ни разу прежде она не подводила его, никогда он в ней не мучился ни от сырости, ни от мороза. И что же? Огонь, затепленный было внутри, очень скоро пришлось погасить, ибо ветер, властвовавший вовне, буквально вколачивал дым обратно в отверстие свода — и плевать хотел на хитроумные клапаны, предназначенные обеспечивать его истечение. Оставалось либо задыхаться, либо сидеть без огня. Хономер выбрал второе, благо давно привык обходиться без удобств, казавшихся кому-то другому жизненно необходимыми. Кроме того, у него было с собой одеяло из нежной шёрстки тех самых козлов, что почесывали шеи о кусты и камни на заоблачных кручах, даруя мастерицам-горянкам несравненную кудель для прядения. Страшно вспомнить, сколько денег отдал за него Хономер, но с тех пор он успел трижды благословить каждый грошик, выложенный за покупку. Завернувшись в это одеяло, можно было спать нагишом на зимнем снегу, как возле печи. Хономер лёг, закутался и пожелал себе скорейшего наступления утра, уверенно зная, что мгновенно согреется и уснёт...

Как бы не так.

Ледяные токи проникали сквозь чудесное одеяло с такой лёгкостью, словно Хономер укрылся дырявым рядном*. И палатка казалась ему набранной не из непроницаемых, нож врьд

* *Рядно* — грубый холст с редким переплстением нитей (отсюда название, произносимое также «редно»), употреблявшийся на мешки и подстилки.

ли проткнёт, войлоков, а из ветхих рогож, бессильных составить хоть какую-то преграду для ветра. Сквозняки сочились со всех сторон, опутывали ноги, подползали под спину, трогали волосы...

Хономер скрипел зубами и даже не вертелся с боку на бок, чтобы не растратить скудные крохи тепла, кое-как сохранявшиеся у тела, и только говорил себе, что это когда-нибудь кончится, что это не навсегда. Крепко заснуть ему, конечно, не удавалось — так, забывался едва-едва, тревожно и будко, чтобы почти сразу, вздрогнув, проснуться. Либо от очередной жалобы озябшего тела, либо оттого, что очень уж скверные посещали его сны... Не возвышающие сновидения, наводящие на мысль о божественном прикосновении, и даже не забавные, к которым приятно вернуться памятью после пробуждения, а сплошной морок и бред. Да и откуда бы, если подумать, здесь взяться снам хорошим и светлым? Несколько раз жрецу виделся ветер, воплощённый почему-то в облике женщины, стоявшей посреди Ворот, и эта женщина невыносимо влекуще и жутко звала его по имени: «Хономер... Где ты, Хономер...»

И притяжение, и ужас были родом из детства. Так звала его мать, когда он, по глупости или по дерзости набедокурив, силится затаиться и тем самым избежать наказания: авось всё минует и взрослые не догадуются, — но мать, конечно, сразу понимала, в чём дело, и звала его, чтобы спросить ответа, и было одинаково невозможно и вылезти из ухоронки, и не подчиниться зову. «Хономер, где ты, Хономер? Ты провинился...»

...А на острове Закатных Вершин время суток было невозможно определить ни по положению солнца, ни по перемещению теней. Небосвод так и оставался затянут тысячеслойными облаками, розовый свет лился со всех сторон поровну, теней не было вовсе. И только звериное чутьё, позволявшее Волкодаву даже под землёй отмечать течение времени, говорило ему, что на самом деле была уже глубокая ночь.

Ущелье, лишённое скрадывающих одежд мха и пышных кустарников, являло себя как бы и не ущельем вовсе, а неестественно ровной трещиной, пробитой не то прорубленной в плоти земли. Столь нечеловечески ровным и гладким бывает порою скол ледяной горы, плывущей по морю. Здесь никогда не было потоков воды, способной прихотливо обтесать камень, всё оставалось так, как во времена Великой Ночи, наградившей земной мир многими очень странными шрамами. А может, Великая Ночь некоторым образом вернулась сюда вместе с великанами льда? Или вовсе не покидала эти места, притаившись в вечном мраке Понора?.. Волкодав видел, как хмуро озирался кунс Винитар, так и этак оглядывая голый череп родного острова. Легко ли, созерцая мёртвые кости, вызывать в памяти черты некогда любимого облика?..

Остров Закатных Вершин, населённый одичавшими пожирателями человечины, ныне был не более чем трупом былой родины Винитара, суровой, величественной и прекрасной. Зря он потревожил давно отлетевшие тени, явившись сюда. Жизнь мёртвых пусть продолжает душа и её отражение в памяти, а не бренные останки, которым место в могиле.

Должно быть, Винитар чувствовал себя как человек, опоздавший на похороны и раскопавший могилу в отчаянной надежде проститься. Поднял крышку гроба и...

...Стены ущелья, плавно изгибавшиеся влево, испытали резкий излом. Незапамятно давнее напряжение достигло здесь особенной силы, сокрушив камень поперечной расселиной.

Когда-то юный сын кунса ставил здесь ловчие петли на зайцев, чтобы затем с торжеством относить добычу бабушке Ангран и требовать жаркого с луком и чесноком. Теперь сверху над расселиной нависал передний край ледника, придвинувшегося с северной стороны. Ледник ещё не перешагнул её, но ждать этого оставалось недолго. Молочно-голубые глыбы, траченные дождём, солнцем и собственной тяжестью, в розовом свете вечной зари напомнили Волкодаву опалы подземных

копей, таившие в дымчатой глубине алые и синеватые блики. Ни вид ледника, ни воспоминание об опалах никакой радости ему не доставили. В Самоцветных горах, после нескольких кровавых несчастий, ставших известными всему руднику, опалы уверенно считали камнями недобрыми, сулящими скорую гибель.

И справедливо.

Стоило один раз посмотреть на обломки величиной с дом, громоздившиеся и медленно таявшие в расселине, и сразу делалось ясно: к морю там не пройти. Карабкаться в полную неизвестность по гладкому льду, то и дело опасно оскальзываясь и переставая чувствовать руки и ноги, — и всё это затем, чтобы вскорости сбросил вниз меткий камень из пращи?..

Винитар, расплёскивая воду, прошагал мимо прохода, едва в ту сторону посмотрев. Волкодав не стал ни о чём его спрашивать. И так всё было понятно.

Шамарган держался за бедро и заметно приволакивал ногу: подшибленные мышцы порывались не слушаться. Иногда, оглядываясь, Волкодав успевал заметить, как он поспешно стирал с лица гримасу боли. Он то и дело отставал, но тут уж, сделав усилие, поравнялся с двумя воинами. И жизнерадостно спросил:

— Ну? Куда мы теперь?

Винитар промолчал, поскольку ответ был очевиден, а Волкодав подумал о том, что погоня, сопящая за спиной, уже не впервые вынуждает его очертя голову устремляться в места заповедные и, по всеобщему мнению, гибельные. И что же? Злые либо просто неисповедимые силы, поджидавшие впереди, до сих пор неизменно оказывались милосердней братьев по роду людскому, мчавшихся по следам...

Он не стал говорить об этом вслух, чтобы не искушать своих спутников тенью ложной, быть может, надежды. Будь что будет — назад уже всяко не повернуть...

— Вдова купила баклажан... — неожиданно запел, а вернее, во всё горло заорал лицедей.

Вдова купила баклажан,
Домой к обеду принесла,
Но занести над ним пожа
На кухне так и не смогла.

Тут надо, братцы, вам сказать,
Что муж молоденькой вдовы,
Пока ложился с ней в кровать,
Был полным мерином, увы...

Волкодав и Винитар переглянулись — и одновременно принялись подпевать.

Жила она в большой тоске,
А схоронила муженька —
И славный овощ на доске
Не поднялась крошить рука.

Уж так он ладен и хорош,
Изогнут чуть, продолговат
И твёрд в руках, когда возьмёшь,
И цветом — форменный агат!

Людоеды, осторожно высунувшиеся из-за поворота ущелья, даже ненадолго приостановились, вслушиваясь в странную песню обречённой «добычи» и силясь что-то понять. Слова уже не имели для них смысла, но было ясно, что «дичь» весьма далека от смятения и испуга. Это беспокоило. Однако потом погоня двинулась дальше.

Не тощ, не вял, не жив едва,
А в самом теле и в поре!
Губами тянется вдова
К его ядрёной кожуре...

*Горькие зелья себе проливая на платье,
Злобу ничтожных людей принимая без стоны,
Старый волшебник трудился над неким заклатьем,
Тысячу лет посвятив разысканьям учёным.*

*Всем пренебрёг в этой жизни мудрец одинокий,
Дружбу забыл и любовь, отказался от славы,
Лишь бы почувствовать в жилах чудесные токи
И укрощённую формулу миру оставить.*

*Брошенный всеми, торил он дорогу во мраке,
До бесконечности пробовал так и иначе...
...И наконец начертил возжеланные знаки,
В день завершения трудов ожидая удачи.*

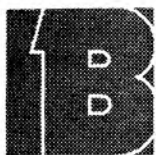
*И... ничего! Перед ним — ни огня, ни движенья,
Ни очертаний в дыму благовоном и зыбком...
Вот и пришлось ощутить ему вкус поражения.
Хуже: он понял, что вышла не просто ошибка.*

*Так и должно было быть! Он преследовал тени.
Больше себе не откажешь в признании честном:
Весь его путь вдохновенных трудов и лишений
Был обречённым полётом в бесплодную бездну.*

*Что же теперь? Понапрасну истрачены силы,
Целая жизнь, посвящённая тайне заклатья.
Сколько ещё отделяет его от могилы?..
Долго он плакал. А после... вернулся к занятиям.*

*Много ли, мало ли дней впереди остаётся,
Может быть, снова в тупик заведёт его опыт...
Разницы нет старику. Он над формулой бьётся
И под ретортой очаг потихонечку топит.*

2. На ясный огонь

эту ночь Хономеру так толком и не удалось вку-
сить отдыха. Он мёрз и, словно по чьей-то злой
воле, всё время видел очень скверные сны. Под
утро, однако, ему показалось, что ветер, свиреп-
ствовавший снаружи, начал стихать.

Утро — понятие у каждого человека своё. Кто-то спит до
обеда и потом говорит «с добрым утром», хотя другие помина-
ют уже чуть ли не вечер, кто-то, напротив, вскакивает с первым
лучом и вообще не нуждается в длительном сне. Хономер был
как раз из этих последних. Кусочек неба между клапанами па-
латки едва начал смутно сереть, когда Избранный Ученик ре-
шил прекратить тщетные попытки согреться под одеялом. Вста-
вай и трудись — вот лучшее средство! Никогда прежде оно не
подводило его.

И Хономер спустил руку с походной лежанки — узкой
складной кровати из твёрдого и лёгкого дерева, — думая нащу-
пать рядом с собой на полу кое-какие походные мелочи...

Заря ещё не давала сколько-нибудь заметного света, внут-
ри палатки было темно, словно у кита в брюхе, и поэтому пер-
вая мысль Хомера была о светильничке.

Это был весьма особый светильничек. Подобные ему сто-
или немалых денег и высоко ценились среди путешественни-
ков. Его называли «самопалом», за то, что он не требовал от-

дельного добывания огня. Простое нажатие пальца проворачивало стальное колёсико. Оно соприкасалось с кусочком кремня и порождало густой рой искр, слетавших на пропитанный фитилёк. Ко всему прочему, светильничек был не из глины и не из обжигающего руки металла, а из прозрачного стекла замечательной варки. Оно не боялось ни огня, ни падений на камни. Единственным недостатком «самопала» было, пожалуй, то, что заправлять его следовало не маслом, а очень крепким вином, лучше даже извинью*, которая получается при перегонке. Это оттого, что масло от искр вспыхивало не всякое и не всегда. Извинь в путешествии, бывает, не всюду достанешь, — приходилось везти с собой некоторый запас, да и пламенела она не привычным тёпло-жёлтым огнём, а синеватым. Но велика ли беда? Полезные свойства светильничка искупали его недостаток с лихвой.

Хономер купил дивное устройство за морем, в городе Галираде. Галирад, столица достаточно дикой, по сравнению с той же Аррантиадой, державы, за последние годы сделался знаменит такими вот ремесленными диковинами, при виде коих мастера других стран только разводили руками: как же вышло, мол, что я сам не додумался?..

Хономер приобрёл светильничек в последнее своё посещение Галирада. Заинтересованные (и очень умелые) расспросы Избранного Ученика вознаградили его лишь смутным упоминанием о каком-то премудром учителе, посетившем Галирад лет этак семь тому назад.

«Сколько же всего изобрёл этот учитель? — недоверчиво спросил Хономер. — Не многовато ли знаний для одного смертного человека?»

Стекловар Остей отряхнул руки о кожаный передник:

«Ему не понадобилось изобретать всё. Я услышал от него только о колёсике и кремне, а остальное додумал позже. И до горячего вина сам дошёл. Учитель направил мою мысль и под-

* *Извинь* — безводный спирт, алкоголь, букв. «то, что получается из вина» (натурального, брожёного) после перегонки.

толкнул её, придав движение, и она стала нащупывать дорогу дальше. Ты ведь жрец, почтенный, ты лучше меня должен знать, как это бывает!»

Хономер при этих словах, помнится, немедля задумался, откуда могла проистекать подобная изобретательность — от Блинецов или, наоборот, оттуда, куда не достигал Их божественный свет... Но светильник купил.

Вот за какой вещицей, воистину удивительной и незаменяемой в дальнем пути, потянулся толком не проснувшийся Избранный Ученик, когда его рука, опустившись лишь чуть ниже бортика раскладного деревянного ложа, оказалась...

...В воде!!!

В ледяной, чёрной, неспешно и беззвучно перетекавшей воде!..

Тут уже липкие клочья дремоты, опутавшие разум Хомера, разлетелись сразу и без остатка. От неожиданности и испуга молодой жрец резко сел и зачем-то спустил с ложа ноги... Естественно, чтобы сразу вымочить их почти по колено. В первый миг талая вода показалась ему крутым кипятком. Хономер тотчас отдёргнул и поджал ступни, но с них потекло на подстилку и одеяло, ещё остававшиеся сухими. Хономер тряхнул головой, уже окончательно возвращаясь к реальности, и подумал о том, что где-то здесь, медленно кружа в черноте, не иначе как плавали по палатке и его сапоги, и вся верхняя одежда, и кожаный короб с книгами, которые он счёл необходимым взять с собой в путь... Или, может, уже и не плавали, а, намокнув, тихо погрузились на дно... то есть на пол...

Тогда-то Хономер вспомнил скверные сны, изводившие его ночью, и его в самый первый раз посетила мысль о могущественной и недоброжелательной Силе, надумавшей воспрепятствовать благочестивому путешествию. Мысль была тревожной, неожиданной и неприятной. И, пожалуй, даже кошунственной. Он привык считать, что служит сильным Богам. Вероятно, сильнейшим в этой Вселенной. И он вовсе не ждал, чтобы Кто-то дерзнул вот так, совершенно в открытую, противостоять Им...

так неужели?.. Неужели на Их Радетеля всё-таки Некто восстал — и, судя по всему, преуспел, хотя бы и временно?..

Хономер бесповоротно погнал прочь этот помысел, способный поколебать веру более слабого человека, и решительным, на сей раз вполне осознанным движением спустил ноги в воду. Сильным Богам нужны сильные служители. Сильные и непреклонные. Они посылают Своим верным испытания в виде теперешнего, дабы выбрать достойных, а от прочих отвратить Свой благословляющий взор...

Голени стали быстро неметь. Не ступни, а почему-то именно голени. Избранный Ученик стащил с ложа полусухое одеяло, завернулся в него, как в плащ, и по памяти устремился к выходу из палатки. Оттуда понемногу уже начали невнятно доноситься обеспокоенные голоса. Ещё не хватало, чтобы его нашли здесь, точно мокрую курицу, ожидающую на насесте избавления от нечаянного половодья!..

Снаружи, как он и предвидел, оказалось много светлей, чем под войлочно-кожаным кровом. В мутном предутреннем свете лагерь являл собой очень неприглядное зрелище. Скалы, ограждавшие от ветра выбранную для ночлега площадку, образовали нечто вроде природной запруды. Так вот, на всём её пространстве разлилась неимоверная лужа, а вернее сказать, целое мелководное озеро. Шатры, поставленные вчера на мокрых, но ни оползем, ни потопом не грозивших камнях, торчали из воды, словно одинокие острова, а от весело горевших костров остались лишь покосившиеся рогульки для котлов. Рябь, гулявшая под порывами ветра, смывала сажу с выпуклых днищ.

Одни лошади да вьючные мулы не ведали забот и хлопот. Все они собрались в единственном закоулке, куда не добралось наводнение, и терпеливо стояли, сбившись в кучку и повернувшись крупами к Воротам. Они знали, что напасть не продлится вечно. Ветер раздувал им хвосты и подбрасывал на мордах опустевшие торбы, в которые с вечера был заботливо насыпан овёс.

Хономер зачем-то оглянулся на свою палатку и увидел, как из входного отверстия, неторопливо и словно бы насмешливо покачиваясь, выплывают его сапоги. Он схватил их и стал поспешно натягивать, потому что даже ему, закалённому Радетелю, оставаться босиком сделалось уже вовсе невыносимо. Сапоги были, конечно, мокрыми, но плотная кожа давала надежду хотя бы согреть возле ног попавшую внутрь воду и не позволять ей перемешиваться с совершенно ледяной, плескавшей кругом.

С другого конца лагеря, гоня ногами волну, навстречу Избранному Ученику уже пробирался вброд Ригномер. Такой же растрёпанный, недовольный и полуодетый. Он сразу начал оправдываться:

— Сколько здесь хожу, никогда ничего подобного не бывало!..

Хономер нетерпеливо отмахнулся:

— Ладно виноватых искать... Пойдём лучше взглянем, откуда на нас такая гибель.

Почему-то он вполне верил Бойцовому Петуху и даже в мыслях не держал порицать его за небрежность. И то сказать, площадку пятнали многократные следы старых кострищ, а камни там и сям были тщательно выровнены под палатки. Люди годами останавливались здесь на ночлег и не знали беды. Отныне те, кто придут позже, будут предупреждены.

Хономер только спросил:

— А сторожа твои что? Проспали?

— Проспали, — мрачно подтвердил Ригномер. — Я обоим уже морды начистил.

Пока они поднимались к Воротам, делалось всё светлее. Вчерашний ветер как будто впрямь устал бушевать. Он не то чтобы окончательно улёгся, но по крайней мере не грозил оторвать неосторожного путника от земли и скинуть с гибельной крутизны. Зато из узкого каменного жёлоба Ворот проворным потоком истекала талая жижа. Вода, перемешанная со снегом и

грязью, лилась и лилась, достигая колен, и было понятно, где зародилось предутреннее половодье. Судя по всему, Алайдор вчера накрыло заблудившимся зимним бураном, сугробы, наметённые по тёплой летней земле, очень скоро набрякли, и... только Предвечному и Нерождённому было известно, когда иссякнет устремившаяся к Воротам река.

Хономер прикинул про себя, удастся ли понудить в неё лошадей и, если удастся, смогут ли животные одолеть холодный поток... Хоть он и знал: перед ним испытание, ниспосланное свыше, — ему почему-то очень захотелось опустить руки, а проще говоря — плюнуть и, оставив предпринятое, вернуться в надёжную тин-виленскую крепость. Хватит уже с него разочарования погони за венном. Лезть на рожон новой неудачи?..

— Отправь провинившихся вперёд, — велел он Ригномеру. — Пусть разведают, как там что за Воротами и насколько проходима дорога!

А сам невольно возвёл глаза к угадывавшейся вдали громаде двуглавого Харан Книра, безмолвно вопрошая: «О Братья, прославленные в трёх мирах... За что?..»

У вершины священной горы колыхалась кисея снега, сдутого ветром. Она развевалась, как победное знамя. Возле Престола Небес царил вечный мороз, невыносимый для смертных.

В это время над горизонтом показалось солнце. От двоих сегванов, стоявших в устье Ворот, светило закрывали толстые облака, но великий Харан Киир озарился — и радуга, вспыхнувшая в прозрачном снежном плаще, озарила отражённым светом всю его младшую родню, замершую кругом, и даже относительно низменные предгорья. Лучи, отброшенные вечными ледниками, достигли Алайдора и Зимних Ворот, и вновь возникшие тени на какой-то миг столь замысловато переплелись с прежними, залёгшими ещё с ночи, что перед глазами Хомера мимолётно возникло видение из недавнего сна. Маленькая, но облечённая безмерной властью женщина стояла в

Воротах, не касаясь, впрочем, земли и воды, и укоризненно-грозно звала его по имени:

«Хономер... Хономер... Ты провинился, Хономер...»

Нисхождение в Понор не получилось ни праздничным, ни разудалым. То есть запас полупохабных и вовсе непотребных песенок у Шамаргана оказался воистину неисчерпаемый — нашли даже такие, которых ни Волкодав, ни Винитар доселе не слышали, — но вот дыхания, чтобы горланить их в посрамление охотникам, очень скоро перестало хватать. Над ущельем, по которому двигались трое беглецов, навис край ледника, длинным языком протянувшегося со стороны гор. Когда впереди замаячил иссечённый трещинами молочно-голубой горб, стало ясно, что ледник уже накрыл Понор и неотвратно двигался дальше, падая в ущелья и заполняя их битыми глыбами, постепенно смерзавшимися воедино уже на новом ложе. Винитар позже говорил — на какой-то миг он даже *испугался*, решив, что Понора им не удастся достичь. С одной стороны, вроде смешно: человек между двух смертей забоялся, что в одной из них ему будет отказано, причём в той, которую он успел вроде присмотреть. А с другой стороны, кому ж хочется, чтобы после смерти его ещё и сожрали?..

Впрочем, Боги родного острова решили всё-таки оградить Винитара от последнего непотребства. Ещё полверсты мучительного пути вдоль медленно изгибавшихся стен — и стало видно чело ледника, перегородившее ущелье. Леднику не лежало спокойно. Что-то грело его — то ли солнце, оказавшееся способным по-летнему расщедриться даже в здешних местах, то ли пробившееся из неведомых глубин земное тепло. В разукрашенном бурыми земляными полосами челе зияла полуторасаженная арка, открывавшая проход в глубину. Оттуда вытекала не особенно полноводная, но шустрая и чистая речка. Прозрачная вода с шумом вырывалась в мутную гвазду ущелья и добрых пятнадцать шагов была отчётливо в ней видна.

Люди, живущие по соседству с такими местами, строго наказыывают детям никогда не соваться под ненадёжные своды, объясняя, что ледяной великан всегда готов захлопнуть жадную пасть, и в особенности если в ней окажется нечто живое. Дети, как водится, слушают, но слушаться и не думают. У тех, кому повезёт, потом подрастает своя ребятня, и всё повторяется. Волкодав шёл вперёд и вспоминал то Самоцветные горы, то путешествие с Эврихом и как они обнаружили во льдах замёрзшего человека. *Пройдут сотни лет — и нас нынешних, чего доброго, точно так же найдут. Вот бы ещё и последней честью не обошли, как мы младшего Близнеца...*

Один за другим беглецы нырнули под арку, удивительно правильно обточенную водой.

— Ветер, — почти сразу сказал Волкодав. — Хорошо.

— Что ж хорошего? — стуча зубами, осведомился Шамарган.

Венн указал рукой вперёд:

— Дует... оттуда. Значит, там не тупик.

Проход тянулся вперёд, сколько можно было разглядеть в еле сочившемся свете, и вроде бы действительно не торопился смыкаться. Зато очень скоро стало казаться, что зябкие розовые сумерки, оставленные снаружи, были жарким солнечным днём. Гладкие полупрозрачные стены дышали морозом — тем особым морозом, чья мощь копится веками и, во всяком случае по сравнению с мимолётностью человеческой жизни, заслуживает названия вечной. Уменьшилось, истаяло за спиной полукружье выхода, и сомкнулась над головами синеватая тьма, лишь изредка нарушаемая бледными отсветами из трещин, рассекавших ледник где-то далеко наверху. В этих отсветах было видно, что дыхание порождало густой пар.

Холод, журчание падающей воды и переливы мгристо-синего света пробудили новые тени в памяти Волкодава. На такую же ледяную пещеру им довелось набрести в Бездонном Колодце. Они увидели прозрачные горбы, образованные водой, которая, прежде чем застыть, била откуда-то снизу. И в толще

одного из горбов, окружённая вихрем кровавых капель, висела человеческая голова, срезанная с плеч лезвиями подземных мечей...

И даже ветер гудел и постанывал в ледяных закоулках почти в точности как тогда. Только налюбных светильничков теперь ни у одного из троих не было...

Вспомнив Колодец, Волкодав вдруг явственно ощутил, что вот сейчас догадается о чём-то очень важном. Вот сейчас явится и даст себя рассмотреть некая мысль, выросшая, словно самоцветный кристалл, в укромном *занорыше** разума...

Но в тот раз догадка так и не осенила его. Камень под ногами сменился слоем льда, и, как оказалось, залитый водой лёд изобиловал поперечными трещинами, причём весьма глубокими и опасными, да ещё и невидимыми в потёмках. Волкодава оберегло чутьё опытного подземельщика, помноженное на способность видеть в темноте. Шамаргану повезло меньше. Наверное, у него не было пращура-зверя, способного наделить потомка каким-нибудь спасительным качеством. А может, и был, но беспутный правнук оказался недостоин наследства. Шамарган провалился в трещину и канул без звука, не успев ни вскрикнуть, ни руками всплеснуть. Чего доброго, он так и не вынырнул бы, ибо о коварстве трещин не зря слагают легенды, но шедший чуть впереди Винитар как раз обернулся взглянуть, не видно ли погони, — и, заметив внезапное исчезновение Шамаргана; плашмя бросился в воду, чтобы ухватить-таки лицедея за лохмы на макушке.

И выволочь его, порядком нахлебавшегося, надсадно кашляющего, на поверхность.

Вот только самому ему пришлось довольно дорого за то поплатиться.

Погоня оказалась куда ближе, чем они ожидали. Камень, брошенный из пращи скорее всего наугад, с треском выбил из стены пригоршню ледяных обломков, сам же отскочил от

* *Занорыш* — полость в породе, заполненная друзами («щётками») кристаллов.

неё — и ударил молодого кунса в спину чуть повыше лопаток. Винитар не выпустил Шамаргана, но сам рухнул лицом вперёд, молча. Волкодав сгрёб сразу обоих и торопливо потащил их вперёд, слегка удивляясь про себя, зачем, собственно, делает это. Если он что-нибудь понимал, до Понора оставалось ещё не два шага и не три. А значит, их настигнут гораздо быстрее, чем они куда-нибудь доберутся, и таким порядком в особенности...

Винитар столь безжизненным мешком висел в его хватке, что Волкодав даже засомневался, был ли он ещё жив. Он знал, каких дел может наделать камень из пращи. И хребет сломать, и голову размозжить. Шамарган же шевелился, силясь перебирать ногами и одновременно выхаркивать попавшую в лёгкие воду, и, конечно, ни того, ни другого ему толком не удавалось. В конце концов Волкодав остановился, решив, что поручит сегвана его заботам, а сам останется задерживать погоню, — небось в узком проходе у него это получится неплохо. Он уже открыл рот говорить, когда остров Закатных Вершин снова — и очень весомо — доказал, что кунс Винитар был для него не чужим.

Над головами беглецов раздался чудовищный грохот, мгновенно похоронивший все прочие звуки. Один Волкодав, с его памятью о Самоцветных горах, сразу и верно истолковал его природу, но и ему захотелось, скуля, сжаться в комок, а лучше вовсе исчезнуть, спасаясь от невыносимой огромности происходившего. Остальным — да и кто стал бы их за это судить? — показалось, будто надломился и падает в Изначальную Бездну весь мир.

На самом деле мир был так же устойчив, как прежде, и даже остров ничуть не поколебался на своём каменном основании. Просто ледник над головами людей выбрал именно это мгновение, чтобы породить в своей толще ещё одну трещину. Или надумал обрушиться высокий зубец льда, подточенный воздухом и водой. Эхо удара, легко слышимое на открытом воздухе за несколько поприщ, здесь, в узком тоннеле, тысячекратно от-

разилось от ледяных стен, грозя разметать, сплющить, совсем уничтожить жалкие, охваченные вселенским ужасом человеческие пылинки...

Ни один рассудок не смог бы в эти мгновения разродиться осознанной мыслью. Волкодав и был весьма далёк от того, чтобы о чём-нибудь думать. Он просто плотнее вцепился в обоих своих спутников и снова рванулся вперёд, ибо его посетило ЗНАНИЕ, присущее матёрым исподничим* и, как выяснилось, нимало не слабеющее с годами. Скверно сказано — посетило! Не посетило, не подсказало, не нашептало! Оно дало Волкодаву сущего пинка, бросив тело в мгновенный, вполне звериный прыжок, *ибо там, где они с Шамарганом и Винитаром только что находились, была смерть.*

...За тот миг, пока длился прыжок, в подлёдной пещере внезапно стало светло. Волкодав обернулся и понял, что угадал верно и это была всё-таки трещина. Она расколола язык ледника по всей его толщине и простиралась, похоже, от одной скальной стены до другой. Сквозь неё-то и вливался наружный свет, казавшийся ослепительным. На очень короткое время Волкодав увидел преследователей, выглядевших вблизи ещё неприглядней, чем издали. Маленькие, непропорционально короткие, все как один в меховых шапках и одеждах из тюленьих шкурок шерстью наружу... Точно при вспышке молнии, мелькнули в вырванной из времени неподвижности вскинутые руки и рты, разинутые в отчаянном крике... Человекоядцы действительно кричали, словно перед лицом неминуемой смерти.

Почему-то, правда, не издавая ни звука.

А смерть и впрямь была рядом. Противоположный край разверзшейся трещины вдруг заскользил вниз, переливаясь перламутровым блеском, плавно, медленно и неотвратимо, и можно было только гадать, откалывалась ли это гигантская «чешуйка» льда — или рушился, схлопываясь, весь тоннель до са-

* *Исподничий* — человек, имеющий дело с работой в глубоком под-земелье — «исподе».

мого выхода. *Если вода начнёт подниматься, стало быть, весь,* наслаждаясь вернувшейся способностью мыслить, хладнокровно решил Волкодав. Разлетевшиеся осколки хлестнули по воде у самых его ног. Потом свалившиеся глыбы совсем перекрыли просвет трещины, и опять стало темно.

Этот новый обвал тоже состоялся для него без малейшего звука.

Как на первый взгляд ни удивительно, уничтожающий грохот льда легче всех пережил Мыш. Наверное, чувствительные уши зверька обладали способностью отсекаать, не пуская в нежную глубину, опасно громкие звуки. И то сказать, — если бы дело обстояло иначе, вряд ли его племя смогло бы выжить в пещерах с их часто грохочущими обвалами. Людям пришлось куда тяжелее. Волкодав, единственный из троих не потерявший сознания, ощутил, что по лицу у него что-то течёт, поднял руку смахнуть водяные капли с подбородка и щёк — и увидел на пальцах кровь, густо хлынувшую из носа. Трещина, плотно перекрытая рухнувшими глыбами льда, более не пропускала наружного света, но ему хватало и слабеньких отблесков. Он принялся торопливо осматривать своих спутников, только начинавших слабо шевелиться. У обоих тоже текла кровь, но не из носа, как у него, а из ушей, что было существенно хуже. Венн даже подумал, не остались бы они глухими. Сам он покамест не различал ни плеска воды, ни иных звуков, но полагал, что это дело времени: наследие предка-Пса в который раз оберегало его.

Наконец Шамарган, а чуть позже и Винитар смогли стоять без его помощи. Оба попытались говорить и, болезненно вздрагивая, одинаковым движением потянулись к ушам. Ко всему прочему, синеватая тьма, вполне проницаемая для глаз Волкодава, им казалась совершенно крошечной. Венн вложил в руку Винитару ремённую застёжку своего заплечного мешка, и тот крепко сжал её, понимая, зачем это нужно. Самому кунсу на плечо легла ладонь Шамаргана. Водительство Волкодава было

ими принято как должное и даже с благодарностью. После пережитого потрясения ничего так не хотелось, как надёжной опоры. И, наверное, они нутром понимали то же, что уяснил себе венн: засиживаться на одном месте было нельзя. Ни на ком не осталось сухой нитки, да и мокнуть беглецам довелось отнюдь не в тёплых морях, омывающих Мономатану. Перестань двигаться — и холод, токи которого пронизывали ледяную пещеру, очень скоро доконает всех троих, подарив вместо сошествия в Понор совсем иную смерть, гораздо менее достойную, но зато протяжённую. Они просто замёрзнут.

Шустрый Мыш то уносился вперёд, разведывая дорогу, то возвращался к хозяину. Зябкой сырости вроде теперешней он не выносил и рад был бы отсидеться за пазухой у Волкодава, но, на его беду, человеческая одежда оказывалась такой же холодной и мокрой, как и всё кругом, и зверёк опять пускался в полёт. Наверняка при этом он обиженно верещал, но Волкодав по-прежнему не мог его слышать.

Венн тянул вперёд своих спутников, толком ещё не пришедших в себя и бестолково, незряче спотыкавшихся у него за спиной. Он пытался думать о том, каким образом гибель в бездне Понора была предпочтительней тихого замерзания возле обвала. При этом венн вспоминал Близнеца, вырубленного из ледяных недр, и невольно дивился: им ли, смертным, чураться конца, освящённого участью Бога?.. Причём Бога, насколько мог судить Волкодав, очень достойного, никакому непотребству Своих чад не учившего...

Через несколько сотен шагов он, как ему показалось, сумел нащупать ответ. Не род смерти отвращал его, а та безропотность, с которой пришлось бы её принимать. Кроткий Целитель не потому небось остался во льду, что для борьбы мужества не хватило. Вполне могло случиться и так, что Понор окажется недостижимо погребён под пятой ледяного великана и им придётся-таки застывать в этой пещере, в последнем её тупике, у трещины либо колодца, в который из внешнего мира со свистом и рёвом падает ветер. Так оно скорее всего и по-

лучится, потому что жизнь отчаянно скупа только на счастливые избавления; что-то, а жестокие каверзы у неё не залёживаются. Но это — жизнь, великое испытание, и, стало быть, надо его выдержать до конца. Не сдаваясь посередине дороги и всемерно дразня Незваную Гостью, вынужденную дожидаться мгновения власти.

Вот тогда и перед Старым Псом предстать будет не стыдно.

Не зря вспоминались Волкодаву Самоцветные горы и в особенности Бездонный Колодец!.. Нынешний поход сквозь недра становился чем дальше, тем больше похож на тот давний, случившийся годы назад. Тогда они тоже втроём шли в неизвестность, лелея надежду отыскать выход наружу, но в глубине души гораздо более веря в погибель, подстерегавшую на каждом шагу. Тот раз им пришлось встретиться с двойной неудачей. Легендарному выходу из Колодца, пересудами о котором жил весь огромный рудник, было отказано в существовании. А наградой по возвращении стали невыполненные посулы.

Только в Колодец они поначалу спускались — и гадали, обдаваемые подземными водопадами, куда же подевалось тепло земных глубин, — а здесь приходилось всё время лезть вверх, оскальзываясь на льду, выглаженном водой. Двигаться вперёд, да ещё с двоими почти беспомощными спутниками, было очень тяжело, и Волкодав постепенно перестал сомневаться и понял, что пещера должна была завершиться в точности как Колодец: округлым залом с озером густой, бирюзово светящейся то ли воды, то ли не воды.

Поэтому, когда синеватые отсветы из еле заметных и доступных лишь его зрению стали вполне различимыми, он сразу понял, что это означало, и даже обрадовался. Очень скоро жерло пещеры резко сомкнулось, превращаясь в узкий, елееле протиснуться человеку, лаз в полупрозрачной стене. Оттуда резвой струйкой выбегал ручеёк, дававший начало ледниковой речушке. Мыш безо всяких колебаний нырнул в этот

лаз и не заторопился обратно. Волкодав подумал о том, что дыра, казавшаяся просторной маленькому летуну, для него самого могла стать ловушкой. Он снял со спины мешок, примерился, вытянул руку, как мог перекосил плечи... и тело ввинтилось в ледяную нору, без труда вспомнив былую науку.

Лаз встретил венна двумя подряд костоломными поворотами, без остатка потребовавшими всей гибкости, на которую он был способен. Довольно долго он полз вперёд по вершку, замечая, однако, что с каждым вершком становится всё светлей. Он самонадеянно решил даже, что теперь не страшно было бы и застрять; он держал в руке нож и, вероятно, сумел бы прорубиться сквозь последние пяди. По счастью, этого не понадобилось. Волкодав сделал ещё несколько усилий, рванулся — и выкатился под невероятно высокие и почти прозрачные ледяные своды, очень хорошо пропускавшие свет.

Это был дивной красоты чертог, поистине затмевавший едва ли не всё, что он в своей жизни видел. Сказочная гробница, бредовый сон зодчего, свихнувшегося после утраты любимой. Ледяные стены, колонны, невозможные арки возносились на головокружительную высоту, истаявали, держались на ниточке, и были несокрушимы. То гладкие до хрустальной прозрачности, то изысканно-матовые от инея, они обрастали бахромами, гирляндами, невиданными соцветиями сосулеч всех размеров и форм — от крохотных и тонких, словно иглы для бисера, до чудовищных нависших клыков по две сажени длиной.

И всё это великолепиие пронизывал, обволакивал, держал на себе свет, лившийся, казалось, со всех сторон поровну...

А посередине чертога, как бы протаивая сквозь ледяной пол, идеально круглой полыньёй затаился непроглядный Понор. Из него не доносилось ни дуновения, ни запаха — совсем ничего. Волкодав обратил внимание, что Мыш, храбро проносившийся взад и вперёд сквозь развешанные в воздухе ледяные кружева, над Понором не шастнул ни единого разу. Да, похоже, здесь было что-то большее, чем обыкновенная пропасть. Даже на-

полненная ядовитым туманом Препона была понятней и проще в своей смертоносности. А здесь?.. Правда, что ли, сквозная дыра на тот свет?..

Так или иначе, им втроем очень скоро предстояло это проверить. Покачив головой, Волкодав вернулся к лазу и отправился назад, туда, где ждали его Винитар с Шамарганом.

Лёгкий, жилистый лицедей ужом скользнул в лаз и даже утащил с собой заплечный мешок венна. Помощи ему не понадобилось. Волкодав склонился над Винитаром. Тот, по обычаю своего племени, сидел на корточках, беспомощно привалившись к стене, и старался не шевелиться. Пока его тянул вперёд зажатый в руке ремешок, он шёл, вернее, бездумно переставлял ноги, не жалуясь и не превращаясь в обузу, но теперь и на это сил больше не было. Он увидел кровного врага, вернувшегося на подмогу, и улыбнулся ему. Не дружески, конечно, но благодарно — и как бы прощаясь. Вот мол, и весь наш с тобой Божий Суд. Вот как всё оно получилось... А может, и не без вмешательства Богов получилось-то?.. Волкодаву некогда было гадать о тайных замыслах Хозяйки Судеб. Он непременно поразмыслит над этим, но позже. Если время останется. Пока он бегло оглядел кунса и рассудил про себя, что камень, попавший в спину, должно быть, зацепил того по хребту. И, как обычно в таких случаях получается, наделал беды. Венну приходилось видеть подобное. В самых скверных случаях люди переставали чувствовать ноги, а бывало, и руки. Винитара такая судьба, кажется, миновала, но с места он двигаться не хотел. Когда Волкодав взял его за руку, он покачал головой и что-то сказал. По губам венн умел разбирать плохо, тем более не на родном языке, но всё-таки понял.

«Не надрывайся, — сказал ему кунс. — Нет разницы, где умирать».

«Разница есть всегда, — ответил Волкодав. — Давай, всего-то три шага осталось. Тебя твоя бабушка ждёт».

Самому ему показалось, что вместо голоса получилось какое-то глухое гудение. Оно отдавалось в голове, скверно рас-

членяясь на слова, и всё-таки это был знак, что слух не навсегда покинул его и даже понемногу налаживался. Венн подумал о том, каково-то придётся раненому кунсу в крутых извивах тоннеля. Может, Винитар был и прав, не желая на пороге смерти лишних страданий. И всё-таки Волкодаву претила мысль покинуть его здесь одного. Нет уж! Собрались все вместе сделать последний шаг, значит, быть по сему. Мало чести в том, чтобы вот так ломать уговор!

«Ну, если бабушка...» — медленно выговорил Винитар. И опять улыбнулся. Совсем не так, как за несколько мгновений до этого. Волкодав обхватил его поперёк тела, постаравшись никоим образом не обидеть подбитую спину, помог дойти до чела коридора и направил в ледяную нору.

Всё это время ему было просто некогда думать про Шамаргана. Его гораздо больше занимало, как одолеет лаз Винитар. Удивительно, но кунс справился много лучше, чем он ожидал. Вновь выбравшись следом за ним в ледяной зал, Волкодав, против всякого ожидания, застал беспутного лицедея... за молитвой. Самое же странное, что нахальный кощунник, любитель ядовито охаивать чужих Богов, молился очень по-воински. Оголившись по пояс и преклонив колени перед провалом Понора. От загорелого, одетого крепкими мышцами тела в холодном воздухе шёл пар. Волкодав ощутил, как шевельнулась в душе тень праздного любопытства. *А ещё чего я о тебе не знаю, друг лицедей?..*

Приподнявшийся Винитар внимательно оглядывался кругом. Венн невольно проследил его взгляд и без труда понял, что пытался найти кунс. Следы людей. Некие памятки, оставленные ушедшими. Что-нибудь, принесённое теми, кто приходил их помянуть. Ведь Понор, принявший столько человеческих жизней, по самой природе вещей неминуемо должен был вызывать поклонение...

Волкодав тоже огляделся. Ничего! Ни вышитого полотенца, ни светильника, отгоревшего годы назад по чьей-то душе...

То есть всё это, наверное, было. Далеко, глубоко внизу, под толстым слоем льда, что укрыл изначальный каменный пол и почему-то не смог сомкнуться лишь над Понором. Нынешнее ледяное святилище возникло уже после того, как племя Закатных Вершин переселилось на Берег. Святилище — или, вернее, обитель неких сил, не враждебных и не дружественных человеку, а просто не имеющих к нему ни малейшего отношения и не желающих его замечать. И оттого не годилась эта обитель ни для светлого молитвенного служения, ни просто для жизни, — разве что запечатлеть в памяти ледяную внечеловеческую красоту и мысленно любоваться ею потом, позже, когда будет пройден путь и отодвинутся нынешние тяготы и тревоги, когда власть воспоминаний отшелушит, как ненужную кожуру, и мокрую одежду, и пробирающий до костей холод, и страх перед неведомым и неминуемым... и останутся лишь переливы далёкого солнца в хрустальных иглах и гранях...

Потом?.. Волкодав с новым интересом оглядел умопомрачительно высокие стены, плавно сходящиеся над головой. В пещере было очень светло, значит, слой льда наверху достаточно тонок. А несильный, но постоянный сквозняк говорил о том, что где-то имелась и сквозная продушина... Волкодав стал медленно обходить идеально круглое жерло Понора, придирчиво вглядываясь в переливы и изгибы льда и вместе с тем мысленно перетряхивая содержимое своего мешка. У них с Винитаром были мечи и боевые ножи. И один деревянный меч, оставшийся более-менее целым. И ещё — это уже касалось мешка — кое-какой инструмент, без которого разумный человек не пускается в дальнее путешествие: молоток, полтора десятка разных гвоздей, хорошая маленькая пила, запасной нож и, конечно, веревки. Да чтобы с такой-то снастью трое крепких мужчин не придумали себе иного исхода из этой дыры, кроме бессильного шага в Понор?..

Взгляд опытного подземельщика скоро нашарил на двухсаженной высоте уступ, вполне приемлемый, чтобы встать на него и начать рубить ледяные кружева, прокладывая путь ещё

дальше наверх. Работа, конечно, будет — не позавидуешь, но ничего невозможного в том, чтобы добраться до свода и хорошенько приложиться к нему молотком, Волкодав не находил. Знать бы ещё, что они увидят, выбравшись на ледник? Хищные рожи дикарей, расслышавших стукоток и смекнувших, что он означает? Или — ещё хуже, но тоже вполне вероятно — ясную морскую даль и в ней парус уходящего корабля?..

Жизнь давно отучила Волкодава бояться подобного исхода ещё не совершённых поступков и впадать из-за этой боязни в грех недеяния. Он хотел позвать Мыша и отправить его на поиски отдушины — понятливый зверёк очень хорошо умел это делать, — но тут Мыш сам подлетел к нему и, повиснув перед лицом, отчаянно заверещал. Слух к Волкодаву едва-едва возвращался, вопли и пронзительный писк Мыша показались ему тонкими иголочками, словно бы издавала и невнятно кольнувшими внутри онемелых ушей. Одно не подлежало никакому сомнению: истошные крики зверька означали нешуточную опасность. Вени привык доверять крылатому спутнику, распознававшему недоброе. Его собственное пёсье чутьё сработало лишь мгновением позже. Эти напряжения в тонкой ткани бытия, обычному человеку способные, самое большее, внушить смутное беспокойство... Волкодав в своё время прошёл слишком страшную школу. Он даже не бросил лишнего взгляда на облюбованный было уступ, как-то сразу поняв, что стоять там с молотком ему уже не судьба, — и без колебаний кинулся к спутникам. И совсем не удивился, когда рядом грохнула о ледяной пол и вдребезги разлетелась сорвавшаяся сверху сосулька. Потом ещё и ещё.

А обидно было бы, случись всё это, когда мы были бы на пути к потолку... — пронеслась в сознании Волкодава совершенно неуместная мысль.

Быть может, первоначальный обвал, уничтоживший внешнюю половину тоннеля, запрудил-таки речку и вода, не находя выхода, взялась ретиво размывать основания ледяных стен? Или то первое сотрясение оказалось столь сильным, что

поколебало столетнее равновесие всего ледникового языка и теперь он давал трещину за трещиной, разваливаясь на ломти, неотвратимо обрушиваясь сам в себя, заполняя внутренние пустоты — так, словно некто огромный шагал по нему снизу вверх, топча и проминая иссечённую разломами бело-голубую поверхность?..

Шамарган и Винитар были уже на ногах. Волкодав подлетел к ним, как раз когда пещеры достиг особенно сильный удар, — и купол, нависший над Понором, раскололся. Теперь обломки сыпались градом. Чудеса ледового зодчества на глазах превращались в рои метательных копий, жаждущих крови. Крови нечестивцев, оскорбивших созерцанием не предназначенное для смертного взгляда. Шамарган вскинул над головой многострадальный Волкодавов мешок — авось тот, надёжно сработанный мастером, делавшим в своё время щиты, продержится ещё хотя бы немного. Трое мужчин перед лицом смерти по-братски схватились друг за дружку, не понимая зачем, просто потому, что иначе было совсем невозможно. Трещина очертила ледяной потолок как раз там, где собирался прорубать его Волкодав: он действительно угадал самое слабое место. Трещина расширилась, и новый толчок сбросил вниз округлую крышку. Она упала по ту сторону Понора и рассыпалась, обдав белыми крошками стены. В лица людям дохнуло ветром и ледяной пылью. Волкодав вскинул глаза и успел рассмотреть высоко над собой кружок чистого неба.

И в этом кружке — три вершины, три горных зубца.

Потом вся правая стена подалась, дрогнула и начала падать.

Ему показалось, она падала медленно-медленно.

Прозрачные клыки сосулек, которые он не так давно собирался запомнить и унести с собой для мысленного любования, хищно и величественно запрокидывались... целясь как раз туда, где они трое стояли. И спасения не было никакого. Ни увернуться, ни отскочить — некуда.

Разве что...

Мыш упал на голову Волкодаву и что было мочи вцепился коготками ему в волосы: «Я с тобой! Делай, хозяин!..»

И Волкодав сделал. Единственное, что ему ещё оставалось. Он шагнул вперёд, через гладкий ледяной край, в темноту и ничто. Двое спутников, с которыми они держали друг дружку за плечи, шагнули вместе с ним до того слаженно и согласно, словно так тому и следовало быть.

Через долю мгновения пещера за их спинами перестала существовать. И на том обвал прекратился. Великанская пасть захлопнулась, схватив пустоту.

У Хономера было припасено с собой вполне достаточно зерна, муки и печёного хлеба — тех самых нечерствеющих походных лепёшек, которыми так славился кочевой Шо-Ситайн. Не говоря уже о сушёном мясе, приправах и соли: жрец-Радетель, вообще-то способный месяцами держаться на горстках молодого ячменя, на сей раз оставил привычку путешествовать налегке, желая, как уже говорилось, явить диким горцам державную мощь и величие своего храма.

К его превеликой досаде, ночной потоп, превративший в липкие, забитые грязью комья жреческое облачение и богослужебные книги Хономера, не пощадил и съестного, чем нанёс святому делу, пожалуй, даже больший урон. Именно так: богато расшитые красно-зеленые ризы можно было отстирать и высушить на ветру, что же до книг, то написанное на погибших страницах Хономер и так знал наизусть до последнего слова... А вот хлеб, мясо и крупа оказались непоправимо утрачены. Всего через сутки с небольшим после ночёвки возле Зимних Ворот, когда, с неисчислимыми трудностями выбравшись на плато Алайдор, Хономеров поезд наконец-то обосновался для новой стоянки на относительно сухом и надёжном бугре, жрец заставил валившихся от усталости людей сперва всё-таки разобрать мокрые вьюки на просушку. Тут-то и оказалось, что все запасы снеди, кроме зерна для животных, успели насквозь

прорасти плесенью. Чёрной, склизкой плесенью, тошнотворной даже на вид.

И это в лютom холоде, посреди лениво тающего снега, за какие-то несчастные сутки, да в плотных кожаных сумам и мешках, наглухо закупоренных именно от таких вот случайностей!

Необъяснимо...

Тем не менее траченное плесенью осталось только выбросить наземь. Есть что-либо, опоганенное чёрной паршой, даже после варки в котле, значило наверняка отравиться, — бывалые походники знали это из опыта. Между прочим, у них и котлов-то оставалось едва половина. Остальные валялись сейчас на камнях где-то внизу, смытые всё тем же потоком. Кутаясь в плащ, Хономер угрюмо смотрел, как мешок за мешком отправлялся в kloкочущий каменистый размыв, и сквозной ветер, по-прежнему тянувший со стороны гор, насвистывал ему в ухо: возвращайся, жрец. Возвращайся назад!..

Он подумал о стеклянном светильничке, которого, сколько он ни шарил мёрзнувшими руками по затопленному полу шатра, отыскать так и не удалось. Должно быть, прокудливая вода вытащила его наружу и похоронила в грязи. Вот так ложатся в землю самые неожиданные предметы; другие люди случайно находят их сто лет спустя и потом долго гадают, что это за вещь и каким образом явная принадлежность учёного могла очутиться посередине дикой страны. Светильничка было жалко, но Хономер понимал: сколько ни отводи душу хоть ругательствами, хоть молитвой, утраченное от этого не вернётся. Значит, надо оставить прошлое прошлому и жить дальше.

И уж возвращаться в Тин-Вилену, испугавшись происков недоброжелательных алайдорских божков, он ни в коем случае не собирался. Пусть нащёптывают голосом ветра любые предостережения и угрозы, он их не послушает. Если на то пошло, после гибели книг до конца путешествия ему вряд ли придётся читать. Да и записи делать, поскольку запас чистых листов, даже если просохнет, будет годен только в костёр. А значит, потеря светильничка становится не такой уж обидной. Вполне можно

подождать несколько недель. А там договориться с купцом, едущим в Галирад, и заказать новый...

— Нужно поохотиться, — сказал он Ригномеру. — Отправимся завтра с утра.

Дичь, водившаяся на плато Алайдор, не то чтобы поражала изобилием, но всё-таки давала пропитание и пастухам, и купцам из торговых караванов, направлявшихся в итигульские горы. Здесь встречались и зайцы, и жирные куропатки, и олени, и разное другое зверьё. Пронёсшееся ненастье, однако, заставило живность попрятаться, и Хономер выехал на охоту, в основном надеясь высмотреть мохнатого горного быка, известного своим безразличием к непогоде.

Эти животные были несомненными прародителями местного отродья коров, дававшего оседлым шо-ситайнцам молоко, мясо, навоз для топлива и удобрения, необыкновенно прочные шкуры и обильную шерсть, пригодную на войлок и пряжу. Дикие быки отличались от домашних разве что однообразием масти — были они сплошь бурыми, под цвет каменных осыпей, с чёрными гривами и чёрными мётлами роскошных хвостов, — да ещё более тяжёлыми головами в сущих шлемах рогов, сраставшихся над низкими лбами. Никакому хищнику не было приступа к огромному зверю, превосходившему в холке человеческий рост и вдобавок способному с лёгкостью одолевать кручи, по виду доступные разве что для горных козлов. Наверное, из-за этого быки и не усматривали для себя особой опасности, когда чуткие носы или даже близорукие глаза различали подходивших людей. К тому же, по мнению охотников, промышлявших на Алайдоре, горный бык был до невозможности туп. Однажды уцелев, он не только ничему не учил народившихся телят, но даже и сам не мог научиться: при новой встрече с человеком вёл себя в точности как впервые. Если б не подобное скудоумие, быть бы ему, с его-то силой и ловкостью, противником грозней всякого монматанского тигра!

Хономер не питал особой страсти к охоте (что, кстати, являлось едва ли не упрёком для него, убеждённого последователя Старшего), но, будучи опытным путешественником, толк в ней понимал и необходимой сноровкой не был обижен. Ему неоднократно случалось странствовать в таких краях, где иначе как охотой прокормиться было нельзя. И ничего, до сих пор оставался в живых. Он выехал на заре, сопровождаемый кромешником и Ригномером, хорошо знавшим окрестности. Все три севана, не исключая и Ригномера, были верхом и ещё вели с собой двух могучих мулов, привыкших к поклаже, — поскольку иным способом доставить в лагерь тушу быка никакой возможности не предвиделось.

Отправились почти наверняка: к тому месту, где накануне разведчики, подыскивавшие место для палаток, издали заметили двух мохнатых быков. Звери стояли на каменистой гриве, сами похожие на два тёмно-бурых валуна, и даже не двигали головами — только мерно ходили челюсти, перемалывавшие жвачку. Можно было уверенно предположить, что они и теперь там находились. Снег, по-прежнему сыпавший с низкого неба, не располагал к дальним переходам. Нашёл укрытое от ветра местечко — и отдыхай себе, пока не станет ласковее погода и опять не покажется из-под снега трава...

Довольно скоро охотники убедились, что дикие быки в самом деле не ушли далеко с места ночёвки. Первым заметил их Ригномер, обладавший очень острым, не испорченным книгами зрением и вдобавок привычный к зрелищу алайдорских угодий. Он-то и указал своим спутникам на зверей, которые со вчерашнего дня только обошли каменистый холм, выбрав на его южном склоне полянку, где снег лежал менее толстым слоем, чем всюду. И теперь неторопливо паслись, разбрасывая талые комья ударами сильных копыт.

Здесь добытчики спешили. Кромешник остался с конями, а жрец и Ригномер стали подкрадываться к быкам. До них оставалось не более пяти сотен шагов. И Хономер, и Бойцовый Петух были вооружены самострелами. Из самострела не бро-

сишь подряд десять стрел, как из лука, чтобы первая ещё дрожала, когда воткнётся последняя. Зато, чтобы сносно владеть этим оружием, не требуется особенной сноровки и силы. Самострел с его воротком и спусковым устройством навряд ли подойдёт человеку, которому приходится каждодневно отстаивать жизнь, свою либо чужую. А вот таким, как бывший купец Ригномер и тем более Избранный Ученик, — как раз.

Охотники были облачены в тёплые свободные балахоны мехом наружу. Они стали подбираться к быкам, по возможности таясь за камнями и держась при этом на четвереньках, чтобы скверно видевшие животные по неразумию своему обманулись. Хономер сообразил ещё и приподнять самострел над головой таким образом, чтобы маленький натянутый лук издали являл подобие рожек. Ригномер покосился на жреца и сразу перенял его хитрость, тем более что та явно удалась: быки не забеспокоились, даже когда полтысячи шагов постепенно превратились в двести, а потом и в сто двадцать. Ветер к тому же тянул людям навстречу, неся запах мокрой свалявшейся шерсти. Это давало возможность подползти ещё ближе, но ясно было, что очень скоро придётся подниматься с колен и стрелять. Хономер кивнул соплеменнику и указал ему на левого быка, намреваясь сам взять того, что держался правее. Бойцовый Петух согласно кивнул и принялся отползать, занимая выгодное положение для стрельбы.

Достигнув наконец почти самого края открытой поляны, где дальше уже не было камней для укрытия, Хономер медленно привстал и, оперев самострел на край плоского валуна, начал целиться. Он из опыта знал, насколько толст и неповреждаем череп быка. Знал он также, что при всей пробивной мощи самострельного болта одним выстрелом в тело подобного зверя можно убить только при несусветном везении. И ещё ему была известна привычка горных исполинов бросаться на подранившего человека. Это особенно касалось старых самцов, а бык, которого наметил себе Хономер, был именно таким — немолодым и угрюмым, с серебристой полосой седи-

ны, наметившейся вдоль хребта. И вот тут охотника вполне могла подвести медлительность самострела. Его ведь не заставишь немедленно стрелять вдругорядь. Хономер прикинул силу ветра и дальность и стал тщательно целиться быку в глаз. Потом нажал на медный крючок.

Это был его собственный самострел, хорошо знакомый и глазу, и руке. И не просто знакомый. Хономер владел им очень и очень неплохо, ибо справедливо полагал: всякое умение, к которому подталкивает жизненная необходимость, следует должным образом освоить, не надеясь, что судьба доведёт обойтись. Стрела полетела — и непременно угодила бы зверю прямо в зрачок, но за мгновение перед тем, как ей надлежало воткнуться, животное словно кто-то хлопнул по морде рукой. Бык резко мотнул головой, и болт вместо глаза ковырнул основание рога, чтобы, скользя, умчаться неизвестно куда. Бык же снова мотнул косматой головой, на сей раз весьма раздражённо, и, раздувая ноздри, стал искать, кто посмел так внезапно и больно ужалить его.

Хономер стоял на коленях в жалкой полусотне шагов и двумя руками отчаянно крутил вороток, натягивая тетиву.

Ригномеру тем временем повезло больше. Его стрела попала молодому быку в верхнюю часть плеча и ушла в тело вся целиком, так что даже перьев было не разглядеть в густой бурой шерсти. Бык грозно пригнул рога — а каждый рог был длиной с вытянутую руку мужчины — и с коротким низким рёвом двинулся на Ригномера. Если бы у него, подобнотуру северных чаш, хватило норова и ума пойти до конца — тут-то худо пришлось бы охотнику, вынужденному только спасаться, а и удалось бы или нет уйти от разгневанного зверя по его-то родным кручам — это, как говаривало одно славное племя из тех же лесных чаш, было вилами на воде писано. Но, на свою беду, горный бык отличался от лесного тура примерно как сегванский лук, вырезанный из одной ореховой ветки, от веннского, усиленного рогом и жилами и туго спелёнатого берёстой. Лохматый великан обыкновенно пробегал с десятков ша-

гов и останавливался в нерешительности, словно не зная, что же ему делать с обидчиком. Может быть, такой приём и отпугивал хищников, заставляя их убираться на поиски добычи полегче, но против решительного человека он оказывался бессилен. Более умные животные давно поняли бы, как следовало поступать, и передали бы детям науку. Бурые быки Алайдора продолжали жить и умирать, словно на заре поколений. Зверь, подстреленный Ригномером, устремился было на охотника... и встал, ни дать ни взять позабыв, что вообще происходило кругом. Он даже потянулся мордой к траве, но сгван, как раз перезарядивший оружие, хладнокровно прицелился и всадил в него вторую стрелу.

Новый раскат оскорблённого рёва, закидывание на спину чёрной метлы хвоста и новый рывок на те же десять шагов... Когда наконец очередная стрела повалит быка, Ригномера ещё будет от него отделять вполне порядочное расстояние.

А вот могучий старый самец, которого избрал себе в добычу Хономер, вдруг повёл себя совсем не по обычаю своего племени. Быть может, горные стада наконец-то выродили вожака, способного научиться. Вместо того, чтобы явить бессмысленную свирепость, он повернулся — и огромными прыжками кинулся прочь. Пустился на уход, как говорили охотники. Хономер успел поразить его ещё одной стрелой, в правую ляжку. Бык начал прихрамывать, его след обильно окрасился кровью.

— Я за ним! — крикнул Ригномеру Избранный Ученик. Бойцовый Петух, занятый очередным поспешным взведением тетивы самострела, лишь согласно кивнул.

В этих местах ограждающий хребет Алайдора, тот, что был прорезан несколькими Воротами, выдавался на само плоскоре длинными каменистыми гривами в сплошных осыпях и оврагах. За одной из таких грив и скрылся подраненный бык. Хономер, охваченный благородной охотничьей страстью, со всех ног устремился за ним. Бесформенный меховой балахон мешал ему: путался в коленях и к тому же был слишком толст и тяжёл.

Жрец прямо на ходу скинул его на камни и побежал дальше в одной шерстяной рубашке и таких же штанах, заправленных в сапоги. Вот теперь было как раз. Он ещё подумал о том, как бы умудриться обойти быка и хоть криком, хоть стрелами направить его назад, поближе к лошадям и кромешнику, оставшемуся их сторожить. Если погоня окажется долгой и заведёт его далеко, ещё надо будет успеть к туше с выючными мулами прежде, чем до мяса доберётся прожорливое зверьё!..

К немалой досаде Избранного Ученика, бык оказался ранен далеко не так сильно, как ему показалось вначале. Животное перевалило гриву и скрылось за ней, а когда на гребень выбрался изрядно запыхавшийся охотник, бурый силуэт маячил уже на следующей гриве, на самом верху. Хономер на какой-то миг даже усомнился, тот ли бык там стоял или, может, какой-то другой. Но нет, зверь сердито тряс рогами и лохматым хвостом — и прихрамывал на правую заднюю ногу, а на снегу ниже по склону виднелись явственные отметины крови. Горный воздух обладал хрустальной прозрачностью. Хономеру показалось, будто он даже различил короткое древко своей стрелы, торчавшее из ляжки быка.

Самец между тем заметил своего мучителя. Он хрипло протрубил, закинув голову к низким облакам, висевшим, казалось, лишь чуть ниже кончиков его рогов. И стал обманчиво неторопливо спускаться по противоположному склону, быстро пропадая из глаз.

Что делает с человеком охотничий азарт и в особенности вид уходящей добычи!.. Воздержанный жрец Блинецов вполне по-язычески вслух помянул трёхгранный кремёнь Туннворна и даже Хёгговы волосатые шульни, чего с ним уже много-много лет не случалось, — и, ничуть не озаботившись укоротить себя за вырвавшиеся слова, запрыгал вниз по мокрым и скользким от тающего снега камням. Камни ворочались под ногами, Хономер оступался и падал, но поднимался и упорно продолжал путь, заботясь только о том, чтобы не повредить самострел и не растерять болты. Если глаза не подвели его, бык хромал

заметно сильнее, чем на поляне. И крови, пятнавшей следы, было более чем достаточно. Скоро он ослабеет.

Достигнув дна распадка, Хономер без промедления снова полез вверх, старательно забирая правее, ближе к порубежному хребту Алайдора. Это означало лишнюю трату времени и усилий — но в том ли беда? Если ему повезёт, он сумеет повернуть недобитка и даже выгнать его на равнину, на относительно открытое место. И уж там либо сам дострелит его, либо выведет напрямиком на самострел Ригномера...

Между тем ноги начали жаловаться и болеть от натуги, далеко не запредельной для Хономера, дыхания не хватало. Это брала своё высота, делавшая воздух слишком скудным для непривычного жителя равнин. Хономер был в горах далеко не новичком, но природной приспособленностью урождённого горца всё же не обладал, и это сказывалось. К тому же невероятная чистота этого самого воздуха снова обманула его, сколько раз он ходил в горы, столько же и попадался, особенно в пылу охоты, как нынче: никак не мог правильно оценить расстояние. Кажется — рукой подать, а двинешься в путь — семь потов и полдня, пока доберёшься. Когда жрец выбрался на следующую гриву, рубашка на нём была мокрей мокрого. Он жадно огляделся и на какое-то мгновение заметил бурый с серебром бычий хребет, исчезающий за россыпью валунов. А если бы, взбираясь сюда, он позволил себе остановиться для единственного лишнего вздоха, не было бы у него и этого мига, и, вероятно, он вовсе потерял бы своего быка. Потому что крови на снегу сделалось меньше, а сами пятна стали светлее и реже. Зверь уходил. Хономер снова выругался на языке предков, правда шёпотом, чтобы не тратить дыхания. И заторопился вниз по шуршащей галечной осыпи, на которой не держалась никакая трава.

Если бы в это время разошлись тучи, он мог бы заметить, что день вплотную подобрался к середине. Но тучи расходиться не собирались. Они как будто уткнулись в пограничную грядку — и остановились на месте, чтобы висеть здесь, пока напроць

не изойдут лениво кружащимся снежком. Вершин, казавшихся с Алайдора всего лишь иззубренными холмами, и тех не было видно в сплошной серой, низко нахлобученной пелене. А уж близкого величия главных хребтов Заоблачного кряжа и вовсе заподозрить было нельзя: равнина и есть, во все стороны одинаковая. Знать, оттого кряж и прозывали Заоблачным...

Хономеру некогда было задумываться ни о времени, ни тем более о происхождении каких-то названий. Бык уходил, но ещё окончательно не ушёл от него — и не уйдёт, если он заставит себя ещё против прежнего немного поторопиться! Зря ли на сей раз зверь обнаружил себя перед ним куда ближе, чем с первой гривы!.. Хономер посмотрел вперёд и сразу придумал верную уловку, позволявшую всё-таки отрезать его от гор...

Он в самом деле не числил себя завзятым охотником. Тому, кто пребывает относительно себя в подобном же заблуждении, следует, право, повременить, пока не начнётся охота. Покуда не пропоют первые стрелы и подбитый зверь не кинется прочь, заставляя хмельное вдохновение погони огнём катиться по жилам. Едва ли найдётся мужчина, который окажется вовсе невосприимчивым к этому древнему вдохновению, — сколь бы далёким от земных страстей он себя ни считал. Куда подевался учёный священнослужитель, строгий в словах и поступках, державший размышлять о путях своей веры и о ступенях к престолу Возлюбленного Ученика? Всё жреческое слетело с Хомера, словно жухлый лист с дерева в осеннюю бурю. Остался могучий охотник с самострелом в руке, что летел незримой тропой своих пращуров-сегванов, поколениями точно так же ходивших за зверем на своих родных Островах... Какая усталость, какое чувство опасности? Всё, всё прочь!.. Прочь — в другую жизнь, до-охотничью, не-охотничью... невыносимо скучную и безынтересную... настолько, что поистине вовсе и не ты её вёл! Вот, вот оно, настоящее! Когда отпадает всё наносное и чужое и остаются только камни под ногами и небо над головой, а посередине — ты сам на тропе — и противник-зверь, готовый бесповоротно уйти, если ты промед-

лишь с одним последним усилием... или упасть к твоим ногам, если это усилие будет вовремя совершено. Ещё чуть-чуть! Ну?! Кто кого?..

Ещё чуть-чуть...

Вечер подкрался незаметно. Именно подкрался. Кажется, только что было вполне достаточно света, чтобы различать белый снег на чёрных камнях и всё более редкие пятна крови вдоль цепочки следов, а прозрачные сумерки, даже не очень осознаваемые как сумерки, делали особенно чёткими очертания ближних отрогов... И вдруг — стоило приостановиться, чтобы утереть рукавом пот, как что-то успело неуловимо, но полностью перемениться, и чёрное начало протвоестественно смешиваться с белым, кутая мир непроглядным тёмно-серым покрывалом подступающей ночи.

Только тут начал спадать угар охотничьей страсти, кем-то словно бы исподволь подогретый в душе Хономера. Он огляделся, трезвея, и понял, что потерял быка безвозвратно. Никакое «последнее усилие» уже не поможет к нему подобраться на выстрел. И вообще следовало бы ему это уразуметь ещё полдня назад, после первой же гривы, на худой конец, после второй.

Не уразумел...

А теперь и сказать толком не взялся бы, сколько таких грив отделяло его от полянки, где они с Ригномером расстались.

Хономер остановился на взгорке, нахмурился и сказал себе, что сделал ошибку. Ошибки он не привык прощать никому, себе же — всех менее. За них следовало наказывать, чтобы в другой раз останавливала память, чтобы было впредь неповадно. Вот он и накажет. Он будет идти, если понадобится, хоть целую ночь, но не даст себе отдыха, пока не вернётся к стоянке. И в дальнейшем, когда случится необходимость охотиться, он не станет участвовать. Не сумел вовремя остановиться — сиди в палатке. Лучше бы он сейчас у костра книги сушил!..

С отвлечением вспомнив безумный азарт, совсем недавно владевший его душой, — да как мог он, жрец, до такой степени

поддаться ему, что явное помрачение даже представлялось ему вполне естественным и прекрасным?... — Избранный Ученик повернулся туда-сюда, силясь хоть что-нибудь рассмотреть в сгустившейся темноте, утратившей обманчивую сумеречную прозрачность... и вот тут сердце у него упало уже по-настоящему. Вместо того, чтобы воспользоваться последними отблесками света и наметить дорогу назад, он... понял, что вообще не представляет, с какой стороны забрался сюда. Оттуда? Или оттуда?.. Очертания валунов, которые он про себя числил приметными, расплывались, становясь одинаковыми. Хономер опустился на корточки, наполовину ощупью отыскивая свои собственные следы, но и тут его ждала неудача. Снег таял — и кто, не обладая достаточным обонянием, взялся бы утверждать, где тут ямка от потревоженного камня, а где — расплывшийся след от ноги?..

Истинной черноты ночь не сулила. При ясном небе она была бы вполне достаточно светлой. Но толстая пелена туч не допускала к земле сияние далёкого солнца, преломлённое и задержанное небесными сферами. И она же не давала рассмотреть звёзды, могущие указать путь. Над Алайдором витало призрачное подобие света. Оно вроде бы и позволяло что-то видеть кругом, но так скрадывало выступы и углы, что напряжённый глаз видел не столько действительное, сколько желаемое, и, конечно, обманывался. И это было, пожалуй, ещё опаснее, чем пытаться пробираться в полной темноте.

Тогда-то на Хомера, что называется, навалилось всё сразу. И усталость, от которой ноги попросту отказывались идти, и холод, тысячами игл пронизавший единственную рубашку, мокрую от талой жижи и пота, и... чего уж там — страх, вызванный осознанием, что охота из просто неудачной грозила стать по-настоящему смертоносной. Сколько таких же добытчиков, радостно спешивших по следу, в итоге либо замёрзло, либо сорвалось с кручи на камни, либо потревожило опасного хищника и не сумело отбиться? И кто сказал, будто он, Хомер, чем-

то лучше этих бедняг и, оставшись один в холодной ночи, почему-то не подлежит сходной судьбе?..

Так нащёптывал склонный к осторожности разум. Он призывал Хономера устроить какой удастся ночлег — и благодарить Предвечного, если хотя бы удастся продержаться до утра, не застав насмерть. Разуму, однако, противоречила неукротённая гордость. Она властно повелевала исполнить зарок о немедленном возвращении, и ей некоторым образом придавал силы холод. Хономер представил себе, как забьётся куда-нибудь под валун, где будет так же мокро, как и повсюду кругом, и за шиворот немедленно потечёт холодная влага, и он будет, трясясь, обнимать себя руками в тщетной попытке не допустить к телу хотя бы ветер...

Мысль о подобном ночлеге заставила его содрогнуться. Нет уж. Лучше справиться с усталостью и всё время шагать.

— Святы Близнецы, прославленные в трёх мирах... — начал он молитву, опустившись на колени и уже не заботясь о выборе верного направления — лицом к Тар-Айвану, — ибо это не представлялось возможным. Он больше не имел никакого понятия, где север, где юг. — И Отец Их, Предвечный и Нерождённый...

Его молитва была исполнена того сердечного жара, который являют, пожалуй, только сильно провинившиеся перед своими Богами и самым искренним образом стремящиеся поправить содеянное. При этом в глубине души Хономер полагал, что его прегрешение было всё же не таково, чтобы карать за него лютой смертью от холода или в когтях у проголодавшейся горной росомахи. И потому он смиренно просил у Богов не избавления, но верного пути назад, к лагерю, дабы его жреческое служение могло быть продолжено.

Святые слова, давно и непоколебимо памятные наизусть, показались ему исполненными нового и великого смысла. Он поднялся с колен, чувствуя, как отступают, лишаясь власти над ним, страх и чёрное одиночество. Хранящая длань Предвечного была по-прежнему простёрта над его головой. Хономер вновь огляделся, и на сей раз ему словно промыли глаза. В сером мо-

роке отчётливо вырисовалась скала с гранёной, словно обтёсанной, макушкой, которую он запомнил, поднимаясь сюда. И как только он умудрился не рассмотреть её прежде? Наверное, от усталости и испуга. Хономер вызвал в памяти карту Алайдора и немедленно со всей определённости понял, куда именно его занесло. Правда, если принимать его догадку как истинную, получалось, что, молясь, он стоял к Тар-Айвану не лицом, а совсем другим местом, тем, которое не принято упоминать, но это уже не имело значения. Ибо разве не было сказано, что искренняя молитва всегда достигнет Небес, в каком бы малоподходящем месте ни довелось её возносить?! Главное — его Услышали. А стало быть, вернуться назад будет вовсе не трудно, надо только идти и терпеть, терпеть и идти.

Как, собственно, он и замышлял, отмеривая себе должное наказание. Ходить он умел. Терпеть — тоже.

Хономер встряхнулся, поправил за спиной не нужный более самострел. И бодро стал спускаться с горушки.

Надо будет по возвращении отметить её на карте и назвать как-нибудь подходяще. К примеру, «Молитвенный Холм»...

Он подумал о том, что эта горушка, ныне безымянная, ещё может со временем сделаться настоящей святыней среди его последователей. И улыбнулся в потёмках.

Избранный Ученик шагал всю ночь напролёт, спускаясь в распадки и вновь поднимаясь на каменистые гряды, каждая из которых казалась ему вдвое выше и отвеснее предыдущей. Преодолённые отроги он не считал, да и не много толку подсчитывать то, чему всё равно не знаешь числа. Иногда зрение, да и самый разум Хомера завлакивал непроглядный туман. Когда он рассеивался, жрец с некоторым удивлением обнаруживал, что тело, оказывается, продолжало действовать само по себе и он всё ещё куда-то брело, шатаясь, как пьяное. Тогда Хомер начинал петь священные гимны. Хотя бы шёпотом (на большее сил уже не было), но всё-таки вслух. Благо помнил их великое множество ещё со времён начала своего Ученичества.

В тревожной ночи пролегает мой путь,
Дай силу, Предвечный, с него не свернуть...

Большинству гимнов приписывалось чудесное происхождение. Правда, в старые времена находились мыслители, державшие усомниться. «Вчитайтесь хорошенько в стихи, они же несовершенны! — говорили учёные спорщики. — Могут ли небесные Силы, стоящие у престола Отца, создать нечто несовершенное?» — «Силы Небес породили, в частности, самих нас, а мы куда как далеки от совершенства, — отвечали другие жрецы. — Совершенства мы, по Его воле, должны достигать сами, насколько сумеем. Если бы Он ниспослал нам гимны, вполне соответствующие Его славе, мы не смогли бы не то что понять их, но даже и просто вынести столь высокую благодать. Это как лекарство, которое, не будучи должным образом разведено, способно принести не исцеление, но гибель!»

Спор был очень давний, и завершился он — конечно, не в пользу усомнившихся — задолго до рождения Хономера. Будущий Избранный Ученик прочитал о нём в книгах. Притом в книгах, вовсе не входивших в непрменный круг чтения юных жрецов. Он не стал задавать лишних вопросов даже своему Наставнику, которому полностью доверял, но про себя решил, что повод для словесной битвы — чуть не превратившейся в битву самую настоящую — на самом деле не стоил выеденного яйца. Да и якобы невыносимая благодать, по его мнению, служила объяснением для простецов. Хономеру безо всяких толкований было ясно с первого взгляда, что гимны, во всём их поэтическом несовершенстве, складывали мудрые основатели вероучения, и следовало бы не усобицы затевать, а сообщая за это им поклониться. Ибо основатели, как никто, понимали: среди будущих Учеников непременно окажется уйма невежд, которым для постижения книжного слова ещё понадобится чтец... тогда как стихи с лёгкостью запомнит любой, в том числе вовсе не разумеющий грамоты. А уж песню и запоминать не понадобится. Сама ляжет на ум.

Страданье сулит непроглядная ночь,
Дай силу, Предвечный, его превозмочь!

Гимны были очень разные, среди прочих и праздничные, но таких насчитывалось немного. Семь из каждых десяти посвящались временам гонений на Близнецов и неисчислимым бедствиям, что претерпели от злых людей первые Ученики. Хономер начинал служение мальчишкой, и ему повезло угодить в храм, отличавшийся сугубой строгостью жизни. Нет, там, конечно, не отправляли за провинности на дыбу и на костёр, но иногда подростку казалось, что лучше бы уж отправили! Он помнил, как выручали его тогда стихотворные сказания о мужестве утеснённых за веру.

Колодки, и цепи, и кнут палача
Вовек не погасят надежды луча.
Тонка, беззащитна, над книгой свеча
Ещё обернётся сверканьем меча... —

на пределе дыхания сипел Хономер, выбираясь к очередному приметному камню и высматривая впереди следующий. Ночь всё никак не кончалась. И огоньки лагеря по-прежнему не спешили показываться вдалеке.

Он смутно заподозрил неладное, когда, посмотрев вверх, вдруг обнаружил, что тучи разорвались, открывая довольно просторный клочок густо-синего неба, усеянного по-летнему многочисленными, но вполне яркими звёздами. Хономер запрокинул голову, жадно приглядываясь... Как любой опытный путешественник, он хорошо представлял себе расположение созвездий и закон их движения кругом Северного Гвоздя. Да ещё, не довольствуясь собственными наблюдениями, приобретал где мог хорошие карты небесных светил и подолгу изучал их, зная, что это когда-нибудь пригодится.

И вот теперь он жадно вгляделся в заоблачную вышину, сиюсь мысленно сложить узнаваемые сочетания звёзд...

Ему сказочно повезло. Его глазам предстал сам Ковш, называемый аррантами Колесницей, — величественное созвездие, властелин северных небес, легче всего отыскиваемый и прежде прочих запоминаемый даже детьми. Он горел драгоценным топазовым блеском, словно расстёгнутое ожерелье, брошенное на бархат. Хономер испытал тихое блаженство, узнав благородный изгиб ручки Ковша и чуть угловатый, но всё равно прекрасный силуэт чаши. Небо сразу начало заволакивать снова, но жрец успел увидеть вполне достаточно, чтобы мысленно прочертить необходимые линии и уверенно определить, где сияет за тучами указующий Гвоздь.

Привычная память немедля вновь расстелила перед ним алайдорскую карту... Он прикинул по ней направление, которого придерживался с вечера, попытался хоть приблизительно угадать длину пройденного пути... И содрогнулся с головы до пяток, а в животе родилась ледяная сосущая пустота, не имевшая ничего общего с голодом. Он понял, что либо небесные сферы вывернулись наизнанку, дабы учинить над ним, Хономером, очень недобрую шутку, либо он принял за Ковш разрозненные части совсем иных звёздных фигур, либо... либо он целую ночь шагал, выбиваясь из сил, в совершенно неправильном направлении. И все его приметные камни были не что иное, как самообман, обольщение чувств, угодливо отыскивающих в окружающем мире именно то, что их обладателю больше всего хотелось бы отыскать.

Хономер свирепым натиском воли отогнал придвинувшийся было страх. И даже оборол могучее искушение присесть на камень, чтобы думалось лучше. Он знал: потом будет не встать. Он попытался сосредоточиться. Предположение о внезапно вывернувшихся небесах вряд ли заслуживало пристального усилия мысли. То есть, конечно, по воле Близнецов и Отца Их вполне могло произойти чудо ещё и похлеще; но изменять порядок всего мироздания только ради того, чтобы проучить одного оступившегося жреца?.. На какие бы высоты в своих мечтах ни посягал Хономер, ему всё же трудно было представить, чтобы

тысячелетний порядок сломали из-за него одного. Но, с другой стороны, не впадал ли он тем самым в грех неверия? Что, если он оказался-таки избран для великих свершений — и не желал видеть явленного ему Знака?..

Загадка была слишком трудна, и Хономер оставил её напоследок, решив сперва обдумать другие, более скромные вероятности. Боги, несомненно, простят того, кто не сразу уверовал в свою избранность. А вот того, кто возжелал узреть её в простом совпадении обстоятельств, — навряд ли... Хономер напряг память, пробуя сообразить, мог ли он ошибиться с Ковшом. И пришёл к пугающему выводу, что, по всей видимости, не мог. Да, другие звёзды, вырванные случайным обрамлением туч из своего привычного окружения, могли сложиться в подобие знакомого рисунка, который его воображение ещё и подправило ему на беду... Но чтобы эти звёзды различались по яркости именно так, как испокон веку составлявшие Ковш?.. Уж это было бы всем совпадениям совпадение. Как если бы встретить не просто природного двойника хорошо знакомого человека, но притом обнаружить, что он ему полный тёзка по имени...

...А стало быть, получалось, что, если только небеса впрямь не вывернулись наизнанку, Хономер ночь напролёт шёл не к лагерю, а ровно под прямым углом к избранному направлению. То есть не приближался к благословенному теплу и уюту войлочных палаток, а скорее удалялся от них.

Наказание за излишнюю охотничью страсть поистине оказывалось тяжелее, чем он поначалу изготавился принимать, и уж всяко не отвечало мелкому, по сути, проступку. Какая там избранность!.. Если нынешнее приключение вправду совершалось в соответствии с волей божественных Братьев, ему следовало признать себя, наоборот, ничтожнейшим из смертных, ходячим вместилищем всяческого греха и порока. «За что?..»

Ночной сумрак вроде бы начинал понемногу редеть. Хономер, успевший твёрдо запомнить направление на Северный Гвоздь, снова вызвал в памяти карту, прикидывая направление,

на сей раз — он крепко надеялся — верное. Нашёл глазами остроконечный валун, торчавший на гриве в нужной ему стороне, шагнул с места...

И сразу вскрикнул от боли. Ему показалось, он угодил босой ступнёй прямо на острые грани битого камня. Хономер всё-таки сел, ощупал свою левую ногу... и убедился, что именно так дело и обстояло. Оказывается, подмётка прочного кожаного сапога не смогла вынести почти суток беспрестанного хождения по булыжным осыпям и наполовину оторвалась, начиная с носка. Очень скоро она отвалится вовсе, если хоть как-то не подвязать. Хономер судорожно потянулся к правой ноге... Здесь сапог был в чуть лучшем состоянии, но именно чуть. Очень скоро «придёт кон»* и ему.

Можно вытащить нож, распороть голенища и выкроить временное подобие подмёток, но вот как их прикрепить?.. Разве что перевязью от самострела, но как тогда нести самострел? Прямо в руках?..

Молодой жрец только что окидывал мысленным взглядом звёздные чертежи и пытался разобраться в замыслах Богов, но этот вопрос оказался не по силам его измученному рассудку. Чем больше Хономер размышлял о том, как правильно разрезать ремень перевязи, чтобы хватило на оба сапога и ещё остался запас, тем неразрешимей казалась задача. Следовало подумать ещё, а думалось, сидя на камне, в самом деле необыкновенно хорошо. К тому же его тело, нагретое долгой работой, оставалось невосприимчиво к холоду, но вот кисти рук, ничем не занятые при ходьбе, застыли почти до потери чувствительности. Как удержать ими нож? Никак невозможно. Хономер засунул пальцы под мышки и решил обождать, пока они хоть немного согреются.

Сонное беспмятство сомкнулось над ним сразу и незаметно.

* «Придёт кон» — этим выражением обозначали наступление рокового момента в судьбе, в особенности смерть.

Он проснулся, вернее, пришёл в себя, когда уже рассвело. Его разбудил (и, как он впоследствии понял, — спас) какой-то резкий скрежет, коснувшийся слуха. Жрец вскинул голову, открывая глаза. При этом его волосы издали непонятное похрустывание, но он не обратил внимания, сразу сосредоточившись на том, что предстало его взгляду. Кругом было светло, а на большой валун в двух шагах от него усаживался крупный гриф. Его-то когти и проскрежетали по камню, вырвав Хономера из сна.

Человек и птица уставились друг на друга. Гриф переступил с лапы на лапу и недовольно нахохлился. Хономер с содроганием подумал о том, что пернатому стервятнику скорее всего уже приходилось лакомиться человечиной. На Алайдоре ведь не было ни леса для погребальных костров, ни слоя рыхлой земли, чтобы устраивать какие следует могилы; если же завалить мёртвое тело камнями, это лишь заставит хищных зверей повозиться какое-то время, но остановить их не сможет. Поэтому кочевавшие здесь горцы поступали проще. Сразу предоставляли своих мёртвых грифам и иным падальщикам, полагая, что таким образом частицы плоти вернутся к природным стихиям всего быстрее и надёжней.

И вот гриф, смотревший сейчас на Хономера, спустился к нему, приняв его за мертвеца, только почему-то одетого и вообще не подготовленного должным образом к «погребению» в его, грифа, желудке.

В сердцах жрец хотел выхватить из-за спины самострел и если не убить, так отпугнуть зловещую тварь, от которой к тому же распространялся густой дух мертвечины... Движения не получилось. Тело, за время сна пронизанное токами холода, слушалось туго, медленно, неохотно. Его ещё можно было разбудить, но, похоже, это сулило неисчислимые муки. От поворота головы вновь захрустели волосы, успевшие примёрзнуть к вороту рубашки, а мышцы отозвались глухой, далёкой болью.

Можно представить, какова окажется эта боль, если снова разогнать по жилам успокоившуюся было кровь. Как вытерпеть её? И зачем?

Ему надо отдохнуть. Ещё немножко отдохнуть, прежде чем опять куда-то идти. А самым разумным казалось совсем отказаться от движения и остаться сидеть, ведь здесь было так покойно и хорошо... Хономер едва не заплакал и в отчаянии подумал, что на самом-то деле жадный гриф не так уж сильно ошибся. То-то он не торопится улетать. Он просто подождёт ещё чуть-чуть и...

Избранный Ученик знал повадки стервятников. Зоркоглазые птицы кружат высоко над землёй, ища поживы внизу и в то же время бдительно присматривая за сородичами, парящими у горизонта. И потому, стоит одному трупоеду спуститься к обнаруженной добыче, как в самом скором времени к нему присоединяется целая стая. Вон те чёрные точки под облаками... уж не спешат ли они к трапезе, разведанной соплеменником?.. Хономер представил себя в окружении двух десятков таких вот грифов — громадных, голошеих, нестерпимо смердящих, — и омерзение пересилило всё, даже сонное безразличие полузамёрзшего тела. Да и кто сказал ему, будто голодные птицы, собравшись в достаточном числе, не вознамерятся отобедать ещё не умершим?.. Хономер слышал когда-то, будто когти и клювы грифов не могут одолеть свежей и тем более живой плоти, справляясь лишь с уже тронутой разложением, — но проверять это на себе у него никакого желания не было. Ужас и отвращение подстегнули-таки угасшую волю. Жрец оторвался от камня, на котором сидел, и постепенно распрямил ноги. Ему показалось, будто суставы и мышцы издали явственный скрип. Он попытался грозно закричать на грифа. Получился какой-то хриплый, задушенный клёкот. Тем не менее стервятник шархнул и отскочил, неуклюже взмахнув крыльями. Новая волна тяжёлого смрада обдала Хономера. Она явственно напомнила ему... что? Воспоминание

мелькнуло и скрылось в точности как сон, который посетил его перед самым пробуждением: сновидение *было*, это он помнил наверняка, но вот какое именно? — хоть убей.

Ноги были двумя негнущимися деревяшками, которые он с величайшим трудом подставлял под себя, только чтобы не рухнуть вперёд. Он кое-как прохромал на этих колодах мимо грифа, разочарованно смотревшего ему вслед, и полез по осыпи вверх. «Жди, паскудная птица. Не дождёшься...»

Мелькали ещё какие-то мысли, но их без остатка поглощало усилие, требовавшееся, чтобы идти.

Про свои сапоги — верней, бывшие сапоги с оторванными подмётками — Хономер вспомнил, только когда его плоть почти полностью отогрелась и тупая боль, восходившая из ступней, наконец достучалась до сознания, став острой и невыносимой. Тогда он посмотрел вниз, а потом, ужаснувшись, назад. Его глазам предстал кровавый след, далеко протянувшийся за ним по камням. Жрец со стоном поник наземь и принялся осматривать свои ноги. Сказать, что они были изранены, значит стыдливо приуменьшить. От самых пальцев до пяток кожа просто отсутствовала, стёсанная острыми, как ножи, гранями битого щебня. Хономер прошептал очередное проклятие охотничьему азарту, бросившему его в погоню за диким быком, — мало того что в одной рубашке, так ещё и без самого необходимого. Да не о еде речь!.. Хономер мог с лёгкостью обходиться без пищи несколько дней. Он и теперь почти не хотел есть. Но как он умудрился забыть о возможности случайных увечий, подстерегающих самого опытного зверолова?.. Почему выехал за добычей без снадобья от ран, без единой чистой тряпицы для повязки?..

Теперь вот оставалось только резать одежду.

Тут выбор был небогат: рубашка либо штаны. Хономер снова посмотрел на свои изувеченные ступни и, как ни противилось тому всё его существо, сберёгшее, оказывается, какие-то

остатки гордости, — выбрал в жертву штаны. Достаточно было вспомнить недавний сон, чуть не завершившийся смертью. Хономер понимал: если под конец дня он опять не доплетётся до лагеря — а надежда на это была откровенно невелика, — ему волей-неволей придётся устраиваться на ночлег, потому что возможности изнурённого тела не беспредельны, какая бы непреклонная воля ни подхлестывала его. И вряд ли новая ночь выдастся намного ласковей прошлой. Так вот. Если во время ночлега на нём будет рубашка, он, может быть, и доживёт до утра. А если, уподобившись героям-мученикам со старинных рисунков, он сделает выбор в пользу стыдливости, нового расцвета ему не видать уже точно.

И Хономер, внутренне корчась от сознания надругательства, к которому подвергала его злая недоля, расстегнул сперва пояс, потом распустил гашик штанов. Он уже почти не задумывался, совершалось ли это непосредственно волей Богов либо Их попушением. Он просто пытался остаться в живых.

Штаны пришлось распарывать сверху донизу без остатка, иначе полосы ткани получились бы слишком короткими. Затем жрец раскроил голенища ставших бесполезными сапог и с бесконечными предосторожностями приложил их к живому сочащемуся мясу подошв. Всё равно прикосновение вышло таким, что в глазах померк свет и брызнули слёзы, он лишь смутно удивился тому, что совсем недавно *шёл* на этих самых ногах. Как такое было возможно, если теперь он с содроганием думал даже о том, как станет отдиравать присохшие куски голенищ, когда их придётся менять?.. А ведь придётся, и скоро...

Быть может, лагерь откроется ему вон за тем отрогом, очень похожим на тот первый, который он пересёк вслед за быком. Как будет обидно, если он слишком промедлит и вместо палаток увидит лишь мусор, оставленный снявшимся караваном, да кострища с ещё тёплыми углями!

Скрипя зубами, Хономер перевалился на четвереньки и некоторое время полз так, по крохам набираясь решимости встать.

Снег больше не шёл, тучи стояли гораздо выше вчерашнего, но и порубежная гряда Алайдора, и громада самого Заоблачного кряжа по-прежнему скрывались в густой пелене, не давая себя рассмотреть. И солнце за весь день так и не показалось ни единого разу, чтобы дать Хономеру хоть приблизительно определить север и юг. Он пытался сделать это по лишайнику на камнях. Однако бурые, зелёные, жёлтые разводы покрывали скалы самым неожиданным образом: всё как будто перемешалось не только в звёздных небесах, но и на земле. Хономер вспомнил даже об остатках снежных заносов, — может, хоть по ним удастся вычислить направление давешнего ветра, падавшего со стороны главных хребтов?.. Это была древняя наука его племени, ездившего зимой на собачьих упряжках и умевшего не заблудиться в самый лютый буран. Увы, Хономер вспомнил о ней слишком поздно. Снег стаял, окончательно превратив бессчётные гривы в череду близнецов... причём нимало не напоминавших, возможно, самих себя же, но в снежном одеянии, памятном по вчерашнему утру.

В некоторый момент Хономер понял, что, даже если стороны света, угаданные им по звёздам, определены верно и с тех пор он не слишком сбился с дороги, — он запросто пройдёт мимо лагеря, оставив его за каким-нибудь бугром. Из палаток будут подниматься тонкие струйки дыма, но от усталости он их не разглядит и не учует. И без вести канет в небытие, чтобы никогда не узнать, как близко было спасение...

Подумав так, Избранный Ученик не ощутил ни отчаяния, ни желания упрекнуть губительницу-судьбу. Даже и на это у него больше не было сил. Он шёл и шёл, зная, что идёт, по всей вероятности, в никуда. Шёл просто потому, что остановиться и ждать, чтобы слетелись обрадованные грифы, было ещё невозможней.

За весь день ему повезло только однажды. Жалкое это везение заключалось в том, что Хономер высмотрел неосторожного зайца и тот, вместо того, чтобы сразу броситься наутёк,

почему-то позволил ему взвести непослушными пальцами самострел и прицелиться. Тёплую тушку жрец оставил стервятникам. Не то чтобы его воротило от сырого мяса, при необходимости он мог записать себе в рот ещё и не такое, просто голода по-прежнему не было. меховая шкурка оказалась полезной. Хономер размотал тряпки и, разрезав, подложил её под остатки стоптанных голенищ. Шкура горного быка подошла бы для этого гораздо лучше, особенно взятая от хребта, и Хономер загадал себе: если останется жив — немедленно велит привести лучшего сапожника Тин-Вилены и закажет ему самые крепкие сапоги. С наипрочнейшей подмёткой, которая никогда не отвалится и не прорвётся. С добротной проклеенными швами, сквозь которые никогда не просочится вода. С мягким войлоком изнутри, чтобы радовалась нога, чтобы ступала, как по свежей траве...

Седовласый кочевник, много лет судивший пёсьи единоборства и за праведность в этом деле снискавший почётное прозвание Непререкаемого, без спешки ехал верхом по летней степи. Его младший сын полюбил девушку и захотел, чтобы родители, согласно обычаю, взяли будущую невестку в свой шатёр до месяца Выживших, когда в степи играют свадьбы. Опять-таки по обычаю, отцу следовало сперва взглянуть на избранницу сына.

Особой нужды в подобных «смотреинах», по совести сказать, не было. Степь — на то и степь, чтобы все знали друг друга и при встрече здоровались честь честью, по имени. И Непререкаемый отлично знал род девчонки, приглянувшейся сыну. И даже её саму мельком видел однажды, на прошлогодних зимних боях. Она ухаживала за кобелём, изрядно потрёпанным в схватке. Хорошая девочка. И нынешняя поездка мало что добавила к мнению Непререкаемого, как он, впрочем, и ожидал. Однако обычай есть обычай. Если не придерживаться его, вполне можно уподобиться горожанам из Тин-Вилены, людям без родной звезды в небесах.

А кроме того, старый предводитель просто рад был случаю повидать сына, что во время летней пастьбы удавалось нечасто. И ничуть не меньше хозяина радовался свиданию Тхваргхел-Саблезуб, могучий белый вожак. Ведь юноша, надумавший взять жену, как-никак доводился ему братом по крови.

Теперь они возвращались домой, и было очевидно, что над шатром молодых непременно взмахнёт сверкающей гривой сам Бог Коней. Как ещё можно было истолковать ласковый дождь, целых два дня умывавший степную траву?.. Благодаря ему влага наполнила русла, готовившиеся пересохнуть сообразно времени года, так что человеку, псу и коню даже не пригодился запас воды, взятый из дома. На всём пути их щедро поили пробудившиеся родники. Ключевая влага казалась Непререкаемому удивительно вкусной и заставляла чувствовать себя молодым. Крылось ли в ней вправду нечто особенное?.. Или всё дело было в весёлой молодости влюблённого сына?..

Так, занятый приятными мыслями, ехал по степи старый кочевник. Он даже не сразу обратил внимание на фыркание принявшего Тхваргхела. А между тем это пофыркивание могло означать только одно. Белый воин заметил на равнине, которую считал по праву своей, чужого, незнакомого пса.

Непререкаемый огляделся и тоже заметил его, стоявшего невдалеке, на вершине маленького холма. Пёс был действительно чужой. Подобных ему, если хорошенько припомнить, Непререкаемый видел годы назад: эту породу держали по ту сторону гор, она очень редко появлялась в степи, поскольку в овечьи пастухи не годилась.

Исхудалому кобелю, похоже, пришлось проделать очень долгий путь, и тем не менее он был великолепен. Вороная шерсть даже не утратила блеска и горела на солнце, отливая стальной синевой. Человек на лошади окинул взглядом знатнока лобастую голову, могучую шею, широченную грудь, разросшую ржавым подпалом... Тхваргхел уже шёл к чужаку — медленно, настороженно, на пружинисто распрямлённых ногах. Пришлому воителю поистине цены не было бы на Кругу,

но Непререкаемый отнюдь не боялся за любимца. Тхваргхел уже несколько лет провёл вне поединков, но лишь оттого, что не находилось достойного супротивника. Сообразит небось, как разойтись с чужаком, должным образом оградив свою и хозяйскую честь!..

Старик зорко пригляделся и отметил, что ни тот, ни другой четвероногий боец не поднял на загривке щетины. Вот легконогий Саблезуб поднялся на холм... Два огромных пса застыли, как изваяния, в какой-то сажени один от другого. Потом стали сходиться. Пядь за пядью, вершок за вершком, ближе, ближе... Сейчас бросятся! Два куцых хвоста указывали в зенит, трепеща от сдерживаемого волнения. Два чёрных влажных носа усердно трудились, читая сотканые запахами повести неведомых стран.

«Ты без спросу ступил на мои земли, чужак. Откуда ты и зачем?»

«Да, я без спросу ступил на твои земли, великий брат. Но не затем, чтобы тайно приблизиться к твоим сукам или нанести вред стадам. Я вовсе не оспариваю твоё старшинство. Взгляни лучше, вождь степного народа, что я принёс!»

И Непререкаемый, зорко следивший с седла, испытал некоторое удивление, заметив, как что-то изменилось в позах кобелей, грозно замерших голова к голове. Ушло свирепое воинственное напряжение, заставлявшее мышцы вздуваться каменными буграми. Очень медленно и осторожно Тхваргхел потянулся вперёд... к шее незнакомого пса, и тот вежливо отвернул голову, чтобы не оскорбить Саблезуба даже отдалённым подобием вызова. Его движение было полно достоинства и ничем не напоминало смущённый уклон сдавшегося в бою. Тхваргхел же с пристальным вниманием обнюхал нечто, висевшее на шее у чужака. И только потом псы снова занялись друг другом, как того требовал ритуал знакомства. Однако теперь в их повадке больше не ощущалось враждебности, и хвосты не были боевыми знамёнами, вскинутыми перед битвой. На холме совершалась встреча друзей.

А потом вожак степных волкодавов вскинул голову к небу, и по округе раскатился его голос — тот самый низкий, внушительный клич, сочетавший вой и рычание. Он предназначался всем, способным услышать, а слышно его было более чем за десять вёрст, особенно по ветру.

И в самом деле, очень скоро на призыв Тхваргхела издалика отозвались псы становища, куда возвращался Непререкаемый. Наверняка они уже мчались встречать своего предводителя — и ту необыкновенную, оплаченную двумя жизнями весть, что он сейчас получил. Весть, в тени которой каждодневные споры и вражда исчезали, как вода на песке... Но ещё прежде, чем их лай доплыл над волнами колышущейся травы, Саблезубу ответил совсем другой голос. И таков был этот голос, что горбоносый жеребец под Непререкаемым прижал уши и заплесал, а всадник проворно обернулся в седле, хватаясь за лук, ради такой вот неожиданности висевший в налучи снаряжённым.

На дальнем холмике, держась в отдалении, но и не думая прятаться от исконных недругов, стоял волк. Да не какой-нибудь тощий степной разбойник, склонный без памяти удирать от одного эха рыка Тхваргхела. Это был громадный лесной зверь с тёмным пятнышком посреди лба. Он тоже принял весть. И очень хорошо понял, что делать с ней дальше...

Ближе к вечеру Хономер начал собирать помёт диких быков, попадавший среди камней. Растаявший снег превратил большинство плоских лепёшек в бурые полужидкие комья, но попадались и сухие куски. Будь у него кремень с кресалом и хоть горсточка трута, можно было бы даже устроить костёр. Предки Хономера, странствовавшие по холодным морям, кресала носили на поясах, кремня на Островах было полно, а трут они великолепно умели сохранять сухим. Они сыпали его в ореховую скорлупку и запечатывали воском. Почему он не вложил такую скорлупку в тот же кошель, где могла бы лежать и баночка с мазью для ног?.. Почему, будучи в Галираде, не додумался купить у изобретательного ремесленника, помимо светильнич-

ка-«самопала», ещё и отдельное зажигательное устройство с колёсиком и кремешком?..

Ох, знал бы, где падать придётся, — соломки бы подстелил...

Хономер вытеребил из рубашки пучок ниток, показавшихся ему совсем сухими, и перепробовал десятка три разных камней, пытаясь высечь искру. Он изранил себе все руки, но искра так и не высеклась. Видно, алайдорские камни зарождались в прискорбном удалении от стихии огня. И это значило, что новая ночь окажется гораздо мучительней предыдущей. Вчера его долго грела ходьба, ведь он думал, что вот-вот выйдет к знакомым палаткам, и не очень-то допускал мысли об отдыхе. Сегодня неизбежность ночёвки была заранее очевидна. Значит, следовало должным образом подготовиться к ней, если только он хотел ещё раз увидеть рассвет... И Хономер напрягал зрение, чувствуя, что слепнет от непомерной усталости, но всё же высматривая, подбирая и пряча за пазуху очередной шмат более-менее сухого помёта. Уже не затем, чтобы попытаться поджечь его, нет. Хономер знал другое: навоз, брошенный наземь, как бы начинает внутри себя очень медленное, но вполне осязаемое горение. Оттого всегда тепла навозная куча, оттого над ней, преющей, в холодном воздухе поднимается пар. Может быть, если собрать достаточно много навоза, удастся переночевать в нём, как ночует старая собака, которую хозяин не пустил в дом?..

Ноги жреца, голые от лодыжек до паха, сделались совсем нечувствительны к холоду и почти не замечали ранящих кожу ударов, когда он лез через угловатые глыбы. Кровь отступила от кожи в глубь тела, уберегая последние крохи тепла. Рубашка у Хономера была не особенно длинная, но он не пытался натянуть её на бёдра — наоборот, поддёрнул как можно выше и туго перетянул поясным ремнём по самому краю, чтобы получился вместительный мешок для бычьих лепёшек. Мешок постепенно наполнялся, хотя и не так скоро, как ему бы хотелось, и кожа, соприкасаясь с навозом, вправду заметно отогревалась. Даже начинала чувствовать покалывание остатков жёстких стеблей. вышедших непеваренными.

Хономер думал о том, что, наверное, всё же погибнет. Соберутся грифы и раскроют его тело. Очевидцы рассказывали — дорвавшись до трапезы, жадные падалыщики иногда так нажирались, что не могли сразу взлететь и подолгу оставались на земле, ожидая, чтобы проглоченное начало перевариваться и тело естественным образом облегчилось для полёта. Охотники утверждали, что в это время птиц можно было брать голыми руками, но кому понадобится ловить вонючего грифа?.. Хономер пытался внушить себе, что телу, оставленному душой, уже не будет особенной разницы. Может, так оно окажется даже и лучше, чем если Ригномер со спутниками отыщут его умершего, но ещё не тронутого зубами зверей. Тщательно обложенного дерьмом... и без штанов. Если же его съедят, он просто исчезнет, затеряется на Алайдоре... почти как некогда, неизвестно на каком материке, Младший из божественных Братьев... чьи благородные останки теперь, надобно думать, уже никогда не будут обретены. И, как знать, не уподобит ли храмовая молва мученическую кончину некоего жреца...

От этой мысли у Хономера вырвался горестный стон. На краю жизни и смерти, где он безо всякого преувеличения оказался, такие недавно привычные мысли об избранничестве и славе показались пустыми, мелкими, стыдными. Но если не это, то что тогда имело значение? Что?..

Он одеревенело нагнулся и сунул за пазуху ещё одну бычью лепёшку. Тепло, исходившее от неё, было воистину благословенно.

Когда-то, в самом начале своего служения Близнецам, Хономеру нравилось читать книги о мужестве гонимых Учеников. И ему даже казалось по юношеской глупости, будто он вполне понимал их страдания и их стойкость. О самонадеянность молодости, безоблачная и беспредельная!.. Он был тогда совершенным мальчишкой и вдобавок сыном воинственного народа, высоко ставившего доблесть перед лицом смерти. Помнится, он размышлял о саккаремских Учениках времён Последней вой-

ны, которых воины Гурцата Великого сажали на колья, полагая, что, стоит лишь расспросить хорошенько, у такой могучей веры всенепрерывно отыщутся храмы, полные несчётных богатств. Юный Хономер мысленно примеривал на себя муки пронзённых и нимало не сомневался, что тоже смог бы, подобно им, до последнего шептать молитвенные стихи, восславляя Ближнецов и Отца Их, Предвечного и Нерождённого. Подумаешь, боль тела!.. Да какое значение могла она иметь по сравнению с высотами духа?!

И только теперь, когда его пятки ступали по раскалённым углям, ноги ледяным бичом хлестал холод, а торс уязвляла едкая влага и колючки навоза, он начал отдалённо приближаться к истинному пониманию подвига мучеников за веру. Не в том состоял он, чтобы без стога и жалобы вынести долгую и жестокую боль. На это способен и крепкий сердцем язычник, попавший в руки врагов (Хономеру в былых его странствиях довелось узреть и такое). Нет. Те люди, мужчины и женщины, шли на лютую смерть не ропща, не умствуя о богоизбранности и богооставленности, не ожидая посмертной награды и вовсе не помышляя о святости. Им было достаточно понимания, что предельное напряжение духа, сопровождавшее последние страсти, малыми капельками вольётся в общий поток и, быть может, что-нибудь стронет в этом мире, столь безжалостном и несовершенном...

Что по сравнению с этим были его, Хономера, тяготы путешествий, которые он вспоминал с такой кичливой любовью! Да, собственно, какие тяготы — так, временное лишение некоторых жизненных удобств, и не более. А его подвиги воздержания, сводившиеся к добровольному отказу от благ, коих множество людей и так было лишено от рождения до смертного часа?..

Как, должно быть, печалились божественные Братья, взирая с небесных высот на его бесконечные заблуждения и ошибки. Если только Они вообще замечали его. Если его ничтожная жизнь для Них вправду что-нибудь значила...

Покамест Хономеру всё крепче казалось, что единственными в мире существами, которым он оставался небезразличен, были терпеливые грифы. Нет, они не следовали за ним, алчно перелетая с камня на камень. Они просто сидели на вершинах утёсов, господствовавших над сыпучими гривами, и зорко следили за маленькой человеческой точкой, переползавшей вниз. Скоро, уже совсем скоро она окончательно прекратит шевелиться. И тогда настанет их час.

...И вот начали сгущаться новые сумерки, и невозможно было поверить, что подступал всего лишь второй вечер его бесприютного странствия по Алайдору. Столь же невозможной представляла и мысль, что всё это должно было когда-нибудь кончиться. Так или иначе — но кончиться.

А может, он уже умер, и то, что ему приходилось претерпевать, и было вечным посмертием, отмеренным за грехи?.. Вера его предков отправляла душу злого человека на отмели Холодной реки, бродить по колено в воде, среди острых, как ножи, обломков камня и льда... Хономер тащился вперёд, хромая на израненных, подламывающихся ногах, и в его мыслях царила уже полная неразбериха. Если он действительно умер, то где же Праведный Суд, почему не было взвешивания его дел, добрых и дурных? Или всё состоялось, но он в помрачении ухитрился забыть? Или это было частью его кары — непонимание, что же на самом деле произошло?..

Сумерки ещё не налились ночной чернотой, когда ему попался нависший валун, показавшийся подходящим для ночлега. Под одним его краем в галечной осыпи образовалось нечто вроде пещерки, не очень глубокой, но скрюченному человеческому телу поместиться как раз. Забившись туда, Хономер бережно распределил кругом тела навоз, поджал ноги и обхватил себя руками, сворачиваясь в клубок. Опустил голову на колени, плотно притиснутые к груди, — и мгновенно уснул.

Ему не досталось исцеляющего, спокойного сна. Он увидел себя каторжником в Самоцветных горах, избитым и грязным, прикованным в углу мрачного ледяного забоя. Его, не давая

выпрямиться, крепко держала короткая цепь, и не просто держала, — гораздо хуже, она постепенно натягивалась, притискивая его за ошейник к шербатому полу, грозя переломить хребет. А кто-то невидимый ещё и смеялся, забавляясь его отчаянием. Очень странный был это смех, шуршащий и рокошущий одновременно...

Хономер вздрогнул и рванулся, просыпаясь.

К его полному и окончательному ужасу, сон и не подумал рассеиваться. Приснившееся властно вторгалось в явь, весомо заявляя о себе страшной тяжестью, вдавившей его в неудобное, бугристое ложе. Рокот и шуршание, истолкованные им как издевательский смех, были звуком мелких камней, вытекавших из-под большой глыбы, где он нашёл себе приют, и приют обочивался ловушкой. Валун оседал, грозя придавить ничтожную в своей хрупкости человеческую козявку...

Хономер издал животный вопль ужаса и забился в темноте, пытаясь ползти.

Тут обнаружилось, что его сознание проснулось гораздо быстрее тела. Тело, предельно измордованное болью и холодом, просто отказалось спасаться ещё от новой напасти. На бешеные приказы рассудка оно отвечало лишь слабым трепетом мышц. На мгновение жреца даже посетила мысль, глубоко кощунственная в глазах почти любой веры: а что, если прекратить бессмысленную борьбу? Дать безымянному камню довершить начатое враждебными духами Алайдора двое суток назад?..

Тяга к жизни всё-таки оказалась сильнее. Ноги совсем не повиновались Хономеру, да и не мог он, зажатый под валуном, их уже распрямить... но руки сумели сделать усилие, и жрец, обрывая ногти, всё-таки уцепился за что-то и бесформенным комом выкатился из-под опускавшейся глыбы. Выкатился, плача, задыхаясь, хрипя и толком не веря, что спасся. Только надо ли, вот что интересно было бы знать?..

Глыба позади него глухо вздохнула — ни дать ни взять разочарованно — и, сопровождаемая шлейфом камней помельче,

отправилась в недалёкий путь по склону отрога. Скоро содрогания и шум затихли внизу, и опять стало тихо.

Был самый тёмный час перед рассветом, когда холод и зло, словно чувствуя близкое завершение своей власти, стремятся причинить как можно больше беды. Хономер ощутил, как горячими каплями текут по щекам слёзы. Только они и свидетельствовали, что в его теле ещё сберегалось сколько-то жизненного тепла. Жрец пополз, как раненое животное, кое-как подтягивая и подставляя под себя бездействующие колени. А потом он начал молиться. Молча и совсем не так, как во времена, когда его называли Избранным Учеником, предводителем тин-виленского священства. «Боги моих отцов, вечно хранящие народ Островов!.. — взывала его страждущая душа. — И вы, Прославленные в трёх мирах, Которым я поклялся служить. И ещё вы, иные Поборники Света, чьи имена радостны на устах ваших земных чад... В чём мой грех перед вами? Где заплутал я на духовном пути? Укажите дорогу...»

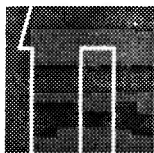
Небо промолчало. Каменистая земля под ладонями и утратившими чувствительность коленями была холодной, жёсткой и мокрой. А потом впереди вспыхнул огонёк. Крохотный, далёкий-далёкий. Хономер даже принял его сперва за звезду, равнодушно проглянувшую у горизонта, но огонёк жил. Он двигался так, словно нёсшая его была невысокого роста и шла неспешной походкой, весьма мало заботясь, поспеет ли за нею измочаленный Хономер.

Жрец тихо завыл. И пополз, обдирая колени, вернее, почти побежал на четвереньках туда, куда звал огонёк, всего более страшась, что потеряет его.

Это было давно,
Да запомнилось людям навек.
Жил в деревне лесной
Старый дед с бородою как снег.
Кособочился тын
Пустоватого дома вокруг:
Рано умерли сын
И невестка, но радовал внук.
Для него и трудил
Себя дед, на печи не лежал,
На охоту ходил
И хорошую лайку держал.
Внук любил наблюдать,
Как возились щенки во дворе:
Чисто рыжие — в мать
И в породу её матерей.
Но однажды, когда
По-весеннему капало с крыши,
Вот ещё ерунда! —
Родился чёрно-пегий мальш.
«Знать, породе конец! —
Молвил дед. — Утоплю поутру...»
Тут взмолился малец:
«Я себе его, дед, заберу!
Пусть побудет пока,
Пусть со всеми сосёт молоко...»
Но пронять старика
Оказалось не так-то легко.
Вот рассвет заалел...
Снились внуку охота и лес,
Дед ушанку надел
И в тяжёлые валенки влез.

Снился внуку привал
И пяттистая шёрстка дружка...
Дед за шиворот взял
И в котомку упрятал щенка.
«Ишь, собрался куда!
Это с пегим-то, слыхана речь!
Что щенок? Ерунда!
Наше дело — породу беречь.
Ну, поплачет чуток,
А назавтра забудет о чём...»
...И скулящий мешок
Канул в воду, покинув плечо...
«Вот и ладно...» Хотел
Возвращаться он в избу свою,
Тут внучок подоспел —
И с разбега — бултых в полынью!
«Что ты делаешь, дед!
Я же с ним на охоту хотел...»
Внук двенадцати лет
Удался не по возрасту смел.
Только ахнул старик...
Не успел даже прыгнуть вперёд,
А течение вмиг
Утянуло мальчонку под лёд.
Разбежались круги
В равнодушной холодной воде...
Вот такие торги
И такая цена ерунде.
Без хозяина двор,
Догнивает обрушенный кров...
...А в деревне с тех пор
Никогда не топили щенков.

3. Родня по отцу

адение казалось ему бесконечным. Они словно зависли в полёте сквозь темноту и тишину таинственного Понора, в безмолвном средоточии небытия, вне времени и пространства. Волкодав даже подумал о том, что именно такова, наверное, смерть, — в то мгновение своей власти, пока ещё не открыла глаза высвобожденная душа... Только слишком уж долго тянулось это мгновение, да и вряд ли он смог бы в смерти что-то осознавать. А он осознавал, и притом даже больше, чем ему бы хотелось. Он всё ждал, чтобы они достигли границы, где, словно проглоченные, гасли все факелы и необъяснимо обрывались верёвки. Может, и их там, как те верёвки, размочалит, скрутит, порвёт?.. Однако границы всё не было. Хуже того, не было и ощущения падения в глубину. Даже воздух, казалось, не двигался мимо, не свистел в ушах, не бил снизу упругими струями ветра. Они не то падали, не то возносились. От этого было ещё страшней и мучительно хотелось неизвестно зачем прикрыть локтем лицо. Так помимо рассудка делает человек, на которого валится неловко подрубленная лесина. Венн обязательно поддался бы природному побуждению, но это значило бы расцепить руки, крепко обнимавшие Винитара и Шамаргана, и он, пересиливая себя, просто ждал. Может, чудо Понора было лишь сказкой, придуманной в утешение уходившим, а необыкновен-

ный полёт — шуточкой из тех, на которые так гораздо меркнувшее сознание? Что же ТАМ, наконец? Самые что ни есть вещественные и жестокие камни, или лёд, или вода?..

Оказалось — вода. Но ничего похожего на ту гладь, которую с плеском разбивает сброшенное в колодец ведро... или, к примеру, три человеческих тела. Эта вода, да будет позволено так сказать, — разразилась! Она возникла одновременно со всех сторон, сверху и снизу, и притом так неожиданно, словно падавшие тела не пробили поверхность, а материализовались непосредственно на глубине.

Глубина, кстати, оказалась порядочная. Уши, вроде бы нечувствительные после сокрушительного грохота обвала в тоннеле, самым немилосердным образом заложило. Но теперь, по крайней мере, кругом была не какая-то запредельная тьма, а обычная вода из мира вещей, и Волкодав замолотил ногами, радуясь вернувшемуся чувству верха и низа. Не помешало бы ещё хоть немножко света, а всего лучше — солнца наверху, чтобы знать, далеко ли воздух, которого никто из них не успел запасти в лёгких. Но это было бы уже просто до неприличия хорошо, и потом, если им суждено выплыть, то они выплывут и в темноте...

...Тем более что вода оказалась пресная и тёплая. Не такая, конечно, как в ласковом веннском озере в хороший летний день, но уж после ледниковой речушки, журчавшей в стылых глубинах, — как раз. В этой воде можно было жить. И уж величайший стыд был бы в ней потонуть...

Что нагрело здесь воду? Скрытый жар недр, не дававший зимнему великану окончательно утвердиться на острове Закатных Вершин? Или бегство от человекоядцев занесло троих путешественников уже в такие пределы, где законы привычного мира не имели никакой власти?

Скоро узнаем...

Больше всего Волкодав опасался, что вот сейчас они стукнутся головами в подводный каменный потолок — и неминуемо задохнутся под ним.

Благодарение всем Богам, этого не произошло. Вот перестало терзать уши давление, и последнее яростное усилие вынесло на поверхность всех одновременно. Воздух, сколько воздуха, чистого, живительно свежего!.. Волкодав сразу перевернулся в воде и выпустил из-под куртки Мыша. Шустрый зверёк за время падения сквозь Понор успел юркнуть ему за пазуху, отлично зная, где самое надёжное укрывище ото всех бед. К тому же они с Волкодавом не впервые оказывались в воде, и сообразительный Мыш привык доверять воздушному пузырьку, неизменно задерживавшемуся под плотной кожаной курткой. Этот пузырь и теперь его не подвёл. Основательно вымокший, но невредимый, Мыш перебрался на голову хозяину и стал усердно отряхиваться. Потом бодро взлетел.

— Все живы?.. — вслух спросил Волкодав. Услышал собственный вконец осипший голос и с радостью понял, что временная глухота прекратилась.

— Живы, — отозвался кунс Винитар.

— Ох, — закашлялся Шамарган. — Любопытство — худший из пороков, это я точно вам говорю... И что мне, действительно, не сиделось на корабле?..

— Кто смирно сидит там, где ему велели сидеть, живёт дольше, — усмехнулся Волкодав.

— И помирает со скуки, — не остался в долгу лицедей.

Волкодав фыркнул и впервые подумал о том, что без Шамаргана, пожалуй, вправду было бы скучновато. Правда, и дни свои окончить от его руки вполне было можно. Что он сам не так давно едва и не проделал. Причём очень даже успешно. И тем не менее присутствие ядовитого и языкастого парня некоторым образом радовало. Что они с Винитаром без него делали бы, два молчуна?..

Ибо Волкодав уже понял: поход на остров за Божьим Судом грозил обернуться весьма нешуточным путешествием. Было ещё не вполне ясно, куда всё-таки их вынесло из Понора, но в любом случае это местечко не имело к острову Закатных

Вершин, убитому ледяным великаном, ни малейшего отношения. Ветер, обдававший лицо, вбирать в грудь было сущее наслаждение ещё и потому, что он дышал хвоей, листьями и травой, — Волкодав только тут как следует понял, до какой степени стосковался по этим запахам за время плавания по морю. И, если чутьё ещё не начало его подводить, к этим благодатным запахам отчётливо примешивался дух дровяного дыма. А стало быть, человеческого жилья. Нет, Волкодав был по-прежнему весьма далёк от того, чтобы радоваться незнакомому человеку, жителю незнакомого места, просто оттого, что он человек. Это было глупое доверие, на его веку не однажды обманутое. Но кроме упоительных запахов ветер донёс ему ещё кое-что. Звук.

Еле слышимый в отдалении звук собачьего лая...

Вот это было уже действительно хорошо. Вот это был истинный родич. И природный союзник. Волкодав без дальнейших размышлений принялся потихоньку загребать руками, направляясь в ту сторону.

— Звёзды, — вдруг сказал Винитар.

Венн вскинул голову. Ну конечно. Каждый волей-неволей тянется к привычному и родному. Для него родным был пёсий брёх и запахи леса. А куда перво-наперво обратится морской сегван, привыкший находить путь по расположению небесных светил? Понятно, к звёздам. Тем паче что облака, висевшие над островом Закатных Вершин, остались там же, где и сам остров. Ночное небо над озером было ясным и переливалось мириадами огоньков...

— Ох, волосатая пе... — выдохнул Шамарган. И замолк, не dokonчив ругательство, наверняка святотатственное и непристойное.

Волкодав не сказал ничего, но, глядя вверх, испытал жутковатое изумление, почти такое же, как то, что очень далеко от него довелось пережить Избранному Ученику Хономеру. Задрав голову, всматривался он в прозрачную вышину, искал знакомые рисунки созвездий... и не находил ни единого!

Он не припоминал подобного даже по Беловодью. Там звёзды оставались привычными...

— Мы в стране Велимор, — сказал молодой кунс.

Велимор не Велимор, да хоть вовсе иная Вселенная, — есть вода, в которую ты угодил, есть впереди берег, есть руки-ноги, значит, плыви! Думать о том, как именно всё случилось и чем может кончиться, станешь позже. Когда выберешься на сушу и выжмешь хорошенько портки...

Так рассудил про себя венн и был, конечно, прав.

Глаза его спутников понемногу привыкли к скупому звёздному свету, но по озеру ходила раскачанная ветром волна, и они всё время перекликались, чтобы не потеряться. Они не были между собой большими друзьями, а уж Шамаргану ни Волкодав, ни Винитар ни в малейшей степени не доверяли. Но даже заяц и волк вместе спасаются во время лесного пожара, и это подтвердит всякий, выросший в чащах.

Собака между тем продолжала подавать голос, а спустя некоторое время на берегу затеплился огонёк. Он был очень далёким, но плыть удивительным образом сразу сделалось веселее. Хотя знать, кого им предстояло встретить на берегу, было по-прежнему неоткуда.

Потом огонёк, а с ним и звук собачьего лая, стал приближаться, и вовсе не благодаря усилиям плывших.

— Лодка, — первым определил Винитар. Подумал и добавил: — Парусная.

— И, конечно, в ней опять твои родственники, — хмыкнул Шамарган. — По отцу...

Плавал он на удивление хорошо, да и подбитая нога в воде его явно не беспокоила.

Волкодав, оказавшийся рядом, без лишних слов опустил руку ему на затылок и притопил.

— Помолчи, — посоветовал он, когда Шамарган вынырнул и принялся возмущённо отплёвываться. — В третий раз ведь не пожалею.

Хотел было добавить, что у самого Шамаргана, должно **быть**, в родственниках числились змеи и скорпионы, но удержался.

Про себя же отметил, что Винитар никак не ответил на дерзость и вообще разговаривал словно бы через силу. Это могло быть весьма дурной знак, и на всякий случай Волкодав стал держаться к кунсу поближе. И, действительно, вскоре он заметил, что Винитар начал двигаться всё медленнее и отставать. Он не просил помощи, но Волкодав вспомнил камень, угодивший в спину сегвану, и про себя удивился, как долго тому удавалось держаться со всеми наравне. Видно, правду говорят люди, будто никто не сравнится с аррантом в искусстве болтать языком, с шо-ситайнцем — в науке ездить на лошади, а с сегваном — в умении плавать. Веннское племя эта поговорка самым несправедливым образом обошла стороной. Про себя Волкодав полагал, что его народ тоже очень многое умел делать лучше других, например плести из берёсты, но сейчас некогда было о том размышлять. Волкодав подплыл к кунсу и молча застегнул на нём кожаные лямки мешка, пребывавшего доселе за плечами у него самого. Мешок был жестоко издырявлен прашными камнями, однако в нём лежали карты и книги, непроницаемо упакованные от влаги, и, судя по тому, как легко плавал мешок, рыбаья кожа внутренних сумок держалась очень неплохо.

Винитар всё вытерпел безропотно и только потом, когда Волкодав сунул ему в ладонь край своей куртки и велел крепче держать, негромко спросил:

— Зачем ты это делаешь, венн?

Ответ Волкодава воистину посрамил бы записного насмешника Шамаргана.

— А затем, — сказал он, — что там, в лодке, небось впрямь твои родственники. Кто с ними договариваться будет, если потонешь?

Винитар хмыкнул. Волкодав, кажется, первый раз слышал, как он смеётся. Если это можно было назвать смехом.

Вот лодка приблизилась, и с неё прозвучал мальчишеский голос, срывающийся от волнения и восторга:

— Держитесь, братья сегваны! Держитесь, я уже здесь!

Лодка проворно описала полукруг, уронила парус, легла в дрейф, и за борт полетела толстая верёвка, связанная крепкими петлями — как раз ухватиться ослабшему в воде человеку. На свободном конце её был прикреплён большой надутый пузырь, чтобы снасть не тонула.

Лодка была крепким и вместительным судёнышком, выстроенным по всей премудрости Островов. Такие не боятся волны, зато с парусом и на руле может управляться всего один человек. На носу ярко горел стеклянный фонарь с хорошей масляной лампой внутри, а подле фонаря стояла собака. Она принюхивалась и переступала лапами, повизгивая и взлаивая от усердия, — некрупная, красивая чёрно-белая лайка, сука, недавно откормившая сосунков.

— Держитесь, братья сегваны! — повторил с лодки подросток. Бросив руль, он поспешил к борту, чтобы помочь усталым пловцам. Но первым, подтянувшись из воды, внутрь перевалился Шамарган. Мокрый и тощий лицедей, в пёстрой одежде, какой на Островах не носили, и с пегими, не единожды перекрашенными волосами уж никак не походил на правильного сегвана. При виде столь странного явления мальчик даже замешкался. Следом через борт перебрался выпихнутый Волкодавом кунс Винитар, и, хоть уж он-то был всем сегванам сегван, недоумение и тревога их юного спасителя, казалось, лишь возросли. Влезая последним в лодку, Волкодав под его почти испуганным взглядом невольно подумал, что принадлежность подобранных к племени Островов была, кажется, делом даже не главным.

Трое, которых он отправился спасать посреди ночи, неизвестно каким чутьём уловив их появление в озере, были настолько не теми, кого он ожидал увидеть в воде, что, верно, большего

изумления не снискали бы даже чёрные мономатанцы, негаданно всплывшие из глубины. Как говорили на родине Волкодава, — если в точности уверен, что кот в мешке белый, равно удивишься и серому, и рыжему, и полосатому. Мальчишка даже спросил:

— Нет ли с вами ещё кого, братья, кому я мог бы помочь?..

— Нет, — ответил за всех Винитар.

А Шамарган оглянулся на чёрные волны, шлёпавшие о лодочный борт, и добавил:

— Надеемся...

Волкодав и Винитар невольно покосились туда же. Вот уж чего им теперь только не хватало, так это хищных дикарей, сброшенных сотрясением льда в тот же Понор. Правда, подросток на них самих начинал смотреть почти как на тех дикарей, сообщая, не начать ли бояться.

Одна только псица не испытала сомнений. Сразу подобралась к Волкодаву и ткнулась острой мордочкой ему в руку, виляя хвостом. *Вот кому, подумал венн, я действительно брат!* Глядя на собаку, вроде поуспокоился и парнишка. Насколько венн мог понять, он по-прежнему считал, что выловил из воды каких-то неправильных пришлецов. Неправильных — но, кажется, добрых. Стала бы разумная собака ластиться к тем, кто не стоил доверия!

— Ты чей будешь, парень? — спросил Винитар.

Он лежал на дне лодки в неуклюжей и неудобной позе, подпираемый в спину мешком Волкодава. Но говорил так, как говорит вождь, уверенный, что его не заставят дожидаться ответа.

И мальчик ответил:

— Люди называют меня Атарохом, сыном Атавида Последнего. Тут недалеко наша деревня, Другой Берег... — Название диковато прозвучало для непривычного уха, Атарох сам понял это и пояснил: — Так нарекли наше место те, кто выплыл сюда прежде нас.

Старухи бывают разные...

Бывают жалкие. Это те, которые считают себя сегодняшних, в поре естественного увядания, лишь жалкими и никчёмными теньями себя прежних — проворных мыслью, роскошных телом красавиц. У них по-прежнему есть настоящее и даже сколько-то будущего, но они не хотят ничего видеть, предпочитая жить скорбью по невозвратному прошлому. Оттого жалкое, как водится, легко превращается в жуткое. Ибо находятся терпимые старостью женщины, которые не только отдают всё своё внимание неизбежным признакам возраста, но и пытаются все-сильно с ними бороться. Средства для этого идут в ход всевозможные. От довольно невинных, хотя и смешных, вроде красок для волос, притираний для дряхлеющей кожи и вставных зубов из белой глины, обожжённой и покрытой глазурью, — и до вполне кошмарных, вроде «чудодейственных» вытяжек из плоти младенцев, не узнавших рождения, и какими способами добывается та плоть, лучше вовсе не упоминать.

А бывают старухи — величественные. Это те, чья телесная осанка и красота духа с годами словно выковываются, высвобождаясь из мишуры молодой смазливости и легкомыслия. Такие старухи бывают матерями великих вождей. Или их вдовами. И люди, когда говорят об их детях, в первую голову упоминают не отца, а именно мать, — даже у тех народов, которые испокон века исчисляют род по отцу.

Вот такова была старуха, вышедшая к «косатке» Винитара на третьи сутки ожидания, когда вконец изведшаяся дружина готова была презреть строгий приказ и пуститься на поиски. Рослая, жилистая, седая женщина в штопаном-перештопаном одеянии, но притом — с настоящими золотыми украшениями на лбу, на шее и на руках, с корявым, отполированным временем посохом, но притом — со взглядом и поступью дочери, жены, матери и бабки могучих островных кунсов.

Вернее, старух было две. Однако вторая почти сразу куда-то ушла и вдобавок была гораздо менее видной, — даже не ста-

руха, а, правильнее сказать, бабушка, домашняя, привычная и уютная, как сказка у огонька вечерами в месяце Перелёта, — и на неё обратили гораздо меньше внимания, чем на ту первую, статную, шагавшую по берегу к кораблю.

Возле причаленной «косатки», понятно, в удобных местах стояли дозорные. Так вот, эти дозорные некоторым непостижимым образом умудрились попросту не заметить женщину, шедшую неторопливо и отнюдь не скрываясь. Наверное, она знала свой остров гораздо лучше выросших на Берегу, и самые камни хранили её от лишних глаз. А может, так гласило веление судеб, и это последнее было едва ли не вероятней.

У неё, как у всех оставивших девичество сегванок, красовался на голове волосник, но из-под него являли себя небу две белые косы: знак давнего вдовства и того, что эта женщина утратила материнство.

Несколько молодых воинов топтались по берегу, коротая тягостное ожидание за игрой: выискивали среди гальки плоские камешки и пускали их «блинчиками» по воде. Старуха милостиво кивнула юнцам, словно прощая им их мальчишеское занятие. Парни почему-то страшно смутились — и даже мысли не возымели остановить её да спросить, кто такова и что тут потеряла. Она же бестрепетно приблизилась к «косатке» и, словно имея на то полное право, постучала клюкой по форштевню со снятым с него носовым изваянием.

— Почему мне кажется знакомым этот корабль? — спросила она Аптахара, онемело смотревшего на неё через борт. — Может быть, оттого, что у ходящих на нём очень уж знакомые рожи?.. — Тут уже все уставились на Аптахара, а старуха продолжала как ни в чём не бывало: — Так куда же ты дел моего внука, Аптахар? И за что тебе отрубили правую руку? Уж не за то ли, что ты, старый бездельник, не сумел за ним уследить? Ты, видно, напрочь свихнулся, если отпустил его бродить по острову в одиночку?..

Аптахар открыл рот. И закрыл. Потом снова открыл — и теперь уж не закрывал до тех пор, пока не помянул все до еди-

ной чешуйки коварного Хёгга, в особенности же те, что имели отношение к его охвостью и паху.

— Во имя пупка Роданы, глубокого, словно пещера, и Её ягодиц, подобных двум каменным лбам, разделённым ложбиной!.. — произнёс он наконец, завершая словесное оберегание. — Может ли быть, почтенная Ангран, что это действительно ты?..

Старуха в ответ усмехнулась:

— А ты, верно, надеялся, что меня здесь в первый же год крысы сожрали?

Молодые воины, никогда не бывавшие на острове Закатных Вершин, с почтением и даже не без некоторой робости слушали их разговор. Кто такая Ангран, «одна в горе», было известно каждому.

— Твой внук... — не особенно связно выговорил Аптахар. Язык у него всю жизнь был без костей, но тут он просто не знал, с какого боку начинать объяснять. Столько всего нужно было упомянуть, да всё сразу! И Аптахар сбивчиво продолжал: — С ним был ещё венн, который... ну, кровный враг. И этот... паскудник, с корабля сбежал и мешок венна упёр...

— Я знаю, — отмахнулась старуха. — За ними погнались одичавшие. И загнали в Понор.

— Кто? — переспросил Рысь. Он уже косился на крышку палубного люка, под которой в трюме сохранялось оружие.

— Одичавшие, — повторила Ангран. — Дети наших рабов. Я пыталась помочь им остаться людьми, но не совладала. Наверное, так было predetermined... — Она вздохнула и оглянулась на остров, чтобы негромко добавить: — Иным в назидание.

Рысь нехорошо прищурился. Ему не было дела ни до назиданий, ни до predetermined, ни до того, откуда берутся некоторые легенды. Он знал одно. Кто-то посмел напасть на его кунса. Значит, этот кто-то не должен был увидеть нового дня. Он уже обернулся к остальным молодцам, благо возле «косатки» собрались все, кроме дозорных...

— Остановись! — Ангран лишь чуть-чуть повысила голос, но Рысь так и замер с приоткрытым ртом, на середине начатого

движения. — Какие бы приказы вам ни оставил мой внук, тебя-то никто ещё не избрал предводителем, — продолжала старуха. — Значит, не тебе и распоряжаться.

Она помолчала, обводя глазами могучих, воинственных, горящих неутолённой местью парней. Её глаза, серые, цвета осеннего дождя пополам со снегом, по очереди остановились на каждом, и все без исключения, один за другим, потупились перед нею.

— Моего внука больше нет здесь, на острове, — несколько смягчившись, сказала Ангран. — Он ушёл в Понор, и с ним те двое.

— Мы последуем за ними... — тихо предложил Рысь.

— Когда они ушли, Понор завалило, — был ответ. — Туда больше нет хода. И, вероятно, не скоро будет. И потом, разве ты бросил бы корабль?

Рысь ещё ниже опустил голову. Корабли, особенно боевые «косатки», сегваны не бросали никогда и ни при каких обстоятельствах. Даже спасаясь от вечной зимы, даже уходя по льду с родных островов — тащили их с собой на катках.

— Мы встретим моего внука! — провозгласила Ангран. — Но не здесь. Мы пересечём море и посетим далёкую страну, где я никогда не бывала. Она называется Саккарем...

Отчего-то ни у кого не повернулся язык назвать её слова безумным пророчеством. Аптахар лишь спросил:

— Но откуда тебе всё это известно, почтенная?

— Подруга поведала мне, — с той же безмятежной уверенностью ответствовала Ангран.

— К-какая подруга? — Аптахар тщетно силился что-то сообразить.

— Та, что иногда приходила скрасить моё одиночество, а сегодня проводила меня сюда. Я многое узнала от неё и многому научилась.

Только тут воины вспомнили маленькую женщину, что доброму улыбнулась им, а потом как-то незаметно ушла.

— Она вернётся, чтобы отправиться с нами, или нам её разыскать? — спросил Рысь.

— Не такова моя Подруга, чтобы разыскивать её для плавания на корабле, — усмехнулась Ангран. — Она приходит, когда пожелает и куда пожелает, и нет ей надобности ни в парусе над головой, ни в палубе под ногами.

В другое время и в других устах подобные слова прозвучали бы как неоспоримый признак безумия. Но только не сейчас и не здесь, в виду трёх вечно клонящихся к закату снеговых вершин, которым старуха Ангран выглядела четвёртой и отнюдь не младшей сестрой.

Она взошла, а вернее, восшествовала по мосткам на палубу корабля и опустила на доски небольшой узелок, содержащий, как поняли мореходы, её небогатые пожитки, загодя собранные в дорогу. И правда, много ли имущества нужно женщине, которую ещё двадцать зим назад собственный сын счёл ожидающей смерти старухой? Запасная рубаша (если только она вообще у неё была, в чём Аптахар, например, сомневался), да крючок для вязания, да камушек из-под родного порога...

По приказу кунса Винитара «косатку» не вытаскивали на песок. На случай возможной опасности она стояла готовая к немедленному отплытию: на якоре и растяжках, у приглубого берега, где ей не мог устроить ловушку некстати начавшийся отлив. Уже без дальнейших приказов мореходы принялись отвязывать канаты, зачаленные за выступы валунов, и снимать с паруса плотный кожаный чехол, сохранявший его на стоянке от дождя и сырого тумана. «Косатка» готовилась уходить. Запасы пресной воды были пополнены без промедления, в первый же день, а что касается пищи — какой же морской сегван, да находясь в море, когда-либо оставался без пропитания?..

Вот уже затащили на борт и убрали под палубу мостки, обрывая тем самым последнюю пуповину связи с землёй. Старуха обернулась к берегу и широко раскинула руки, словно желая обнять.

— Прощай, остров! — громко проговорила она, и печальное эхо внятно отозвалось на её голос:

«Прощай...»

— Двадцать зим прожила я здесь одна, ожидая возвращения внука. И, право, не худшими в моей жизни были те зимы...

«Не худшими», — согласилось эхо.

— Ты поил меня и кормил, ты давал мне силы переживать утрату друзей...

«Утрату друзей», — вздохнули утёсы.

— Никогда больше мы не увидимся, мой остров, но ты не печалься!

«Никогда больше...»

— Исчерпано терпение Небес, и ледяные великаны, испоганившие твою красоту, скоро пожалеют, что вообще явились сюда!

«Терпение...» — пообещал берег.

Прощание завораживало, и Рысь, не смея мешать, приказывал людям больше жестами, чем голосом. Корабельщики, привычные во всём полагаться друг на дружку и в особенности на рулевого, работали молча и слаженно. «Косатка» подняла парус и медленно двинулась к выходу из заливчика, обратно в открытое море.

В какой-то миг Ангран приветственно вскинула руку. Мужчины завертели головами... Там, на уплывающем в прошлое берегу, на высокой скале, стояла маленькая женщина. Она тоже махала им вслед. Потом всё заволокло сгустившимся туманом, не стало видно гор, от века господствовавших над островом Закатных Вершин, и лишь утёс со стоявшей на нём подругой Ангран некоторое время словно бы плыл в клубящихся серых волнах, сам смахивая на огромный корабль. Потом заволокло и его. Зато переменялся ветер. Причём совсем неожиданно — потребовалась сноровка, чтобы удержать резко хлопнувший парус, — и так, как в здешних местах ветру меняться не полагалось. Упорно тянувший несколько последних дней с юга, он

словно бы передумал — и прочно отошёл к северу, снова становясь попутным для корабля. Ангран неподвижно и молча стояла на носу, скрестив на груди руки и глядя вперёд. Она больше не оглядывалась. Молодые мореходы понемногу начинали подбадривать один другого шутками, кормщик Рысь, оставшись без привычного водительства кунса, напряжённо хмурился, соображая, как станет прокладывать путь кораблю, добираясь скорейшим способом в далёкую страну Саккарем, — где, как и старуха Ангран, он ни разу не бывал. На корабле понемногу начиналась привычная походная жизнь...

Аптахар же думал о двадцати зимах на острове, превращённом дыханием льдов в безжизненную пустыню. И о женщине, которая прожила эти двадцать зим ожиданием внука. Она не сомневалась, что мальчик, уехавший с острова привязанным, точно пленник, к мачте отцовского корабля, вернётся за ней молодым мужчиной, героем и предводителем воинов. И вот это случилось, и она выходит к его людям и кораблю затем лишь, чтобы узнать — Винитар с ней разминуся. И, не проронив ни слезинки, она тут же берёт под своё начало семь десятков воинственных удалцов — и без малейших сомнений отправляется искать новой встречи с внуком аж на другой конец населённого мира. И, что самое любопытное, люди с охотой слушают её и признают её власть. Хотя вроде бы кто она перед ними? Старуха...

Аптахар невольно подумал, что смерть не приблизилась к бабушке Винитара, не иначе, потому, что убоялась её.

И то сказать — к той, у кого в подругах Богини, просто так не подступишься...

Когда наконец он подошёл к ней, чтобы почтительно пригласить в натянутую возле мачты палатку, Ангран посмотрела на него и невозмутимо осведомилась:

— Нитки есть на этом корабле? Если нет, нужно непременно купить где-нибудь. Путь до Саккарема неблизкий — я пока хоть свадебную рубаху внуку свяжу...

Другой Берег в самом деле оказался настоящим сегванским поселением. Всё здесь было уряжено так, как испокон веку водилось на Островах, причём действительно испокон веку, до Падения Тьмы, когда на родине сегванского племени изобильно рос лес и поля распахивали не только под ячмень для пива, но даже под пшеницу. Видно, не зря большой остров посреди огромного озера пришёлся по сердцу первым вышедшим, вернее, выплывшим из Понора. Теперь здесь стояло несколько длинных общих домов, без которых немислима жизнь сегванского рода, и при них россыпь домиков поменьше, для семейных пар, обзаведшихся отдельным хозяйством. Шумели над дерновыми крышами высоченные, коронованные звёздами сосны...

Подогнав лодку к бревенчатому причалу, юный Атарох тут же кинулся звать людей. Люди появились не вдруг. Насколько успел сообразить Волкодав, отца паренька, старейшину Атавида, не напрасно именовали Последним. Он им и был. Вот уже двадцать лет здешним жителям не доводилось вылавливать из озера соплеменников. Поэтому над мальчишкой, который среди ночи обратил внимание на беспокойство собаки и бросился снаряжать лодку, лишь посмеялись. А он, удивительное дело, привёз-таки гостей. Да каких! Небывалых!..

Ещё бы, ведь раньше из Понора являлись лишь малые дети да глубокие старики. А тут — трое взрослых мужчин! Да из тех-то троих двое — ещё и не сегваны!..

В общем, было сразу понятно, что народ, высыпавший из домов на заполошный крик Атароха, если и уснёт в эту ночь, то очень не скоро.

Волкодав отчётливо видел, как снедает сегванов нетерпение обо всём доподлинно разузнать. Однако на Другом Берегу твёрдо держались обычая Островов, возбранявшего какие бы то ни было расспросы, покуда гость должным образом не накормлен и не обогрет.

Это был поистине очень славный обычай... *Будь здесь Эврих*, невольно подумалось Волкодаву, *ведь наверняка сейчас*

принялся бы рассуждать, отчего это часть племени, очутившись в изгнании или в плену, принимается строго и ревностно, до испуга, блюсти обычаи старины, и такова эта строгость, что потом, при встрече с «главной» родней, та неприятно дивится, вживую видя уже ушедший древний уклад...

Отупевший от усталости разум, случается, порождает весьма непривычные мысли. Венн подумал ещё немного и, кажется, дошёл до ответа. *Это для того, чтобы не одичать. Не позавидеть, кто таковы. А то можно всего за одно поколение стать как те... людоеды с острова Людоеда...*

Да. Будь рядом с ним Эврих, аррант, не иначе, хитро прищурил бы зелёный глаз и сказал ему: «Не только части племён, друг варвар, но и отдельные люди. Некоторые отдельные люди, которых я очень хорошо знаю...» Но Эвриха с ним не было, а Волкодав, глядя на хозяек, торопливо хлопотавших над поздним угощением для гостей, вдруг впервые за несколько лет необъяснимым образом почувствовал себя *дома*. Вот так-то. В Беловодье, среди друзей, в тепле собственноручно выстроенной избы, у него так и не появилось этого чувства. А тут, в глухом углу чуждедальней страны Велимор, под кровом соотчицей Винитара... нате вам пожалуйста.

Угощение тоже оказалось очень сегванским. Почти никакого хлеба (не считать же за хлеб маленькие лепёшки из ячменной муки, вовсе не главенствовавшие на столе), но зато рыба во всех видах — копчёная, жареная, солёная, — и к ней любимая сегванами простокваша, а также пиво и мёд. Причём мёд не только хмельной, но и самый обычный, в маленьких мисочках, да притом с разными ягодами, чтобы макать в него хрустящую жареную рыбёшку. Трое мужчин пытались что-то жевать, почти не чувствуя вкуса и не столько отдавая должное телесному голоду, напрочь задавленному усталостью, сколько уважая святость трапезы, возводившей их, неведомых чужаков, в родство с хозяевами стола. Сегваны с вежливым любопытством поглядывали кто на Мыша, чинно выбиравшего косточки из куска копчёного сига, кто с терпеливым снисхождением — на Атаро-

ха. Мальчишка, едва ли не впервые допущенный говорить за общим столом, гордился непривычным вниманием взрослых и в сотый раз пересказывал, как псица Забава среди ночи стащи-ла с него одеяло и лаем позвала к берегу и как он умудрился вовремя вспомнить, что предки Забавы поколениями сторожи-ли Понор, а значит, и лает она не на дохлого тюленя в воде, а по гораздо более вескому поводу...

Гости клевали носами с недоеденными кусками в руках. В конце концов их уложили спать всех троих под одним необъят-ным меховым одеялом. Двоих кровных врагов — и отравителя-лицедея. Волкодав подумал об этом и сразу заснул, словно уп-лыл куда-то по реке, тѣкшей парным молоком. Так легко и бес-тревожно ему тоже давным-давно не спалось.

Ему даже приснился замечательный сон. Зелѣная поляна возле ручья и на ней — несколько величавых собак. Действи-тельно величавых. Некий случай свѣл в этом сновидении тех, кого он знал в разное время. Саблезубого Тхваргхела, вождя степных волкодавов. Чѣрного богатыря Мордаша. И Старей-шую, владычицу утавегу. Присутствовали и ещё двое, но как бы не во плоти, а зыбкими тенями, глядящими сквозь кромку миров: пѣстрый маленький кобелѣк и косматый великан с пло-хо обрезанными ушами. И, что самое удивительное, издали за псами наблюдал большой волк, а псы не обращали на смертно-го врага никакого внимания.

Сон так и не дал происходившему внятного объяснения, но всё равно это был очень хороший сон. Волкодав преисполнил-ся благодарности — и ощутил, что его благодарность принята по достоинству.

Милостивый Бог Коней даровал горским лошадам Шо-Ситайна копыта из очень твѣрдого рога, не нуждавшиеся в под-ковах. Эти копыта уверенно и аккуратно ступали по мокрому каменистому спуску, который, наверное, большинству иных лошадей показался бы слишком крутым и пугающе скользким. У Ригномера хлюпало в прохудившихся сапогах (а какие были

сапоги! — настоящие сегванские, добротнейшие, рыбьей кожи, самолично подновлённые перед походом, так и те погибали!..), но Бойцовый Петух остался верен себе и в седло так и не сел. Шёл пешком, да не во главе каравана, как полагалось бы проводнику, а в середине, потому что они возвращались на равнину и в город, дорога была хорошо знакома и животным, и людям. Никто не заблудится и без «вожака».

Сёдла двух верховых лошадей оставались пустыми. Между ними были прилажены носилки, устроенные из палаточных деревянных решёток и войлоков, а на носилках лежал Избранный Ученик Хономер. Лежал, редко открывая глаза, и осунувшееся, заросшее щетиной лицо было, что называется, чёрным. Когда он как следует очнётся, он, вероятно, выплет Ригномеру за самолично принятое решение возвращаться. Ну и пускай выплет. Бойцовый Петух видел жизнь, попадал в разные переделки, бывал и на коне, и под конём и твёрдо усвоил, что значит выражение «пошёл по шерсть, а вернулся сам стриженный». Коли уж такое случилось, самое неумное, что можно предпринять, — это продолжать лезть на рожон. Если упорствовать, чего доброго, одной шерстью не отделаешься. Саму кожу сдерут.

Пока, впрочем, Избранный Ученик был менее всего склонен кого-то за что-то ругать. Ригномер помнил, как нашёл его, ползшего на четвереньках. Жрец промахнулся-таки мимо лагеря и неминуемо вновь затерялся бы на Алайдоре, если бы Ригномер, рыскавший с факелом, по наитию не заглянул ещё за одну скалу и не наткнулся на кровавый след на камнях. Когда он подбежал к Хономеру, Избранный Ученик приподнялся и обратил к нему счастливое лицо человека, познавшего озарение свыше.

«Я понял, — с сияющими от восторженных слёз глазами сообщил он Бойцовому Петуху, подхватившему его на руки. — Я понял, зачем несовершенны наши священные гимны. Они и должны быть такими. Иначе мы увлеклись бы любованием красотой стиха и оставили без внимания главное. А так они суть

лишь знаки духовного присутствия Тех, Кому посвящены, и в этой-то добровольной скудости их истинное величие».

Он говорил и говорил ещё, даже зачем-то приплёл резные деревянные образа, используемые языческими племенами для поклонения. Раньше, сколь помнилось Ригномеру, он неизменно издевался над их нарочитой незатейливостью, относя её на счёт убожества веры, а теперь по той же причине едва ли не ставил на одну доску с гимнами своего учения. Ригномер, со всех ног торопившийся к лагерю, не очень слушал его... «Может, — думал он теперь, — оно даже и хорошо, что не слушал! А то кабы не дожидаться, что Хономер, оправившись, припомнит крамолу своих бредовых речей и начнёт доискиваться, не было ли свидетелей. Так вот — не было!..»

Ригномер, твёрдо державшийся праотческой веры, к Избранному Ученику Ближнецов тем не менее относился скорее с теплотой, во всяком случае, уважал его несомненное мужество. Однако на дороге у него становиться не собирался. И даже повода не собирался давать для того, чтобы жрец узрел его у себя на пути. Хономер из тех, кто перешагнёт не задумываясь. Видали мы, как это бывает.

Бойцовый Петух смотрел под ноги, шагая вниз по тропе, и оттого не видел, как далеко наверху, за спинами поезжан, из Зимних Ворот выползло облако, тихо плакавшее холодным дождём. Оно тянулось и тянулось вслед уходившим, словно рука, которая никого не собирается отпускать.

Утром Волкодаву долго не хотелось открывать глаза и возвращаться к бесчисленным заботам бодрствования. Его, впрочем, никто и не торопил, и он позволил себе немного поваляться под одеялом, благо Винитара рядом уже не было, а Шамарган ещё крепко спал, свернувшись калачиком, и легонько посапывал.

Ощущение мехового одеяла по голому телу было для Волкодава одним из обозначений блаженства. Наверное, оттого, что помимо слов говорило о полной безопасности и домашнем теп-

ле. И ещё потому, что было оно, как и почти все иные знакомые ему определения счастья, родом из детства. Из той короткой поры, когда огромный солнечный мир был понятным и добрым, и все были живы и собирались жить вечно, и всё было хорошо...

Волкодав неслышно вздохнул, всё-таки вылез из-под одеяла и стал одеваться. В доме было тепло. Ни с чем не спутаешь это добротное, устоявшееся тепло живого дома, в котором год за годом каждодневно растапливают очаг!.. Так и кажется, что в этом доме непременно должно быть всё хорошо — и будет всегда...

Оставшись один, Шамарган бормотнул что-то, не просыпаясь, и перекатился, выпростав из-под одеяла руку и плечо. Раскрылась подмышка, и Волкодав, уже отворачиваясь, краем глаза заметил маленькую наколку. Настоящую — в отличие от той, что после купания в ледниковых речушках наверняка расплылась и истёрлась на груди лицедея. И такова была эта наколка, что Волкодав раздумал отворачиваться и внимательно присмотрелся, стряхивая остатки дремоты. Под мышкой у Шамаргана темнел необычного вида трилистничек.

Знак Огня, вывернутый наизнанку.

Это означало — угасшее пламя. Прекращённая жизнь.

Морана Смерть...

Нынче ночью под боком у Волкодава спал верный Богини Смерти, из тех, что даже под пытками на вопрос «Кто таков?» отвечали: «Никто...»

Понятно, такое открытие не особенно обрадовало венна, но, правду молвить, не особенно удивило его. Нет худа без добра: по крайней мере теперь кое-что делалось объяснимо. И само имя, верней, прозвище Шамаргана, переводившееся на родной язык Волкодава как «беспутный гуляка». И умение перевоплощаться, далеко превосходившее (насколько мог судить венн) обычные способности бродячих лицедеёв. И его искусство отравителя, которое Волкодаву сначала едва не стоило жизни, а потом его же и спасло, ибо грош цена отравителю, который не ведает противоядий от собственных зелий. *Вот, стало быть,*

ты у нас ещё каков, Шамарган. Что же не убил, хотя двадцать раз мог? Поленился? Или причина была?..

Волкодав поискал глазами свои вещи. Солнечный Пламень, вдетый в ножны, висел на столбе около ложа, и на кожаной петьелке, притачанной к ножнам, спал завернувшийся в крылья Мыш. А вот уцелевшего деревянного меча нигде не было видно. Волкодав вышел из дому. Двор, как и положено хорошему сегванскому двору, спускался прямо к воде. Длинная полоса берега была заботливо расчищена от тростника и камней. В одном конце её Волкодав увидел трёх молодых сегванок, мывших посуду, а поодаль, ближе к причалу, как и ожидал, — Винитара. У того, надобно думать, после вчерашних мучений тоже трещало и жаловалось всё тело, но Боги выковывают вождей из особого сплава. Винитар и не подумал устроить себе поблажку, пока заживёт расшибленная спина. Вооружился деревянным мечом, позаимствованным у Волкодава, и совершал воинское правило, без которого не мыслит прожитого дня истинный воин. Правило, которым он себя трудил, весьма отличалось от того, к которому привык Волкодав, и венн, испытав невольное любопытство, отправился посмотреть.

Сделав шаг, он, однако, чуть тут же не остановился, подумав: *Кабы не решил — иду приёмы выведывать...* Но не остановился, здраво рассудив: *А не решит. Не таков.*

К тому же он был не единственным любопытным, приблизившимся посмотреть упражнения Винитара. На краю причала, на пригретом утренним солнцем бревне, сидел Атавид, отец Атароха. Легко было сообразить, за что его прозвали Последним. Он был последним ребёнком, брошенным в Понор и выловленным из озера жителями Другого Берега. Это произошло более тридцати пяти зим назад. Племя Закатных Вершин населяло свой остров ещё чуть не половину этого срока, но Атавид так и остался последним спасённым младенцем. Не потому, что времена изменились и увечных новорождённых стали выхаживать и жалеть. Просто крепкий и здоровый народ вроде сегва-

нов, даже утесняемый ледяными великанами, не всякий год рождает калек. Тем более таких, как Атавид.

Его правая рука была длиной всего в пядь, а венчало её вместо обычной кисти с пальцами — нечто вроде ступни, мало пригодной для какой-либо работы. Как объяснял в шутку сам Атавид, произошло это, не иначе, оттого, что его брюхатая мамка вязала носки и слишком часто натягивала их на ладонь, вместо того чтобы примерять, как положено, на ногу. Волкодав ещё вчера за столом имел возможность заметить, что среди жителей старше Атавида было впрямь немало калек. И что, в отличие от иных собратьев по участи, виденных Волкодавом прежде, эти люди охочи были подтрунивать друг над другом и каждый сам над собой. И ещё: видимо, в награду за мужество судьба не распространяла увечья на их детей и внуков, не делала его родовым проклятием Другого Берега. От браков калек неизменно рождались здоровые и смышлённые ребяташки.

Вроде Атароха.

Волкодав подошёл к Атаvidу и, поздоровавшись, спросил:

— А где твой сын, почтенный? Боюсь, вчера я не успел его должным образом поблагодарить...

Атавид улыбнулся.

— Мой непоседа, — сказал он, — вчера так спать и не лёг. Чуть рассвело — снова в лодку, и только его видели. Тармаев наловить обещал. — И добавил с законной гордостью: — Никто не ловит тармаев лучше него. И никто не умеет так закоптить их, как Атарох!

Тармаем звалась местная рыба, внешне напоминавшая средних размеров сома: такая же хищная, бескостная и усатая. Те, кто пробовал тармая копчёным, утверждали, что ничего более вкусного на всём свете нет. Нежная рыба таяла во рту, истекая ароматным жирком, от неё было невозможно оторваться, и в дальнейшем при одном упоминании о тармае человек неудержимо захлёбывался слюной. Ко всему прочему, копчёный тармай изывал последствия неумеренной выпивки не хуже знаменитого саккаремского шерха — пряного отвара из требухи —

и так же даровал мужчинам любовную силу. Но, как водится, чудесное лакомство не являлось на стол легко и без хлопот. Хитрая рыба никогда не попадалась на удочку. И забивалась под непролазные коряги, умело избегая сетей. Добывали тармаев только ловушками. Особыми плетёнками, куда привлечённая запахом приманки рыба могла заползти, а вот выбраться не получалось.

— Обычно, — сказал Атавид, — когда мы подаём тармая гостям на пиру, мы предпочитаем не упоминать, что приманкой служит дохлая мышь. Которую, скучая в ловушке, он всегда успевает сожрать...

Вероятно, это было началом осторожных расспросов, ведь по тому, как ответит гость на подобную шутку, тоже можно судить кое о чём.

Винитар опустил меч и усмехнулся. Он сказал:

— И правильно делает. Когда же и попить, как не перед смертью!

Волкодав тоже усмехнулся — и промолчал. В своё время он целых семь лет провёл в таком месте, где крыса, убитая камнем, почиталась за великое лакомство.

— Мой сын, — продолжал Атавид, — отправился ловить тармаев в своё излюбленное место. Тармаи водятся не только там, но выловленные в заливе Кривое Колено, по общему мнению, наиболее жирны...

— Наверное, — с самым серьёзным видом кивнул Винитар, — там водятся необычайно упитанные мыши...

Хозяин дома засмеялся.

— Именно, — сказал он. — Мой сын должен скоро вернуться: посмотрим, какова будет нынче его удача. Нас, может быть, скоро посетит кунс, и Атарох не намерен перед ним осрамиться!

Винитар снова взялся за рукоять и поднял меч перед собой, начиная новое упражнение.

— Кунс? — спросил он как бы даже с ленцой. — Прости наше невежество, почтенный, но мы ничего не знаем про вашего кунса.

— Наш кунс, — с охотой стал рассказывать Последний, — правит не только нами, своими кровными соплеменниками, но и иными, кто пожелал встать под его руку, а таких очень немало, ибо хотя он гневлив и в гневе грозен, но всегда справедлив, как и следует благородному кунсу. Он уже видел свою пятидесятую зиму, у него есть достойные сыновья и не менее достойные дочери, которых он признал и должным образом ввёл в право наследования, но только теперь длиннородый Храмн вложил ему в сердце мысль о женитьбе. Люди говорят, он посватался к равной по знатности и богатству и теперь показывает невесте свои озёра и острова. Третьего дня охотники видели его корабль: должно быть, через ночь-другую он и к нам завернёт. Мы ему как-никак не чужие.

Воинское правило следует совершать в молчании, чтобы ничто не нарушало сосредоточения духа. Тем не менее Винитар снова подал голос:

— Этот ваш кунс... Он родился уже здесь или пришёл из Понора, чтобы стать вашим вождём?

Меч в его руках свистел и плясал, рубашка на груди и спине лоснилась от пота, лицо же оставалось бесстрастно, как будто он единственно из вежливости поддерживал разговор, и лишь второе зрение, то самое, которым Волкодав привык наблюдать всполохи и потоки внутренней силы, позволяло венну судить об истинном состоянии Винитара. Его кровного врага снедало жгучее любопытство. И... робость.

— Нашего кунса, — с законной гордостью объяснил Атавид, — подобрали в озере в тот же год, что и меня, и сделали это жители нашей деревни. Поэтому мы и считаем его себе не чужим. До вас кунс был единственным, кто не оказался ни младенцем, ни стариком, ни калекой. Но, в отличие от вас, он был связан по рукам и ногам. И оглушён. Ему было тогда столько зим, сколько сейчас моему Атароху...

Вот тут Волкодав заметил, что Последний приглядывался к Винитару прямо-таки с необыкновенным вниманием. Собственно, чего и следовало ожидать, ведь семейного сходства не

утаишь. Наверняка пронизательный Атавид давно уже понял, что кое-кто из присутствующих во дворе в самом деле окажется здешнему кунсу отнюдь не чужим.

— Мальчишка происходил из рода вождей, — продолжал Атавид. — Люди поняли это по знакам на его одежде, а более по тому, как он храбро держался в воде, даже связанный и к тому же раненный ударом по голове. А потом нашлись старики, которые просто узнали его. Они подтвердили нам, что это вправду Вингоррих, сын кунса Вингохара, умершего тремя зимами ранее. Вот так у нас появился настоящий правитель. Теперь у нас истинный Старший Род, ничем не хуже других!

— Понятно, — кивнул Винитар. И ничего не добавил.

Атавид же задумчиво произнёс:

— Я иногда думаю: тот, кто теперь ведёт народ Закатных Вершин, какой он? Такой ли, как наш Вингоррих?

Сказано это было со смыслом, но Винитар промолчал. Волкодав решил его выручить.

— Скажи, почтенный... — обратился он к Атаvidу. — В Потаённую Страну ведёт не только Понор, есть и иные Врата. Люди ездят туда и обратно, не встречая препятствий... Если бы кто-то из вас, живущих здесь, вознамерился побывать на родине предков или, по крайней мере, что-нибудь разузнать, это не оказалось бы недостижимо!

Ещё не договорив, он понял по усмешке калеки, что, не желая того, коснулся давней, но отнюдь не изжитой обиды.

— Удобных Врат у нас здесь поблизости нет, — ответил велиморский сегван. — Пускаться в опасное путешествие и тратить несколько лет жизни ради вестей с родины, которая нас выкинула, как мусор!.. — Атавид шевельнул изуродованной рукой. — Нет уж! Если живущему в доме однажды взбредёт на ум проверить, не выбросил ли он случайно что-нибудь ценное, пусть сам наклонится и посмотрит!

— Ты очень разумно беседуешь, Атавид, — сказал Винитар. — Я встречал подобных тебе. Это люди, чьё тело претерпело ущерб словно бы в отплату за избыток ума. Мало чести кун-

су, который избавляется от способных дать мудрый совет, а потом ведёт своё племя туда, где ждёт дурная судьба.

Имел ли он в виду своего отца, прозванного Людоедом, и его поход в веннские земли?.. *А ведь знай люди Островов, подумалось вдруг Волкодаву, что Поно́р — вовсе не поганая дыра на тот свет, а путь в славные и изобильные земли, если бы кто-то всё же вернулся и рассказал, не пришлось бы им таскать корабли по льду на катках, переселяясь на Берег, и терпеть смертные муки, замерзая под пятой ледяных великанов. И кто первым отправился бы обживать новые земли, если не племя Закатных Вершин?.. И всё было бы по-другому, и не угас бы в лесах над Светынью маленький веннский род — Серые Псы...*

А может, кто-то и возвращался, и пытался рассказывать, да люди не верили?..

У всякого хозяина душа горит скорее послушать рассказ о чудесных приключениях гостя. И уж в особенности если дом стоит в глухом углу вроде Другого Берега, а гость появился такой, что от его рассказа невольно ждут многого. Но если видит хозяин, — пришлый человек почему-либо не готов начинать откровенную повесть, — настаивать грех. Лучше подождать, пока незнакомец осмотрится в доме и разговорится сам. А не разговорится — что ж, его право так и уйти, не открыв имени-прозвища и ничего о себе не поведав. Даже Богам случалось неузнанными скитаться среди людей, испытывая гостеприимство Своих земных чад. И все помнили, что бывало с теми, кто, движимый подозрительностью или неумеренным любопытством, силой пытался вытянуть у чудесных гостей, кто таковы.

Оттого Атавид, поняв, что светловолосый воитель с лицом близкого родича кунса никак не желает отзываться даже на явные намёки, отступил без обиды и раздражения и стал просто смотреть, как тот плясал и кружился, вновь и вновь заноса тяжёлый деревянный меч... и, между прочим, тем самым о себе немало рассказывая. Сам Атавид никакого оружия, кроме

рыболовной остроги, отродясь в руках не держал. И даже не потому, что увечье мешало. Просто не было необходимости. По озёрам и островам кругом деревни никогда не шалили разбойники, торговые пути, видевшие богатых купцов, пролегли весьма далеко, красть у здешних жителей было особенно нечего, а если кто и удумал бы злое, тот вряд ли легко миновал бы кунса Вингорриха и его молодцов в лёгких, быстрых лодьях. Однако глаза Атавиду даны были не зря, он кое в чём разбирался и, узрев мастерство, способен был его распознать. И он безошибочно видел, что к нему припожаловал из Понора не просто воин, привычный сражаться. Это был вождь. И потомок вождей. Что будет, когда он встретится со своим... дядей по отцу, надобно полагать? И чем эта встреча родни отольётся его, Атавида, деревне?..

Старейшина смотрел на упражнявшегося Винитара, подперев здоровой рукой подбородок. Во всяком случае, он ни в чем не мог упрекнуть ни себя, ни своего сына. Особенно — сына. А это было самое главное.

До прошлой ночи знакомство Волкодава со страной Велимор ограничивалось порубежным замком Стража Северных Врат семь лет тому назад. Крепость принадлежала Велимору, но стояла вне его границ, охраняя одно из знаменитых ущелий со скалами, смыкающимися над головой таким образом, что увидеть разом и привычный мир, и Потаённую Страну никому ещё не удавалось. Помнится, в то время жизнь подкинула Волкодаву с избытком разных невесёлых забот, а потому, находясь совсем рядом, в удивительном ущелье он так и не побывал. И вот теперь он опять соприкоснулся с Велимором, и опять подле него был кунс Винитар...

Волкодав сидел на заднем дворе, греясь на ласковом послеполуденном солнышке, и размышлял, было ли это случайным совпадением. Может, Боги тыкали его, как щенка, носом в одну и ту же лужу, а он, бестолковый, всё не мог уразуметь, чему его хотят вразумить?..

Пахло сквашенным молоком. Под свесом крыши бревенчатого амбара висело несколько объёмистых бурдюков. В них отделялись от сыворотки плотные сгустки: готовился знаменитый козий сыр, который никто, даже народы прирождённых пастухов вроде халисунцев, не умели готовить так, как сегваны. И при этом жителям Другого Берега, выходцам с голодных Островов, была присуща ценимая веннами добродетель бережливости. У них ничего не пропадало даром, в том числе сыворотка, которую в том же Халисуне в лучшем случае отдали бы свиньям. Только дома у Волкодава из этой сыворотки напекли бы на всю деревню оладий или блинов. А здесь скорее всего оставят бродить и сделают хмельной напиток...

С той стороны амбара доносился перезвон струн и голос Шамаргана, сопровождаемый хихиканьем девок. Шамарган пел по-сегвански, словно прирождённый сегван. И баллада была из тех, что любили на Островах: про то, как Храмн, кунс всех Богов, явился соблазнять синеокую Эрминтар и какое препирательство вышло у него с упрямой красавицей. Вот только Волкодав, слыхавший в разное время немало сегванских баллад, от величественных до вполне непристойных, именно этой что-то не припоминал. История гордой Эрминтар, ответившей отказом величайшему из небожителей, была вывернута забавным и неожиданным образом. Распалённый страстью Бог так и этак расписывал свою постельную удаль, не впадая, впрочем, в похабщину, а Эрминтар всякий раз находила, чем его срезать.

«Ты думаешь, лишь борода у меня велика?
Потом не захочешь и знать своего муженька!» —
«Большая колода — большой и безжизненный груз,
А маленький шершень как цапнет — седмицу чешусь!»

Волкодав рассеянно слушал. Насколько ему было известно, ещё лет двадцать назад о Богах-Близнецах складывались песенки, наперченные куда как покруче той, что распевал Шамарган. Причём складывались самыми что ни на есть горячими поклонниками Двуетиных. Про то, например, как Смерть

решила известить Близнецов и, обернувшись молодой женщиной, отправилась за их головами. Да только Братья, не растерявшись, взяли красавицу в оборот, и так ей понравились их объятия и поцелуи, что Незваная Гостья не только оставила Близнецов до срока в покое, но и стала с тех пор иногда давать пощадку влюблённым... Теперь всё изменилось, и песни стали другими. Теперь на острове Толми, в самом главном святилище, сидели люди, должно быть ещё в детстве разучившиеся смеяться. Нынешнее поклонение было предписано совершать сугубо торжественно и коленопреклонённо. В храмах без конца рассуждали о мученической гибели Братьев, ни дать ни взять забыв в одночасье, что кроме мгновения смерти была ещё целая жизнь, и её, эту жизнь, наполняло всё: и великое, и страшное, и смешное. Так вот, с некоторых пор было разрешено вспоминать лишь о возвышенном и скорбном. А за шуточки, в особенности малопристойные, запросто и в Самоцветные горы можно было угодить. Волкодав в глубине души полагал, что глупее при всём желании трудно было что-то придумать. Что же это за верование, которое изгоняет из себя смех? И долго ли оно такое продержится?.. Ведь сильные и уверенные в себе всегда охотно смеются, не обижаясь на остроумную шутку. И, наоборот, знаков раболепного почтения требует лишь тот, у кого мало причин для уверенности, что его действительно чтят.

«Я тысячу раз до рассвета тебя обниму.
Две сотни мужей не соперники мне одному!» —
«Звенит комариная рать мириадами крыл,
Но взмахом орлиным разогнана мелкая пыль». —
«Божественный огонь мой неистовый жёсл изольёт,
Гремящая молния в лоне твоём пропоёт!» —
«Не молния греет, но милый очажный огонь.
А гром — ну ты помнишь, чему уподобился он».

Девчонки, окружавшие лицедея, дружно залились смехом. Все помнили, какое словцо в вежливой беседе заменялось словом «греметь».

Солнце дарило тепло, изгоняя из костей холод, принесённый с острова Закатных Вершин. Вот что интересно, думалось Волкодаву. *Мир Беловодья, где мне выпало попутешествовать, похож на мой собственный почти как близнец. Зато люди там живут другие. Ну, то есть не совсем другие, но как бы отсеянные. Беловодье принадлежит тем, кто возвысился до духовного запрета на отнятие человеческой жизни. Меня по большому счёту, наверное, не стоило туда пропускать... А Велимор населён самыми обычными людьми, дружелюбными и не очень, потомками тех, кто в разное время просто забрёл сюда и остался жить... да только сам Велимор на наш мир не похож нисколько. Вместо холодного моря и стынущих во льду Островов — что-то вроде Озёрного края в Шо-Ситайне, куда я так и не дошёл. Хорошо хоть такие же ёлки растут, не то что в какой-нибудь жаркой стране, населённой чернокожими... И это небо. На Островах в летнюю пору день от ночи не разберёшь, а тут — чернота и в ней созвездия, даже отдалённо не сходные с нашими. Днём разница незаметна, зато ночью суцая жуть... Почему?..*

Волкодав в который раз пожалел, что рядом не было учёных путешественников вроде Тилорна или хоть Эвриха. Уж они бы, наверное, сразу истолковали причину. Особенно Тилорн, числивший свою родину возле одного из неведомых солнц. Вот кто всё знал про звёзды. «Вселенная полна движения, — когда-то рассказывал он Волкодаву. — Неподвижность не свойственна существу. То, что мы в своей повседневной жизни принимаем за неподвижность, есть лишь кажимость. Вековые скалы на самом деле мчатся вместе с Землёй быстрее всякой стрелы: всегда найдётся точка, с которой это будет заметно. И даже звёзды не стоят на месте, друг мой, хотя бы нам так и казалось. Просто их движение столь непомерно величественно, что мы в мимолётности нашей жизни не способны за ним уследить. Но, если бы мы составляли подробные карты небес хоть через каждую тысячу лет, мы увидели бы, как постепенно меняется рисунок созвездий...»

Волкодав почесал затылок и стал задумчиво смотреть на ворону, подобравшуюся к самому большому бурдюку. Неожиданная мысль посетила его. *А что, если здешнее небо — то же самое наше, но только... как бы это сказать... отнесённое по времени? Что, если удар Тёмной Звезды, вышибивший друг из друга три мира, не только перекроил пространство и придал Беловодью его особые свойства, но и странным образом исказил время, оставив Велимор болтаться на пуповинах нескольких Врат, хотя в действительности время здесь отличается от нашего на тысячелетия?.. И знать бы ещё, вперёд или назад?.. Может ли быть такое вообще?..*

Продолжая рассеянно наблюдать за вороной, Волкодав положил себе нынче же ночью постараться найти хоть какие-то знакомые звёзды и, если удастся, попробовать зарисовать их здешнее окружение. Вдруг представится случай показать рисунок тому же Тилорну? Или другому достославному мудрецу, толкователю звёзд, который возьмётся проверить догадку?.. Это было бы весьма интересно, ведь даже у Зелхата Мельсинского «другие» небеса Велимора просто упоминались как данность, а попыток объяснения не делалось...

Ворона обосновалась на бурдюке, хитро покосилась на венна — и, примерившись, долбанула клювом по туго натянутой коже. Бурдюк, конечно, был прочным, но надо знать силу удара вороньего клюва. И сообразительность птицы, безошибочно определившей на плотном мешке местечко потоньше. Бурдюк словно шилом пырнули. Вырвалась тонкая, как спица, длинная блестящая струйка. Она ударила в обширный лист лопуха, произведя резкий шлепок, и лист покачнулся.

...И Волкодав мгновенно забыл все свои рассуждения о чудесах небес Велимора и даже рисунок, предназначенный для показа учёному звездослову. Спасибо им, этим рассуждениям, на том, что они, как воинские правило, которое готовит тело для боя, разогнали его мысль, подготовили разум к восприятию гораздо большей и важнейшей догадки. Спасибо им — да и позабыть. Пусть другой кто додумается, а нет, и не важно. Ибо

все звёзды Велимора не стоили выеденного яйца рядом с тем великим откровением, которое только что на него снизошло.

Пещера. Дымный чад факелов... Шипение, грохот и страшные крики людей. Тонкие, прозрачные лезвия подземных мечей, разящие из трещин в стенах и полу. Облака горячего, невозможно горячего пара. Брызжет и растекается вода, неизменно появляющаяся вслед за мечами...

Нет, не вслед! Те мечи и БЫЛИ ВОДОЙ! Ледяной зал в Бездонном Колодце. Арки, колонны, столбы, замысловатые наплывы застывшей воды. Но не той, что стекала сверху потоком. «Она была снизу!» — удивлялся Тиргей. Голова халисунца Кракелея Безносого, вмёрзшая в лёд. Голова, срезанная с плеч... нет, не клинком подземного Божества, оскорблённого вторжением в заповедные недра. Человеческую плоть рассекла струя воды. Со всем как та, что бьёт наружу из бурдюка. Только здесь всего лишь козья шкура с будущим сыром внутри. А под Самоцветными горами — напряжённый гнойник Земли, обманчиво затянутый сверху камнем и льдом. Если на человеческом теле проколоть вырвавшийся чирей, его содержимое и то вырвется струйкой. А тут — Земля!.. И её гной — чудовищно стиснутая и накалённая вода подземных мечей. Там, под горами, в расколотой глубине не первое тысячелетие тает Тёмная Звезда. Я видел её падение, когда лежал у Винитара на корабле и моя душа совсем было покинула тело. Зря её саккаремицы называют Камнем-с-Небес. Надо было — Льдиной-с-Небес...

Почему я раньше не догадался?

И почему не догадались другие, умней меня и гораздо учёней?

Двери, тяжёлые ворота, отлитые из несокрушимой бронзы, притащенные на двадцать девятый уровень и установленные у входа в опасный забой. Хозяевам рудников следовало благодарить за те бронзовые створки всех Богов сразу. Они удержали напор водяных мечей толщиной в человеческий волосок и не выпустили погибель наружу.

В тот раз Самоцветные горы остались стоять.

А вот если бы вырвался Меч толщиной с саму эту дверь...

Истинную правду говорят люди, утверждая: слишком умные долго на свете не живут. Они либо отравляются собственной премудростью, не умея передать её другим людям, словно неудачливые кормилицы, у которых перегорает оставшееся невостребованным молоко... либо им помогает покинуть сей мир кто-нибудь не столь высоко устремлённый умом, но зато гораздо более приспособленный к жизни. Сколько Волкодав в своё время втихомолку посмеивался над Эврихом, который вечно забывал смотреть под ноги, и не только в переносном смысле, но и в самом прямом... Посмеивался, ведать не ведая, что однажды и сам поведёт себя в точности так же!.. Он даже вздрогнул, запоздало сообразив, что уже некоторое время слышит за спиной близящиеся шаги, слышит — но ничего по этому поводу не предпринимает, даже не оборачивается. Он обернулся и увидел Винитара.

Сын Людоеда протянул ему, возвращая, его деревянный меч. Волкодав обратил внимание на то, как он это проделал. Если судьба приводит передавать меч — всё равно, деревянный или стальной — человеку, которого не хочется оскорблять, но от которого и неизвестно, чего можно дожидаться, меч дают ему по крайней мере так, чтобы не сумел сразу схватить и ударить: череном под левую руку. Так поступают все воины. Деревянный меч, очень грозное на самом деле оружие, покоился на ладонях сегвана рукоятью Волкодаву под правую руку. Знал ли Винитар, что венн обеими руками владел одинаково хорошо?.. Может, и знал. Но отдавал меч, как отдают его только старшему или равному, и притом заслужившему всяческое доверие.

Волкодав поклонился и взял.

— Старейшина беспокоиться начал, — сказал молодой кунс. — Сыну его давно бы пора возвратиться, а мальчишки ни слуху ни духу.

К вечеру беспокойство старейшины Атавида переросло в снедающую тревогу. Молодые сегваны, ровесники Атароха, приготовили лодки, чтобы с рассветом отправиться на поиски.

Пустились бы и прямо сейчас, да боялись разминуться с ним в темноте, если он всё-таки возвращался. И, главное, было не очень понятно, где вообще его следовало искать.

— Может, у него ловушки оказались пустыми, — пыталась утешать Атавида старшая дочь. — Он и перебрался куда-нибудь, где лов сулил оказаться удачней...

Атавид пробурчал что-то в том духе, что, мол, с сыном он по его возвращении вот уж поговорит, да так, что тот пару седмиц потом в лодке будет грести единственно стоя. Волкодав слушал разговоры сегванов и не встревал. По его глубокому убеждению, на поиски следовало отправиться уже давно. И притом с собаками, обученными вынюхивать человеческий след. Они хоть в тридцать третьей по счёту бухточке на берегу, но рано или поздно что-нибудь да учуяли бы. И вообще венн исполнился самых скверных предчувствий. Если такой обязательный и крепкий на слово парень, каким знали Атароха, вдруг пропадает неизвестно куда, отправившись по пустяковому делу, добром это обычно не кончается. Но старейшина был всего менее склонен спрашивать мнение гостя, и Волкодав помалкивал. Милостью Богов, ещё, может, всё обойдётся. Да и, если подумать, не имели хозяйские тревоги большого касательства до троих переходящих людей, готовых хоть завтра отправиться с Другого Берега дальше...

Когда совсем сгустились сумерки, у кромки озера разложили большой костёр. Чтобы Атарох мог увидеть его с воды и вернее направиться к дому. И ещё затем, что до утра всяко никто не собирался ложиться, а у живого огня, как известно, коротать ожидание всегда веселей.

Довольно скоро в дальних отсветах появилась остроносовая лодка, и люди с радостными криками побежали прямо в мелкую воду — встречать. Однако радость длилась недолго. Это оказался не Атарох, а всего лишь седобородый старик из соседней деревни. Он выбрался из лодки, держа под мышкой жалобно поскуливающего щенка.

— Я на Земляничный остров ездил за ягодами, там нашёл. Ещё и в руки дался не сразу, напугали его... Ваш вроде?

Жалко было смотреть на враз помертвевшего Атавида. Уезжая утром, его сын взял с собой неизменную спутницу, лайку Забаву. И её щенка, малыша Звонко, оставленного из последнего помёта на племя.

Спущенный с рук наземь, Звонко сперва беспокойно завертелся на месте: где оно, привычное ощущение уютного и безопасного логова? Куда приткнуться на знакомом дворе, если рядом больше нет ни мамки, ни хозяина?..

Потом, будто что-то услышав, он насторожил уши и затрусил прочь от воды. Там, за костром, припав на одно колено, сидел Волкодав. Сидел и смотрел на щенка, и кое-кто из видевших клялся потом, что глаза у него светились, отражая огонь. А тень за спиной вздрагивала, вытягивалась и металась, делаясь временами жутковато похожей на тень сидящей собаки. Подбежав к венну, Звонко не повалился перед ним на спину, отворачивая мордочку, как обычно делают щенки, повстречавшие старшего пса. Он привскочил передними лапками ему на колено и затыкал, глядя прямо в глаза. Оторопело смотревшим сегванам сделалось холодно: щенок что-то рассказывал человеку, — или не совсем человеку? — только вчера выловленному из Понора. Волкодав протянул руку, провёл ладонью по его голове, по ушам... Поднял глаза, вновь блеснувшие звериной зеленоватой бирюзой, и медленно выговорил:

— Твой сын теперь у Небесного Отца Храмна и у Матери Роданы, Атавид.

Страшные это были слова и такие, которым человек до последнего отказывается поверить, оберегая призрак надежды. Но здесь, у костра, они прозвучали как-то так, что старейшина сразу понял: сказана правда. Надеяться не на что.

И кто только выдумал дурацкое присловье про беду, которая «постучалась»-де в дом? Если бы она стучалась, преду-

преждая о себе и испрашивая позволения войти!.. Нет, она просто выламывает двери, даже запертые самыми крепкими засовами: любовью родительской да братской...

В мире Волкодава и Винитара сегваны, переселившиеся на Берег, ещё говорили на родном языке, не признавая иных. Но двадцать восемь разных наименований для разных волн помнили только некоторые старики. Молодые говорили просто «волна», хотя раньше такое было немыслимо, да и слова-то, обозначающего «волну вообще», почитай что и не было.

Язык велиморских сегванов не испытал столь прискорбных утрат. Более того, они упорно именовали свои озёра «морями», а лодьи вооружённой свиты своего кунса — «косатками». Хотя правильнее, пожалуй, было бы называть их «щуками». Для плавания среди Малых Островов не требовались большие корабли, способные противостоять океанским штормам. Да и тесновато было бы им в узких затоках и извилистых, мелководных проливах. Люди кунса Вингорриха ходили на узких, вёртких, но при этом довольно вместительных лодках, а настоящая «косатка» имела всего одна. Морской народ выстроил её очень, очень давно, когда кое у кого ещё были мысли вернуться. Но с тех пор, как выяснилось, что морских Врат, ведущих из Велимора и способных пропустить судно, ещё не разведано, — её стали тревожить плаванием всё реже. «Косатки» строятся на века, однако никакой корабль долго не проживёт вытащенным на сушу. Наверное, злополучная «косатка» так и разохлась бы в сарае, не видя солнца и ветра. Но появился юный кунс Вингоррих, и, когда спасённый из озера отрок повзрослел и люди Малых Островов снова обрели проводителя, да не какого-нибудь, а из хорошего Старшего Рода, — у «косатки» снова завёлся хозяин. И хозяин, по общему мнению, очень достойный.

Во всяком случае, Винитар, глядя с подходившей к берегу рыбацкой лодки, ревниво оглядел стоявший у причала корабль — и не нашёл повода для придирки.

Остров, где остановился кунс, назывался Шесть Ёлок. Легенда гласила, что люди, первыми побывавшие здесь в стародавние времена, немало подивились шести деревьям, росшим из одного могучего корня. Раз нашлось чему удивляться, значит, ели уже тогда были пышными и высокими. С тех пор миновали века, и кто сказал, будто ель живёт всего триста лет? Шесть красавиц по-прежнему лишь посмеивались над снегопадами и ветрами, а подгнивать и валиться вовсе не собирались.

Понятно, именно под ними и должен был совершиться кунсов суд. На острове уже знали, что с Другого Берега едут за справедливостью, ибо совершилось убийство. Винитар пристально смотрел вперёд, стараясь высмотреть родича, но того пока нигде не было видно.

Когда Волкодав передал *рассказанное* ему щенком, и чуть позже его повесть самым плачевным образом подтвердилась в малейших подробностях, — старейшина Атавид, у которого в одну ночь зримо прибавилось седины, прямо над телом сына едва не проклял троих пришлецов, ни дать ни взять накликавших ему несчастье. Так шады Саккарема когда-то казнили гонцов, доставивших скверные вести.

«Атарох был нам не чужим, — сказал старейшине Винитар. — Не назовут люди достойным, если его гибель останется неотомщённой. Убийцу видели, значит, найдётся и способ воздать ему по заслугам».

«Видели?.. — с горестным смешком переспросил Последний. — Кто видел? Щенок?..»

«Разве этого не довольно для справедливости? — подал голос Волкодав. — Когда дворовый пёс хватается грабителя, никто не говорит, что там должен быть ещё и хозяин...»

Атавид отмахнулся:

«Ты хочешь, чтобы я и кунса заставил принять такое свидетельство?»

«Перед ним, — сказал Винитар, — я сам встану, если ты мне позволишь. Я знатного рода, старейшина. Меня называли бое-

вым кунсом, и я не случайно попал на остров Закатных Вершин, а там и в Понор. Ваш Вингоррих — дядя мне по отцу».

«Об этом я и сам уже догадался...» — устало кивнул Атавид.

Винитар же подумал и добавил:

«И я не побоюсь рукопашной, если справедливостью кунса дело не ограничится и потребуется призвать справедливость Богов».

Атавид снова кивнул, на сей раз с пробудившейся благодарностью. Вот так и было решено проверить, стоил ли кунс Вингоррих тех тармаев, которых наловил для него Атарох и которые валялись рядом с его телом, раскиданные в траве.

Рыбачья лодка причалила к берегу, встав совсем рядом с великолепной «косаткой».

Для предводителя под сенью праведных ёлок было уже устроено нечто вроде стольца. Согласно установлениям предков, им служила скамья гребца, снятая с «косатки» и возложенная на два деревянных обрубка. Установление было мудрым. Пусть тот, кто выносит приговор, забывая о чести, не надеется на верную службу своего корабля!

Когда приехавшие выбрались на берег и должным образом расселись на земле, кунс вышел к ним из палатки.

— Помнишь, как люди когда-то смеялись над нами, сегванами? — поздоровавшись, сказал он Последнему. — Они говорили, будто у нас есть сказания про любовь, вражду и всякие смешные похождения, но нет самых забавных — про то, как было содеяно преступление и разыскивали виновных. Это оттого, что у нас убивший всегда выходит к ближнему двору и подробно рассказывает, что он сделал и почему. Так вправду и было когда-то. Но теперь у нас тоже завелись не-мужчины-не-женщины, которые убивают исподтишка и бегут, никому не открывшись!.. Что же произошло с твоим сыном, старейшина?

Кунс был крупным светлородым мужчиной, очень похожим на своего младшего брата, прозванного Людоедом, только,

в отличие от брата, Вингоррих не нашёл к зрелым годам вислого брѹха, сохранив и воинскую статью, и осанку вождя.

Атавид ответил ему так, как у него было уговорено с Винитаром:

— Горе лишает мои мысли ясности, благородный кунс, а язык — красноречия. Позволь, вместо меня станет говорить другой, тот, у кого получится лучше.

Винитар поднялся рядом с ним, прямо глядя на кунса.

— А ты кто ещё, парень? — спросил Вингоррих. — Что-то я тебя не припомню!

— Ты и не можешь помнить меня, — ответил ему Винитар. — Потому что я родился на нашем острове спустя годы после того, как ты был сброшен в Понор. Люди зовут меня Винитаром, сыном кунса Винитара, называемого также Винитарием, с острова Закатных Вершин.

Нельзя утверждать, чтобы Вингоррих при этих словах совсем не испытал потрясения или сумел полностью его скрыть. Однако оправился он гораздо быстрее, чем можно было бы ожидать. Он сказал:

— То-то я смотрю, больно рожа знакомая, вот только понять не мог почему!.. За что же тебя скинули в Понор, родич? Наверное, у тебя тоже завёлся младший брат, возжелавший стать кунсом? Или, может быть, с отцом не поладил? Если он поднял руку на брата, значит, и от сына избавится не задумываясь...

Речи Вингорриха хлестали крапивой, но Винитара было очень трудно смутить. Ему случалось водить в морской бой «ко-сатку» — чего его дяде, надобно думать, не доводилось ни разу. Он служил Стражем Северных Врат Велимора — опять же в отличие от дяди, очень редко покидавшего Малые Острова... У него только скулы резче обозначились на лице. Он ответил:

— Мой отец увёл племя на Берег, но это не принесло ему удачи, и семь зим назад он был убит. И меня не скидывали в Понор, я шагнул туда сам. И ещё, помнится мне, кунс, мы собрались здесь, чтобы справедливо рассудить об убийстве, а не болтать о нашем с тобой родстве.

Это был очень дерзкий ответ. Иные после рассказывали, что даже священные ёлки укоризненно зашумели ветвями, колеблемыми ветерком. Люди Вингорриха, широким полукольцом рассеявшиеся по другую сторону дерева, стали переглядываться, переговариваться, качать головами. Они не припоминали, чтобы их кунсу кто-либо так отвечал. Два его старших сына, ровесники Винитара, сидевшие с воинами, даже вскочили на ноги — заступиться за батюшку, словом ли, силой ли вооружённой руки... Более разумные схватили их за одежду, уговорили вновь сесть.

Что до самого кунса, он понял то, что следовало понять. Не мальчик стоял перед ним, племянник, дитя преступного брата, которого он наконец-то принудит держать ответ за отца. Перед ним стоял равный. Зрелый мужчина, вождь воинов. И считать-ся с ним следовало как с вождём.

И Вингоррих бросил сквозь зубы:

— Излагай своё дело.

— Юный сын старейшины Атавида, звавшийся Атарохом, отправился в лодке проверить ловушки, поставленные на тармаев, — заговорил Винитар. — Две ловушки оказались пустыми, и он, сменив в них приманку, решил подождать. Этих рыб он хотел закоптить к твоему приезду, кунс. Но накануне в деревне выдалась очень беспокойная ночь, и никто не назовёт признаком слабости то, что отрок уснул в траве под кустом. Следует ещё рассказать, что с Атарохом была его лайка Забава. И щенок от неё по имени Звонко. Сын старейшины проснулся от лая и визга и увидел, что к песчаному берегу неподалёку причалила лодка, а в лодке — знатная госпожа и с ней воин. Госпожа пожелала выкупаться, и к её одежде подобрался любопытный щенок. Воин поднял его за шиворот и вертел так и этак, лайка же, беспокоясь о своём малыше, бегала кругом них и жалобно лаяла, умоляя отпустить сына...

Атавид слушал молча, опустив голову. Винитар вправду излагал дело куда более складно, чем получилось бы у него самого. Последний почувствовал, как начали жечь глаза слё-

зы. «Я непременно снова женюсь, — подумал вдовый старейшина. — Мы родим ещё детей, и старшего сына я назову Ата-рохом...»

Он сидел, опустив голову, и не видел, как при упоминании о знатной госпоже потемнел лицом Вингоррих. Знатная госпожа на несколько дней пути окрест была только одна.

В отличие от старейшины, Винитар видел всё.

— Атавид подошёл к воину и попросил отдать щенка, потому что его собаки, не имея в сердцах зла против людей, ни в чём не могли провиниться, — продолжал он ровным голосом. — «Щенка пожелала взять госпожа, — отвечал ему воин. — Пусть будет ей забавой». Атавид сказал ему, что для госпожи найдётся семь раз по семь других щенков, гораздо забавнее, красивее и пушистей, но именно этого отдать никак невозможно, потому что он особенный. «Ах, особенный? — засмеялся воин. — Тем лучше». Тогда Атавид хотел выхватить у него лайчонка, но воин отмахнулся, ударив его по лицу. Атавид отлетел и упал, угодив виском на торчавший корень, и от этого ему пришла смерть. Сука же Забава, видя гибель хозяина, бросилась на мужчину и укусила его за руку. Воин пнул её ногой, чтобы отогнать. Сапог сломал ей рёбра, и осколки достигли сердца, и от этого ей пришла смерть. Но прокушенная рука ненадолго разжалась, щенок упал на землю и убежал. А госпожа с воином сели в лодку и отчалили прочь. Вот так, справедливый кунс, были убиты сын старейшины и добрая лайка, и только из-за того, что госпоже приглянулся щенок.

Винитар замолчал. Стало тихо. На священных ёлках не шевелилась ни единая хвоинка. Такая тишина бывает перед грозой, когда низкое небо вот-вот вспорет первый раскат.

— Что же это за высокородная госпожа, о которой ты говоришь? — хмуро осведомился Вингоррих.

— Её имя ни разу не прозвучало там, на берегу, справедливый кунс. Но волосы у неё были покрыты красно-жёлтой бисерной сеткой. И, когда они отплывали на лодке, воин поставил парус, раскрашенный алыми и жёлтыми треугольниками.

Велиморцы стали переговариваться громче прежнего. Они-то знали, что в нескольких сотнях шагов, там, где на удобной зелёной поляне раскинулся нынешний лагерь кунса, стоял красно-жёлтый шатёр. А в шатре дожидалась жениха государыня Алаша, дочь кониса нарлаков, исстари обосновавшихся на Западном берегу. Красное и жёлтое были цветами его стяга. И, ясное дело, у знатной невесты была своя свита, снаряжённая заботливым батюшкой. И в той свите среди усердных слуг и почётной охраны, скучавшей в мирном краю, имелся телохранитель Имрилл. Не далее как третьего дня сменивший привычную нарлакскую кожаную безрукавку на рубашку с полными рукавами. Его, конечно, не спрашивали о причине. Но теперь кое-кто припомнил задним числом, что Имрилл вроде как берёг левую руку...

У кунса Вингорриха было лицо человека, уже привыкшего к мысли об исполнении некоей приятной мечты, — и нате вам пожалуйста, в последний миг является кто-то со стороны и своей злой волей всё рушит.

— Позвать сюда Имрилла! — рявкнул он, обращаясь к сыновьям. Именно к сыновьям, хотя кругом полно было воинов и прислуги, готовой бежать по его первому слову, ибо на кого же в злосчастьи опереться родителю, как не на взрослых детей?.. Сыновья исчезли в лесу, а кунс вновь повернулся к неподвижно стоявшему Винитару, чтобы спросить с горечью: — Ты понимаешь хоть, на кого возводишь поклёп?..

— Понимаю и сожалею, родич, — отвечал Винитар. — Но зло уже совершилось, и его не отменишь. Можно лишь остановить его, чтобы не множилось оно на этой земле.

Вингоррих пристукнул кулаком по корабельной скамье, на которой сидел:

— Да кто он, ваш изветник?* Тот, кто якобы всё видел и слышал, но из-за лени и трусости не вмешался и ничего не сделал?..

* *Изветник* — тот, кто обвиняет, жалуется, доносит, и в особенности — несправедливо.

Винитар оглянулся, и жители Другого Берега расступились, пропустив вперёд девушку в наряде невесты. Как полагалось на Островах, её голову покрывал волосник, связанный бережно хранимым прабабкиным костяным крючком из шерсти белой овцы, но, в отличие от полного убора мужатой, лишь обрамлял лицо, не пряча волос. Да и волосы не были связаны таким сложным узлом, оберегающим счастье замужества, а свободно падали светлыми волнами чуть ли не до колен. На самом деле бедный Атарох в свои пятнадцать зим если и задумывался о женитьбе, то разве что очень издалека. Однако теперь это не имело никакого значения. По вере сегванов, если мужчина покидал земной мир неженатым, подобная неполнота земных дел не давала ему достигнуть Небес, обрекая на бесприютные скитания в сумеречных краях. Поэтому, если умирал парень, ещё не познавший жены, его погребение становилось одновременно и свадьбой. Ему избирали невесту, которая после называлась его вдовой; когда впоследствии она выходила замуж, её первый сын считался ребёнком умершего. Где-то в иных краях, особенно в старину, считалось праведным делом, когда избранная посмертной женой шла за мужем в могилу, но закон Островов был мудрей. Жители суровых побережий, чьих мужчин часто забирал к себе океан, почитали наихудшим несчастьем гибель наследников и прекращение рода.

Та, что у погребального костра Атароха стала ему невестой перед людьми и Богами, минувшей зимой плясала с ним на празднике Нового Солнца. И, может быть, успела разок почувствовать у себя на щеке его робкие губы. Теперь она стояла рядом с Винитаром, бледная от волнения, решимости и страха, и держала на руках щенка. Лайчонка Звонко, сына суки Забавы.

Кулак кунса Вингорриха вновь тяжело опустился на твёрдое дерево корабельной скамьи:

— И это весь ваш свидетель? Блохастая собачонка?..

Из леса появились его сыновья и с ними Имрилл. Нарлак шёл с понятной неохотой телохранителя, вынужденного оставить вверенного его попечению человека.

Винитар покачал головой и сказал дяде:

— Не следовало бы тебе срамословить того, в ком кровь поколений стражей Понора. Если бы не такие, как он, Малые Острова назывались бы теперь по-другому. Его предок когда-то залаял на берегу и позвал людей на подмогу тебе, кунс.

Вингоррих зло прищурился:

— Стало быть, ум ваших лаек простирается так далеко, чтобы понимать все речи людей? Да ещё и внятно рассказывать о том, что выпало повидать?

Винитар и на это готов был ответить. Он сказал:

— Говорящих собак я пока не видал, но людям кажется, будто собака запоминает и то, что поняла, и то, чего понять не сумела. И ещё есть знающие, кто, однажды поглядев человеку в глаза, сразу может многое рассказать о его прошлом. У нас же нашёлся тот, кто посмотрел в глаза щенку и обозрел его память. — Помолчал и добавил: — Храмн, наш Небесный Отец, всегда видит неправду. И всегда посылает свидетеля, чтобы дать нам возможность совершить справедливость... А уж как мы поступим с этим свидетелем и сумеем ли услышать его, зависит от нас.

Имрилл между тем оглядывал собравшихся. На лице у него было недовольное недоумение. Его хмурый взгляд задержался на чёрно-белом щенке. Звонко сразу ошетинился, обнажая молочные зубы во взрослом оскале, никак для детский мордочки не предназначенном.

— Покажи левую руку! — мрачно потребовал кунс Вингоррих.

Имрилл был уже не особенно молод. Оно и понятно: если к знатной красавице, невесте умудрённого годами вельможи, приставить охранником видного собою юнца, люди непременно начнут болтать всякое лишнее. В волосах и кудрявой бороде могучего нарлака, примерно ровесника кунса, застряло уже порядочно снега, но телесная осень ни в коей мере ещё не коснулась его. Наоборот — самая мужская пора. Быть может, немного убавилось молодого проворства, но с мальчишеской пры-

тью поветрилась и глупость, зато силы и опыта — хоть отбавляй. В таком возрасте мужчины женят выросших сыновей и с нетерпением ждут внуков. Но их самих ещё вполне считают за женихов, и некоторые девушки даже находят, что такой муж много лучше неоперившегося, ненагулявшего юнца. Ростом Имрилл был не великан, но выглядел кряжистым, словно дубовое корневище, волосатые запястья такие, что пальцами одной руки не вдруг и обхватишь. Атавид смотрел на него, мучительно кусая губы, и всё представлял, как эта ручища наотмашь ударила его сына, сбив с ног. Быть может, Имрилл и не хотел убивать. Даже скорее всего, что не хотел. Просто отмахнулся, точно от назойливого комара. Прихлопнул, как муху. И вспоминал потом не чаще, чем о какой-нибудь мухе. Пока не призывали на суд.

Да и теперь он, кажется, не особенно волновался.

Спокойно поднял рукав, и обнажилась повязка. Жители Другого Берега глухо загудели, видя зримое доказательство своих обвинений.

— Покажи рану, — последовало новое требование кунса.

Имрилл пожал плечами и размотал полоску полотна. Все напряжённо смотрели. На руке чуть ниже локтя чернело несколько засохших полос. Они ничем не напоминали собачий укус.

— Где руку попортил? — отрывисто спросил Вингоррих.

Имрилл снова пожал плечами:

— На лодке возился... гвозди торчали.

По мнению Винитара, человек, наделённый отменным самообладанием, — а кому обладать собой, если не телохранителю? — вполне был способен иссечь себе тело острым концом ножа, превращая следы лаячьей пасти в самые обычные борозды глубоких царапин. Таких, какие действительно могут оставить острые гвозди, на которые, не зная, налетела рука.

— Да что ж за лодка у него? — выкрикнул кто-то, стоявший за спиной Атавида. — Где гвозди-то разыскал?

Сегванские лодки вправду всегда строились без гвоздей.

— Наша, нарлакская, — с прежней невозмутимостью отвечал Имрилл. — Мы, нарлаки, не доверяем крепости еловых корешков!

Винитар знал: на самом деле нарлаки чаще пользовались заклёпками. Но для него не подлежало сомнению — осмотреть лодку под красно-жёлтыми парусами, и где-нибудь в укромном месте отыщется должное число торчащих гвоздей, и, что самое любопытное, никто не назовёт их только что вбитыми. А если осматривать очень уж въедливо, то на гвоздях можно будет найти и кровавые следы. Неправ был старейшина Атавид. Имрилл очень даже вспоминал мальчика, убитого на берегу. И, храня напускное безразличие, делал всё, чтобы отвести от себя малейшую тень подозрений.

— Что ещё показать правителю Островов? — заматывая руку, со спокойной наглостью осведомился Имрилл.

Винитар в своей жизни видел многое. И многих. В том числе — таких вот телохранителей, отчего-то решивших, будто они по праву причастны к влиятельной знатности особы, которую нанялись охранять. Эти люди уверены, что по воле важного господина им всё сойдёт с рук, а потому не просто хранят его от опасности, рискуя собой (вот уж что Имриллу вряд ли доводилось переживать), но и спешат ублажить малейшую хозяйскую прихоть. Избить человека, чем-то помешавшего нанимателю. Или просто не так на него посмотревшего. Отнять у мальчишки приглянувшегося щенка. Наследника древней и славной породы стражей Понора сделать игрушкой по взбалмошному желанию госпожи. А натешится госпожа — об дерево его да и в воду, чтобы под ногами не путался. А мальчишку — прямо сейчас, чтобы за руки не хватал...

Ещё Винитару подумалось, что дядя, занятый родственными обидами, даже не спросил его о том единственном, о чём следовало бы спросить непременно и сразу: о судьбе бабки Ангран, так любившей старшего сына.

Впрочем, Винитар всё равно не сумел бы ему ничего рассказать...

— Ну? — повернулся к нему несколько повеселевший вроде бы Вингоррих. — Какой суд ещё тебе нужен? Я скорблю о сыне старейшины, но мы по-прежнему не знаем, что именно с ним случилось, потому что речи какого-то плута, якобы столковавшегося со щенком, не перевешивают слов человека, доверять которому у меня есть все причины. Или ты хочешь, чтобы я велел ещё и госпожу Алашу притащить сюда на допрос?

— Нет, — сказал Винитар. — Не хочу.

Он мог бы добавить — потому что ничего нового мы от неё не услышим, — но не добавил.

— Пойду я, — обращаясь к Вингорриху, сказал Имрилл. — Госпожа там без меня.

— Ты упомянул о слове против слова, кунс! — громко проговорил Винитар. — Если здесь ещё чтят закон Островов, в этом случае испрашивают совета у Тех, Кто доподлинно знает, чьё слово весомей. Пусть огородят поле для того, кто свидетельствует вину, и для того, кто её отрицает!

Он сам был кунсом и сыном кунса и, конечно, знал законы ничуть не хуже, чем дядя. А может, даже лучше, поскольку к нему обращались за справедливостью, надо думать, почаще. В особенности когда он служил Стражем Северных Врат страны Велимор. Случалось ему изобличать виноватых, случалось и отводить наговор от человека, которого ему при других обстоятельствах надлежало бы собственной рукой умертвить... Оттого Винитар был сведущ не только в сегванских законах. И твёрдо помнил одну важную вещь: нет на свете народа, который не уважал бы святости поединка.

Он ждал ответа, и Вингоррих ответил ему.

— Твой отец пытался убить меня, а ты, я смотрю, меня вздумал выставить на посмешище! — рявкнул он, покрываясь багровыми пятнами гнева. — Всё твоё обвинение — собачонка, которой вздумалось полаять на Имрилла! И кто слышал о Божьем Суде, на который против мужчины и воина вышел бы щенок?..

Винитар стоял твёрдо. Расставив ноги, словно на штормовой палубе корабля, и заложив большие пальцы за поясной ремень, отделанный серебром. И, как на той палубе, его было не сшибить. Он сказал:

— Щенок по имени Звонко лает на этого человека, потому что узнаёт в нём убийцу своего хозяина и своей матери. Закон же гласит, что в случае увечья, или болезни, или иного бессилия, лишшающего возможности биться, один или оба могут попросить о замене. Спроси Имрилла, не боится ли он показаться смешным, сражаясь с собакой, не пожелает ли выставить кого вместо себя!

— Во имя Чёрного Пламени! — хмыкнул нарлак. — Уж сам как-нибудь совладаю!

Он ничего и никого не боялся. Уж конечно, не лайчонку, только что оторвавшемуся от мамкиного вымени, суждено было его напугать. И никому из тех, кого деревня рыбаков могла против него выставить. Да пускай хоть все вместе выходят. С лайками со своими. Имрилла, давненько не дравшегося в полную силу, это лишь посмешило бы.

— Только не говори мне, что намерен сам идти биться вместо щенка! — сказал дядя племяннику. — Если ты победишь, люди скажут, что я допустил подобный исход, поскольку ты мне всё-таки родич и, значит, я был на твоей стороне. А если будешь побеждён, я опять окажусь виноват, ведь ты сын моего брата, которого я не первый десяток зим проклинаяю, и люди скажут, что я не мог желать тебе победы!

Винитар на это ответил:

— Я с радостью вышел бы мстить за того, кто спас мне жизнь, и, право, позаботился бы, чтобы ни у кого не осталось сомнений в истинности приговора Богов. Но, коли я тебе не гождусь в поединчики, справедливый кунс, позволь напомнить ещё об одном слове, которое было сказано под сенью этих деревьев. Ты говорил о бое с собакой и о замене бессильного сильным. Вот и пускай вместо щенка в поединке бьётся взрослая собака.

— От сказанного отступить грех, — кивнул Вингоррих. — Да ещё когда совершается суд. Пусть взрослый пёс заменит щенка. Пусть Имрилл с ним бьётся дубинкой, имея на руке щит. Где эта собака?

Атавид оглянулся... Люди за его спиной подались в стороны, давая кому-то дорогу. Воины из свиты кунса, ожидавшие, что сейчас из-под ног деревенских с гавканьем вылетит не в меру храбрая лайка, и уже взявшиеся на сей счёт зубоскалить, умолкли как морозом побитые. Пёс не протискивался между людьми и даже не расталкивал их. Люди убирались прочь сами. А от лайки у него были разве что стоячие уши. Да и то, не от лайки, а скорее от волка. Или от зверя даже более грозного, чем волк. И он вправду был похож на очень крупного волка. Но так, как бывают похожи ненавидящие друг друга враги. Он ни на кого не оглядывался в ожидании, чтобы ему указали врага и дали команду. Он смотрел только вперёд, на Имрилла, уже снабжённого щитом и дубиной и по-прежнему усмевавшегося. Никакой хозяин не вёл пса на поводке, но косматую серую шею охватывал потёртый кожаный ошейник.

И в ошейнике горела на солнце, искристо переливалась крупная хрустальная бусина...

А ещё у него были серо-зелёные глаза, довольно странные для собаки, но, чтобы их рассмотреть, нужно было подойти к нему совсем близко, а подобного желания ни у кого почему-то не возникало.

— Эт-то ещё что такое?.. — невольно вырвалось у Вингорриха.

— Это, — сказал Винитар, — тот, кто выплыл вместе со мной из Понора и был взят в лодку сыном старейшины Атавида. Это тот, кто нашёл убитого Атароха и распутал следы, уничтоженные на берегу, помогая нам дознаться истины о случившемся. Это дальний родич щенка Звонко, сына суки Забавы. Это тот, кто будет биться за нашу правду вместо него!

Пёс, как бы в подтверждение, задрал заднюю лапу и окропил место будущего поединка: *Моё!* Он не лаял, не рычал, не топор-

шил на загривке щетину. Он смотрел на Имрилла, который зло и весело скалился из-за щита. *Ты иссёк рану, но не смог переменить запах, и меня-то ты не обманешь. Ты не кобель. Ты убил суку. Ты загрыз щенка своего племени, хотя должен был дать ему покровительство и защиту по святому праву самца. Есть закон, который старше Людей и даже старше некоторых Богов, которым поклоняются Люди. Ты нарушил его. Теперь ты умрёшь.*

Над головами деревенских беззвучно пронеслась большая летучая мышь и устроилась на ветви одной из священных ёлок, откуда было удобно наблюдать за происходившим. Летучая мышь, преспокойно порхающая днём и притом не чурающаяся шумной человеческой сходки, — дело само по себе до того необычное, что кто-нибудь пугливый мог бы задуматься, уж не наступают ли «последние времена», коими так любят стращать разгульный народ жрецы едва ли не любой веры. Но воздух над полем был столь густо пронизан жгучими токами страстей и тягостных напряжений, что на такую мелочь, как крылатый зверёк, никто даже не покосился.

Имрилл был очень опытным воином. Он знал: решительного человека убоится почти любая собака, не сидящая на цепи, и дело не в палке. Имрилл даже без неё взялся бы укротить самого злобного и жуткого на вид кобеля. Главное, чтобы не было натянутого поводка и на другом конце его — хозяина, истощно вопящего: «Рви!.. Куси!..» Какой пёс в здравом рассудке пойдёт против человека, если ему нечего защищать?

Всё так, но серый зверь шёл вперёд, расстояние между поединщиками сокращалось, и нарлак понимал, что схватки не избежать. Для начала он сделал попытку всё-таки отогнать кобеля. Резким движением подхватил щит и свирепо заорал, замахиваясь дубиной.

Очень многим собакам такого отпора хватило бы, чтобы поджать хвост и шарахнуться: «Да ну его, этого мужика, связываться ещё...» Случись такое теперь, кунс Вингоррих, надо думать, немедля объявил бы поединок законченным, родственники мальчишки (как там его звали? — Имрилл не запомнил) ос-

тались бы ни с чем, и кто-то из соседей жалел бы их, а кто-то втихомолку посмеивался бы: тоже выдумали, Божий Суд затевать!.. да против кого тягаться решили!.. да кого за себя выставили — собаку...

...Но не случилось. Пёс не шарахнулся, даже не остановился в смущении, а прыгнул. Прыгнул, опережая вроде бы очень быстрое и неожиданное движение человека, в самый миг замаха, когда рука с палкой ещё отходила назад. Задние лапы в пушистых «штанах» взрыли песок — серое тело без разгона взвилось на сажень вверх, покрывая могучим прыжком последние оставшиеся шаги, и с лёту обрушилось на поднятый щит.

Чтобы устоять на ногах под этим ударом, требовалось особое искусство. Тут справился бы мастер кан-киро, но мастер кан-киро, исповедующий Любовь, вряд ли оказался бы в ответчиках на подобном суде. Никакой Бог или Богиня не поспешили Имриллу на выручку, и его просто смело. Добротная воинская выучка взяла-таки своё, в падении он успел как следует огреть пса дубиной, но этот удар, скользящий по плотной мохнатой шубе, уже ничего не мог изменить. Люди, стоявшие слишком близко, прянули прочь от упруго ударивших алых струй: стремительный зверь, сваливший Имрилла, мгновенно сомкнул челюсти на его горле — и располосовал до позвонков, как мечом.

— Оттащите собаку!.. — закричал, вскакивая, кунс Вингоррих.

Это закон естества. Если пёс грызёт человека, человека хочется непременно спасти, хотя бы дело происходило, как теперь, на Божьем Суде... Но приказ кунса так и остался неисполненным. Во-первых, никто не посмел. А во-вторых, пёс отошёл сам. И отряхнулся, разбросав с морды красноватые брызги. Руки и ноги Имрилла ещё дёргались в последних судорожных движениях, но скоро судороги прекратились.

Поединок был кончен.

Мыш снялся с дерева и полетел обратно на носовой штевень лодки — ждать, пока вернётся хозяин

*«За друга — постою!
За друга я в бою
Суров!» —
Твердит любой из нас
И повторять сто раз
Готов.
Но это лишь пока
Не начался куска
Делёж.
А жизнь как наподдаст —
И друга друг продаст
За грош!
Споткнёшься незначай:
Дружище, выручай!..
Ничуть.
Один из десяти
Не поспешит пойти
Толкнуть.
Так что же — дружбы нет?
На это дан совет
Хорош:
Про соли тяжкий пуд,
Про то, как узнают,
Где ложь.
Все сто твоих друзей
При первой же грозе
Видны.
А с кем прошёл сквозь тьму,
Так знай, что нет ему
Цены.*

4. Целитель и Воин

Ригномер Бойцовый Петух не зря восторгался железным нравом Избранного Ученика. В ворота своей крепости Хономер собирался въехать по крайней мере не на носилках, а сидя верхом на лошади и должным образом возглавляя потрепаннный караван. Чего это ему стоило, знал только он сам. Ригномер его и не спрашивал. С «вожака» было довольно уже того, что жрец не проклял его страшным проклятием своих Богов за самочинно принятое решение возвращаться. Не проклял и не погнал обратно на Алайдор, на окончательную гибель по воле тамошних Сил, упорно не пропускавших походников дальше. И на том, как говорится, спасибо. А жалеть или не жалеть собственные ноги, местами стёсанные до костей, Избранный Ученик небось как-нибудь уж решит без сторонних советов!.. Тем более что у Ригномера и так хватало забот.

Бойцовый Петух, не признававший лошадей и седла, был очень опытным и выносливым ходоком. За день он легко проходил расстояние, утомлявшее любую караванную лошадь, и наутро после такого подвига не валялся без сил, а был готов продолжать путь, — но этот поход дался ему тяжелее любого другого на его памяти. Ригномер даже задумался о возрасте, который, похоже, без предупреждения подкрался к нему и заявлял о себе то свинцовой тяжестью в ступнях, то противным

скрипом в коленях... Может, пора уже ему было оставить походы и кабацкие потасовки, жениться наконец на вдовой сегванке, стряпухе из корчмы «Бездонная бочка», да и показать её пятерым сыновьям, вовсе отбившимся от материной несильной руки, что это такое — отец в доме?..

Своя приятность в такой жизни определённо была, но ради неё предстояло забыть многое, казавшееся Ригномеру слишком привычным. То есть следовало хорошенько всё взвесить, воздерживаясь в то же время от поспешных решений, что при норове Бойцового Петуха оказывалось не так-то легко. До Хономера ли было ему, до Хономеровых ли отношений с Богами?.. Вот если вдруг без него ко вдовушке подкатился кто-то другой — это будет стоять всех священных гимнов Близнцов... вместе с тем древним храмом в Долине Звонящих ручьёв, до которого им оказалась не судьба дошагать!..

Подумав так, Ригномер даже покосился на молча ехавшего жреца. Не подслушал ли кощунственных мыслей, не укорит ли. Избранный Ученик не обернулся к нему и ничего не сказал.

После тяжких испытаний у Зимних Ворот Алайдора, а потом и на самом плоскогорье, походники ожидали, что обратная дорога станет чуть ли не отдыхом. Вот тут они крепко ошиблись. Возвращение с гор оказалось таким же изматывающим, как и путь вверх. Дурная звезда, недобро глянувшая на караван ещё у Ворот, продолжала простираť над ним свои пагубные лучи. Взять хоть погоду... Заоблачный кряж породил бесконечную тучу, которая выдавливалась, как в трубу, в узкое отверстие Ворот и, стекая с предгорий, влажным рукавом протянулась над равнинами точнёхонько в сторону Тин-Вилены, и... вряд ли это объяснялось простым совпадением. Туча не намного опережала возвращавшийся караван, но и чистого неба над головой увидеть не позволяла. Она висела прямо над дымогонами поставленных на ночь палаток, и из неё всё время моросил дождь. Это был какой-то особенный дождь. Не ливень, не град размером в кулак, но урону происходило не меньше. От медленных капель не спасали ни тол-

стенные войлоки, ни одежда из промасленной кожи. Они про-никали всюду и напивались всё, не позволяя ни обсохнуть, ни толком согреться. Гибель, конечно, никому не грозила, но легко ли каждое утро влезать в ту же волглую, глинистую одежду и бесконечно шагать под унылым дождём, зная, что впе-реди ждёт очень зябкий ночлег, а утром всё повторится?.. С едой дело обстояло не лучше. Сырость не пощадила заготовленное впрок мясо дикого быка, убитого на Алайдоре. Нет, оно не про-росло плесенью и не стало вонять, оно даже не слишком изме-нилось на вкус... но, отведав его, люди спустя очень малое вре-мя опретью бросались в кусты у дороги, откуда и возвраща-лись затем бледные, обессиленные и сердитые. А ведь, кроме этого растреклятого мяса, есть было всё равно нечего. Все иные припасы так или иначе погибли во время потопа, случившего-ся возле Ворот. А степные кочевники, у которых можно было бы купить баранов и сыра, как назло пасли свои стада где-то далеко в стороне и не выходили к дороге. За всё время уда-лось высмотреть единственный шатёр, стоявший в несколь-ких поприщах. Избранный Ученик немедленно отправил туда всадника, снабжённого выючной лошадью для покупок. Но ещё на дальних подступах к шатру навстречу подоспели три гро-мادных куцехвостых пса свирепой местной породы — и с та-кой яростью накинулись на Хономерова посланника, что тот еле ноги унёс. Тогда люди стали с надеждой подумывать о ко-нине, но на другую же ночь почти все лошади удрали в степь, напуганные волками. Ригномер сам рассматривал следы на земле. И заметил, что у вожака были лапищи почти вдвое шире, чем у всех остальных, и это очень не понравилось бывалому сегвану и даже навело кое на какие мысли, но он благоразум-но оставил их при себе... А хуже всего было то, что лошадей, которых удалось собрать, едва хватало для перевозки палаток, верхом ехал только израненный Хономер, и походникам при-шлось выбирать: идти полуголодными, но спать под кровом либо наестся досыта — и ночевать на земле под дождём. Выб-рали голод...

То есть опять ничего такого, чтобы приблизилась гибель. Но и мёдом никому из спутников Хономера жизнь не казалась. Неугомонный Бойцовый Петух чувствовал себя мокрой курицей (чтобы не сказать хуже) и только мечтал поскорее добраться до крепости. Там, правда, вместо добротных сегванских очагов были устроены, в дань местному обыкновению, нарлакские печи-недоделки, именуемые каминами. Ригномеру они никогда особо не нравились, но теперь он вспоминал о каминах с истинной нежностью. Можно будет наконец-то вытянуть ноги к огню, развесить на просушку одежду и более не ёжиться от капель, падающих сверху за ворот... А потом отправиться в город, напрямик в «Бездонную бочку», и потребовать у благосклонной стряпухи настоящей сегванской еды. Камбалы, запечённой в горшочке с молоком, чесноком, луком, с сушёными пряными ягодами и, главное, с горным мхом, который, благодарение всем Богам, на здешних скалах вырастал совершенно такой же, как и на Островах...

...В самую последнюю ночь не стали даже делать привала. Чем дрожать под мокрыми одеялами, закалённым походникам показалось проще ехать и идти всю ночь до утра, с тем чтобы на рассвете войти в знакомые ворота и наконец-то вкусить блаженство настоящего отдыха. Дождь и ветер подгоняли их, тыча в спину словно ладонями. Лошади, зная впереди родную конюшню, бодро шагали, порывались рысать.

По счастью, дорога в крепость шла не через город, а мимо, далеко огибая самые внешние тин-виленские выселки. Не было видно даже городских огоньков, только светили четыре маяка, стоявшие высоко над гаванью, на утёсах. Удалённость по крайней мере избавляла вернувшихся от взглядов горожан — любопытных, сочувственных и злорадных. Понятно, тин-виленцы очень скоро прознают о неудачной поездке Хономера во всех её легендарных подробностях, правдивых и не особенно, Ригномеру и прочим ещё будет не обобратиться неизбежных насмешек. Но не сейчас, ох, не прямо сейчас!.. А завтрашний день, он на то и завтрашний, до него ещё надо дожить, а доживём — уж как-нибудь разберёмся...

Дорога вилась среди знаменитых садов, где наливались неспешным мёдом позднеспелые полосатые яблоки. Весна давно миновала, ночь стояла далеко не такая светлая, как в пору подснежников, но и до чернильной осенней тьмы оставалось ещё далеко, и силуэт сторожевой башни крепости-храма, торжественно выраставший впереди над холмом, был отчётливо виден. Оттуда тоже заметили ехавших по дороге: сторожа, искони поставленные высматривать злых гонителей Ближнецов, бдительности отнюдь не утратили. Было слышно, как за стенами подало голос било, вытесанное из сухого и звонкого клёна; там, наверное, уже вытаскивали брус, запиравший на ночь ворота. Лошадь Хономера, стремившаяся в тепло знакомой конюшни, резво преодолела последний подъём; он жадно вгляделся...

И даже в ночных непогожих потёмках понял: что-то не так.

Чего-то недоставало...

Чего-то настолько привычного, что в первое мгновение глаз просто наткнулся на пустоту, сообразить же, на месте чего зияла эта зловещая пустота, удалось лишь чуть погодя.

Хономер остановил лошадь. Огромный, раза в два побольше тележного колеса, надвратный знак Разделённого Круга — деревянный, тщательно раскрашенный зелёным и красным, исстари осенявший единственный въезд в крепость — больше не висел на своём месте. Его вообще нигде не было видно.

Ригномер Бойцовый Петух подошёл к неподвижно замершему жрецу, увидел то же, что увидел он, — и длинно, цветисто и сочно выругался вслух. Ибо отчётливо понял: бедствия, бравшие начало у Зимних Ворот Алайдора, с возвращением в крепость отнюдь не собирались заканчиваться.

Наоборот — они, по всей видимости, только начинались...

В отсутствие Хономера предводителем крепости оставался жрец-аррант по имени Орглис, носивший сан Второго Избранного Ученика. Хономер въехал сквозь осиротевшие ворота во внутренний двор, и вперёд всех к нему подбежал Орглис. Долж-

ным образом соскочить с лошади Хономер ещё не был способен — перекинул правый сапог через седло и, как во все предыдущие дни, сполз на руки Бойцовому Петуху. Тот бережно поставил его наземь, но Хономеру всё равно понадобилось усилие, чтобы сдержать стон.

В отличие от большинства походников, мечтавших о хлебе и горячей похлёбке, он даже не испытывал голода. Ему лишь хотелось потребовать большой ушат горячей воды, погрузиться в него и не вылезать до утра, а потом чтобы кто-нибудь перенёс его сразу в постель. И не беспокоил по крайней мере до первых подзимков...*

Он посмотрел на Орглиса так, словно тот был причиной всех его невзгод:

— Где Знак?

— Не гневайся, святой брат!.. — ответил аррант. — Был сильный ветер с гор, и один из канатов дал слабину. Мы опустили Знак наземь, чтобы всё проверить и, если надо, поправить, и к работникам подошла какая-то женщина. Наши люди не стали прогонять её, ведь она им в бабки годилась. А она потрогала Знак и...

С лица Хономера, и так-то не блиставшего особым румянцем, отхлынула последняя краска, и это было заметно даже в свете факелов, трещащих и плевавшихся под дождём.

— Какая женщина, Орглис?

— Её не очень рассматривали, но людям показалось, что она была маленькая и темноглазая. Да, и ещё у неё в руках был стеклянный светильничек вроде того, что ты купил себе в Галираде...

— Продолжай!

— Она потрогала Знак и сказала примерно следующее: я, мол, думала, что найду здесь своих сыновей, но теперь вижу, что в этом месте их нет. Она покачала головой и ушла по дороге, а работники стали смотреть и увидели, что все канаты

* *Подзимок* — осенний утренний заморозок.

пришли в полную ветхость и годились только на швабры. Даже удивительно, святой брат, что Знак так долго держался! На другой день я послал в город, в мастерскую, куда обращаются мореплаватели, вынужденные чинить снасти, и нам привезли корабельных канатов, очень прочных, из лучшей халисунской пеньки. Я сам проверил их качество, но они сразу стали рваться и расползаться, каболка* за каболкой. Тогда я особо заказал...

— Женщина!.. — перебил Хономер. — Куда делась та женщина?

Орглис недоумённо ответил:

— Это нам неизвестно, святой брат. Мало ли в Тин-Вилене нищих и нищенок, мало ли между ними таких, кто выманивает деньги у легковых, в своих разглагольствованиях подражая слогу пророчеств...

Избранный Ученик отвернулся от него и пошёл к арке во второй внутренний двор, коротко бросив на ходу почтительно дожидавшемуся кромешнику:

— Ташлака ко мне.

Сколько раз выручал его старый соглядатай, так не подведёт же и теперь... если только есть на свете хоть какая-то справедливость... Ступни были каменными и чужими, Хономер шёл точно по раскалённым углям и очень хорошо понимал тех, кого судьба лишила ног, оставив прыгать на деревяшках...

Стену, разделявшую дворы, с обеих сторон оплетал густой старый плющ. Весной он цвёл восковыми ароматными звёздочками, осенью пятипалые листья наливались всеми цветами заката, а зимой оголённые ветви покрывались кружевными окладами инея. Цепкие стебли переплетались над аркой, обрамляя дивной работы образа Близнецов. Божественные Братья ласково улыбались входившим, обняв друг друга за плечи, и золотое сияние исходило от Их рук и голов. У Старшего была бро-

* *Каболка* — пеньковая (то есть из конопляных волокон) нить толщиной «в гусиное перо». полуфабрикат для изготовления веревок и тросов.

шена на левый локоть пола алого плаща. Движение, схваченное даровитым резчиком, выглядело защитным, и, действительно, Он словно бы слегка загораживал Младшего, слишком доверчиво и открыто идущего к людям в нежно-зелёных одеждах милосердия и целительства...

Образам было почти столько же лет, сколько самой крепости, но вечные краски из растёртых в пыль самоцветов не боялись никаких непогод и не тускнели от времени, а дерево — благородная горная лиственница — было очень добротное, напитано благовонными маслами, отпугивающими древоточцев. Образа считались нетленными, да не просто считались, а таковыми на самом деле и были. Подходя к арке, Хономер привычным движением поднял руку, чтобы в ответ на благословляющую улыбку Блинецов осенить себя священным знаменем...

...И его рука повисла в воздухе, не дойдя до груди. Ибо лики Братьев, которым не могли повредить ни древесные паразиты, ни само Время, — изменились! Изменились разительно и недобро! Хономер ощутил, как заметался его пошатнувшийся разум, ища случившемуся успокаивающих объяснений. Он с силой мотнул головой, зажмурился и вновь открывая глаза. Дождевые капли веером слетели с ресниц, но привидевшееся не торопилось рассеиваться. Знать, не усталость Хономера и не причуды факельного света были виной тому, что лицо Младшего стало лицом гниющего трупа с расплывшимися, искажёнными чертами, уже не могущими принадлежать живому, а суровый Старший сделался скелетом в кольчуге и шлеме, родом прямиком из сегванской легенды... Быть может, солнечным днём в происшедшем было бы легче усмотреть следы обычного разрушения дерева, но сейчас, непогожей ночью, при факелах, поражённый неземным ужасом Хономер мог только стоять и молча смотреть на *умерщвлённые* образа, словно бы глаголавшие погибель его Богов, конец его веры...

Голос Орглиса развеял жуткое наваждение.

— Мы заметили непорядок на другой вечер после твоего отъезда, святой брат, — сказал Второй Ученик. — Хотели снять

для окуривания, но отступились: дерево грозит рассыпаться от малейшего прикосновения. Наверное, срок подошёл! — Это прозвучало до непристойности весело, Хономер покосился на Орглиса, как на умалишённого, но Второй Избранный с торжеством улыбнулся: — Потому что в городе случилось настоящее чудо Богов!..

— Какое чудо?.. — только и мог выговорить Хономер. Дождь тёк у него по бороде и волосам, достигал кожи и каплями скапывался по телу, проникая под одежду, но человек способен привыкнуть почти ко всему, вот и он за последние дни до того пертерпелся к нескончаемой сырости, что почти перестал её замечать. — Какое ещё чудо?..

А сам, после двух чёрных чудес, со Знаком и с образами, внутренне изготавился принять ещё и третий удар, столь же безжалостный. Что могло произойти в Тин-Вилене?.. Стараниями Орглиса в одночасье заболели поносом все главные хулители Блинецов, и ему, Хономеру, надо готовиться отводить обвинение?.. Объявился уличный заклинатель духов, якобы доподлинно беседовавший с Предвечным Отцом?..

Второму Ученику явно хотелось перенести беседу под кров, в тепло, продолжить её за чашей горячего, сдобренного гвоздикой вина. Но Хономер не двигался с места, и Орглис волей-неволей начал рассказывать:

— Помнишь ли ты Тервелга, юного сына резчика по дереву, являвшего несомненный дар к своему ремеслу, но утратившего зрение пять лет назад от болезни, именуемой «лазоревый-тук»?..*

Ты ещё послал семье юноши денег, потому что он и его родичи — прямые потомки создавших наши образа... которым ныне, волею Богов, пришёл черёд обновиться. Да-да, святой брат, и, прошу, не смотри так на меня! Только вчера мне рассказали, что нынешней весной Тервелгу, оказывается, было видение. Он увидел во сне облачённых сиянием Блинецов, про-

* *Лазоревый-тук* — старинное название глаукомы. Обычно считается «болезнью пожилых», но бывают и исключения.

мывавших ему глаза водой из хрустальной чаши в виде сложенных горстью ладоней. Молодой резчик проснулся и обнаружил, что непроглядный покров, коим окутала его неизлечимая немочь, начал рассеиваться! Тогда Тервелг понял, что болезнь отступила не сама по себе. Он не поспешил радоваться с друзьями, открывшись только матери и отцу, а сам дал обет не выходить из дому и не показываться на люди, пока не изваяет божественных Братьев в точности такими, какими Они явились ему в сновидении. Так вот, наши образа начали превращаться в труху именно в тот день, когда мне сообщили, что юноша исполнил обет и готов смиренно принести свою работу в дар этому Дому. Я лишь взял на себя смелость просить его отложить подношение до твоего прибытия, святой брат, чтобы столь важное дело не прошло мимо тебя... Никто из наших ещё не видел новые образа, но всё свидетельствует, что они, должно быть, великолепны!..

Хономер смутно припомнил одно из донесений всеведущего Ташлака. О том, что отец этого самого Тервелга заложил свадебные браслеты жены и купил у мономатанского торговца баночку очень дорогого и прочного «живого» маронгового лака. Этот лак назывался живым оттого, что приготавливали его из капель смолы, источаемых деревом из естественных устьиц коры. Понятно, при рубке маронга смола добывалась не в пример легче и в гораздо больших количествах, вот только лак из неё с «живым» не шёл ни в какое сравнение... Хономер тогда пропустил сообщение мимо ушей: мало ли какую диковину мог задумать известный в городе мастер! Ташлак и донёс-то ему единственно из-за того, что заложенные браслеты были тогда же выкуплены и возвращены одним суровым молодым венном, который водил дружбу с Тервелгом и которого в те дни ещё не называли Наставником. Теперь вот оказывалось, что Хономер мог уберечься от изрядного потрясения, если бы немедленно озаботился со всей доподлинностью разузнать, что к чему. Но дано ли человеку предугадать, которая из многих малостей со вре-

менем породит нечто значительное и даже великое, а которая так малостью и останется?..

— Завтра пошлѐшь к ним, — коротко бросил он Орглису. — Скажешь — могут прийти. Через несколько дней... как с делами более-менее разберусь.

Шагнул под арку, более не оглядываясь на умершие образы, и двинулся ко входу в свои покои, прилагая мучительные усилия, чтобы поменьше хромать на глазах у людей. Было ясно: об отдыхе, столь необходимом его духу и телу, остаётся только мечтать. И почему, стоило ему отлучиться даже ненадолго, как у вверенного его заботам жречества все дела тут же начинали идти вкривь и вкось?..

В то время как на шо-ситайнских равнинах ждали рассвета, в южном Саккареме сгущался вечер наступившего дня, и тоже моросил дождь. Правда, здешние места, в отличие от тин-виленских окрестностей, никогда не ведали настоящих холодов, да и дождик сеялся реденький и даже приятный, а потому маленький костёр, возле которого сидели трое мужчин, предназначен был не столько греть путников, сколько густым дымом отпугивать насекомых, охочих до человеческой крови.

— А как я посмотрю, кунс Винитар, не повезло тебе с роднёй по отцу, — сказал Шамарган. — И на острове какие-то выродки развелись, и отец твой, сколько я понял, был не из тех, с кем люди мечтают вдругорядь встретиться... да и дядя... по-моему, в ту же породу!

Кунс Вингоррих не предложил Винитару воспользоваться «косаткой», как вроде надлежало бы знатному воину и вдобавок близкому родичу. После судебного поединка, закончившегося смертью Имрилла, дядя с племянником даже не поговорили, не сблизились в запоздалом знакомстве. Как ядовито выразился тот же Шамарган, Вингоррих был очень занят, решая, кто же всё-таки милее ему: приглянувшаяся на шестом десятке смазливая баба — или народ, который его когда-то спас, а потом поставил над собой предводителем и много лет и

зим исправно поил и кормил, а за что? За то, чтобы он хранил законы и вершил справедливость. Вершил так, как было истари принято на Островах — не оглядываясь ни на привязанности, ни на родство...

— Может, тебе следовало остаться у них? — поддразнивая молчаливого Винитара, продолжал Шамарган. Кажется, ему не легче было избавиться от привычки дразнить, чем Волкодаву — от любви к молоку и свежей сметане. — Нет, правда! Может, стоило бы тебе остаться? Сразу взял бы под начало десять добрых островов вместо того единственного, — бр-р, как вспомню! — обледенелого, где людоеды живут...

— Вот тут ты прав, — нехотя отозвался молодой кунс. — Единственного.

Надо думать, народ Другого Берега в самом деле с радостью пошёл бы под его руку, если бы он того захотел. Но Винитар не захотел. И тогда соплеменники старейшины Атавида сделали для троих путешественников то, что горцы Заоблачного кряжа обещали, да не смогли исполнить для Волкодава. Разослали по ближней и дальней округе вести так, как это умеют только рыбаки и охотники. И быстрые лодки помчали гостей с островка на островок, от деревни к деревне. С рук на руки, от одного дружеского очага к следующему. Не так чинно и знаменито, как было бы на «косатке», но с той сердечностью, которой не обеспечат ни деньги, ни знатное происхождение.

И, уж конечно, без помощи велиморских сегванов Винитару со спутниками нипочём не удалось бы разыскать старого-престарого дедушку, знавшего о Вратах, что выводили с Малых Островов... не на какую-нибудь замороженную скалу посреди холодного моря, а напрямик в южный Саккарем. То есть слова такого — Саккарем — сегванский дедушка слыхом не слыхивал, но о тёплом крае за Вратами ему в пору мальчишества рассказал его собственный дед, а откуда тому было ведомо — теперь уж не спросишь. Ибо, в отличие от общеизвестных велиморских Врат, здешние были не полноценными Вратами, а скорее червоточиной вроде Понора, выпускавшего в

озёрную глубину и в обратном направлении недоступного. Старик утверждал, что проникший в «его» лаз оказывался по шее в вонючем, кишасщем пиявками болоте где-то в плавнях большой реки, именуемой Сиронг. И, как через Понор, вернуться тем же путём было нельзя. Из-за этого неудобства червоточиной не пользовались и, разведав когда-то, постепенно забыли.

Волкодаву, три года просидевшему над лучшими картами мира, не требовалось расспрашивать сведущих людей, уточняя, в какой стране протекает река, именуемая Сиронг. Трое посоветовались, прикинули дорогу до ближайших торных Врат Велिमора — и решили положиться на удачу и на верность дедушкиной памяти...

И вот они действительно сидели возле края трясины, в которой щетинились твёрдыми колючками листья знаменитого растения сарсан, водившегося только в саккаремских болотах, и ночной ветер доносил солёное дыхание близкого и тёплого моря. Волкодав невольно думал о больших парусных кораблях, скользящих в летних сумерках по ленивым волнам, и о том, как, наверное, приятно и покойно путешественнику стоять возле борта на таком корабле, глядя на берег, отступающий в вечернюю мглу. Как постепенно растворяются в этой мгле силуэты леса и гор и остаются лишь огоньки, висящие драгоценными россыпями между землёю и небом... Он видел большие парусники у причалов, но ни на один ни разу не поднимался. Он ходил по морю лишь на сегванской «косатке», и эти плаванья никакой радости ему не доставили. На самом-то деле он слышал от знающих людей, что маленькая «косатка» гораздо быстрее и несравнимо надёжней пузатого торгового корабля, но ничего с собой поделать не мог. Доведись ему снова отправиться в море, он бы выбрал большой корабль — саккаремский или аррантский. *Вот только навряд ли подвернётся мне новый случай переправляться через солёную воду. Если Хозяйка Судеб будет и далее столь же благосклонно вести меня, помогая в задуманном, — это значит, что моря мне не видать уже никогда. Сожалеть ли?..*

Венские чащи, которых я тоже никогда более не увижу, достойны сожаления куда больше, чем море.

А кроме того, если слишком пристально думать обо всём, что покидаешь, — не удастся совершить ничего и даже сделать единственный шаг вперёд не получится...

— У тебя-то, надобно думать, родня всем на зависть, — сказал он Шамаргану. — Ты, наверное, непризнанный меньшей братец прежнего саккаремского шада, Менучера, прозванного Виршеплётом. Тем более что и песни, кажется, слагаешь...

Как водится, шутка была шуткой лишь наполовину. Волкодаву давно хотелось выведать, кто же такой Шамарган. Только он всё не мог придумать, с какой бы стороны затеять о том разговор.

К его некоторому удивлению, Шамарган неожиданно приосанился.

— Я в самом деле непризнанный сын, — проговорил он со спокойным достоинством. — Только мой род гораздо славнее того, что царствовал прежде в этой стране, ибо дал людей куда более достойных, чем неблагодарный и мстительный шад... не наделённый к тому же настоящим поэтическим даром. Моим отцом был Торгум Хум*, славный полководец, ещё при венценосном батюшке Менучера названный Опорой опор... да облащает Лан Лама его благородную душу! А матерью моей стала халисунская пленница, взятая в пограничной стычке и привязанная, согласно обычаю, к его колеснице...

Окажись при этом местные жители, собиратели тростника, они, вероятно, отнеслись бы к рассказу Шамаргана с должным благоговением. Имя доблестного военачальника, при Менучере замученного в темнице по ложному обвинению, нынче было в большой чести по всему Саккарему. И особенно на здешних

* *Торгум Хум.* — Повествование об этом полководце и о различных событиях в Саккареме примерно за десять лет до времени действия настоящего романа читатель может найти в книге Павла Молитвина «Спутники Волкодава» (повесть «Сундук чародея»), СПб.: Азбука, 1996 и позже.

побережьях, которые в своё время он успешно оборонял от морских разбойников. Но сегодня Шамаргану со слушателями явно не повезло. Выслушав торжественное признание, Волкодав и Винитар, не сговариваясь, отозвались хором:

— Враньё!

У лицедея стал вид человека, жестоко оскорблённого в самых трепетных чувствах. Но на двоих северных воинов — людей, как всем известно, грубых и маловосприимчивых — зрелище его обнажённых душевных ран никакого впечатления не произвело.

— Думай хорошенько, прежде чем возводить напраслину на такого, как Торгум, — сказал Винитар. — Да, это верно, он потерял жену и детей в Чёрный Год, во время великого мора, и жил после этого бобылём. Но однажды шад Иль Харзак, отец неблагословенного Менучера, отправил его в Велимор. Торгум проехал по многим дорогам Потаённой Страны и добрался даже до моего замка Северных Врат. Он провёл у меня два дня. Краткий срок, но я успел неплохо узнать его. Он никогда не оставил бы непризнанного ребёнка, будь то сын или дочь хоть от пленницы, хоть от самой распоследней рабыни. Люди, подобные ему, не предадут свою кровь.

Было ясно, что Винитара не переубедить. Шамарган pokrылся пятнами и обернулся к венну:

— Ты тоже знал Торгума Хума?

— Такой чести мне не досталось, — проворчал Волкодав. — Но я видел его младшего брата, Тайлара. Теперь, я слышал, он стал великим вельможей, чуть ли не правой рукой шад¹а Мария Лаура... Мне выпало биться под его началом, когда шад Менучер своим правлением довёл страну до восстания, и молодой Хум оказался среди тех, кто возглавил мятеж. И я помню, как он плакал, *отвязывая* от колесницы тело женщины, которую «золотые», наёмники шад¹а, довели до смерти. Это была родовитая госпожа, сестра одного из сподвижников Тайлара... Потом он обратился к своим людям и сказал: от века ведётся, что всякое войско пытается пленников и насилует женщин, даже когда

война идёт за правое дело. Не нами заведено, но после нас да не продолжится! Отныне, мол, ежели кого в мерзостном грехе уличу — врагом своим назову и удавлю вот этими руками. Так и сказал, я сам слышал... А бывалые воины говорили, что он чем дальше, тем больше на старшего брата делается похож.

Волкодав замолчал. Он хотел ещё посоветовать Шамаргану придумать себе другую родню, более подходящую... но поразмыслил и удержался. Он в своей жизни встречал довольно сирот, в самом деле не знавших ни матери, ни отца. Худо чувствовать себя одиноким, никому на свете не нужным, кем-то, по выражению Атавида, выкинутым точно мусор, — и каких только побасенок не выдумывали те сироты, объясняя тайну своего рождения! Как всем непременно хотелось быть побочными детьми видных царедворцев, военачальников и чуть ли не иноземных правителей! И как обижались несчастные вруны, успевшие поверить в собственную выдумку, когда кто-нибудь выводил все их рассказы на чистую воду...

— Местный люд, — зло бросил Шамарган, — оказал бы всяческое гостеприимство двоим странникам, сопровождающим сына славного Торгума Хума. Если вам охота жрать лягушек — можете жрать!

— Как говорит мой народ, — усмехнулся Винитар, — косатка не станет щипать водоросли, даже если нет другой еды.

Волкодав же вспомнил лягушек, некогда зажаренных на лесном костре саккаремской девушкой в очень далёком отсюда краю. Он сказал:

— Вообще-то лягушки весьма неплохи на вкус. А жители здешних болот, насколько мне известно, очень здорово их умеют готовить...

Впрочем, глядя, как Шамарган молча, излишне резкими движениями расстилает своё одеяло, наконец-то просохшее после вытаскивания из болота, и укладывается спиной к костерку, венн даже испытал некое раскаяние. *А стоило ли, собственно, вот так осаживать парня? Да пускай бы считал себя*

хоть сыном Торгума Хума, хоть смертным порождением саккаремской Богини, заглядевшейся с небес на красивого пахаря. Кому от этого плохо?.. Волкодав постарался вызвать в памяти весь разговор, слово за словом, особо припоминая выражение глаз и лица Шамаргана, когда тот повествовал о родстве. И пришёл к выводу, что им с Винитаром не в чем было себя упрекнуть. Потому что искренности в нынешних рассказах лицедея обнаруживалось не больше, чем в воровской «жальной», спетой некогда перед воротами Тин-Вилены. Вот только цели были другие. В Тин-Вилене Шамарган проверял свою способность к притворству, ведь по воле Хономера ему предстоял долгий путь и важное дело. А теперь? Корысть? Да такому, как он, очередной корыстный обман и очередное разоблачение должны быть как с гуся вода. Отчего ж он так разобиделся? Очень уж хотел обманом причаститься местного хлебосольства?.. Нет. Вернее — не только. И даже не столько. Теперь Шамарган словно кому-то что-то доказывал. Но вот что? И кому? Почему обязательно хотел преуспеть? И какую внутреннюю необходимость он тем самым силился утолить?..

В то, что сирота Шамарган врал себе самому, придумывая утешительную сказку о высоком родстве, Волкодав поверить не мог. Для этого парень был слишком умён. Поразмыслив, венн в конце концов бессердечно сказал себе, что на самом деле всё это не имело никакого значения. Вот кончится ножичком выученика Смерти, заправленным посреди ночи в рёбра обидчикам, тогда будет иметь... Этого, однако, Волкодав не очень боялся. Шамарган перед его внутренним взором так и пыхал буробагровыми с жёлтым пламенами, выдававшими раздражение и упрямство, но пронзительно-алых намерений убийцы всё же не было видно. Да если бы и появились — что с того?

В небе, меркнувшем последними отсветами зари, мелькали быстрые крылья Мыша: зверёк упоённо охотился, хватая жирных болотных насекомых, стремившихся на огонь. Он не улетит далеко, а это значило, что до рассвета к его хозяину никто

не подойдёт незамеченным. Волкодав прислонил к дереву свой заплечный мешок, завернулся в старый, неоднократно прожжённый, но по-прежнему тёплый и очень любимый серый замшевый плащ, устроил под рукой ножны с Солнечным Пламенем — и скоро уснул.

Ему приснился туман над Светынью и крик одинокой птицы, невидимо летящей в тумане.

Через плавни, не зная местности да ещё и без лодки, быстро не пройдёшь. В бессолнечную погоду можно вовсе заплутать и от отчаяния погибнуть, как потом выяснится, в двух шагах от жилья. Но это сказано о неопытных путешественниках и о тех, чей дух легко сломить первой же неудачей. Трое, явившиеся из Велимора, видели виды, после которых плавни уже мало чем могли их напугать.

Ни одно болото, сколько бы ни идти через него, не окажется бесконечным. Но всё же, выбираясь из середины топей на сушу, хочется сразу угадать направление к ближайшему берегу. С восточной стороны между кронами могучих вётел проглядывали холмы. Следовало предположить, что там если не матёрый берег, то уж во всяком случае — большой остров. Может, даже населённый. А с холмов всяко удастся рассмотреть, что делается вблизи и вдали!

Плот, связанный из охапок пухлого высохшего тростника, медленно двигался узкими, извилистыми протоками. Трое мужчин осторожно налегали на длинные жерди, толкая ненадёжное сооружение вперёд. У них не было с собою верёвок, и вязать плотик пришлось чем попало: молодыми корневищами сарсана и прутьями тальника, успевшими утратить весеннюю гибкость, но ещё не набравшими жилистой упругости предзимья. Всё это норовило разъехаться под ногами, и непременно разъехалось бы, если б не зрелые листья всё того же сарсана, уложенные сверху и повернутые колючками к тростнику. Человеческий вес их не продавливал.

Плавни называл бы гиблым местом только тот, кто до смерти боится воды. На берегах и в протоках было полным-полно всяческой живности, причём не особенно пуганой. При появлении плота не спеша уплывали в сторону утки с уже взрослыми выводками, дважды снимались с лёжек и, треща сухими ветками, уходили невидимые кабаны. Свирепые старые единцы не гневались на людей. На островках хватало зреющих орехов и особенно падалицы: месяц, что стоял сейчас на дворе, в Саккареме называли месяцем Яблок...

Сидя в Тин-Вилене, Волкодав уж никак не собирался путешествовать по Саккарему, а потому и карт этой страны в своём мешке не припас. Однако несколько карт всего мира — из числа тех, что показались ему наиболее правдивыми и интересными (из-за того конечно, что более-менее верно изображали веннские края), — по счастью, всё-таки сохранялись в не боящемся сырости кошелье. Счастье же состояло в том, что, не в пример веннским дебрям, Саккарем был страной посещаемой и обжитой, а посему в различных «Начертаниях» и на соответствующих им картах занимал несоразмерное место. В сторону увеличения, конечно.

Довольно странно было смотреть на рисунок, изображавший расположение сразу всех частей света. В то время как Сегванские острова были помечены далеко не все, да и те не особенно верно (что вызвало у Винитара хмурую и кривую усмешку), а западный берег Озёрного края оставался вовсе не прорисованным, — Саккарему оказывалась отведена чуть не половина материка. И в нижнем течении могучего Сиронга, выглядевшего на карте сущим проливом, удавалось разглядеть едва ли не те самые протоки, по которым пробирался неповоротливый плот. Холмы же, медленно придвигавшиеся с востока, были снабжены даже названием: Чёрные.

И на некотором расстоянии за ними, если не врал карта, проходила большая дорога. Дорога тянулась из стольной Мельсины на север, соединяя несколько городов. Это был великий

большак. По нему скакали гонцы, возвещавшие волю солнцеликого шада. По нему из приморских городов в глубь страны везли товары, доставляемые кораблями из Аррантиады, Мономатаны, Вечной Степи. Обратно к побережью везли шёлк, лес, вино, хлеб... и чудесные камни, добываемые каторжниками в Самоцветных горах. От великого большака в разные стороны тянулись узкие ниточки менее значительных трактов. Одна из малых дорог вела в город, по которому плавни Сиронга нередко именовались Чирахскими.

Для Волкодава это название кое-что значило.

В Чирахе выросла девушка по имени Ниилит.

Чёрные холмы слыли Чёрными не из-за тёмного цвета земли или торфяной воды сбегавших к плавням ручьёв. Когда-то здесь была крепость. Большая, могучая крепость, — орлиное гнездо, надёжно прикрывавшее нивы и поселения на много дней пути окрест. Вот только кто и когда выстроил её и почему в конце концов она оказалась разрушена — теперь никому не было известно. Древними и памятливыми были саккаремские летописи, но и они не давали ответа.

— Зелхат Мельсинский описывает эти развалины, — невольно понижая голос, проговорил Волкодав. — Он полагает, что крепость погибла ещё во время Великой Зимы...

Троим путешественникам вроде и не было особого дела до старинных камней, но равнодушно пройти мимо этих руин смог бы только тот, для которого они давно превратились в ежедневную и привычную данность. Гигантские тёсанные глыбы непроглядно-чёрного камня посейчас ещё громоздились одна на другую... да не просто громоздились, а были пригнаны так, что волос человеческий не мог между ними пролезть. И оставалось загадкой, откуда этот камень, огнюдь не водившийся нигде вблизи, был привезён и какими трудами и ухищрениями поднят на должную высоту.

Тайне древних строителей, всего вероятнее, так и предстояло неразгаданной кануть в бездну времён. Новых саккарем-

цев, пришедшим сюда после окончания столетия Чёрного Неба, очень мало занимали секреты зодчества давних предшественников. Их снедали гораздо более земные и насущные нужды, и кто стал бы их за это винить?.. Оттого на Чёрных холмах сохранились только основания стен, сложенных вовсе уже неподъёмными, невыворачиваемыми блоками. Всё остальное, что только можно было унести или увезти, давным-давно перекочевало в подклеты и стены домов мельсинцев, чирахцев и всех, кто жил достаточно близко.

Как и положено по природе вещей, новая жизнь питалась останками старой, руководствуясь только своими злободневными нуждами и ведать не ведая, что тем самым уничтожает нечто великое. Так рушатся зелёные исполины лесов, и отрухляевшие стволы дают пропитание поколениям новых ростков. И поди ты объясни про великое землепашцу, которому в преддверии зимних бурь нужно выстроить крепкий дом для жены и десятка малых детей...

Волкодаву упорно казалось, будто ещё различимые арки ворот и проёмы дверей были слишком высоки и обширны для обычных людей.

Поклясться не возьмусь, но от людей я слышал,
Что раньше великаны плодились на зсмле.
Но дни былых племён затеряны во мгле,
А в брошенных домах живут, представьте, мыши... —

отозвался на его невысказанную мысль Шамарган. Он тоже заметил стайку полевых мышей, игравших и гревшихся на полуполуденном солнышке посреди бывшего крепостного двора.

От ворот, обрушенных, но и в запустении ещё сохранявших что-то от былого величия, вниз к подножию холмов спускалась дорога. Она явно была ровесницей крепости и тоже была выложена камнем, только не чёрным, а серым. Сквозь плотную вымостку лишь в очень немногих местах сумела пробиться трава. Нынешний саккаремский шад, Марий Лаур, был прежде конисом Нардара и в своей горной стране привык за-

ботиться об устройстве дорог. Женившись в Саккареме на венценосной наследнице и взойдя затем на престол, он, руководствуясь прежним опытом, уделил немало внимания удобству и безопасности дорог своей новой державы. Но мостить дороги красиво и на века, как когда-то, в нынешнем Саккареме ещё не выучились. Пока?..

Волкодав оглянулся. Далеко внизу, там, откуда они пришли, медленное течение последней преодоленной протоки уносило прочь брошенный тростниковый плот. Впереди солнце красновато отсвечивало в пыли на дороге, которая, сбегая по склону, постепенно исчезала в лесу, чтобы где-то там, дальше, за широко видимым с высоты небоскатом, влиться в великий большак. Тоже, между прочим, хорошо проторённый и наезженный за долго до Камня-с-Небес...

Нехорошее всё-таки место — дорога! Волкодаву вдруг показалось, будто серые камни шептались и переговаривались голосами несчётных тысяч людей, прошедших по ней с начала времён. Каждый венн сызмальства знает: если долго идти по дороге в одну сторону, как раз доберёшься напрямиком на тот свет. Поэтому никто не может быть уверен, что именно явится к нему по дороге с Другой Стороны, а что, напротив, уйдёт. Ну а этот тракт, выстроенный до вселенской гибели, уж точно не вполне принадлежал миру людей... Волкодав подумал об этом и испытал странное, берedaщее чувство. Дорожные тени шептались и переговаривались о нём. Как лёгкий пар или пыль, тревожимая ветерком, они поднимались от векового сна и вглядывались в него. Это были тени людей, убитых Тёмной Звездой.

И тех, кого там, далеко на севере, в Самоцветных горах, она продолжала ещё убивать.

И если он вступит сейчас на эту дорогу и пройдёт по ней, не сворачивая, до конца...

Волкодав шагнул на серые камни и вдруг успокоился. На самом-то деле он вступил на эту дорогу уже очень, очень давно. Просто теперь, на своём последнем протяжении, его Путь об-

рёл вот такой вещественный облик. И венн с лёгким сердцем двинулся вперёд, мысленно приветствуя сонмища сошедшихся душ: *Мир по дороге!**

— Ты куда теперь? — спускаясь с холма, спросил он Винитара.

Тот молча прошёл ещё несколько шагов, потом уверенно ответил:

— В Мельсину.

Он не стал объяснять, да и не требовалось. В Мельсину приходили корабли со всего света. В том числе и сегванские торговые «белухи», сопровождаемые боевыми «косатками». В большой гавани кунс Винитар наверняка сыщет добрых знакомцев, которые почтут за честь взять его к себе на корабль и помочь встретиться со своими. Правда, эти знакомцы или друзья могли объявиться не сразу, а, например, через месяц. Волкодав задумался о том, как бы уговорить Винитара достойно разделить деньги, по-прежнему лежавшие в его заплечном мешке, чтобы ожидание не стало для гордого сегвана временем нищеты или унижительных заработков. Уговаривать он был не мастак. Пока он соображал, как бы подойти к делу, Винитар сам обратился к нему:

— А ты куда думаешь направиться, венн?

Волкодав ответил столь же уверенно:

— На север.

Их взгляды пересеклись, и слова опять оказались излишними. Между ними было всё-таки многовато крови для настоящего побратимства. «Ничего, венн. Знай, что мы ещё встретимся. В другой раз... Может быть, в другой жизни...»

— А я тоже на север, — заявил Шамарган, хотя его никто не спрашивал. — В Мельсине я был и знаю, что там ничего хорошего нет. А вот на севере, говорят, премного забавного... Ты, венн, домой, что ли, через горы хочешь махнуть?

* *Мир по дороге!* — старинное приветствие, благопожелание мирного пути встречному и одновременно как бы напоминание, что все путники на дороге должны быть друг другу товарищами.

Волкодав усмехнулся углом рта:

— Пожалуй, и так можно сказать...

Трое спускались с холма, и густые тени ползли за ними вслед по дороге.

Постоялые дворы, сколько Волкодав видел их в разных концах света, все похожи один на другой. Нет, конечно, в стране сольвеннов путешественник ищет на постоялом дворе в первую голову укрытия от холода, в Саккареме или в Халисуне — убежища от солнечного зноя, а в Нарлаке — крыши над головой во время частых дождей. Да и подадут страннику близ Мельсины, скорее всего, невозможно наперченную баранину и виноградное вино, чтобы залить неизбежную жажду, в Нарлаке — разварную говядину с кислой яблочной бражкой, а в окрестностях Галирада — ячменное пиво и жареную свинину с капустой. Однако суть от этого не меняется. Всякий постоялый двор урывается для того, чтобы с выгодой для себя удовлетворять нужды переходящих людей. Поэтому любой хозяин, надумавший радовать подданных Госпожи Дороги да сам кормиться от Её щедрот, имеет у себя и харчевню с опытными «вареями», и комнаты для ночлега, и крытый двор, чтобы ставить повозки. А также вышибал при дверях и настоящую домашнюю стражу, если есть хоть малейший повод опасаться разбойного налёта.

И, конечно, конюшню, куда можно не просто поставить лошадей или лошадей с тем, чтобы все животные были присмотрены, вычищены и накормлены. По-настоящему заботливый хозяин всегда держит ещё и несколько коней на всякий непредвиденный случай, если, к примеру, гость явится к нему на жестоко захромавшем скакуне или вовсе без того, имея при том повелительную необходимость скорейшим образом двигаться дальше.

Памятуя об этом, Волкодав в первом же селении (а оно обнаружилось непосредственно под холмами, там, где серая речка крепостной дороги вливалась в столь же древнюю, но гораздо больше траченную колёсами и копытами вымостку великого северного тракта) повёл своих спутников на постоялый двор.

Именовалось это заведение, как и следовало ожидать, «Старая башня». И над крышей харчевни даже поднималось нечто вроде древней зубчатой башни, сработанной, правда, из досок, просмоленных до древней черноты настоящих руин.

— Я и пешком могу до Мельсины дойти, — заартачился Винитар.

— Можешь, — хмыкнул Волкодав. — Но я много дней видел твоё гостеприимство и не считал это уроном для своей чести. Почему бы теперь тебе не воспользоваться моим?

«Потому что я — кунс», — мог бы сказать Винитар.

«Так и я свой род перечислю на шестьсот лет назад, — мог бы ответить ему Волкодав. — Без запинки до самого Пса. Что, считаться начнём?»

Но один не сказал, а другой не ответил. Шамарган со злой ревностью следил за их разговором, происходившим без слов. Ему очень хотелось быть с этими двоими равным, но... не то чтобы они не допускали его, просто не получалось.

Хозяин постоянного двора был дородный саккаремец, самый вид которого, казалось, говорил о многих выгодах его ремесла, и в особенности при нынешнем благодетельном правлении. Он стоял за стойкой харчевни, неспешно протирая и без того чистые кружки. Сейчас посетителей было немного, но весь вид большой комнаты свидетельствовал о недавнем наплыве гостей, от которого здесь, так сказать, ещё не успели как следует отдышаться. Работники во дворе убирали в сарай скамьи и столы, ставшие излишними, снимали красивые — не на каждый день — занавеси со стен.

Вид троих незнакомцев, один из которых выглядел знатным иноземным вельможей, а двое других — его слугами, явно порадовал хозяина двора, но вместе с тем удивил его и вызвал понятное любопытство.

— Да прольётся дождь тебе под ноги, почтенный, — вежливо поздоровался Винитар. Как и Волкодав, он видел в своей жизни предостаточно постоянных дворов и знал, что здесь при-

нято прямо переходить к делу. — Нам довелось заплутать в здешних плавнях, и оттого мы вышли сюда пешими. Не сможем ли мы купить или нанять у тебя лошадей, чтобы продолжить свой путь?

Над головой хозяина висел символ, излюбленный владельцами придорожных заведений Саккарема: женская рука, держащая большое кольцо. Так здесь привлекали милостивое внимание Богини, Взирающей-на-пути. Волкодаву нравился этот символ. Он видел в нём напоминание о Великой Матери, Вечно Сущей Вовне, чьим знаком венны почитали именно кольцо. Оно знаменовало для них справедливое мироустройство — от круга звёзд и времён до самых вроде бы мелких периодов человеческой жизни. Саккаремцы усматривали в обруче, удерживаемом рукою Богини, иную мудрость и смысл. Снабжённые подробностями изображения позволяли увидеть на ободке рисунки домов, рек, деревьев и сложную вязь дорог, — но дорог, непременно смыкавшихся. Тем самым всем путешествующим выражалось пожелание благополучно вернуться. Ещё здесь можно было усмотреть более печальное значение: всякого, странствовавшего достаточно долго, по возвращении неизбежно опять потянет в дорогу.

И это Волкодав тоже знал по себе.

— Богиня да благословит дождём пыль на путях и тропах, что привели вас сюда, — ответил между тем хозяин двора. — Сразу видно, что вы очень достойные люди. и в другое время я почёл бы за честь для себя подобрать вам самых выносливых и резвых коней. Но вы, без сомнения увлётвшись благородным делом охоты и, я не сомневаюсь, вполне в ней преуспев, и впрямь очень долго плутали по островкам и протокам! Оттого вы не знаете, что третьего дня нашими местами проезжала на север свита почтеннейшего Дукола, великого бирюча* и гербослова**

* *Бирюч* — здесь: придворный возвеститель особо важных государственных сообщений.

** *Гербослов* — здесь: знаток и толкователь гербов, высший авторитет в спорах, когда кто-то «меряется родством».

нашего шادا. Солнцеликий Марий, да продлит Богиня нам на радость его дни на земле, отправил премудрого старца в город Астутеран, где ожидается встреча и вечное замирение с союзом горских племён. «Старая башня», к премной нашей гордости, была почтена ночлегом шадского посольства... Это значит, мои господа, с одной стороны, что нами было заготовлено с избытком всяческой снеди и вы можете отведать тех же самых блюд, что заслужили одобрение умудрённого Дукола и его приближённых, но по гораздо более скромной цене... И, если пожелаете, остановиться в покоях, видевших самых блестящих сановников. Скажу вам по секрету, из этих комнат у меня уже украли на счастье несколько полотенец... А с другой стороны, любезные посетители, увы, увы... После пребывания столь важного посольства в нашем селении поистине нет ни одной сколько-нибудь пристойной лошади ни внаём, ни на продажу. Те, которых мы, будучи добрыми подданными, ссудили некоторым спутникам Дукола, вернутся только дней через десять. Вы можете, почтенные, обождать это время у меня, если время вам позволяет. А можете отправиться чуть в сторону от великого тракта и посетить Чираху, славящуюся своим рынком. Воистину вы не прогадаете, ведь отсюда до Чирахи всего лишь полдня пути...

Ташлак, давно известный всей Тин-Вилене, но при этом по-прежнему лучший соглядатай Хономера, по-прежнему был готов поведать своему кормильцу уйму занятного и полезного. И не только о настроениях в городе, но и о делах внутри самой крепости.

— Помнишь унотов прежнего Наставника — Бергая с Сурмалом? — рассказал он Хономеру. — Так вот, эти двое надумали сложить пояса ученичества, и Волк их отпустил. Они сели на корабль, уходивший в Мельсину. Кое-кто на причале слышал, как они обсуждали, где бы им найти хорошего мастера, известного искусством строить мосты. И как раздобыть денег, чтобы достойно вознаградить его труд...

Разумеется, Хономер отлично помнил унотов, едва-едва приступивших к постижению благородного кан-киро и для какой-то надобности засажённых Волкодавом за чтение книги. Уход этих двоих был не ахти какой потерей для школы воинствующих жрецов... Тем паче что будущее самой этой школы было весьма даже зыбко...

— Дальше, — поморщился Хономер.

Маленький неприметный соглядатай не отличался изысканным красноречием.

— Наставник Волк последние несколько дней сделался очень задумчив, — продолжал он бубнить, словно рассуждая о способах варки ячневой каши. — Это заметили все уноты. Они шушукались между собой, вот бы, мол, знать, что у него на уме...

Издранные ноги Хомера покоились в глубоком тазу, полном тёплого травяного настоя. Посудину прикрывала холстина, служившая удержанию целебного пара и одновременно прятаящая безобразие покалеченной плоти. Может быть, и не стоило показывать Ташлаку свою телесную немощь. Но, с другой стороны, — да какая, в сущности, разница?

— Этот парень всё время задумчив, и у него, сколько я его знаю, всё время что-нибудь на уме, — раздражённо бросил Избранный Ученик. — Ташлак, ты дождёшься, что я твоё содержание в три раза урежу! Неужели нет ничего, о чём мне действительно стоило бы знать?

— Ты осведомлялся о женщине, которую видели у ворот крепости. Я нашёл людей, встречавших её позже. Она появлялась на дороге севернее Тин-Вилены. Попутчики спрашивали, не нужно ли её проводить, но женщина отвечала, что до Зазорной Стены и сама как-нибудь доберётся...

Хономер с силой прихлопнул ладонью по ручке кресла:

— Дождусь я наконец каких-нибудь важных известий или до утра так и буду выслушивать чепуху?.. Известно ли тебе, например, что говорят в городе про эти образа, которые сулятся нам вот-вот принести? Правда ли, будто их кое-кто уже видел... и якобы даже обрёл исцеление?

— Истинная правда, и готов подтвердить всем, чем могу! — с необычной для него горячностью заверил Хономера Ташлак. — Скажу даже больше: я сам проник в дом резчика Гиюра, отца Тервелга, и видел оные образа...

Хономер напряжённо слушал, глядя со странным предчувствием на искренний огонь, мерцавший в глазах соглядатая. Ташлак же вытянул вперёд правую руку:

— Видишь?

Внешность у него была точно такая, какую обычно придают тайным и зловещим подсылам ярмарочные лицедеи в своих представлениях. Неприметная — и, если всё-таки рассмотреть — неприятная. В том числе густо усеянные бородавками руки. Имея дело с Ташлаком, Хономер старался к нему не притрагиваться, и его ничуть не заботило, замечал ли это сам Ташлак...

Он посмотрел. Кожа на руке подзирателя необъяснимо очистилась. Нет, она не стала необыкновенно здоровой и гладкой, но после прикосновения к ней уже не хотелось поскорей вытереть пальцы. Чудо. Истинное чудо Близначев...

Хономер покрылся мгновенной испариной и одновременно ощутил озноб. Ничего общего с радостным возбуждением, вроде бы должным при лицезрении чуда. Наоборот, Избранный Ученик переживал странную внутреннюю опустошённость.

Он опустил голову и прикрыл ладонью глаза.

— Ступай, — тихо и устало сказал он соглядатаю.

Ташлак, уже открывший рот сообщить что-то ещё, счёл за благо промолчать. Он удалился на цыпочках и очень бережно прикрыл за собой дверь.

Торг в Чирахе действительно оказался таким большим и богатым, что поневоле зарождалась мысль о его исконности для маленького городка. Мастерские по выделке мешковины из волокон тростника и бумаги — из его же сердцевины появились, надобно думать, потом. Мешковину стали делать, чтобы упаковывать купленные и продаваемые товары. Да и бумагу, скорее всего, начали варить затем, чтобы вести счётные записи при

торговле, не покупая листы для письма на стороне: чирахцы славились бережливостью. А возник городок, лежавший на самом берегу плавней, у широкой и удобной протоки, конечно же, вокруг торгового, существовавшего здесь... ну, если не «испокон веку», как обычно в таких случаях говорят, то с тех времён, когда развелись холодные чёрные тучи Великой Зимы и Сиронг снова стал течь, — уж точно!

Сюда наведывались с океана большие парусные корабли, владельцам которых по тысяче самых разных причин не хотелось останавливаться в гавани Мельсины. Кому-то казались слишком высокими денежные повинности, налагаемые на тамошнюю торговлю в пользу шадской казны. Чьи-то мореходы после долгого плавания предались уж слишком разгульному веселью на берегу, так что с некоторых пор хозяину судна вовсе не улыбалась новая встреча с городской стражей столицы. Кого-то вовсе поймали на торговле запретными товарами вроде некоторых мономатанских зелий, дарующих временное блаженство, но по прошествии времени способных превратить человека в растение... Да мало ли ещё что может приключиться с купцом, странствующим по широкому подлунному миру?

При всём том, однако, в большой портовый город Чираха так и не выросла. Во-первых, потому, что подобных ей уголков в разветвлённом устье Сиронга был далеко не один и даже не десять. А во-вторых, здесь тоже не покладая перьев трудились шадские сборщики налогов. И взимаемые ими поборы были хотя ниже мельсинских, но не намного. Ровно настолько, чтобы вовсе не отвадить торговых гостей.

Одним словом, торг не то чтобы рос на дрожжах, но вполне процветал, и купить здесь можно было поистине всё, что угодно. Начиная от несравненной посуды, производимой дикими вроде бы жителями островов Путаюма, и кончая теми самыми зельями, продаваемыми хотя из-под полы, но по вполне сходной цене.

Винитар и Шамарган отправились присматривать лошадей. Волкодав же, полагая, что они вполне справятся и без него,

поскольку в чём, в чём, а в лошадях они, особенно Винитар, смыслили куда как побольше, — отправился в город, ведомый совсем иной надобностью, а вернее сказать, прихотью, потому что насущной надобности в том для него не было никакой. Ему вздумалось посмотреть на бывший дом Зелхата Мельсинского. И на соседний с ним дом, где выросла Ниилит.

Улицы в Чирахе не были ни прямыми, ни слишком длинными. Городок разрастался от причалов и прибрежного торга, и каждый из первоначальных жителей хотел быть как можно ближе к воде. Оттого многие дома, особенно старые, стояли на сваях, а улицы петляли, следуя изгибам протоков, соединялись мостиками и в конце концов упирались в болото. Волкодав понятия не имел, где искать жилище учителя Ниилит, но скоро выяснилось, что этот дом ему готов показать — естественно, за мелкую монетку — каждый мальчишка.

Как он и ожидал, Зелхатов домишко обнаружился на самом краю города (который, по мнению Волкодава, городом-то называть не следовало, ибо защитной стены в Чирахе отродясь не было), и даже слегка за его пределами — на островке, принадлежавшем больше плавням, нежели человеческому поселению. Маленькое строение со стенами из плетня, обмазанного глиной, с крышей всё из того же неизбежного тростника, даже не было обнесено забором. Наверное, ссыльный мудрец понимал, что всё равно ни от кого отгородиться не сможет. Домик стоял на сваях, поскольку Сиронг тёк с гор и каждый год, в пору таяния снегов при своём истоке, значительно разливался. От лесенки вверх — бревна с зарубками в виде ступенек — вели две тропинки. Одна соединялась с улицей, возле края которой стоял Волкодав. Другая огибала сваи и пропадала в густых кустах, окаймлявших болото. Венн попробовал представить себе, как некогда прославленный учёный, вконец одряхлев, понемногу перестал узнавать ближайших соседей, потом утратил дар вразумительной речи. И наконец, однажды летней ночью ушёл вот по этой самой тропинке, по сверкающей лунной дорожке пря-

мо в гибельную трясиину, думая, что восходит к светозарному храму Богини...

Так, во всяком случае, поведали Волкодаву бойкие уличные мальчишки. Наверное, у чирахцев были свои причины рассказывать об уходе Зелхата именно так, но венн смотрел на маленький домик, спустя десять лет всё по-прежнему окутанный тенями одиночества, и не верил услышанному. Ему доводилось видаться и беседовать с теми, чей разум отличался от разума обычных людей, как могучие океанские парусники возле здешних причалов — от тростникового плота, брошенного гнить у подножия Чёрных холмов. Он честно попытался представить себе Тилорна, Эвриха, да хоть ту же Ниилит, впадшими в слюнявое старческое слабоумие... и не мог. Корабль, привыкший пересекать океаны, может разбиться о рифы или навсегда застрять на мели, но он и в гибели сохранит свою природу, а не превратится в дрянную плоскодонку из здешних болот.

Гораздо легче было представить, как, получая всё более скверные известия из дворца тогдашнего шада, своего гонителя Менучера, мудрый старик решил обезопасить себя единственным способом, ещё доступным ему. Разыграл старческое угасание, приметы которого, сам будучи лекарем, наверняка хорошо знал. А потом, когда даже дерзким на язык соседским мальчишкам — появлению которых на свет он наверняка помогал — надоело травить «умобредного», он собрал в нетяжёлую, по старческим силам, суму несколько избранных книг... а может, просто пачку чистых листов, перо да чернила... и ушёл под луной через болото по тайной тропе, уповая на вешки, известные только ему да Ниилит, с которой они вместе их представляли...

Что с ним случилось, где он теперь? Всё-таки умер и упокоился в безымянной могиле, а то вообще без могилы? Или по-прежнему жил где-нибудь под чужим именем, равно чураясь и людской злобы, и милостей шада-нардарца, как бы народ того ни хвалил?..

Волкодав, впрочем, весьма сомневался, чтобы столь великий ум сумел долго оставаться незамеченным и неузнанным. Он помнил, как вёл себя в Галираде Тилорн. Хотя вот уж у кого, после недавнего заточения, были все основания до смерти бояться любого поступка и даже слова, могущего привлечь к нему излишнее внимание...

Волкодав стоял и смотрел, и спустя недолгое время в глухом заборе соседнего дома отворилась калитка, и наружу выглянул слуга.

— Господин иноземец, верно, желает осмотреть дом досточтимого Зелхата? — обратился он к венну. Волкодав оглянулся, и слуга продолжал, нимало не смущаясь его разбойничьей внешностью: — Это будет стоить четверть лаура, которые господин иноземец должен заплатить моему хозяину, купившему выморочное* покойного мудреца. Если же господин иноземец милостиво добавит к четверти лаура ещё несколько грошиков, я сам проведу его по дому Зелхата и всё как есть расскажу...

— А кто твой хозяин? — начиная догадываться кое о чём, спросил Волкодав.

— Мой хозяин, — должным образом приосанившись, но без большой теплоты в голосе отвечал слуга, — достославный мельник Шехмал Стумех, чьим добрым соседом Зелхат был с самого начала и до конца. Так желает ли господин иноземец всего за четверть лаура осмотреть дом, поклониться порогу которого приезжают вельможи и учёные мужи не только из Мельсины, но даже из других стран?..

— Нет, — сказал Волкодав. — Не хочу.

Мало того, что четверть серебряного лаура сама по себе была грабительской платой, он не желал отдавать ее человеку, продавшему в рабство собственную племянницу. По имени Ниилит. Но и это, пожалуй, не было главным. Что хорошего мог он увидеть в доме Зелхата? Приметы его старческого сумасбродства?.. Но если разум Зелхата вправду подался под грузом

* *Выморочное* — движимое и недвижимое имущество, оставшееся после владельца, умершего без наследников

прожитых лет и пережитых несчастий, вот уж радость узреть это собственными глазами. А если венн был всё-таки прав и опальный мудрец сам устроил эти приметы перед тем, как уйти от людей, — тем более какой толк пытаться распутать эти следы?

Возможно, уже завтра он будет всячески клясть и корить себя за недостаточное любопытство — в кои веки сподобиться попасть в Чираху, оказаться на пороге Зелхатовой хижины, а внутрь не войти! — мыслимо ли?.. Но сегодня...

— Ты, господин иноземец, как хочешь, — неспешно затворя калитку, выговорил слуга мельника. — Но да будет господину иноземцу известно, что на тех, кому вздумается подходить к дому Зелхата самочинно, без платы, мой милостивый хозяин велел злую собаку спускать.

Волкодав усмехнулся, показывая выбитый зуб. Улыбка у него была не из тех, при виде которых хочется продолжать разговор, а тем более угрожать. Слуга как-то сразу заторопился, видимо вспомнив о важных и не терпящих отлагательства делах, а венн окинул дом мельника Шехмала Стумеха быстрым, но очень внимательным взглядом.

Ему бросилось в глаза, что глухой забор не менее чем до середины по высоте был сложен из уже знакомого чёрного камня. Дом за могучей стеной оставался почти невидим, но следовало предположить, что чёрные плиты и толстые каменные «кабаны»*, вытесанные задолго до Великой Ночи, там тоже использовались в изобилии. Знать, предки мельника были среди тех, кто первыми подоспел к разорению крепости на холмах. Или предки тех, у кого, разбогатев, его род купил этот дом?..

Так или иначе, а жившие за забором всё равно получались из рода мышей, утащивших себе в норку щепочки и гвозди от палат вымерших великанов. Они и теперь пытались нажиться на крохах от славы Зелхата... Что ж! Как однажды выразилась Ниилит: «Я совсем не хотела злословить, я просто сказала, ка-

* «Кабаны» — каменные блоки для строительства.

ковы они на самом деле есть, и да благословит их Богиня. Таки-ми Она их создала, а значит, был на то какой-то Её промысел...» А Волкодав, выслушав эти или сходные слова несчастной девчонки, подумал, помнится, что подобную родню в выгребных ямах нужно топить...

— Будет вам от Богини благословение, — пробормотал он по-веннски. — Такой дождь под ноги, что весь дом как есть в воду смоем и течением унесёт.

Повернулся и зашагал обратно на торг.

Он договаривался встретиться со спутниками у трактира, называвшегося «Удалой корчемник». Вывеска изображала хитрющего мужика с большим мешком за спиной, удирающего от стражей в медных нагрудниках, причём видно было, что те его не догонят. В прежнее своё посещение Саккарема Волкодав долго не мог взять в толк, чем «корчемник» отличается от «корчмаря» и почему первые, не в пример вторым, считаются лихими людьми и таятся от стражи. Теперь-то он знал, что это слово обозначало ловкого жителя порубежья, привыкшего кормиться доставкой запрещённых товаров вроде дурманного зелья. Или не запрещённых, а всего лишь провезённых мимо шадских сборщиков податей. Оттого и продавали те товары не на рынке, где всякий может увидеть и донести, а в трактирах, тавернах и корчмах, где осторожный хозяин предлагал их проверенным людям, не склонным попусту трепать языками. Вот и назывались недолжные товары *корчемными*, а те, кто тайно провозил их тридесатой протокой, — *корчемниками*. И уж где, если не в Чирахе, жители коей наверняка через одного промышляли корчемничеством, мог появиться трактир с подобным названием?..

Обойдя рынок, Волкодав увидел, что возле назначенной коновязи не прибавилось лошадей. Тогда он отправился в скобяной ряд и не торопясь прошёл его от одного конца до другого, особенно внимательно приглядываясь к инструментам для камнетёсного и камнебитного дела. Увы, ничего дельного ему так и не попало. Видно, местные мастеровые привыкли

пользоваться готовым камнем, всё ещё доставляемым с Чёрных холмов, а помимо него, обрабатывали только крохлый песчаник. Во всяком случае, здесь явно не имели понятия ни о настоящей стали, ни о должной закалке и заточке резцов и зубил. Ну что ж, не везёт, значит, не везёт... Волкодав решил заглянуть к лоткам книгопродавцев. Книги Зелхата, имевшие отношение к землеописанию, он прочитал, кажется, все. Но, может быть, в городе, где ссыльного учёного сперва закидывали грязью, а теперь порывались за деньги показывать приезжим его дом, сыщется некий труд, о котором Волкодав и не подозревал? Или хоть толковая подделка, чтобы ему позабавиться, усматривая отличия от подлинного Зелхата?..

Венн выбрал самый большой и богатый с виду лоток, учтиво поздоровался с продавцом, молодым парёнком в халате с зелёной отделкой, и по тин-виленской привычке стал перебирать корешки.

Некоторое время продавец пристально рассматривал сурового, хорошо вооружённого покупателя, а того пуше — большую летучую мышь, сидевшую у него на плече. Наверное, пытался решить, кто такой пожаловал к его лотку. Волкодав наполовину ждал, чтобы его назвали «любезным варваром» и в шутку предложили купить какие-нибудь «Восторги наложницы» или «Тысячу сладостных вздохов». Времена, когда в таких случаях он терялся и впадал в немую обиду, давно миновали. Однако продавец осмотрительно держал язык за зубами, и его молчание тоже было понятно. По нынешним временам могло произойти всякое! Если верить слухам, сам шад не торопился менять простую одежду, удобную в путешествии и в бою, на роскошные парчовые ризы, вроде бы подразумеваемые дворцом. И окружение солнцеподобного Мария было ему под стать. Учёные советники, боевые полководцы, отмеченные рубцами многих сражений, да несгибаемые в правде царедворцы вроде седобородого Дукола. Вот так посмеёшься над странным вроде бы интересом человека с наружностью грубого рубаки, а назавтра окажется, что это новый наместник-вейгил, присланный шадом

в Чираху искоренять проворовавшихся мытарей! И в конце концов торговец вежливо поинтересовался:

— Могу ли я предложить благородному воину труды по знаменательным сражениям Саккарема во дни Последней войны? Вот, у меня есть «Гурцатово нашествие» славного Нераана из Дангары. А если господину воителю нравится поэзия, то позволю себе рекомендовать прекрасно исполненный список «Сказания о четырёх чудесных мечах» несравненного Марваха Кидорского...

Малахитовый бархат их блеск оттенял,
Кто их сделал — никто в целом свете не знал,
Ни учёный, ни жрец не могли разгадать
Эту тайну для шада, желавшего знать... —

пробормотал Волкодав. Потом спросил: — Не подскажешь ли, почтенный, можно здесь раздобыть какое-нибудь сочинение арранта Тиргея Эрхойра, также прозываемого, вероятно, Аррским либо Карийским? Или «Дополнения к Салегрину» другого арранта, по имени Эврих из Феда?

— Тиргей, Тиргей... — задумался книгопродавец. Волкодаву уже доводилось восторгаться памятью подобных торговцев, хранившей многие десятки имён и названий. Он даже испытал миг радостной надежды, когда молодой саккаремец зашарил взглядом по прилавку, желая что-то ему показать. Неужели наконец-то?.. Но продавец вытянул из длинного ряда книжицу, сразу показавшуюся венну знакомой. — Вот, не взглянешь ли? Это «Двенадцать рассуждений о пропастях и подземных потоках» просвещённого Кимнота, часть коих, сколь мне помнится, направлена против некоего Тиргея...

Волкодав хмуро покачал головой. И протянутую ему книгу в руки не взял.

— Эти «Рассуждения», — сказал он торговцу, — следовало бы давать читать молодым правителям в назидание, чтобы знали, чего опасаться. В ней человек, никогда не спускавшийся в подземелья, оговорил истинного учёного, посвятившего свои ра-

зыскания тайной жизни пещер. Да так удачно оговорил, что подлинный светоч разума был обвинён в измене и отправлен на каторгу. А клеветник занял его место подле сановника, к которому сумел подольститься.

— Легко клеветается, да не легко отвечается, — согласно развёл руками продавец. — Что же касается второго, о котором ты упомянул...

Но тут Волкодава отвлекло ощущение пристального взгляда, устремлённого в спину. Сказать, что такие взгляды он не любил, значило ничего не сказать. Тем более недоброжелателей по белому свету у него развелось более чем достаточно. Но это был не просто косой или злобный взгляд. Он содержал в себе нечто такое, что венну очень захотелось сперва выхватить меч, а потом уже оборачиваться. Он, конечно, сдержался.

— Прости, почтенный...

И Волкодав оглянулся, сразу найдя глазами того, кто на него смотрел.

Вернее — ту...

Ибо за спиной у него стояла девушка-мономатанка. Рослая, стройная, черней сажи и очень красивая. Облачённая в огненно-алое цельнотканое одеяние своей родины, невероятно выгодно оттенявшее природный мрак кожи. Волкодаву невольно подумалось, что девушка была бы ещё красивее, если бы улыбалась. И даже не потому, что зубы у неё наверняка были ровные и блестящие, как нанизанный жемчуг, а просто оттого, что почти все люди становятся красивее, когда улыбаются. Но нет. Мономатанка смотрела на венна так, словно он только что изнасиловал её родную сестру, а значит, заслуживал немедленной и очень жестокой расправы.

Во имя справедливых молний Бога Грозы, за что?..

А самое странное и тревожное, что она не просто желала наказать его смертью. Она ещё и *могла* это сделать, причём прямо здесь и сейчас, сделать каким-то неведомым Волкодаву, но очень страшным и очень действенным способом.

Настолько действенным, что вместе с одним-единственным врагом обратилась бы в прах половина рынка.

Насколько мог понять Волкодав, только это и спасло его от мгновенной расправы.

Не первый раз его порывались убить, но обыкновенно он знал хотя бы — за что. Он покинул лоток с книгами и неоконченный разговор с продавцом и двинулся к девушке, намереваясь прямо осведомиться о причине её гнева. При этом он не сводил с неё взгляда, и случилось так, что его посетила весьма неожиданная мысль. А потому и спросил он совсем не о том, о чём собирался:

— Скажи, госпожа моя, почему мне кажется знакомым твоё лицо?

Мономатана — обширный материк, населённый очень разными племенами. И языки у них тоже разные, но совсем уж неродственных среди них нет. Так что, если овладел каким-нибудь наречием запада Мономатаны, будь уверен, что и на востоке тебя через пень-колоду, но всё же поймут. И Волкодав не придумал ничего лучшего, чем обратиться к девушке на языке народа сехаба, единственном, который знал.

Он никогда не забывал мест, где прошёл хотя бы однажды. Мог даже узнать дорогу, виденную когда-то совсем с другого конца. Люди запоминались ему существенно хуже. И тем не менее лицо девушки было ему знакомо, он мог бы в этом поклясться.

Она не двинулась с места, лишь враждебный взгляд сделался ещё более надменным.

— Не слишком добра была ко мне жизнь, — на том же языке процедила она в ответ, — но, благословением Алой Матери и заступничеством небесной госпожи Нгуры, до сих пор судьба милостиво уберегала меня от встреч с такими, как ты!

Повернулась и не то чтобы пошла — прямо-таки поплыла прочь той особой величественной, свободной и немыслимо изящной походкой, которую считают присущей лишь женщинам Мономатаны. Волкодав же за всё хорошее удостоился ещё

и презрительного жеста: небрежно откинута длиннопалая кисть как будто выплеснула в него из чашки какую-то гадость.

И этот жест, против всякого ожидания, очень о многом сказал ему. Волкодав испытал мгновенное, как вспышка молнии, озарение и вспомнил, где видел её лицо. То есть не совсем её. Те же самые черты были как бы перелиты в иную, более суровую и грубую форму. Он узнал женщину, потому что помнил мужчину. Он сказал ей уже в спину:

— А я-то думал, у родственников славного Мхабра не принято без вины срамословить добрых людей.

Девушка обернулась... Волкодаву приходилось видеть, как бледнеют мономатанцы. Если белые люди становятся восковыми, то чернокожих отток крови делает серыми. Вот и на лице надменной красавицы укоризненные слова Волкодава мгновенно выжгли всю черноту: уголь стал пеплом. И куда только подевалось её беспредельное высокомерие!.. Стремительно шагнув обратно, девушка бухнулась перед ним прямо в пыль и, думать не думая о красивом дорогом одеянии и подавно видеть не видя глазеющего народа, поползла к венну на коленях, чтобы обнять его потрёпанные сапоги:

— О могучий и добродетельный господин, не прогневайся на ничтожную рабыню, наделённую поганым и бессмысленным языком!.. Накажи её как угодно, только не уходи... не поведавай мне прежде о моём брате...

...Пещера. Дымный чад факелов. Крылатые тени, мечущиеся под потолком. Костлявый подросток-венн, запоротый надсмотрщиками, почти безжизненно распростёршийся на неровном каменном полу. Отрешённая полуулыбка, блуждающая по рассечённым шрамами губам великана мономатанца...

«Одиннадцать поколений моих предков были Теми-Кто-Разговаривает-с-Богами, — произносит он медленно и торжественно. — Они умели просить Небо о дожде, а распаханную Землю — о плодородии. Но вся их сила перешла по наследству к моей маленькой младшей сестре. Мне же выпала лишь ничтожная то-

лика. Поэтому я и стал всего только вождём... А теперь, — обращается он к напарнику, безногому халисуницу, — во имя Лунного Неба, которому ты молишься, и шести пальцев славного Рамауры, что первым одолел Бездонный Колодец, — прошу тебя, помолчи! Я и так могу и умею немного, так хоть ты не мешай!..»

Волкодав нагнулся и, подхватив под локти, поставил девушку на ноги. Опытный каторжник при этом успел заметить на точёной шее полустёртый лекарскими усилиями след. След, который мог оставить только ошейник. Девчонка упоминала о рабстве не для красного словца и не самоуничижения ради. Она не понаслышке знала долю невольницы.

— Встань, госпожа моя, — негромко сказал Волкодав. — Негоже Той-Кто-Разговаривает-с-Богами прилюдно валяться в пыли. Сам я приехал издалека и ничего здесь не знаю... Может быть, ты подскажешь мне тихое, пристойное место, где мы могли бы сесть и побеседовать о твоём брате?

Мономатанка хотела что-то сказать, но не смогла и расплакалась. Волкодав не принадлежал к числу тех мужчин, которых зрелище женских слёз приводит в неописуемый ужас. Напротив, он взирал на них даже с некоторым облегчением. У него дома слёзы считали благословением женщин, помогающим выплеснуть и пережить многое из того, что для мужчин обычно кончается сединой и ранней болью в груди.

— Пойдём!.. — кое-как выговорила она наконец. — Пойдём скорее к моему повелителю... к моему великому и величественному господину... — Она судорожно цеплялась за его руки. — Прошу тебя, накажи ничтожную рабыню как только тебе будет угодно, распорядись мною как пожелаешь, только не откажи...

— Там, где я вырос, — сказал Волкодав, — никто не распоряжается женщиной, кроме её собственной матери, да и та — больше мудрым советом. Может, ты кому и рабыня, но только не мне. Веди меня, красавица, к человеку, удостоенному тобой имени повелителя, и, если ты считаешь ему нужным выслушать рассказ о судьбе благородного Мхабра, — пусть слушает...

— Идём, милостивый господин мой! — был ответ. — Скорее идём!..

— Что же касается второго, названного тобой... — думая, что Волкодав не может более слышать его, вполголоса повторил продавец книг.

И тихонько засмеялся неизвестно чему.

Волкодав не особенно удивился, обнаружив, что «великий и величественный повелитель» опасной красавицы обитал в наиболее дорогом и ухоженном постоялом дворе Чирахи. Здесь при входе стояли даже не обычные вышибалы, а самые что ни на есть городские стражники. При шлемах, кольчугах и девятицветных вязаных поясах. И ещё бы им тут не стоять! Это ведь был не какой-нибудь «Удалой корчемник», а почтенное «Стремя комадара», по названию высшего саккаремского военачальника. И останавливались здесь не разные малопочтенные личности вроде Волкодава со спутниками, а люди вполне уважаемые, состоятельные и даже приближенные к Золотому Трону Мельсины. Внешность Волкодава произвела на стражников должное впечатление — то есть точно такое же, как во всех виденных им малых и больших городах. Двое вооружённых мужчин начали потихоньку сдвигаться к середине прохода, соображая, пускать или не пускать в приличное место явного головореза. Мономатанка яростно замахала на них руками, и стражники сразу отпрянули, отступая с дороги. Наверное, хорошо знали её. Или, что важнее, знали её повелителя.

Девушка провела Волкодава через общую комнату, где сидели за пивом и неспешной беседой лишь несколько очень богато одетых купцов, и они поднялись по лесенке наверх, причём перила, как отметил про себя венн, были должным образом навощены и натёрты, а чисто вымытые ступени совсем не скрипели.

Девушка без стука устремилась в одну из дверей. За нею они чуть не столкнулись со вскочившим с пола парнишкой, опять-таки чернокожим. Его, пожалуй, уже нельзя было назвать

подростком, но и взрослым парнем — с изрядной натяжкой. Так — большун*.

— Афарга, ты куда, он же не велел...

Поименованная Афаргой так свирепо шикнула на парнишку, что тот только руками развёл. В одной руке у него, между прочим, был свиток с обугленным и изорванным краем, а в другой — чашка с чем-то белым и кисточка. Проводив глазами Афаргу и Волкодава, он вновь опустил на пол и вернулся к прежнему занятию, состоявшему в бережном укреплении пострадавшего свитка. Правды ради следовало отметить, что в левом рукаве парнишка прятал оружие, какой-то род маленького, но вполне смертоносного самострела. Которым он к тому же владел весьма решительно и искусно. Если Волкодав ещё что-нибудь понимал, юный мономатанец давно привык к странным и напрямую взбалмошным выходкам прекрасной любимицы хозяина. Но, зная её способность постоять за себя и давно отвыкнув вмешиваться, он лишь с любопытством следил, чем кончится её очередное сумасбродство. Происходившее весьма мало нравилось ему, а всего более не нравился приведённый Афаргой мужчина. Это не обидело Волкодава — а много ли было тех, кому он нравился с первого взгляда?.. Что же касается их таинственного господина, венн успел навоображать себе просвещённого купца откуда-нибудь из Афираэну или Мванааке, уж не того ли самого Шанаку, что некогда привёз в Галирад двадцать три чёрных алмаза и кустик, спрятанный под стеклянный пузырь... Но вот Афарга взялась за ручку двери внутренних покоев, и петли недовольно вздохнули.

— Господин, господин мой, — воскликнула девушка, — взгляни только, кого я встретила на торгу и привела к тебе для беседы!..

— Ну сколько можно, Афарга... — донёсся из глубины комнаты, от окна, голос, при звуке которого Волкодав попросту замер на месте, так что рука мономатанки соскользнула с его

* *Большун* — почти взрослый парень.

запаястья. Голос человека, бессердечно отрываемого от любимейшего на свете занятия — работы с пергаментом, пером и чернилами, — учёного, ещё витающего мыслями в том, о чём уже написал и только собирался писать, но при всём том понимающего, что в покое его не оставят и из мира, рождаемого в запечатлённых словах, волей-неволей придётся возвращаться в обыденность...

Если до сих пор догадки о божественном водительстве, благодаря которому его с острова Закатных Вершин вынесло червоточинами мироздания почти напрямиком в Саккарем, составляли для Волкодава лишь повод для праздного размышления, то именно в данный миг он уверовал в это самое водительство сразу и непоколебимо. Потому что из-за низкого столика возле распахнутого окна, освещённый с той стороны щедрым солнцем Чирахи, поднимался и шёл к нему, потирая усталые глаза...

Эврих.

Немало переменившийся, то ли возмужавший, то ли постаревший за годы разлуки... наживший почти такой же, как у самого Волкодава, шрам на левой щеке... И разодетый, словно саккаремский вельможа прямёхонько из дворца...

Но всё равно — Эврих!!!

— Афарга, я же просил... — начал хозяин покоев, но осёкся, видя, что приведённый девушкой человек уже вступил внутрь, а значит, не следует прямо здесь и сейчас выговаривать ей за самовольство, обижая тем самым нежданного и не слишком желанного, но всё-таки гостя. — Принеси чаю, — совсем другим голосом распорядился аррант. После яркого света из окна внутренность и порог комнаты тонули для него в сумерках. Волкодав стоял столбом и молчал. Мыш, подобными переживаниями нимало не обременённый, снялся с его плеча, шмыгнул мимо Эвриха, на лету ткнулся мокрым носом ему в щёку — дескать, привет, очень рад тебя видеть! — и унёсся в окно. Аррант отшатнулся, проводил его чумовым взглядом и пристальнее всмотрелся в полутьму у порога... А потом с невнятным, придушенным воплем рванул вперёд.

Афарга, собиравшаяся умолять своего повелителя хотя бы о самомалейшем внимании к рассказу человека, знавшего её брата Мхабра, изумлённо смотрела на двоих мужчин, так сжимавших друг друга в объятиях, словно некая сила угрожала немедленно их разлучить. Девушке доводилось лицемерить своего благодетеля, что называется, во всех видах. И в миг торжества, и предательски избитым, и скрученным скорбью о непоправимом... Но, кажется, ещё ни разу на её памяти чувства не пылали в нём так открыто и ярко, как при встрече с этим бородатым пришлецом с севера.

— Брат мой... друг мой варвар... — задыхаясь, бормотал Эврих. — Я не знал, каких Богов молить... Во имя покрывала Прекраснейшей, улетевшего с ложа!.. Я не отваживался надеяться на новую встречу с тобой...

— Не смей называть меня варваром! — отвечал хозяин летучей мыши. Его голос тоже почему-то звучал прерывисто и невнятно, как будто он никак не мог проглотить что-то, застрявшее в горле. И оба смеялись так, словно прозвучала какая-то давняя и очень остроумная шутка.

Парнишка по имени Тартунг* стоял рядом с Афаргой, пряча обратно в рукав так и не пригодившийся самострел-кванге. И тоже не мог взять в толк, чему радуется хозяин.

Избранный Ученик Хономер шагнул под арку во внутренний дворик, старательно отводя взгляд от изуродованных тлением образов. Это потребовало немалого сознательного усилия: слишком властно сказывалась многолетняя привычка непременно вскидывать глаза и осенять себя знамением Разделённого Круга. Однако продолжать творить священный символ на образа, из которых столь явно удалилась божественная благодать, было бы опасным кощунством. А осквернять свой взгляд зрелищем гниения и распада Хономеру попросту не хотелось.

* Подробнее о Тартунге, Афарге и приключениях Эвриха в Мономатане можно прочитать в романах Павла Молитвина «Ветер Удачи» и «Тень Императора» (СПб.: Азбука, 2001, 2002 и позже).

Тем более что сегодня в полдень должны были прибыть новые, истинно чудотворные образа. Порождённые по наитию свыше и уже успевшие наполнить Тин-Вилену слухами о своей истинно благой силе. Поговаривали даже, будто дивные лики, ниспосланные через вдохновенный резец юного мастера Тервелга, дарили исцеление и твёрдость в правых делах не только верным Ближнецов, но и последователям иных Богов, не брезгуя помогать даже никому и никогда не молившимся проходимцам вроде Ташлака.

Это последнее несколько настораживало, ибо, по мнению Хономера, чудесные святыни являли себя не в последнюю очередь ради распространения истинной веры. Но, с другой стороны, многоопытному Радетелю было отлично известно, сколь редко происходит явное и недвусмысленное вмешательство Богов в земные дела. Людям чаще всего предоставлено действовать по своему разумению... И пожинать заслуженные плоды. Вот он и будет действовать, как сочтёт наилучшим. Появятся образа — и он уж сумеет должным образом ими распорядиться...

...Уноты наставника Волка, не обращая внимания на продолжавший моросить дождик, сидели вдоль дальней стены таким неправдоподобно ровным рядом, что Хономер сразу обо всём позабыл и насторожился, тотчас поняв: что-то случилось! Он окончательно уверился в этом, увидев самого Волка, стоявшего с каменным лицом впереди всех. Сам того не ведая, в эти мгновения Волк был необыкновенно похож на одного своего соплеменника, семь лет назад с точно таким же видом взбиравшегося на деревянный помост: «Отдашь ты его мне, если побью твоего молодца?..»

Тот давний день был далеко не самым радостным в жизни Избранного Ученика, ибо обозначил поистине выдающееся звено в прискорбной цепи его неудач. Слишком часто вспоминать о подобном значило лишиться успеха в будущих делах, и Хономер поспешно вернулся мыслями к насущному. «Зря я отмахнулся от Ташлака, не расспросил его поподробнее. Он ведь упо-

минал о странной задумчивости Волка и предупреждал, что тот нечего вынашивает...»

— Что случилось? — останавливаясь посередине двора, вслух спросил Хономер.

Волк неторопливо отвязал от своего пояса маленький кошелек, так и не успевший сколько-нибудь значительно растолстеть.

— Скажи этому человеку, что я получил известие... — глуховатым голосом обратился он к лучшему уноту, мономатанцу Урсаги.

Хономер никогда не бывал в стране веннов и весьма скудно представлял их обычаи. Но и общения всего лишь с двумя сыновьями этого племени вполне хватило ему, чтобы усвоить: если венн напрочь отказывается разговаривать с кем-нибудь напрямую — жди беды. Ибо такое молчание означает, что венн не в шутку прикидывает, не случится ли ему вскорости заплетать косы убийцы.

— Я получил известие о том, как этот человек поступил с Наставником, научившим меня и всех нас всему, что мы умеем, и не только в смысле кан-киро, — продолжал Волк. — Этот человек распротился с Наставником ласковыми словами, но сам отправился выслеживать его и притом нанял себе в помощь мастера смерти, искусного в составлении ядов. Скажи ему ещё так, добрый Урсаги: мне доподлинно неизвестно, погиб ли Наставник, которого они отравили, и только поэтому жрец по имени Хономер не будет мною убит. Но и жить в его крепости никто из нас более не намерен. Мы возвращаемся к своим народам, и благородное кан-киро будет распространено. Однако связывать его с именем негодяя не будут ни в дальних странах, ни в ближних. Скажи ему, Урсаги: мы уходим. И пусть попробует удержать нас, если посмеет.

На памяти Хомера это, кажется, была его самая длинная речь... Избранный Ученик выслушал не перебивая, сложив на груди руки и ничем не показывая, что всей кожей ощущает взгляды унотов, подобные раскалённым остриям. Он только те-

перь начал как следует понимать, что именно сотворил с унотами Волкодав. За три года наставничества проклятый язычник сделался для них духовным водителем такой силы, какой он, Хономер, не достиг бы и за тридцать три. Если бы, к примеру, прямо сегодня из Тар-Айвана приехал облечённый властью посланец и отрешил его от сана Избранного Ученика, отправив в изгнание, — многие ли обитатели этого храма последовали бы за ним?.. Хорошо если хотя бы наученные кормиться непосредственно из его рук: крошечники да Ташлак. А остальные? Променили бы привычный уклад жизни под защитой храмовых стен — на скитания? По той единственной причине, что бесконечно поверили и полюбили его, Хономера? Избранный Ученик не привык обманываться и лгать себе самому. Он отчётливо понимал: вряд ли. Как и сам он когда-то не пошёл за...

Кошелёк звякнул, шлёпнувшись на влажную землю возле ног Хономера. Не подлежало сомнению, что он до последнего грошика содержал всё выплаченное Волку за время его недолгого наставничества. Волк был так же беспросветно честен, как и его предшественник.

— Я не буду отвечать на те чудовищные обвинения, которыми ты с такой лёгкостью засыпал меня, — сказал ему Хономер. — Нам, последователям Прославленных в трёх мирах, не привыкать к наветам и клевете. Я не буду выяснять, каким образом ты получил известия, о которых только что рассуждал. Пусть всё это пребудет на твоей совести. И на совести тех, кого ты успел убедить...

Избранный Ученик хорошо знал силу собственного красноречия. Ему случалось уходить от смертельной опасности, не прибегая к иному оружию, кроме владения словом. Речи, подобные той, что он теперь начинал, бывало, превращали озлобленных врагов, явившихся за его головой... не то чтобы в друзей, но по крайней мере в надёжных помощников. Хономер подумал о том, что у него и теперь может что-нибудь получиться...

И остановился, внезапно осознав: ничего у него не получится.

Не сегодня. Не с этими людьми.

И не потому, что перед ним сидели какие-то особые люди или Волк был так уж неуязвим для искусных доводов умословия*. Всё было гораздо хуже и приземлённей.

Хономер вдруг понял, что происходившее на этом дворе, мокро от бесконечного алайдорского дождя, просто не имело никакого значения. Уйдёт или останется Волк, уйдут или останутся уноты кан-киро — ему было всё равно. Вместо боевого задора, вместо огненного вихрения мыслей в его душе царило безразличие. И опустошённость. Под стать мокрому серому небу и сгнившим образам Блинецов.

И, не удостоив даже взглядом валявшийся на земле кошелёк, Хономер отвернулся прочь, бросив уже через плечо:

— Ступайте куда хотите. Я вас не держу.

Небо плакало над ним тихо и безутешно, как-то очень поженски.

Полдень выдался таким, каким во второй половине тин-виленского лета вообще-то полагалось быть позднему вечеру. Туча, дотянувшаяся с гор, едва позволяла отличить день от ночи, однако процессия, показавшаяся на дороге в яблоневых садах, даже во влажном сумраке умудрялась выглядеть праздничной и нарядной. Стражникам на башне сперва показалось даже, что к ним в гости пожаловал целиком весь город, включая не только детей, но даже собак, с лаем мчавшихся по сторонам шествия. Тут и там мелькали красно-зелёные накидки приверженцев божественных Братьев, причём кое у кого надетые правильно, у иных же — шиворот-навыворот, то есть красной стороной слева, что было, конечно же, ни в коем случае недопустимо, но в праздничной суматохе на это не обращали внимания, а и тот, кто обращал, — не в драку лез, а знай указывал пальцем да хохотал.

Близнецы учили не делать особых различий между племенами, и над шествием витали звуки песен, кажется, всех оби-

* Умословие — логика.

тавших в Тин-Вилене народов. От местных шо-ситайнских до сегванских и вельхских. Странное дело, всё это отнюдь не порождало несообразного и нестройного гвалта, но, напротив, сливалось в некий торжественный и мощный устав.

Тервелг с отцом шли впереди всех и на руках несли образа, завёрнутые в чистую, новенькую, нарочно вытканную холстину. Не от дождя! — дождь, равно как солнце и снег, маронговому лаку был нипочём, — но по той же причине, по которой правителю всюду стелют под ноги ковёр и даже под сводами тронного чертога водружают над головой балдахин. Всё это ради того, чтобы не рассеялась, не смешалась со стихиями драгоценная благая сила вождя, а с нею счастье народа. Вот и образа до поры до времени, до прибытия в храм, укрывались от земли и от неба и в особенности от людских глаз.

Следом за двоими резчиками важно выступали уличанские старосты Тин-Вилены. От Горбатой улицы, от Железного ручья, от Маячной дороги и даже от Селёдочного тупика. Все разодетые, точно на свадьбу, при посохах для важности.

Хономер с непокрытой головой вышел навстречу. Когда шествие приблизилось и остановилось, а народ перестал плясать и сгрудился вокруг, Избранный Ученик опустил на колени. Он поцеловал сперва дорогу, по которой припожаловала новая святыня, потом коснулся губами краешка полотна. Жрецы во главе с Орглисом, выстроившиеся полукругом у него за спиной, негромко запели. Сияющий и зрячий Тервелг переместил руки, высвобождая полотно, и домотканая пелена сползла, являя взорам то, что до сих пор скрывала.

С небес, вроде бы совершенно не грозовых, ударила неслышимая молния, и Хономер утратил способность осознавать окружающий мир. Боги-Близнецы смотрели на него с деревянного, искусно вырезанного щита, и не подлежало сомнению, что это были именно Они, Близнецы. Как и то, что резцом юного мастера водило чудесное вдохновение свыше. Но вот лики были такие, каких Хономер за всё время своего служения ни разу ещё не видал. Старший оказался суровым и бородатым, с присталь-

ным взглядом неулыбчивых глаз, и волосы у него были почему-то заплетены в две косы на висках, а лицо, неизменно и обязательно изображаемое юношески чистым, было попятнано на левой щеке то ли прожилкой древесины, то ли слегка намеченным шрамом, и длинный клинок, всегда носимый у пояса, висел за плечом и тоже казался очень знакомым, и... что там за резковатая линия пролегла в прядях волос, уж не тень ли маленького крыла?..

А Младший, кудрявый, в лёгкой аррантской рубашке и просторном плаще, свободной рукой бережно прижимал к груди несколько свитков и книг. То ли спасал их откуда-то и от кого-то, то ли радостно нёс показать людям, то ли готовился вписать на чистые листы только что почерпнутую премудрость...

Резные лики, опять-таки против всякого обыкновения, не были обременены ни малейшим намёком на сходство. Но некоторым образом это всё равно были братья. И более того — близнецы. С первого взгляда свидетельствовала об этом зримая Правда превыше всякой внешней похожести...

И они протягивали Хономеру хрустальную чашу, исполненную в виде двух сложенных вместе ладоней. Влага для омовения и очищения? Горсть воды — припасть жаждущими губами?.. Слёзы о несовершенстве этого мира, к которым он мог добавить свои?..

А ладони, составлявшие чашу, благодаря мастерству резчика ещё и принадлежали женщине, стоявшей за Братьями. Женщина обнимала и заключала Их в себя так, как материнское сердце сквозь годы обнимает и хранит выросших сыновей. Никто ещё не дерзал изобразить рядом с Близнецами Их Мать... Она тоже смотрела на Избранного Ученика, и в её глазах ему немедленно померещилась укоризна.

«Ты провинился, Хономер...»

И, уж конечно, совсем не случайно за спинами всех троих высился одетый снегами гигант — Харан Киир, прозванный Престолом Небес, а всё вместе было обрамлено зыбкими очертаниями совсем уже запредельной и непостижимой фигуры,

коею мог быть единственно сам Предвечный и Нерождённый. Ему тоже до сих пор никто не пытался придать видимый облик. Но было очевидно — начини исправлять, приводить в соответствие с прежними установлениями, убери хоть что-нибудь — и от явственного дыхания чуда не останется и следа. И сделается окончательно ясно, что не образа были неправильными и не их нужно было менять... И ещё. *Доколе со Старшим Младший брат разлучён, в пустых небесах порожним пребудет трон.* Слова древнего пророчества Хономер помнил с самого детства. Так вот: Тервелг не позаботился украсить свою работу буквенной вязью. Что это — непростительная забывчивость?.. Ещё одно отступление от установлений?.. Но, если верить созданным им образам, небеса и небесный престол с некоторых пор отнюдь не пустовали, а значит, настало время новых пророчеств...

«Святы Мать Земля и Отец Небо, — явились неведомо откуда и запросились на уста слова небывалой молитвы. — Святы дети их, Люди. Свято всё дышащее и живое...»

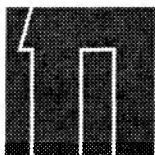
Дивные образа смотрели на Хомера. Хомер, замерев, стоял на коленях и тоже смотрел, смотрел, смотрел...

*Жила-поживала когда-то большая семья.
Настала пора переезда в иные края.
Когда же мешки с барахлом выносили во двор,
У взрослых с детьми разгорелся нешуточный спор.
И «против» и «за» раздавались у них голоса —
Везти или нет им с собою дворового пса.*

*А тот, чьих зубов опасался полуночный вор,
Лежал и внимательно слушал людской разговор.
«Я стал им не нужен... Зачем притворяться живым?»
И больше не поднял с натруженных ап головы.*

*Спустя поколение снова настал переезд
На поиски более щедрых и солнечных мест.
И бывшие дети решали над грудой мешков —
Везти или нет им с собою своих стариков.*

5. Доказательство невинности

уть «за Челну, на кулижки», что посоветовал Оленьюшке премудрый слепой Лось, оказался именно таков, каким и следовало быть пути в подобное место. А именно — далеко не прямоезжим.

И Крупец, на чьём берегу обитали гостеприимные Зайцы, и Ёль, вдоль которой, собственно, располагались обетованные кулижки, были правыми притоками великой Светыни, — текли с севера, из самого сердца бесконечных веннских лесов. Однако попасть с одной реки на другую было не так-то легко.

О том, чтобы идти туда сухим путём, «горой», как выражались венны, и речи не шло. Водоёмины* Крупца и Ёли ко всему прочему разделял изрядный сопочный кряж, называвшийся Камно. Этим словом венны искони обозначали всякие порубежные урочища и в особенности межи, отмеченные камнями. Так что кряжу размером со всё государство Нардар, изобилующему скальными обрывами и гольцами, оно подходило как нельзя лучше. Камно считался едва проходимым, и не просто из-за близости заповедного края у реки Ёль. Кто бывал там (а бывали немногие), те рассказывали, что и без неведомых сил, норовящих исполниться против пришельца, запросто можно шею свер-

* *Водоёмина*. — Теперь мы говорим «бассейн» такой-то реки.

нута, а уж узлы какие с собой тащить, хоть ту же добычу, — вовсе погубить. То есть ни Шаршава, ни Оленюшка, ни молодая Заюшка никаких чащ отроду не боялись и уж кряж бы как-нибудь одолели. Но с двоими грудными детьми в такой путь отправляться — только от смерти спасаясь. Зачем зря ноги ступать, если можно добраться на лодке?

В лесном краю река — первейшая дорога. Даже загадка есть: «По какой дороге полгода ездят, а полгода плавают?» О ней сказано, о реке. Вот только иная такая «дорога» в своём зимнем обличье гораздо покладистее, чем в летнем. И к матушке Светыни это относится в самой полной мере, какая только бывает. Если в своём нижнем течении, в землях сольвеннов, она делается степенной и годной для плавания не только по течению, но и против, — то здесь, в верховьях, её воды несутся могучей стремниной, пересечь ещё кое-как можно, но подниматься — не одолеешь ни под парусом, ни на вёслах. Разве берегом добредёшь, ведя лодку на клячах*. Так ведь и берег таков, что далеко не всюду пропустит...

Крупец же припадает к Светыни гораздо ниже слияния Ёли с сестрицей Челной. Как добраться?

— А вот как, — наставлял Оленюшку Лось, много слушавший странников и оттого представлявший себе земные пути отчётливей иных зрячих. — Спуститесь по Крупцу до Светыни. Переправитесь, если дозволит...

— Уж попросим, дяденька Лось. Непременно дозволит!

— По левому берегу ещё полдня по течению вниз. Там будет волок. Не очень длинный, не бойся. Потом два озера и река. Она называется Шатун, потому что течёт сперва на север, а после на юг. По ней плывите с опаскою...

— А кого пастись-то, дяденька Лось? Чьи там земли?

— Раньше до самых западных вельхов были свободные. Теперь, лет пятнадцать уже, сегваны живут... Бежь** с какого-то острова. Худого слова не скажу, просто люди нрава неведомо-

* Кляч — здесь: толстая верёвка.

** Бежь — беглый народ, вынужденные переселенцы.

го, не спознались мы ещё как следует с ними, не пригляделись. Оттого на всякий случай — паситесь.

— А дальше как, дяденька?

— Дальше вас Шатун выведет до Челны, по ней спуститесь и до Ёли. А как уж там быть — на месте смекнёте.

Ко времени того разговора сородичи именовали Заюшку кузнечихой, и уже не в шутку, как поначалу. То, что она собиралась покинуть родительское гнездо, было делом неслыханным и печальным, но неизбежным, и потому приданое любимой доченьке собирали не только мать с отцом, — весь род. И самой ей, и малым Щегловнам, что полюбили сладко засыпать на руках у Шаршавы. Самого кузнеца, гордо носившего в волосах целую низочку бус, тоже славно отблагодарили за труд. Зря ли коваль-Заяц до последнего не хотел его отпускать, говоря, что так славно у него работа никогда раньше не спорилась!.. Нашлись у добрых Зайцев подарки и для Оленюшки, и не потому, что были так уж добры, а потому, что заслужила. Понапрасну ли из каждого дома ей мотками нашивали верёвки: сплети сеточку, лешей покоптим, на ярмарке с руками небось оторвут!.. Умницы-Зайки пробовали повторить, не у всех получалось, хотя она потаек не держала, показывала. Большуха же попросила Оленюшку сплести накидку на сундук, красивую, из цветного шнура. И очень ею гордилась.

Потому-то, когда лодка отплывала вниз по Крупцу, было в ней немало и снеди, и всякого хорошего добра. Особое же место занимала дюжина корзин, нарочно сделанных мастером Лосем. Корзины были с узкими донцами и все снабжены крышечками — против веннского обыкновения, зато в самый раз для сегванов. «В их деревню придёте, — наставлял Лось, — будет чем набольшему поклониться, чтобы приняли хорошо. Да и еды выменять на остаток дороги, охотиться-то да грибы собирать небось некогда будет...»

А ещё вместе с людьми на лодку взошёл пёс. Справный кобель, настоящей веннской породы, что оберегал покой Заюшки

и её маленьких дочек. Имя у него было гордое и красивое: **Застоя!*** Он знал Заюшку за хозяйку и впредь будет хранить — от зверя ли, от человека. Зайцы не отталкивали лодку от берега, потому что так провожают, а верней, выпроваживают лишь очень немилых гостей. Шаршава сам налёг на весло, начиная путь «за Челну, на кулижки». Его названная сестра, для которой прощание с Зайцами было большим прощанием со всем родным, знакомым, привычным — ведь именно отсюда брала разбег окончательная дорога в неведомое, — даже не сразу обратила внимание на то, как вертелся в лодке и беспокоился пёс. Но когда возня крупного зверя начала ощутимо раскачивать доброе судёнышко, она обернулась, а обернувшись, смахнула слёзы и увидела: пёс переминался с лапы на лапу, неотрывно глядя на берег. Там вдоль проворного Крупца тянулись вековые березняки, никогда не знавшие топора, — гордость, радость и грибное кормовище Зайцев. Березняками мчалась за лодкой шумливая стайка мальчишек. И вместе с мальчишками, горестно взлаивая и скуля, бежала большая собака.

То есть большой она была только по сравнению с иными породами, не такими крупными и грозными, как венские волкодавы. Среди своих она, наоборот, выглядела чуть ли не замарашкой из-за бедноватой шубейки и не слишком видного роста. В деревне Зайцев она была приблудной, все подкармливали, но никто так и не позарился прихолить**, приручить, поселить у себя во дворе. А вот замарашка или нет, — бежала ведь, преследуя лодку и увозимого в ней кобеля, как преследуют только *своё*. И горевала, как о своём. Да и Застоя глядел на проворно бегущую суку, не сводя глаз, и лишь долг перед хозяйкой удерживал его от прыжка в беспокойную воду Крупца.

— Ох!.. — только и промолвила Заюшка, лучше всех знавшая, с кем нюхался-миловался её верный страж. А Оленюшка с Шаршавой, не сговариваясь, закричали:

— Прыгай, маленькая! Прыгай! К нам плыви, к нам!..

* *Застоя* — заступник, защитник, букв. «тот, кто заслоняет собой».

** *Прихолить* — привадить кормом, лаской, уходом.

Псица как раз призадумалась перед очередным ручьём, которого не смогла с разбегу перемахнуть. Она поняла призывные крики людей, махавших ей руками из лодки, и решилась: бухнулась в воду, подняв белые столбы брызг, вытряхнула воду из ушей — и поплыла, с силой загребая лапами и напряжённо выставив из воды морду. Шаршава и Оленюшка, покамест орудовавшие вёслами как шестами, стали придерживать увлекаемую течением лодку и спустя время добились, что псица сумела с ней поравняться. Шаршава припал на колени, нагнулся через борт и ухватил плывущую суку под передние лапы. В могучих руках кузнеца большая мокрая собака оказалась не такой уж тяжёлой. Кобель изо всех сил лез помочь ему, лодка опасно кренилась, мальчишки на берегу визжали от восторга, гадая, опрокинется или нет. Не опрокинулась. Счастливая сука благополучно встала на лапы и немедленно принялась отряхиваться, поливая всех вокруг, как из ведра. Тут уже девичий визг раздался из лодки: шуба у псицы тоже была бедноватая разве что по сравнению с иными породами, коим и не полагалось особо пышных одежек.

— Будет кому на волоке помогать!.. — ладонями укрываясь от брызг, засмеялся Шаршава..

Встретив — против всех здравых надежд — давно и, казалось бы, навсегда потерянного товарища, Эврих, конечно, пошёл с Волкодавом назад к «Удалому корчемнику».

— Это кунс Винитар, сын кунса Винитария с острова Закатных Вершин, — представил Волкодав арранту синеглазого красавца сегвана. Он крепко надеялся на быструю сообразительность молодого учёного, и не прогадал. Слово «Людоед» так и осталось произнесённым.

— Тот ли это человек, о котором я был премного наслышан в некоторой связи с твоим прошлым?.. — только и спросил Эврих. Винитара, впрочем, он разглядывал с нескрываемым любопытством.

— Именно тот, — сказал Волкодав. — Мой кровный враг, в чьём доме нас выхаживали после боя у Препоны. Муж кнесинки Елень, которому я не смог доставить невесту.

— С такими врагами, — церемонно поклонился аррант, — тебе, брат мой, можно не торопиться заводить новых друзей. — Слово «друзья» прозвучало во множественном числе, и Шамарган почему-то отвёл глаза. Эврих же прищурился: — А ты, благородный кунс, случайно ли в Саккареме?.. Я слышал от Волкодава, ты хочешь направиться отсюда в Мельсину...

— Да, — коротко кивнул Винитар. Он смотрел на Волкодава и Эвриха и думал о том, что эти двое были удивительным образом схожи. Так, как бывают схожи люди, лишённые внешней общности черт, но несущие в себе равный, от одной небесной молнии зажжённый огонь.

Прищур Эвриха стал откровенно лукавым.

— Тогда, — сказал он, — быть может, тебя, сегван, *позабавит* известие, что твой брак из клятвенного очень скоро может либо стать, либо не стать совсем настоящим. Стоит тебе пожелать, и менее чем через месяц ты сможешь увидеть великодушную кнесинку!.. Я даже Волкодаву не успел ещё рассказать, а тебе и подавно. Дело в том, что вообще-то я следую на север страны, в город Астутеран, в свите почтеннейшего Дукола, и завернул сюда с чисто познавательными целями, ибо сей город некогда являлся пристанищем мудреца, который... ну да это неважно. Важно то, что высокородный Дукол намерен в Астутеране, лежащем у границ горной страны, встретиться и уговориться о вечном замирении с великим посольством союза горских племён. Ведёт же это посольство известный тебе, кунс, След Орла, славный вождь племени ичендаров. И удивительно ли, что с вождём едет его великая гостья, дочь правителя могущественной сольвеннской державы! Так что я на твоём месте не очень торопился бы в Мельсину...

Вид окаменевшего лица Винитара вполне удовлетворил Эвриха. Учёному арранту было отлично известно, какой смысл придавали сегваны словечку «позабавить», столь невинному у

большинства других народов. Известие, полученное Винитаром, как нельзя лучше удовлетворяло сегванскому понятию о забавном: молодой кунс на время попросту отошёл от забот этого мира. И Эврех добавил, обращаясь уже к Волкодаву:

— А знаешь, кто при вожде состоит главным советником?.. Его дочь по имени Хайгал, Разящее Копьё. Помнишь, та, что веником гоняла тебя в Галираде?..

Ещё бы Волкодаву было не помнить бабушку Хайгал, знавшую, как правильно унимать кровь, неожиданно хлынувшую из носа!..

— По мнению горцев, она вполне постигла помыслы, речи и дела людей равнин, а стало быть, лучше других присоветует своему почтенному батюшке, как уберечься от возможного вероломства. Вот только, я думаю, все мысли о вероломстве немедля покинут её, когда она увидит тебя, Волкодав... Ты ведь поедешь с нами в Астутеран, а, брат мой?.. погоди, но ты ещё не представил мне другого своего спутника! Кто он?

— Нам о нём известно немногое, — сказал Волкодав. — Только то, что он даровитый лицедей и знаток ядов. Мы зовём его Шамарганом...

То, что случилось дальше, по мнению венна, легко было предугадать. Шамарган, внимательно слушавший речи арранта, принял горделивую позу:

— Ты, господин мой, вероятно, удивисься, узнав, что мы с тобой соотечественники. Хотя твой приятель, склонный обращаться собакой, скорее назвал бы меня *неублюдком*...* Ибо моей матерью была царица Серлика, прямая наследница великой царицы Лоллии, отцом же... Моим отцом был могущественный жрец Богов-Близнецов, Ученик Внутреннего Круга

* *Неублюдок* — в старину у любителей кровного собаководства существовало выражение «“поблюсти” суку», то есть сочетать её с наиболее подходящим, по мнению хозяина, кобелём. Если же собака сбегала и предавалась «свободной любви», получившиеся щенки назывались «неублюдками». Это слово имеет то же значение, что и привычный нам «ублюдок» — выродок, помесь, внебрачный отпрыск.

Посвящённых, славный Агеробарб. Он погиб, когда я был ещё очень мал. Он пал в неравном бою с нечистыми порождениями тьмы, в Мономатане, на реке Мджинге, и тогда моя мать, одержимая скорбью...

Если бы он вовремя заметил взгляд Эвриха, ставший откровенно хищным, он, возможно, успел бы остановиться и тем спастись. Но он не заметил и не успел.

— И тогда твоя мать, одержимая скорбью, вспыхнула ярким пламенем и сгорела вся до последней страницы, поскольку была не женщиной, а какой-нибудь священной книгой о чудесах Близнецов! — перебил аррант. С таким лицом, какое было сейчас у него, охотники Мономатаны отбрасывают кинжал и с голыми руками идут убивать раненых тигров. — Но оставим в покое давшую тебе жизнь, пока Волкодав на меня не разгневался... Изыди с глаз моих, порождение чресл чудовища! Известно ли тебе, несчастный, что стремнинам Мджинги было даровано от Богов свойство целения? Причём именно за то, что они унесли опасного безумца, способного не моргнув глазом уничтожить весь этот мир? И низринули его в погибельный водопад?..

Шамарган не просто побледнел. Он воистину взялся дурной зеленью, точно недозрелое, кислое, гниющее яблоко. По крайней мере так выглядела его досада для внутреннего зрения Волкодава. Лицедей резко крутанулся на месте — и бегом бросился прочь через весь торг, чуть не сшибив с ног лоточника, торговавшего сладостями!

Эврих проводил его глазами.

— Ну вот, — проговорил он огорчённо. И почесал пальцем левую щёку, хранившую след отболевшего шрама. — Наверное, зря я так насел на твоего друга... Но что делать, если у меня до сих пор вся голова чешется, как вспомню Агеробарба и колдовской огонь, которым он спалил мне половину волос... и навряд ли ограничился бы волосами, не вмешайся некая спасительная сила... — Встряхнулся и спросил: — Так мне что теперь, ждать, что он подберётся ко мне и отраву в пищу подсыплет?..

Волкодав пожал плечами.

— Шамарган когда-то поклонялся Смерти и вправду может быть очень опасен, — сообщил он арранту. — Но я не думаю, чтобы тебе следовало прятать посуду или надевать под одежду кольчугу... — Про себя он полагал, что в случае чего это всё равно не поможет. — В прошлый раз он решил назвать себя сыном Торгума Хума и тоже страшно оскорбился, когда мы ему не поверили. Однако, как видишь, мы до сих пор живы. Вряд ли он употребит свои умения тебе на погибель... Скорее всего через некоторое время он вернётся и сделает вид, будто ничего не случилось.

Так оно вскоре и произошло.

Волкодав искренне обрадовался, увидев, что спутники (или теперь по примеру Эвриха уже следовало говорить — друзья?..) купили для него крупного серого жеребца боевой сегванской породы. Саккарем есть Саккарем: на рынках великой купеческой державы возможно найти совершенно всё, чего ни пожелает душа. И особенно на таком торгу, как чирахский!

Венн краем глаза перехватил искоса брошенный взгляд Винитара и понял, кого следовало благодарить за эту покупку. Но вслух выразить свою благодарность он тогда не успел, потому что пригляделся к коню, которого молодой кунс облюбовал для себя.

Этот жеребец явно приехал в Чираху из ещё более дальних мест, нежели доставшийся Волкодаву. Вороной красавец родился в степях Шо-Ситайна. Об этом говорили все его стати, чуть горбоносая голова и в особенности отлив шерсти, отсвечивавшей на солнце не калёной стальной синевой, как у других пород, а глубоко запрятанным огнём золотого расплава, в память о прародителях, сотворённых шо-ситайнскими Богами из напоённого солнцем южного ветра. Жеребец смиренно стоял рядом с новым хозяином и всё трогал носом его локоть, так, словно после долгого пребывания у чужих и непонятных людей вновь попал к другу.

— Не умеют они здесь с шо-ситайнцами обращаться, — глядя тёплую, необыкновенно нежную морду, со скупой гордостью проговорил Винитар. У него когда-то был боевой конь тех же кровей, незабвенный золотой Санайгау. Не сразу нашёл он подход к норовистому зверю, раз за разом отвергая предложения конюхов «обломать» диковатого и непослушного скакуна. Даже выучил десятка три слов на языке Шо-Ситайна, полагая, что жеребца могут обрадовать речи родины... Зато теперь мало нашлось бы таких, как он, знатоков заморской породы. И, когда сегодня на торгу он подошёл к этому вороному, тот мигом почувствовал руку истинного охотника — и смирился, почти тотчас решив довериться этому человеку.

— Нет худа без добра: по дешёвке достался, — хмыкнул Шамарган. — Дурноезжий*, сказали. Лютует, прям страсть! А с кунсом — ну как есть котёнок...

Но Волкодав уже не слушал его. Счастливая встреча с Эврихом заставила его подзабыть обычную настороженность, неизменно предупреждавшую: если сразу случается подозрительно много хорошего — наверняка жди беды! Что поделаешь, как бы ни любила смертных людей Хозяйка Судеб, не может Она всё время красить Свои нитки лишь в весёлые и радостные цвета. Стоят у Неё наготове и горшочки со скорбными, померклыми красками. Это закон, перед коим даже Ей остаётся только склониться...

И в отношении Волкодава этот закон доныне ещё не давал промаха.

— Сергитхар... — тихо позвал венн, до последнего желая надеяться, что обознался. Конь ведь не собака; мало ли на свете вороных шо-ситайнцев, долго ли принять одного за другого?.. — Серги, Серги...

Жеребец насторожил уши, негромко фыркнул и потянулся навстречу знакомому голосу.

* *Дурноезжий* — о коне: неприятный и ненадёжный в езде, в частности склонный привыкать к одному всаднику и противящийся иным седокам.

— Во дела!.. — непритворно восхитился Шамарган, и даже у невозмутимого Винитара поползли вверх брови. — Да ты-то, венн, откуда в лошадях понимаешь?..

— Где вы взяли этого коня? — хмуро поинтересовался Волкодав, почёсывая Сергитхару доверчиво подставленный лоб и голову между ушей. В лошадях он разбирался не намного лучше, чем в плавании под парусом, но не узнать знакомого коня — всё-таки грех. Хотя тот действительно не собака.

— Там распродают имущество одного человека, — указал рукой Шамарган. — Преступника. Он обокрал хозяина, к которому нанялся на работу. На такой распродаже никогда дорого не запрашивают, только этот конь и оставался, потому что к нему никто не мог подойти.

Вот тут Волкодав понял, что справедливое равновесие жизненных красок ни в коем случае не будет нарушено. За радостный проблеск в судьбе придётся платить в полной мере, да кабы ещё не с лихвой. Уж что-что, а дыхание навалившегося несчастья он распознавал сразу. И безошибочно.

Нет на свете народа, у которого предательство доверявшего тебе человека не считалось бы худшим из преступлений... Это лишь немногим простительней, чем расправа над гостем или измена вождю, которому поклялся служить. Ну а на чём держится наём работника, если не на определённом доверии?

Оттого Боги всех народов земли очень не жалуют вороватых работников, когда те оканчивают свои дни и оказываются перед загробным судом. Ну а нетерпеливые люди обычно не ждут, когда такой работник удостоится божественной справедливости, и по своему разумению вершат над ним правосудие уже здесь, на земле. И нет причин полагать, что их суд бывает слишком мягкосердечным.

Распродажей имущества приговорённого распоряжался седьмой помощник вейгила, проворный и словоохотливый старичок. Собственно, кроме норовистого коня, кое-какого оружия и двух смен одежды, распродавать было особо и нечего. Когда Волкодав,

Эврих и Винитар подошли к нему, он как раз кончил считать выреченные деньги и привесил бирку на кошелёк для отсылки в казну, и слуга уже поднимал с земли его раскладной стульчик, вырезанный, по саккаремскому обыкновению, из одного куска дерева.

— Да прольёт Богиня дождь тебе под ноги, почтенный, — поздоровался Эврих.

— И тебя да взыщет Она в жаркий день тенью, а зимой — кровом и очагом, — приветливо отозвался седьмой помощник. Было видно, что появление Эвриха обрадовало его. — Что привело в этот скорбный угол нашего рынка славного Лечителя nasledницы Агитиаль?

Обыкновенное слово «лечитель» в его устах прозвучало, как титул. Эврих оглянулся на Волкодава, но в это время старичок заметил подошедшего с ними молодого кунса и забеспокоился:

— И ты опять здесь, добрый иноземец? Неужели ты нашёл некий недостаток у купленного тобою коня и пришёл узнать, отчего я тебя не предупредил о нём? Но позволь, тебе должно быть известно, что я и сам всего лишь несколько дней...

Волкодав поднял руку, обращая на себя внимание седьмого помощника.

— Господин мой, — сказал он по-саккаремски. — Небесам было угодно сделать так, что я давно и неплохо знаю человека, чьё имущество ты по долгу службы здесь продавал... И всё, что мне было известно о нём ранее, внятно свидетельствует: он ни в коем случае не способен на воровство. Я простился с ним несколько месяцев назад, когда он решил переехать в вашу хранимую Богиней страну, и мало верится мне, что за столь малое время он мог так измениться. Не расскажешь ли, господин мой, в каком преступлении обвинён мой прежний знакомый?

Несколько мгновений старичок в молчаливом недоумении разглядывал странного чужеземца, так правильно и хорошо говорившего на его языке. Волкодав уже ждал, что его не сочтут за достойного собеседника и вести разговор придётся всё-таки Эвриху. Но, наверное, в Чирахе видывали и не таких, потому что седьмой помощник всё же ответил:

— Человек, о котором ты говоришь, вправду приехал сюда к нам из-за моря, хоть и явился не на корабле, а верхом по мельсинскому тракту. Он назвался Винойром... впрочем, одной Богине известно, как его на самом деле зовут. Кое-кто, с кем он успел сойтись здесь, рассказывает, что в Мельсине он оставил жену, только вряд ли бедняжка сумеет получить о нём весточку, поскольку никто толком не знает, где её следует разыскивать. Этот Винойр хотел заработать денег и нанялся служить к уважаемому мельнику Шехмалу Стумеху...

Вот как, тихо свирепея, отметил про себя Волкодав. Эврих снова оглянулся на него. Имя Стумеха для него тоже было далеко не чужим.

— ...которому как раз нужен был опытный конюх для ухода за лошадьми дочери, — продолжал помощник вейгила. — Сам я не видел, но люди сходятся на том, что новый работник вправду управлялся с конями так, как это удаётся немногим. Он даже сумел спасти молодую кобылу, объевшуюся отрубей. Но, к великому нашему сожалению, Богиня, столь щедро одарившая юношу, не сочетала доставшиеся ему дарования с честностью и чистотой. Молодому зятю господина Шехмала случилось уехать с купеческим караваном, и вскорости новый конюх протянул нечестивую руку к сокровищу его дома — чудесному сапфировому ожерелью, доставшемуся от предков. Дочь господина Шехмала хватилась любимого украшения, и тогда многим вспомнилось, как несчастный Винойр любовался игрой прекрасных камней, украшавших грудь госпожи, и даже говорил кому-то, что был бы счастлив подарить такие жене. Боюсь, однако, что теперь обеим женщинам останется лишь втуне мечтать о столь дивной драгоценности. Госпоже дочери мельника — оттого, что воришка даже при самом усердном допросе так и не открыл нам, где спрятал покражу. А жена его тем более в глаза не увидит никаких камней... — тут седьмой помощник позволил себе негромкий смешок, — ведь в Самоцветных горах, сколь мне ведомо, до сих пор сапфиров не добывали...

— Так его, — сипло спросил Эврих, — продали в Самоцветные горы?..

— Да, — был ответ. — Воистину, корыстолюбие не довело до добра этого бедолагу, зато, думается мне, милостью Богини с нынешних пор у нас в Чирахе поубавится краж... Караван торговца рабами отбыл позавчера.

— Лечитель наследницы... — проговорил Волкодав, когда они шли к дому вейгила. — Никак у тебя появились заслуги перед солнцеподобным?

— Ну... и так можно сказать, — ответил аррант. — Видишь ли, бедная девочка вправду была несколько нездорова, и государь оказал мне честь, включив в число врачей, приглашённых ей в помощь. И Небесам оказалось угодно, чтобы с этим повезло именно мне.

Волкодав хмуро поинтересовался:

— А на кол в случае неудачи посадить не сулились?

Эврих даже засмеялся:

— Что ты!.. Шада Мария народ успел прозвать Справедливым, и очень заслуженно... Хотя, должен тебе сказать, иные врачи вели себя именно так, словно казни боялись! — Речь грозила пойти о вещах, огласке ни в коем случае не подлежащих, и от греха подальше аррант перешёл на родной язык Тилорна, который они с Волкодавом постигли несколько лет назад как раз для таких случаев. — Дело в том, что наследница Агитиаль... не могла сдерживать некоторые естественные отправления тела. Причём не только по ночам, но и днём. И так силён был сей прискорбный недуг, что будущую шаддаат даже не решались представить народу, а недоброжелатели Мария, коих, увы, у всякого толкового правителя непременно в достатке, принялись распускать самые постыдные слухи о неполноценности его дочери. Кое-кто даже дерзостно связывал болезнь девочки с тем достаточно... э-э-э... свободным образом жизни, который её венценосная мать вела до замужества...

— Понятно, — проворчал Волкодав.

— Представляешь, как мучился несчастный ребёнок? — продолжал Эврих. — Да, она ведь ещё и тяжело заикалась, бедняжка. Она сказала мне, что чувствовала себя счастливой, только когда сидела в уединённом покое над книгами. Всё остальное время её душу терзало ожидание неизбежных последствий недуга, а тело мучили невежественные лекари. Эти последние страстно желали заслужить милость шада и сразу начинали с сильнодействующих лекарств, которые не приносили настоящего облегчения, но зато вызывали всё новые недомогания...

— Ну а ты?

— Я для начала велел выкинуть все эти зелья, которыми её пичкали чуть не вместо еды, оставив лишь отвар чербалиника для укрепления сил да лёгкую настойку кошачьего корня, ради успокоения и доброго сна. А потом, хорошенько познакомившись с девочкой, я решил поговорить с её памятью... Понимаешь, её заикание дало мне зацепку. Я подумал, что изнурительное нездоровье вполне может оказаться следствием давнего испуга... Естественно, в обычном состоянии разума она не могла вспомнить никакого случая, вызвавшего столь прискорбную рану души, а с нею и тела. Но я нашупал обходные пути и добрался до более глубоких пластов, куда нет доступа дневному сознанию. И знаешь, что оказалось?.. Она была совсем маленькой и училась соблюдать чистоту, уже зная, что пачкать в кроватке нехорошо. Но однажды вечером она съела много сочного винограда и оттого проснулась ночью, когда было уже слишком поздно. И тогда у неё в кроватке появился демон! Тот самый, которым её пугали не в меру усердные няньки. Большой, усатый, грозно урчащий и с красными светящимися глазами...

— Кошка, — сказал Волкодав.

— Конечно кошка. Но маленькая девочка увидела хищного демона, готового утащить её в бездну. От страха она потеряла сознание, обморок перешёл в сон, а утром она проснулась заикой. И к тому же осталась неисправимой пачкуньей, осквернявшейся от малейшего духовного или телесного напряжения...

Каково, а?.. И вот тогда, удерживая память младенца, я призвал разум сидевшего передо мною подростка, и мы вместе изгнали ужасного духа, увидев вместо него добрую кошку, пришедшую узнать, что случилось, и спеть маленькой хозяйке песенку на ночь. Эта кошка, между прочим, здоровствует и поныне, и я тут же велел принести её, чтобы Агитиаль могла взять её на руки и погладить. Потом я пробудил девочку... Ты будешь смеяться, но меня порывались назвать чудотворцем, поскольку от тяжкого заикания не осталось следов. А чуть позже оказалось, что ушло и всё остальное. Вот так-то, и никаких лекарственных отрав, которыми её в могилу чуть не свели!.. А через две седмицы её царственный батюшка призвал во дворец могущественных иноземных купцов, тех, что держат в Мельсине постоянные лабазы и лавки. Был пир, и на пиру Агитиаль сидела на белых шёлковых подушках между матерью и отцом. Она ела сколько угодно персиков и сладкого винограда, давала кусочки рыбы своей пушистой любимице и с каждым заморским гостем весело беседовала на его языке — ибо, как я уже говорил, девочка выросла среди книг, усугубивших её врождённые дарования. И надо ли упоминать, что на другой день во всём городе только об этом и говорили. Кое-кто сейчас даже болтает, будто в облике юной Агитиаль к нам вернулась венценосная провидица Фейран...

— Стало быть, — сказал Волкодав, — теперь у тебя в Мельсине дворец, набитый золотом и наполненный слугами...

— Варвар!!! — возмутился Эврих и от возмущения даже остановился, а Афарга с Тартунгом на всякий случай придвинулись ближе к своему благодетелю, явно соображая, не придётся ли всё-таки его защищать. — Варваром ты был, брат мой, варваром и остался, хотя бы Ниилит и обучила тебя книжки читать!.. Это я тебе в лицо говорю и обратно свои слова ни за что не соглашусь взять! Что за привычка всё исчислять в деньгах!.. Да будет тебе известно: когда достойный шад возжелал всячески вознаградить меня, я испросил лишь возможности всемерно

пополнять свою сокровищницу премудрости, изучая собрания драгоценных книг и беседуя с достойными бесед!.. Я воистину скорблю, если ты до сих пор не способен понять...

— Да провались он, твой дворец, — буркнул Волкодав. — И твоё золото. Можешь ночной горшок себе из него сделать, небось долго прослужит. Я вот что знать хочу: ты со здешним вейгилом только как проситель разговаривать можешь? Или шадский Лечитель чего-нибудь и потребовать право имеет?..

Эвриху понадобилось несколько вполне ощутимых мгновений, чтобы перенестись из тронного зала мельсинского дворца обратно в пыльную, душную и до невозможности дневную реальность Чирахи. Он огляделся. Они стояли перед домом наместника.

Вейгил, как и полагалось уважаемому саккаремскому сановнику, оказался дороден, осанист и седобород. Согласно мнению, издревле бытовавшему у народа этой страны, дородство означало спокойное благополучие в делах и потому приличествовало как домовитой хозяйке, не обремененной надобностью хвататься за десять дел разом, так и вельможе, чей город наслаждается миром и процветанием. Вейгил радушно приветствовал Эвриха, он рад был всячески услужить Лечителю наследницы Агитиаль, но историю, рассказанную своим седьмым помощником, повторил почти слово в слово.

— Могу ли я узнать, что подвигло тебя на такое участие в судьбе злополучного воришки, почтенный? — поинтересовался он затем.

— Я никогда не встречал несчастного шо-ситайнца, высокогородный вейгил, — ответил аррант. — Но здесь со мной человек, в своё время хорошо знавший Винойра. И у этого человека есть весомые основания утверждать, что твоё правосудие совершило прискорбнейшую из возможных ошибок, осудив невиновного.

— Винойр происходит из племени, у которого кража считается немыслимым делом, — заговорил Волкодав. — Взять в

бою — да, для них это святое. Но воровство — занятие не для мужчин.

Вейгил покачал головой.

— Жизнь была бы намного проще, почтенный иноземец, если бы мы могли составлять полное представление о человеке лишь по его племенной принадлежности, — сказал он венну. — В царствование предшественника солнцеликого Мария мне довелось служить на северо-востоке страны, и я неплохо узнал нравы степных мергейтов... если такое название тебе что-нибудь говорит. У этих кочевников кража тоже считается величайшим грехом... но — только пока речь идёт о своих. Мергейт у мергейта не стащит даже куска сухого навоза, приготовленного для костра. Но все чужие, все иноплеменники для них — не вполне люди, а стало быть, и человеческим законам не подлежат. Поэтому, например, саккаремского земледельца можно как угодно обманывать и обирать. И если слово, данное мергейтом мергейту, ценится дороже золота и породистых табунов, то такое же слово, данное пахарю, немедленно уносит ветер... Для того, чтобы доказать мергейтам их заблуждение, иной раз требовалась вся мощь нашей вооружённой руки. — Тут вейгил покосился на деревянный костыль, стоявший рядом с его креслом, и стала понятна другая причина его нынешнего дородства. — Да, друг мой, некогда я был воином, редко покидавшим седло, и не дослужился до комадара именно из-за вероломства мергейтов. А всё оттого, что они распространяют присущее им благородство лишь на своих. Скажи, многим ли ты готов поручиться, что твой друг шо-ситайнец не повёл себя таким же образом, приехав в иную страну?

— Своей свободой, — хмуро проговорил Волкодав. — Я знаю Винойра гораздо лучше, чем тебе кажется, высокородный вейгил. Я занял бы его место в невольничьем караване, если бы это могло тебя убедить.

Эврих в ужасе посмотрел на него... Вейгил же погладил бороду и повернулся к молча стоявшему Винитару:

— А ты что скажешь, почтенный?

— Мой народ — сегваны, — ответил молодой вождь. — И у нас не принято свидетельствовать о мужчинах и женщинах, с которыми не жил под одной крышей и не ходил в море. Но за шо-ситайнца ручается человек, которому я неоднократно без колебаний вверял свою жизнь. И потому я присоединяю к его ручательству своё, высокородный вейгил, в надежде, что клятва кунса и потомка кунсов острова Закатных Вершин способна тебя убедить.

На лице вейгила промелькнула тень некоего чувства, подозрительно похожего на восхищение, — о, как они готовы стоять один за другого, эти воины из северных дебрей!.. нам бы подобную верность!.. Но седобородый наместник, сам бывший некогда воином, уже много лет жил в совершенно другом мире, где, кроме простой чести и верности товарищу, следовало иметь в виду удобство своего кресла и устройство судеб родни. А значит, приходилось брать в расчёт перво-наперво расположение вышестоящих, причём многочисленных и так же занятых собственными выгодами, к тому же часто противоположного свойства...

А кроме того, легко произносить самые страшные поручительства, какие угодно «я бы» и «если бы», зная наверняка, что на самом-то деле никто тебя не поймает на слове и в рабский караван не поставит. Это тоже было отлично известно вейгилу. Последние годы он сам часто сравнивал себя с рулевым большого парусного корабля, лавирующего в узких чирахских протоках при коварном течении и переменчивом ветре. И то, что он в конце концов сказал, вполне соответствовало образу осторожного кормщика.

— Почтенные мои, — проговорил он, тщательно разглаживая изумрудные полы халата, и на руке, ещё не забывшей рукоять меча, блеснул перстень с мутно-желтоватым топазом, знак его власти. — Вот что, почтенные мои... ты, славный Лечитель, и вы, благородные чужестранцы. Весомые слова произнесли вы передо мной, и, во имя Богини Карающей и Милосердной, у меня нет причин подвергать услышанное сомнению или искать

в нём какую-то корысть. Но человек, о котором вы столь самоотверженно берётесь радеть, был осуждён в полном соответствии с законами Саккарема, и для признания его невиновным, увы, недостаточно нескольких добрых слов в его защиту... даже из уст людей безусловно достойных. Боюсь, как бы солнцеподобный не сделал меня младшим сборщиком податей, проведая, что я заставил судью изменить приговор просто в угоду человеку, снискавшему его расположение!.. Сделаем же так: если вы мне разыщете доказательство, неопровержимо свидетельствующее о невиновности шо-ситайнца, я немедленно прикажу сделать в судебных книгах новые записи и совершу всё прочее, от меня зависящее, дабы загладить прискорбную ошибку. В частности, составлю письмо за своей подписью и печатью и употреблю казну, чтобы вернуть осуждённого и, елико возможно, выкупить его распроданное имущество... Мне кажется, такое решение не нанесёт ущерба справедливости шада. Что скажете, почтенные?

Северяне переглянулись... и промолчали. Первым нашёлся Эврих. Из троих он по-прежнему оставался самым учёным и к тому же успел познакомиться с царедворцами при шадском дворе. Он поднялся с простой деревянной скамьи, на которой в присутствии наместника полагалось без разбору садиться и знатым и незнатым, и движением воинствующего оратора бросил на руку плащ. По этому движению вейгил, отнюдь не знакомый с повадками мудрецов Силиона, тем не менее мигом распознал в арранте опасного спорщика и приготовился к словесной схватке. Однако Эврих начал издали.

— Твой приговор, — сказал он, — свидетельствует о склонности принимать взвешенные решения, за что тебе, без сомнения, честь и хвала перед правителем этой земли и перед Богиней, что наделила властью и тебя, и нашего государя. И я лишь попросил бы высокородного вейгила пояснить кое-что, ибо мы с друзьями не украшены всеобъемлющим знанием саккаремских законов. Ты не пожелал удовольствоваться нашими словесными заверениями касательно невиновности шо-ситайнца

и требуешь неопровержимого доказательства. Однако, покуда речь шла о его осуждении, мы слышали только ссылки на пересуды прислуги. Было ли судьям предъявлено некое доказательство виновности, более весомое, нежели болтовня черни?

— Радостно видеть, что Лечителю покорились не одни лишь тонкости исцеления, но и вековые лабиринты наших законов, — отвечивал вейгил. — Видишь ли, почтенный, мы здесь привыкли руководствоваться безошибочным правилом, которое простой народ облакает в слова так: «Если осла увели уже после того, как была похищена лошадь, то вторая покража, возможно, есть следствие первой, но никак не наоборот». Так вот. В самый день исчезновения ожерелья Винойр сопровождал молодую госпожу на прогулке верхом, дабы она могла убедиться, что халисунский конь, купленный для неё мужем, действительно утратил привычку шарахаться от малейшего шороха. По возвращении он снял госпожу с лошади и в который раз восхитился тем, как подчёркивают её красоту чудесные камни. Госпожа хранила сокровище в своей спальне. Когда же наутро обнаружилось, что оно пропало, многие задумались, как могло такое произойти, если она не слышала ничьих шагов рядом с собой? И тогда многим вспомнилось, как любезный вам шо-ситайнец похвалялся сноровкой. Он был единственным, кто мог подобраться и подхватить на руки злющего конюшенного кота, и тот не поспевал его оцарапать. И ещё. Однажды его спросили, как это он не побоялся оставить жену и тестя в Мельсине. А он со смехом ответил, что бояться им в городе некого, и добавил, что хозяин двора перестал брать с них деньги за постой, когда двор стала охранять пара собак, привезённых им с родины. Позже эти слова были расценены как оговорка, могущая подсказать, где следует искать краденое. К сожалению, на допросе шо-ситайнец так и не пожелал открыть ни хотя бы примерного расположения двора, ни имени его владельца... А без этого, как вы понимаете, в Мельсине что-то искать — моей казны неостанет. Быть может, почтенный Шехмал Стумех пожелает предпринять какие-либо поиски на свои средства... но это уже его дело. Итак,

благородный Лечитель, я вынужден до некоторой степени признать твою правоту. Осуждая шо-ситайнца, мы руководствовались словами... и теми умозаключениями, которые людям, сведущим в законах, свойственно делать на основании кем-то сказанных слов. Вот поэтому для признания его невиновным мне и требуются доказательства ощутимее тех, которые здесь были названы болтовнёй черни. Ведь если мы опустим равную тяжесть на обе чаши весов, та из них, что будет соответствовать невиновности, не сможет перевесить, не правда ли?.. Если сможете что-нибудь раздобыть, почтенные, приходите ко мне в любой час дня и ночи, я лишь рад буду восстановить справедливость...

Лошади никуда не делись со своего места у коновязи: вышибале «Удалого корчемника» было заплачено с тем, чтобы он время от времени поглядывал, всё ли у них хорошо. И уже на дальних подступах к трактиру было заметно, что народу нынче там побольше обычного. Изнутри слышались звонкие переборы струн арфы и голос Шамаргана, распевавшего очередную балладу. Волкодаву сразу вспомнилась песня о прекрасной Эрминтар, которой шустрый лицедей радовал девок на Другом Берегу. Нынешняя баллада тоже пелась на два голоса, и снова один был мужским, а другой женским, причём Шамарган необыкновенно здорово изображал оба. Требовалось знать, что поёт один человек, иначе в это трудно было поверить. На сей раз женский голос принадлежал прекрасной деве-воительнице, странствующей по белу свету ради искоренения зла. Мужской же — юному и восторженному песнопевцу, что влюбился в отважную красавицу и взялся повсюду сопровождать её, на досуге воспевая подвиги воительницы в самых возвышенных красках.

Волкодав, Винитар и Эврих подросли как раз к тому моменту, когда славная мастерица меча прибыла в некий город, изнывавший под властью жестокого управителя. Все от него стоном стонали, и бедные, и богатые, и даже собственная жена,

но, как водится, в открытую выступить никто не решался. Люди ждали героя — и герой появился. Верней, героиня.

Хватит горя и муки, беспомощных слёз!
Засиделся на троне ворюга!
По молитве народной им ветер принёс
Очистительных молний подругу...

Храбрая дева, которой словословия явно успели изрядно поднадоесть, то и дело перебивала песнотворца, вмешиваясь в повествование и как бы стаскивая сказителя с небес обратно на землю:

«Справедливое солнце горит на клинке,
Разрубающем чёрные узы...» —
«Мы, порывав, застигли его в кабаке.
Возле стойки. И пьяного в зюю!» —
«Дева-воин не пьётся перед врагом,
Нападает с решимостью храброй...» —
«Я вlepила ему между ног сапогом
И по рылу добавила шваброй!» —
«Выпад! Выпад! Поёт несравненный булат
О желанной и близкой победе...» —
«Кто же знал, что он спьяну качнётся назад
И башкой об решётку заедет?»

Финал песни оказался дважды закономерен. Во-первых, потому, что истребительница неправды снискала награду, на которую, по жизненному убеждению Волкодава, ей только и следовало рассчитывать:

«Так настала погибель источнику зол...» —
«Мы узрели вдову у окошка:
Муж твой, девочка, был преизрядный козёл.
Там лежат его рожки и ножки...» —
Ваша помощь, признаться, поспела как раз,
Сил не стало, скажу я вам честно!
Только лучше, ребята, вам всё-таки с глаз
Поскорее с моих бы исчезнуть.
Хоть и доброго слова не стоил мой муж,
За убийство карают законы...»

Вторая закономерность состояла в поведении самого Шамаргана. Лицедей, вероятно, опасался перестать быть самым собою, если его трактирные песнопения хоть один-единственный раз не кончатся потасовкой. Играя на арфе и громко распевая стихи, он всю вертел головой, улыбаясь и подмигивая пригожим девчонкам — тем более, что речь шла о воительнице и влюблённом. Его ужимки не могли не снискать ревнивого внимания парней. Очень скоро прозвучал рык дебелого глиномеса, нажившего телесную могуту на битве хлебных печей:

— Слышишь, ты!.. Не моги моей девушке глазки строить, кому говорю!..

Шамарган, наверняка ждавший чего-то подобного, лишь веселей ударил по струнам:

— А с кем прикажешь перемигиваться? С тобой, может быть?

Глиномес зарычал и полез из-за стола, легко отмахнувшись от подружки, пытавшейся его удержать.

— Спасите! Спасите! — подхватился и побежал от него Шамарган. — Почтенные, спасите меня от любителя запретных утех!..

Народ помирал со смеху и вовсе не торопился его от кого-то спасать. Шамарган же, заметив своих спутников, вошедших в трактир, лихим кувырком бросился им под ноги, не переставая при этом брэнчать на арфе и горланить:

«...Снова едет на поиски горя и нужд
Дева-воин в броне воронёной!
Вновь туда, где ликует бездушное Зло,
А надежда молчит боязливо...» —
«Да когда ж наконец ты заткнёшься, брехло!
Эй, корчмарь! Ещё кружечку пива!..»

Хозяин заведения принял эти слова на свой счёт и с готовностью наполнил большую глиняную кружку. Глиномес, не разобравшись, посчитал троих вошедших за случайных посетителей трактира и устремился прямо на них — ловить оскорбителя. Волкодав сделал движение ему навстречу. Короткое такое движение, всего, может быть, на вершок, кто нарочно не

смотрел на него, тот и не заметил. Но могучему парню почудилось, будто его с силой толкнули в грудь, вышибив половину воздуха из лёгких. Он взмахнул руками и тяжело сел на пол, соображая, как могло такое случиться. Никакой стены поблизости не было; на что же он налетел?.. Эврих взял кружку со стойки, попросив добавить к ней ещё три такие же, и присоединился к друзьям, устраивавшимся за столом возле входа. Он подсел к ним, как раз когда Волкодав спросил Шамаргана:

— Ну как? Разузнал что-нибудь?

— А то! — был гордый ответ. — Конечно разузнал, и притом гораздо больше, чем кое-кому хотелось бы, чтобы вышло наружу!

Только тут Эврих обнаружил, что за время, потраченное им на препирательства с искушённым в законах вейгилом, его спутники, мало надеявшиеся на особые привилегии Лечителя, сами позаботились кое-что предпринять. Вот и пригодились им разнообразные способности Шамаргана, который именно по этой причине и не пошёл с ними к наместнику (а вовсе не из-за своей малости по сравнению с двумя воинами, как решил было Эврих). Зато теперь было очевидно, что чирахцы могли бы поведать своему вейгилу очень много занятного о происходившем в доме мельника Шехмала Стумеха... если бы вейгил сумел их спросить. Или, что важней, — если бы он того как следует захотел...

— Дочь мельника, госпожа Шехмал Шамоон, скоро полгода как замужем за купцом Юх-Пай Цумбалом, торгующим винами, — рассказывал лицедей. — Юх-Пай — младший сын, но не всем же достаются старшие, верно? Кстати, все говорят, что парень толковый... Он сам из Мельсины и пока не имеет в Чирахе своего крова, поэтому Шамоон по-прежнему живёт в доме отца. У них тут свадьбы играют весной, после того как засеют поля: считается, что это должно способствовать многоплодию молодых жён...

Волкодав про себя покривился. Свадьбы следовало играть осенью. Любой венн знал почти с пелёнок, что именно этот срок

был истов и любезен Богам. Справь свадьбу в иное время — и нипочём не будет добра. А Шамарган продолжал:

— Как там у молодой купчихи Юх-Пай насчёт многоплодия, никому пока доподлинно не известно. А вот то, что сердечный друг у неё как был, так и остался, это вам половина города подтвердит. Звать его Бхубакаш, он недавно унаследовал шорную мастерскую отца, но люди помнят, что подростком он прислуживал в «доме веселья»... и, я подозреваю, поднаторел там в таких любовных изысках, что уж куда против него мужу-виноторговцу... вдобавок почти сразу уехавшему в Халисун.

— Ясно, — сказал Волкодав.

Мыш сидел между ними на столе, невозмутимо лакал из блюдечка молоко с накрошенным хлебом и не обращал внимания на любопытные взгляды посетителей.

— Кое-кто говорит, будто Шамоон ещё и мстит таким образом отцу за некие обиды, нанесённые в юности, — продолжал лицедей. — Иные же утверждают, что месть предназначена мужу, за то, что не увёз её сразу в столицу, как ей того бы хотелось, а, наоборот, сам надумал в Чирахе осесть... Впрочем, это неважно. Куда интереснее, что Бхубакаш наведывается в дом мельника почти каждую ночь, открывая своим ключом маленькую дверцу в стене, окружающей сад.

— Видел я эту стену... — вспомнив древние чёрные камни, казавшиеся ему краденными, пробормотал Волкодав. — И дверку в ней видел...

Он вертел в руках опустевшую кружку. Богатство страны чувствуется во всём; тот же «Корчемник» был трактиром не из самых дорогих в городе, не чета «Стремени комадара». Но и здесь посуда, предназначенная разбиваться чуть ли не каждодневно, была красивая, тонкостенная, сделанная на кругу, и гончары выводили её не абы как, лишь бы «наляпать» побольше, а с безошибочным чувством меры и красоты. К тому же и глина в окрестностях Чирахи водилась какая-то занятная. Изделия из неё после обжига обретали сизый матовый блеск, словно покрывались налётом. Говорили, будто молоко в подобных кувшинах

оставалось холодным и долго не прокисало, да и пиво становилось вкуснее. Так оно, похоже, и было. Кружка нравилась Волкодаву.

— Ну так вот, — продолжал Шамарган. — Кажется, дней десять подряд им не удавалось увидеться, потому что новый конюх, в отличие от другой прислуги, обладал очень острым слухом, не притуплявшимся даже от почти откровенных посулов. Вот тогда-то пропало у купчихи драгоценное сапфировое ожерелье, и шо-ситайнец был обвинён в краже. А слуги, так дружно свидетельствовавшие против него, были из тех, что целых десять дней лишались привычных подачек. Вот так.

Молча слушавший Винитар усмехнулся углом рта.

— Надобно думать, — сказал он, — поближе к приезду мужа ожерелье непременно «нашлось» бы. Где-нибудь на дне ларя с овсом, когда оттуда позаботились бы наконец выгнать мышей... или ещё в другом месте, которое, по общему мнению, непременно выбрал бы конюх...

— Именно, — кивнул Шамарган.

Винитар ехал по улице на вороном Сергитхаре. Так или иначе, им предстоял немалый путь вместе. Прежде, чем пускаться в дальнюю дорогу, коню и всаднику следовало привыкнуть друг к другу, познакомиться, подружиться. Ибо как знать наперёд, кому из них кого и при каких обстоятельствах, может быть, доведётся спасти?..

Пока Винитар лишь испытывал всё возраставшее уважение к шо-ситайнцу Винойру, прежнему хозяину Сергитхара. Испуг и озлобление, вызванные невесёлыми жизненными переменами, начали проходить, и жеребец всё более становился таким, каким, по всему видно, был прежде: понятливым, ласковым и послушным. Он безо всякого труда нёс Винитара, охотно отзываясь на малейшее движение повода или ноги у своего бока, даже на изменение положения тела в седле. Он хотел угодить человеку, потому что человек ему нравился. С ним Сергитхар не боялся ни брехливых собак, ни скрипучих повозок, ни голу-

бей, неожиданно взлетающих прямо из-под копыт. Даже при виде других жеребцов он ограничивался лишь тем, что воинственно прижимал уши, но в драку первым не лез, понимая, что несущему всадника приличествует достойная сдержанность. Шо-ситайнское седло на потнике из мягкого войлока удобно облегало его спину... Правда, делалось это седло под человека ростом Винитару примерно до плеча. Рослому кунсу в нём было не слишком удобно, но неудобство было вполне терпимым. Да и не менять же седло, ведь если всё пойдёт как надо, в довольно скором времени коня придётся вернуть...

Винитар сворачивал то туда, то сюда, не особенно задумываясь, куда именно едет, и в конце концов Сергитхар вынес его на кривую узкую улочку неподалёку от гавани, где вдоль бесконечных заборов на подушках и ковриках сидели гадалки.

Винитару было известно, что пророческий дар не считается среди саккаремских женщин чем-то из ряда вон выходящим. Конечно, далеко не все они умели провидеть судьбы страны, но способные предсказать суховею или день возвращения уехавшего мужа находились в каждой деревне. Это принято было связывать с осколками Небесных Самоцветов — оружия Богов, разившего Зло во времена подения Камня-с-Небес. Оружие исполнило свой долг, но и само не пережило битвы. Его осколки рассеялись, и там, где их находили в земле, рождались чтимые саккаремцами провидицы и ворожеи.

А если есть настоящие провидицы, немедленно появляются и поддельные, стремящиеся нажиться на своём мнимом даре и на доверчивости приезжих. И не так-то просто бывает отличить одних от других.

При виде конного воина гадалки наперебой принялись окликать его, на всевозможных языках предлагая истолковать будущее, приворожить красавицу, отвести вражескую стрелу. Одна потрясала священными табличками — глиняными лепёшками с выдавленными на них письменами. Другая подбрасывала железный горшок, внутри которого с удивительно красивым звоном перекатывались гадательные фигурки. Третья намека-

ла на тайные знания древнего народа меорэ, четвёртая загадочно поглаживала череп с непропорционально большим лбом и глазницами... Винитар понял: его приняли за чужеземного наёмника, сошедшего на чирахский берег в поисках ратного счастья. Он остался равнодушен к призывам гадалок, ибо уважал как истинный лишь свой, сегванский, неведомый здесь способ прорицания будущего, — при помощи вязального крючка и трёх морских камешков, как показывала ему когда-то бабка Ангран. Его взгляд остановился лишь на одной женщине. Сперва она показалась ему глубокой старухой, но он тут же понял, что ошибался, и сердце ёкнуло: воистину так могла бы выглядеть его мать, если бы не умерла годы назад!.. Это видение, впрочем, тоже оказалось простой игрой тени и косого послеполуденного света. Ведь не могла же, в самом деле, маленькая темноглазая и темноволосая женщина, вдобавок улыбчивая и полнотелая, хоть как-то походить на его мать, от которой он унаследовал и волосы, и глаза!..

Женщина молча сидела на старом-престаром коврике, таком ветхом и драном, что было не вполне ясно, зачем вообще он ей нужен, — ведь мягкости в нём уж точно больше не было никакой, — и смотрела на Винитара. Молодой кунс остановил коня. Его рука потянулась к поясу, разыскивая кошель. В кошелье у него лежало несколько серебряных монет из запасов Волкодава. Винитар не просил их у него, это венн за столом пододвинул ему горсть денег, сказав просто: «Возьми». Кунс нащупал два самых крупных сребреника и бросил их женщине. Одна — и более здравая — часть его разума отчётливо понимала, что он делает глупость. Ему, оставшемуся без гроша, купили прекрасную лошадь и ещё дали денег, а он вздумал тратить их... вот таким образом. Но другая часть его существа — и он склонен был прислушаться именно к ней, — не менее убеждённо твердила, что женщина, награждённая от Богов хотя бы мимолётным и неверным сходством с его матерью, не должна, просто не имеет права сидеть на голых камнях, а значит, брошенные монетки некоторым образом оказывались посвящены па-

мяти умершей, стало быть, потрачены самым благим и правильным образом...

И плевать, что якобы нищая гадалка вполне может оказаться собственницей богатого дома, вышедшей облегчать кошельки таких, как он, доверчивых простаков...

Женщина между тем ловко поймала брошенные серебришки подолом, украшенным разноцветными заплатками, и улыбнулась:

— О чём же рассказать тебе всю правду, сынок?

— Ни о чём, — отвечивал Винитар. — Купи себе, мать, новый коврик или подушку.

— О! Так я и сделаю, — обрадованно отозвалась уличная гадалка. — Но мой нынешний коврик столь долго странствовал вместе со мной, что я вряд ли решусь просто взять и похоронить его в мусорной куче. Окажи ему честь, сынок, присядь на него вместе со мной!

И Винитар, к своему некоторому удивлению, обнаружил, что соскакивает с седла и в самом деле опускается рядом с женщиной на продранный коврик. Жеребец изогнул шею посмотреть, чем занят всадник, но с места не двинулся.

— Никуда не денется твой Серги, — сказала женщина Винитару, и тот вздрогнул от неожиданности. Он не называл коня по имени так, что она могла бы услышать, и отлично помнил об этом. От женщины не укрылось его замешательство, и она шутиливо погрозила ему пальцем, а потом взяла за обе руки: — Не обременяй себя слишком многой задумчивостью, сынок, и не противься течению жизни. Ты опытный пловец и знаешь, что она всё равно протечёт так, как ей будет угодно... Верно, ты вождь племени, бросившего родной остров и живущего в чужом краю, захваченном без правды и чести, так что мало кто из соседей вас любит... А теперь ты остался вовсе один, даже без ближней дружины и корабля. Ну и что с того, мальчик? А она кто?.. Верно, кнесинка и дочь кнесинки, но тоже семь лет уже не видела стен своего Галирада, и жизнь там успела далёко утечь без неё и помимо неё...

Винитар остолбенело внимал. В некоторый миг ему помешался вязальный крючок, лежавший на коленях у женщины. И три разноцветных камешка, брошенные на старый коврик. Он моргнул, и наваждение рассеялось. Но голос матери продолжал звучать:

— Вы с ней оба — как лягушки на сарсановых листьях, плавающих в болоте: каждый на своём... и оба голые. И оба думаете, что вам нечего предложить друг дружке, но как же вы заблуждаетесь, глупенькие! У вас есть вы сами, неужто этого мало?.. А потому слушай меня внимательно, сынок, и памятуй крепко. — Тёмные глаза женщины вдруг стали необыкновенно глубокими и воистину заслонили для Винитара всю суету улицы, и в них снова мерцала всё та же синева беспредельного океана, а выкрики гадалок, ловивших уже другого прохожего, отдалились в иную вселенную и замолкли. — Памятуй же, — в полной тишине продолжала его странная собеседница. — Когда тот, кого ты называешь врагом, хотя был бы рад назвать братом, скажет тебе: «Ступай к ней! Меня же оставь, у меня другая дорога», — сделай по его слову и не горюй оттого, что не превратил его дорогу в свою. И наградой тебе будет отступивший разлив Сиронга и корабль, поднимающийся с низовий, а на нём — все, кого ты думаешь, что потерял... и даже с прибытком.

Винитару сразу захотелось расспросить провидицу о сотне вещей скопом, но услышанное потребовало нескольких мгновений даже не на обдумывание, нет, просто на то, чтобы как следует ощутить, осознать... когда эти мгновения истекли и он поднял глаза, то успел увидеть лишь штопанный подол, мелькнувший и исчезнувший за дальним углом. Женщина унесла даже коврик, ни дать ни взять каким-то образом выдернув ветхую рванину из-под колен Винитара, причём он умудрился не заметить движения. Винитар сразу поднялся и последовал за гадалкой, ведя коня в поводу. Но за углом открылся лишь узкий замусоренный тупичок, в котором никого не было видно.

— Ты изменился, брат мой, — сказал Эврих Волкодаву. И, пока тот силился сообразить, в какую именно сторону, продолжал: — Раньше ты был просто воином из породы непобедимых. А сейчас... Помнишь, как ты нанимался вышибалой в трактиры? Если бы ты оказался вынужден зарабатывать этим теперь... Я думаю, тебе не пришлось бы трудиться, выбрасывая за порог разбушевавшихся пьяниц. И не потому, что их скоро начала бы отпугивать твоя слава. Нет! Их с самого начала просто некоторым образом миновала бы мысль о корчме, где ты состоял бы на службе. Каждый из них по самой обыденной причине просто отправился бы шуметь в какое-нибудь другое заведение. Знаешь, как это бывает? Человек вдруг испытывает необъяснимое желание отойти от скалы. И тут с неё вниз падает камень. Вот и с тобой то же... Что ты так на меня смотришь?

Волкодав как раз вспоминал нарлакский город Кондар, «Сегванскую зубатку» и буйного вельможу, заслужившего прозвище Беспутного Брата. Воспоминание было не из тех, которыми венн мог по праву гордиться. Поэтому ответил он так:

— Жду, когда ты меня варваром назовёшь.

Эврих засмеялся, но довольно странно, почти со всхлипом. Он сказал:

— Я всё как следует поверить не могу, что встретил тебя... Наверное, поэтому мне и кажется — вот сейчас моргну, а тебя уже и нет рядом со мной!

Может, так оно и вправду случится, подумал Волкодав, но говорить об этом вслух ему не хотелось, и он промолчал.

Был поздний вечер, и понемногу начинал моросить дождь. Луна мутно-жёлтым пятном пробивалась сквозь облака, другого света не было — масляные светильники в Чирахе покамест появились лишь на причалах да возле дома вейгила. Эврих же с Волкодавом шли по одному из бесчисленных петлистых заулков, медленно, исподволь подбираясь к дому почтенного мельника Шехмала Стумеха. А где-то в стороне от них, теми же за-

улками, но иными путями, плутал некий сегван, определённо опрокинувший в «Удалом корчемнике» несколько лишних кружек и подзабывший, на котором постоялом дворе лежали его вещички. По крайней мере, должен был плутать. Винитара они не видели с самого заката.

Афаргу же с Тартунгом Эврих оставил в своих покоях в «Стремени комадара». Теперь, правда, ему упорно казалось, будто и самострел паренька, и кое-какие способности Афарги могли оказаться очень даже нелишними в предстоявшем им деле...

— Не окажутся, — сказал Волкодав.

Эврих возмутился:

— Ты что, мысли читаешь?..

— Не читаю, — пожал плечами Волкодав. — И так ясно, о чём думаешь.

За три года, что они не виделись, Эврих нажил немалое количество шрамов на душе и на теле и видел смерть гораздо чаще и ближе, чем иные степенные люди, ведущие размеренную жизнь, видят за весь свой земной срок. Но вот снова появился Волкодав — и арранту сразу стало казаться, будто время попятило изрядно назад, и снова он следовал за сумасшедшим венном, впутавшимся в очередное дремучее непотребство, следовал, негодуя и ругаясь на каждом шагу, но при всём том понимая, что не впутаться, если числишь себя человеком, было нельзя...

Вот и сейчас, пока они петляли кривыми, как воровские намерения, чирахскими переулками, Эвриху всё лезло на ум их с Волкодавом приключение на Заоблачном кряже. Наверное, оттого, что тогда они тоже брели в темноте, пробираясь к защитной стене итигульской деревни. Правда, тогда они собирались лезть изнутри наружу, да и собаки, то и дело подбегавшие приветствовать Волкодава, вместо грозных утавегу здесь были скромными уличными шавками, но в остальном всё казалось до жути похожим. Кто она была им, та женщина, пленница воинственного народа?.. Кто он ему, Эвриху, этот ни разу не ви-

данный шо-ситайнский парень по имени Винойр?.. Но как — и тогда, и теперь — пройти мимо, не попытавшись спасти?..

Мысли начали делаться высокопарными, и Эврих оборвал их поток. «Да я просто боюсь! — уличил он себя. — Чего, спрашивается?»

— Не бойшься, — сказал Волкодав. — Просто пытаешься думать сразу о многом, а случится одно. Думай про то, что тебе кажется самым паскудным, и будешь готов. А случится другое, покажется облегчением.

Эврих только застонал про себя. Частью оттого, что венн снова подслушал его мысли. Но что поделаешь, если каждая новая возможность, приходившая ему на ум, выглядела паскуднее некуда?.. Они лезут в сад, и кто-нибудь замечает их ещё на стене. Они подходят к дому, и тут к ним бросаются слуги, вооружённые вилами и мясными топориками. Они начинают шарить в конюшне, и некстати проснувшийся конюх...

«А всё оттого, что теперь у меня есть что терять! — беспощадно приговорил себя учёный аррант. — Тоже выискался... Лечитель наследницы Агитиаль! Кладёзь мудрости, пишущий третью книгу для хранилищ вечного Силиона... И чтобы меня как какого-то распоследнего... в воровстве... А провались!!! Да пошли они все в ...!!!» — Эврих с удовольствием, чуть ли не по складам, мысленно выговорил самое непристойное проклятие на родном языке. Средство было безотказное. Эвриху снова исполнилось восемнадцать, он сделался шальным, весёлым и лёгким и напроць перестал беспокоиться, как завершится затеянное ими дело. Собственно, ему стало всё равно. Чем бы ни кончилось — главное, что прежде конца будет неплохая забава! И в том смысле, что вкладывали в это слово сегваны, и в самом обыкновенном!

У дверцы в каменной стене Эврих, к некоторому своему разочарованию, дюжих стражников не обнаружил. Значит, драки в ближайшее время не предвиделось. Эврих быстро огляделся, а когда снова посмотрел на дверцу, то даже вздрогнул: возле

неё стоял Шамарган. Вот так и поверишь в необычайную выучку и особые умения поклонников Смерти. Эврих отвёл глаза всего на долю мгновения, и за это время лицедей, вряд ли нарочно желавший его удивить, вырос точно из-под земли. Хотя до ближайшего угла было шагов, наверное, десять, а тень в дверной нише была маловата для укрытия даже ребёнку. Чудеса, да и только. Эврих ощутил, как разгорается знакомый огонёк любопытства, и мысленно положил себе на досуге подробно расспросить Шамаргана. Когда ещё ему доведётся снова пить пиво с единоверцем убийцы, чей нож однажды едва не лишил его удовольствия странствовать и постигать мир?..

— Нам везёт, — вполголоса сообщил Шамарган. — Он уже там.

Им не было нужды бояться случайных прохожих, способных заметить подозрительное сборище под стеной и на всякий случай переполошить городских стражников. Мудреца Зелхата, чей дом единственный соседствовал с обиталищем Шехмала Стумеха, в городе почитали отчасти за колдуна; во всяком случае, сплетни о таинственных огнях и свечении на болоте расползались исправно. Кто в здравом рассудке сунется сюда посреди ночи?

Эврих снова огляделся:

— А где кунс?

Винитара нигде не было видно, хотя ему следовало бы уже появиться, и арранта даже кольнула некая очень нехорошая мысль, но Мыш, бдительно крутившийся рядом с хозяином, вдруг шастнул в непроглядную тень у края забора и сразу вернулся, и почти сразу оттуда в полосу мутного и тусклого света шагнул Винитар. Один рукав его рубашки был почему-то разорван возле локтя. Он пожал плечами и равнодушно пояснил:

— Кошелёк срезать хотели.

На другой день среди чирахского воря распространится пугающий слух. О том, как трое *порядочных мужиков* с дубинками, сокрытыми под плащами, увязались за явно пьяным оди-

ноким сегваном, думая *вежливо попросить* у него денег на лечение больного собрата. Но, когда дубинки уже были занесены, пьяный вдруг обернулся, хотя ничего не должен был увидеть или услышать, и... что случилось потом, ни один из троих толком вспомнить так и не смог. Но на свою улицу они кое-как доползли только к рассвету.

Однако всё это будет лишь назавтра...

Эврих снова вспомнил деревню под сводом горной пещеры и задрал голову, примериваясь к каменной стене и соображая, как они полезут наверх. Как тогда — или, может, сперва закинут наверх лёгкого Шамаргана?.. Ни то, ни другое. Шамарган присел на корточки рядом с дверцей, вынул что-то из поясного кармана. Короткая игра ловких пальцев возле считавшегося очень надёжным замка... И дверь неслышно повернулась на хорошо смазанных петлях. Ещё бы им не быть хорошо смазанными!

...И, конечно, первым долгом в двери появилась морда большого сторожевого пса.

Всё правильно. Кто поверит в богатство хозяина дома, если тот может обходиться без такого вот стража? Люди засмеют. Да и правильно сделают. Пёс был степной халисунской породы, очень крепкий, с длинной белой шерстью, отроду не стриженной и свалывшейся в грязноватые шнуры, подметавшие землю. На такого зверя вору без толку замахиваться палкой. По его шубе, не причинив вреда, может соскользнуть нож и даже топор. Окажется хоть чуть-чуть неверен замах — и молись, ночной гость, уже не о жизни, а лишь о том, чтобы недолгими оказались мучения в страшных зубах... Не иначе, какой-нибудь служанке особо платили за то, чтобы на время прихода-ухода «друга сердечного» она уводила неподкупного сторожа в дом. Куда простой душе против человеческой подлости!..

Свирепый кобель уже высунулся наружу, чтобы уткнуться лобастой головой Волкодаву в колени и начать по-кошачьи тереться, ворча и поскуливая от восторга. Венн похлопал его по

боку, потом обнял и, кажется, что-то тихо сказал на ухо. Шамарган вошёл внутрь последним и снова повернул отмычку в замке, запирая дверь.

К дому через сад тянулась тропинка. Ею пользовались слуги, выходявшие за деньги показывать приезжим дом Зелхата Мельсинского. Дом мельника, почти не дававший себя разглядеть через стену (и правильно — нечего зря глазеть всяким чужим!), вблизи оказался большим и богатым. Тоже правильно. Шехмала Стумеха называли мельником лишь по привычке. На самом деле он давно уже сам не бросал в воздух горстку муки, призывая запропастившийся ветер. Мельниц, исправно вращавших крыльями, у него был целый десяток. И хороший надел земли, где колосилась пшеница. И пекарни с умелыми работниками...

В этом доме росла Ниилит.

Сперва — как любимая дочь. Потом — после Чёрного года, смерти родителей и приезда дядьки с семьёй — как нелюбимое братучадо, то ли бедная родственница, то ли служанка. По саккаремским законам незамужняя дочь не может наследовать, если только она не дочь шада. Умрёт старший брат, и имущество отойдёт к младшему. А судьбы таких, как Шехмал Ниилит, вручаются заботам родни.

И уж те позаботились...

Эврих косился на три невесомые тени, скользившие впереди него по тропинке, и казался себе самому до ужаса шумным и неуклюжим. Прав был венн, пытавшийся отговорить его от участия в этом сумасшедшем набеге... То есть теперь, когда всё началось, Эврих совершенно перестал бояться... или, как выразился Волкодав, «думать сразу о многом». Страх у него был только один. Не оказаться бы тюфяком, способным помешать двоим воинам и убийце.

Они достигли дома. Здесь двери даже ночью оставались не заперты. Зачем, от кого? «А хоть от нас, милые. Впрочем... если Шамарган...»

Внутри было тихо. И они ничем не нарушили эту тишину.

Дальше вёл Волкодав, и Эврих положил себе непременно расспросить его — как, каким образом?.. Неужто Ниилит так подробно рассказывала ему о своём доме и он умудрился ничего не забыть? Вызнал ли для него что-нибудь Шамарган, успевший за один вечер поболтать, кажется, со всеми служанками в городе?.. Или венн снова пускал в ход своё собачье чутьё? Или, может, пользовался неким непонятным, но очень действенным даром, позволявшим ему подслушивать его, Эвриха, мысли?..

Несколько раз Волкодав останавливался в раздумье, но наконец они преодолели третью лестницу и оказались перед деревянной дверью. Эврих протянул руку и нашарил сложную резьбу, показавшуюся ему старинной даже на ощупь. Судя по всему, здесь-то и была спальня молодой госпожи. Перед дверью полагалось бы дремать молоденькой служанке: мало ли что вдруг понадобится среди ночи. Служанки не было. Милостивая госпожа в очередной раз отпустила её спать до утра.

Шамарган приложил ухо к двери и скривился в очень нехорошей ухмылке. Эврих очень хотел последовать его примеру, но воздержался, зная: всё равно ничего не услышит, там, небось, изнутри дверь ковром занавешена... Волкодав взял за руку Винитара, и они налегли плечами до того слаженно, словно всю жизнь только этим и занимались. Каждый из них справился бы и один, но вдвоём получилось удивительно здорово. Тихо, мягко и неудержимо. Дверь негромко хрустнула, и казавшийся надёжным засов, вырванный с мясом, полетел на пол. Дальше всё происходило очень быстро. Сильные руки рванули ковёр, висевший таки за дверью, и глазам четверых взломщиков предстала спальня молодой госпожи... во всём блеске давно привычного прелюбодеяния.

Двое на широченной постели, купленной ещё старшим братом Стумеха ради свадебной ночи, настолько не ждали вторжения, что даже не успели шарахнуться один от другого. Мужчи́на был полнотелым, с желтоватой кожей потомка халисунских завоевателей. Что же касается женщины...

Волкодав на мгновение замер. Перед ним, нагая, раскинувшаяся в бесстыдстве страсти... лежала сама Ниилит. Её нежное, смугло-золотистое тело, мимолётным зрелищем которого Боги некогда пожелали вознаградить его. Её роскошные волосы, голубые глаза...

Ну да — Ниилит. Какой она могла бы стать лет через десять сытой и прихотливой жизни в наложницах у какого-нибудь богача... если бы согласилась на такую жизнь и в первый же день не сунула голову в петлю...

Двоюродная сестра Ниилит... У кого вообще мог повернуться язык назвать их сёстрами? Теперь-то Волкодав отчётливо видел, что между двумя женщинами не было ни малейшего сходства.

И ещё кое-что. Гораздо более важное. На шее у «сердечного друга» по имени Бхубакаш играло и переливалось синими огнями, отражая пламя единственной свечи, дивное сапфировое ожерелье. Женщина держалась за него рукой: видно, во время утех это доставляло ей особое удовольствие. А теперь потрясение и испуг срастили её пальцы в судорожной хватке. Ожерелье оказалось единственной опорой, за которую она могла уцепиться, и сестра Ниилит уцепилась... да так, что без клещей пальцы не разожмёшь...

Волкодав стоял посреди комнаты и тихо качал головой. Он-то собирался, застукав прелюбодеев, под угрозой разоблачения вызнать, куда спрятали ожерелье. И добиться, чтобы назавтра отнесли его вейгилу: нашлось, мол, а значит, конюх не виноват, ошибочка вышла. Он и надеяться не смел, что всё окажется так просто.

Он кивнул Винитару:

— Хозяина приведи.

— Не надо!.. Не надо батюшку!.. — завывала молодая женщина и попыталась ползти к ним по ложу, не иначе, затем, чтобы упасть на колени. Рука, по-прежнему цеплявшаяся за ожерелье, удерживала её, но она этого не сознавала. — Если деньги... сколько надо, скажите...

— Лежи, где лежишь!.. — негромко прошипел Шамарган. Он даже никак не обозвал её. Но что-то свистнуло, и из подушки в верхке от лица распутницы полетел пух. Это Шамарган поднял с пола и метнул одну из шпилек, не так давно вынутых любящими руками из густого шёлка волос. Женщина ахнула и обратилась в статую, правда, статуя тут же принялась мелко дрожать. Замер и мужчина. Он вполне оценил бросок и оказался способен понять, что произойдёт, если белобрысый вместо безобидной шпильки возьмётся за нож.

Винитару между тем не удалось управиться совсем бесшумно. В недрах дома что-то тяжело рухнуло, но спустя очень мало времени кунс возник на пороге, подталкивая перед собой напуганного, ничего не соображающего хозяина дома.

На первый взгляд Шехмал Стумех показался Эвриху стариком. Он был тош и сутул, с жидкими седыми волосами и такой же бородёнкой. Днём, на людях, он умел придать себе важный и значительный вид, но теперь, босой и полуголый, опирающийся на палку, он вызывал жалость пополам с лёгкой гадливостью, как обычно бывает при виде болезненной дряхлости... Дряхлости? Эврих мысленно сравнил внешность Стумеха и цветущей красавицы на постели. С трудом верилось, чтобы всего двадцать с небольшим лет назад такая развалина сумела зачать подобную красавицу дочь... Хотя чего только не бывает... Зря ли пишут учёные мужи, что отец может быть стариком или мальчишкой, это не имеет значения, лишь бы мать пребывала в хорошей детородной поре... Эврих присмотрелся к мельнику пристальнее и понял, что первое впечатление всё-таки было ошибочно. Конечно, ведь ему полагалось быть моложе отца Нилилит, умершего лет десять назад совсем не старым мужчиной. Шехмала Стумеха высушили и согнули не годы, а тяжёлое горе или болезнь. Может, смерть жены пять лет назад. Может, ещё что...

И уж от сегодняшнего ему точно не предстояло помолодеть.

Стумех, сам полураздетый, довольно-таки бессмысленно разглядывал постель и два голых жалких тела на ней. Эти люди,

так грубо нарушившие ночной покой его дома, — один из них, светловолосый, походя уgomонил телохранителя у порога его спальни, чуть не вышибив парню мозги, — не были ворами. Они просто не могли ими быть, ибо разве он не в полной мере и не вовремя платил старшине чирахских воров должную мзду?.. Но тогда кто они? Стумех постепенно осознал, что именно видели его глаза там, на расшитом покрывале смятой постели. Неужели это зять нанял головорезов для охраны своей супружеской чести?..

Эврих смотрел на трясущегося старика и время от времени строго напоминал себе: вот человек, продавший Ниилит в рабство. Однако вспоминалось почему-то совсем другое. Если верить слухам, почёрпнутым неутомимым Шамарганом в чирахских трактирах, Стумех со времени кончины жены напрочь отошёл от хозяйства и перестал интересоваться даже торговлей, передав все дела наёмным помощникам. И не то что по своим мельницам не ездил — вообще редко появлялся из дому. Чем же были заняты его дни? А вот чем. Люди говорили — он писал письма покойной. Их потом сжигали в курильницах вместе с благовониями у неё на могиле.

Этот человек продал в рабство свою кровинку, дитя умершего брата по имени Ниилит. Но против всякого здравого смысла Эвриху было его жаль. Богиня Милосердная и Карающая уже полной мерой воздала ему за святотатство, забрав ту единственную, которую Стумех, похоже, вправду любил. А теперь ещё и распутство дочери свалилось ему на плечи, словно куль муки, непосильный для сторбленных плеч...

Посох у мельника был старинный, на полтора локтя превосходивший его рост, с верхним концом, искусно загнутым в полукольцо. Далёкие предки-пастухи такими ловили за заднюю ножку непослушных овец. Теперь это была принадлежность хозяина дома, старшего в роду. Наверное, тоже от брата унаследовал... Стумех сам излечил арранта от неуместной жалости, спросив неожиданно цепко и очень по-деловому:

— Сколько я должен заплатить вам, почтенные, за то, чтобы весть о случившемся в этом доме миновала ухо моего зятя?

Слово «зять» по-саккаремски было скомкано из целой фразы, которая, если её распрямить, звучала примерно так: «Хвала Богине, у меня есть ещё один сын!» Рядом с осквернённым супружеским ложем, в устах старика, привыкшего всему находить денежную меру, повседневное «сын-хвали-бо» прозвучало жестокой насмешкой. Которую, кажется, заметили все, кроме него самого.

— Мы не намерены губить ни тебя, ни твою дочь, — сказал Волкодав. Лицо у него было деревянное. — И серебро твоё нам ни к чему. Мы даже этого ничтожного, — он кивнул на замершего, обильно потеющего Бхубакаша, — не стремимся отдать на прилюдное оскопление как прелюбодея... хотя он того и заслуживает... Мы только желали, чтобы ты увидел ожерелье, считавшееся похищенным. И признал перед вейгилом, что оно никуда не пропадало из твоего дома.

Это последнее не могло вызвать сомнений даже на очень подозрительный взгляд. «Сердечный друг» стоял в постели на четвереньках, застигнутый броском Шамаргана посередине попытки вскочить. Шамоон по-прежнему держалась за драгоценный ошейник на его шее, точно повисший над пропастью — за последнюю древесную ветку. Очень трудно было начать утверждать, что-де ожерелье принесли извне и несчастных любовников силой вынудили его надеть...

— Да, да, — закивал Стумех. Самообладание начинало возвращаться к нему. — Утром мы отправимся к вейгилу, и я буду рад поведать ему о счастливой находке... за ковром в одной из комнат, куда уронила ожерелье растрёпа служанка. Моя дочь будет рада вновь появиться в нём в городе. А пока будьте моими гостями, почтенные. И, прошу вас, скорее скажите мне, как я могу отблагодарить вас за столь значительную услугу?

Шамарган смотрел на мельника с откровенным восторгом, видимо преклоняясь перед стремительной работой его мысли.

Винитар оставался непроницаем. Волкодав же усмехнулся. Очень нехорошей усмешкой, показавшей выбитый зуб.

— Нет, — сказал он. — Не будем мы твоими гостями, Шех-мал Стумех. И не свалишь ты ничего на служанку. Ты пойдёшь к вейгилу и сделаешь это прямо сейчас. Ты пойдёшь со мной и с этим молодым вельможей, облечённым доверием самого шادا, а наши друзья пока останутся здесь... просто чтобы ты не впал в забывчивость по дороге. А когда мы выйдем от вейгила, ты отдашь нам ожерелье, потому что принадлежит оно не твоей дочери и не тебе.

«Складно-то как говорить стал...» — подумалось Эвриху, но подумалось мимолётно: всё его внимание было отдано хозяину дома. Аррант прямо-таки слышал быстрый перестук счётных табличек в уме старика. Да! Перед ним воистину был тот самый человек, что продал торговцам невольниками родную племянницу, продал не по злобе сердечной, не в порыве слепящего гнева... просто потому, что те дали за красивую девчонку цену чуть большую, нежели старый Зелхат, пытавшийся хоть так забрать Ниилит у родни...

Деловой смысл старика в самом деле был достоин восхищения — особенно если учесть все обстоятельства. Прирождённый купец тем и хорош, что умеет понять, когда торг и дальнейшие препирательства делаются неуместны. Стумех шагнул к дочери:

— Дай сюда ожерелье.

— Не дам!.. — завопила вдруг Шамоон. И ещё крепче стиснула пальцы, без того уже, кажется, сжатые насмерть.

Эврих успел подумать, что так недолго и поранить пухлую, никогда не знавшую работы ладонь. А мельник сделал ещё шаг... и с вовсе не старческой силой вытянул дочь поперёк ляжек своим посохом:

— Заткнись, дура! Хочешь, чтобы весь дом сбежался на тебя поглазеть?..

И визг Шамоон в самом деле прекратился так, словно ей внезапно заткнули рот. По мнению Эвриха, никогда ещё сей

грубый призыв к тишине не исполнялся столь быстро. И в такой точности. По нежным бёдрам красавицы, чуть ниже курчавых завитков, которые она даже не пыталась прикрыть, пролёг след отцовской палки. Он обещал назавтра превратиться в полновесную череду синяков. Но не хлёсткий удар заставил Шамоон замолчать. Ей, похоже, перепало что-то от деловой хватки батюшки. Она тоже знала, когда можно биться за выгоду, а когда следует спасать хотя бы то, что ещё можно спасти.

Стумех же вновь сгорбился, опираясь на посох, и в его голосе впервые прозвучало настоящее чувство:

— Да что ты в нём, в дерьмеце этом, нашла?..

И его можно было понять. Во время торжественного обряда в храме Богини Соединяющей половина города любовалась Юх-Пай Цумбалом, молодым мельсинским виноторговцем. Славное лицо, крепкий разворот плеч, красивая смуглота кожи — признак хороших старых меорийских кровей... Не парень — загляденье. Всем парам пара для Шамоон! А этот? Отвислое брюхо, круглая рожа, сальные волосёнки... И желтоватая шкура, наследие какого-нибудь кривоногого халисунца, что пятьсот лет назад походя разложил подвернувшуюся саккаремскую бабу!..

Известное дело, уважать исчезнувший народ много проще, чем живого соседа. Поэтому меорэ, грабившие эти места двести лет назад, дали благородную кровь. А халисунцы, вражда с которыми отгремела тому полтысячи лет, — наплодили ублюдков.

Змея же дочь, вместо того чтобы и далее разумно молчать, дерзостно прошипела:

— У мужчин не там красота!..

Все взгляды обратились на «мужскую красоту» Бхубакаша, дряблую и ничтожную от пережитого страха. Шамарган захохотал первым, громко и непристойно. Волкодав подошёл к ложу и разомкнул пальцы женщины, стиснутые на ожерелье. *Вы вернётесь к своей законной хозяйке, благородные камни... это я вам обещаю.* Перед ним была усеянная каплями пота склонённая шея Бхубакаша и крохотный серебристый замочек, ко-

торый следовало расстегнуть. Больше всего венну хотелось сломать эту паскудную шею. Сломать одним движением руки. Волею Хозяйки Судеб, он знал, как именно была отобрана у Ниилит материна памятка. Осквернять её ещё и убийством?.. Волкодав расстегнул замочек и ощутил в ладони особую, безошибочно узнаваемую тяжесть, присущую истинным самоцветам. «Сердечный друг», с самого начала так и не посмевавший издать ни единого звука, едва слышно выдохнул. Он понял, что рядом с ним только что стояла смерть. Приблизилась на расстояние волоска — и отступила... побрезговав.

А Стумех, сгорбившись и обняв свой посох, — плакал.

Многодневный дождь, удивлявший и беспокоивший обитателей Тин-Вилены, наконец перестал. Странная туча, рукавом протянувшаяся со стороны гор, разорвалась на части, и поднявшийся ветер понёс клочья дальше — на север. Многие горожане сочли, что таким образом им было явлено ещё одно свидетельство божественной воли, направлявшей руку и резец молодого Тервелга. Уж не оказалась ли туча с дождём послана омыть город и храм перед тем, как святые лики будут переданы жрецам и открыты для поклонения?..

Так судачили между собой горожане, и служители Блинецов не спешили объяснять им их заблуждение. Не потому, что вняли мудрости, бытующей почти у любого народа и гласящей: «на всякий роток не накинешь платок». Просто в крепости нынче хватало других забот, и жрецам было не до того, чтобы ещё вразумлять горожан.

...Когда радостное шествие тин-виленцев остановилось перед воротами и с чудотворных образов было откинута покрывало, лишь слепой умудрился бы не заметить потрясения, постигшего Избранного Ученика Хономера. Да и то, слепому бы рассказали. Хономер оставался в безмолвии и на коленях так долго, что жрецы под водительством Орглиса успели пропеть не один гимн, как полагалось, а целых четыре. И тогда... тогда произошло самое странное. Так и не произнеся ни слова, Хоно-

мер поднялся на ноги — и ушёл обратно в ворота! Орглис никого не решился послать за ним и не пошёл сам, поскольку тем самым был бы окончательно скомкан обряд, да и горожан в лишнее смущение вводить определённо не стоило. Лишь потом, когда всё завершилось, когда образа были с должными молитвами подняты на место прежних, а на лугу, предварявшем сады, начались пляски и выпивка у костров, — Орглис заглянул в покои Избранного Ученика, желая узнать, что случилось.

Но Хономера там не было...

Его вообще не оказалось нигде в крепости. Лишь подробный расспрос стражи позволил установить, что Избранный Ученик почти сразу покинул её так называемыми Малыми воротами — подземным ходом, которым с самого времени строительства почти ни разу не пользовались, поскольку войны и осады, ради которых он ладился, так и не произошло. Содержался ход, тем не менее, в полном порядке. Он выводил на поверхность далеко в лесу, возле ручья, и дверцу можно было открыть лишь изнутри. Пользовался ли кто-нибудь ею за последние сутки — понять так и не удалось. Способностей к магии, позволявшей легко отыскать человека по любой его вещи, у Орглиса было не больше, чем у самого Хономера. Забеспокоившись уже по-настоящему, Второй Ученик распорядился добыть чутких охотничьих собак и пустить их по следу... Это было исполнено, но собаки проявили редкое равнодушие. Ни одна из них на след так и не встала. Как будто им подносили к носу не старое облачение Хономера, а нечто совершенно неинтересное, вроде капусты.

Дольше и упорнее всех искал Избранного Ученика человек, отнюдь не имевший отношения к внутренней жизни храма и даже не единоведец Хономера: сегван Ригномер по прозвищу Бойцовый Петух.

Но и его поиски завершились ничем.

Жрец то ли в воду канул, то ли сквозь землю провалился, то ли — а почему бы не предположить и такого? — на небо взлетел...

Знать бы Бойцовому Петуху, что, как раз когда он гадал об этом, сидя на кухне корчмы «Бездонная бочка» в обществе ми-

лой стряпухи, Хономер в восторге молился, стоя на коленях перед Зазорной Стеной. Камни причиняли смертную муку его никак не заживавшим ногам, но боль с некоторых пор была для него лишь крыльями, возносящими душу. Хономер нараспев произносил слова молитв, которым его никогда не учили на острове Толми, и всего менее задумывался об отсутствии храма и собратьев по вере, способных оценить его жреческое вдохновение. Рваные тучи плыли над головой, тёплый дождь ласково умывал бывшего Избранного Ученика, словно прощая его и помогая смыть слёзы. Серые скалы и чуточку тронутый осенью лес, многоцветный верещатник и густые непроницаемо-зелёные ели, огромное великолепное небо... зачем храм с его росписью, курениями и позолотой, когда кругом и внутри есть уже ЭТО?.. Этот мир, сотворённый любовью и благодатью Богов?.. Пытаться ли святить то, что и так свято от века?..

...А на камне, перед которым, словно перед алтарём, рухнул на колени Хономер, стоял маленький стеклянный светильничек. Тот самый, что он некогда купил в Галираде, а потом потерял и не мог найти в ночь потопа у Зимних Ворот. Стоял, блестя от дождя, и над его носиком трепетал огонёк, почти невидимый в лучах проглянувшего солнца...

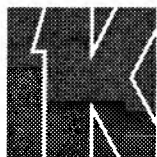
*Если жизнь покати́лась к дурной полосе,
На закате особенно чёрного дня
Я скажу: «Ну и что? А подите вы все!
Лишь бы дома, как прежде, любили меня!»*

*Если дома хоть кто-то мне искренне рад,
Если с визгом навстречу бросается пёс,
Это будет награда превыше наград,
Что бы прожитый день на хвосте ни принёс.*

*Если кошка, мурлыча, прижмётся к душе,
Этот тёплый комок — оборона от бед,
И Вселенная сразу начнёт хорошеть,
И растает, исчезнет недоброго след.*

*Ну а если чей дом — это просто ночлег,
Не согретый биением верных сердец,
Беззащитен на свете такой человек,
Кто не сеет добра — тот ему и не жнец.*

6. Прекрасная Эрминтар

ак и предрекал мудрый дядька Лось, до реки Шатун удалось добраться без великих препон. Волок, правда, оказался тяжеловат для артели из двух девок и всего одного парня, но и тут ничего — справились. Шаршава первым сходил туда и назад, сопровождаемый сукой Игрицей (так прозвали её за привычку рассказывать людям, полаивая и подвывая, обо всём важном и интересном, и она уже отзывалась на кличку). Потом, впрягаясь, потащили лодку, стали переносить вынуженное из неё добро... Умаялись, конечно. Тем более что стояло последнее предосеннее тепло, лес гудел тучами маленьких кровососов. Отдужался, утирал пот даже могучий Шаршава, но что поделаешь? Сестрица Оленюшка и милая Заюшка смотрели на него, чая подмоги, ему же смотреть было не на кого. Родился мужиком — подставляй плечи!

Когда снова пустили лодку в реку, оттолкнулись от берега и стали выбирать друг у друга из волос лосиных вшей, привязавшихся во время пешего перехода, дальнейшее путешествие начало казаться совсем весёлым и лёгким. Шатун, при всём своём названии, оказался рекой спокойной и мирной. Принял подношение — ещё Зайцами выпеченную горбушку с розовым ломтиком сала — и дружески закачал лодку, бережно пронося её над песчаными шалыгами* и через нечастые перекаты. Всё-таки

* *Шалыга* — подводная мель.

он оставался настоящей веннской рекой, младшим родичем праматери Светыни... хотя по крайней мере в одном месте на его берегу с некоторых пор жили сегваны.

Их поселение обнаружилось на высоком западном берегу, посередине длинного открытого плёса* Сегваны, жители морских побережий, заведённые Хозяйкой Судеб в глубину лесных крепей, и здесь выбрали место, хоть как-то похожее на знакомые берега. Они по упрямой привычке продолжали строиться, точно у себя на Островах. И так, словно в любой день следовало ждать вражеского набега. Зубчатый тын, гордо высившийся над яром**, весьма отличался от тех, которыми огораживались — если вообще огораживались — венны. Он был предназначен не просто отваживать вороватого лесного зверя, гораздо порываться в человеческих припасах или проведать курятник. На его брёвна не вешали коровьих и лошадиных черепов для устрашения скотьих хворей: может, эти хвори были даже неведомы на острове Парусного Ската, отъединённом от других населённых земель пространствами открытого моря... Нет, здесь собирались обороняться не от звериной жадности, а от людской. Тын выглядел очень добротным, строившие его отлично понимали, что возводят заступу собственным жизням. И не подлежало сомнению, что в зимние морозы весь обрыв до самой реки поливали для пушей неприступности водой.

Одна беда: у себя дома сегваны привыкли строиться на нескрушимых каменных скалах, которые прибою, как он ни бесчинствуй, не победить и за тысячу лет. Здесь береговой обрыв был гораздо податливее для усердно роющей воды, а они этого не учли. И не спросили тех, кто мог бы подсказать, ведь каждый склонен считать собственную мудрость самой правильной и разумной... А может, новые находники просто чем-то не понравились, не понравились Шатуну? Или, устраиваясь, забыли

* *Плёт* — здесь: относительно прямой участок реки между двумя поворотами, имеющий ровное течение.

** *Яр* — высокий, крутой берег реки, часто — вогнутый, подмываемый водой.

обратиться к Речному Хозяину за позволением, угощения не поднесли?.. Вот он и пытался выжить их, как умел. Промойны берега ещё не подобрались к тыну на опасно близкое расстояние, но, видно, пятнадцать минувших лет ясно показали, к чему идёт дело. В основании обрыва уже красовались валуны и дубовые сваи, но вид у этих заслонов был ненадёжный, да и можно ли было здесь воздвигнуть нечто надёжное? Известно же, омут не засыплешь...

С берега тотчас заметили лодку, и в деревне поднялся переполох.

— Эк они, — глядя на мечущихся сегванов, удивился Шаршава. — Не ездит к ним сюда, что ли, никто, первый раз гостей увидели?..

Ему попались на глаза двое детей, тащивших к воротам пушистую маленькую собачку. Собачка вырывалась и воинственно таякала. Навстречу уже спешила мать с хворостиной — задать детищам, чтобы следующий раз заботились о себе и о её, матери, спокойствии, а не о блохастом любимце. Потом кузнец увидел молодую беременную сегванку. Она тяжело хромала, опираясь на костыль. Но при этом несла, прижав одной рукой к боку, корыто недостиранного белья, и за ней бежала серая кошка.

— Да никак нас перетрусили? — удивился Шаршава. — С чего бы? Или их веннскими псами кто запугал?..

Как позже выяснилось, его догадка подобралась близко к истине, хотя всё же была не совсем верна. Но это открылось только потом... А пока кузнец с Оленюшкой слаженно подвели лодку к причалу, устроенному со всей сегванской основательностью, даже снабжённому волноломом — хотя откуда бы взяться волнам на спокойной лесной реке! Брат с сестрой привязали судёнышко за толстое бронзовое кольцо, и Шаршава вышел на берег.

К его полному и окончательному изумлению, навстречу со стороны деревни уже торопливо спускалось несколько человек: пять или шесть мужчин и одна женщина. Между мужчи-

нами отчётливо выделялся старейшина, «набольший», как его здесь называли. У рыжебородого здоровяка был вид человека, собравшего в кулак всю свою решимость. Женщина несла чистое полотенце и на нём свежий пирог, любимый сегванами Берега. Начинкой такому пирогу служили крутые яйца с сыром и луком, а тесто пеклось из муки пополам с мелко щипанной рыбой.

— Поздорову вам, добрые люди, — первым, как то пристало вежливому гостю, поклонился Шаршава.

— И тебе лёгких дорог, победимых врагов да богатой добычи... — прозвучал довольно странный ответ. Шаршава невольно задумался, о какой такой добыче могла идти речь; да, на волюке они ели лесных голубей, которых влёт хватал и притаскивал им Застоя, но в остальном?.. Взгляд старейшины между тем то окидывал могучую статью кузнеца, то обращался на двух огромных собак, смирно сидевших на носу и корме лодки. Это зрелище внушало пожилому сегвану отчётливо видимое уважение и... страх. Шаршава пытался взять в толк, что могло так пугать набольшего, но тщетно. А тот ещё поглядел на речной плёс, остававшийся пустым, и продолжал: — Отведай нашего угощения, гость долгожданный, да сделай милость, скажи, скоро ли нам встречать остальных?..

Тут Шаршава начал постепенно смекать, что случилась ошибка. Сегваны ждали совсем других гостей, причём нешуточно грозных, и тоже с реки. Кузнец со спутницами померещились им чем-то похожими на тех неведомых людей. Оттого такая встреча, оттого и пирог, что настойчиво подсовывала ему бледная супруга набольшего. Отведает гости, причастятся одной пищи с хозяевами — и можно надеяться, что не станут в деревне уж очень-то безобразить!..

Шаршаве стало смешно. Он отломил душистого пирога, прожевал и улыбнулся:

— Прости, добрый старейшина, но мы, видно, не те, кого ты вышел встречать. Сами едем, одной лодьей. Как есть все перед тобой, никого больше за собой не ведём.

Словно в подтверждение его слов, в лодке подала голос маленькая дочка, проснувшаяся в большой плоской корзине. Сука Игрица немедленно сунула нос в одеяльце, проверить, не развелась ли там сырость. Две девки да двое малых детей!.. Хёгг проглотил, вот уж менее всего были они похожи на тех, кого ожидал увидеть и почти наяву увидел перед собою старейшина! Ошибка сделалась очевидна. Мудрый человек тут бы расхохотался и тем всё завершил... но жизнь была бы слишком легка, если бы все в ней всегда и всё делали по уму. Судя по взгляду набольшего, он не велел Шаршаве отвязывать лодку и немедленно убираться подобру-поздорову оттого только, что молодой кузнец уже отщипнул пирога. С теми, кто после этого прогоняет гостей, судьба расплачивается быстро и так, что другим становится неповадно.

Набольший ткнул в сторону лодки густой седеющей бородой и спросил почти зло:

— Чьи будете-то?

Шаршава вдруг подумал — впервые за всё путешествие, — что они трое, оставившие свои семьи, могут дожидаться беды от людей. Просто потому, что у них за спиной больше нет могучего рода, сурового к обидчикам своих детей. Так-то оно, всю жизнь со своими прожить, потом вдруг к чужим сунуться, сразу много поймёшь!.. И он ответил без лжи, но и не всю правду, потому что всю правду о себе никто в здравом уме сторонним людям не открывает:

— Племени мы веннского, гнездо же моё у Щеглов. Гостили у Зайцев, теперь на реку Крупец путь держим. Пустишь ли, государь большак, нас с женой, сестрой и детьми на несколько дней?

Старейшина мгновение помолчал... Всего более ему хотелось послать венна с его бабами Хёггу под хвост, но он не мог. Это только кажется, будто творящееся в лесной глубине, в одинокой деревне так и останется неведомо широкому миру. Не правда! Прячь не прячь, всё рано или поздно выходит наружу, звериными ли тропками, быстрыми ли ручьями, на птичьих

ли крылах... А селению, где не чтят и отваживают гостей, быть пусту! Это закон, и блюдут его такие судьи, которых ещё никому не случилось ни обмануть, ни задобрить. И набольший ответил:

— У нас добрым гостям всегда рады... Есть и клетки пустые. Живи, сын славного отца, сколько пожелаешь.

— Теперь, когда мы достаточно удалились от суеты этого пропащего городишки и я узнал тебя получше, учёный аррант, я, пожалуй, могу поведать о своём происхождении, не опасаясь быть превратно понятым, — сказал Шамарган. — Нелегко было мне на это решиться, но ты — человек тонкий и знающий... в отличие от некоторых, которым лишь бы тыкать пальцем и хохотать над тем, чего их убогие рассудки не в силах объять... Слушай же. Моим отцом был величайший маг, равных коему немного найдётся даже в кругах высшего Посвящения. Люди называли его Тразиём Пэтом... Увы, он дал мне никчёмную мать, чьё имя поистине не заслуживает быть названным. Мой отец на многое пошёл ради неё, даже отказался от некоторых обычаев, поддерживавших его чудесную силу... она же отплатила ему самым чёрным предательством, из-за которого он попал в темницу и погиб. — Шамарган скорбно помолчал несколько мгновений, вздохнул и закончил: — Я же ставлю ей в сугубую вину ещё и то, что она не позаботилась передать мне ни единой крупички дивных свойств, что выделяют мага в толпе обычных людей и которые должны быть непременно врождёнными, ибо без них никакое усердие не способно сделать простолудина чародеем... — Он вздохнул ещё печальней и тяжелей и добавил: — Отец покорял своей воле чудовищ, поднимавшихся из океанских глубин, и мановением пальца мог двигать холмы... А я даже огня не способен разжечь, если под руками нет кремня и кресала!..

Его голос дрогнул — доверчиво и беззащитно. Так делятся затаённой скорбью всей жизни, каждодневным несчастьем, скрываемым от людей.

Эврих выслушал удивительное признание Шамаргана, ни разу не перебив. Неподвижности и бесстрастия его лица позавидовали бы забытые изваяния Мономатаны.

— Ага, — кивнул он в конце концов. И на том замолчал. Лишь мельком покосился на Волкодава. Но венн не обнаружил никакого намерения выручать его. Он ехал на своём сером, размеренно покачиваясь в седле, и невозмутимо думал о чём-то. Так, словно только что прозвучавшие откровения его никоим образом не касались.

— Ври, да не завирайся, коротышка, — вдруг сказала Афарга. — Случилось мне видеть славного Тразия Пэта, перед самой его гибелью, меньше года назад... По вам, белокожим, не разберёшь, сколько вам лет, но я-то на ваше племя насмотрелась и вот что скажу: нынче ему как раз стукнуло бы тридцать. В каком же возрасте он целовался с твоей матерью, хотела бы я знать?

— Что ты можешь понимать в делах великих магов, дура!.. — исступлённо заорал в ответ Шамарган, и на сей раз его голос сорвался по-настоящему, а лошадь заложила уши и испуганно присела на задние ноги. — Какая разница, как выглядел Тразий Пэт!.. Возраст подобных ему — не для твоего скудного разума!.. Пожелай он выглядеть древним старцем, он им бы и выглядел! А пожелал бы казаться мальчишкой — и ты, наследница тугодумных ослов, ему бы леденцы покупала да по головке гладила, ни о чём не догадываясь!.. Будь он тут, он в мокрицу бы тебя превратил за эти слова! А я ногой бы растёр!..

— Ну так разотри, за чем дело стало? — по-кошачьи хищно фыркнула Афарга. — Кишка тонка без тятеньки-мага?..

Тартунг заворожённо смотрел на неё, на пряди волос, странно шевельнувшиеся возле шеи.

Шамарган с силой ударил пятками ни в чём не повинную лошадь, и вконец напуганное животное кинулось вперёд во всю скачь. Они пронеслись совсем близко от Эвриха, и тому показалось, что глаза лицедея блестели подозрительно влажно.

Афарга передёрнула плечами и проводила парня уже знакомым Волкодаву презрительным жестом, словно выплеснув ему вслед из чашки какую-то гадость. И пробормотала поносное выражение, почти одинаково звучащее на всех языках:

— Крапивное семя...*

Волкодаву вдруг стало жаль её. Собственно, ему жаль было и Шамаргана, всё силившегося что-то доказать им с Винитаром. У бедняги сидела большущая заноза в душе, он уже называл себя сыном полководца, видного жреца, великого мага, — кого изберёт в следующий раз? Самого Предвечного и Нерождённого? А себя, не иначе, объявит затерявшимся Младшим?.. Ох, не дожидаться бы ему в таком случае вразумляющего щелчка прямо с Небес!.. А эта Афарга готова со всем белым светом подраться, — и тоже, кажется, оттого, что избывает и избыть не может какую-то боль... Какую? Уж не безответную ли страсть к своему «великому и величественному господину»?..

Волкодав подумал и понял, что не испытывает на сей счёт особого любопытства. Вернее, испытывает, но чувство было глухим и далёким, как голод к лакомствам на столе — у человека, которому вот-вот лекарь отнимет изувеченную ногу. Какие пряники, если весь мир съёжился до величины горящего болью колена, а впереди предстоит пусть спасительная, но ещё худшая боль?.. Ну, любит Афарга Эвриха, а он то ли не замечает, то ли побаивается её душевного жара... вторая Великая Ночь от этого всё же вряд ли наступит. Оба живы, оба свободны — да неужто не придумают, как им быть друг с другом и с этой любовью?.. И Шамарган, сумевший когда-то отойти от служения Смерти, рано или поздно перестанет придумывать себе могущественных отцов. Поскольку поймёт, что по-настоящему светит не отражённый свет, а свой собственный... У него есть жизнь, у него есть никем не отнятая свобода, так не грех ли великий беситься и плакать из-за ерунды?..

* *Крапивное семя, крапивник* — подразумевается, что ругаемый был зачат «при дороге в крапиве», то есть сугубо незаконным и грязным образом.

Между тем несколько дней назад по этой самой дороге, по великому северному большаку, шёл рабский караван. И в нём, прикованный за руку к длинной ржавой цепи, плёлся Винойр. Осуждённый и проданный в неволю за преступление, которого не совершал. Плёлся, с каждым шагом погружаясь в пучину людской жестокости и вероломства. И вспоминая былые обиды и беды, словно счастливый радужный сон... Он ведь даже восточку в Мельсину, где осталась его семья, не смог передать...

Не ждите, невесты! Не свидимся с вами,
Живыми уже не вернёмся домой...

Правду сказать, Волкодав почти не удивился, узнав имя хозяина невольничьего каравана: Ксоо Тарким. Только подумал, что, пожалуй, по всей справедливости так тому и следовало быть. Воистину Хозяйка Судеб доплетала неровную, не особенно удачную нить его жизни и связывала её кольцом, заодно теребя другие нити, оказавшиеся впутанными в те же узлы.

Невольник надеяться только и властен
На смерть, что окончит земные пути.
Чем сохнуть в разлуке, ты новое счастье,
Родная моя, попытайся найти...

Думая про Винойра, Волкодав поневоле вспоминал прекрасных коней его родины, резвых земляков Сергитхара. Когда их впервые ловили в табуне и пробовали заезжать, дело кончалось по-разному... Одни быстро покорялись наезднику и на всю жизнь становились послушными. Другие... бывали же неукротимые звери, созданные свободой и для свободы, которых ни плёткой, ни ласковым словом не удавалось приучить к седлу и узде, — проще сразу убить, не дожидаясь, пока сам погибнешь от зубов и копыт!.. В то, что Винойр, сломленный, уже целовал палку надсмотрщика, Волкодаву верилось с трудом. А вот в то, что парень вполне мог лежать со свёрнутой шеей где-нибудь в придорожном болотце... Об этом венн старался даже не думать.

Он знал свою удачливость. Только оплошай — как раз самое скверное и накликаешь.

За что же это Винитару, справедливые Боги?.. молча вопрошал он, следя краем глаза за ускокавшим далеко вперёд Шармангом, которого обозлённая лошадь надумала-таки сбросить. *Неужели всё оттого, что я слишком медленно шёл?..*

Причина переполоха в сегванской деревне выяснилась едва ли не на следующий день.

— Вы, венны, дерётесь, когда гуляете на ярмарке или в праздник? — спросил Шаршаву кузнец Рахталик. Беседовали они в его кузнице, куда Шаршава, конечно, не преминул зайти. Рахталик встретил его не без настороженности, но скоро убедился в отменном мастерстве молодого венна и стал привечать, как родного.

Вопрос же прозвучал так, что ответить «нет» значило бы дожидаться в лучшем случае насмешки, и Шаршава ответил:

— Ну... есть кулачные бои, а иногда и на палках... Это зимой, когда у всех толстые шапки и рукавицы. Летом борьба: в обхватку, за вороток, на вольную, на поясах... Ещё рукоборство есть, но это кто к сольвеннам ближе живёт. А что?

Кузнец всё-таки посмеялся, но не обидно и не зло, потому, наверное, что Шаршава выглядел первым поединщиком во всём, что перечислил.

— Вот потому-то вы, венны, сидите тихо по своим лесам, а мы, сегваны, распространяемся по Берегу и селимся где хотим, нравится это кому или нет, — сказал Рахталик. — Видел я ваши зимние потасовки... Научится ли парень быть истинным воином, если он шагает биться и знает: упади — пощадят, кровь из носу потекла — опять пощадят? То ли дело у нас! С дубинками на драку хаживали, с кистенями, с наладошниками...^{*} — Взгляд у кузнеца стал рассеянный и мечтательный. — Драться шли, а не плечами впустую толкаться! Оплошаешь — не пожалеют,

^{*} *Наладошник* — теперь в ходу французское слово «кастет», означающее «разбиватель голов».

зашиблен свалишься — бить не отступят! Идёшь и не знаешь наверняка, вернёшься ли! Всяко бывало!.. Вот отсюда, парень, один шаг и до настоящего воинства. Потому и равных нам нет. А ты — в обхватку, на поясах...

Шаршава не удержался, поддел в ответ:

— То-то вы от нашей лодки, как цыплята от ястреба.

Рахталик воздел палец, чёрный и заскорузлый:

— Тут дело другое. Не от вас, а от тех, за кого вас было приняли.

— За кого же?

— А вот за кого. Мы о прошлом годе гулять отправились к вельхам, за три дня пути... Не первый раз уже, ясно. И всё бы хорошо, да гостил у них один... Итер... Атыр... Хёгговы зубы ему куда не надо, эти вельхские имена! Мужик, в общем, нас с тобой сложить, его половина получится. Так вот, задрались, и он сыну нашего набольшего кулаком в ухо заехал. Может, видел его теперь? Что с левой руки говорят, не очень-то слышит, а перед дождём с лавки голову не может поднять... Был батюшке наследник, а теперь кто? Мстить же надобно, так? А как мстить, если вельхов на одного нашего дюжина, да ещё таких, как тот малый, полдюжины наберут!.. Набольший весной вгорячах и нанял псиглавцев...

— Кого?.. — Шаршава невольно представил себе воинов из древних легенд, не то оборотней, не то вовсе полулюдей с песьими головами, и в животе булькнуло.

— Да не тех! — развеселился его тревоге Рахталик. — Их так называют из-за того, что они, как бы тебе сказать... главенствуют над псами. Таких боевых собак, как у них, нет больше ни у кого. Придём к вельхам на зимнюю ярмарку да в лесочке засадой поставим — во начнётся потеха, как пойдут штаны-то им рвать!..

Он засмеялся. Шаршава его веселья не разделил. Он вообразил лютых псов, сравнимых, пусть отдалённо, с Застоей и его подругой Игрицей... Что ж, волкодавы могли побаловаться дружеской вознёй и с хозяином, и с хозяйскими ребятами. Бу-

дуг раскрываться железные пасти, будут смыкаться на уязвимом человеческом теле страшные зубы... но всё это осторожно, бережно, ласково, не причиняя вреда. А укажи им всамделишного врага!.. Ох. Тут разорванными портами дело не ограничится. Покрошат, в ключья раздерут и всё, что в портах... «Это уж не драка пойдёт, а сущее убийство! — с невольной оторопью подумал Шаршава. — Загрызут из вельхов кого, большим немирьем кончится...» Но вслух ничего не сказал. Гостю в чужом доме хозяина поучать — самое распоследнее дело.

Его смущение не укрылось от Рахталика. Сегван, кажется, хотел сказать что-то ещё о веннах, робеющих вида вражеской крови, но тут снаружи кузницы послышались неловкие шаги и через порог пролегла тень. Двое мужчин обернулись. У раскрытой двери переминалась тяжкая чревом хромая молодуха. Шаршава невольно обратил внимание на её руки, до кровавых пузырей намозолненные о жёсткую влажную ткань и разбухшие от постоянного пребывания в воде. Она держала под мышкой пустое корыто.

— Чего надобно? — весьма нелюбезно обратился к ней кузнец.

Шаршава же сразу встал и повёл сегванку на своё место:

— Присядь, госпожа, нечего зря ноги трудить.

Она настолько не ждала от него подобного обращения, что дала под руку проводить себя до колоды, с которой он поднялся.

— Ты что, парень? — расхохотался Рахталик. — Ты что с ней, точно с кунсовой дочкой какой? Она ж выкупная!..

Тем самым был помянут сегванский обычай, хорошо известный Шаршаве. Если между разными племенами случайно доходило до смертоубийства, люди прилагали усилия, чтобы отвратить кровную месть. Дело достойное, да была трудность: сегваны не признавали никакого выкупа за убитых. «Мы своих родичей не в кошельях носим!» — хвалился этот народ. И вот когда-то давно — небось, ещё прежде Великой Ночи — кто-то умный первым придумал, как в дальнейшем избегать новой

крови, соблюдая в то же время суровый древний закон. Жизнь за жизнь? Ну так пусть виноватый род отдаёт обиженным чело-
ловека.

Тут, по убеждению Шаршавы, всё было разумно и правильно, зря ли его собственное племя придерживалось сходных порядков! Но если у веннов уходил в чужой род сам невезучий отниматель жизни — и делался чьим-то сыном вместо погибшего, пытался, как умел, собой залатать прореху в семье, — то у сегванов обычай успел измениться, и не в лучшую сторону. У них за грехи набедокурившего мужика отдувалась обычно девка. И не дочерью становилась в обиженном роду, а... даже не выговорить кем. Распоследней служанкой хуже всякой рабыни. Горохом в поле: кому не лень, каждый щипнёт. Безропотной суложью всякого, кому взвóлится* ей рубаху задрать... Может, отцы подобного непотребства считали, что буйные парни будут вести себя тише, зная, что за судьба в противном случае ждёт их сестру, ставшую «выкупной»? Может быть...

Шаршава ощутил, как от хохота кузнеца болезненно вздрогнула рука женщины, сегванка попыталась было отнять её, но венн не позволил: провёл хромоножку вперёд и усадил на колоду. Рахталик следил за ним со смешливым любопытством, не подозревая, что венн медленно свирепел. Медленно и очень опасно.

Шаршава спросил, сохраняя внешнюю невозмутимость:

— Чем тебе помочь, госпожа?

У неё были сухие глаза наученной никому не показывать слёз, но набрякшие веки в один миг не расправишь. Она выговорила, запинаясь:

— Ты, добрый господин гость... мою кошку часом не видел ли?

Рахталик снова захохотал:

— Да с мостков свалилась и потонула кошатина твоя, пока ты мои штаны от дерьма отстирывала... водопряха** несчастная!

* *Взвóлится* — придёт внезапное желание.

** *Водопряха* — насмешливое прозвище прачек.

Женщина тихо ответила:

— На острове она рыбу ловила в озерах, остававшихся после отлива...

— Пойдём, госпожа, — сказал Шаршава. — Провожу тебя, а то больно тропка крутая.

Он имел в виду только то, что сказал, но сегованка посмотрела на него почти со страхом, а Рахталик понимающе провёл рукой по усам:

— Проводи, проводи её, парень, правда что ли, пока жёнка с грудными сидит...

Вот тут Шаршава твёрдо решил, что нипочём больше не придёт в эту кузницу и ни под каким видом не возьмётся в ней за молот и клещи. Да и просто слово молвить воздержится с обидчиком женщин, по ошибке именовавшимся кузнецом... А лучше всего — утром же вместе с девками отвяжет верную лодку. Он забрал у женщины пустое, но всё равно увесистое корыто, выдолбленное из половины осинового бревешка, и спросил:

— Как зовут тебя люди, госпожа?

Вместо неё ему ответил опять-таки Рахталик, не пропустивший возможности отколоть удачную шутку:

— А ты не догадался, венн? Как же ещё, если не Эрминтар!.. Счастливы мы: есть у нас прекрасная Эрминтар!..

Женщина вздрогнула и всё-таки заплакала, и Шаршава понял, что прозвучало её настоящее, матерью данное имя. Она переваливалась по-утиному, опираясь на свой костыль и на его руку. У неё было что-то не в порядке с ногами, там, где они подходят к станovým костям тела. Суставы не удерживались, вихляли. Шаршава знал: так бывает, если приключились тяжкие роды и дитя приходилось тянуть в Божий мир силой. Наверное, девочке дали имя прекраснейшей героини сегованских сказаний, ещё не распознав несчастья. Или думали, что имя поможет ей выздороветь... не помогло вот. Шаршава даже заподозрил, что неведомая родня порешила отдать её как «выкупную» именно по причине увечья. И то правда. Не первой же девке в

роду к чужим людям идти, на срам и бесчестье... Он поразмыслил немного и сказал:

— Мы тут люди перехожие, госпожа... Скоро дальше отправимся. Может, семье твоей сумеет восточку передать? Откуда ты, славная? И... кто отец дитятку, которое ты носишь? Может, он выручил бы тебя?

Эрминтар даже отшатнулась. Вскинула мокрые глаза, посмотрела на него с каким-то почти весёлым, отчаянным недоумением... и горше заплакала.

— Знать бы, кто тот отец!.. — разобрал потрясённый молодой венн. — Да кто ж из них меня в кустах не валял...

Мать Щеглица учила Шаршаву: «С плеча, сынок, не руби... Не торопись сразу судить, тем паче о важном! Всегда прежде охолони, размысли как следует...» Отец с нею соглашался, однако потом, наедине, добавлял: «Но бывает и так, парень, что немедленно надо решать. Да тотчас прямо и делать, что сердце подскажет». — «Как же отличить, батюшка?» — «А отличишь...»

— Вот что, госпожа моя, славная Эрминтар, — твёрдо говорил Шаршава, и сердце в нём запело легко и победно. — Есть у меня одна сестрица названная, не наградишь ли честью, второй сестрицей назвавшись? Лодка у нас добрая, всем места хватит, и тебе, и дитятку твоему...

Сердце сердцем, а часть рассудка всё же приказывала помнить о Заюшке с Оленюшкой и о том, что незаконная сегванская деревня навряд ли добром отпустит подневольную хромоножку, с утра до вечера *пра́вшую** их одежды вместо кичливых дочек и жён. А значит, придётся увозом увозить Эрминтар. То есть могут погнаться. Могут и догнать...

Но ведь не бросать же её тут?

Женщина вдруг решительно вытерла слёзы, и голос окреп.

— Да благословит Мать Родана чрево твоей жены сыновьями, похожими на тебя, — сказала она. — Только... куда ж я с

* *Пра́вшую, прать* — мять, давить, жать; особенно о старинном способе ручной стирки белья. Отсюда «прачка», а также «попирать» — придавливать, угнетать, унижать.

вами? Догонят ведь... А у тебя и так жена, сестрица да дети малые. О них думай...

Вот тут Шаршава окончательно понял, что заберёт её с собой непременно. Что бы ни говорила она сама — и что бы ни замышляла деревня с острова Парусного Ската... во главе с наибольшим по прозвищу Хряпа.

— Это кого догонят? — сказал он уверенно. — Веннов в лесу?

А про себя подумал: появятся псиглавцы, тут лодку-то и отвяжем. С такими гостями поди не вдруг пропажу заметят!

— Ты, сестрица любимая, по-моему, не только ножками прихрамываешь, но и рассудком, — отругала робкую Эрминтар Оленюшка, когда все они сидели на пороге клетки. — О себе думать не желаешь, о сыне или о дочке подумай, кого родишь скоро! Твое же, твоя будет душа, тобой выношенная! Чтобы все, кто тебя силой ломал, ещё и сынка твоего звали рабом? Всей деревни вымеском?.. А дочка будет, помысли! Что с дочкой станется? Тоже порты всем стирай? Да ещё, как подрастёт, с каждым прыщавым иди, куда поведёт?..

Эрминтар прикрыла рукой лицо, отвернулась... Шаршава же глядел на посестру и любовался её разумом и пробудившейся в решимости красотой. Он помнил её, жалкую и почти безвольную, на пороге его кузни в деревне Оленей... А теперь какова!

Видно, не зря говорят: за других насмерть вставать куда проще, чем за себя самое. За себя — усомнишься, десять раз спросишь себя, не посчитал ли собственную непонятливость за чужую вину... С другим человеком не так. Его обиды видятся трезвее и чётче, за его беду исполчиться сами Боги велят.

Бедная Эрминтар всё металась душой между страхом побега, страхом перед чужими людьми, долгом «выкупной» своего рода... и надеждой. Так и не сумев решиться, она потянулась к брошенному в сторонке корыту:

— Пойду я... Из трёх домов ещё стирку брать... Вам за ласку спасибо...

Высокое чрево не дало ей проворно нагнуться, и Шаршава отодвинул корыто ногой:

— Сиди, сестрица.

А Заюшка повернулась и передала ей на руки обеих маленьких дочек:

— Привыкай!

Вдвоём с Оленюшкой они подхватили корыто, думая сделать за Эрминтар её сегодняшнюю работу... Но не довелось. Потому что перед клетью появились их псы — Застоя с Игрицей, вернувшиеся из лесу.

Следом за двумя волкодавами, понятно, катилась местная собачня, звонкая, точно горох в жестяной миске. Измельчавшие потомки островных лаек, выродившиеся на берегу, не смели приблизиться к паре громадных собак и гавкали издали, бесильно и остервенело. Это происходило каждый день и было уже привычно. А вот то, что позади шавок, словно ожидая чего-то, попевала деревенская ребятня, — слегка настораживало. Ребятишки, пятеро мальчиков и две девочки побойчее, всё смотрели на перемазанный в зеленоватой глине мешок, что несла в зубах сука Игрица. Ещё необычнее было то, что, когда не в меру отважный трёхцветный кобелёк подобрался слишком близко к Застое, тот обернулся и с глухим рыком лязгнул зубами. Звук был, точно захлопнулась дверь, окованная железными полосами. До сих пор мохнатый воин не обращал на брехливую мелочь особого внимания. Кобелишка, обманутый в привычной безнаказанности, с пронзительным визгом кинулся спастись под ноги детям. Те шарахнулись от него в разные стороны. Кто горазд глумиться над незащищённым — редко сам являет достойную доблесть. Застоя брезгливо выплюнул клочок пёстрой шерсти, выданный из бока охальника. Не потому, дескать, жить оставил, что порвать опоздал, — захотел, взял бы на зуб, да больно противно!..

Игрица же подошла к Шаршаве и сунула мешок ему в руку. Вот, мол, нашли в лесу! А что с этим дальше делать — решай уж ты. Затем тебе и несли.

Шаршава недоумённо повертел мешок, пощупал... Нахмурился, вынул поясной нож и быстро перерезал верёвку на горловине.

Тогда сделался внятен слабый плач, и наружу с трудом выползла серая кошка. Она растянулась на траве, едва открывая глаза и часто дыша. Псы выкопали её в лесу, уже засыпанную землёй. А дети, не успевшие ту землю как следует утоптать, побежали следом, жадно споря между собой: сожрут или не сожрут?.. И как будут жрать: задавят прямо в мешке или сначала вытряхнут наземь?..

Нет, они не были злобными детьми злых родителей, эти маленькие сегованы. Просто уж так устроены люди: если у кого нет могущественной заступы, на того непременно найдётся палач. По жадности ли, по дурному ли любопытству... Ты поди пни того же Застоя. Вмиг ногу отхватит. А кошка что? Ну, оцарапает... А что будет, если эту кошку в землю зарыть, скоро ли сдохнет? А что будет, если брюхатой ногу подставить? А что будет, если её дитё свиньям подкинуть, пока мать у речки стирает?..

Тем более что уж точно не будет только одного. Наказания...

Заюшка снова подхватила на руки дочек, — Эрминтар бухнулась наземь и обняла чуть живую любимицу, плача, глядя её, помогая дышать. Застоя придиричиво обнюхал сперва кошкину хозяйку, потом саму кошку... Люди, с которыми он жил прежде, полагали, что без пушистых игруний не полон дом, у них не переводились коты и котята, и свирепому кобелю было не привывать пестовать хвостатую мелюзгу. Он лизнул Эрминтар в ухо и принялся вместе с ней разбирать грязный мех, выглаживать из него липкую глину.

Игрица же улеглась поперёк входа во дворик, и следовало посмотреть на того, кто отважился бы пройти мимо неё.

Вечером того самого дня жители деревни Парусного Ската встречали псиглавцев.

Позже, вспоминая всё случившееся, Шаршава не мог отделаться от мысли, что набольший, получивший смешное прозви-

ще за любовь к сольвенским пирогам с серой капустой, понял свою ошибку уже давным-давно. Состояла же ошибка в том, что он надумал решить спор с вельхами, обидчиками сына, пригласив наёмных бойцов.

Правду говорила мудрая матушка Шаршавы, когда поучала сына не принимать поспешных решений, особенно о вражде и о мести!.. Было ведь как? Сын Хряпы ещё в повязках лежал, когда отец его на весеннем торгу увидел псиглавцев, встретился с главарём, вгорячах отсыпал щедрый задаток... И лишь позже наслушался бывалых людей, начал думать... и от этих мыслей потеть. Вернуть бы всё назад, да куда! Задаток принят и пропит, псиглавцы — где они, поди разыщи, жди теперь, покуда объявятся...

Они прибыли на четырёх вместительных лодках, и собак на тех лодках было действительно больше, чем людей. Шаршава, в жизни своей не выбиравшийся из родных веннских лесов далее Большого Погоста, никогда прежде не видел подобных собак. Он привык к мохнатым псам, чьи пышные шубы надёжно хранили их и от мороза, и от дождя, и от вражьих зубов. У этих была не шерсть, а шёрстка, короткая, гладкая и блестящая. Зато шкуры казались позаимствованными у гораздо более крупных зверей: кожа обрюзглыми складками свисала с голов, шей и боков. От этого даже кобели выглядели как-то по-бабьи, напоминая неопрятных старух. Но, когда псы начали выпрыгивать из лодок на берег, под вислыми шкурами стали вздуваться и опадать такие бугры, что своё первое впечатление Шаршава сразу забыл. Вся стая была одной масти, серо-стальной, лишь у самых внушительных кобелей на задних лапах и крупах проступали размытые ржаво-бурые полосы. У одного полосы казались ярче, чем у других. Шаршава посмотрел, как держался пёс с собратьями, и решил, что это, не иначе, вожак.

На людей, их хозяев, тоже стоило посмотреть. Ещё как стоило! Наёмники, год за годом проводившие все свои дни среди свирепых питомцев, сроднились с ними настолько, что начали казаться чем-то вроде их человеческого отражения. И суть зак-

лючалась отнюдь не в удивительном послушании псов, этого-то как раз не было и в помине. Повиновение держалось скорее на силе. Вожак пёсией стаи не был любим и уважаем собратьями, его просто боялись. Каждый из псиглавцев выглядел способным пресечь любую выходку малой своры, чьи поводки тянулись к железным кольцам на тяжёлом поясном ремне. А главарь определённо мог и умел задать трёпку каждому из своих подчинённых...

Восемнадцать мужчин выглядели похожими, как единокровные братья. Все среднего роста, темноволосые и усатые, очень крепко сложенные, страшно сильные и выносливые даже на вид. И одевались они одинаково. В удобные кожаные штаны и стёганные безрукавки под цвет шерсти собак.

Старейшина Хряпа вышел к ним в точности так же, как несколькими днями ранее — к веннам. И жена его снова несла на полотенце вкусный сегванский пирог. Псиглавцы не столько сами съели его, сколько разломали полакомиться собакам. Они о чём-то говорили, смеялись. Супруга наибольшего время от времени отворачивалась, опускала глаза. Наверное, шутки были не из тех, которые уместны при женщинах. Однако Хряпа благодарно помалкивал.

Потом все двинулись наверх, к деревенскому тыну. Наёмники оценивающе оглядели сегванское укрепление, одобрительно покивали. Псы, не удерживаемые ни поводками, ни словом команды, побежали вперёд людей — обнюхивать, обживать новое место. Скоро откуда-то послышался истошный лай, потом собачьи вопли и наконец — хриплый взвизг первой задранной шавки.

Кажется, деревню, чьё племя так любило похвастаться воинственностью, ожидали очень нескудные времена...

На великом большаке, что тянется с юга на север через весь Саккарем, в одном месте есть очень примечательная развилка. От неё уже недалеко до города Астутерана, и туда-то ведёт главная дорога, вымощенная несокрушимым серым камнем не то

что до Последней войны, но, как представляется многим, даже прежде Камня-с-Небес. Ответвляющаяся дорога сворачивает на восток. Её никто никогда не мостил, но она *убита* почти до той же каменной твёрдости. Так, что не могут размягнуть даже посылаемые Богиней дожди. А сделали это тысячи и тысячи ног, прошагавшие здесь за долгие-предолгие годы.

Этой дорогой уходят в Самоцветные горы караваны рабов.

Эврих долго смотрел на две широкие колеи, тускло мерцавшие сквозь слой пыли словно бы отполированной твердью... Ему показалось, дорога дышала таким чудовищным горем, что смеяться и рассуждать здесь о чём-то весёлом было бы настоящим кощунством. Насторожился и притих даже Шамарган. Сам же Эврих не сразу собрался с духом, чтобы тихо спросить ехавшего рядом с ним Волкодава:

— Ты... шёл здесь?

Венн отозвался, помолчав:

— Нет. Ксоо Тарким купил меня позже... Меня привезли в клетке и совсем с другой стороны.

Эвриху показалось, его вопрос на время отвлёк Волкодава от каких-то мыслей вполне потустороннего свойства. Аррант не знал, что именно это были за мысли, да и знать не хотел, но они всё равно ему очень не нравились. Он сказал просто для того, чтобы что-то сказать:

— Так дело пойдёт, скоро здешнюю дорогу тоже решат замостить! И получится она ещё пошире старого большака!..

Волкодав коротко отозвался:

— Не замостят.

Глубокое и синее саккаремское небо с самого утра было тусклым, чувствовалось приближение ненастья, против всех обычаев здешнего погоды* подбиравшегося с северной стороны. И, как часто бывает в безветренную погоду, вершины облаков не спешили показываться над горизонтом, лишь посылали впереди себя гнетущую удушливую жару. В дорожной пыли

* *Погоды, погоды* — здесь: климат.

ползали отяжелевшие насекомые, других над самой землёй подхватывали проворные ласточки.

Так совпало, что слова Волкодава сопровождал далёкий раскат грома. Эврих вздрогнул в седле, ему стало по-настоящему жутко. Он вспомнил кое-что, относившееся ко временам Последней войны. Что-то о совокупности человеческого страдания, которое, превысив некую меру, обретает собственное существование и становится страшной сокрушающей и очистительной силой. Но эта сила не может разить сама по себе, ибо нет разума у страдания. Нужен человек, который не побоится растворить себя в этом раскалённо-кровавом потоке и тем самым дать ему осмысление... Человек, для которого оставить на лице Земли морщину этой напитанной людским горем дороги окажется столь же невозможным, как для него, Эвриха, когда-то невозможно было оставить в этом мире Огненное зелье воришки-колдуна Зачахара... Он, Эврих, тогда поставил на кон очень многое. И не только собственную жизнь, но даже посмертие: убил мага, который почитал его за союзника и чуть ли не друга. И уцелел только промыслом Всеблаготца Отца Созидателя, вовремя пославшего ему на выручку великого Аситаха...

Сколько ни гордился аррант своим хладнокровием учёного, своей способностью отстранённо размышлять о вещах, повергающих в трепет и смущение иные блистательные умы, — эту мысль его разум просто отказался пестовать. И тем более делать из неё выводы. Эврих завертелся в седле, ища спасения от того, что упорно лезло ему на ум... И почти сразу воскликнул:

— Винитар! Слышишь, кунс Винитар! Что у тебя с рукой?

Все невольно посмотрели на Винитара. Тот вправду держал поводья послушного Сергитхара одной левой рукой, а правую, с рукавом, натянутым на самые пальцы, не отнимал от груди. Было видно, что общее внимание не доставило сегвану особого удовольствия.

— Что у тебя с рукой? — повторил Эврих.

Винитар равнодушно пожал плечами:

— Ничего. Попортил немного.

— Вижу я, какое «немного»! — почти с торжеством закричал Эврих, хотя на самом деле был весьма близок к слезам. Невольничья дорога, что ли, так на него действовала?.. — Знаю я вашу породу! Доводилось уже с такими, как ты, горя хлебать!..

Слова неудержимо сыпались с языка. Он принялся ругаться, громко и непотребно, с красочными «картинками»*, требуя немедленного привала, костра и чистой воды, не говоря уже о своём лекарском припасе. Афарга кривила надменные губы, парнишка Тартунг взирал на господина и старшего друга в немом восхищении: ишь, оказывается, как густо умел изъясняться благородный аррант!.. Уж сколько они с ним путешествовали, в каких переделках бывали, но подобного красноречия, право, Тартунг доселе за ним даже не подозревал!..

Остальные смотрели на Эвриха, как на больного, который привередничает и чудит, горя в лихорадке. Грех не потакать желаниям такого бедняги. Глядишь, потешится да и вжиль** повернёт. Или хоть успокоится на какое-то время...

Они остановились у первого же ручейка, рядом с которым, благодарение Богам Небесной Горы, не оказалось следов стоянки рабских караванов. Был устроен костёр, и, пока грелась вода в котелке, Винитар неохотно засучил правый рукав. Кисть руки оказалась не только прикрыта тканью рубашки, но и замотана тряпицей. Повязка сразу показалась Эвриху слишком тугой.

— Где попортил? — спросил он сегвана.

Тот снова пожал плечами, по-прежнему считая, что аррант беспокоится о ерунде:

— Тогда в Чирахе, у мельника... охранника вразумлял.

— И он тебя?..

— Нет. О зуб его вроде оцарапался.

* С «картинками», «картинки» — матерные выражения.

** Вжиль — на поправку, к жизни.

— Оцарапался!.. — простонал Эврих. Сколько раз у него на глазах гибли сильные люди из-за пустячных царапин, вовремя не промытых от грязи. Он со всей живостью вообразил гнусный рот и гнилые зубы охранника, которому Винитар своротил на сторону рыло...

Кончик тряпицы был завязан надёжным сегванским узлом. Он выглядел неприступным. Эврих нашарил нож, но Винитар потянул свободной рукой, и узел легко распустился.

— Ты помочился хоть на неё?.. — спросил лекарь в отчаянии, разматывая повязку.

Винитар вздохнул:

— А то как же.

Эврих бросил тряпицу в костёр. Было похоже, что сбывались его худшие опасения. Освобождённая от повязки рука напоминала гнилой бесформенный клубень. Особенно скверно выглядело основание ладони. Там не было раны, её успела затянуть новая кожа, но изнутри лез багрово-жёлтый, очень неприятный с виду бугор. И было видно, что пальцами Винитар старался не шевелить.

Тартунг раскрыл ларец, принесённый из сложенных на-земь выюков. Тусклое солнце отразилось в стеклянных боках маленьких баночек с разными жидкостями и порошками... и на лезвиях нескольких небольших, но бритвенно-острых ножичков разной формы. Винитар покосился на них, но ничего не сказал.

Пальцы арранта цепко оплели запястье кунса, левая ладонь с разведёнными пальцами замерла над его распухшей ладонью, потом сдвинулась, опять замерла... Эврих даже прикрыл глаза, словно к чему-то прислушиваясь, и наконец удовлетворённо кивнул. Не глядя сунул руку в ларец и вытащил нужную баночку. Тщательно смазал всю кисть Винитара прозрачным раствором, пахнувшим резко, но довольно приятно. Снова потянулся к ларцу и взял самый маленький нож...

— Тебя подержать, может быть, белобрысый? — участливо осведомилась Афарга.

Винитар вскинул на неё взгляд, надменностью не уступавший её собственному, и в это время Эврих очень быстро крестнакрест чиркнул тоненьким лезвием.

Винитар вздрогнул, помимо воли дёрнул руку к себе... Опухоль же словно взорвалась, из неё обильно, плотными сгустками полез гной. Аррант с силой надавил пальцами, гной постепенно иссяк, его сменила чистая кровь. И... сначала Эврих, а потом все шестеро молча уставились на то, что вышло вместе с гноем.

На ладони Винитара, исторгнутый воспалившейся раной, красовался выбитый зуб. Крупный и отменно здоровый человеческий клык.

Надобно думать, подобного хохота невольничий тракт за все века своего бытия ещё не слышал...

А где-то на севере, не приближаясь и не удаляясь, глухо рокотал, ворочался в небесах очень необычный для саккаремской осени гром.

Спустя сутки после приезда псиглавцев в деревне Парусного Ската уцелели только те собаки, которых хозяева успели спрятать в домах. Но долго ли просидит собака в четырёх стенах? Рано или поздно ей понадобится выйти во двор... А во дворе тут как тут зубастая пасть, если не две-три враз. Спасаться было невозможно, даже у хозяина под ногами. Хозяева сами торопились убраться с дороги, особенно после того, как нескольких жителей деревни псы сшибли наземь и, не покусав, для острастки тем не менее вываляли в пыли. Старейшина Хряпа набрался решимости и попросил главаря «желанных гостей» как-то прибрать к рукам стаю, шаставшую по деревне.

— Зачем? — прозвучал хладнокровный ответ. — Пускай тешатся, пускай лютости набираются...

Кобели давили кобелей, суки рвали сук и щенят, преследовали коз и овец, пускали по ветру куриные перья. Порода их звалась «гуртовщиками пленных»; она велась чуть ли не с Последней войны, якобы от собак мергейтов Гурцата, прозванного

где Великим, где Жестоким, где вовсе Проклятым. Четвероногие душегубы распоряжались деревней, точно взятой с боя, и покамest обходили только один дворик. Тот, где обосновались трое веннов и их посестра. Не потому обходили, что совесть мешала. Просто поперёк входа по-прежнему стойко лежала Игрица, и с ней не хотели связываться даже самые матёрые и свирепые суки, а тем более кобели. Игрица защищала *своё* и очень хорошо знала, за что собиралась положить жизнь, и о том внятно говорил весь её вид: подойди первым — умрёшь. А в глубине дворика, у порога клетки, виднелась ещё одна серая тень, в два раза грознее и больше. Бесстрашный в расприх Застоя не затесал драк с кобелями, но, даже смоги кто перешагнуть через Игрицу, — прежде, чем обидеть хозяйку и малышей, встретил бы смерть. И об этом тоже говорилось куда как понятно, на языке, доступном всякой собаке. Это же за сто шагов веет, если кто готов положить жизнь, да не за себя — за тех, кого полюбил... Такому в зубы лезть — верная гибель. «Гуртовщики» и не лезли. Прохаживались поодаль, выхвалялись никем не оспоренной силой, дыбили на загравках скудную шелковистую шерсть... а напролом не пытались. Зачем?

Венны решили уходить не то чтобы совсем тайно, но и без особого спроса и разговора. Эрминтар всё же решила наведаться к дому набольшего, где в каком-то сарае лежала её котомка с вещами. О том, чтобы забрать всё, не шло речи, но было кое-что, что она никак не могла здесь покинуть. Парные булавки для плаща, материна памятка. И костяной вязальный крючок, доставшийся от прабабки: Эрминтар была старшей дочкой в семье. Этому у неё не посмели забрать даже злые жёны и сёстры тех, кто каждый день смешивал «выкупную» с грязью земной. Даже и у неё, бесправной, было кое-что своё и святое. Отнять это — лишиться благословения Матери Роданы, подательницы потомства. Как же позади бросить, как с собой не забрать?..

Эрминтар ушла, пообещав скоро вернуться, но не появлялась подозрительно долго, и Шаршава забеспокоился. Уже сгустился вечер, хмурый и по-осеннему тёмный, суливший возмож-

ность невозбранно добраться до лодки, благо ворота тына теперь не закрывались ради удобства собак. «А от кого тебе затворяться-то, доколе мы здесь?..» — вроде бы сказал Хряпле главарь. В доме набольшего как раз происходил пир, устроенный ради приезда псиглавцев, и там в ожидании кусков вертелась вся свора; кто бы что ни говорил, сторожить входы-выходы из деревни они и не думали. Это было хорошо, потому что Заюшка с Оленюшкой и обоими волкодавами погрузились в лодку спокойно и невозбранно. Отвяжи верёвку — и в путь. Но где же Эрминтар, не случилось ли чего нехорошего?..

Шаршава оставил храбрых девок на попечении псов и пошёл искать названую сестру.

У него отлегло от сердца, когда он увидел её, одиноко стоявшую у дома набольшего, возле задней стены. Однако, подойдя ближе, кузнец понял, что рано возрадовался. Эрминтар боялась сдвинуться с места и только беспомощно прикрывала руками живот, а в двух шагах перед ней, не давая пройти, разлёгся вожак «гуртовщиков». Он чавкал и порывкивал, обгладывая большую говяжью кость, щедрый подарок хозяина. Других собак поблизости видно не было. Вожака боялись, и, когда он ел, никто не осмеливался подходить. Может, ему не понравился костыль Эрминтар, может, ещё что?.. Он покамест не покусал женщину, но стоило ей шелохнуться, как он вскидывал голову. Раздавался такой рык, что делалось ясно, каким образом его предки вдвоём-втроём сопровождали сотенные толпы пленных и никому не позволяли сбежать.

Шаршава подошёл на несколько шагов и, когда на него обратился гневливый взгляд маленьких глаз, полускрытых кожными складками, — проговорил со спокойной укоризной:

— Безлепие творишь, государь пёс! Сделай уж милость, позволь ей пройти. Она за твоей едой не охотница!

Любой разумный пёс из тех, с которыми Шаршава имел дело раньше, без затруднения понял бы его речи. Ну, может, не до последнего слова, но то, что ему ни в коем случае не чинилось обиды и люди как раз хотели оставить его в покое — воспринял

бы обязательно. Воспринял бы — и позволил миновать свою драгоценную кость, может, порывав для порядка, но уж не более... Чего доброго, ещё и подвинулся бы, являя ответную вежливость и убираясь с дороги. С вожакom, украшенным полосами по стальной шерсти лап, получилось наоборот. Чужой человек — мужчина — подошёл к нему во время еды да при том отважился заговорить! За подобную дерзость наказание полагалось только одно...

Вожак не спеша поднялся и с глухим утробным ворчанием пошёл на Шаршаву. Пошёл вроде не торопясь, но кузнец понял: сейчас прыгнет.

Будь на месте Шаршавы любой венн из рода Серого Пса, лютый зверь давно бы вилял хвостом, изнемогая от счастья. А то бы и кость свою приволок в подарок новому другу. Будь кузнец просто человеком, досконально изведавшим все пёсьи повадки, вожак опять-таки давно сам ушёл бы прочь со двора, смутившись либо просто устав вотще нападать на непонятного и странно неуязвимого супротивника... Увы, человек не может обладать всеми качествами одновременно, каждый молодец и умелец в каком-то одном деле, которое избрал для себя. И Шаршава поступил просто как очень решительный и сильный мужчина. Пёс взвился, распахивая бездонную пасть... Кузнец успел принять его на левую руку, худо-бедно защищённую плотной, от дождя, кожаной курткой. Зубищи сомкнулись, шутя вспоров толстую кожу, рука сразу отнялась по самое плечо... но и отнявшейся рукой Шаршава сумел рвануть кверху, тогда как правая уже опустилась на шею животного чуть позади выпуклого затылка. Шаршава никогда не участвовал на ярмарках в обычных развлечениях кузнецов, прилюдно игравших кувалдами и на потеху девкам наматывавших гвозди на пальцы. Не потому, что считал это зазорным, просто не находил тут ничего необычного и дающего повод похвастаться. Железо, оно железо и есть; что же не согнуть его, не сломать?..

...Позвонки вожака сухо и отчётливо хрустнули. Голова с остановившимися глазами неестественно запрокинулась на сло-

манной шее, пасть обмякла, и Шаршава стряхнул наземь тяжело обвисшее тело. Онемение в руке отпустило, но на смену ему начала разрастаться тяжёлая бьющаяся боль, а рукав принялся быстро намокать и темнеть. Это, впрочем, могло подождать. Кузнец шагнул мимо дохлой собаки и здоровой рукой обнял бледную трясущуюся Эрминтар:

— Пойдём, что ли, сестрёнка.

Первым заметил случившееся пронирующий внучек старейшины Хряпы, выглянувший зачем-то из дому. Он сразу рассказал деду, и набольший пришёл в ужас, но потом подумал как следует — и испытал немалое облегчение. Не то чтобы ему уж так не нравились венны. Он был на них зол за собственную оплошность, но и только. А вот то, что теперь псиглавцы наверняка снаряжаются в погоню, а значит, хоть на время оставят в покое деревню, — это поистине дорогого стоило. Не жаль даже заплатить полезной рабыней, какой была хромоногая...

Правда, немедля погнаться за веннами у наёмников не получилось. Псы быстро смекнули, что остались без главенства, и тут же передрались. Чуть ли не каждый желал занять место убитого, и далеко не все суки ожидали исхода, отсиживаясь в сторонке: три или четыре тоже дрались за первенство, и даже свирепее, чем кобели. Хозяева не пытались никого унимать. Всю ночь в деревне Парусного Ската продолжалась чудовищная грызня, рядом с трупом вожака легло ещё два, многие оказались нешуточно искалечены, и их недрогнувшими руками добили сами псиглавцы.

Но зато теперь в стае опять был вожак. Такой же честолубивый и сильный, как прежний, только моложе.

И многим показалось, будто ржаво-бурые полосы на лапах молодого кобеля в одночасье сделались ярче.

Эврих не без содрогания ожидал, как что будет, но всё произошло, пожалуй, даже с пугающей обыденностью.

— Ты просил показать место, где меня купил Ксоо Тарким, — сказал Волкодав. — Вот оно.

Могучие и немыслимо древние леса северного Саккарема успели остаться далеко позади, кругом расстилались кустарниковые пустоши, порождённые холодными сухими ветрами, постоянно дувшими с гор. Место же, которое Волкодав указал Эвриху, не являло собой ничего примечательного. Это даже не был перекрёсток дорог, заслуживавший такого названия. Просто узенькая — небольшой тележке проехать — тропка, не то вливавшаяся в невольничий большак, не то ответвлявшаяся прочь. Чтобы двадцать лет спустя узнать подобное место, оно должно быть врезано в память не иначе как калёным железом. Или, по крайней мере, кандальным железом, которое в общем-то ничем калёному не уступит...

Небо оставалось всё таким же мутным, пепельно-голубым, и с северо-восточной стороны в нём уже проступали белёсые мазки горных вершин. Эвриху показалось очень закономерным, что совсем рядом с памятным местом, у не до конца высохшего озера, расположился на отдых рабский караван. Пасущиеся лошади, среди которых выделялась пегая красавица кобыла. Повозка с добротным кожаным верхом, где сохранялись припасы и, вероятно, ехал кое-кто из рабов, нуждавшийся в сбережении от тягот дороги. Костерки, небольшая палатка для господина...

И кучка пропылённых людей, расположившихся позади повозки, вдоль уложенной наземь длинной и толстой цепи.

При виде подъехавших поднялись на ноги не только надсмотрщики, но и — неожиданно — кое-кто из невольников.

— Наставник, Наставник, я здесь!.. — сорвался отчаянный молодой голос.

В сторону кричавшего, держа наготове палку и негромко ругаясь, сразу пошёл старший надсмотрщик — могучий седоволосый мужик, выглядевший неутомимым в движениях. Не дошёл: крупный серый конь, слегка высланный седоком, отнёс его в сторону.

— Не стоит бить этого человека, почтенный, — глядя сверху вниз на постаревшего, но как прежде крепкого Харгелла, ска-

зал Волкодав. — Я привёз грамоту о его свободе. И выкуп, который достойно вознаградит твоего хозяина за хлопоты с невольником, по ошибке осуждённым на рабство. Можем ли мы видеть достойного Ксоо Таркима?

В стране веннов наступила осень, а с нею — свадьбы и ярмарки. И случилось так, что на весёлом и шумном торгу женщине из рода Пятнистых Оленей, с самой весны сильно горевавшей об послушнице дочери, приглянулась связочка копчёных кур, выложенных на лоток почтенной полнотелой Зайчихой.

Да не сами курочки привлекли взгляд. Померещилось нечто знакомое в узлах плетения сеточек, куда румяные тушки были заключены...

— Скажи, сестрица милая... — начала было Оленуха, однако совсем рядом послышался горестный плач, и обе женщины обернулись. Поблизости от них стоял племянник доброй Зайчихи, ученик кузнеца. Смущённый парень держал в руках кованный светец в виде еловой веточки с шишками и не хотел отпускать, но приходилось: заливаясь слезами, вещицу тянула к себе, прижимала к груди женщина из рода Щегла.

И надо ли упоминать, что чуть позже одна из трёх выставила кувшин горького пива, другая принесла пирожков, третья разломила, угощая, тех самых кур, — и новые сёстры, породнённые своевольными чадами, до позднего утра сидели все вместе, и наговориться не могли о своих детях.

Шла девчонка по лесу морозной зимой.
Из гостей возвращалась на лыжах домой.
И всего-то идти оставалось версту —
Да попался навстречу косматый шатун.
Отощалый, забывший о вкусе добыч...
Неожиданно встретивший лёгкую дичь...
Тут беги не беги — пропадёшь всё равно:
Разорвёт и сожрёт под корявой сосной.
Обомлела девчонка, закрыла глаза...
Оттого и не сразу заметила пса.
И откуда он там появился, тот пёс?
Может, вовсе с небес? Или из-за берёз?
Он мохнатой стрелой перепрыгнул сугроб!
Людоеда-медведя отбросил и сгрёб!..
Под покровом лесным, у девчонкиных ног
По кровавой поляне катался клубок.
Две железные пасти роняли слюну:
Посильнее схватить!.. Побольнее рвануть!..
Эхо грозного рыка дробилось вдали.
Когти шкуру порол и воздух секли,
Оставляя следы на древесной коре...
Только смерть прервала поединок зверей.
Потревоженный иней с ветвей облетал.
Морщил морду медвежьей застывший оскал.
Невозможной победе всю душу отдав,
Чуть живой распластался в снегу волкодав...
И тогда-то, заслышав о помощи крик,
Появился из леса охотник-старик.
Оглядевшись, качнул он седой головой:
«Век живу, а подобное вижу впервой!
Ну и пёс!.. Это ж надо — свалил шатуна!
Да подобных собак на сто тысяч одна!
Но сумеет ли жить — вот чего не пойму...
Ты ли, внученька, будешь хозяйка ему?»

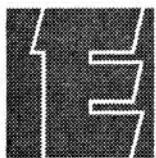
*Вот вам первый исход. «Нет, — сказала она. —
Не видала его я до этого дня...»*

*И охотник со вздохом промолвил: «Ну что ж...»
И из ножен достал остро вспыхнувший нож...*

*А второй не чета был такому исход.
«Мой! — она закричала, бросаясь вперёд. —
Коль сумел заступиться — отныне он мой!
Помоги отнести его, старче, домой!»*

*А теперь отвечай, правоверный народ:
Сообразнее с жизнью который исход?*

7. Оборотень, оборотень, серая шёрстка...

го звали Гвалиором, и когда-то он думал, что его служба здесь должна была вот-вот завершиться. Он копил на свадьбу, без конца подсчитывал свои сбережения и прикидывал, сколько ему ещё остаётся. Сперва годы, потом месяцы, потом чуть ли не вовсе седмицы... И вдруг настал день, когда приехал дядя Харгелл и он получил известие, что в родном Нардаре милостью кониса вышел новый закон о женитьбах. И его девушка, ради которой он пошёл на проклятую, но очень денежную работу в Самоцветные горы, тут же выскочила за другого.

Так случилось, что вскоре разразились ещё иные события, отсрочившие для него окончание службы... И, пока они длились, он понял: идти отсюда ему некуда. Он успел подзабыть, что за мир лежал там, вовне, за отвесными на вид, чёрными против солнца громадами, в которые зримо упиралась дорога, тянувшаяся от Западных-Верхних ворот... И, пожалуй, он отчасти побаивался этого мира. Здесь, в рудниках, по крайней мере всё было привычно. Рабы, надсмотрщики, чёткий круг каждодневных обязанностей... А что ждало его там? За пределами?.. И кто ждал его там, кому он был нужен?

Здесь у него имелось положение и весьма неплохой заработок, здесь его знали и даже кое-кто уважал. Отправляться в даль-

ние дали и заново всё начинать?.. А не поздно ли — к сорока с лишним годам?..

Гвалиор шагал нескончаемыми лестницами вниз и хмуро думал о том, что здесь, в Самоцветных горах, со многими происходило подобное. Человек вербовался сюда, искренне полагая, что останется на годик-другой, поднакопит денег, и тогда-то... А потом как-то незаметно проходили сперва десять лет, затем двадцать, а там и целая жизнь. Да. Самоцветные горы крепко держали не только тех, кто был прикован в забоях.

Гвалиор вытащил из поясного кармашка плоскую стеклянную флягу, свинтил крышечку и отпил глоток. Благословенное пламя сладкой халисунской лозы отправилось в путь по его жилам, делая неразрешимые заботы легко одолимыми и почти смехотворными. Гвалиор знал, что облегчение это лишь временное, но всё равно прибегал к нему каждый день, снова и снова. Он и теперь с большим удовольствием опустошил бы всю фляжку, но было нельзя. Запасы подходили к концу. Этак разгонишься — и потом вовсе никакой радости до самого приезда купцов. Гвалиор сделал ещё глоток и вновь завинтил фляжку. Однажды на такой же лестнице его рука дрогнула, крышечка запрыгала по ступенькам и исчезла в отвесном колодце воздуховода. В тот же вечер он отправился к сереброкузнецам, захватив с собой два серебряных лаура, и ему сделали новую крышечку. На хитром вертящемся колечке с цепочкой, чтобы крепить её к кожаному чехлу, оберегавшему стекло. Иначе давно точно так же бы потерялась.

Гвалиор с несколькими старшими надсмотрщиками спулся на самый нижний, давно оставленный проходчиками двадцать девятый уровень Южного Зуба. Когда-то там добывали опалы баснословной ценности и красоты, но потом гора сурово покарала не в меру алчных смертных, дерзнувших слишком глубоко забраться в её недра. В опаловом забое случился удар подземных мечей, равного которому не припоминали даже рудничные старожилы вроде главного назирателя Церагата. Погибло восемнадцать рабов. И, что существенно хуже, выра-

ботку пришлось прекратить. Теперь забой стоял даже не заваленный — запертый здоровенными воротами, целиком отлитыми из бронзы. И старший назиратель Церагат сам, не доверяя помощникам, время от времени спускался туда убедиться, всё ли в порядке.

Раньше этим занимался господин распорядитель Шаркут. Собственно, запертый уровень и теперь должен был находиться в ведении рудничного распорядителя, а уж никак не назирателя, начальствующего над войском надсмотрщиков, но времена изменились. Шаркут умер три года назад от неизлечимой болезни. Никто не заметил, как она к нему подобралась. Он просто начал останавливаться на ходу или замолкать на полуслове, а потом не мог вспомнить, куда шёл и о чём говорил. Сперва изредка, потом всё чаще и чаще. Страшная это была перемена в человеке, чья память хранила все сведения о многочисленных копиях и, более того, о рабах, махавших кирками в каждом забое. Спустя полгода Шаркут перестал узнавать старинных знакомых и, наконец, умер, и вместо него появился новый распорядитель. Вольнонаёмный аррант по имени Кермнис Кнер.

Это было очень странное событие само по себе. До сих пор арранты в Самоцветные горы нанимались исключительно редко, на рудниках даже поговаривали, будто жители просвещённой страны брезговали трудиться в этой вотчине страданий и смерти, — не брезгуя, правда, получаемыми оттуда камнями. Удивительно ли, что про Кнера немедленно поползли самые разные слухи! Кое-кто утверждал, будто он повздорил с придворными учёными Царя-Солнца и был вынужден покинуть Аррантиаду, не дожидаясь гонений. Другие были уверены, что его, не иначе, застигли в спальне младшей царевны, и именно этот проступок стал поводом к бегству...

Слухи подогревались ещё и тем обстоятельством, что у Шаркута были очень знающие и опытные помощники, ожидавшие, что в ранг распорядителя возведут кого-то из них. Однако с Хозяевами не было принято спорить. А кроме того,

понятная ревность этих людей быстро утихла. Кермнис Кнер оказался полной противоположностью Шаркуту. Он предоставил унаследованным помощникам вести дела в забоях и распоряжаться каторжниками так, как они находили нужным. Сам же урядил несколько мастерских — и с головой погрузился в постройку и опробование разных механизмов для подземных работ. Шаркут предпочитал действовать по старинке, используя лишь подтвердившие свою надёжность устройства вроде водяных воротов и подъёмников, и всего меньше заботился о сбережении дармового невольничьего труда. Кнер, напротив, без конца налаживал какие-то новые приспособления. Когда они начинали работать, то работали, как правило, здорово. Но при наладке обязательно случались разные неприятности, а поскольку механизмы были всё тяжёлые и громоздкие, почти каждый был оплачен жизнью рабов. Это ни в малейшей степени не останавливало Кермниса Кнера. Погибших сбрасывали в отвалы, и распорядитель невозмутимо продолжал делать своё дело, и вот тут они с Шаркутом были поистине родственники.

Но люди, как всем известно, очень не любят никаких новшеств, и особенно в деле, которым много лет занимаются. Люди начинают думать, от каких Богов идёт то или иное новое веяние, от Светлых или от Тёмных, и приходят к убеждению, что не от Светлых. Удивительно ли, что затеи Кнера чем дальше, тем больше обрастали очень скверными сплетнями.

Последняя по времени состояла в том, что — конечно же, вследствие его работ! — из подземелий, чуя неизбежность погибельных бедствий, якобы начали уходить крысы.

Так совпало, что первым выпало узнать об этом именно Гвалиору.

Он был едва ли не единственным на все три Зуба надсмотрщиком, у которого среди рабов водились друзья, — насколько вообще возможна дружба между каторжником и свободным. Собратья по ремеслу смеялись над ним, но он своих привычек не изменял. Даже подручных подбирал себе под стать, тоже таких,

кто без крайней необходимости не хватался за кнут. Смех смехом, но рабы, вверенные Гвалиору, вели себя тихо, не набрасывались на надсмотрщиков и не затевали между собой свар. И вот однажды двое опасных с двадцать третьего уровня, к которым только он ходил в забой без кнута и кинжала, пожаловались ему, что уже несколько дней им не удаётся раздобыть рудничного лакомства — крысы, убитой метко пушенным камнем.

«В соседних забоях то же самое, господин, — сказал один из прикованных. — На всём уровне и внизу. К чему бы такое?»

«Если вдруг что... ты уж побереги себя, господин Гвалиор», — тихо добавил второй.

Получив ещё несколько подтверждений этого слуха, нардарец для очистки совести рассказал Церагату. Старший назиратель очень обеспокоился и почему-то принялся чаще обычного мотаться на двадцать девятый уровень, к бронзовым, надёжно запертым воротам, — вот как теперь. И вместе с ним, в сорок петель кроя бесконечную череду лестниц, были вынуждены тащиться вверх-вниз его ближайшие подчинённые, такие как Гвалиор.

Самому же нардарцу с того дня повадились сниться очень скверные сны.

Ему снилась рудничная легенда, родившаяся здесь, под Южным Зубом, лет этак десять назад, и с тех пор чтимая, пожалуй, побольше, чем связанные с Белым Каменотёсом и Горбатым Рудокопом, вместе взятые. О ней строго запрещалось упоминать, послушника из числа рабов ждало полсотни плетей, то есть почти верная смерть, а надсмотрщика — ощутимая убыль в заработке. Легенда была очень опасная, ибо призывала чуть ли не к бунту. Но куда было деваться Гвалиору, если волею Священного Огня он присутствовал при рождении этой легенды и, кажется, даже сподобился чуть-чуть в ней поучаствовать?.. Что ему было делать, когда друзья-рабы просили его поведать о невольнике, прозванном, как пелось в опять-таки запретной Песне Надежды, Грозою Волков?.. Только надеяться, что его не выдадут.

До сих пор не проболтался никто...

И вот теперь человек, которого он знал под именем Пёс, приходил к нему по ночам. Он что-то говорил Гвалиору, о чём-то предупреждал, и во сне тот хорошо понимал его, но, просыпаясь, не мог припомнить, о чём шла речь. «Наверно, умру скоро», — думал нардарец. Насколько ему было известно, невольник по имени Пёс погиб на леднике за отвалами, хотя, правду молвить, его мёртвого тела так потом и не нашли. Ну а зачем бы мёртвому приходить в сон живого, как не для того, чтобы позвать за собой?..

Гвалиор посмотрел на стену, поблёскивавшую в чадном свете факела зеленоватыми сколами златоискра...^{*} Семнадцатый уровень. Ещё дюжина уровней вниз, потом, во имя Чёрного Пламени, не менее двадцати — вверх... И такое вот наказание — почти каждый день. Да холера бы с ними, с этими сбегавшими крысами!.. Спрашивается, ну какая нелёгкая тянула его за язык?..

На следующем, восемнадцатом уровне стройная череда лестниц была нарушена из-за новой машины Кермниса Кнера, разворотившей ступени. Пришлось долго идти по длинному штреку^{**} к следующему лестничному колодцу. Вереницы существ, когда-то бывших людьми, катили к подъёмнику тяжёлые тачки, наполненные рудой. Вываливали их в объёмистые бадьи, качавшиеся на прочных канатах, и порожними торопились обратно. Надсмотрщики окриками и кнутах заставляли их прижиматься к стенам: дорогу господину Церагату и его свите!..

Гвалиор опять раскупорил свою фляжку и сделал радующий сердце глоток. Мысль о возможности близкой смерти оставила его, пожалуй, равнодушным, но заставила кое-что вспомнить. Дело было четыре года тому назад, под самую осень, как и теперь; очередной невольничий караван привёз в рудники де-

^{*} *Златоискра* — минерал авантюрин.

^{**} *Штрек* — горизонтально расположенная горная выработка, не имеющая выхода на поверхность.

вок. Надсмотрщики из свободных, в особенности старшие, имели право выбирать, и Гвалиор выбрал. Ему приглянулась конопатая невольница из Нарлака, чем-то похожая на его прежнюю невесту, Эрезу. За это сходство ей следовало бы ежечасно благодарить и Священный Огонь, и подряд всех Богов, которых она смогла бы припомнить. Потому что Гвалиор, проявив совершенно недостойное и, более того, вовсе не свойственное ему мягкосердечие... взял да и заплатил за девку полный выкуп, приобретя её для себя одного. Так и жила она у него в домашнем покойчике, редко высовываясь наружу. Не пошла по рукам, не погибла, не опустилась и не спятила от унижения и побоев... Год спустя вновь приехал дядя Харгелл, и глаза у старика полезли на лоб: двоюродный племянник с рук на руки передал ему зарёванную молодёнку с животом, который, что называется, лез на нос. И наказал отвезти её к своим родителям, в горную нардарскую деревню.

«Да она ж у меня рожать примется прямо в телеге!..» — не на шутку испугался свирепый старый надсмотрщик.

«Справишься...» — был ответ.

Конопатая благополучно произвела на свет сына, ни с кем в деревне не спуталась, Гвалиоровы родители звали мальчика внуком, а он их — дедушкой-бабушкой. Девка же всякий раз присылала ему с дядей отменно тёплые, любовно связанные шерстяные носки. Кажется, она его ждала, дурёха. Гвалиор не очень-то расспрашивал о ней и о сыне. Он не собирался возвращаться туда.

Но почему с тех же самых пор, как ему начал сниться давно погибший приятель, он и о конопатой повадился вспоминать всё чаще и чаще?..

— Кажется, мне снова повезло, — сказал Волкодав. — Опять я был у тебя в руках... И опять ты меня не убил.

Они с Винитаром стояли на пустой, далеко видимой в обе стороны дороге. Винойр держался поодаль, присматривая за двумя конями: Сергитхаром и серым. На сером обратно в Сак-

карем поедет молодой кунс. «Конь мне больше не нужен...» — сказал Волкодав.

— Но ты знай, что мы с тобой ещё встретимся, — негромко проговорил Винитар. Его лицо было, по обыкновению, бесстрастно, но глаза улыбались. Невесело и очень тепло.

Может быть — в другой жизни... — подумал Волкодав, но вслух ответил:

— Я был в твоей стране, теперь твой черёд приехать в наши края. — И добавил: — Вместе с кнесинкой Елень.

— Когда нас поженили, — качнул головой Винитар, — я был Стражем Северных Врат. А теперь я вождь без племени и кунс без корабля.

— У вас есть вы сами, неужто этого мало?.. — сказал Волкодав.

Винитар вздрогнул... А Волкодав отошёл от него к Эвриху и прицепил поверх кладей выючной лошади свой заплечный мешок. Он оставил при себе лишь оружие, кремьень с кресалом да тёплый старый плащ на сером меху. Книги, одна из которых так и осталась непрочитанной, теперь только отяготили бы его. Между книгами лежал и замшевый мешочек с сапфировым ожерельем. Уж кто-кто, а Эврих рано или поздно доберётся до беловодского Галирада.

Сколько всего я собирался рассказать тебе, Эврих... И не рассказал!

— А ты знаешь, кто нынче в свите у старика Дукола? Личным телохранителем?.. — плохо справляясь с прыгающими гудами, выговорил аррант. — Слепой Дикерона, вот кто! Метатель ножей!.. Ты хоть помнишь его?

— Как же, — кивнул Волкодав. — Ещё бы не помнить.

И тебя ни о чём толком не расспросил...

Эврих мрачно предрёк:

— Он никогда мне не простит, что я тебя не привёз!

Венн развёл руками:

— Ну... отобьёшься как-нибудь. Ты кан-киро, надеюсь, не совсем позабыл?

Эврих промолчал, лишь в глазах билось безнадёжное: «Во имя замаранных ягодиц Прекраснейшей, поскользнувшейся у родника!.. Ну вот почему, когда совершается расставание навсегда, вместо самого важного только и приходит на ум какая-то чепуха?..»

Винойр не смотрел на венна, старательно отводил глаза. Вчера, когда Ксоо Тарким прочитал письмо чирахского вейгила, пересчитал деньги и на руке шо-ситайнца расклепали цепь, парень умудрился почти сразу едва не поругаться с Наставником. Он принялся подбивать Волкодава освободить весь караван. Оказывается, он уже прикинул, что даже вдвоём они легко совладают с надсмотрщиками, Харгелла убьют насмерть его же палкой, а Таркима привяжут к хвосту пегой кобылы: «Там такие люди, Наставник!.. Некоторые, да... верёвка плачет... но остальные! Кто задолжал, кто слишком богатому в обычной драке ухо расплющил...» — «Нет», — сказал Волкодав. И не пожелал объяснить причину отказа. С этого времени Винойр держался с ним очень почтительно, но отстранённо.

О том, что они расстанутся, Волкодав удосужился объявить только сегодня утром, когда заливали костёр. «Куда собрался-то? — вновь, как когда-то, спросил язвительный Шамарган. — Домой к себе, что ли, надумал через горы махнуть?..» Венн подумал и кивнул: «И так можно сказать...»

Винойр вдруг бросил поводья обоих коней, подбежал к Волкодаву, и они обнялись.

— А мне ты ничего не скажешь, венн? — хмуро и зло спросил Шамарган. Волкодав ответил не сразу, и лицедей почти выкрикнул: — Ну да, что со мной говорить, я же дерьмо!.. Да!.. Дрянь, дерьмо, мусор!.. Меня, младенца, нашли нищие, искавшие поживы в куче отбросов!.. Вот!.. У меня не было родителей, я никому был не нужен!.. Я решил отомстить и пошёл к служителям Смерти... Я думал... неважно, что я думал... нас с напарницей послали в Кондар, истреблять какую-то танцовщицу... повинную только в том, что не захотела причинять своими плясками гибель... Там мою напарницу загрызла сторожевая

собака, а я... я вроде понял... Я попал к Хономеру, я думал... Э, да что со мной рассуждать, я же мусор, и место мне на помойке!

И он рванулся было прочь, налаживаясь куда-то бежать. Волкодав придержал его за плечо. *Глупый ты, парень, хотелось ему сказать. Чего ради мечешься? Чего ищешь по разным храмам такого, чего в тебе самом нет?.. Ты же поэт, дурачок. На что тебе вымышленные отцы? У тебя и так звание повыше любого, которое могут дать люди...*

Он сказал:

— Ты называл себя сыном Тразия Пэта и жаловался, что не умеешь даже зажигать огонь... На самом деле ты умеешь. Смотри, это же так просто...

Он опустил на короточки, и его ладонь зависла над кучкой сухих веточек и травинок. Мгновенное напряжение всего тела, едва заметное движение... и над кучкой заплесал сначала дымок, а затем — весёлые язычки, почти невидимые при ярком дневном свете.

Когда Шамарган наконец поднял глаза, Волкодава рядом с ним уже не было.

Теперь Эврих хорошо понимал, что означали слова венна, сказанные несколькими днями раньше:

«Как бы ты отнёсся, брат, если бы я... — тут он чуть помялся, — ...если бы я вручил тебе месть?»

На самом деле он хотел сказать «завещал», но пожалел, остерёгся пугать. Эврих же не сообразил, что к чему, и привычно насторожился:

«Какую-какую месть?..»

Воображение уже рисовало ему всякие ножи, воткнутые в спину, и прочие варварские штучки... Стыдно было теперь даже вспомнить об этом.

«Месть, которую я не могу исполнить, а ты можешь, — терпеливо пояснил Волкодав. — Есть в Аррантиаде один... Кимнот Звездослов. Книжки пишет сидит. Настоящей учёности в нём на ломаный грош, зато есть другая способность, более важ-

ная: убеждать вельмож и правителей, что только он — самый знающий и разумный и слушать надо только его. А тех, кто осмеливается противоречить ему, — на каторгу отправлять».

«Попадались мне его “Двенадцать рассуждений”, — ответил Эврих не без некоторой осторожности. — Я не стал их читать. Сплошное самовосхваление... Оно не показалось мне интересным».

«Ты когда-то оценил мой выговор и спросил, кто научил меня аррантскому языку... Его звали Тиргей Эрхойр, и он составил бы славу аррантской науки, если бы не зависть Кимнота. Я крутил с ним ворот в Самоцветных горах. Он был моим учителем. Потом он погиб».

«И ты хочешь, чтобы я...»

«Да. Таких Кимнотов надо по ветру развеивать. Мелкими брызгами... Я думаю, ты и один с ним справишься, хотя ты не подземельщик, а лекарь. А уж если ты разыщешь Зелхата...»

Эврих встрепенулся:

«Зелхата? Ты тоже полагаешь, он жив?»

«Я почти уверен», — кивнул Волкодав.

Эврих преисполнился вдохновения:

«Так это не месть, друг варвар! Это святой бой с пустомыслом, чьи писания и злые дела оскорбляют саму сущность науки!»

«Не смей называть меня варваром!» — сказал Волкодав...

...И вот Эврих ехал по невольничьему тракту назад, и седло под ним состояло из одних жёстких углов, а ноздри забивала поднятая копытами пыль, не торопившаяся оседать в стоялом предгрозовом воздухе. Его не оставляло чувство, будто он сделал — или делает, или собирается сделать — какую-то большую ошибку. Какую?.. Мысли о мести заставили его вспомнить кое о чём, и он направил своего мерина поближе к серому Винитара:

— Хочу с тобой посоветоваться, сегванский кунс, ведь ты мореплаватель...

Винитар церемонно наклонил голову:

— Я слышал от людей, вы, арранты, лишь немногим уступаете нам в море... — В устах жителя Островов это была наивысшая похвала. — Но если могу чем-нибудь помочь, спрашивай.

И Эврих спросил:

— Известно ли тебе, кунс, о чудесной скале, прозванной Всадником, топчущим корабли?

Мог ли он предполагать, каков будет ответ!

— Я видел Всадника, когда мы шли Аррантским морем к берегам Шо-Ситайна, — просто сказал Винитар.

Эврих так и ахнул:

— Как же вышло, что ты остался в живых?..

— Он не стал топтать мой корабль, — пожал плечами сегван. — Не знаю уж, почему Он нас пощадил. — Подумал и добавил: — Мне показалось даже, никто больше на «косатке» не видел Его, только я. — И усмехнулся: — Вот видишь, не много я сумел тебе рассказать.

Эврих, волнуясь, бросил на руку полу плаща:

— Дело в том, друг мой, я тоже когда-то видел Его... и даже больше, чем видел. Мы с Волкодавом были на «косатке», погибшей под каменными копытами. Не выплыл никто, лишь мы, выброшенные волной на Его стремя... мы двое и мальчик, ехавший с нами. Дело происходило посреди моря, но утром мы увидели вблизи берег. А потом... в общем, потом у меня было несколько случаев вспомнить, что якобы Всадник порою ходит неузнанным между людьми и слушает их разговоры. Мне даже начало казаться, будто Он чего-то ждал от меня, но вот чего?.. Каким образом я мог Ему послужить?..

Винитар внимательно слушал.

— И вот недавно... — продолжал Эврих. — Ах, сегванский кунс, чего только не отыщет в старых летописях любопытный разыскатель, коему даровано право свободно рыться по древлехранилищам!.. Совершенно неожиданно я наткнулся кое на что, могущее, как мне подумалось, оказаться *занятой* вестью для Всадника... Но почём знать, как и когда снова пересекутся

наши пути? И пересекутся ли? Скажи, кунс, нет ли у твоего народа какого поверья... ну там, дурной приметы — сделай то или не сделай этого, и нарвёшься на Всадника?..

Винитар, подумав, ответил:

— Когда я узнал чужие племена, я скоро перестал верить в приметы, ибо увидел, что людям свойственно толковать одно и то же по-разному. К примеру, мергейты считают проточину на лбу вороного коня чуть ли не раскрытой могилой для его хозяина, а халисунцы, напротив, усматривают в ней верный признак силы и счастья... я же сам убеждался, и не однажды, насколько ошибочно и то и другое. Но у моего народа есть пословица: «Все реки текут в море». Так что посоветую тебе только одно — скажи то, что хочешь сказать, любому ручью...

— Бог ручья передаст мои слова Богу реки, а тот рано или поздно свидится с Морским Хозяином! — подхватил Эврих. Сощуренные глаза уже искали впереди, на кустарниковой пустоши, узкую голубую полосу. — Так, здешние ручьи впадают либо в Сиронг, либо в Малик... Спасибо тебе, кунс!

— Не мне спасибо, — проворчал Винитар. — Это моя бабушка любила так говорить.

Ручей, к которому они подъехали через некоторое время, выглядел очень несчастным. Мало того, что под конец лета почти иссякли питавшие его талые струи, так ещё и люди, переправлявшиеся вброд, беспощадно разворотили и разгваздали русло. После того, как здесь побывал караван Ксоо Таркима, ручеек только-только собрался с силёнками, чтобы наполнить две глубокие колеи, оставленные повозкой, и возобновить течение.

Рассёдланные лошади сразу потянулись к воде. Эврих же, посомневавшись, в какую сторону отойти — выше или ниже брода, — всё-таки отошёл выше, туда, где вода показалась ему светлой и чистой. Он встал на колени и невольно задумался о том, какой долгий путь предстояло пробежать этой воде. Которым из её капель суждено в самом деле влиться в могучий Сиронг? Сколько будет вычерпано вёдрами для кухонь, огородов

и бань? Сколько попросту впитается в землю и пополнит невидимые потоки, текущие в недрах?..

— Слушай же, о Всадник, если эта весть когда-нибудь отыщет Тебя... — проговорил он негромко, наклонившись низко к ручью. — Вот что открыли мне летописи Благословенного Саккарема, созданные много столетий назад... Я видел лишь маленький отрывок, не содержащий ни имени тогдашнего шада, ни упоминаний о каких-либо известных событиях, могущих пролить свет на возраст написанного... Собственно, это была даже не летопись, а просто записка сборщика податей, сохранённая лишь ради её древности... по свойству самого незначительного предмета с годами обретать немалую ценность... Записка рассказывала, как некий торговец рабами... давно умерший, о Всадник! — привёз целый корабль невольников, в том числе женщину «из далёкого и диковинного Шо-Ситайна», и заплатил в казну должный налог. На той же страничке эти рабы упомянуты ещё раз. Всех, в том числе женщину, оказавшуюся «слишком дикой» для торговцев прекрасным товаром, перепродали в Самоцветные горы... Я не знаю, о Всадник, о той ли шла речь, которую до сих пор не может позабыть Твоё сердце... но я скорблю вместе с Тобой, где бы Ты сейчас ни был...

Говоря так, Эврих не ждал от ручейка немедленных чудес, подтверждающих правоту Винитара. И, действительно, ничего особенного не произошло. Вода не поднялась вихрем, не плеснула на берег. Лишь переползали по дну, отмечая слабое течение, комочки бурого ила... и маленькая волна, побежавшая вниз, была порождена просто землёй, обвалившейся из-под ладони. Эврих проследил за нею глазами и почему-то вдруг испугался, что её сейчас выпьют лошади и весть будет потеряна.

Он вернулся к своим спутникам, чувствуя странную и светлую опустошённость, какая бывает по завершении очень большого труда. Или принятия безумного на первый взгляд, но тем не менее безошибочно правильного решения. «Да сгори они, мои «Дополнения»... Ожерелье для Ниилит? Может, ещё удастся... А не удастся, она меня простит...»

— Я нашёл, что направил коня не в ту сторону, — весело сообщил он Винитару, Шамаргану, Винойру и Афарге с Тартунгом. — Я, пожалуй, рановато повернул в Саккарем. Этот купец Ксоо Тарким, определённо может рассказать немало занятного о своих странствиях, и хвала Богам Небесной Горы, что я вовремя спохватился! Я вновь присоединюсь к его каравану и буду говорить с ним по праву, вручённому мне государем шадом... Да и Самоцветные горы стоят того, чтобы на них посмотреть!

Помолчал и добавил:

— Но, опять-таки во имя Богов Небесной Горы, я поеду один.

— Обижаешь, аррант, — сразу сказал Тартунг.

— Прогони меня силой, мой великий и величественный господин, — мило улыбнулась Афарга.

— Тыфу на тебя, лекарь! — сказал Шамарган.

Винитар и Винойр промолчали... «Сделай по его слову и не горюй оттого, что не превратил его дорогу в свою...» — отдалось в памяти у одного. «Если ты ещё зовёшь меня Наставником — езжай отсюда прямо в Мельсину и не задерживайся по дороге!» — вспомнил другой.

А вниз по течению безымянного ручья катилась себе да катилась маленькая волна. Торопливый водяной бугорок не терялся среди ряби, поднятой ветром, и не истаивал в заводях, заросших пышным раkitником. Ему предстоял долгий путь...

Что до Волкодава, он в это время сидел на макушке холма, до которого каравану Ксоо Таркима оставалось ещё ползти и ползти, и с большим изумлением разглядывал некое диво, извлечённое из поясного кошелья. Он расплёл волосы, чтобы по веннскому обыкновению повязать их тесьмой, сунул руку за гребешком... а пальцы нежданно-негаданно ткнулись в ребро плотного, многократно сложенного листа. Волкодав помнил, что ничего подобного в кошель не убирал. Кто же?.. Ему понадобилось лишь слегка повести носом. Шамарган. И когда успел?.. Утром Волкодав перетряхивал кошель, выбрасывая всё лиш-

нее, и никакого листка внутри не было. Ну а потом он мог отвлечься и слегка потерять бдительность только однажды. Когда Шамарган объявил себя дерьмом, мусором, отбросами и собрался бежать, а он остановил парня, взяв за плечо... *Неужели и те его речи были всего только лицедейством? Неужели это он так моё внимание отводил?.. А я и попался. Как тогда со серебряником, у ворот...*

Ну что ж, кажется, ему второй, и последний, раз в жизни прислали письмо... Волкодав развернул лист и начал читать. Написанное сперва привело его в недоумение, он даже не сразу вспомнил, как на палубе «косатки» пересказывал севанам баснословную книгу про Крылатого Властелина и свои сомнения на её счёт... и как потом Аптахар взялся с ним спорить. Оказывается, Шамарган очень внимательно слушал его. Кто бы мог заподозрить?

Что задаром даётся, то не будет и свято...
Ты во взглядах Бессмертных приговор свой прочёл.
Пусть потешатся властью! Ты вернёшься, Крылатый.
Мы согреем Тебя. Мы исцелим Твою боль.

Пусть упрячут как могут, хоть за краем Вселенной,
И чудовищ приставят самый след сторожить —
Что нам грозная стража, что нам крепкие стены?
Мы придём — или будет просто незачем жить.

Мы придём за Тобою... только б не было поздно
Ускользающий пламень подхватить на лету...
И в слепые глазницы лягут новые звёзды,
Чтоб опять научиться отражать Красоту.

Опустевшее небо пад землёю распято,
И ненастные зори, как предвестье конца...
Но затем ли будил Ты наши души, Крылатый,
Чтобы скорбью бесплодной надрывались сердца?!

Кто сказал, будто ныне поведётся на свете,
Чтобы добрых и мудрых ждал терновый венец?
Чтобы стыло в груди и тихо плакали дети,
Когда горькую песню довершает певец?

Кто сказал, что за счастье неизбежна расплата
И нелепо тягаться с жерновами Судьбы?
Зря ли нам от рожденья говорил Ты, Крылатый:
Мы — свободные Люди. Никому не рабы.

Горевать, ожидая хоть каких-то известий,
И склоняться всё ниже? Ну уж нет. Не про нас.
На Небесном Престоле позабыли о чести...
Значит, воля Бессмертных больше нам не указ.

Мы, свободные Люди, не даём на расправу
Тех, кого полюбили, никакому врагу.
А иначе — пустышка наша прежняя слава,
И цена ей копейка на базарном торгу.

За любовь — не казнят! Не обрекают на муку!
Даже Боги на память не наложат печать!
Предавать, продавать — ведь это тоже наука...
И её Ты нам, грешным, позабыл преподать.

А ещё не учил Ты поклоняться из страха
И стреноживать мыслей дерзновенный разбег...
Ну так может ли статься, чтоб взошёл Ты на плаху —
И с колен не рванулся ни один человек?

Мы пройдем эти бездны. Разузнаем дорогу.
А не то и проломим створки Врат неземных...
Чтобы смертные Люди заступились за Бога —
Кто сказал, не посмеем?!! Покажите таких!

Наша Правда и Совесть — вот и всё, чем богаты.
И Любовь, о которой с нами Ты говорил.
Мы придём за Тобою. Ты дождись нас, Крылатый.
Мы придём за Тобою. Лишь не складывай крыл.

Горыч, вечно дующий ветер предгорий, шевелил на макушке холма засыхающие травинки. Прочь цепочкой тянулись отпечатки лап огромной собаки...

— Ну и что! — сказал Шаршава. — Левая, она левая и есть. Главное, десница цела!

Он храбрился. Его рука, порядком-таки изуродованная зубами слишком властного вожака «гуртовщиков пленных», безобразно распухла и нещадно болела. Одна из двух костей, что располагаются ниже локтя, определённо была сломана, да и вторая скорей всего треснула. Застоя с Игрицей, конечно, должным образом зализали раны, остановив кровь, но действовать левой рукой Шаршава почти не мог, и к тому же его донимал лихобойный озноб. Дома он теперь отлёживался бы под одеялом, пил снадобье из травы мыши-ушки, прогоняющее лихорадку... Куда ж ему деваться посреди леса, да с тремя женщинами и двумя детьми на руках, да с погоней позади?..

Погоня между тем была близко, и, похоже, беглецов спасало пока только то, что наёмники, не зная реки, не решались плыть по ночам. Однажды вечером Шаршаве послышался издали не то лай, не то вой. Он посмотрел, как насторожился Застоя, как подняла шерсть Игрица, — и понял, что ему не примечилось...

Плывать бы на боль, но он толком не мог даже грести, больше правил, а гребли Заюшка с Оленюшкой. Гребли молча, сноровисто и усердно, не жалуясь и его же подбадривая, и Эрминтар пыталась им помогать.

— Так не уйдём... — сказала на том привале сегванка. — Нужно сделать мачту. И парус.

Трое веннов только переглянулись... Конечно, венны, привычные к рекам, время от времени поднимали над своими лодками паруса. Прямые полотнища, натянутые на какую-нибудь прочную жердь. Но делалось это больше ради забавы либо если при попутном ветре пересекали крупное озеро. По болотам, протокам и каменистым, коряжистым речкам их родины путешествовали больше на вёслах, и тут веннам, наверное, не было равных. Но посреди бегства ладить мачту и парус на лодке, никогда не ведавшей того и другого?.. Да не обладая должным умением?..

— Я бы показала... — потупилась Эрминтар.

Терять было нечего, и Шаршава принял решение:

— Показывай, сестрица.

Эрминтар взяла прутик и обозначила на земле возле костра понятный рисунок:

— Такой парус легко поворачивается туда и сюда... Он поможет нам и при попутном ветре, и при противном...

Она хорошо говорила по-веннски. Она спрятала глаза, когда её похвалили: «Я же понимала, рядом с каким племенем будем жить...»

Девки схватили топор, бросились рубить ровные рослые деревца, указанные Эрминтар, и древесные души не сердились на людей, понимая, что их тела берут не из прихоти, а по великой нужде. Шаршава обтёсывал, подгонял одно к другому: только на это он теперь и годился. Эрминтар ползала на четвереньках, расчерчивая угольком добрый полог, под которым они собирались спать до утра, и псы тыкались любознательными носами в её руку, помогая работе, а кошка охраняла рисунок на песке, чтобы кто-нибудь ненароком не стёр. Потом, не следя за движением ночных звёзд, все трое резали прочную кожу, сгибали для крепости углы, продевали верёвки (какой же венн пускается в путь без верёвок?), и Эрминтар завязывала их красивыми прочными узлами, которых её новые сёстры и брат никогда доселе не видели... Как она безоглядно доверилась им, уходя из деревни, так теперь они доверились ей...

Словом, поздний осенний рассвет встретил на реке лодку, увенчанную небывалой треугольной мачтой, на которой тем не менее бодро надувался косой кожаный парус. Эрминтар сидела у рулевого весла. И распоряжалась доставшейся ей корабельной дружиной, временами от волнения сбиваясь на сегванскую молвь. Что удивительно — все трое, красноглазые от недосыпа, очень скоро начали её понимать.

Шаршава посмотрел на воду, резво бурлившую под лодочным бортом, и восхитился.

— Счастливы мы: есть у нас Прекрасная Эрминтар! — повторил он слова бесстыжего Рахталика, но на сей раз прозвучали они безо всякой насмешки, скорее наоборот — попирая ту злую насмешку.

— Слышали мы ваши сказания, госпожа названная сестрица! — подхватила разумная Заюшка. — У вас ведь как? Если кто был отмечен доблестью и умом, про него обязательно говорится: он был красив! А если кто, никуда не денешься, был пригож, да чёрен душой, обязательно упомянут какие-нибудь воровские глаза! И, сдаётся мне, та давняя Эрминтар, может, тоже ходила, как ты, а самой прекрасной её называли потом!

Река Шатун творила посильную помощь, быстро неся их к встрече с полноводной Челной.

Судьба явно решила доконать Гвалиора.

Он понял это со всей определённоcтью, когда — а то мало ему было крыс, взявшихся покидать подземелья! — наружу старыми потянулись летучие мыши. Год за годом, если не век за веком, гнездились они и приносили приплод в одних и тех же пещерах... И вот теперь что-то гнало их прочь. Прочь, пока в горах ещё стояло кое-какое тепло и было не поздно найти новые, более безопасные обиталища...

И об этом Гвалиору тоже рассказали рабы. Они даже описали ему зачинщика переполоха в мышиных посёлках. То тут, то там видели большого самца с серебряной грудкой и розовым шрамом на левом крыле. С его-то появления всякий раз и начинался исход.

Гвалиор подумал о том, что старший назиратель вполне может заставить его бегать по выработкам и пересчитывать летучих мышей, и больше не пошёл к Церагату. Вместо этого он в тот же вечер напился. То есть сначала он просто хлебнул из заветной бутылки несколько лишних глотков... а потом произошло неизбежное. Все мысли о тщательном сбережении припасов показались ему суетными, глупыми и пустыми, а местное пойло, которым придётся пробавляться завтра, — совсем не таким уж отвратительно-терпким. Он преисполнился лихости, пришёл к выводу, что одна хорошая попойка — дело гораздо более стоящее, чем двадцать маленьких глотков в течение двадцати дней... И почти не останавливался, пока из бутылки не вы-

текла последняя капля. Когда он убедился, что там вправду ничего больше нет, оплетённая бутылка вывалилась у него из руки, глухо стукнув о каменный пол, а Гвалиор кое-как добрался до лавки и почти сразу уснул.

И, как следовало ожидать, ему приснился всё тот же давно умерший венн, наделённый перед смертью прозвищем Волкодава. Венн пришёл прямо в его домашний покойчик, чего никогда раньше не делал. По сравнению с прежними временами у него прибавилось изрядно седины да перевязь с драгоценным мечом, а в остальном он был всё тот же. Разве что менее оборванный и косматый. Он подсел к нардарцу, собираясь, похоже, вновь начать свои речи, полные невнятных предупреждений...

— Уйди, — сказал ему Гвалиор. — Без тебя тошно... Уйди!

Вместо ответа венн засветил ему полновесную оплеуху. Резкую, жестокую... и очень похожую на ту, что он когда-то уже от него получил... **ВЕСЬМА НАЯВУ**. Гвалиор вскинулся на лавке, отчасти трезвея, спустил ноги на пол. Выпитое вино ещё повсю гуляло у него в крови, даруя счастливое забвение разницы между явью и сном, возможным и невозможным. — Вставай, пропойца! — сказал ему Волкодав. — Расковыивай людей, кого успеешь, и выводи. Да сам убирайся.

Вино сотворило чудо: нынче Гвалиор вполне его понимал. Не в пример другим ночам, сегодня было внятно каждое слово. Венн поднялся и вышел. Нардарец опустил обратно на лавку и натянул сползшее одеяло, собираясь блаженно и крепко уснуть (пока не разбудит головная боль, всегда после доброй выпивки настигавшая его перед рассветом). Он закрыл глаза, но что-то мешало. То ли свечка, оставшаяся гореть на столе, то ли зуд в обожжённой ударом скуле, то ли ещё что... Его покойчик находился на седьмом уровне, там, где на поверхность выходила одна из «чистых» штолен*, не предназначенных для рабов. Двдцатилетняя служба сделала Гвалиора старшиной, но не са-

* *Штольня* — горизонтально расположенная горная выработка, имеющая выход наружу.

мой высокой руки. Поэтому жил он хотя и не рядом с вечно скрежещущими подъёмниками или воздуховодами, по которым из глубины сочилась неистребимая рудничная вонь, — но и окошка наружу до сих пор не имел, и благодарить за это следовало господина Церагата. Всё дело было в том, что Гвалиор некогда пригрозил ему, и Церагат не забыл...

Гвалиор лежал на лавке и слушал привычные звуки, отмечавшие круглосуточную жизнь рудника. Голоса громадных колёс, поднимавших наверх тяжёлые бадьи с битой рудой. Далёкий, глухой рёв воды, направляемой к шаровым мельницам хитроумными машинами Кермниса Кнера. И... очень тонкие, почти неуловимые покряхтывания, потрескивания, постанывания... самой горы. Южный Зуб тоже как будто силился что-то сказать ему, Гвалиору, да он, недоумок, всё не находил силы понять.

«Вставай, пройца. Расковылай людей, кого успеешь, и выводи...»

Он ещё полежал, лениво раздумывая, что бы такое могли означать эти причудившиеся слова, и надеясь всё же уснуть. Сон, однако, не шёл, зато голова начинала ощутимо болеть. Собственно, у Гвалиора, как у всякого старшего надсмотрщика, имелась поясная связка ключей, отмыкавших почти всякую цепь...

«Вставай, пройца!»

Окончательно поняв, что спать в эту ночь ему не дадут, надрец оторвал бьющуюся, опухшую скулу от подушки и натянул сапоги. Он решил для начала заглянуть на двадцать третий уровень, к «своим» опасным, колунавшим залежь каких-то окаменелых костей для дешёвых подделок под бирюзу. Гвалиор не сразу сумел нашарить ручку двери и пришёл в ужас, вообразив число лестниц вниз, которые ему предстояло одолеть, по возможности не свалившись. Ноги, по свойству виноградного халисунского вина, слушались плохо. Он для чего-то заранее отцепил от пояса ключи, тут же уронил их и долго шарил впотьмах, поминая Чёрное Пламя и Остывшие Угли. Нашёл наконец — и двинулся обычным путём, для верности придерживаясь за стену.

Добродетельный купец Ксоо Тарким произвёл на Эвриха довольно странное впечатление. Наверное, так оно и бывает, когда судишь о человеке со слов другого, знавшего с ним двадцать лет назад. Потом сам встречаешь его — и начинаешь гадать, время ли переменило его, чужое ли мнение оказалось превратно (а каким ещё могло быть мнение сидевшего в клетке подростка), то ли это ты сам всё не так понял?..

Тарким встретил возвращение Эвриха с весёлым недоумением:

— Никак господин Лечитель обнаружил у себя в кошеле ещё одну грамоту от вейгила?..

Шутка получилась довольно жестокая. В сторону Эвриха тотчас обратилось три десятка лиц, одинаковых от въевшейся пыли, и тридцать пар глаз, вспыхнувших полоумной надеждой. Тарким не заметил. Он оглянулся только тогда, когда натянувшаяся цепь ощутимо дёрнула повозку, и туда с руганью устремился Харгелл. Эврик понял — купец вовсе не имел в виду подразнить людей, которых вёл в прижизненную могилу под названием «Самоцветные горы». Он просто пошутил, думать не думая, что невольники могут услышать его слова и испытать едва ли не самое страшное чувство: несбыточную надежду у последнего края. Это была даже не жестокость. Это была следующая ступень, за пределом обычной жестокости. Это было примерно то состояние души, с каким мясник режет горло десятой за день корове, зажатой особым ярмом. Корова для него — не живое существо, обладающее именем и способное ощущать ужас и боль. Она для него — просто будущая колбаса.

Купец был очень польщён вниманием известного всему Саккарему Лечителя, пожелавшего вернуться к каравану нарочно затем, чтобы послушать рассказы о его, Таркима, странствиях. Не видать успеха торговцу, которого Боги забыли наделить бойкостью языка! К тому же Тарким был человек очень неглупый и, поняв свою выгоду, сделался ещё вдвое разговор-

чивее обычного. Вот только — как пришлось выяснить Эвриху в первый же вечер возле костра — Таркимовы путешествия ограничивались гораздо более скромным перечнем стран, нежели его собственные. Восточный Халисун — Саккарем — Самоцветные горы. И вот так все двадцать с лишним лет. И к тому же, повествуя о том или ином городе, Тарким сразу сбивался на достоинства и недостатки невольников, которых там можно приобрести, или принимался сравнивать цены. Больше он почти ничего не смог поведать ни про Чираху, ни про Астутеран, ни про Шехдад. Даже не упомянул о том, что этот последний когда-то дал Саккарему прославленную шаддаат и одного из самых блистательных Учителей Веры. «Вот так, — думал Эврих, вспоминая рассказы Волкодава о просвещённом молодом купце, мечтавшем отойти от малопочтенной и небезопасной торговли людьми. — Вот так...»

Жизнь, спасибо ей, давно выучила его не особенно выставлять напоказ свои чувства, и он лишь вежливо осведомился:

— Скажи, благородный сын Ксоо... Ты объездил без малого весь свет, и я вижу, что Боги без скупости наделили тебя красноречием и умом. Я думал составить из твоих рассказов главу недавно начатого труда... — («Да чтоб я сдох, не увидев оливковых рощ Феда, если вправду так сделаю!») — ...Но теперь мне явилось на ум, что ты сам мог бы написать обо всём, что тебе довелось увидеть и пережить. Более того, я знаю, что когда-то тебе было не чуждо такое желание. Мне даже известно, как ты собирался озаглавить будущую книгу: «Пылинки на моих сапогах»...

Эврих намеренно переврал название, но Тарким его не поправил.

— Э!.. — отмахнулся он чашкой с вином-«курёхой», дешёвым и крепким, взятым в путь для надсмотрщиков и для себя. — Каждый в юности думает, что станет если не первым советником шада, то хотя бы вейгилом... Но меня воистину изумляет твоя осведомлённость, достопочтенный Лечитель! Откуда бы?

Между ними на блюде горкой лежали лепёшки и большая лопасть копчёного мяса, от которой каждый отрезал себе сам. Эврих не был удручён излишней брезгливостью, но, по его мнению, блюдо не помешало бы как следует вымыть. А мясо — крепче коптить или лучше прятать от мух.

— Как говорят у нас дома, рано или поздно ты обнаруживаешь, что мир тесен, — пожал он плечами. — Однажды мне выпало беседовать с человеком, которому случилось встречаться с тобой... Я запомнил его имя, но, если бы даже и вспомнил, оно вряд ли бы что-то сказало тебе, поскольку ваша встреча была недолгой, а лет с тех пор минуло уже с избытком. Скажи лучше, добродетельный сын Ксоо, не случится ли мне послушать твою чудесную каррикану? Тот человек утверждал, будто ты всюду возишь её с собой, дабы наслаждаться музыкой на досуге. Я не поверил ему...

— И правильно сделал, — засмеялся Ксоо Тарким. — Похоже, тот, с кем ты говорил, в самом деле знал меня много лет назад!.. — Отхлебнул из чашки и вздохнул: — Я уже и забыл, как её, мою красавицу, в руках-то держать... Доброе дело — музыка на досуге, но где его взять, досуг? Вот отойду однажды от дел... Тогда, может быть...

Чтобы добраться в Самоцветные горы, Волкодаву не нужен был караван. Он и так слишком хорошо помнил дорогу. Чтобы попасть внутрь, ему не потребовалась серьга-«ходачиха», вдетая в ухо. Стража при воротах стерегла входы-выходы от беглецов, а не от тех, кто пожелал бы проникнуть извне. Чтобы пройти вглубь, Волкодаву не было нужды ни в налобном светильничке, ни тем более в провожатых... Он не был здесь одиннадцать лет, но рудник с тех пор мало переменялся. Разве что длиннее стали забои, да штреки сделались разветвлённой... Он без большого труда разобрался в их хитросплетениях. И, удержавшись от искушений, миновал подземными переходами множество мест, куда звала его память. Он шёл вниз и не задерживался по пути. Вниз, туда, где за бронзовы-

ми воротами ждал Меч. Меч, способный разрубить самые корни Самоцветных гор и отправить их в небытие. Меч плоть от плоти Тёмной Звезды...

Нет, не так. Звёздный Меч.

— Ты что делаешь, сын шлюхи!..

Окрик старшего назирателя застал Гвалиора на двадцать шестом уровне, когда он растёгивал ошейник, может, двухсотого, а может, двести первого раба: работа у него спорилась. Расковывать оказалось гораздо веселей, чем приковывать, Гвалиор даже удивлялся про себя, отчего такая замечательная мысль не пришла ему раньше.

Каждому из освобождённых было шёпотом, на ухо, велено пробираться наверх, по пути с помощью инструментов выпускать всех, кого удастся. Иные, утратившие способность соображать или слишком потрясённые случившимся, вообще не двинулись с места, но другие сразу поняли, что к чему, и кинулись к лестницам. Должно быть, шум всё-таки начался, да и как ему не начаться, когда приходит в движение тысячное скопище одичавших людей?.. Где-нибудь поймали ненавистного надсмотрщика да скинули в отвесную дудку. Или воткнули вниз головой в бадью для подъёма руды...

И, конечно, переполох никак не мог миновать Церагата. Зря ли говорили на приiske, будто никто и никогда не видал его спящим?

И Гвалиор отозвался раздражённо:

— А то сам не видишь. Людей выпускаю!

Старший назиратель, естественно, был не один, а с десятком подручных. Он указал им на Гвалиора, как указывают врага отвыкшим думать собакам:

— Взять!

Прежние собутыльники, каждого из которых Гвалиор знал в лицо и по имени, шагнули к нему... Первого свалил верзила-опасный, ещё остававшийся прикованным. Могучий парень, не успевший отупеть и превратиться в ходячую тень, подхватил

увесистый обломок породы — и без лишних слов вогнал надсмотрщику голову в плечи. Как ни странно, этого хватило. Церагат заорал на остальных, и они побежали.

Но побежали не вверх, что вроде бы подсказывал простой здравый смысл. Они опрометью кинулись куда-то ещё ниже... Уж не на двадцать девятый ли уровень, который старший назиратель и без того каждый день посещал?..

— Без меня иди, Церагат!.. А с меня хватит!.. — крикнул вслед Гвалиор.

Всё это казалось ему невероятно смешным. Он хохотал так, что не сразу попал ключом в скважину очередного замочка.

Вот так просто?.. Да, вот так просто. Если ЗНАТЬ...

Волкодав стоял перед воротами, — или Вратами, лучше сказать? — чей замок захлопнулся полтора десятка лет назад, однажды и навсегда. Тяжеленная рама была не прямоугольной, как у обычных ворот. Бронзовые створки сходились не в плоскости, а под углом, обращённым *туда*, внутрь... за пределы этого мира. Так, чтобы лучше сдерживать прущую оттуда непредставимую силу. И до сих пор Вратам неплохо удавалось ей противостоять. В ровном, ничем не тревожимом воздухе бывшего забоя золотистый металл даже не особенно потускнел. Лишь по внешнему краю створок и возле петель появилась первая зелень. Да и у неё вид был такой, как будто она не разъесть пыталась Врата, а, наоборот, собою законопатить в них самую-самую щель...

Механизм же замка был залит свинцом сквозь отверстие, предназначенное для ключа. Это отверстие не было сквозным. Но всё равно его для верности ещё и забили тяжёлой бронзовой пробкой.

И вся громада была надёжнейшим образом вмурована, вмазана в стены. Да не в лёгкую пористую породу, служившую ложем опалам — Пламени Недр, как их здесь называли. Врата поставили там, где непрочная каменная пена смыкалась с несокрушимым гранитом. Волкодав помнил разговоры каменотёсов,

готовивших для них место. Бронзовые части отливали каждую по отдельности, спускали сюда и уже здесь пристраивали одну к другой так, чтобы всё сооружение покоилось лицевой частью на обтёсанном граните, прилегая к ней *с той стороны...*

Гранит же был такой, что даже лучшие зубила долго не выдерживали, тупились.

Волкодав невольно взвесил на руке небольшой, но очень тяжёлый мешок, с которым пришёл. Догадка о сущности Самоцветных гор посетила его воистину поздно вато... Угодив затем в Саккарем, он решил, что ему повезло и здесь он найдёт отменную сталь: в конце концов, эту страну населяли потомки людей, некогда обработавших камни крепости на Чёрных холмах. Да и оружие делали — заглядишься... Но Чираха подтвердила своё звание клопиной дыры. Хорошего инструмента там ковать попросту не умели. А потом всё покатилося кувырком, и он понял, что снасть для открывания Врат ему придётся добывать прямо на руднике. Это его не беспокоило. Уж он-то знал: лучшего «сручья»* для работы по металлу и камню, чем могли предоставить Самоцветные горы, не раздобудешь нигде. Так и произошло. В его мешке позвякивало несколько отменных зубил, способных вгрызаться и разбивать любую скалу. Ворота, которым пришлось перекрывать полноразмерный забой, были выше человеческого роста и в добрую сажень шириной. Обколоть их и выворотить из гранита явилось бы чудовищной работой даже для немалой артели, но Волкодав и в мыслях на подобное не замахивался. Ему будет более чем достаточно прорубить малую щёлку. Причём не обязательно пробиваться навывлет. Просто ослабить породу, пустить по ней трещины... а остальное доделает неистовый напор изнутри. Подземный Меч в тысячи раз сильнее тех, что рванулись из-за опаловой глыбы, потревоженной несчастными проходчиками...

Волкодав опустил на колени и стал бережно, вершок за вершком, ощупывать и *ослушивать* камень, примыкавший к

* *Сручье* — инструмент, оснастка, орудие для какой-либо работы.

бронзовой раме. Он не умел посылать рудным жилам мысленный зов и улавливать отклик, как делают лозоходцы. Но способность воспринимать голоса недр, указующие на изъян в крепкой породе или предупреждающие о скором обвале, — есть свойство, без которого в Самоцветных горах не выжить исподничему. Это свойство Волкодав и раньше в полной мере знал за собой. И за минувшие годы оно не оставило его, разве что обострилось. Умеющему *видеть* человеческие намерения камень был тем более готов многое рассказать...

Камень, бесконечно уставший держать на себе Самоцветные горы и скверну, переполнявшую все три Зуба: Большой, Средний и Южный. Волкодав подумал о многих тысячах каторжников, работавших и спавших в тёмных норах забоев. Сколько-то из них — малую толику — успеет выпустить Гвалиор. Кому-то среди этой толики повезёт, и они сумеют выбраться на поверхность... может быть. Но сколько их будет? А сколько уйдёт вместе с рудником и Долиной, уйдёт, проклиная того, кто забрал у них пусть даже такую, но — жизнь?

Волкодав был совсем не уверен, что эти люди действительно станут его проклинать... Он слишком хорошо помнил, как сам таскал кандалы. В те времена он с восторгом благословил бы того из Богов, что Своими молниями обрушил бы каторжные подземелья, навсегда стирая их с лика Земли... Где же ему тогда было знать, что и обычный смертный человек способен на это? Более того — мог ли он предположить, что минует время и на месте этого Бога суждено будет однажды оказаться ему самому?..

...Но хотя бы они и проклинали его, задавленные глыбами, погребённые в рушащихся недрах, заживо съеденные жгучими водами, готовыми хлынуть из разверзшихся бездн... Сколько их? Тысячи. Много тысяч. Каждое лето Ксоо Тарким и подобные ему приводят сюда ещё не менее тысячи. И так — год за годом... уже которое столетие. Так вот. Во имя тех мириадов, что вознеслись отсюда к Праведным Небесам девяноста девя-

ти вер. И тех мириадом, что никогда больше не будут проданы сюда...

Я сделаю это.

А между тем камень под медленно шарящими руками вовсе не собирался обнаруживать слабинку. И, что гораздо хуже, Волкодав начал подозревать, что спокойно доискаться её ему не дадут... если она вообще здесь была. Торопливо перебегая от лестницы к лестнице, вниз спешили люди, по крайней мере одного из которых — старшего назирателя Церагата — он хорошо знал.

Волкодав почувствовал себя почти как семь лет назад, когда он лез подземным ходом в замок одного сегванского кунса, носившего прозвище Людоед. Помнится, тогда он всё время думал о мстителях, чей справедливый поход обрывала судьба — у кого за тридцать земель от цели, а у кого и на самом пороге. И ещё утешал себя тем, что, застряв под землёй, его мёртвое тело, по крайней мере, отравит Людоеда колодец...

Тот раз Боги понаставили у него на пути с избытком дверей, казавшихся неодолимыми, но он сумел их пройти. Иные сам, а одну — с помощью друга... Что же теперь?.. Теперь, когда он воистину пришёл туда, куда должен был прийти?..

Думать об огромности неудачи не было времени. Волкодав положил приготовленные было молоток и зубило и выпрямился, поворачиваясь лицом ко входу в забой. Улыбнулся. Не спеша извлёк из заплочных ножен Солнечный Пламень...

Откуда-то из темноты, трепеща быстрыми крыльями, возник Мыш. И с пронзительным криком упал ему на плечо, цепляясь коготками за плотную кожу одежды. Свободной рукой Волкодав снял его и подбросил, отсылая в полёт:

— Пропадёшь!

Ничего не получилось. Мыш тотчас вернулся и проворно впутался в волосы, а накрывшую руку весьма чувствительно цапнул за палец. Ну что ж... Волкодав обнял ладонями рукоять и поднял меч перед собой, готовясь встретить тех, чьи шаги отдавались под неровным каменным сводом.

И тогда Солнечный Пламень заговорил — во второй, и последний, раз.

— Вечно с тобой так, — отдался в ушах венна голос, похожий на его собственный. — Придумаешь хорошую мысль, а до конца довести не умеешь. Возьми мою силу! И бей!

Как?! чуть не спросил Волкодав, но мир кругом него уже изменился. Он привык ощущать меч продолжением своих рук, своего тела, своей воли. Но такого высшего единства, как теперь, ему никогда ещё не доводилось испытывать. Он сам стал железом и сталью, жизнью и смертью, справедливостью Богов, завещанной свыше благородным клинкам. Человек не может сколько-нибудь долго выдерживать подобное напряжение, но нужды в этом и не было. Церагат с подручными скатились с последней лестницы и бежали к нему по забою. То есть это им так казалось. На самом деле они двигались медленно-медленно, словно пробиваясь в глубокой плотной воде, их рты раскрылись, исторгая почти остановленный крик...

Солнечный Пламень в руках Волкодава обратился в ржавчину мгновенно и весь, от кончика до рукояти, и невесомой пылью облетел на пол. Волкодав отвернулся от надсмотрщиков и посмотрел на Врата.

И это их-то он собирался нескончаемо долго обкалывать никуда не годным зубилом?.. Два тоненьких — пальцем проткнуть — листика бронзы, вдобавок источенные с той стороны едкими подземными соками — вправленные в пронизанный трещинами, готовый рассыпаться камень... Бить? Было бы тут, что бить. Чихнуть погромче, и они рухнут. Ногой топнуть — развалятся...

Усмехаясь, Волкодав обратил ко Вратам раскрытую ладонь. И ладонью несильно толкнул в ту сторону воздух. Этого хватило вполне и даже с избытком. Створки вдавились и смялись, словно в них со всего маху въехал стенобитный таран. Вдавились, смялись и лопнули, точно скорлупа пустого яйца. За ними сверкала острыми гранями первозданная Тьма.

И время снова обрело свой обычный ход.

Волкодав успел услышать одинокий крик серой птицы, летящей в тумане над великой Светынью.

А больше не было совсем ничего.

То, что происходило теперь на руднике, язык не поворачивался назвать ни побегом, ни бунтом, ни даже восстанием. В общем-то началось всё именно с этого, но, когда Южный Зуб жутко содрогнулся от подошвы до самой вершины и со стоном как бы осел — пока ещё незаметно для глаза, но очень внятно для всех прочих чувств, обостряющихся у жителей подземелий, — население обречённого муравейника как-то сразу перестало делиться на надсмотрщиков и рабов и сделалось просто сообществом людей, пытавшихся спасти свою жизнь. Гвалиор размыкал чьи-то цепи, всей кожей чувствуя, как снизу поднимается... нечто. Не обвал и не потоп, — нечто гораздо худшее...

Окончательное.

Гибель грозила не какому-то отдельному забою или даже несколькими уровням. Южный Зуб просто переставал быть. Медленно и неотвратно. Надобно думать, в недрах Среднего и Большого тоже почувствовали признаки беды и подняли тревогу. У них там времени будет побольше. Их счастье. Но и там спасутся не все.

Торопливо распотрошив последний замок, Гвалиор следом за рабами выскочил в штрек. Бегущая толпа подхватила его и повлекла к лестницам. Кто-то лез в бадьи, поднимаемые колёсами, ещё крутившимися наверху. Кто-то тащил обессилившего товарища. Кто-то, наоборот, старался выгадать толику расстояния, сшибив с ног другого. Кто-то уже лежал бездыханным, затоптанный в толчее. У многих цепи выглядели не разомкнутыми, а разбитыми. Пожалуй, таких было большинство. Гвалиор, оглядываясь, побежал вместе со всеми. Одолевая одну из ступенек на следующий уровень, он увидел, как далеко позади, из прохода вниз, ударил прозрачный клинок в сажень шириной. Он коснулся потолка штрека и вошёл в него, почти не встретив сопротивления. Рухнули камни, а по полу штрека покати-

лась кипящая волна пара... или чего-то, отдалённо напоминавшего пар... или чего-то, что вовсе не было паром...

У Гвалиора выросли крылья, он взлетел вверх по лестнице гораздо быстрее, чем когда-либо спускался по ней вниз.

Беда рабов была в том, что, проводя всю жизнь в забое, они не знали расположения подземных ходов. Знали только немногие, ещё некоторым успел объяснить Гвалиор. Из этих некоторых хорошо если десяток не удрал сразу наружу, озаботившись направлять людей, толпами поднимавшихся снизу. Гвалиор со своими надсмотрщиками, сообразившими, что происходит, присоединился к ним и стал указывать дорогу. Каторжане мелькали мимо, и Гвалиор мог бы поклясться, что многих узнал. В том числе многих из тех, кого давно не было на свете. Он дал бы голову на отсечение, что видел в толпе чернокожего Мхабра и маленького подбиральщика, сегвана Аргилу. Дикая мысль посетила его: что же за бедствие ожидало Самоцветные горы, если даже мёртвые покидали их, не смея остаться?..

Когда людской поток поредел, Гвалиор снялся со своего места на пересечении штреков и выбежал в большой зал. Здесь когда-то была «святая» площадка для поединков надсмотрщика и раба; её давно заровняли по приказу старшего назирателя Церагата, ибо на ней произошёл бой, давший начало опасной рудничной легенде. Отсюда было уже недалеко до Западных-Верхних ворот, означавших спасение. На середине зала Гвалиор услышал сзади испуганные крики заблудившихся — и вернулся, чтобы позвать отставших за собой. Скоро мимо него пробежали двое рабов, саккаремец и вельх. Они тащили на плечах безногого калеку, старого халисунца Динарка. Тот клял их страшными словами, обзывая вырожденками мулов, опившихся ослиной мочи... и умолял бросить его, не отягощать своего бегства. Гвалиор указал им правильный путь, заглянул в глубину штрека, убедился, что там больше никого не было, — и снова во всю прыть рванул через зал.

И там, посередине, на бывшей «святой» площадке, его догнало то самое нечто, поднимавшееся из растревоженной глубины.

В спину дохнул жар, равного которому нельзя ощутить, даже сунув руку прямо в огонь, и почти тотчас его ступни окунулись в то, от чего исходил этот чудовищный жар. Гвалиор посмотрел вниз, увидел, как мгновенно вспыхнули сапоги, и больше вниз не смотрел. Он вообще перестал о чём-либо думать и просто бежал, срывая голос от ужаса, — так, как никогда в жизни не бегал и уж точно более не побегит. Через «святую» площадку, якобы сработанную некогда то ли Горбатым Рудокопом, то ли Белым Каменотёсом. Дальше через зал и потом в длинную штольню, выводившую к Западным-Верхним...

И только когда ворота остались позади, а под ногами уверенно закрипел снег, Гвалиор опустил глаза посмотреть, есть ли у него ещё ноги. Он увидел, что прочные сапоги сгорели дотла и рассыпались пеплом, и вместе с ними сгорели кожаные штаны до самых колен. Но на ногах остались шерстяные носки, связанные конопатой, и эти носки были целёхоньки. И ноги в них — тоже.

Гвалиор заплакал, давая себе и Божьим Небесам какие-то клятвы, которых не взялся бы осознанно повторить. И побегал дальше, потому что останавливаться на склоне Южного Зуба, уходившего в небытие, было нельзя. Судьба судила ему оказаться одним из последних, кто спасся.

Эврих смотрел в небо, и то, что он там видел, вызывало желание немедленно преклонить колена в молитве. С севера на Самоцветные горы надвигалась туча, которую можно было смело назвать праматерью всех гроз этого мира. Она наводила на мысль о Небесной Горе его веры, седалище и святыне аррантских Богов. Она была громадна, как может быть громадно лишь нечто, порождённое Небесами. Она плыла над величественными, окутанными снеговой дымкой хребтами, и те у её подножия казались кучками песка, насыпанными в детской игре.

Она шла со стороны, противоположной солнцу, и оттого казалась особенно непроглядной.

Так вот чем разрешалась предгрозовая жара, все последние дни кутавшая, как одеялом, северный Саккарем, вот откуда исходили раскаты далёкого грома, словно бы копившего силы перед наступающей битвой...

— Странно, — сказал купец Ксоо Тарким.

Эврих вздрогнул, возвращаясь к реальности, но оказалось, что торговец рабами имел в виду вовсе не необычность небесных явлений. Его заботили совсем другие дела. Он пояснил:

— Здесь нас раньше всегда встречал рудничный распорядитель... Э, а это ещё что такое?..

Его караван одолевал подъём к последнему перевалу. Уже хорошо были видны все три Зуба, подъездные пути и чернеющие ворота штолен на склонах... Вершины покрывал никогда не таявший снег, и ветры высокогорий тревожили его, забавляясь, пуская в полёт тончайшие, пронизанные радужным солнцем плащи. Сегодня эти плащи в самом деле выглядели более чем необычно. Так, как если бы их составляли не ледяные кристаллы, удерживаемые движением воздуха... а пар, бьющий откуда-то снизу.

Вроде бы ко всему привычные лошади, тянувшие повозку, всё неохотнее продвигались вперёд, возница ругался и щёлкал кнутом. Они выбрались на самый гребень перевала... и тут кони остановились уже окончательно, и никто больше не гнал их вперёд.

Теперь были видны зевы не только самых верхних штолен, но и нижние выходы, расположенные почти у подножий... И вот из них-то тугими толстыми струями исходил пар. Караван Ксоо Таркима ещё отделяло от них изрядное расстояние, но и здесь, на другом краю обширной долины, уже начинали чувствовать толчки. Это не были толчки обычного землетрясения. Где-то отделялись неимоверно громадные глыбы и медленно погружались, плавно падали вниз, и эхо их падения заставляло содрогаться горную дорогу под ногами людей. Коня стояли, крепко упираясь копытами и пригнув головы, как против сильного ветра. Они не срывались бежать, потому что здесь им ничто не

грозило и они это знали. Но вот сделать хоть шаг дальше их не заставила бы никакая сила на свете.

Струи пара появлялись из всё новых штолен, выше и выше... Даже горный ветер, напоённый морозом вечных снегов, не мог сразу охладить их и развеять, и они султанами уходили ввысь, собираясь в плотное облако. Там, где они тянулись по склонам, снег и лёд быстро истаявали, обнажая мокрые скалы... И те — или это казалось? — очень скоро начинали терять угловатые очертания, оплывать... Что-то подтачивало горы изнутри, неотвратимо пробиваясь наружу. Горный воздух сообщает глазам необыкновенную зоркость, и Эврих обратил внимание на тёмные пятна, расползавшиеся от гор в разные стороны, в том числе и к перевалу, где стоял караван. Аррант не сразу сообразил, что это бежали сотенные, если не тысячные толпы людей.

Ему со спутниками выпало присутствовать при окончании истории Самоцветных гор. И поистине страшен был этот конец.

Язва, много веков осквернявшая тело Земли, наконец-то вызрела и собиралась прорваться.

Потом Эвриху показалось, будто Южный Зуб, гуще двух других окутанный паром, начал словно бы уменьшаться... Аррант даже зажмурился, смаргивая излишнее напряжение... Нет, зрение не обмануло его. Громадная гора проваливалась, падала внутрь себя, уходила вниз, как если бы её подошва утратила под собою опору.

Другое дело, такое движение по самой природе своей не может быть ни стремительным, ни даже быстрым. Так — медленно и величаво — падает громадное дерево, подрубленное в лесу. Так опрокидывается волна, порождённая океанским накатом...

Солнце скрылось, и сразу стало темно. Из грозовой тучи ударила первая молния. Она залила всю долину трепещущим мертвенным светом и пришлась как раз в вершину рушившейся горы. Эврих не был уверен, слышал ли он громовый раскат. Молния заставила его вскинуть голову, и его потрясло то, что

он увидел сверху. Облако, образованное поднявшимся паром, на глазах обретало некий внутренний порядок, облик и жизнь. В небесах над горами вставал на дыбы, бил копытами чудовищный конь, и сидевший в седле не сдерживал разъярённого скакуна. Одна его рука простиралась над гривой жеребца, другая тянулась к мечу...

Средний Зуб, а за ним и гигантский Большой начинали крениться, нависая над проваливавшимся Южным, готовясь уйти туда же, куда уходил он...

Снизу бил уже не просто пар, но струи чего-то более плотного, сверкавшие в свете молний, подобно мечам. Там, где они ударялись о склоны кренящихся гор, могучие скалы взлетали, словно комья грязи, подброшенные пинком, и крошились на лету в пыль.

Эврих увидел лицо Ксоо Таркима. Торговец рабами что-то истошно кричал, размахивая руками и указывая назад, на дорогу, откуда они приехали. Эврих удивился, осознав, что не может разобрать ни звука, и только тут понял, какой силы гром исходил от гибнувших гор. Кажется, Тарким призывал к немедленному и поспешному бегству. Эврих отвернулся от него и снова стал смотреть вдаль.

Прихоть обезумевших ветров на какой-то миг раздвинула погребальный саван пара, окутавший едва не треть горизонта, и Эврих увидел то, о чём рассказывал ему никогда не бывавший там Волкодав: Долину, лежавшую позади рудника. Круглую каменную оспину-«цирк», место странных пузырчатых холмов и роскошного леса, выросшего на идущем снизу тепле. Там обитали Хозяева, там помещалась Сокровищница, собравшая лучшие камни, когда-либо добытые и обработанные в Самоцветных горах... Теперь поперёк Долины пролегла широкая трещина, и из неё многовёрстной стеной вздымался... не огонь, что-то гораздо хуже и смертоносней огня. Лес оставался зелёным лишь у отвесных обрамляющих стен, на остальном пространстве Долины он был чёрен и мёртв, и что там теперь делалось, человеческий ум отказывался постигать. Эврих увидел,

как исполинский ломоть земли с холмами и остовами домов откололся от края, утрачивая опору, и начал опрокидываться, точено льдина на вздыбленной половодьем реке...

Камни Сокровищницы, не имевшие выражаемой числами цены, уходили туда, откуда пришли, и с ними уходил их древний Хранитель. Может, он был даже рад такому окончанию своего долгого, слишком долгого века. И уж вовсе не подлежало сомнению, что ни один из смертных ещё не устаивался столь драгоценной гробницы, — и вряд ли удостоится впредь...

А люди снизу всё бежали, отчаянно бежали по рушащейся под ногами земле, — вверх по склонам, туда, где была надежда спастись. Эврих время от времени поглядывал на толпу, волею случая избравшую для бегства подъездной тракт, выводивший как раз к «их» перевалу. Люди успели взобраться достаточно высоко, они были на расстоянии, которое Эврих отважился бы назвать близким. Он уже различал отдельные лица, когда сразу два Зуба — Средний и Большой — всё-таки начали разваливаться и рушиться туда, где раньше стоял Южный, а теперь клокотала поглотившая его прорва — месиво из тающего камня и чего-то, что казалось водой, но, наверное, всё же не было ею, потому что не может, не имеет права быть на свете подобной воды.

Под тяжестью падающих навзничь гор прорва тяжело всколыхнулась... и выстрелила в разные стороны густыми фонтанами этой самой не-воды пополам с камнем и паром. Как лужа, по которой топнул ногой великан.

Один из фонтанов, тяжеловесно взметнувшись, помешкал в измерявшейся сотнями саженей вышине... и начал невыносимо медленно оседать... прямо туда, где из последних сил бежали вверх почти уже спасшиеся люди. Ветер, подувший со стороны гор, стал вдруг ощутимо горячим...

— Афарга!.. — закричал Эврих, но лишь зря надорвал горло. Его голос был так же беззвучен, как и все прочие голоса — кроме голоса Земли, корчившейся в очистительных муках.

Однако крик не понадобился. Афарга увидела то же, что и аррант. С плеч девушки упал на дорогу меховой плащ, которым она укрывалась от горного холода... и в луче света пронзительно вспыхнуло огненно-алое одеяние. Афарга вскинула руки, словно поднимая над головой остроконечный щит своей родины... Его можно было даже увидеть. Там, высоко, где ударились о преграду падавшая из-под облаков смерть. Не зря жили одиннадцать поколений Тех-Кто-Разговаривает-с-Богам. Их наследница отдавала всё, что было завещано ей ушедшими в Прохладную Тень, и щит выдержал. Клубящаяся смерть стекла по нему и обвалилась на склон гораздо ниже бегущих. Тень Мхабра улыбалась на небесах, видя подвиг младшей сестрёнки. Афарга зашаталась, у неё ослабели колени. Тартунг подхватил её на руки и увидел, что девушка торжествовала. «Ты видел! — прочитал он по движению губ. — Я могу не только сжигать...» Потом она закрыла глаза.

А Эврих тщетно искал Волкодава среди спасшихся, достигших наконец каравана.

Между тем Волкодаву уже не было особого дела ни до Самоцветных гор, ни до иных забот и хлопот этого мира. Так оставляют душу переживания дальней дороги, когда человек наконец открывает калитку и возвращается ДОМОЙ.

Его только слегка удивило, когда, шагнув за порог смерти, он не обнаружил себя на уводящем круто вверх каменистом откосе, о котором учила его вера. *Камни под ногами окажутся прижизненными поступками, с детства знал Волкодав, и одни будут надёжной опорой твоему восхождению, а другие сразу покатятся вниз...*

Ничего подобного: он стоял на цветущем лугу, на роскошной мягкой траве. Он в недоумении оглянулся и увидел этот откос у себя за спиной. И там, далеко внизу, в иных сферах бытия, что-то происходило. Неистово вихрились чёрные и белые облака, били исполинские молнии, вздымались и опадали неправдоподобные тени... Смотреть туда было всё равно что

вспоминать позавчерашний сон, к тому же несбывшийся, и Волкодав пошёл вперёд, с наслаждением ступая босиком по тёплой земле. Любопытный Мыш немедленно снялся с его плеча и помчался исследовать новое и необычное место. Он был по-прежнему с Волкодавом, да и могло ли случиться иначе?.. Венн поправил за спиной Солнечный Пламень и двинулся следом за ним.

Он едва успел сделать несколько шагов, когда из травы перед ним поднялось величественное Существо. Могучий Пёс такой мудрости и благородства, что захотелось немедленно склониться перед ним до земли, — Волкодав понял, что встретить его вышел сам Предок.

Каково же было его изумление, когда Предок... первым поклонился ему. А потом, выпрямившись и встряхнувшись, накинул ему на плечи свою искрящуюся, живым золотом и серебром затканную шубу.

Это была величайшая честь, которой Предок мог удостоить Потомка.

Когда беглецы увидели реку Ёль, стало ясно, которая из двух сестёр больше отвечала Матери Светыни и норовом, и красой. Челна, хотя вроде бы давала всему руслу «чело», была неторопливой, мутноватой и сонной. Ёль же падала с севера хрустальным потоком, разогнанным в гранитных теснинах, налетала с такой стремительной удалью, подхватывая сестрицу, что та, ни дать ни взять оробев, в месте слияния давала изрядный крюк к югу.

Тут уже от лодки стало совсем мало проку. Течения Ёли ей было не одолеть даже под парусом, тем паче на вёслах.

Одно утешало: от стрелицы* было уже не так далеко до заветных кулижек. Может, хоть они оградят?..

Лодку загнали в тихую заводь, в заросли ивы, и там тщательно спрятали. Хотя не подлежало сомнению, что если псиглавцы доберутся сюда, то найдут её без труда. А ведь они добе-

* *Стрелица* — мыс, образуемый слиянием двух рек (или разделением на рукава). Теперь мы чаще говорим «стрелка».

ругся. И найдут. Такова была слава этих людей. Встав однажды на след, они его не теряли. И не прекращали погони.

— Были вы мне доброй семьёй... — ступив на берег, сказала Эрминтар. — А теперь не поминайте лихом... Бегите.

В лодке, под парусом, у послушного руля, она в самом деле выглядела прекрасной. Сухой берег вновь сделал её неповоротливой и неуклюжей, негодной к поспешному бегу сквозь лес и кусты, вверх-вниз по каменистым холмам.

Оленюшка покачала головой.

— Мы — венны, — сказала она. — И ты тоже наша теперь. А у нас сестриц не бросают.

Шаршава, не тратя зря времени, припал на колени:

— Полезай на закорки.

От его левой руки по-прежнему не было проку, но ноги держали крепко. Уж как-нибудь хватит их крепости и на двоих.

Осень богато разукрасила северный лес, подарив вкраплениям лиственной зелени богатство всех мыслимых красок. Красавица Ёль лежала в берегах, словно драгоценное отражение неба. Её сапфирную синеву постепенно затягивала мутно-белёсая пелена. В юго-западной стороне горизонта уже не первый день почти неподвижно стояла ровная стена облаков; сегодня с утра эти облака взялись вдруг набухать, темнея и разрастаясь, и в дыхании ветра начал чувствоваться тот особый острый холод, что предвещает появление снега.

— Буря идёт, — сказала Заюшка.

Они с Оленюшкой несли детей. Псы трусили по пятам, навьюченные поклажей.

— Может, следы заметёт? — понадеялась Эрминтар.

Выросшая на острове посреди моря, она ничего не смыслила в лесной жизни.

— Обязательно заметёт, — сказал ей Шаршава.

Он-то знал, легко ли сбить со следа натасканную ищейку. Тем более такую, какими были «гуртовщики пленных», поколениями охотившиеся на людей. Ещё он, как любой венн, знал травы, отшибающие нюх у собак. Но эти травы нужно было ещё

разыскать, собрать, приготовить, на что никто не намерен был давать им время... да и какая сила в них сейчас, в травах, когда всё засыпает, всё готовится под снег уходить?..

Что ж, у него был за поясом добрый дроворубный топор. И в правой руке ещё оставалось достаточно силы. Сразу его не повалят. И, может, хоть кто-то из девок успеет-таки добежать до кулижек. Детей донести...

Тучи разворачивались огромными крыльями. Шаршава оглянулся с вершины холма, и ему померещились в них, очень далеко, мертвенные отсветы молний. Там, на юге, упираясь белой макушкой в самые что ни есть небесные своды, стояла грозная «наковальня» — только превосходившая всё, что Шаршава до сих пор видел. Тем не менее в воздухе пахло по-прежнему снегом, а не дождём.

Край туч подобрался к солнцу, висевшему по-осеннему низко, и река Ёль обратилась в свинец. Угасли и все прочие краски: надвигалась первая в череде предзимних непогод, после которых от роскошных лесных нарядов останутся одни голые прутья. Ветер стал ощутимо порывистым. Потом на траву начали ложиться густые липкие хлопья. Кузнец вновь обернулся и увидел, что холмы на дальнем берегу Челны сделались едва различимы.

Резче прежнего дохнул ветер и принёс голоса своры, выпущенной по следу.

— Ох... ох-ох-ох... ох... ох-ох-ох... — неторопливо и грозно выводили самые низкие.

— Ах, а-ах! Ах, а-ах! — с кровожадной уверенностью вторили более высокие.

— Иииии-ууууу!!! — тянули самые пронзительные.

Всё вместе складывалось в хор, поистине жуткий и потрясающий. В нём не было слов, но беглецам они и не требовались — и так прекрасно понимали, о чём поют.

Это была древняя, как само время, Песнь Ночи... Песнь длинных клыков и железных челюстей, мозжащих живое. Никому в здравом уме не хотелось бы услышать её у себя за спиной. Шаршава вздрогнул и побежал, и одновременно с ним побе-

жали храбрые девки. Псы шли рысью, то и дело оглядываясь. У Застой клочкотал глубоко в груди глухой, грозный рык.

Там, где Ёль изгибалась, словно кибить натянутого для выстрела лука, стало окончательно ясно: уйти не удастся.

— Ты ступай, сестрица любимая, — напутствовали девки плачущую Эрминтар. — Поспешай. Деток сбереги...

Заюшка всё пыталась ей объяснить, какую как звали, но поняла, что толку не получится всё равно, и замахала руками: поторопись! Может, успеешь... У них с Оленюшкой тоже было оружие — ножи да топорики, без которых не пускается в странствие ни один правильный венн. Они встали рядом с Шаршавой, перекрывая неровный след Эрминтар. Всех не всех, но кого-нибудь они да положат, а остальных на время займут. Глядишь, таки доковыляет хроменькая до обетованных кулижек...

Застоя с Игрицей, держа пышные хвосты флагами, вышли вперёд. Кто налетит первым, узнает их зубы. И сокрушительную мощь яростных пастей, способных раздробить всё, что в них попадёт. Настоящие веннские волкодавы — это вам не какие-нибудь «гуртовщики пленных», привыкшие ненаказуемо рвать беспомощных и безоружных... Это — воины. Ну?! Кто сунется?!

...А вот и сунутся. Пелена летящего снега многое скрадывала, загораживая от глаз, но плотные тени, равномерно подскакивавшие, как поплавки на волнах, и каждая — с двумя рубиново горящими огоньками, — угадывались сразу и безошибочно.

Вот она, стало быть, и пришла. Последняя битва...

Торопится время, течёт, как песок,
Незванная Гостья спешит на порог.. —

всплыло в памяти у Шаршавы.

С деревьев мороз обрывает наряд,
Но юные листья из почек глядят.
Доколе другим улыбнётся заря,
Незванная Гостья, ликуешь ты зря...

Он чуть не запел древнюю Песнь вслух. Крик Оленюшки отвлёк и остановил его. Шаршава посмотрел туда, куда указывала её вытянутая рука.

Первым, разорвав быстрыми крыльями снежную пелену, с воинственным воплем пронёсся крылатый зверёк — чёрный, большеухий, пушистый.

А за ним, в струях липкого снега, словно выткавшись из этих струй, возник ещё один пёс... Хотя нет, всё не так. «Ещё один» — это сказано не про него. Окутанный пепельным саваном метели, к ним без великой спешки приближался кобель, рядом с которым сам Застоя сразу показался безобидным щенком. По траве ступал Пёс из тех, кого немногие счастливые охотники, один раз увидев, потом вспоминают всю жизнь. Гордый, громадный, широкогрудый, одетый в словно бы мерцающую собственным светом, живым золотом и серебром затканную серую шубу...

Страшный справедливостью своей силы.

А на ошейнике, вправленная в крепкую кожу, залепленная снегом, но всё равно явственно видимая, сверкала гранёная бузина.

Подожёл — и Застоя упал перед ним на брюхо, как ничтожный щенок — перед властным повелевать Вожаком...

И только рвавшиеся к добыче «гуртовщики» не почувствовали ничего необычного и не остановились. Собственно, они уже не были собаками в полном смысле слова, разве лишь по внешнему облику, точно так же как и их хозяева, псиглавцы, уже не были в полном смысле людьми. Мчавшиеся на четырёх лапах создания не знали ни чести, ни уважения, ни пощады старым и слабым. Они памятовали только одно. Догони! Разорви! Убей!

Они налетели...

Молодого и ретивого предводителя свалил угодивший между глаз болт, пущенный из самострела. Это обернулась к погоне замаявшаяся удирать Эрминтар. Лежал, оказывается, в её сумке с пожитками не один только вязальный крючок...

Свирепую суку, наметившуюся было в обход, — мстить за дружка, — перехватила Игрица. Сцепившись, они покатались по забитой снегом траве, крича от раздирающей ярости.

На Застое повисло сразу несколько кобелей. Он ощутил в зубах чьё-то горло — и сдавил, пустив в ход всю мощь челюстей, и выдавил жизнь, как выдавил бы из волка, потому что здесь тоже был не поединок ради чести, а смерть. Его хозяйка замахнулась острым топориком, бросаясь на подмогу любимцу.

Оленюшка воткнула кулак с ножом в разинутую пасть, взметнувшуюся навстречу. Обух в другой руке довершил дело, погасив светящиеся яростью глаза. Может, этого и не хватило бы, но под лопаткой бешеной твари уже торчал второй болт, нацеленный Эрминтар.

Шаршава свой топорик давно потерял и не мог наклониться за ним, потому что тогда его сразу сбили бы с ног. Он сам ухватил пару гладкошёрстных лап, отмеченных бледно-бурыми полосами, — и пошёл охаживать прочих ещё живой тушей, словно дубиной. Он гвоздил и гвоздил, одними костями сокрушая другие, не считая убитых врагов и не замечая ран, достававшихся ему самому, и всё пытался найти глазами Эрминтар, чтобы крикнуть, приказать ей: «Уходи!..» — ибо понимал, что против своры «гуртовщиков» им не выстоять всё равно. Ещё немного, и их повалят одного за другим, и тогда...

А потом, как-то неожиданно, кругом сделалось пусто. Биться стало не с кем. Кузнец отшвырнул измочаленный остов, утративший даже отдалённое сходство с ладным живым существом, и огляделся.

Две ищейки — кажется, последние уцелевшие, — удирали, поджав хвосты, прочь. Вернулись ли они к своим хозяевам, так и осталось не ведомо никому; дело в том, что псиглавцев с тех пор и самих никто больше не видел. Разбрелись ли они, почувствовав себя ни к чему не пригодными без наводящей страх своры? Или просто погибли, застигнутые суровой зимой посреди чужой и обиженной ими страны?..

...Игрица, поскуливая, облизывала морду Застои, умывала друга от крови. Кобель, не успевший толком отойти от боевого угара, отворачивался, люто озираясь: где? что?.. кого ещё рвать?..

Заюшка бежала туда, где неловко сидела в снегу так и не влезшая на безопасное дерево Эрминтар. Сегванка, бросив са-мострел, прижимала к груди два тёплых кулька. Кошка выгибала спину, стоя у неё на плече...

И легче лёгкого было определить, в каком месте злее всего кипела неравная битва.

Там теперь стояла на коленях Шаршавина названная сестрица. И обнимала сплошь окровавленного Пса, покоившегося на куче вражеских тел. Было видно, что собаки наёмников налетали на него, как прибой на скалу. И, как тот прибой, откатывались обратно. Кроме тех, что оставались бездыханными лежать на земле. Оленюшка плакала, обнимала своего спасителя и гладила, гладила...

Шептала что-то ему на ухо.

Называла какое-то имя...

Большая летучая мышь сидела у неё на плече, словно у себя дома.

Шаршава увидел, как Пёс приподнял голову и ткнулся носом ей в щёку. А потом... Потом серая шуба под рукой Оленюшки вдруг подалась и стала спадать, открывая израненное и голое человеческое тело. Метель ещё длилась, не давая видеть впереди стену красного леса, но вместе с ветром, сквозь ветер и снег в лица людям с северной стороны веяло чем-то бóльшим, чем просто тепло. *Входите, детушки, входите, долгожданные. Вы здесь дома, вы здесь свои...*

По реке Край, именуемой саккаремцами Малик, а соседями-халисунцами — Марлог, прокатился со стороны гор косматый вал наводнения. Он многое смёл и попортил, пощадив только пограничный остров Хайрог и одноимённую деревню на нём, в разное время принадлежавшую то Саккарему, то Халисуну. Жители

деревни истово молились, вознося благодарение кто Богине, кто Лунному Небу за то, что им досталось для жительства такое доброе место. И лишь старый мастер, возведший на своём веку не один десяток мостов, удовлетворённо гладил длинную бороду и с торжеством говорил двоим своим молодым нанимателям: «Ну? Убедились, что я вправду *знаю*, где строительство затевать?..»

Спустя месяцы, когда гнев Богини, излитый на многогрешную землю, окончательно утих и подземные содрогания прекратились, не в меру любопытные люди отправились посмотреть, что же стало на месте каторжного рудника. Снарядил поход солнцеликий шад Саккарема, а возглавил его учёный аррант, Лечитель наследницы по имени Эврих из Феда.

Дорога оказалась местами очень сильно разрушена, а кое-где и завалена. Но любовь к знаниям есть одно из сильнейших человеческих побуждений, и, будучи таковым, не признаёт неодолимых преград. Эврих со спутниками осилили весь путь до конца, несмотря даже на то, что скоро были вынуждены оставить лошадей и день за днём пробираться пешими в глубину горной страны.

Выйдя на достопамятный перевал, они увидели перед собой обширное озеро... Дыхание подземного тепла ещё не дало ему зарости льдом, и даст ли — неведомо. Вода в озере даже под пасмурным небом была ярко-бирюзового цвета. Она не отражала окружающих пиков. Над поверхностью бродили колеблемые воздухом завитки и волокна тумана... Густые испарения обнимали подножие большой скалы, одиноко возвышавшейся посередине.

Со стороны не завала скала напоминала коня, скачущего по предрассветной степи. Верхом на коне сидели двое. Мужчина и женщина.

Походники долго смотрели на них, стоя на изломанном гребне бывшей дороги... Эврих с Тартунгом и Афаргой. Дикерона, Поющий Цветок, Шамарган. Однорукий Аптахар. И кунс Винитар с молодой супругой — кнесинкой Елень.

По пути назад Дикерона вдруг начал скрести пальцами шрамы, бугрившиеся у него на месте глаз, и на чём свет стоит клясть Волкодава.

По одной из бесчисленных дорог степного Шо-Ситайна семенил маленький ослик. На нём ехала маленькая седовласая женщина в серых шерстяных шароварах и синей стёганой безрукавке. Вечер уже зажигал малиновым огнём вершину далёкого Харан Киира. Кан-Кендарат не спеша ехала на восток, навстречу сгущавшейся тени и зеленоватому серебру полной луны, и гадала про себя, встретится ли ей сегодня её Подруга.

Она очень обрадовалась, увидев её впереди, сидевшую на камне возле края дороги. Кан-Кендарат покинула седло, женщины поклонились друг другу и пошли дальше бок о бок, беседуя и смеясь.

И лишь очень внимательный наблюдатель заметил бы, что ни та, ни другая не касалась ногами земли.

В веннских землях стояла коренная зима. Дремали занесённые глубоким снегом леса, белыми дорогами лежали укрытые толстым льдом реки, и солнце розовело в морозной дымке, восходя над крышами разбросанных далеко одна от другой деревень.

В такую вот палючую стужу, когда плевков мёрз на лету, к околице рода Синицы вышел чужой человек. Неведомо как продрался он через густые чащобы, не зная пути, и свалился у открытых ворот, потеряв последние силы.

Первыми его нашли, конечно, собаки, на лай прибежали дети, потом взрослые. Человек был близок к смерти, но ещё жив. Венны отнесли его в большой общинный дом, стали отогревать и выхаживать.

Вначале он показался им стариком: измождённое лицо, длинные белые волосы и борода, почти сплошь седая. Он был жестоко простужен, очень кашлял и долго не мог выговорить разумного слова. У него была при себе почти пустая котомка.

Единственной вещью, отыскавшейся в ней, был маленький стеклянный светильник. Венны заботились о больном, кормили с ложечки, поили добрыми снадобьями на медвежьем сале и на меду. Когда немочь стала мало-помалу его отпускать, с ним сумел объясниться Горкун, ездивший торговать в стольный Галирад и знавший много разных наречий. Он же, Горкун, определил, что чужой человек был жрецом Богов-Близнецов, мало ведомых веннам. Свидетельством тому было одеяние, красное справа и зелёное слева, когда-то яркое и красивое, но теперь почти утратившее цвета.

Чужой человек, да ещё больной, — что дитя. Веннские дети подружились с пришельцем, стали понемногу учить его своему языку. Он оказался понятливым и к первым оттепелям неплохо овладел правильной речью. Однажды он попросил мальчишек смастерить ему костяное писало и надрать гладкой берёсты с поленьев, приготовленных для очага.

— Зачем тебе? — спросили его.

Жрец, раньше звавшийся Хономером, ответил:

— Запишу ваши сказания...

11 января 2000 — 21 июля 2003

Содержание

ЗНАМЕНИЕ ПУТИ

1. Ожидание.....	8
2. Знамение	44
3. Мост через реку Край	112
4. Завязать узел	155
5. Пиво и пироги	199
6. Светоч негасимый	242
7. Не покидай меня	289
8. За Челну, на кулижки	329

САМОЦВЕТНЫЕ ГОРЫ

1. Остров Закатных Вершин	368
2. На ясный огонь	409
3. Родня по отцу	464
4. Целитель и Воин	517
5. Доказательство невинности	570
6. Прекрасная Эрминтар	618
7. Оборотень, оборотень, серая шёрстка.....	651

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква****

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытищи, Мытищи,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000**

**Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>**

Семёнова, М.

С30 Волкодав: Знамение пути. Самоцветные горы : [романы] / Мария Семёнова. — М.: АСТ; СПб.: Азбука-классика, 2007. — 698, [6] с.

ISBN 5-17-023904-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-352-00814-2 («Азбука-классика»)

«Волкодав».

Роман, впервые опубликованный в 1995 г.

«Первая ласточка» и одновременно ВЕЛИЧАЙШИЙ ШЕДЕВР абсолютно неизвестного ранее жанра — «славянской фэнтези».

Роман, за которым последовали продолжения — «Волкодав. Право на поединок», «Волкодав. Истовик-камень», «Волкодав. Знамение пути» и «Волкодав. Самоцветные горы».

Сага о приключениях последнего воина из славянского рода Серого Пса продолжается — и по-прежнему заставляет биться сильнее сердце МИЛЛИОНОВ поклонников «славянской фэнтези» — и таланта Марии Семеновой!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)-44

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу.
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 615-43-38, 615-01-01, 615-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Литературно-художественное издание

Семёнова Мария
Волкодав
Знамение пути
Самоцветные горы

Художественный редактор *О.Н. Адашкина*
Компьютерная верстка. *С.Б. Клещев*
Технический редактор *О.В. Панкрашина*

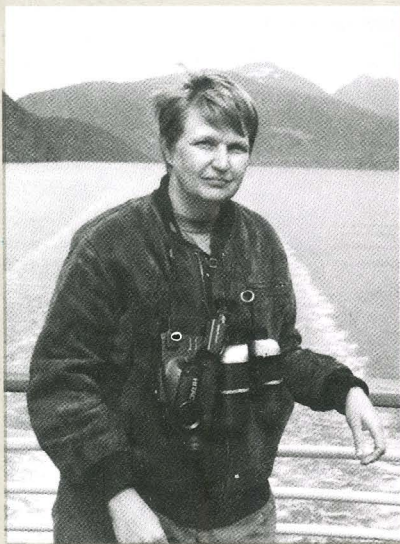
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2, 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77 99 02 953 Д.003857.05.06 от 05.05 2006 г

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail. astpub@aha.ru

Издательство «Азбука-классика»
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.
www.azbooka.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

Мария Семёнова родилась в Ленинграде в семье ученых. После окончания ЛИАПа десять лет работала инженером в НИИ. С 1991 года член Союза писателей, автор множества исторических, приключенческих и детективных романов, а также популярной энциклопедии «Быт и верования древних славян». В 1995 году роман Марии Семёновой «Волкодав» открыл читателям новый жанр — «русская фэнтези».

«Волкодав».

Роман, впервые опубликованный в 1995 г.

«Первая ласточка» и одновременно **ВЕЛИЧАЙШИЙ ШЕДЕВР** абсолютно неизвестного ранее жанра — «славянской фэнтези».

Роман, за которым последовали продолжения — «Волкодав. Право на поединок», «Волкодав. Истовик-камень», «Волкодав. Знамение пути» и «Волкодав. Самоцветные горы».

Сага о приключениях последнего воина из славянского рода Серого Пса продолжается — и по-прежнему заставляет биться сильнее сердца **МИЛЛИОНОВ** поклонников «славянской фэнтези» — и таланта Марии Семеновой!

«"Волкодав" — чтение для всех, кто читает... Семёнова не столько будит историческое самосознание, сколько формирует его».

«Независимая газета»

«Можно ли описать придуманный мир с точностью этнографа и с занимательностью иллюзиониста? Оказывается, можно. В романе Марии Семёновой "Волкодав" на читателя обрушивается такое количество точнейших деталей древнего мира, что не поверить в его полную реальность даже ученому человеку невозможно».

«Огонек»

«Да что там обычный читатель! "Волкодавом" и "Валькирией" Марии Семёновой зачитывался даже Институт археологии».

«Московский комсомолец»

ISBN 5-17-023904-1

9 785170 239047